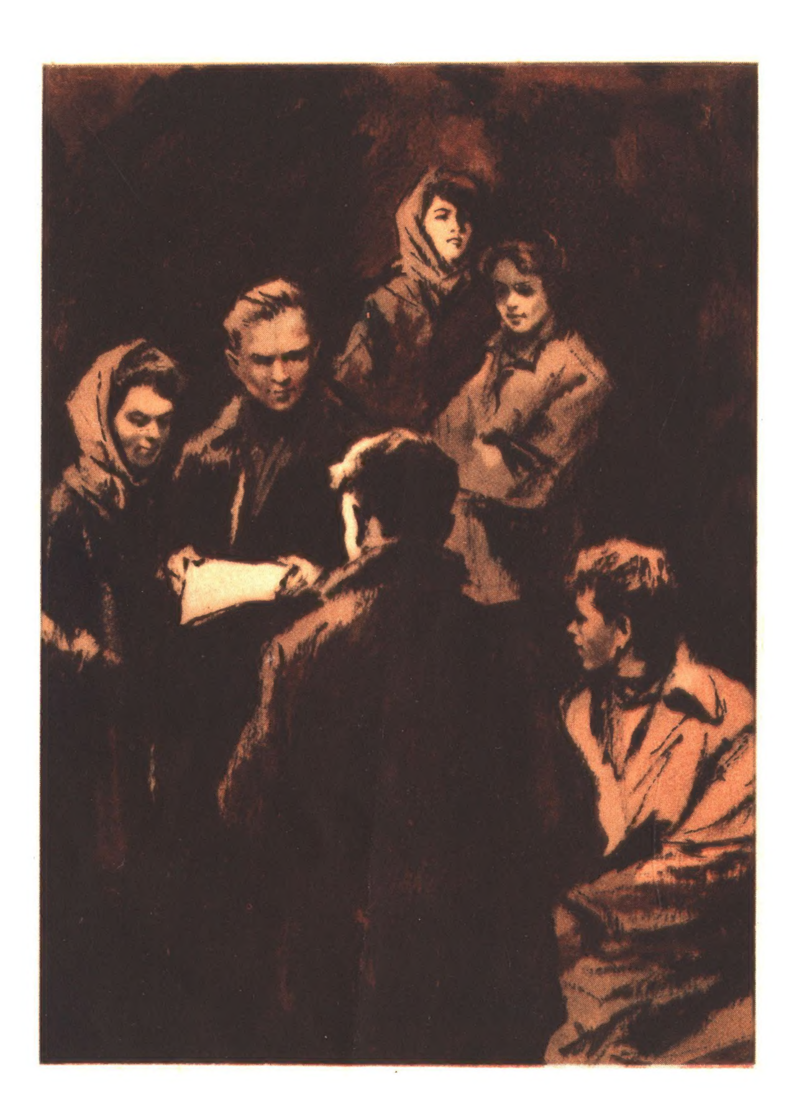
ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ

ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ

В шестнадцать мальчишеских лет

РОМАН

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1958

Памяти Героя Советского Союза Алексея Семеновича Шумавцова и его боевых друзей, людиновских комсомольцев, посвящается эта книга.

ПРОЛОГ

Казалось, вахтеру очень не хочется открывать калитку. Пожилой, с седыми усами, в зеленом кителе, он двигался словно в полусне. Коричневые от махорки пальцы неловко скользили по блестящей стальной щеколде. Наконец, тяжелая калитка, скрипнув, приоткрылась. Но вахтер придержал ее ногой, обутой в пыльный брезентовый сапог. Его усы дрогнули, Аксенов скорее угадал, чем услышал:

— Документ.

Он поспешно полез за пазуху, вытащил потертый клеенчатый бумажник, достал лоснящийся, хрустящий бланк с лиловой печатью и протянул вахтеру, нетерпеливо думая: «Скорее! Ведь знаешь же, что все в порядке!» Вахтер, выразив на лице сомнение, поднес справку к глазам и медленно зашевелил губами. Он долго поглаживал и ощупывал бумажку, точно не в силах был с нею расстаться. Аксенов даже начал тревожиться. В конце концов, вахтер вернул бумажку и, тяжело вздохнув, словно пожалев, что священнодействие так быстро окончилось, толкнул скрипнувшую калитку. И если бы Аксенов взглянул на него в эту минуту, он увидел, что физиономия вахтера расплылась в добродушной, сочувственной улыбке. Но Аксенов не обернулся, он жадно смотрел вперед. Перед ним были чисто вымытое крыльцо, посыпанная желтым песком дорожка и полосатый шлагбаум. Он нерешительно, точно боясь, что его остановят, опустил ногу на ступеньку и отшатнулся, ослепленный ярким весенним солнцем. Вахтер ворчливо сказал:

— Куда? Ишь, какой быстрый! А Петрова разве не будешь дожидаться?

«Ах, да! Петров!» — вспомнил Аксенов. Дело в том, что вместе с ним сегодня освобождается Петров, всегда чем-то недовольный, замкнутый мужчина, постоянно выглядевший так, будто он голоден и не выспался. Нечего сказать, приятная компания! Впрочем, раз нужно подождать, Аксенов ничего не имеет против. Да и Петров, наверно, в такой день, как сегодня, будет веселей.

— А скоро он? — все-таки спросил Аксенов у вахтера.

— Восемь лет терпел, потерпи еще пять минут! — строго ответил тот и отвернулся, пряча понимающую усмешку. Каждый день он наблюдал, как ведут себя люди, отпущенные домой. Этот еще ничего. Другие бывало, словно ослепнув, крутятся в проходной будке и не знают, куда идти.

Очутившись за воротами, Аксенов присел на пенек и тихонько засмеялся. Да, вот он терпел восемь лет, а теперь все кончилось. Плохое осталось позади, его ждет прекрасная, счастливая жизнь! Он свободен! Он может сесть на поезд и поехать куда угодно. Имеет право поступить на работу, которая ему нравится. Теперь уже совсем скоро увидит жену и сына, который восемь лет тому назад еще не умел ходить, а ныне учится во втором классе!

Аксенову не сиделось на месте. Он взвалил на плечо рюкзак и побрел вдоль забора, с любопытством разглядывая вбитые глубоко в землю толстые бревна. Он ведь ни разу не видел их с этой стороны! Поверху забор был оплетен колючей проволокой, звеневшей под ударами ветра. Через каждые сто метров чернели вышки, накрытые круглыми зонтами, чем-то напоминающие нахохлившихся птиц. Виднелись игрушечные фигурки часовых. На обширной площади, огороженной забором, разместился целый городок. Там были одноэтажные и двухэтажные дома, больница, спортивная площадка и даже небольшой сквер с аккуратно подстриженными деревьями. Снаружи к городку подступала тайга, тянувшаяся до самого горизонта. Стройные, словно по линейке выстроганные сосны почти вплотную прижимались друг к другу. Вдалеке голубели сопки, временами трудно отличимые от облаков. Между деревьями петляла дорога, которая вела на станцию. Даже в самый яркий полдень на дороге

было сумрачно. Густые кроны сплетались, образуя сплошную зеленую крышу.

Когда Аксенова привезли сюда, он долго чувствовал себя подавленным. Тайга была слишком величава, ею нельзя было любоваться, как красивым пейзажем. Она угрюмо выжидала, похожая на могучего зверя, раздраженного нашествием пигмеев... Но сегодня тайга ласково улыбалась Аксенову. Так и тянуло войти в густую коричневато-зеленую тень, под стройные сосны.

...Сзади хрустнула ветка. Обернувшись, Аксенов увидел сутулую фигуру с узлом за спиной. Это был Петров. Он, не оглядываясь, шел к лесу. Старую, выцветшую кепку он скомкал в руке. Петров успел далеко отойти от ворот. «Почему он меня не позвал? — подумал Аксенов.— А я-то его ждал!»

Аксенов был слегка раздосадован поведением Петрова и выругал себя за то, что зря потерял время. Ему вспомнилось, как Петров вел себя в лагере. Он сторонился людей. Вернувшись с работы и поужинав, усаживался в безлюдном уголке и словно дремал с открытыми глазами. Если его в это время окликали, он вздрагивал и изумленно озирался, как будто и вправду крепко спал. Заключенные уже привыкли к тому, что Петров — человек со странностями, и не обращали на него внимания. Это, кажется, его вполне устраивало. Он и не нуждался в обществе. Всегда настороженный, колючий, он работал, ел и спал автоматически, как заведенная машина. Молчал, стиснув зубы, целыми днями, месяцами. Впрочем, иногда его тусклые глаза вспыхивали, огромные узловатые кулаки сжимались, плоское, словно утюгом выглаженное лицо становилось злым. Это происходило очень редко, только в тех случаях, когда кто-нибудь пробовал его подразнить. Он свирепо охранял свое одиночество.

Заключенные, отбывавшие наказание в исправительно-трудовом лагере, работали в тайге, строили узкоколейную железную дорогу. Петрову повезло. Он не валил деревья, не долбил киркой камни, не укладывал тяжелые рельсы. Все восемь лет он проработал в кухне хлеборезом. Он жил не в общем бараке, а в отдельной маленькой комнатке. У него имелись мягкая подушка и более теплое одеяло, чем у других. Никто не знал, за что осудили Петрова. Никто его не расспрашивал. Это было не принято. Но сегодня в конторе, где оформляли документы им двоим,

Аксенов случайно заглянул в личное дело Петрова и убедился, что в прошлом этого человека не было ничего таинственного, такого, что оправдывало или хотя бы объясняло его странное поведение. Демобилизованный из армии, Петров работал агентом по снабжению в артели, попытался присвоить десять тысяч рублей и был задержан в тот момент, когда садился в поезд.

Судьи отнеслись к нему сравнительно мягко. Было принято во внимание, что подсудимый, которому в то время исполнилось двадцать семь лет, участвовал в Великой Отечественной войне и был награжден двумя орденами. Аксенову, как и другим заключенным, было известно, что за восемь лет Петров не получил ни одного письма. Вспомнив теперь об этом, он подумал, что, вероятно, этот человек пережил большое горе. Может быть, во время войны у него погибла семья? Сам Аксенов был очень привязан к жене и ребенку, ему стало жаль Петрова. «Надо все же его догнать! — подумал Аксенов. — Совсем человек один — поди, переживает!»

Услышав за спиной шаги, Петров обернулся. Аксенов увидел сдвинутые черные брови, глубокие, словно вырубленные в камне морщины. Блеснули карие глаза, которые выражали непонятно что — не то удивление, не то неприязнь.

— Ты почему же, земляк, от меня убежал? — внезапно оробев, с наигранной бодростью спросил Аксенов. — А я-то тебя ждал-ждал!.. Разве вахтер не предупредил?

Петров, не ответив, продолжал путь. Аксенов уже понял, что напрасно пожалел спутника, нарушил его одиночество. Ясно, что задушевного разговора не получится. Нечего рассчитывать, что удастся вызвать Петрова на откровенность. И все же он продолжал говорить:

— Отслужили мы, брат, от звонка до звонка! Пора и честь знать! Все-таки дожили до счастливой минутки, верно, Петров? Красота-то какая! Раньше мы ее и не замечали. Здесь ведь, если разобраться, настоящий курорт! А что? Ты не смейся. Воздух лесной, климат здоровый, пейзаж лучше не надо! Даже не верится, Петров, что мы с тобой скоро на поезд сядем! И поедем куда угодно, хочешь — на Кавказ виноград есть, а хочешь — на Украину! Слушай, Петров, поехали ко мне! Чего там, ты не сомневайся! Жинка у меня ласковая, приветливая, в доме ме-

сто для тебя найдется. Подыщем тебе работу и заживешь, как барин!.. Ну, поехали, что ли?

Аксенов слушал себя как будто со стороны, и ему было совестно. «Чего я к нему привязался?» — думал он, а язык против его воли продолжал произносить фразу за фразой.

Петров молчал, мягко шагая по пыльной дороге, и его спина была такой твердой, что Аксенов запнулся и наконец умолк. Остановившись, он поправил на плече рюкзак. Ему было стыдно и немного досадно. Он шел позади Петрова, постепенно отставая от него и почему-то боясь, что тот это заметит. Но вскоре Аксенов снова заулыбался. Он с любопытством и облегчением разглядывал шелестящие сосны, светло-голубое небо с клочьями облаков и влажную землю, остро пахнущую гнилью и еще чем-то свежим, весенним. Он был свободен! Это все же что-то значило, черт возьми!

...Солнце уже коснулось вершин деревьев, когда тайга расступилась. Показалась станция. Блеснуло железнодорожное полотно. На небе вырос силуэт семафора. Похожие на квадратные кусочки сахара, забелели станционные постройки. От шпал одуряюще пахло креозотом. Заглянув под дощатый навес, Аксенов увидел Петрова, который сидел в углу на скамье. Разложив на газете хлеб и колбасу, он медленно и методично двигал крепкими челюстями. Аксенов хотел пройти мимо, но не удержался и заискивающе сказал:

— Приятного аппетита, земляк!

Петров взглянул на него и кивнул. Аксенову показалось, что он улыбается и вообще лицо его стало более мягким. «Ехать-то все равно вместе!» — подумал Аксенов и нерешительно подошел к скамейке.

— Угощайся! — отрывисто сказал Петров, придвигая колбасу и нож. — Ты куда направляешься? На Украину, что ли?

— На Украину! — ответил Аксенов, отрезая тоненький, прозрачный ломтик. Ему не хотелось есть, но он боялся отказом обидеть Петрова и таким образом нарушить с трудом налаженный контакт. — В Полтавскую область. Слыхал, может, есть такой город Гадяч?

— Нет, не слыхал! — отрезал Петров и, помолчав, с расстановкой произнес: — Вот и я, понимаешь ли, на родину хочу податься!

— Куда же это?

— В Архангельскую область. В деревню Кузнецы. Там у меня мать живет с сестрой.

— Мать? — переспросил Аксенов и подумал: «Как же так? Ведь у него нет никого!» Но тут же сообразил, что удивляться в сущности нелепо. С чего он взял, что у Петрова погибла семья? Ведь это было только предположение.

— У сестры свой дом есть, — продолжал Петров, сосредоточенно жуя. — Работает в конторе Заготзерно. Недавно замуж вышла. У нее жить буду.

«Зачем он об этом рассказывает?» — не понял Аксенов и пробормотал:

— Да, да... Это хорошо, если сестра... Значит, мы с тобой до самой Москвы попутчики?

— Что? — переспросил Петров. Лоб его перерезала глубокая складка, глаза посветлели. Заметив, что соседу стало не по себе, он улыбнулся и кивнул: — Конечно, конечно!.. Вдвоем веселей. Ты колбасу-то приканчивай да пойдем за билетами. Касса скоро откроется!

С этой минуты Петрова как будто подменили. Аксенов с удивлением наблюдал за ним. Петров заговаривал с незнакомыми пассажирами, просунув голову в окошко, обменивался шутками с молоденькой кассиршей. Потом купил в киоске полдюжины пива и стал угощать каких-то железнодорожников, которые, посмеиваясь, долго отказывались принять приглашение, но, узнав, что Петров сегодня освободился из заключения, сразу подобрели. Они уселись в кружок прямо на платформе, вместо стола приспособив чемодан, и до захода солнца пили пиво, смеялись и по очереди рассказывали анекдоты. Петров, к удивлению Аксенова, оказался интересным собеседником. Его остроты пользовались шумным успехом. Простившись с железнодорожниками, он встал, обнял за шею Аксенова и, дыша на него винным перегаром, прошептал:

— Ты мужик свойский! Люблю таких! Хочешь, я к тебе в гости приеду? А то давай махнем в Кузнецы. Запомни адрес: деревня Кузнецы Архангельской области!

Аксенов много лет не пил вина и с непривычки захмелел. Тяжело ворочая языком, он ответил:

— Ладно, земляк! Мы с тобой... Сам знаешь! Вместе лагерные щи хлебали, значит, навеки друзья! Сначала ко

мне, а потом к тебе. В эти, как их... В Кузнецы! А что? Очень даже просто...

В эту минуту Аксенов готов был обнять весь мир. Он умиленно глядел на смеющегося Петрова, чье лицо даже сейчас, когда он улыбался, не утратило недоверчивого выражения. Ему хотелось сделать своему товарищу что-нибудь приятное, оказать ему услугу, словом, дать понять, как он, Аксенов, к нему хорошо относится.

— А здорово это получилось, что мы с тобой вместе освободились! — восторженно сказал он, готовый прослезиться от счастья, переполнявшего его душу. — Скоро поезд придет! Слышь, Петров, а я что-то спать захотел, прямо мочи нет. Ты разбуди меня тогда, ладно? Я мигом!.. Я только на минутку прилягу!

Последние слова он бормотал уже засыпая. Отпустив рукав Петрова, который шел за ним, снисходительно улыбаясь, Аксенов повалился на лавку. Он неловко подвернул руку и уронил рюкзак. Петров поднял рюкзак и подложил Аксенову под голову, но тот уже не почувствовал этого.

— Эко его разобрало, беднягу! — соболезнующе произнес железнодорожник. Петров хотел отойти, но в этот момент Аксенов приподнялся, взглянул на него неожиданно трезвыми глазами и сказал:

— Так ты разбуди! Я надеюсь!

— Разбужу, разбужу! — ответил Петров.

Аксенову казалось, что он плывет, покачиваясь, по тихой, теплой реке и струи воды ласкают тело. Потом эта река исчезла, и он очутился на зеленом лугу. Светило солнце, трава лениво шевелилась, а вдали виднелись дома с черепичными крышами. Узнав с детства знакомые места, он хотел побежать, но ноги словно приросли к земле. На крыльце стояла жена. Она была одета в синее ситцевое платье. Ее светлые, сверкающие на солнце волосы развевались. Руки она протянула вперед и что-то крикнула, но слов Аксенов не расслышал. Вдруг подул ледяной ветер. Он забрался под телогрейку, выстудил руки и грудь, проник до сердца. Аксенов поежился, попытался спрятаться в траву, но трава пропала, под ногами был глубокий снег. Холод стал нестерпимым. Аксенов открыл глаза.

Он не сразу понял, где находится. Перед глазами поблескивал слабый зеленый огонек. Аксенов протянул руку, но, окончательно очнувшись, понял, что огонек находится

далеко. Темнота поредела. Словно отмытые от туши, показались скамейки, окошко кассы, навес. Блеснули рельсы, возник силуэт семафора. Там-то и сверкал зеленый светлячок. «Поезд!» — вспомнил Аксенов и вскочил. Платформа была пуста. Тускло светились окна станции. Заглянув туда, Аксенов увидел дремавшего железнодорожника. На стене белели круглые электрические часы. Стрелки сошлись на цифре три. «Неужели четвертый час ночи? — подумал Аксенов. — Но как же мой поезд?..» Он растерянно опустился на лавку. Мысли спросонья были вялыми. Значит, поезд уже ушел? Как же это могло случиться? Ведь Петров обещал разбудить! Вспомнив, как пили пиво, Аксенов вскочил. Петров уехал один! Нарочно его не разбудил. А рюкзак? Где рюкзак? Аксенов бросился к лавке. Деньги, документы, одежда — все было в рюкзаке. Он встал на колени и, зажигая спичку за спичкой, стал осматривать грязный, заплеванный пол. Мешок валялся в углу под скамейкой. Аксенов, волнуясь, развязал шнурки. Ничего не пропало. Деньги и документы оказались на месте.

— Фу-у! — облегченно произнес Аксенов и, вынув кисет, свернул папироску.

Закурив, он вышел на платформу. Тайга негромко шумела. В небе сверкали яркие точки. Казалось, кто-то высыпал в черную чашу пригоршню светлячков. Послышался слабый гудок маневренного паровоза. «Что ж, беда невелика, дождусь завтрашнего дня! — подумал Аксенов. — Но хорош друг Петров!».

Несмотря на то, что из-за Петрова были потеряны целые сутки, Аксенов не был огорчен. В глубине души он даже радовался, что избавился от спутника, в чьем обществе чувствовал себя приниженно. Ожидая рассвета, Аксенов прохаживался по платформе.

Небо посветлело, звезды погасли. Обозначились окружавшие станцию рослые ели.

И вдруг далеко на дороге возник рокот мотора. Подойдя к краю платформы, Аксенов увидел две неяркие точки. Они увеличивались, мотор застучал громче. Показался легковой автомобиль ГАЗ-69 с брезентовым верхом. Он вырвался из гущи леса, словно пущенный из пращи черный камень, и, подняв тучи пыли, затормозил перед шлагбаумом. Дверца открылась, на дорогу выскочили четверо мужчин. Аксенову показалось, что в одном из них

он узнал начальника лагеря полковника Лутонина. Его трудно было с кем-нибудь спутать. Коренастый, с широким торсом, он не шел, а как бы плыл по земле, плавно покачивая могучими плечами. Такую походку Лутонин усвоил во время войны, когда был командиром роты разведки.

У Аксенова появилось неясное чувство тревоги. Он отступил под навес. Стуча сапогами, люди прошли мимо. Рядом с Лутониным шагали трое. Один пожилой, в чине майора, с коричневым от загара лицом; на его щегольском, сшитом из дорогой материи кителе поблескивали орденские ленточки. Его спутники были помоложе. Одетые в штатское платье, они держались подчеркнуто прямо. В них без труда можно было угадать офицеров. Мужчины негромко беседовали. Аксенов хорошо слышал каждое слово.

— Досадно! — сердито проговорил Лутонин. — Приехали бы на сутки пораньше...

— Легко сказать!.. Пораньше!.. — ответил пожилой майор. — Это понятие растяжимое. Конечно, не мешало бы приехать не вчера и даже не на той неделе, а лет восемь тому назад!..

— Собственно, у нас не имеется полной уверенности! — пожал плечами молодой человек в сером плаще. — Просто предположение, нуждающееся в проверке!..

— Может быть, это и не он! — подтвердил третий мужчина, державший в руке измятую, видимо непривычную для него, шляпу. — Вполне возможно!

— К сожалению, мы его снова упустили! — с досадой сказал майор.

— Догоним? — полувопросительно произнес молодой человек. — Договоримся с начальником дороги. Может быть, на дрезине?

— Мало вероятно! — покачал головой майор. — Он уже, видимо, добрался до узловой станции. Оттуда поезда идут в четырех направлениях. Угадайте попробуйте, какое он выбрал! Знать бы, где живет семья...

— В личном деле таких сведений нет! — с сожалением ответил Лутонин.

Под ногой у Аксенова скрипнула доска. Он сообразил, что прятаться теперь неудобно, и выступил вперед. Начальник лагеря удивленно посмотрел на него:

— Аксенов? Значит, вы остались? А где же ваш приятель?

— Я на поезд опоздал. А Петров уехал.

— Разве вы были не вдвоем?

— До станции-то мы, верно, вместе дошли, — объяснил Аксенов. — А тут разделились. Потому что я, товарищ начальник, ведь его почти не знаю. Работали мы, как вам известно, в разных бригадах. К тому же Петров, небось помните, бирюком ходил. Слова из него бывало клещами не вытянешь. Вот и здесь он больше молчал! Верно, угощал меня пивом. Я с непривычки захмелел, уснул и прозевал поезд. А он, стало быть, уехал.

Офицеры терпеливо слушали Аксенова. Когда он умолк, майор сдержанно спросил:

— А не говорил ли он вам, товарищ Аксенов, куда собирается ехать? Прошу вас, вспомните, это важно!

Аксенову было очень приятно услышать обращение: «товарищ». Ведь целых восемь лет его никто так не называл, и сейчас он особенно сильно ощутил чудесную перемену в своем положении. Вспомнив разговор с Петровым, Аксенов с готовностью ответил:

— Как же, товарищ майор! Даже в гости приглашал!

— В гости? — Теперь все четверо смотрели на него выжидающе, а майор даже смял в кулаке дымящуюся папиросу.

— Ну да, приезжай, говорит, ко мне в Архангельскую область, в деревню Кузнецы. Моя сестра, дескать, в конторе Заготзерно работает, и для нас с тобой дело найдется! А я, конечно, его к себе позвал, на Украину.

— Деревня Кузнецы? — переспросил майор, доставая блокнот и самопишущую ручку. Он обернулся к Лутонину и с сомнением сказал: — Вряд ли мы найдем его в Архангельской области! Но запросить придется. Не из пальца же он высосал название этой деревни?.. Может быть, там его знают?

Аксенов деликатно смотрел в сторону, делая вид, что заинтересовался стрелочником, который, протирая заспанные глаза и зевая, вышел из своей будки. Он знал, что слова майора не предназначены для его ушей, и хотел показать, что понимает это.

Совсем рассвело. Верхушки деревьев порозовели, точно выкрашенные прозрачной акварелью. Белели станционные постройки. Все цвета стали яркие, праздничные.

Тайга в своем зеленом весеннем наряде стояла притихнув, точно чего-то выжидая. На горизонте, там, где тянулась зубчатая полоса леса, вспыхнул пожар. Багровые, желтые, алые полосы протянулись по небу. Через секунду показался приплюснутый красный диск и вот уже величаво поплыл над лесом. Как по сигналу, тайга наполнилась звуками. Затрещали птицы, громче зашелестели лиственницы и кедры. Наступил новый день. И в его радостном, розовом свете лица стоявших на платформе людей выглядели измятыми и усталыми. Поблагодарив Аксенова, офицеры направились к машине. Лутонин помахал рукой:

— Счастливого пути!

— Спасибо! — ответил Аксенов, с внезапным сочувствием подумав о Петрове: «Бедняга! Видать, что-то натворил!» Но ему не хотелось сосредоточивать мысли на неприятном. Шел второй день новой жизни. Второй день острого, необыкновенного счастья, которое ничто на свете не могло омрачить.

А Петров второй день не находил себе места. Он лежал, скорчившись, на верхней полке в купе жесткого вагона и думал о том, что очень плохо, легкомысленно поступил, поехав в поезде. Нужно было сделать так, как решил в лагере, то есть взять билет до узловой станции, а самому сойти на второй или третьей остановке и пешком сквозь тайгу пробраться к реке, где под чужой фамилией поступить матросом на буксир, совершающий рейсы до Красноярска. Вот тогда он действительно запутал бы след. А теперь едет у всех на виду по центральной магистрали в поезде прямого сообщения. Петров чувствовал себя так, точно с него сорвали одежду и выставили для общего обозрения. Он прислушивался к голосам пассажиров, доносившимся снизу, и старался понять, о чем они говорят. Не упоминают ли они его фамилию? Нет ли среди них переодетых офицеров? Его глаза ощупывали незнакомых людей. Он старался поглубже забиться на свою полку, сделаться невидимым.

За сутки Петров только один раз спустился вниз. В мешке были черствая булка и несколько копченых селедок. Когда голод становился нестерпимым, он отщипывал от буханки по кусочку и медленно жевал, ни на минуту не прекращая наблюдения. Временами бдительность притуплялась. Он словно дремал с открытыми глазами, а пе-

ред ним проносились картины детства, войны, лагерной жизни. Очнувшись, Петров тревожно обшаривал взглядом купе: не произошло ли каких-нибудь перемен? И успокаивал себя. Он говорил себе, что для страха нет никаких оснований. Конечно, нужно на всякий случай глядеть в оба, но бояться нечего! Если в лагере он был в безопасности, то и теперь ничто ему не угрожает. Ведь не нашли же его за восемь лет? И прежде, до того, как попасть в заключение, он долгое время жил спокойно. Его след окончательно потерян. В этом не может быть сомнений! Не станут же его искать целых пятнадцать лет — а с тысяча девятьсот сорок второго года прошло ровно пятнадцать лет! Поиски, конечно, прекращены! И к тому же он осторожен. Очень осторожен. Недаром же Аксенов приглашен в деревню Кузнецы! Вдруг его станут расспрашивать о Петрове!.. А деревни с таким названием не существует! Пусть-ка поищут! Но тут другой голос зловеще шептал: «Не обольщайся! Ты прекрасно знаешь, что тебя будут разыскивать всю жизнь и в конце концов найдут. Ты никуда не уйдешь. Никуда! А эти восемь лет были для тебя передышкой. Теперь ты снова стал волком, которого травят!..»

Как только Петров вышел за ворота, его начало терзать беспокойство. Под защитой крепкого забора, оплетенного колючей проволокой, он чувствовал себя увереннее: знал, что никому не придет в голову искать его там. А главное — он почти наверняка не мог встретиться в лагере с теми людьми, которые могли бы его узнать. А здесь? Он каждую минуту рискует столкнуться с одним из своих врагов. У него много врагов. Очень много! Они разбросаны, наверно, по всей стране. Никто его не забудет, не простит. Узнав, не пройдет мимо. Надо быть осторожным, если хочешь жить. Не так-то уж много счастья в подобной жизни, но все-таки это жизнь!

Колеса между тем постукивали под полом, никто не обращал на Петрова внимания, и на третий день он стал спокойнее, начал привыкать к новому положению. Пока лежал на полке, у него возник новый план, который нетрудно было осуществить. Петров решил познакомиться с какой-нибудь подходящей женщиной, вступить с нею в брак и взять фамилию жены. А через полгода развестись и проделать такую же комбинацию еще раз. Тогда, даже если к тому времени узнают, кто скрывался под фамилией

Петрова, пусть-ка попробуют его найти! Он-то будет уже не Петров!

Высокий ростом, с широкими, костлявыми плечами и острыми ключицами, до самой шеи обросший черной густой щетиной, он завернул в полотенце бритвенный прибор, мыло и отправился в туалет. Пора было привести себя в порядок. Он достал из рюкзака новый бостоновый костюм, сорочку и галстук, припасенные еще год тому назад, и переоделся. Когда Петров через час вошел в вагон, его трудно было узнать. Костюм, сшитый лагерным портным, сидел так хорошо, точно был изготовлен в лучшем ателье. Из кармашка выглядывал кончик платка. Галстук, повязанный по-старомодному, широким, свободным узлом, красиво выделялся на голубой полотняной сорочке. На загорелом худощавом лице с мягким подбородком и женственными очертаниями губ темнели узкие монгольские глаза. Черные, коротко остриженные волосы торчали бобриком, как у подростка. От углов рта вниз протянулись две глубокие, точно вырезанные ножом морщины. Они придавали Петрову угрюмое, болезненное выражение... У него была привычка время от времени разглаживать морщины кончиками пальцев, словно стирая с них пыль. Когда он делал этот жест, то казался научным работником, решающим в уме сложную математическую задачу. Его грубоватая физиономия становилась даже благородной. Но он сам об этом не подозревал.

...Молодая девушка в голубом ситцевом платье с белыми цветочками, подняв глаза, засмотрелась на него и застенчиво, мечтательно улыбнулась, когда он прошел мимо. Петров заметил ее взгляд и решил, что следует попытаться. Может быть, уже здесь, в поезде, удастся осуществить свой план? Он несколько раз прошелся по вагону, но не решался заговорить с девушкой, так как не знал, о чем с ней можно говорить. Вся она со своими белокурыми, неумело завитыми локонами и пухлыми детскими губами, на которых смешно выделялась полоска кармина, была бесконечно далека и чужда Петрову. Он никогда не сумел бы угадать ее мыслей, а взгляды ее наверняка были ему враждебны. Кроме того, девушка просто не нравилась Петрову. Она раздражала его своей неопытностью, о которой можно было догадаться, едва взглянув на нее. Петров давным-давно усвоил цинично-равнодушное отношение к женщинам. Ни одна не могла пробудить в нем даже на-

мека на искреннее чувство. Ему нравилось, когда женщина была такой же, как он, грубой и циничной. Здесь все было иначе, но он хотел поскорей осуществить свой план. Заставив себя приветливо улыбнуться, Петров подошел к соседке:

— Хороший день сегодня! Солнце, весна... Здесь-то еще прохладно, а в Москве, говорят, жара!..

Девушка с удовольствием вступила в разговор. Она лукаво взглянула на Петрова синими простодушными глазами и тоненьким, еще не окрепшим голосом спросила:

— Вы, значит, в Москву едете?

— Нет! — ответил Петров. — Я еду в другую сторону. А вы?

— Я на каникулы к сестре! — Девушка прищурилась, словно в глаза ей попало солнце. — Она в степи живет, на целине. Я скоро институт окончу и тогда совсем туда переeду. Совхоз называется «Урожайный». Правда, очень романтическое название? Там здорово! Степи, как морю, конца-краю нет. Мама мне не советует, говорит скучно, а по-моему, если работа нравится, скучать некогда! А вы как считаете?..

Эту длинную фразу она выпалила, не переводя дыхания. Они сидели близко, касаясь коленями друг друга. В купе был еще один пассажир, толстый и лысый, он читал газету, закрыв ею лицо. Впрочем, по его ровному дыханию можно было догадаться, что чтение сменилось крепким сном. Девушка оказалась разговорчивой и по-детски откровенной. Через полчаса Петров уже знал, что спутнице двадцать два года, она не замужем, учится в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте, отец у нее шахтер, работает на угольной шахте в Караганде. Ее зовут Людмила, и она очень рада, что познакомилась с Петровым, потому что ехать еще долго и можно пропасть от скуки. Она ничего не имеет против, пусть Петров, раз ему так хочется, переберется вообще в это купе. Место есть. Он, наверное, человек бывалый и может рассказать много интересного.

Петров постарался оправдать репутацию бывалого человека. Он сказал, что возвращается из географической экспедиции, которая занималась исследованием таежной чащи в северных районах Красноярской области. Петров популярно и даже с подъемом рассказал Людмиле о породах деревьев, об их болезнях и о средствах лечения. Свой

рассказ он украсил описаниями привалов в тайге, охоты на диких зверей, путешествия в непроходимой чаще. Девушка сидела не шевелясь, восторженно глядя ему в глаза. Она оперлась худыми локтями на столик и обхватила розовыми ладонями возбужденное лицо.

Поезд замедлил ход. Мимо окна проплыло каменное здание вокзала.

— Граждане пассажиры, стоянка поезда тридцать минут! — металлическим голосом объявил диктор.

— Я, пожалуй, выйду ненадолго! — с сожалением сказала Людмила. — Но мы еще обязательно поговорим!.. Я вам страшно завидую. Только, знаете, я не могу избавиться от мысли, что где-то вас видела... Возможно, много лет тому назад... Во время войны, где-то на Западе... Может быть, в оккупации? Вы не были в оккупации?

— Нет! — ответил Петров и не узнал своего голоса. О чем он тут болтал? Тревожным взглядом он впился в лицо девушки... Оно на этот раз показалось странно знакомым. Где он встречал светло-голубые любопытные глаза, русые, вьющиеся волосы?.. Нет, чепуха! Они не встречались. Не могли встретиться. В ее словах не нужно искать тайный смысл. Обыкновенная любезная фраза, уместная в любом разговоре. Петров выглянул из окна. Голубое пальто Людмилы ярким пятном выделялось в толпе пассажиров. Он заставил себя успокоиться. «Мираж, мираж!» — шепотом произнес Петров. Все в порядке. Ему ничего не грозит. Надо ухаживать за Людмилой. Она едет в хорошее место. В пустынную, забытую людьми степь. Жениться, переменить фамилию, разве не так он решил? И работать в совхозе! Работать, работать... Он принялся беззаботно насвистывать какой-то мотив, но страх ледяной змейкой уже пробрался к сердцу. Петров снова взглянул в окно. И обмер.

Людмила разговаривала с мужчиной. Откуда он появился? Петров заметил открытую дверь, над которой блестела табличка: «Комендант». Так вот оно что! Людмила кивает незнакомцу и рукой указывает на их вагон. Мужчина — он в коричневом пальто, шляпу держит в руке — слушает ее внимательно, но с нетерпением. Правая рука в кармане. Почему в кармане? Петров вскочил, схватил телогрейку, но снова сел. Нет, нельзя сейчас выходить. Заметят!.. Руки задрожали. Он метнулся к двери, остановился, скрипнул зубами. Толстяк выронил газету,

проснулся и тупо уставился на него. Потом зевнул и спросил:

— Какая станция?

В это мгновение вагон дернулся. По коридору простучали каблучки, в купе вбежала запыхавшаяся Людмила. Она оживленно говорила:

— Сюда, пожалуйста, место-то какое? Шестнадцатое? Значит, на верхнюю полку. Теперь нас будет четверо!

За ней, наклонив голову, шел мужчина в коричневом пальто. Он виновато улыбнулся Петрову:

— Ничего не имеете против?

У того молоточки застучали в ушах: «тук, тук!» Мужчина снимает пальто, по-хозяйски садится возле двери — почему у двери? Он безразлично скользит глазами по купе. Его равнодушие кажется Петрову явно нарочитым. Как прямо, по-военному, он сидит! Выправка! А Людмила? Куда девалась ее приветливость! Она улыбается Петрову, но как натянута, неестественна улыбка! В купе стало тяжело дышать... Петров, сгорбившись, смотрел в окно. Он ничего не видел, кроме собственного отражения. Молоточки стучали. Зачем он ушел со своей полки? Там никто его не видел! В недобрый, видно, час встретил он Людмилу!.. Неужели нет выхода? Неужели конец?

...Стемнело. Вспыхнула настольная лампа. Толстяк лениво шелестел газетой. Новый пассажир неподвижно сидел возле двери. Как часовой! Людмила с любопытством поглядывала на Петрова. Она несколько раз открывала рот, хотела что-то спросить, но его мрачный вид, наверно, отпугивал ее.

— Вы не хотите больше рассказывать об экспедиции? — наконец робко обратилась к нему она.

Петров вздрогнул. Лживый, лживый голос! А этот тип явно выжидает. Чего он ждет? Может быть, подкрепления? Нет, разумеется! Они дали телеграмму по линии, на первой же станции в купе войдут солдаты с автоматами... Петров вскочил и сказал:

— Я выйду на минутку.

— Хорошо! — ответила девушка, удивленная тем, что он как будто спрашивает у нее разрешение. Петров заметил, как она обменялась быстрым взглядом с незнакомцем. Ну, конечно, сейчас тот задержит его у дверей! Но пассажир даже не взглянул на него. Притворяется!.. Петров медленно прошел по коридору, рванул дверь и выбежал на

площадку. Не медля, он нажал на ручку второй двери. В лицо ударил острый, как нож, ветер. Оглушительно загромыхали колеса. Петров отодвинул щеколду, лязгнула опустившаяся железная площадка. Он задержался на нижней ступеньке, поднял голову. Сиял ярко освещенный пролет. С минуты на минуту могли появиться преследователи. Петров представил себе, как они сидят в вагоне, прислушиваясь, ждут... Не дождутся!

Скорость немного уменьшилась. Начался длинный подъем. Впереди заблестели огни. Петров, прищурив глаза, вгляделся в мерцающую полосу земли. Насыпь круто сбегала к узкому кювету. Грохотали колеса. Сейчас или никогда! Он выпустил поручни, оттолкнулся, скрадывая скорость, и уже в воздухе быстро заработал ногами, как будто бежал. Так его учили делать очень давно, когда он прыгал с парашютом... Удар! Петров пробежал несколько шагов, упал, покатился по насыпи и свалился в кювет, до половины наполненный ледяной водой.

Петров забарахтался, уцепился за край кювета и увидел красный глаз последнего вагона. Удаляясь, протарахтели колеса, стало тихо. Так тихо, что Петров с беспокойством прикоснулся к ушам. Уж не оглох ли?.. Он стоял, сгорбившись, под насыпью, а вода текла с одежды и скоплялась лужицей у ног. Черное небо, усыпанное звездами, дышало холодом. «Ушел!» — вслух сказал Петров и заспешил. Они могут стоп-краном остановить поезд. Нельзя терять времени.

Между деревьями по-прежнему мигали огоньки. Петров, спрятавшись в кустах, разделся догола и тщательно отжал воду из белья и одежды. Потом проверил карманы. Деньги остались в рюкзаке, но документы были тут. Справка об освобождении размокла. Он осторожно завернул ее в мокрый носовой платок. Так не порвется...

Когда Петров добрался до деревни, ему стало жарко, а одежда успела просохнуть. Он бежал всю дорогу, прижав локти к бокам, как заправский спринтер. Ему было тридцать пять лет, сердце работало хорошо. Отдышавшись, медленно пошел по широкой сельской улице.

В хатах желтели огни. Постукивал движок локомобиля. На краю деревни пиликала гармошка. Возле палисадников виднелись светлые платья девчат, силуэты парней. Петров облюбовал хату и подошел к калитке. Хата была старенькая, крытая соломой. Низенький заборчик

покосился. Петров подумал, что вряд ли встретит здесь мужчину, уж очень все запущено. Не иначе, дом ведет вдовушка или молодица! Это его, собственно, и привлекло. Но на стук за ворота вышел рослый, с широкими плечами мужчина лет сорока. На нем был черный пиджак внакидку и сапоги гармошкой.

— Что надо? — неприветливо спросил он, разглядывая в упор позднего гостя.

— Переночевать бы! — попросил Петров. — Я из района. Приезжал на станцию по делам службы и вот задержался...

Хозяин, кряхтя, отодвинул оглоблю, запиравшую ворота, очевидно считая, что гостя нельзя пропустить в калитку, и пригласил Петрова войти. Навстречу кинулся огромный грязно-белый пес, но не укусил, а стал тереться облезлой спиной о ноги.

— Ночуй, что ж! — сказал мужчина. — Только угостить нечем. Не взыщи! Живу один, жинка в область уехала на слет.

В хате было жарко. На печке стояли закопченные чугуны. На столе валялись деревянные ложки, белела рассыпанная крупная соль. Маленький мальчик в ситцевой рубашонке и коротких штанах сидел на полу и играл ухватом.

— Беспорядок! — довольно равнодушно пояснил хозяин. — Ну, ты уж потерпи, сам напросился. Сейчас я соберу постель.

Он вышел во двор и вернулся с ворохом душистого сена. Петров, поблагодарив, подстелил еще немного влажный пиджак и улегся. После долгого молчанья хозяин, не глядя на гостя, сказал:

— Между прочим, будет стоить червонец. Как? Не дорого?

— Ладно! — буркнул задремавший Петров.

— Я бы с тебя не взял, да на папиросы денег нет! — немного смутился хозяин. — А самосад не курю. Горький... Документ у тебя есть? — добавил он, подняв глаза.

— Есть! — встрепенулся Петров. — Показать, что ли?

— Ладно, и так сойдет! — зевнул мужчина. — Ну, спи. А я посижу. Свет не мешает?

...Петров проснулся неожиданно. Сердце тревожно билось. В хате было темно и тихо. Так тихо, точно в ней не было ни души. А может, и правда никого нет? Виднелся

серый квадрат открытой двери. Почему она открыта? Петров встал, застегнул рубашку, пошарив рукой по стене, нащупал выключатель. Вспыхнула неяркая лампочка, стены стали желтыми, точно их смазали маслом. В пазах между бревнами торчал сухой мох, он почему-то бросился в глаза Петрову.

На широкой деревянной кровати, накрытой домотканым покрывалом, высилась горка несмятых подушек. На широкой русской печи светлел ворох одежды. Заглянув на полати, Петров увидел спящего мальчишку. Тот разбросал руки и ноги. На его красном курносом носу выступила капля пота. Хозяина в хате не было.

Петров надел и зашнуровал ботинки, не забыл завязать галстук и вышел во двор. Сияла огромная луна. Земля и крыши блестели, точно выкрашенные белилами. «Пошел доносить, сволочь!» — подумал Петров и вспомнил, что еще вечером глаза у мужика подозрительно блестели. Очень уж он сосредоточенно читал газету! А сам, конечно, наблюдал за ним! Теперь это ясно! Недаром спросил про документы. Напрасно Петров сказал, что приехал на станцию по делам службы. Хозяин, разумеется, позвонил туда, и ему сообщили, что с поезда номер двадцать шесть сбежал важный государственный преступник. Можно не сомневаться в том, что по линии уже послана телеграмма, требующая задержать его, как только будет обнаружен! И вполне вероятно, что к деревне уже приближаются вооруженные люди. Немедленно бежать! Он снова обведет их вокруг пальца! Они еще не знают, с кем имеют дело!

Но, выскочив за калитку, Петров остановился. Как можно убежать без денег? Деньги! Вот что необходимо прежде всего! Он поспешно вернулся в хату. Под кроватью блеснул деревянный сундучок. Одним ударом железного кулака он сбил нехитрый замок и стал выбрасывать одежду. В это время за спиной раздался жалобный плач. Петров, сжав кулаки, обернулся. Он забыл про мальчугана, а тот, свесив с печи голые ноги, смотрел на него с ужасом. По его щекам текли слезы. Петров решил не обращать на него внимания и вывалил из сундука на пол оставшиеся вещи. Мелькнула желтая кожа бумажника.

— А-а-а! — пронзительно, так, что у Петрова зазвенело в ушах, закричал мальчишка. — Воры-ы!

— Молчи! — прошипел Петров, подбежав к печи и схватив мальчика за плечо. Но тот завопил еще громче. За окном метнулась какая-то тень... Нужно было зажать мальчишке рот. Проклятый бесенок! Как больно он кусается... Он погубит все!.. Через секунду мальчик стал задыхаться. Личико, исказившееся от страха, посинело. Глаза затуманились. Слабенькое, горячее тело затрепетало в руках Петрова, смотревшего на свою жертву с холодным ожесточением. Голова откинулась. «Хватит с него!» — подумал Петров и разжал пальцы. В бумажнике были деньги. Толстая пачка хрустящих сторублевок. Сунув бумажник в карман, Петров выбежал во двор.

Деревня спала. За заборами брехали собаки. Шелестела под ногами черная трава. Крадучись, прижимаясь к плетням, Петров пересек центральную улицу, миновал широкую поляну, которая запомнилась, когда он шел сюда. Впереди темнел лес. Между деревьями чуть брезжили разноцветные огоньки железнодорожной станции. «Только не туда!» — подумал Петров. Он уже успокоился. Мысль работала четко и быстро. Страх исчез. Хотелось курить. Он мимоходом пожалел, что не захватил в хате папирос. Хозяин-то, кажется, любил именно папиросы. О мальчике он как-то забыл.

«Нужно добраться до шоссе! — размышлял Петров. — Там меня искать не станут. Но где это шоссе? В какой стороне? Вообще, как ориентироваться, когда ни к кому нельзя обратиться, а местность незнакомая? Луна же, как назло, спряталась за тучу. Темень такая, что ничего не видно в двух шагах!.. Нужно идти все-таки к станции. Если шоссе существует, оно где-нибудь должно пересечь железнодорожное полотно!» — решил наконец Петров.

Он бежал по лесу, ровно и глубоко дыша. Мысли его в это время были далеко. Припоминалась не такая уж длинная, но богатая событиями жизнь. Горем и несчастьем для других людей был отмечен его путь по земле, и здесь, в этом чужом враждебном лесу, Петров еще раз проклял судьбу, как делал уже не однажды, но когда он произносил проклятие, в его голову не пришла простая мысль, что сам он обрек себя на такую жизнь, и никто в этом не виноват, кроме него!..

Рассветало, когда Петров отыскал грейдер и зашагал по обочине, зорко глядя по сторонам. Дурманяще свеж и прозрачен был утренний воздух, ничто не напоминало о

ночном происшествии. Он был уверен, что его ищут, за ним выслана погоня, но чувства до того притупились, что думать об этом не хотелось. Станция и деревня давно исчезли. Шоссе извивалось рядом с тайгой. Увидев на полосатом столбе километровую табличку, Петров вгляделся. Восемьдесят пять километров до Кузнецка. Он присел на траву и вытянул ноги.

Кузнецк! Город металлургов, крупный промышленный центр. Вот, значит, куда он забрел. Там, кажется, есть аэродром. Ну, конечно, аэродром должен быть! В самом деле, почему бы не воспользоваться самолетом?! За каких-нибудь два — три дня он оставит между собой и врагами тысячи километров!

...Захлебываясь, тарахтел мотор. Все громче, громче. Показался грузовик. Петров, как кошка, прыгнул в кусты; лежал, прижавшись к теплой земле, пока грузовик не исчез. «Голосовать?» Пусть так ведут себя другие, не столь опытные, как он! Зачем отмечать свой след? Уж лучше добраться до Кузнецка пешком! Пусть это займет больше времени, зато безопаснее.

...Он вошел в город на второй день. Только что зашло солнце. Ноги горели, лицо потемнело. Щеки, поросшие черной щетиной, ввалились. Задержался в парикмахерской, побрился. Пока мастер трудился над прической, Петров сидел в кресле, полузакрыв глаза, и наслаждался теплом. Свежий, пахнущий дорогим одеколоном, направился в центр города. Оглядев себя в какой-то витрине, решил, что необходимо, пожалуй, сменить костюм. Тот, в котором он проделал длинный путь, был вымазан в грязи, помят и привлекал внимание. Кроме того, у работников милиции имеются его приметы. Нужно не отличаться от других, раствориться в толпе.

Зайдя в какой-то подъезд, Петров пересчитал деньги. В бумажнике оказалось девять тысяч рублей. «Месяца на два хватит!» В универмаге он за полторы тысячи купил хороший, светло-серый костюм, мягкую шляпу, кожаный портфель и очки, сделавшие его неузнаваемым. После этого Петров зашел в ресторан и заказал сытный обед и бутылку коньяку. Он не боялся опьянеть. Доводилось в свое время пить и заграничные вина, и чистый спирт, и денатурат, но он никогда не терял контроля над собой. Через час Петров, пошатываясь, вышел на улицу.

...Высокий, со сводчатым потолком зал аэропорта был почти пуст. Возле стола, на котором лежали раскрытые журналы и газеты, сидело несколько пассажиров. Над окошком кассы висела большая географическая карта СССР с голубыми стрелами маршрутов. Петров улыбнулся, испытав приятное чувство облегчения. Он стоял перед картой и с восторгом глядел на нее, словно перед ним открылось вдруг окно в мир. На краях карты были масляной краской нарисованы пейзажи. На Дальнем Востоке — синие воды океана и пароход с высокой трубой, в Средней Азии — желтые пески пустыни и цепочка верблюдов, а в Крыму и на Кавказе — стройные колонны санаториев и обнаженные тела купальщиков. Синяя стрелка упиралась в бронзового человека в соломенной панаме, сидящего в плетеном кресле-качалке на берегу Черного моря. Под ногами у курортника виднелась надпись: «Адлер». Петров посмотрел на табличку цен, висевшую над кассой. Билет до Адлера стоил тысячу триста рублей. «Лечу», — повеселев, подумал он.

Когда самолет поднялся в воздух, Петров откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Кроме него, в салоне было три пассажира: две молоденькие девушки, судя по сходству сестры-близнецы, и отец, толстяк, страдающий одышкой. Девушки, очевидно, летели в первый раз и не отрывались от окон, а мужчина читал толстый журнал. Никто не обращал на Петрова внимания. И он отдыхал. Впервые за эти дни отдыхал. В Свердловске он с аппетитом пообедал, в Казани поужинал и выпил рюмку коньяку, в Москве не вышел из самолета. Перед этим городом Петров всю жизнь испытывал инстинктивный страх. Здесь сосредоточилось все то, что он ненавидел и чего боялся!

Ровно гудели моторы. Огромная скорость не ощущалась. Петров проснулся на рассвете, расправил затекшие руки и, посмотрев вниз, ахнул. Самолет летел над морем. Синяя атласная равнина простиралась до горизонта. Всходило ослепительно белое солнце. По воде легла золотистая дорожка. А слева были горы. Огромные, могучие, со снеговыми шапками. Казалось, огромный зверь прилег отдохнуть, а если пошевелится, мир рухнет... Пол провалился, море встало стеной. Самолет пошел на посадку.

— Адлер! — выглянул из кабины молодой пилот.

На автобусе Петров приехал в Сочи. В тот же день удалось снять комнату. Купив в магазине купальный костюм, темные очки и соломенную шляпу, он стал таким же, как тысячи живущих здесь курортников. Петров начал избавляться от страха. Он спал теперь спокойно и уже не присматривался ко всем прохожим. Он с удовольствием вспоминал, как удачно спрыгнул с поезда, избежал ареста в деревне, вовремя решил воспользоваться самолетом, хвалил себя за то, что выбрал именно Адлер, не зная, что поступки, которыми он так восхищался, на самом деле лишь приблизили его к гибели.

...Это случилось в воскресенье в парке на Кавказской Ривьере. Петров, только что вернувшийся с пляжа, немного расслабленный от жаркого солнца и продолжительного купания в море, сидел под полотняным тентом, в прохладной тени, а на столике перед ним стояла металлическая чашечка с пломбиром. Он лениво ел мороженое и строил планы на вечер. Решил пойти сегодня в летний театр, где выступали приехавшие из Швеции артисты варьете. Билеты он достал еще утром и теперь рассматривал программу, на которой была изображена декольтированная девица с пышной прической и круглыми кукольными глазами. Вдруг он почувствовал какую-то неловкость. Петров в первый момент даже не понял, в чем дело. Показалось, что он неудобно сидит и поэтому затекли спина и шея. Обернувшись, он увидел черные глаза, смотревшие на него в упор, не мигая.

Да, заметил прежде всего глаза, а потом уже рассмотрел, что они принадлежат молодому человеку в сиреневой майке и дешевых белых брюках. Молодой человек сидел за соседним столиком, держа в руке чашечку с мороженым. Он сжимал ее с такой силой, будто это была граната. Встретившись взглядом с Петровым, он не опустил глаза, а продолжал смотреть на него спокойно и выжидающе. В его лице не было угрозы, только внимание и некоторая доля сомнения, но когда Петров поспешно отвернулся, молодой человек поставил чашечку на стол и встал.

Мысли смешались. Петров забыл о варьете, о том, что нужно расплатиться с официантом. Он не узнал молодого человека, но шестое чувство подсказало, что на этот раз опасность не выдуманная, а настоящая. Грозная и неотвратимая!

Петров встал и, с трудом отрывая ноги от земли, направился к выходу. Так бывало во сне: хотел бежать, напрягал силы, но точно увязал в песке. Его окликнул официант, и он остановился как вкопанный, опустив руки и покорно ожидая того, чему суждено было совершиться. И когда официант, вежливо улыбаясь, подал счет, Петров долго не мог понять, чего от него хотят. А молодой человек не двинулся с места. Он стоял у стола, снова держа в руке чашечку с мороженым, и провожал Петрова спокойными, внимательными глазами.

...С этого дня начался кошмар. Петров встречал молодого человека всюду: на улице, на пляже, в ресторанах и кафе. Входя, Петров озирался, искал преследователя и почти всегда находил его. Незнакомец сидел где-нибудь в уголке, молчаливый, сдержанный.

Через несколько дней Петров привык к тому, что у него есть спутник, постоянный, как тень. Однажды, когда столкнулся с ним лицом к лицу возле остановки автобуса, растерянно улыбнулся и кивнул, точно приятелю. Но тот не ответил. Посторонился и долго, настойчиво смотрел вслед...

Петров не то чтобы примирился с тем, что его должны арестовать, а просто не думал об этом. Голова была забита другим. Днем и ночью теперь он вызывал в памяти картины прошлой жизни. Перед ним вереницей проходили люди, которых давно не было в живых. Он пытался вспомнить, где и когда встречался с молодым человеком, не сомневаясь в том, что такая встреча была и, должно быть, при каких-нибудь необычных обстоятельствах. Но вспомнить не мог, неизвестность мучила его сильнее, чем страх. Потом сообразил, что если теперь незнакомцу лет тридцать, то тогда, в сорок втором, ему было, по-видимому, пятнадцать. Значит, бессмысленно ломать голову. Полжизни минуло.

...И он стал ждать ареста. Каждый день, выходя из дому, думал: «Ну вот, наверно, сегодня!» Встречаясь с преследователем, вопросительно заглядывал в лицо, словно молил ответить: «Когда же? Когда?..» Но молодой человек молча отворачивался, чтобы через минуту последовать за Петровым по пятам.

Так прошло полмесяца. «Почему он не доносит на меня?» — думал Петров. Родилась робкая надежда. Мо-

жет быть, ничего нет? Может, он заболел манией преследования и надо обратиться к врачу? Пока не появилась эта мысль, Петров не мог заставить себя пойти на вокзал, сесть в поезд и уехать. Казалось, что стоит сделать такой шаг, как сразу настанет развязка. Но теперь решил: «Хватит! Проверю. Вот если он последует за мной, тогда...»

Ночью Петров проснулся. Почудилось, кто-то стоит под окном. Распахнул рамы. Никого! В саду шелестели груши, яблони... Он постоял, вдыхая теплый солоноватый воздух. Вернувшись в комнату, начал поспешно укладывать в чемодан вещи. «Почему я ничего не предпринимаю? — спросил он себя. — Я был в каком-то гипнозе!» И он стал путать следы.

— До свиданья! — сказал он хозяйке. — Уезжаю с ночным поездом. В Свердловск, на завод. Я там работаю. Телеграмму получил. Велят срочно возвращаться...

Выстояв в очереди, Петров купил билет в мягкий вагон, сдал чемодан в камеру хранения и сел в зале ожидания у всех на виду. Когда прибыл поезд, вошел в купе, велел проводнику постелить постель, а сам выскользнул в другую дверь, пролез под вагоном и побежал по шпалам, спотыкаясь, рискуя разбиться о рельсы. Рассвет он встретил на шоссе, в горах. Весь день шагал под палящим солнцем, потом, не выдержав, сел в автобус, который привез его в Сухуми. На утро Петров на катере плыл в Батуми и там пять дней бродил по узким, кривым улочкам, заходя в чайные и закусочные и заговаривая с подозрительными людьми, боявшимися дневного света. Наконец, нашел того, кто был нужен.

...Они сидели друг против друга на вытертом коврике, подогнув ноги по восточному обычаю, в темной конуре на корме огромной баржи. Петров, за последние дни отощавший до неузнаваемости, с огромными лихорадочно блестевшими глазами и черными ввалившимися щеками, жадно затягиваясь, курил папиросу, набитую ядовитой зеленой травой — высушенной коноплей, — которую на Востоке называют «планом». Это разновидность среднеазиатского гашиша, довольно сильный наркотик, к которому прибегают люди, желающие забыть о своих горестях и пару часов пожить в призрачном мире дурмана. Собеседник Петрова, смуглый, с лохматыми бровями и орлиным носом абхазец или азербайджанец, одетый в грязную,

старую черкеску и фетровую шляпу, лениво, прикрыв глаза, цедил:

— Я переведу. Почему не перевести. Дорого будет стоить!

— Сколько? — спросил Петров.

— Пять тысяч! — помолчав, сказал абхазец.

— Хорошо! Когда пойдем?

— Сейчас! — легко вскочил на тонкие ноги мужчина. — Путь длинный, длинный! Шибко трудный. По горным тропам ходить можешь? Где козел боится, ты не боишься? Голова не кружится?

— Не боюсь! — мрачно ответил Петров. — А пистолет мне дай сейчас, иначе никуда не пойду. Знаю я вашего брата!

— Шибко хитрый человек! — прищурился абхазец. — Зачем обижаешь? Ты покупаешь, я продаю. Тебе в Турцию надо, я тропинку знаю! Чего еще? На, держи! Бьет на двести шагов без промаха.

— Да уж не беспокойся, не промахнусь! — проворчал Петров, пряча в карман пистолет ТТ и обойму патронов.

Ночью они вышли из города и через три дня оборванные, усталые залегли на каменистом плато, потрескавшемся от жары и лишенном растительности. Плоскогорье круто обрывалось. Внизу змеилась речушка, быстрая, как ртуть.

— Турция! — коротко сказал абхазец. — Деньги давай. Сейчас там будем.

Петров вынул из кармана пачку сторублевок и пересчитал.

— На!

Он тяжело дышал. Не верилось, что через полчаса будет в безопасности — навсегда! Они гуськом стали спускаться по узкой тропинке, Петров впереди, абхазец сзади. Обернувшись, Петров увидел, что проводник нагнулся и, кряхтя, снимает узкий сапог:

— Иди, иди! Там, на берегу жди. Не останавливайся. Нельзя! Я сейчас...

Петрову показалось, что абхазец прячет глаза. Сделав несколько шагов, он услышал шорох, сухое щелканье и тут же, поняв в чем дело, ничком упал на землю. Грохнул выстрел, над головой, задев волосы, просвистела пуля. Вскочив, Петров спрятался за камень. Проводник хладнокровно целился из пистолета. Петров достал из-за пазухи

свой ТТ и плавно нажал курок. Абхазец, не вскрикнув, свалился на камни. Когда Петров наклонился над ним, он был еще жив.

— Что ты сделал? — спросил Петров. — Куда завел? Там Турция? Отвечай!

— Нет! — прошептал проводник, прикрывая глаза. — Не убивай!

— Где граница?

— Не здесь... В другой стороне. Далеко... Не убивай!

— Собака! — сказал Петров и два раза выстрелил абхазцу в голову.

Потом закрыл лицо руками и заплакал. Он стонал от бессильной злости и размазывал по небритым щекам слезы и грязь. Обшарив труп и вытащив деньги, отправился в обратный путь.

Через несколько дней он купил билет на поезд до Москвы и лег на верхнюю полку. Забившись в угол, следил за пассажирами затравленным полубезумным взглядом. Он не знал, почему выбрал Москву и что будет там делать. Хотелось, чтобы все поскорей кончилось.

В Москве он вышел на перрон и увидел молодого человека в белых брюках. Петров не удивился, поставил чемодан на платформу и криво усмехнулся. Молодой человек, расталкивая толпу, направился к нему. Петров бросился бежать. Но бежал, как во сне, нехотя, с трудом переставляя ноги. Молодой человек схватил его за плечо и закричал:

— Граждане! Помогите! Это убийца, палач! Я жил с ним в одном городе!

Петров рванулся, но увидел множество людей, сомкнувшихся в кольцо, и понял, что настал конец...

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Семен с гордостью смотрел на отца. Иван Кондратьевич Шумов, взобравшись на верстак, произносил речь. Его низкий, чуть хриплый голос звонко раскатывался под стеклянной крышей механического цеха. Он стоял, одной рукой держась за узкий кожаный пояс, стягивавший русскую вышитую рубаху, другую с силой выбросив вперед. Толстые пальцы, черные от въевшейся в кожу металлической пыли, сжались в кулак, лохматые брови сдвинулись, светлые волосы, в которых была незаметна седина, упали на лоб. Вокруг верстака сгрудились рабочие. Их лица были хмурыми. Они молчали. Сквозь распахнутые окна в цех врывался холодный ноябрьский ветер и брызги дождя. Серое небо словно придавило землю. По воздуху носились желтые листья, которые прилипали к крыше, окнам. В цехе, без того сумрачном, становилось темно.

Семен приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть отца. Ему было велено не отходить от двери и следить, чтобы посторонние не проникли в цех, но парень забыл о поручении, увлеченный горячей, взволнованной речью.

— Настал решительный час, товарищи! — говорил Иван Кондратьевич. — Раньше мы боролись с хозяевами с помощью забастовок. Мы требовали частичных уступок. Сегодня пришла пора взять власть в свои руки! Вот тут товарищ приехал из Питера. Вы его слышали. Восставший народ штурмом захватил Зимний дворец. Временное правительство полетело к черту! Теперь у нас есть правительство — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Пора и нам подниматься. Городок наш не шибко большой, но и у нас должна быть Советская власть! Помощи ждать неоткуда, кругом, сами знаете, Брянские леса. В такую пору сюда ни пройти ни проехать! Значит,

обойдемся своими силами. Директор месяц тому назад вытребовал роту солдат для поддержания порядка. Кроме них, в городе расквартированы казаки. Добровольно они оружие не сложат. Придется заставить! Предлагаю создать рабочую дружину, к солдатам послать агитаторов, казаков разоружить, господ офицеров взять под арест, а директора господина Загрязкина на завод не пускать!..

— Правильно! — закричал стоявший рядом с Семеном молодой парень, одетый в домотканую куртку. Он рукой пригладил белые, как лен, волосы и возбужденно сказал Семену: — Здорово твой батька заворачивает!

— Погоди, Иванцов! — отмахнулся Семен. — Дай послушать!

Егор Иванцов недавно пришел из деревни. Его отца убили на германском фронте, хозяйство порушилось, вот он и решил стать рабочим. Но заводская наука давалась нелегко. Парню поручили несложное дело: убирать из цеха стружки и на тачке вывозить во двор, однако и с этой работой Иванцов справился не сразу. Он избегал подходить к станкам, скрежет подъемных кранов приводил его в ужас. Светло-голубые, наивно-хитрые глаза Иванцова с любопытством и скрытым неодобрением присматривались к чуждой для него обстановке. Ему здесь явно не нравилось. Он и внешне отличался от других молодых рабочих. Одевался чище, опрятнее, подстригал волосы по-деревенски, в скобку. Вина не пил, деньги, которые выдавали в получку, прятал, а питался кое-как. Был себе на уме, но хотел, чтобы его считали простодушным. С лица Егора не сходила глуповатая улыбка.

— Довольно мы терпели на своей шее кровопийцу-хозяина! — закончил выступление Иван Кондратьевич и спрыгнул с верстака. — Пора господину фон Бенкендорфу убираться ко всем чертям вместе с акционерами и членами правления. Завод принадлежит тем, кто трудится!

— А как с землей будет? — крикнул Егор Иванцов.

— Тише ты! — с досадой толкнул его в спину Семен. Но Иван Кондратьевич поднял руку:

— Вопрос важный! Насчет земли может пояснить товарищ из Питера! Впрочем, могу и я ответить. Есть декрет, подписанный товарищем Лениным. Вся земля навечно и без выкупа переходит к трудящимся. Кончилась райская жизнь для господ помещиков. Пускай теперь сами за плугом походят!

Рабочие зашумели, послышался смех. Иванцов задумался и отошел в сторону.

— Семен! — крикнул Иван Кондратьевич. — Посторонних в цехе нет?

Все обернулись к парню. Он смущенно ответил:

— Никто не проходил!

— Тогда слушайте меня, товарищи! — понизил голос Шумов. — Сегодня ровно в полночь соберемся за Сукремльским оврагом. Там дружинникам будет выдано оружие. О дальнейших действиях договоримся на месте. А сейчас — за работу! Завод теперь принадлежит нам. Скоро начнем изготовлять не то, что угодно фон Бенкендорфу, а то, что нужно для рабочего класса!

Он заговорил с приехавшим из Петрограда металлистом-путиловцем. Семен подошел ближе, стараясь не пропустить ни слова.

Отец и сын были похожи друг на друга. Оба коренастые, широкоплечие, со светлыми, вьющимися волосами, только Иван Кондратьевич покряжистее, лицо изрезано морщинами, а большие руки покрыты мозолями. Семен же, розовощекий, с пухлыми, детскими еще губами и мягким подбородком, напоминал молодой дубок, жадно тянущийся к свету. Иван Кондратьевич тридцать с лишним лет простоял у слесарных тисков. Перебравшись в конце восьмидесятых годов из голодающей деревни в Москву, он поступил на завод Михельсона, откуда вскоре был уволен за участие в забастовке. И начались мытарства. Вместе с семьей и нехитрым скарбом он перебирался из одного города в другой, работал в лабазе, на речной пристани, в железнодорожных мастерских. И всюду, не желая мириться с несправедливостью, он отстаивал свое рабочее, человеческое достоинство. За «крамолу» Шумова много раз арестовывали. Он ночевал в полицейских участках, его избивали, над ним издевались. Но это не могло сломить смелого, гордого человека.

Жена, Елизавета Ивановна, безропотно делила с ним трудности. А со временем научилась ему помогать. Прятала листовки, дежурила на улице, пока в квартире совещались подпольщики. Скитаясь по стране, они однажды заехали в маленький, затерянный в Брянских лесах городок Любимово. Сотни три одноэтажных, почерневших от дождей деревянных домов. Кривые, узкие улицы, утопавшие осенью и весной в непролазной грязи. Бесконечные

огороды, окружавшие город зеленым кольцом. На окраине Любимова в белом каменном особняке жил директор завода Загрязкин, человек вздорный и неумный, прославившийся кутежами и неумеренным пристрастием к женскому полу. Завод, где изготовлялось несложное оборудование для электростанций, принадлежал проживавшему в Петрограде графу фон Бенкендорфу, чистокровному немцу, происходившему из остзейских баронов. Он кичился тем, что является прямым потомком «знаменитого» николаевского шефа жандармов. Фон Бенкендорф, как и его предок, придерживался самых крайних, реакционных взглядов, делал крупные взносы в черносотенную организацию «Союз русского народа» и ввел на своих предприятиях палочную дисциплину и систему взаимного шпионажа. В Любимово он наведывался редко, раз в пять — шесть лет, и то не потому, что интересовался, как идут дела на заводе, а с целью поохотиться в Брянских лесах на крупного зверя.

На любимовский завод и поступил слесарем Иван Кондратьевич. Здесь он проработал до ноября тысяча девятьсот семнадцатого года. Первое время неграмотные и запуганные рабочие с недоверием относились к «смутьяну», как называли мастера и начальники Ивана Кондратьевича. Но вскоре простая, доходчивая агитация сделала свое дело. У людей словно глаза открылись. Они будто впервые увидели, что их семьи живут в грязных холодных бараках, в цехах дырявые стены, и там свободно гуляет промозглый ветер. А гнуть спину приходится с рассвета до сумерек, директор же с помощью сложной и хитроумной системы штрафов лишает рабочих даже того мизерного заработка, который полагался за каторжную работу. Первые забастовки, первые победы сплотили людей. Со временем Иван Кондратьевич связался с брянскими товарищами-подпольщиками и, опираясь на старых, кадровых рабочих, создал на заводе ячейку социал-демократической партии. Появившимся позже в городе эсерам, кадетам и анархистам был дан хороший отпор. Их крикливая, бьющая на внешний эффект пропаганда не имела успеха среди любимовцев. Основная масса рабочих шла за большевиками... Такая сложилась обстановка на заводе в ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года, когда приехавший из Петрограда большевик Федор Лучков рассказал о взятии Зимнего дворца и бегстве Керенского. Эта весть взбудо-

ражила рабочих. Они остановили станки и собрались в механическом цехе.

...Мимо Семена прошел мастер Накатов, пожилой, с наголо обритым круглым черепом. Он горбился и втягивал голову в плечи, делая вид, что очень немощен и слаб. Но его притворство никого не обманывало. Давно прославился Накатов как верный хозяйский прислужник, его попытки казаться старым и больным вызывали у рабочих лишь саркастические усмешки.

— Был псом, а прикинулся зайцем! — говорили про него.

Накатов брел между станками, опустив голову, но его маленькие, хитрые глазки поблескивали под нависшими бровями, пытливо рассматривая рабочих. От него не укрылось, что в цехе стоит непривычная тишина. Не слышно обычных шуток и смеха, люди сосредоточенны и словно чего-то выжидают. Он знал, что несколько минут тому назад было собрание, и нарочно не входил, понимая, что его все равно не впустят. Теперь нужно было узнать, о чем здесь говорили. Но как? Предателей не было!.. Навстречу Накатову шел Иванцов, толкая тачку с мусором.

— Постой-ка, Егор! — ласково сказал мастер. — Я тебя давно ищу.

— Меня? — испугался парень.

— Да ты не бойся! — покровительственно похлопал его по плечу Накатов. — С тобой хочет поговорить господин директор. Собирайся.

— Сам Загрязкин? — не поверил Иванцов. Его круглые щеки стали серыми, губы оттопырились. Он медленно снял через голову брезентовый фартук.

— Иди за мной! — сказал Накатов и направился к двери, сообразив, что нельзя долго стоять рядом с Иванцовым на виду у рабочих.

— За что? — жалобно заговорил Егор, догнав мастера во дворе. — Я, ей-богу, ни в чем не виноват. Не увольняйте меня, Игнат Петрович, матушка в деревне больная, две сестренки... Всю солому с крыши коровенка подобрала, детишкам есть нечего... Пожалейте, господин Накатов. Лучше оштрафуйте!

Мать у Иванцова давным-давно умерла. У него не было ни сестер, ни детей, ни коровенки, но он хотел разжалобить мастера и склонить его на свою сторону. Егор частенько прибегал ко лжи, когда это было выгодно. И если

обман удавался, он хвалил себя за находчивость и презирал того, кто ему поверил. Но мастер шагал, будто не слышал.

Прыгая через лужи, они пересекли залитую грязью площадь. Дом Загрязкина был скрыт за пышными кронами деревьев, росших в саду. Красно-желтый ковер из опавших листьев устилал дорожку, которая вела к подъезду. Листья пружинили под ногами и приглушали шаги. Окна особняка были закрыты ставнями, точно в доме никто не жил.

Накатов поклонился молчаливому и неподвижному, похожему на статую швейцару, долго вытирал ноги мокрой тряпкой. Затем снял фуражку и велел Егору:

— Жди меня!

Иванцов боялся пошевелиться. Он заметил, что швейцар поглядывает на него снисходительно и понимающе.

— С завода, что ли? — наконец шепотом спросил швейцар.

Удивленный тем, что тот заговорил, Иванцов кивнул.

— Ну как там? Шумят?

— Не знаю, — ответил Егор. — Мы, мужики, в политике не разбираемся.

На втором этаже хлопнула дверь. Появился высокий мужчина в голубом мундире и шароварах с лампасами. На ногах у него сияли узкие, свирепо начищенные сапоги, от которых даже сюда, вниз, доносился приторный запах ваксы.

— Эй, ты! — негромко позвал он, похлопывая рукой в перчатке по перилам. — Феномен! Подойди ко мне!

Иванцов поднялся по лестнице. Его трясло, словно от холода, и в то же время лицо покрылось потом.

— Как тебя зовут? — рассматривая Егора водянистыми глазками, спросил есаул. Не дожидаясь ответа, круто повернулся, звякнул шпорами и скрылся в зале. Иванцов вошел в зал вслед за ним. Он насторожился, хотя улыбался привычно, глуповато и наивно. За карточным столом сидели Загрязкин, пышнотелая дама в черном платье и два молодых офицера с розовыми, мальчишескими физиономиями: племянники Загрязкина, Котя и Славик. Юнкера жили в Любимове всего несколько дней, но их ночные похождения уже успели стать печально-популярными. Выследив девушку, Котя и Славик в полночь врывались к ней в дом и заставляли перепуганных хозяев

выставлять на стол угощение. Парни собирались жестоко проучить их, но офицеры ходили с оружием и пока оставались безнаказанными.

Загрязкин — неряшливо одетый толстяк с нездоровыми мешками под глазами — сдавал партнерам карты. У окна стоял красный и взволнованный Накатов. Он незаметно подмигнул Иванцову: не робей!

— Рассказывай! — обратился директор к вошедшему.— О чем рабочие на сходке толковали?

— Я... Я не знаю! — пробормотал Егор.

— Позвольте, я объясню! — вмешался Накатов. — Пойми, Иванцов, господин Загрязкин хочет сделать для тебя доброе дело! Ты будешь получать вдвое больше денег, станешь помощником начальника грузового двора! Но сначала мы должны порядок навести. Немецкие шпионы мутят народ, а дураки их слушают... Ты, Егор, умный человек. Свою пользу понимаешь. С голодранцами тебе не по пути, верно? Ты сам задумал хозяином быть!

— Верно! — подумав, осторожно ответил Иванцов. Он плохо понимал, что им от него нужно, но вкрадчивый, ласковый голос мастера настораживал.

— Ладно, теперь ему все ясно! — нетерпеливо сказал Загрязкин. — Так о чем вы сговаривались? Отвечай. Скажешь, получишь пять рублей. А будешь молчать, выгоню к чертовой матери. Сегодня же!

— Господин директор!.. — взмолился Егор. — За что? Помилуйте...

— Говори!

— Мерзавец! — выпучив белые глаза, завопил есаул.— Застрелю, как собаку!

— Позвольте! — попятился Иванцов. — Я в этом не разбираюсь... Ну, толковали, будто надо свою власть установить. Офицеров, дескать, арестовать, а к солдатам послать этих... Агитаторов. И еще решили в полночь собраться в Сукремльском овраге... Там оружие раздадут... А больше, вот те крест святой, ни слухом ни духом!.. — Егор размашисто перекрестился.

Загрязкин вскочил. Встала и дама, стиснув в накрашенных губах папироску. Только Котя и Славик по-прежнему сонно смотрели на дядюшку.

— Что думаете предпринять, господин есаул? — спросил директор. — Впрочем, ты, как тебя... Можешь идти. Держи! — На ковер упала золотая монета. Поспешно на-

гнувшись, Егор схватил ее и подумал: «Неужели настоящая?» Теперь ему хотелось побыстрей уйти.

— О нашем разговоре молчи. Понял? — поднял палец Загрязкин.

— Так точно! — ответил Егор и улыбнулся, как обычно, глуповато и простодушно.

...На дворе моросил дождь. Нудный, холодный, ноябрьский.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Шумовы жили в бараке, за тонкой фанерной перегородкой. На шести квадратных метрах с трудом умещались деревянная кровать и стол. На стене виднелась самодельная полка, там за пологом из марли белела посуда. Дверь заменяла занавеска, прибитая к стене. Барак был общий. Перегородку Иван Кондратьевич сделал сам, а на дверь материала не хватило. Вечером, когда собирались жильцы, барак гудел, точно пчелиный улей. Жалобные аккорды гитары смешивались с густым храпом и руганью. Звуки без труда проникали сквозь перегородку, но Шумовы привыкли к ним и спокойно занимались своими делами. Иван Кондратьевич обычно мастерил что-нибудь, если не уходил на собрание; тонкий, смуглый Семен, зажав уши руками, читал, и его огромная тень чернела на низком потолке, а Елизавету Ивановну, с виду такую забитую и покорную, одолевали вовсе не женские заботы. Она обшивала мужа и сына, стряпала им еду и еще должна была собирать по городу нужную для Ивана Кондратьевича информацию, вести разъяснительную работу среди женщин, прятать оружие и листовки. Невысокая ростом, с ровным пробором в черных, гладких волосах, Елизавета Ивановна незаметно и молча делала огромную работу, с которой не всякий мужчина мог бы справиться.

В этот вечер она волновалась. Одетая в черное пальто, с платком на голове, Елизавета Ивановна металась по тесной комнате и прислушивалась. Ждала мужа, который ушел на опасное, рискованное дело. Вместе с Федором Лучковым и несколькими рабочими он отправился добывать оружие. С месяц назад городская управа издала приказ о том, что солдаты, вернувшиеся с фронта, должны

сдать огнестрельное оружие и гранаты. Немногие выполнили приказ, но все же штук триста винтовок и несколько десятков тысяч патронов было сдано в управу.

Оружие хранилось в одном из подвальных помещений, окна которого, загороженные решетками, выходили на центральную, Садовую улицу. По вечерам улица освещалась газовыми фонарями. По деревянным тротуарам, лузгая семечки, прохаживались бравые фельдфебели и ефрейторы со своими дамами. Проникнуть в склад, казалось, не представлялось возможным. Но у Ивана Кондратьевича был какой-то план, неизвестный жене.

Была и еще причина, заставлявшая волноваться Елизавету Ивановну. Днем Семен сильно повздорил с отцом. Это случилось впервые, отец и сын прежде хорошо ладили, тем страшнее теперь показалась размолвка. Спор возник тотчас же, как только пришли с завода. Без аппетита похлебав жидкие, постные щи, Семен отложил ложку и, не глядя на отца, тихо сказал:

— Отпусти меня в Питер.

— Что? — поперхнулся Иван Кондратьевич. — Обалдел!

— Отпусти! — упрямо повторил Семен.

— Да зачем? — приподнялся Иван Кондратьевич. — Что тебе в голову взбрело?

— Нужно! — опустил голову юноша.

— Ну, вот что! — сердито сказал Шумов. — Мне в твоей дури некогда разбираться. Своих забот достаточно. Приключений на твою долю и здесь хватит. Чуешь, время какое? Вот в рабочую дружину запишись. Это дело! Пойдешь со мной!

Елизавета Ивановна, уверенная, что предложение вызовет у сына бурю восторга, собралась уже протестовать, боясь за своего первенца, но как она была удивлена, когда Семен отрицательно покачал головой:

— Нет! Нужное твое дело, не спорю. Но у меня свое есть. А за рабочую власть, если доведется, я и в Питере повоюю! Отпусти. Не отпустишь, сам уеду!

Иван Кондратьевич стукнул кулаком по столу и встал. Через минуту оба ушли. Мать не расспрашивала Семена, зная по опыту, что у сына, если заупрямится, слова не вытянешь. Но когда шаги стихли, она с беспокойством подумала: «Что он задумал?..»

Пока Елизавета Ивановна, волнуясь, расхаживала по комнате, Семен, подняв воротник старенького пальто и спрятавшись от моросящего дождя под широкий карниз ветхого деревянного дома на краю безлюдной окраинной улицы, ждал. У него не было часов. Время он отмечал по каплям, ритмично падавшим с крыши. Кап-кап! Уже сбился Шумов, считая, сколько раз ударились капли, а та, кого он ждал, все не появлялась... Но вот тихонько скрипнула дверь.

— Любаша! — позвал Семен.

— Я! — послышался робкий ответ.

Парень и девушка бросились друг к другу, но застеснялись и поздоровались за руку. Дождь поливал их, но они не замечали.

— Не вышло! — сказал Семен. — Отец пока против.

— Против! — как эхо повторила девушка.

— Но я все равно поеду! Я решил! Одну тебя я не отпущу! Но, может, ты останешься?

— Нет, — прошептала Любаша. — Отчим уже и дом продал. Где я жить буду?

— На завод поступишь, поселишься в бараке. Место есть!

— Что ты, Семен. Не возьмет меня ваш лысый Загрязкин! А если бы взял, я и сама не пошла! Известно, как он с девушками обращается!.. Отчим меня ремеслу выучить обещал. О нем в Москве знают. Он генералам по заказу шил. Конечно, в Любимове для него работы подходящей нет... Ты сам, Семен, понимаешь! А в Питере он свое дело мечтает открыть...

— Тебя-то вместо прислуги, что ли, берет? — грубовато спросил парень.

— Не надо так! — со слезами ответила девушка и прижалась к нему.

— Когда едете? — Семен, прикрыв огонь ладонями, закурил. Лицо, освещенное вспыхнувшей спичкой, показалось Любаше бронзовым.

— Завтра на рассвете.

— Вот и я с тобой! — твердо сказал Семен. — Пропадешь у своего эксплуататора. Я и в Питере работу найду. Там, небось, нынче власть наша, советская! Слышала, что рассказывают?

— Нет, Сеня, ничего я не слышала! До того ли мне? — вздохнула она. — Ты ступай!.. Дома беспокоются, небось.

А без разрешения ехать не нужно! — по-женски трезво добавила Любаша. — Счастья нам не будет!.. Идем, провожу до калитки.

Но у ворот не расстались, а пошли по переулку, держась за руки и почти не видя друг друга в темноте. Время близилось к полуночи, огни всюду погасли. В конце улицы чернел лес. Мокрые деревья печально шептались, словно жалуясь на холод.

Внезапно в той стороне, где был Сукремльский овраг, гулко раскатился выстрел, и тотчас же раздались дружные залпы, заглушившие разрозненные револьверные хлопки.

— Что это? — схватил Любашу за руку Семен. — Там же наши!

Он осторожно взял ее за голову и несколько секунд всматривался в лицо, смутно белевшее в темноте, затем отпустил и бросился бежать. Через несколько секунд сзади послышался сдавленный крик. Шумов обернулся, но все было тихо.

— Любаша! — позвал он. Ответа не последовало. «Показалось», — подумал юноша.

Пересекая центр города, он увидел на улицах казаков на сытых конях. Барак был окружен неподвижной, молчаливой толпой. Растолкав людей, Семен пробился к двери. Узнавая его, рабочие с готовностью уступали дорогу. Семен обратил на это внимание, но не понял в чем дело, только отчего-то встревожился. Слышались вздохи и всхлипывания. «Что-то случилось!» — подумал юноша. Он вбежал в барак, кинулся к перегородке и остановился, словно его толкнули в грудь. Занавеска валялась на полу. Елизавету Ивановну под руки держали две заплаканные женщины, а она вырывалась и тонким голосом кричала:

— Ваня! Да Ваня же! Ва-аничка!.. Ва-а-аня!!!

Семен шагнул вперед и увидел отца, который лежал, запрокинув голову, на кровати. Его тело казалось необычайно огромным, тяжелым. Посиневшее, странно незнакомое лицо было неподвижным.

Прерывисто хрипел чей-то голос:

— Пришли мы, стало быть, к оврагу. Темень кругом, дождь. Он, сердечный, Иван-то Кондратьевич, встречает нас у спуска и шепотком командует: «Внизу, товарищи, получите оружие, не расходитесь!» Собралось нас сотен до двух. Выстроились, винтовки к ноге, тут Федор Лучков

вышел, речь хотел говорить. Вдруг слышим: «Руки вверх!» Оглянулись, а по краю оврага будто плетень вырос, казаки с колена целятся. А впереди есаул ихний: «Огонь по изменникам, немецким шпионам!» Это мы-то, шпионы... Товарищ Лучков, конечно, не растерялся, выхватил револьвер да в есаула трахнул, однако промазал... Тут и началось! Сверху палят, мы врассыпную, выхода из оврага нет, со всех сторон окружили... Иван Кондратьевич кого за рукав, кого за плечо — остановил! «Они, — говорит, — нас в темноте не видят, не то, что мы их! Давайте-ка кучкой, авось прорвемся!» Сделали мы, как он велел. По обрыву вскарабкались, выскочили, как черти, все с ног до головы в глине, ружья наперевес: «Ура!» Казаки растерялись, а мы — ходу в кусты! Иван Кондратьевич сзади бежал, отстреливался. Вдруг схватился за грудь и упал. Я с Федькой к нему. «Бегите, — шепчет, — товарищи, бегите, убили меня!.. Да здравствует Ленин!». И смолк, голову откинул. Подняли мы его, ну и вот... Почти все ушли, пятерых только казаки похватали! Троих ранили. А он...

Говоривший снял шапку. Зарыдала женщина и умолкла, словно задохнувшись. Семен стоял в ногах у отца. Ему было трудно дышать. Першило в горле. Хотелось откашляться, но он вдруг забыл, как это делается... Голова была пустая и звенела. Он еще не понимал, что произошло. Видел, но не понимал. Кто-то положил руку ему на плечо, он даже не почувствовал. Глаза были сухими. Услышав горестный крик матери, Семен словно очнулся. Подошел к Елизавете Ивановне, чье сморщенное мокрое лицо сделалось старым и некрасивым, нежно обнял и дрожащим голосом принялся говорить бессмысленные и ненужные слова:

— Мать, ты перестань, а? Перестань, мать!.. Перестань!

До сих пор он никогда не называл ее «мать». Обычно отец обращался так к Елизавете Ивановне, и она, услышав теперь это слово из уст сына, вместо того чтобы успокоиться, еще отчаяннее закричала, стала вырываться из рук державших ее женщин. А тот, кого еще недавно называли Иваном Кондратьевичем, холодный и пугающе неподвижный, лежал, вытянув ноги, не умещавшиеся на кровати...

В бараке точно холодный ветер пронесся. Рабочие обернулись к двери. На пороге вырос растрепанный, в порван-

ной рубахе подросток. Он ловил ртом воздух. Справившись с удушьем, пронзительно крикнул:

— Спасайтесь! Солдаты!

Люди метнулись к выходу. Семена и Елизавету Ивановну кто-то схватил за плечи и втолкнул в комнату. Юноша узнал Федора Лучкова. Питерский металлист был удивительно спокоен. Его серые холодные глаза глядели серьезно. Тихо, настойчиво он говорил:

— Вы тут побудьте. Не надо на виду стоять, мало ли... Солдаты!.. Ты поплачь, Лиза, поплачь... Что ж... Не отходи от матери, Семен!

Дверь распахнулась. По полу пронесся ледяной воздух. Жители барака примолкли. Показался высокий худой солдат без шапки. Огненно-рыжие волосы его прилипли ко лбу. Винтовку он поднял над головой, держа ее, как палку. За ним виднелись серые шинели.

— Братцы! — крикнул солдат. — Не бойтесь! Мы к вам пришли не со злом, а с добром!.. Примете?

К нему подошел Федор Лучков и спросил:

— Как же понимать?

— Так и понимать! — весело ответил солдат. — Будем знакомы! Председатель полкового комитета Гринюк. Полк восстал! Отвоевались! Ваших рабочих мы выпустили, а офицеров на их место засадили. Пускай похлебают арестантскую баланду!.. Нужно казаков разоружить. Сволочи, засели в управе, окна мешками заколотили и стреляют по мирным прохожим. Но мы их оттуда выкурим, как клопов!

— Да здравствуют товарищи солдаты! — радостно закричал стоявший рядом с Лучковым рабочий.

— Милые же вы мои, дорогие мои! — громко сказала какая-то старуха. Она подбежала к Гринюку, истово перекрестила его сморщенной рукой и, обняв, трижды поцеловала в губы.

Схватив винтовки и револьверы, спрятанные под матрацами, рабочие выбегали из барака. Со двора раздавались слова команды:

— В шеренгу по четыре, станови-ись!

Семен отпустил мать и виновато сказал:

— Я тоже пойду! Не плачь. Так нужно!

— Иди!..

Колонна рабочих и солдат уже выходила из ворот. Семен пристроился к последнему ряду.

...Утро Семен встретил в управе. Он стоял с винтовкой в зале, где испуганно жались к стенкам разоруженные казаки. Загрязкин вместе с племянниками все-таки успел удрать. Когда пришла смена, Шумов отправился домой, но задержался на крыльце, ослепленный ударившим в глаза солнцем. Ничто не напоминало о том, что кончается осень и уже не за горами первый снег. Солнце сверкало на безоблачном небе так радостно, как будто весь последний месяц не пряталось за тяжелыми, мокрыми тучами, сеявшими дождь. Сейчас оно отражалось в бесчисленных лужицах, зажигало огненные искры на окнах, раскрашивало в яичный цвет подсохшую землю. Воздух был теплый, пропитанный терпким запахом подгнившей листвы... Несмотря на ранний час, улица была запружена народом. Огромная толпа, гудя, колыхалась возле здания управы, над которым развевалось красное полотнище. Над крыльцом мотался по ветру сделанный наскоро плакат: «Вся власть Советам!» Буквы, написанные разведенным мелом, расползались.

Вспомнив о матери, Семен заспешил домой. Мысли у него были необычно солидные, взрослые. Он с удивлением отметил, что за эти несколько часов стал смотреть на вещи иначе. То, что еще вчера казалось важным, сегодня выглядело второстепенным. Вспомнив, что он хотел уехать в Питер, Семен покачал головой. Какое легкомыслие! Любаша? Но она должна дождаться его, если любит. Не гоже самостоятельному мужчине бежать за бабьей юбкой!.. Мальчишеским упрямством так расстроить отца! Тот ушел с камнем на душе. И теперь уже ничего нельзя поправить. Это было особенно горестно. Семен понял, что никогда не услышит отцовского голоса, не прижмется к его плечу. Никогда! Ледяным холодом дохнуло от этого слова. Он впервые ощутил, как безжалостна смерть, и заплакал, отвернувшись от прохожих, всхлипывая и слизывая языком соленые капли с губ.

Успокоившись, Шумов озабоченно подумал о том, что обязан позаботиться о матери. Надо ведь и о похоронах не забыть. На углу он обернулся и долгим взглядом посмотрел на заборчик, возле которого так горько рыдал. Он прощался с юностью.

Семен прошел мимо знакомого дома с широким карнизом и подумал: «Они, наверно, уехали! Я не простился! Нехорошо!» Помедлив, он тряхнул головой и решительно поднялся на расшатанное крыльцо. Дверь оказалась от-

крытой. Это удивило его. Послышался тоненький плач. Голос был незнаком. Встревоженный, он вошел в комнатку с низким потолком, огляделся. У окна, сгорбившись и опустив голову, сидел бородатый мужчина с всклокоченными седыми волосами. Он не шевелился. На узкой деревянной кровати белела неподвижная фигура в знакомом платье и заплатанной шерстяной кофте. Любаша! Она лежала ничком, спрятав лицо в подушке. Плечи ее вздрагивали.

— Любаша! — крикнул Семен и шагнул к кровати. Но девушка не ответила. Седой мужчина медленно поднял голову и долго, моргая белыми мокрыми ресницами, смотрел на молодого человека. Ровно, без выражения, сказал:

— Зачем пришел? Ты же видишь? Этого нельзя поправить. Она опозорена. Уходи...

— Что случилось? — вне себя закричал Семен.

— Вы ее жених? — приподнялся портной и снова сел. — Такое несчастье, такое несчастье!.. Девушка вчера шла по улице, на нее набросились два юнкера — вы их, наверное, знаете, весь город их знает, — она кричала, звала на помощь... Тогда эти волки зажали ей рот, ну, и вы понимаете... Разве могла она сопротивляться? И никого не было, чтобы прийти на помощь... Я ее нашел у крыльца. Она лежала на земле под дождем. Я же говорил! — вдруг вскочил портной. — Запрещал шляться ночью по улицам!.. Почему я должен торчать в этом проклятом богом медвежьем углу! Разве для того я кормил ее шестнадцать лет?..

Семен отступил. Портной продолжал бормотать. Юноша вспомнил слабый призыв о помощи... Так, значит, это произошло в тот момент, когда он бросил ее и побежал на выстрелы!..

— Опозорена! — желчно твердил портной. — Кому ты нужна? Над тобой будут смеяться!

— Замолчите! — с ненавистью крикнул Семен. — Не смейте так говорить! — Он наклонился к девушке и твердо сказал: — Пойдем отсюда! Я тебя очень прошу. Пойдем. Ты больше никогда сюда не вернешься!..

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Судьба свела Семена Шумова и Егора Иванцова еще раз в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Произошло это в сентябре, в разгар «бабьего» лета, которое в этих

краях бывает обычно на редкость солнечным и теплым. Серебряная паутинка летала над домом и садилась на зеленые кусты крыжовника, которые двумя рядами росли в садике перед крыльцом. Жаркое, совсем не осеннее солнце заливало мощенную булыжником улицу, ничем не напоминавшую ту грязную окраину, где когда-то стояли покосившиеся рабочие бараки с дырявыми стенами.

Теперь тут в два ряда выстроились одноэтажные деревянные дома, крытые железом и черепицей. Они утопали в пышной зелени плодовых деревьев, заботливо, с любовью посаженных в палисадниках руками хозяев. В бывшем особняке Загрязкина помещалась школа, звонкие ребячьи голоса с утра до вечера доносились из старого, тенистого парка. На территории локомобильного завода появились красные кирпичные корпуса. Завод, который сильно разросся, недавно был оснащен современным оборудованием отечественного производства. Его продукция занимала немалый удельный вес в народном хозяйстве области. Мимо Любимова была проложена железнодорожная ветка из Москвы на Брянск. Возле того места, где в старое время разливался грязный пруд, выросла станция с буфетом и высокой платформой. К станции вела шоссейная дорога, проложенная в густом лесу и сделавшаяся для молодежи излюбленным местом прогулки. Ребята и девушки летом приходили на станцию встречать поезда. Центральную улицу города, бывшую Садовую, ныне Красноармейскую, несколько лет тому назад залили асфальтом, а в бывшем доме городской управы находились Совет депутатов трудящихся, партийный комитет и горком комсомола.

Из этого двухэтажного белокаменного здания и вышел Семен Иванович Шумов в тот вечер, когда получил важное задание от первого секретаря горкома партии Федора Лучкова. Взглянув на часы, он заторопился домой. Любовь Михайловна обижалась, когда он опаздывал к обеду:

— Пойми, Лешка с тебя пример берет, обедать является, когда ему вздумается! Гоняет целыми днями!..

Сын, Алексей, в самом деле доставлял много хлопот. Чем старше становился, тем труднее было за ним уследить. Ему исполнилось восемь лет, а на его счету уже числились такие «подвиги», на которые не решились бы ребята и постарше. Зимой, в жестокий мороз, он, например, убежал из дома. Никому ни слова не сказав, набил котомку сухарями, которые насушил тайком от родителей, облачился в шубу,

шапку и исчез. Любовь Михайловна и Семен Иванович с ног сбились, звонили и в милицию, и в «Скорую помощь», уже и надежду потеряли, как вдруг в сумерки во дворе заскрипел снег. Выскочившая на крыльцо Любовь Михайловна увидела Алешку, который, притаив дыхание, крался к сараю. Семен Иванович так обрадовался, что не стал даже наказывать сына. «Где ты был?» — только и спросил. — «В лесу!» — сердито ответил Алексей. После долгих расспросов удалось выяснить, что он выстроил из веток шалаш на опушке леса и намеревался там жить, добывая пропитание, как он объяснил, охотой и рыбной ловлей. Беда была в том, что Алешка забыл захватить спички, оттого и вернулся...

По пути Семен Иванович вспоминал разговор с секретарем. Федор Лучков озабоченно говорил:

— Имей в виду, поручение у тебя важное, имеющее большое политическое значение! Большинство крестьянских хозяйств в нашем районе уже объединились в колхозы, меньшая часть крестьян выжидает, но тоже вполне сочувственно относится к идее коллективизации. Особая обстановка сложилась лишь в селе Черный Брод. Добраться к ним не легко. Кругом болота, топь. Не часто заглядывают в Черный Брод районные работники. И большая наша вина в том, что, успокоенные успехами в прочих местах, мы не обращали внимания на это глухое село. Есть сведения, что там засилье кулаков. Сплотившиеся, до зубов вооруженные, они запугивают работников местного сельсовета и крестьян. Середняки жмутся к ним, ибо всегда тянутся к сильным. Бедняки батрачат, как при царском режиме. О колхозе, разумеется, и слышать не хотят. Пора уничтожить это кулацкое гнездо! Вот и посылаем тебя. Ты старый рабочий, коммунист, в политической обстановке разбираешься. Возьми человек пять на подмогу, хорошенько вооружись — и в путь. С налету не действуй. Без поддержки большинства крестьян вы все равно ничего не сделаете. Обманутым откройте глаза, запуганных приободрите, явных врагов морально обезоружьте. Ну, не буду учить. Ты в гражданской войне участвовал, побывал в разных переделках. Не оплошаешь! Прощай! Да будь осторожен! — прибавил Лучков, когда Семен Иванович уже выходил из кабинета.

Зацепившись за крышу, красный шар солнца, казалось, не хотел опускаться. Шумов открыл калитку. Семья собра-

лась во дворе. Любовь Михайловна строго говорила Алешке, который, понурив голову, стоял перед ней:

— Что это за мода, не обедать? Знать не хочу, кому ты там проспорил! Сейчас же садись за стол!

Любовь Михайловна, которую Шумов по-прежнему ласково называл Любашей, почти не изменилась. Такой же тонкой и стройной была фигура, так же молодо румянились щеки, как в тот памятный вечер, когда Семен ждал ее под дождем... Только приглядевшись, можно было заметить на лбу тоненькую морщинку да черные, горячие глаза как будто стали спокойнее, добрее. Волосы ее оставались густыми и пышными, но сбоку белела седая прядь, которая появилась в ту страшную ночь...

Алешка, коренастый медвежонок, фигурой уже теперь похожий на отца, упрямо твердил:

— Все равно не буду! Мы честное слово дали! Как ты не понимаешь!

Бабушка Елизавета Ивановна сидела под полотняным навесом, за накрытым к обеду столом, и укоризненно покачивала головой. Впрочем, едва ли она по-настоящему сердилась. Бабушка очень любила озорного внучонка, который всеми повадками живо напоминал покойного деда.

— Что тут за спор? — спросил Семен Иванович, целуя жену и мать. — Ты, байстрюк, почему руки не моешь?

— Я обедать не буду! — отвернулся Алешка.

— Почему? Я вот сейчас ремень возьму!..

— Ну и пожалуйста! А я все равно не имею права!.. Ты сам же меня будешь презирать, если нарушу честное слово!

— О, честное слово — вещь серьезная! — вздохнул Семен Иванович. — Тогда объясни!

Из путаного рассказа Алешки он с трудом понял: тот побился об заклад с соседским пареньком, сыном инженера, Женькой Лисицыным, что переплывет, не отдыхая, в оба конца широкий пруд, славившийся омутами и цепкими водорослями, уже не одного купальщика утянувшими на дно. В том случае, если подвиг не будет совершен, Алешка обязался три дня не обедать...

В одну сторону Алешка пруд переплыл, но так устал, что побоялся плыть обратно. Здравый смысл все-таки оказался сильнее гордости. Женя торжествовал, а младшему Шумову ничего не оставалось, как подвергнуть себя добровольно избранному наказанию.

— Теперь ты видишь, я никак не могу! — закончил Алешка и, вздохнув, с тоской посмотрел на дымящийся борщ. — Я лучше пойду погуляю...

— Ну что ты будешь делать! — с отчаянием сказала Любовь Михайловна.

Бабушка попыталась склонить внука на компромисс.

— Знаешь что! — предложила она, пряча улыбку. — Ты возьми и поешь, а Женьке твоему мы ничего не скажем!

— Как тебе не стыдно, бабушка! — возмутился Лешка.

— Этот вариант, конечно, исключается! — поддержал Семен Иванович, любуясь возбужденным и решительным лицом сына. — Дал слово — держись! Мать, не корми его три дня обедом! А ужинать-то тебе можно?

— Ужинать можно! — с надеждой ответил Алеша.

— Вот и хорошо! — закончил Шумов. — Ужин у нас будет ранний. В ночь я уезжаю. Собери-ка меня в путь, Любаша!

Ни матери, ни жене Семен Иванович не рассказал о том, что путешествие предстоит опасное. Не хотел их понапрасну расстраивать. «Еду в командировку, в деревню! — объяснил он. — Совсем недалеко. Дней через десять вернусь!» Шумов был убежден, что успокоил домашних, но он ошибся. По его лицу они догадались об опасности, но в свою очередь не подали вида, что встревожились.

В полночь за Шумовым зашли его спутники. Их было пятеро. В телогрейках, с мешками за плечами, подпоясанные кожаными ремнями, отвисающими от тяжелых маузеров, они весело шутили и смеялись, усаживаясь на телегу, но их бодрые улыбки казались Любови Михайловне искусственными. Женщина на миг приникла к мужу, но не желая, чтобы он почувствовал ее тревогу, отстранилась и голосом, вздрагивающим от усилий быть ровным, сказала:

— Значит, в воскресенье тебя ждать! Счастливого пути!

Она быстро вошла в дом. Семен Иванович был благодарен жене за то, что не затянула прощанье.

— За Алешкой присматривай! — крикнул он и услышал:

— Не беспокойся!

В село Черный Брод приехали на третий день к вечеру. Пригоршня желтых домишек чьей-то огромной рукой была

высыпана на обширную лесную поляну, поросшую травой и окруженную могучими, столетними деревьями. Земля под пашню отвоевывалась у леса с огромным трудом. Толстые пни с засохшими корнями, валявшиеся на обочине дороги, достаточно красноречиво свидетельствовали о той работе, которую пришлось проделать крестьянам. Дома были отделены друг от друга заборами и походили на островки. Люди здесь, видимо, не любили и боялись своих соседей.

— Каждый за себя, один против всех! — задумчиво сказал Семен Иванович, оглядывая из-под руки село, освещенное красными лучами заходящего солнца. — Ну, товарищи, теперь каждое слово взвешивайте. Коли нас не поймут, поедем назад не солоно хлебавши.

— Если поедем! — хмуро вставил пожилой слесарь Евграфов. Эта реплика прозвучала как похоронный звон. Рабочие промолчали, но всем стало как-то не по себе.

Через несколько дней Шумов убедился: то, о чем предупреждал секретарь горкома, — чистая правда. Они поселились в тесной и темной хатенке, где помещался сельсовет. То есть, здесь он должен был находиться, как вещала заляпанная грязью вывеска, но на самом деле изба была пуста и неприбрана. Шумов долго не мог отыскать председателя. Наконец тот явился. Он оказался старым, подслеповатым и глухим мужичком, который на все вопросы отвечал односложно и исчерпывающе: «Ась?» О положении дел в селе он рассказать не мог, да Шумов и остерегался выспрашивать, чтобы не выдать раньше времени своих замыслов. Шумов быстро понял, что тут всем ворочает группа кулаков, руководимых грязно одетым и с виду безобидным крестьянином по фамилии Иванцов. Но тот был вовсе не так прост, как казалось. Об этом можно было судить хотя бы по его дому под железной крышей и каменным службам, напоминавшим помещичью усадьбу.

Шумов не сразу припомнил, что пьяненький и придурковатый мужичок, с хитрыми, злыми глазками и есть тот Иванцов, который работал когда-то на заводе. Егор сам напомнил об этом. Однажды вечером он, по обыкновению, шатался возле сельсовета, пытаясь пронюхать, чем занимаются приехавшие из города «комиссары». Чтобы не возбудить у них подозрения, он привел шумную ватагу молодых парней и девчат и развлекал их солеными прибаутками, от которых молодежь разражалась смехом. Впрочем,

смех был не такой, каким награждают скомороха. Выходки Иванцова принимались с видимым подобострастием, улыбки были умильные, а одобрение не в меру шумное. Чувствовалось, что его боятся.

— Не узнаешь, начальник? — подмигнул он Шумову, когда тот выглянул из окна. — Загордился, как комиссаром стал! А когда-то вместе работали... Ага, вижу, что вспомнил!

— Вспомнил! — скрыв удивление, ответил Семен Иванович. — Только ошибся ты, Иванцов. Я не комиссар, а простой рабочий. Слесарь. И товарищи, которые со мной приехали, тоже рабочие. — Эту фразу он произнес громко, предназначая ее для молодых парней, с любопытством прислушивавшихся к разговору.

Изоляция, в которой находились в первые дни приезжие, постепенно таяла. Все больше людей заглядывали «на огонек» в сельсовет. Шумов рассказывал тем, кто интересовался, о жизни в других деревнях, о колхозах и машинно-тракторных станциях, разъяснял политику Советского правительства. Вокруг Шумова и его товарищей образовалась группа, состоящая из бывших красноармейцев, разоренных кулаками бедняков и середняков, которые сперва с любопытством расспрашивали о коллективизации, а спустя некоторое время заявили, что, пожалуй, и они вступят в колхоз, если Шумов говорит правду и из района пришлют трактор.

— Трактор будет! — пообещал Семен Иванович.

В один из воскресных дней было созвано общее собрание крестьян. Ни один из кулаков не явился. В сельсовете собралась едва половина жителей. Но это не помешало Шумову провести перевыборы Совета, в который теперь вошли беднейшие крестьяне, особенно притесняемые кулаками. Вскоре состоялось и учредительное собрание колхоза. В артель вступили всего двенадцать человек, из них только у троих были лошади и коровы, а остальные всю жизнь батрачили, но Шумов был рад и этому. Колхозники объединили свои полоски и отвезли в общий сарай инвентарь. Но той же ночью сарай сгорел, лошади пропали, а коров нашли на пустыре за селом с выпущенными кишками.

Чувствуя, что большинство крестьян возмущено поступком кулаков, Семен Иванович собрал членов сельсовета и предложил немедленно арестовать Егора Иванцова.

— Довольно им, паукам, из вас кровь сосать! — закон-

чил Шумов. — Советская власть бедняков в обиду не даст! Чем скорей покончим с Иванцовым, тем быстрее построим новую жизнь!..

Крестьяне, сидевшие в хате на лавках, неловко захлопали в ладоши. Был вечер. Окна, чтобы никто не подглядывал, закрыли ставнями. Вдруг Евграфов с беспокойством сказал:

— Вы ничего не чуете, мужики? Вроде дымом пахнет!

Новый председатель сельсовета Антипов, юркий, суетливый мужичок в кумачовой рубахе, потянул носом воздух и неуверенно сказал:

— И впрямь, гарью несет. Искру, случаем, не обронили?

Но ответить никто не успел. За окнами блеснуло пламя, и в избу повалил удушливый, белый дым. Шумов толкнулся в дверь, но та оказалась запертой. Пьяный голос издевательски крикнул:

— Как там у вас, в колхозе? Не холодно?

Запахло керосином. Языки пламени уже заглядывали сквозь ставни. Мужики в панике бросились к окнам. Шумов тщетно пытался успокоить их. Антипов с криком вскочил на стол, оттуда перепрыгнул на подоконник, ударом ноги выбил стекло. Его сразу обдало клубами ворвавшегося дыма. Антипов плечом выставил раму, сорвал ставню. Открылся кусок вечернего неба, окруженный багровой, пляшущей рамкой пламени. Антипов хотел выпрыгнуть, но тут ударил выстрел, и он, удивленно ахнув, повалился на пол.

— Пропадае-ем, бра-атцы! — стуча зубами, тонко завыл пожилой крестьянин с широким, изрытым оспой лицом. Весь вечер он сидел молча, но во время голосования старательно и даже с некоторой торжественностью поднимал руку. Теперь, словно обожженный, кружился в наполненной дымом избе и кричал:

— Попросим их, аспидов, может, помилуют?.. Детишки у нас, детишки!.. А-а-а!!! Егор Силантьевич, любезный, сделай милость, открой дверь! Ведь сродственником я тебе довожусь! Его-ор!

Последние слова он прокричал, уткнувшись лицом в дверную щель, но снаружи раздался пьяный хохот, и все смолкло. Рабочие сгрудились у стены, глядя на Семена Ивановича, точно ожидая, что он укажет им выход. Притихли и крестьяне. Они тоже выжидающе смотрели на Шу-

мова. Раздумывать было некогда. Вынув из кобуры наган, он негромко сказал:

— За мной! — и бросился к окну. Грохнул выстрел. Шумов упал на горячую от углей землю, смутно увидел спины убегающих людей и выстрелил. Он не целился и ни в кого не попал, но почти успокоился. Теперь все зависело от того, как вести себя. Пока они живы. Это главное! Вслед за ним из пылающей избы выбросились колхозники и рабочие. Пламя выросло над крышей огромным грибом. Поодаль молчаливым полукругом стояли сбежавшиеся крестьяне. Несколько растрепанных, заплаканных баб с воплями выскочили из толпы и бросились к мужикам, которые, окружив Шумова, растерянно озирались.

— Мужики! — гневно крикнул Семен Иванович. — До чего дошли сволочи, мироеды! Сперва скотину убивали, теперь за людей принялись! Да неужто терпеть будете?

Но крестьяне молчали. Некоторые, не выдержав его яростного взгляда, отворачивались. На лицах у людей был страх. Тогда Шумов понял, что все висит на волоске. Если он сейчас же не сумеет повести крестьян за собой, случится беда! Вдруг раздался истошный крик:

— Антипова Ваську насмерть убили-и!

Толпа глухо и угрожающе загудела, горестно заплакала какая-то женщина. Антипова любили в селе. Бывший фронтовик, мастер на все руки, он готов был бескорыстно прийти на помощь к любому, не требуя за это платы. Почти в каждой избе можно было найти изготовленные им хлебные лари, кровати или столы. Никто лучше не мог объяснить, что делается на белом свете, о чем пишут в газетах. Антипову было лет сорок, но к нему прислушивались и старики...

Шум усиливался. В руках у некоторых мужиков появились выдернутые из плетней колья. «Пора», — подумал Семен Иванович и крикнул:

— Пошли, ребята! Они думают в своих усадьбах отсидеться! Не выйдет!

— Не выйдет! — дружно заревела толпа.

Словно бурей сорванные с мест, мужики рванулись за Шумовым. Рядом с ним, плечом к плечу, бежали бледный, но решительный Евграфов и двадцатидвухлетний токарь Пашка Дробот. Глаза Пашки были расширены от страха, но он не отставал от Шумова ни на шаг.

В доме Иванцова были наглухо закрыты все ставни, крепкие ворота заперты, за высоким забором захлебывались свирепые волкодавы, приученные кидаться на людей. Семен Иванович подбежал к забору и, не останавливаясь, не давая остынуть толпе, бросил Пашке:

— Подставь плечо!

— Что делаешь? Убьет! — отчаянно крикнул Евграфов, но Шумов уже сидел на заборе, а через секунду спрыгнул во двор. Оттуда раздалось яростное рычание псов, трахнули один за другим несколько выстрелов. Волна людей докатилась до забора, на секунду задержалась и перехлынула через него. Весь двор заполнился крестьянами. Одни пытались сорвать ставни, другие вслед за Семеном Ивановичем кинулись на крыльцо. Несколько мужиков с лицами, потными от жадности и страха, поспешили к хлебному амбару и, кряхтя, пытались сбить с дверей замок.

Шумову, наконец, удалось сорвать щеколду. Держа наган наготове, он ворвался в полутемный коридор, где остро пахло чем-то кислым. Услышав за стеной голоса, Семен Иванович нащупал фанерную дверь. Она оказалась незапертой. Он очутился в просторной комнате с высоким потолком. Стены в этой комнате были оклеены новенькими обоями, рамы и подоконники выкрашены белой масляной краской. Он увидел добротную фабричную мебель, которую не стыдно было бы поставить даже в особняк к господину Загрязкину. Мягкий диван поблескивал свежим лаком. На стене висело круглое зеркало, в котором Шумов увидел себя во весь рост, в расстегнутой телогрейке, с черным опаленным лицом.

На широкой кровати с горкой больших и маленьких подушек сидели, прижавшись друг к другу, две женщины, постарше и помоложе. Это были жена и теща Иванцова.

— Где Егор? — крикнул Семен Иванович. Женщины промолчали. Он бросился в соседнюю комнату. Кто-то метнулся навстречу. Мягкое тело ударилось в ноги. Шумов увидел мальчика лет двенадцати — тринадцати, с наголо остриженной продолговатой, как дыня, головой и оттопыренными белыми ушами. Вцепившись в Семена Ивановича, мальчишка завизжал, подпрыгнул и вдруг впился острыми зубами ему в руку. Вскрикнув от боли, Шумов попытался его отбросить, но тот, громко сопя, висел с намертво сжатыми челюстями, как бульдог. Пришлось легонько надавить ему на подбородок. Завопив, мальчишка

отскочил и стал швырять в Семена Ивановича чем попало. Летели сапоги, чашки, тарелки. Подоспевший Евграфов схватил его за шиворот и отбросил. Мальчик забился под кровать и выглядывал оттуда, похожий на злого щенка.

...Егор Иванцов стоял на коленях перед иконой и истово крестился. Когда Шумов вбежал в комнату, он даже не оглянулся, словно так был увлечен молитвой, что ничего не слышал. Семен Иванович, не теряя времени на разговоры, сгреб его за шиворот, испытывая сильное желание стукнуть по наглому лицу, на котором поблескивали хитрые глазки.

— Господи помилуй! — забормотал Иванцов, не делая попыток вырваться. — Спаси и помилуй раба твоего! Что делается на белом свете, люди добрые!.. Над невинным человеком измываетесь, дьяволы, безбожники! Разве давала Советская власть вам такое право, чтобы врываться в дом, невинных детей избивать! Что же вы смотрите, хозяева, неужто отдадите своего односельчанина на поругание?

Но вбежавшие в избу крестьяне бросились к Егору с такими угрожающими криками, что он спрятался за спину Шумова и умолк, сразу сбросив маску шута. Семену Ивановичу с трудом удалось удержать разъяренную толпу. Если бы не он, Иванцова порешили тут же, самосудом.

— Нельзя, товарищи! — уговаривал Шумов. — В город повезем! Судить будем по всем правилам!

...На другой день рано утром, после похорон Антипова, Семен Иванович со своим отрядом двинулся в обратную дорогу. Гуськом тянулись по дороге телеги. В одной сидели арестованные кулаки со связанными руками. Они угрюмо молчали и, как затравленные звери, поглядывали на лес. На другой телеге поместились Шумов с товарищами. Зорко следили за арестованными, не выпуская из рук оружия, понимая, что здесь, в глухом лесу, их подстерегают всякие неожиданности. Километров пять за телегами бежал мальчишка, который укусил Шумова за руку. Это был сын Иванцова Митька. Он быстро перебирал босыми грязными ногами по обочине дороги и не сводил глаз с отца. Целый час видел Семен Иванович его маленькую фигурку. За все время Митька не произнес ни слова, не плакал, но в лице его была такая решимость, будто он собирался идти за отцом все сто сорок верст до города. Митька отстал только после того, как Иванцов хрипло крикнул:

— Ступай, ступай, сынок! Ноги собьешь!.. Живо домой, кому говорю!.. — И когда мальчишка остановился, Егор добавил, обращаясь не столько к нему, сколько к Шумову: — И мамке передай, что я скоро вернусь! Понял? Очень скоро! Пусть так все и запомнят!..

Труден был путь до Любимова. Ночью, когда был сделан привал, Семен Иванович не ложился спать. С наганом в руке он стоял у костра и глядел на кулаков, лежавших в траве. Егор Иванцов, не переставая, злобно ругался. Он старался подобрать такие оскорбления, которые больнее могли бы задеть Шумова. Угрожал, что рано или поздно окажется на свободе и тогда отомстит. Брызгая слюной, сладострастно описывал изощренные пытки, которым подвергнет Семена Ивановича. Пашка Дробот с удивлением сказал:

— Вот контра! Как ты терпишь, Иваныч? Пустить его, гада, в расход, и дело с концом!

Но Шумов молчал, ни одна черточка в его лице не дрогнула. На другой день к вечеру выехали из лесу. Вдали уже виднелись дымящиеся заводские трубы. Рабочие повеселели. Евграфов что-то с улыбкой рассказывал Пашке. Тот краснел и застенчиво улыбался. Кулаки, напротив, притихли и жадно курили одну цигарку за другой. Вдруг Шумову показалось, что впереди между деревьями мелькнула человеческая фигура. Он вспомнил о Митьке, но тотчас же прогнал эту нелепую мысль. В глаза ему бросились белая рубашонка, перетянутая узким ремешком, шапка светлых волос. Екнуло сердце.

— Алешка! — неуверенно сказал Семен Иванович и закричал: — Алексей, стервец, ты что там прячешься? А ну, выходи!

На дорогу выскочил Алешка. Несколько шагов он прошел медленно, опустив голову и исподлобья глядя на отца, потом радостно взвизгнул и бросился к телеге. Семен Иванович подхватил его на руки, поцеловал и, точно отвечая на дружелюбно-насмешливые взгляды товарищей, сказал:

— Такой сорванец! Наверняка ведь из дому без спроса убежал! Отвечай, так или нет?

— Я не убежал! — ответил Алешка, шагая рядом и крепко держась грязной ручонкой за край телеги. — Я просто взял и ушел! Я тебя тут уже три дня жду! Я знал, что

ты по этой дороге приедешь!.. А эти дяденьки кто? Почему у них руки связаны? Они бандиты?

— Да, сынок, бандиты! — ответил Шумов.

— Тогда их надо посадить в тюрьму! — твердо сказал Алешка и, нахмурившись, заглянул в лицо Иванцову.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

В тысяча девятьсот сороковом году Лида Вознесенская окончила второй курс Любимовского медицинского техникума. Последний экзамен она сдала четвертого июля. Это был сумрачный, дождливый день. В маленькой комнатке с подслеповатым окном, где стояли кровать и письменный стол, в полдень было так темно, что пришлось зажечь электрическую лампочку. Желтый свет смешался с серым, дневным, скупо сочившимся из окна, и когда Лида взглянула в зеркало, она даже испугалась: таким нездоровым и бледным показалось собственное лицо.

Она сидела за столом, поставив перед собой зеркало. На подоконнике валялись шпильки, гребешок, белела картонная коробочка с пудрой. Причесываясь, Лида думала о том, что платье, которое она купила вчера в магазине, пожалуй, не идет ей. Это очень обидно, потому что истрачены деньги, скопленные с таким трудом. Много месяцев девушка мечтала о замечательном шелковом платье, светло-зеленом, с белыми цветочками, выставленном в витрине ателье. Лида боялась, чтобы его не купили раньше, чем она скопит деньги. И вот, наконец, платье принадлежало ей! Мягкая материя ласково скользнула по коже, даже мурашки пробежали по телу от удовольствия. Но вечером, в техникуме, ее радость была омрачена.

Громко играла радиола. Вихрем кружились пары. Чувствуя себя нарядной и привлекательной, Лида была уверена, что все девчонки с завистью смотрят на ее платье. Но тут увидела Катю Голубеву и поняла, что в сравнении с Катиным ее наряд никуда не годится!.. На Кате была роскошная серебристая юбка с оборочками и полупрозрачная ослепительно белая блуза с перламутровыми пуговицами... Ребята не сводили с нее глаз, а на Лиду не обращали внимания. Лиде стало так обидно, что она, ни с кем

не простившись, ушла. По дороге девушка говорила себе, что глупо так переживать из-за тряпок, но перед глазами стояла Катя в своей удивительной юбке, и Лида огорченно вздыхала.

Правда, если разобраться, может быть и хорошо, что она ушла. Осталась, не познакомилась бы с Димой! А знакомство получилось интересное.

Вечер был теплый. В городском парке над зеленой листвой плавали, точно маленькие луны, матовые шары фонарей. На скамейках прижимались друг к другу парочки. Стараясь не смотреть на них, Лида проходила мимо. «Что он говорит своей подруге? Наверно, что-нибудь очень нежное!» — думала девушка. Ей-то еще никто не объяснялся в любви.

Лида остановилась у пруда. Здесь было сыро, прохладно. Над водой нудно звенели комары. В кустах был уголок, где Лида часто лежала на траве и мечтала. Она видела, как на другом берегу люди смеются, разговаривают. Жизнь проходила перед ней точно на экране. Это было интересно!..

Но в тот вечер заветный уголок оказался занятым! Раздвинув кусты, Лида увидела рослого, худого парня с черным, смешным хохолком на затылке. Парень, расставив длинные, журавлиные ноги, пристально смотрел в воду. Одну руку он вытянул вперед, другую спрятал за спину. Губы поджал, глаза сощурил и, казалось, готовился произнести речь. Поза его была такой странной, что Лида фыркнула и зажала рот рукой, чтобы не спугнуть незнакомца. Между тем юноша наклонился и, продолжая смотреть в воду, сначала нахмурился, потом широко, приветливо улыбнулся. «Зачем он кривляется? — с недоумением подумала Лида и догадалась: — Своим отражением любуется! Глаз оторвать не может». Сдерживая смех, она подняла камешек и швырнула в пруд. Парень выпрямился. Лицо его стало таким обиженным, расстроенным, что Лида, не выдержав, расхохоталась. Прятаться больше не было смысла. Она вышла из кустов.

Юноша посмотрел на нее сердито, насупив черные, как смола, брови. Но лоб его быстро разгладился, а в глазах мелькнуло восхищение. Лида была удовлетворена тем впечатлением, которое произвела.

— Я вам помешала? — спросила она. — Как жаль! Я не хотела! Вы были заняты чем-нибудь важным?

— Да нет...

— Вам, кажется, очень понравился этот пруд! — перебила Лида. — Вы глядели в него с таким восторгом!.. Что вы там увидели?

Парень пожал плечами и помрачнел.

— Вы не смущайтесь! — покровительственно сказала Лида, подумав: «Какой смешной!»

Ему было лет девятнадцать! Он был одет в аккуратный, узкий пиджачок и черные брюки, вздутые на коленях. На белой, старательно выглаженной сорочке пестрел полосатый галстук. Юноша выглядел очень смущенным. Лида пожалела его и ласково улыбнулась. Тогда, приободрившись, он сделал попытку выйти из положения:

— Да, я действительно смотрел с восторгом! Но только потому, что увидел в воде вас!

— Не говорите глупостей! — отвернулась Лида, но была довольна.

...Они до позднего вечера гуляли в парке. Лида мало узнала о новом знакомом. Тот оказался неразговорчивым. Молча шагал рядом и вздыхал. С трудом удалось выяснить, что он закончил среднюю школу, живет недалеко отсюда, у тетки, которая работает в ателье закройщицей, а зовут его Дима Иванцов. Когда аллеи парка опустели, Лида спохватилась:

— Ой, мне домой надо!.. Нет, нет, провожать не нужно!..

Договорились встретиться завтра на том же месте, возле пруда. Вечером Лида долго не могла уснуть. Для нее это знакомство было значительным, ярким событием. Ее жизнь не отличалась разнообразием. Она не имела подруг и редко выходила из дому. В свободные часы много читала, а еще больше мечтала.

Мечты были обыкновенные, спокойные. Она, например, не хотела быть капитаном дальнего плавания или великим ученым, ее не манили полеты в стратосферу и открытия новых земель. Выйти удачно замуж, жить в удобной, просторной квартире и иметь много хороших красивых платьев — выше ее фантазия не взлетала. Ей был чужд тот задорный, смелый романтизм, который украшал ее сверстниц. В том, что она выросла такой, пожалуй, был виноват ее отец, Николай Ардалионович Вознесенский, или, как называли его в городе, отец Николай. Он был священником при старой церквушке, служившей пристанищем для

множества голубей и давным-давно растерявшей прихожан. Население в Любимове было в основном неверующее. Несколько стариков и старух толпились в дни престольных праздников на потемневшей от дождей паперти. Время от времени отец Николай провожал на кладбище обитый черным крепом вдовий гроб... Жил он бедно, частенько перебивался с хлеба на воду, но добровольной своей службы не бросал — не потому, что фанатично верил в особую миссию, возложенную на него свыше, а по причине непомерной гордыни и упрямства. Как часто в детстве слышала Лида его ядовитые сентенции: «С волками жить, по-волчьи выть!», «Начальнику не поклонишься, милости не сподобишься!», «На ихнюю мельницу воду лей, да свое дело разумей!».

То есть, раз уж настала такая жизнь, не отличайся от других, но будь себе на уме!

«Они...» — так отец Николай с презрением называл преподавателей, бесплатно учивших его дочь, советских и партийных работников, о которых знал только понаслышке, словом, тех, кто представлял собой новый мир. Этот мир он не то чтобы ненавидел, но не понимал и презирал! Во всем видел плохую сторону. Малейшее упущение со стороны Советской власти вызывало у него злорадную усмешку.

— Учись, учись! — говорил он Лиде. — Фельдшером задумала стать? Та-ак! — И непонятно было, чем, собственно, он недоволен?..

В детстве Лиде было жалко отца. Казалось, что его несправедливо обижают. Но в старших классах она начала бессознательно стыдиться того, что ее отец — священник и ходит по улице в длинной, черной рясе, над которой смеются мальчишки.

Лида очень страдала оттого, что она как будто не такая, как другие. Ее обижали сочувственные взгляды товарок. «Я не хуже их!» — думала она. И сомневалась: «Может быть, правда хуже?» Ведь дома от отца слышала, что смирение — это признак величия души...

Оттого-то и была ее фантазия бескрылой. Девчата болтают про самоотверженную любовь... Но разве вот такая — героическая, почти сказочная любовь для нее? Ей бы только выйти замуж, свить гнездо!.. И вдруг романтическое знакомство на берегу пруда! Лида не ожидала от себя такой прыти! Как она смело, свободно разговаривала с

Димой! Было отчего не спать всю ночь! ...А дождь все лил и лил! Лида спрятала пудру и с сомнением посмотрела в мутное окно. Вряд ли он придет! Кому охота тащиться к пруду в такую погоду? Но в глубине души была уверенность: «Неправда! Придет!»

— Ты куда, Лидия? — спросил отец и выглянул из своей комнаты. Он был высок ростом, с черной бородой и усами. Смуглое, худое лицо поражало своей энергией. Казалось, этот человек вынашивает грандиозный план, в нем зреет огромная сила, вот-вот сделает что-нибудь такое, что удивит всех! Но выражение было обманчивым. Никаких планов отец Николай не вынашивал. Существование его было сонным и бездеятельным. Целыми днями он сидел за столом и писал комментарии к церковным текстам. Это никому не было нужно, не нужно и ему самому, но Николай Ардалионович со свойственным ему бесцельным упрямством продолжал свой нелегкий, утомительный труд.

— Я хочу погулять! — сказала Лида.

— Было бы где! — проворчал отец. — Улица в грязи, весь город запакостили... Деятели, прости господи! — Он, как обычно, не закончил свою мысль, и осталось непонятным, кто именно запакостил город и чем, собственно, недоволен отец Николай.

Дима Иванцов ждал Лиду не у пруда, а на углу улицы, где она жила. Он стоял перед газетной витриной, делая вид, что очень увлечен чтением, но то и дело посматривал в сторону ее дома. Увидев девушку, он улыбнулся.

— Каким образом вы узнали мой адрес? — строго спросила Лида, в глубине души восхищенная его предприимчивостью.

— А я шел вчера за вами! — объяснил он.

Медленно пошли по мокрому деревянному тротуару. Дождь кончился, и теперь только отдельные капли звучно падали с крыш. Лида впервые шла по улице рядом с молодым человеком. Ей казалось, что все на нее смотрят. Она инстинктивно прижималась к стене.

Что чувствовал Дима, понять было трудно. Искоса поглядывал на спутницу, но как только встречал ее взгляд, тотчас же отводил глаза. Лицо его было непроницаемым. Может быть, он и волновался, но умел скрывать. У него была привычка потирать пальцами брови, словно разглаживая их. Они говорили о профессиях, которую каждый из них выбрал. Речь Иванцова была отрывистой. Чувствова-

лось, что ему хочется сказать гораздо больше, но он сдерживается, не желая быть чересчур откровенным.

— Значит, вы любите природу? — спросила Лида, узнав, что он хочет поступить в лесотехнический институт.

— Да, в общем, конечно, люблю! — ответил он. — Лес грозный. И независимый. Любопытных не любит. У него свои тайны, их он никому не открывает! Хорошо в лесу жить! Свободно!

— А мне кажется, скучно. Да еще если всю жизнь!

— Ну, зачем же всю-то жизнь?

— Так вы себе такую профессию выбрали. Ничего не поделаешь!

— Проявить себя можно везде! — немного покровительственно ответил Дима. — Есть еще Народный комиссариат в Москве. Есть разные научные институты. Наконец, преподавателем можно стать!

— Так вы решили прямо в наркомы? — Лида засмеялась. Ей показалась нелепой мысль, что этот мальчишка с хохолком может когда-нибудь стать наркомом!.. Когда она умолкла, Иванцов с неодобрением сказал:

— Во всяком случае, маленькое, тепленькое «место под солнцем» меня не устраивает! Существовать, как суслик, всего бояться, всем подчиняться — нет, спасибо! Для этого и жить на свете не стоит!

— Чего же вы хотите?

— Всего! — он развел руки, словно обнимая землю. — Понимаете? На меньшее я не согласен!.. А самое главное, — помолчал он, — приносить пользу обществу, участвовать в строительстве коммунизма... Вы согласны?

— Не знаю! — вздохнула Лида. — Я так, как вы, не умею... Я больше думаю о том, какие на третьем курсе будут трудные экзамены. Не провалиться бы!..

Они вышли на площадь. Рядом с двухэтажным зданием горсовета волновалась толпа людей. Доносились сердитые голоса.

— Что это? — спросила Лида. — Давайте посмотрим!

Она была очень любопытна и могла забыть обо всем ради какого-нибудь уличного происшествия. Они подошли ближе. На ступеньке сидел, свесив голову, парень в разорванной белой рубашке. Волосы его напоминали сбившийся войлок. С трудом ворочая языком, он длинно и витиевато ругался. Маленькие, светло-голубые глаза были полузакрыты. Перед ним, подбоченившись, стояла тоненькая,

юная девушка, почти девочка. Ее кулачки были сжаты, кудрявые, льняные волосы растрепались. Она напоминала молодого, задорного петушка, рвущегося в бой.

Голосок звенел, как натянутая струна:

— Иди сейчас же домой! Позор!.. Так-то ты держишь слово! Кому я говорю, Анатолий!

Девушка энергично тряхнула парня за шиворот. Тот покачнулся и едва не свалился на мостовую.

— Кто он ей будет? — спросил кто-то. — Брат или муж?

— На брата не похож, для мужа рановато!

Густой бас перебил:

— Нынче у них и в шестнадцать лет считается не рано!

Девушка ухватила парня за плечи, попробовала приподнять. Опираясь на стену, тот поднялся и вдруг отчетливо произнес:

— Ты зачем пришла? Катись, пока по шее не попало!

— Вот те раз! — насмешливо сказали в толпе.

Девушка отшатнулась и закрыла лицо руками. Перед ней расступились. Мелькая загорелыми икрами, она пересекла площадь и исчезла.

Пьяный снова опустился на крыльцо. Толпа поредела. Лида схватила Диму за рукав:

— Какой ужас! А ведь совсем молодой, вы посмотрите. Ему лет семнадцать!

Иванцов спокойно ответил:

— Даже и семнадцати нет. Я его знаю. Это Толька Антипов. На заводе в литейном цехе работает. Известный хулиган! И воровством, говорят, занимается!.. Пропащий человек!

— Послушайте, надо отвести его домой! — с жалостью сказала Лида. — Ведь он простудиться может. Знаете, Дима, давайте его отведем! — Она нагнулась над парнем, который уже спал мертвым сном, попыталась приподнять, но не смогла даже сдвинуть с места. Дима стоял на прежнем месте и, видимо, не собирался помогать.

— Ну, что же вы? — удивилась Лида. — Видите, я одна не могу!

— Не надо, Лида. Лучше пойдемте отсюда! — недовольно сказал Иванцов и оглянулся, будто боясь, что его увидят здесь, возле этого пьяного.

— Что вам, трудно? — обиделась Лида.

— Не в этом дело! — Он поморщился. — Не понимаю, почему мы должны возиться с этим типом? Во-первых, с ним и тут ничего не случится, он привык... А во-вторых, это просто неудобно! Скажут еще, что мы его приятели.

— Разве? — растерялась Лида.

Она подумала, что Дима, пожалуй, прав, и не могла понять, отчего ей стало вдруг стыдно, точно сделала что-то нехорошее...

— Пойдемте, Лида! — сказал Иванцов и прикоснулся к ее руке. Он, видимо, не думал о ней в эту секунду, но когда рука девушки замерла в его ладони, сразу забыл и о пьяном и об их споре.

Его круглое мальчишеское лицо стало испуганным и напряженным, а Лида вдруг притихла и боялась отнять у него свою руку... Они медленно пошли по площади.

Вечер промелькнул быстро. Бродили где-то за городом, среди огромных, в три обхвата, стволов, в густой, таинственной тени леса. Ноги неслышно ступали по ковру из опавших хвойных иголок. Сквозь густую листву просвечивало фиолетовое, глубокое, как колодец, небо. Город спал. Доски тротуара по-домашнему поскрипывали. Ярко светились звезды, такие крупные и близкие, что хотелось, приподнявшись на цыпочки, коснуться их рукой. Остановились у калитки. Лида с сожалением сказала:

— Ну, вот я и дома!

Дима крепко держал ее за локоть и молчал. Его дыхание было неровным, как будто он поднимался в гору.

— До свиданья! — неуверенно и немного испуганно сказала Лида. У нее промелькнуло: «Вдруг он меня поцелует?» Стало страшно и в то же время радостно. Она ждала, чуткая, настороженная, как птица, которую так легко спугнуть! Громко скрипнула дверь. Кто-то вышел из дому. Девушка оттолкнула Диму. Тот отступил в тень. На крыльце показался Николай Ардалионович в длинной рясе, которая волочилась по полу, и в очках, тускло блестевших в молочном свете луны. Он пристально смотрел, как казалось Лиде, прямо ей в глаза. Отрывисто прозвучал знакомый голос:

— Кто тут?

Девушка затаила дыхание. Представилось, что он сейчас подойдет и увидит ее рядом с незнакомым парнем. Стало стыдно. Готова была провалиться сквозь землю.

Иванцов шевельнулся. Хрустнула ветка. Николай Ардалионович спустился с крыльца, позвал:

— Лида!

Не получив ответа, Николай Ардалионович вернулся в дом.

— Фу! — с облегчением прошептала девушка. — Вдруг бы он нас увидел!.. Вы, наверно, тоже испугались?

— Отец Николай! — с беспокойством сказал Дима. — Я его узнал. Он ваш родственник или сосед?

— Отец, — ответила Лида. Ее голос дрогнул. Она попыталась в темноте увидеть выражение его лица. Иванцов не удивился и не улыбнулся. Он переспросил спокойным, ровным голосом:

— Нет, правда?

— Да, — ответила Лида. Ей хотелось объяснить, что ее отец человек старой закалки, верит в бога, но то, чем занимается Николай Ардалионович, не имеет никакого отношения к ним, Лиде и Диме.

...Все это хотела сказать Лида, но не решилась. Рука Иванцова, которая прикасалась к ее локтю, стала вялой. Он еще что-то говорил, голос звучал ласково, предлагал в ближайшее воскресенье поехать кататься на лодке, но теперь Лиде уже не казалось, что он может ее поцеловать... Как будто ничего не изменилось, так же ярко сияла луна, и в воздухе стоял острый и нежный запах жасмина, но Лиде вдруг захотелось плакать.

— До свиданья! — сказала она, перебив Диму на полуслове. Он не стал ее удерживать.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Свернув в переулок, Зина Хатимова замедлила шаги. Ее душили слезы. В ушах звенел голос Анатолия: «Катись отсюда, не то!..» Она отбросила гордость, поспешила на помощь, как настоящий друг, а он вот как отблагодарил!

Небольшого роста, худенькая, с двумя жидкими рыжеватыми косичками, Зина торопливо постукивала каблучками по тротуару. Она вытерла слезы, вернее размазала их по щекам, мельком взглянула на свое отражение в вит-

рине и подумала: «Нос красный, глаза опухли, ужас! Тонька, конечно, сразу прицепится, где была, с кем подралась. А Шурка уставится жалостливыми глазами... Фу! Терпеть не могу!» Оглянувшись и убедившись, что на нее никто не смотрит, Зина подбежала к высокому забору, подтянулась на тонких, но сильных руках и перемахнула на другую сторону. Мелькнуло голубое ситцевое, изрядно уже поношенное и выцветшее платье и загорелые, покрытые царапинами ноги.

Очутившись на обширном пустыре, который полого спускался к реке, Зина сбросила туфли и, держа их в руке, подошла к топкому берегу.

Поеживаясь от холодной воды, Зина вброд перешла неширокую речку и полезла по склону, заросшему кудрявой зеленью. По пути она одолела еще несколько заборов и изгородей и наконец очутилась в своем дворе. Просторный, ровный, он почти весь был занят под огород. На любовно возделанных грядках зеленел картофель, торчали игрушечные копья лука. У забора огород кончался. Там, сплетаясь ветками, сплошной стеной стояли кусты.

Пригнувшись, чтобы ее не заметили из окон, Зина юркнула в кусты. Несколько метров она проползла на животе, громко сопя и поджимая губы каждый раз, когда в руку или ногу впивалась колючка. В глухом месте, скрытый от посторонних глаз, стоял небольшой шалашик, вернее конура из фанеры, крытая старыми листами толя. Зина легла на вытертый коврик, подложив под голову руки. Перед глазами была дырявая крыша, сквозь которую виднелась желтая листва деревьев. В шалаше было душно. Над ухом звенел комар. Зина, привстав, пришлепнула его ладонью и снова легла. Закрыв глаза, она думала о том, что на этом месте два года назад познакомилась с Толькой Антиповым. Знакомство было странным.

В тот вечер Зина тоже была очень расстроена, вот почти так же, как сейчас. На рассвете, умываясь, она нашла возле реки щенка, мокрого, беспомощного, дрожащего. Когда она взяла щенка на руки, тот от избытка чувств лизнул ее прямо в нос. Это решило его судьбу. Зина спрятала находку под кофту и незаметно принесла домой. Она спала вместе с Шурой, старшей сестрой, в маленькой комнатке, окно которой выходило во двор. Тоня, которая была уже совсем взрослой, студенткой, имела отдельную комнату, где занималась с утра до вечера, а мама поставила для себя

топчан в кухне. Там ей было, возможно, не так удобно, зато покойно. По крайней мере могла отдохнуть, придя с завода. Вера Петровна работала в заводоуправлении уборщицей. Это была скромная женщина, с увядшим прежде времени лицом, всегда спокойная, приветливая и готовая оказать услугу каждому, кто к ней обратится...

Увидев Зину, Шура, уже проснувшаяся и стоявшая на полу босая, в трусиках и майке, внимательно посмотрела на сестру:

— Что это ты прячешь под кофтой?

— Ничего! — независимо ответила Зина.

Когда Шура ушла в школу — она училась в первую смену в восьмом классе, — Зина поставила под кроватью ящик с высокими стенками и устроила щенка. Целый день она ухитрялась незаметно носить щенку то молоко, то кусочки колбасы со стола. Зина даже не пошла в школу, сказав Тоне, что у нее болит голова. Ложась спать, девочка взяла щенка в постель. Она вела себя так осторожно и ловко, что сохраняла тайну три дня. Зина изобрела для щенка имя: Азар, и думала о нем круглые сутки. Когда уходила в школу, Азар дремал в ящике, набитом тряпками и разнообразной едой. На четвертый день Вера Петровна, подойдя к Зине, чтобы поправить сползшее во сне одеяло, увидела растолстевшего, важного Азара, который в царственной позе дремал на Зининой подушке.

— Убери его! — строго сказала утром Тоня, с которой мама поделилась своим открытием. Зина промолчала, но вечером снова взяла в постель щенка. Рассердившись, Тоня закричала:

— Ты что же, нарочно? Весь дом вверх дном перевернула! Еще этого не хватало! Сейчас же выброси этого пса, или я тебя отправлю вместе с ним спать во двор!

Когда настало время ужина, в доме не оказалось ни щенка, ни Зины. Тоня, Шура и Вера Петровна по очереди выходили на крыльцо и звали:

— Зина! Зиночка-а!

Ночь молчала. Тоня зажгла электрический фонарь и минут сорок бродила по саду, по уснувшему переулку, даже спускалась к реке, но не нашла сестру и вернулась встревоженная.

— Ну вот! — жалобно сказала Шура. — Наверно, ты ее обидела, и она совсем убежала!

А Зина была рядом. Она сидела в шалаше и прижи-

мала к груди сопевшего от наслаждения Азара. Зина видела, как Тоня вошла в дом. Стало тихо. Так тихо, что девочка услышала биение собственного сердца. И вдруг за забором раздался мальчишеский голос:

— Ну, и долго ты будешь тут сидеть?

Зина испуганно обернулась, но увидела только шершавые доски. Послышался шорох. Над забором показалась вихрастая голова. К Зининым ногам спрыгнул босой паренек в огромном пиджаке, явно с чужого плеча. Он приблизил к ней круглое, веснушчатое лицо и с оттенком уважения сказал:

— Вот ты какая?

— Какая? — спросила Зина, отодвинувшись.

— Красивая! — убежденно ответил паренек. — Ты что тут делаешь?

— Я-то в своем дворе, а ты?

— За морковкой полез, у вас морковка хорошая, да ты помешала! — невозмутимо объяснил мальчишка. Ему было лет пятнадцать. Широко расставленные светлые глаза смотрели дерзко и весело.

— Украсть хотел? — с любопытством спросила Зина.

— Не украсть, а взять! — наставительно сказал любитель моркови. — За такие слова, знаешь? Как дам, полетишь через забор!

— Неизвестно, кто полетит! — фыркнула Зина.

Они помолчали, затем гость вздохнул и мирно поинтересовался:

— Ты зачем сюда забралась?

Зине было стыдно говорить, что убежала из-за щенка. Повод теперь показался недостойным. Она на ходу сочинила:

— В доме есть один человек. Никто его не знает, но он пришел к нам и живет! И вот недавно выяснилось, что он меня ненавидит! Не хочет, чтобы я здесь жила. И я убежала. Теперь ни за что не вернусь. Конечно, я не собираюсь жить в шалаше. Я поступлю на завод и устроюсь в общежитие. — Зина с любопытством смотрела на паренька и думала: «Неужели верит? Ой, не могу, вот дурак-то!»

— На завод? — задумчиво переспросил мальчишка. — Это было бы здорово, потому что я тоже на заводе работаю... И жили бы тогда совсем рядом... Но только ты врешь!

— Как вру? — растерялась Зина.

— Очень просто! — вздохнул он. — Я тебя знаю. Ты Зинка Хатимовская. Вас три сестры. И никто здесь посторонний не живет. Ты что же, за дурака меня считаешь?

— Во-первых, не Зинка, а Зина! — рассердилась она. — А во-вторых, подумаешь, тоже таинственный незнакомец. Известный хулиган Толька Антипов! Уходи, пока я сестер не позвала! Я вот тебе дам морковку, ишь, навострился!

Толя встал и долго смотрел на нее, прищурившись, сжав кулаки. Зина тоже вскочила, готовая пуститься наутек.

— Эх, ты! — глухо сказал, наконец, Антипов и, круто повернувшись, направился к воротам.

— Постой! — шепотом позвала Зина, но он не услышал. Она подумала: «Ну, и не больно-то нужен! Проваливай!» Однако на другой день, встретив его на улице, обрадовалась и так приветливо улыбнулась, что Толя подошел и поздоровался. Стали встречаться почти ежедневно. Как только стемнеет, он поджидал у дома, прячась в густой тени забора. В первый же день Зина решила его испытать и наскоро придумала, что подвергается серьезной опасности. Да, да! Вот уже неделю за нею по пятам ходят какие-то неизвестные мальчишки и, видимо, замышляют недоброе.

— Ну? — удивился он. — Кто это может быть? Да ты не бойся! В крайнем случае я их подкараулю, фраеров! Я им грабки переломаю!

С его языка то и дело слетали непонятные «блатные» словечки. Он носил широкие брюки, засунутые в сапоги. Сапоги были брезентовые, и Зина знала, что у Толи есть тайная, страстная мечта — купить настоящие, хромовые, на белой подкладке, чтобы можно было ее вывернуть. Во рту у Толи поблескивали коронки из какого-то желтого металла. Он утверждал, что они золотые, но Зина не верила. Откуда бы он мог взять золото? Кепка у него была блинчиком, с крохотным круглым козырьком и пуговкой. Когда он шагал по улице, слегка покачиваясь, сгорбившись и засунув руки в карманы, ребята и девушки молча уступали дорогу, с неодобрением оглядывались, а участковый милиционер Козырьков подозрительно косился и говорил:

— Ох, Антипов, смотри у меня!.. Допрыгаешься!

— Привет фараону! — равнодушно бросал Анатолий, проходя.

Зине с трудом удалось его приучить не употреблять

при ней свои словечки... Он относился к ней немножко насмешливо и в то же время с робостью. Зина знала, что Толя считает ее красавицей. Ей это нравилось, хотя она готова была допустить, что он малость преувеличивает...

— Пошли яблоки воровать! — предложил он как-то.

— Надо говорить не «воровать», а «производить культурную прополку»! Понял? — с ученым видом поправила Зина. — Пойдем! Это интересно, да?

Они ползли на животах по мокрой от росы земле, как ящерицы, проникали под заграждения из колючей проволоки. Замирая от страха, набивали животы и рубахи зелеными, кислыми до оскомины яблоками. А потом медленно возвращались по уснувшему пригороду, наблюдая, как блестит лунная дорожка на реке, которая сверху казалась брошенным в траву серебряным кнутиком...

Прошел год и еще шесть месяцев. Снова наступила весна. Их отношения оставались такими же дружескими. Зина по-прежнему смело обнимала его за плечи и встряхивала, приговаривая:

— Почему рубаха грязная? Почему?

Анатолий как будто не чувствовал, что девушка прижимается к нему. Рослый, с мускулистыми руками и загорелым, грубоватым лицом, он вел себя с нею, как неловкий подросток. Но однажды все стало иначе.

Вечером Зина отправилась купаться. У нее был излюбленный уголок, возле небольшой бухточки. К берегу здесь было трудно подойти из-за разбросанных на песке ржавых консервных банок и битого бутылочного стекла. В это место не заглядывали купальщики. Зина чувствовала себя вполне свободно. Как обычно, она сняла одежду и медленно поплыла, наслаждаясь лаской воды.

Услышав за спиной смех, девушка обернулась. Несколько парней, хохоча, держали в руках ее одежду. Указывая на Зину пальцами, они поднялись по косогору и уселись на краю обрыва, размахивая платьем и выкрикивая что-то оскорбительное. Зина сидела в воде, дрожа не столько от холода и страха, сколько от жгучего возмущения. Что делать? Судя по поведению, они собираются продержать ее здесь до ночи. Место пустынное, некому прийти на помощь. Не может ведь Зина до утра просидеть в воде!

Вдруг на обрыве появился Толя. Бросив взгляд на парней, он моментально понял, в чем дело. Наверху произошел короткий и выразительный разговор. Один из хулиганов,

протяжно взвыв, схватился за окровавленное лицо и пустился наутек. Остальные даже не пытались сопротивляться. Они узнали Антипова. Его слава была им достаточно хорошо известна. Но убежавший унес и платье. Толя попытался его догнать, но где там! Антипов, безнадежно махнув рукой, остановился, присел поодаль от воды, не решаясь подойти ближе, и крикнул:

— Тебе совсем не в чем вылезти?

— Не задавай, пожалуйста, глупых вопросов! — стуча зубами, сердито ответила Зина. — Подойди, я плохо тебя слышу!

Толя лавиной скатился к берегу, увлекая тучу камней. Теперь их разделяло шагов пять.

— Придется тебе сбегать к нам, тихонько вызвать Шурку и объяснить, в чем дело. Только предупреди, чтобы Тоне не проболталась. Пускай даст платье, тапочки, ну и все остальное! — сказала Зина. — Что ты стоишь? Иди! Слышишь? Не смей на меня так смотреть! — Она сидела по горло в прозрачной, как стекло, воде, сжавшись в комок и скрестив руки на груди.

Глаза Анатолия потемнели. Он сделал шаг вперед. Зина поспешно отплыла на середину реки и сказала:

— Ну ступай же, я тебя очень прошу!

Он, не оглядываясь, поднялся на обрыв. Через полчаса вернулся, положил на камень узелок и хрипло сказал, избегая смотреть на Зину, которая уже посинела от холода:

— Шуры не было, вот Тоня дала. Что тут, не знаю... Ох, и орала на меня, я думал, уши лопнут! Решила, что я во всем виноват!

— Отвернись! — попросила Зина, подплыв к берегу. Толя с готовностью лег на песок ничком. Опасливо косясь на него, девушка вылезла и, не попадая в рукава, стала натягивать на мокрое тело платье.

Медленно поднимались по тропинке. Зина впереди, помахивая сорванным по дороге прутиком, Толя сзади. Слышалось его тяжелое дыхание. Зине вдруг захотелось обернуться и ласково взъерошить парню волосы. Она с трудом удержалась от соблазна. Но тут Анатолий неожиданно схватил ее за плечи и поцеловал в губы. Девушка вырвалась и замахнулась. Но ее рука застыла в воздухе. Он стоял перед нею покорный, с умоляющими, несчастными глазами. Такое выражение Зина впервые видела у него. И вместо того чтобы ударить, она растерянно сказала:

— Что это значит? Ты, наверное, с ума сошел!

— Нет! — отрывисто сказал он. — Я просто тебя люблю. Понятно? С самого начала. Понятно? Я зарабатываю пятьсот тридцать, а через год буду получать семьсот. Через полтора года мне будет восемнадцать! Ты должна дать мне слово!.. — Он говорил так, будто швырял в нее камнями.

— Ах, вот что, значит, я должна! — насмешливо сказала Зина. — Значит, выходит, я у тебя в долгу?

Ее лицо горело, сердце стучало, как молоток. Она плохо понимала, что говорит, и никак не ожидала того, что он сделает. Толя снова схватил ее в охапку и неловко чмокнул в щеку. На этот раз она, не задумываясь, влепила ему звонкую пощечину и сказала:

— Только еще подойди, попробуй!

Девушка убежала, оставив Толю на дороге, и три дня разговаривала с ним таким ледяным тоном, что ей самой, наконец, стало совестно.

Вечером в субботу, это был как раз день получки на заводе, Зина услышала на улице шум. Она заложила спичкой учебник и выбежала в коридор. У двери встретилась Тоня. На щеках у Тони темнели красные пятна. Сестра решительно загородила дверь:

— Ну, Зиночка, дождались, наконец! Я всегда говорила, что это знакомство до добра не доведет!

— В чем... дело? — пролепетала Зина, почуяв недоброе. — Что там?! Да говори быстрей!

— Твой друг, от которого ты в таком восторге, нализался до полусмерти! Стекло у Тарасова, нашего соседа, выбил, в милиционера камнем швырнул. Сейчас собрал каких-то босяков и на гитаре играет. Серенаду под твоими окнами устраивает! Вообще, дорогая сестрица, я давно хочу с тобой серьезно поговорить! Мать целыми днями на работе, я занимаюсь, Шурка по своей дурацкой доброте тебя покрывает, вот ты и отбилась окончательно от рук! Но я предупреждаю...

— Пусти меня! — перебила Зина.

— Еще чего! — рассердилась Тоня. — Только этого не хватало!

— Пусти! — тихо повторила девушка. Взглянув на ее побледневшее лицо, Тоня круто повернулась и молча ушла в свою комнату.

Зина была уже на крыльце. Она пробежала по саду

и распахнула калитку. По улице, обнявшись, шли трое парней. В середине шагал Толька. Пиджак на нем был порван, лицо опухло. Под глазом темнел синяк. Он размахивал гитарой и сипло пел:

Не для меня цветет весна,
не для меня любовь до гро-ба!..

Увидев Зину, он остановился, отшвырнул приятелей и, глядя мимо нее косящими, чужими глазами, сказал:

— З-зиночка!.. Радость моя!..

— Пошел вон! — с презрением ответила Хатимова и захлопнула калитку. Сквозь занавеску Зина еще долго видела Толю у забора. Он обнял столб, вид у него был очень жалкий, и девушка не могла долго сердиться, тем более, что чувствовала себя виноватой.

Через неделю они помирились, но вскоре Анатолий снова напился и ночевал в милиции.

— Нет, брат, нам не по пути! — сказала Зина. — Можешь ко мне не являться! Ясно?

...Она часто встречает своего дружка на улице. Толя еще больше опустился, ходит оборванный, грязный. С Зиной не здоровается. Так тянется уже полгода. Сегодня не вытерпела, захотела ему помочь, и вот что вышло.

«Пропащий человек», — сказал кто-то в толпе...

Зина всхлипнула, спрятав лицо в мягкую, душистую траву. Как обидно! Она не велела ему приходить, а сама думает о нем день и ночь. Что делать? Как вытащить его из трясины? На завод, что ли, пойти?.. Вряд ли поможет! Если бы с кем-нибудь посоветоваться... Узнать, отчего стал пьянствовать. Может быть, у него горе? Обычно пьют с горя!.. Но поздно, поздно!

Зина долго лежала в шалаше. Было уже темно, когда она вошла в дом. Вера Петровна еще не возвращалась с работы. Тоня заперлась у себя. Слышался ровный, приглушенный голос. Она готовилась к экзамену и вслух перечитывала конспекты. В столовой было темно и тихо. Из двери, которая вела в комнату Шуры и Зины, пробивался тонкий луч света. «Значит, Шура дома!» — подумала Зина и осторожно заглянула в замочную скважину. Старшая сестра, босая, подоткнув подол, старательно возила тряпкой по полу. У порога стояло ведро с грязной водой.

Маленькая, полная, Шура проворно двигалась по

комнате, изредка выпрямляясь, чтобы ладонью смахнуть пот. Ее нельзя было назвать красавицей, как, впрочем, и дурнушкой. На год старше Зины, Шура была похожа на сестру. Если Зина привлекала неистощимой энергией и задором, то у Шуры выражение лица было мягким и мечтательным. Зина не ходила, а бегала, не говорила, а тараторила, всегда куда-то спешила, а у Шуры, мечтательной и серьезной, был более спокойный характер. Она вступила в такой возраст, когда весь свет кажется странно изменившимся и необыкновенно заманчивым. Душа доверчиво раскрывалась навстречу счастью, которое, как Шура чувствовала, было близко... Аккуратная и трудолюбивая, Шура помогала вести хозяйство Вере Петровне: варила обед, ходила на базар за продуктами, стирала. Внешне колючая и грубоватая, Зина очень любила старшую сестру и часто испытывала угрызения совести из-за того, что не принимала участия в работе по дому, предоставляя Шуре одной справляться и с мытьем полов и с приготовлением пищи. Вот и теперь Зина шепотом выругала себя и ворвалась в комнату, едва не уронив ведро.

— Ну зачем ты моешь! — жалобно сказала она. — Я же знаю, что нынче моя очередь! Дай тряпку и отдыхай! Я ужасная свинья, пожалуйста, не сердись!.. Это в последний раз! — Зина попыталась вырвать тряпку, но сестра мягко отвела руку:

— Не нужно!

— Я хочу помочь! — Зина чуть не плакала.

— В другой раз! — улыбнулась Шура и внимательно посмотрела на нее. — Постой, почему у тебя глаза красные? Ты ревела?

Зина махнула рукой и отвернулась.

— Опять, наверно, из-за Толика?

— Ой, Шурка, какая я несчастная! — По Зининой щеке поползла слезинка. С ожесточением смахнув ее, девушка продолжала: — Подумай, ведь он стал настоящим пьяницей. Алкоголик какой-то! Не смейся, я абсолютно не влюблена, это Тонька придумала, а она всегда издевается! Но жалко же человека. Вот и работу бросил! А как он одет! Лохмотья, точно у барона из пьесы «На дне»! Но, знаешь, какая у него душа! Шурик, ты только не смейся...

— Я не смеюсь! — грустно ответила Шура. — Что ты, малыш, конечно, это очень серьезно!

— Толька очень хороший человек! — горячо и убежденно сказала Зина. — Просто его не понимают... Он рассказывал про свою жизнь. Отца кулаки застрелили в деревне, мать от туберкулеза померла. Он в колхозе работал, а потом в город переехал! Мечтал специальность приобрести. Поступил на завод. А когда человек один и никто об его судьбе не заботится — ему очень трудно! Свихнуться — раз плюнуть! А тут еще я... Он думает, я его презираю!.. — Зина всхлипнула, но прикусила губы. — Вот и ощетинился, как еж! И стали про него говорить «пропащий»... Шурочка, миленькая, научи, как помочь? Надо же что-то делать!

Шура сама готова была заплакать. Сестры обнялись и долго сидели, прижавшись друг к другу.

— Послушай! — помолчав, сказала Шура. Зина удивилась, почувствовав в ее голосе новую трезвую нотку. — Я, кажется, смогу помочь. Я еще не знаю точно, но есть такие люди, понимаешь... Нет, пока ничего больше не скажу!

— Как ты можешь помочь? — с надеждой спросила Зина.

— Знаешь что! — вскочив с кровати, сказала Шура. — Подожди здесь. Никуда не уходи. Я скоро вернусь!

Она сосредоточенно, как на чужую, посмотрела на Зину и вышла. С детства младшая сестра привыкла верить Шуре. Если уж Шура что-нибудь обещала, то непременно выполняла. Зина подошла к окну и стала смотреть в безлюдный темный переулок. Хуже всего было вот так — ждать, сама не зная чего!

ШЕСТАЯ ГЛАВА

А Шура была недалеко. Она пересекла улицу и поднялась по ступеням на крыльцо каменного одноэтажного дома. Пришлось приподняться на цыпочки, чтобы дотянуться до электрического звонка. Дверь открыли тут же, точно Шуру ждали. На улицу выглянул высокий нескладный парень с взъерошенными волосами и тонкой шеей.

На остром носу поблескивали круглые очки. На юноше была застиранная клетчатая рубашка — «ковбойка».

— Это ты, Шура? — удивился он и неловко затоптался в дверях; наконец, спохватившись, отступил в сторону: — Заходи же!

...Шура никому не рассказывала о том, как познакомилась с Алешкой Шумовым и Женей Лисицыным, даже маме, с которой была вполне откровенна. И не оттого, что стыдилась дружбы с мальчишками. У них в семье на такую дружбу смотрели просто, без той ненужной и вредной подозрительности, которая может загрязнить самые чистые отношения. Члены семьи относились друг к другу с полным доверием. Никогда Вера Петровна не спрашивала дочерей, где те были и почему поздно пришли. Если Тоня, по праву старшей, иногда и давала советы Шуре и Зине, то деликатные, ненавязчивые и не затрагивающие их самолюбия... Шура ни с кем не поделилась просто потому, что вначале не придавала новому знакомству никакого значения, а позже, когда дружба окрепла, было уже как-то неудобно сообщать о ней, ни с того ни с сего.

...Прошлой зимой Шура отправилась на каток. День был пасмурный, ветреный. Каток устроили на реке, вдали от города, под крутым обрывом, на котором темнел густой лес. Здесь было тихо, безлюдно. В этот день никому, кроме Шуры, не пришло в голову кататься на коньках. Лед был завален мокрым, рыхлым снегом, который непрерывно тяжелыми хлопьями валился с неприветливого неба.

Она попробовала разогнаться, но коньки скользили плохо. Девушка уже через полчаса устала. Одежда промокла. Тогда Шура решила выехать на середину реки, где ветер не давал снегу задерживаться на льду. Ходить там было запрещено, о чем предупреждала надпись на деревянной табличке, прибитой к дереву, но Шура, раздосадованная плохой погодой, готова была на все, лишь бы прокатиться несколько кругов. Она разогналась на гладком, зеленоватом льду и вдруг услышала громкий треск. Шура провалилась в воду. Она угодила в полынью, присыпанную снегом и потому незамеченную. Вода, словно железным обручем, охватила тело. Руки и ноги заломило от холода. Шура подплыла к краю полыньи и попыталась вылезть на лед, но пальцы скользили, а меховая куртка и

тяжелые ботинки с коньками тянули вниз. И все-таки она не закричала. Не потому, что растерялась, а просто показалось неудобным звать на помощь, когда сама была виновата. Руки потеряли чувствительность. Девушка забарахталась в черной воде. Впервые явилась мысль, что она ведь может утонуть! Стало страшно, Шура вскрикнула.

...Если бы в школе в этот день не отменили двух уроков и Алешке Шумову с Женькой не пришла в голову мысль совершить прогулку на лыжах, Шуре пришлось бы плохо! Взобравшись на обрыв, ребята тяжело дышали, они осматривали реку, выбирая место, где можно съехать. Внезапно Алешка вытянул шею и спросил:

— Ты ничего не видишь?

— Ничего, а что? — удивился Лисицын и закричал: — Стой! Куда? Там под снегом пни! Разобье-ешься!

Но Алексей уже мчался вниз, вздымая тучи снежной пыли. Фигурка с вытянутыми руками мелькнула в воздухе. Женька зажмурился. Через секунду Шумов, сбавляя скорость, ехал по льду. Он упал рядом с полыньей и протянул Шуре лыжную палку. Девушка пыталась ухватиться, но пальцы не слушались. Она уже несколько раз скрывалась под водой. На волосах блестели тонкие ледяные сосульки. Не теряя ни секунды, Алешка подполз к краю и, рискуя свалиться, схватил Шуру за шиворот. Вскоре Хатимова лежала на снегу, а он растирал ей руки, пытаясь привести в чувство.

Подъехал запыхавшийся Женя Лисицын, посмотрел на Шуру, чья одежда быстро покрывалась ледяной коркой, и со страхом закричал:

— Она воспалением легких заболеет! Нужно переодеться!

Не медля, он стал расстегивать меховую куртку-безрукавку, потом снял свитер и расшнуровал лыжные ботинки-пьексы. Оставшись в рубашке и лыжных брюках, Женька взялся было и за пояс, но Алешка укоризненно сказал:

— Брюки-то хоть оставь, чудак! Как по городу пойдешь?

Шура открыла глаза и приподнялась. Шумов помог ей встать и скомандовал:

— Бери эти тряпки и беги на берег! Там за деревом переоденься, мы тебя подождем!

— Но как же?.. — стуча зубами, растерянно пролепетала Шура.

— Живо, без разговоров! — прикрикнул Алешка.

Взяв одежду, она заковыляла на коньках к берегу.

Друзья стояли молча, пока она переодевалась. Потом Шумов снял телогрейку и отдал Жене, а сам остался в свитере. Лисицын приплясывал на снегу в шерстяных носках, пока не догадался залезть на пень.

— Скоро там? — крикнул он.

— Сейчас!.. Не могу шнурки развязать. Они мокрые, набухли! — виновато ответила Шура. Наконец вышла изза дерева. В свитере, с закатанными рукавами, огромных, не по росту ботинках и заледеневших, твердых, как фанера, штанах, звеневших при каждом ее шаге, Шура выглядела достаточно нелепо.

— Ой, не могу! — захохотал Женька. — Не дай бог встретить такую фигуру в темном переулке!

— Бежим! — сказал Алешка, и они гуськом друг за другом вскарабкались на обрыв. Весь путь до города пробежали галопом, причем Шура ни на шаг не отставала от ребят. По улицам пронеслись вихрем. Прохожие изумленно расступались.

— Прибыли! — крикнул Шумов, когда показался знакомый переулок. У калитки он остановился, глубоко вздохнул, и дыхание стало совершенно ровным, будто и не бежал.

— Ой, что теперь будет! — жалобно сказала Шура. — Увидят, начнут расспрашивать, придется сознаваться, что провалилась! Ужас!

— Пойдем ко мне! — предложил Женька. — Я напротив живу. Дом пустой, никто не увидит. Высушишь свое платье, переоденешься, хоть обратно иди на каток!

— Не знаю! — смущенно отступила Шура. — Может, неудобно?

— Почему? — возразил Алешка. — Очень даже удобно! У Женьки три комнаты, и печка топится! Что тут особенного?

Пока сушилось платье, Шура и Женя играли в шахматы. В просторном халате Жениного отца, поджав босые ноги, девушка сидела на диване и, не торопясь, переставляла фигуры. Сперва Женька и слышать не хотел о том, чтобы играть с нею. «Ни к чему! — высокомерно

процедил он. — У меня третья категория. Мне с тобой будет неинтересно!»

— Правда, — подтвердил Алешка. — Действительно чемпион! Даже теорию изучает по книжке!

— Я теорию не изучаю, — скромно ответила Шура. — Но надеюсь, что продержусь некоторое время!

Без особенного труда она выиграла у Жени две партии. Шура еще в первом классе стала увлекаться шахматами и в прошлом году на соревнованиях в Доме пионеров заняла второе место. Продолжать состязание Шура отказалась, хотя Женя упрашивал ее чуть ли не со слезами на глазах. Он кричал, что победа, одержанная Шурой, не считается, так как его не предупредили, что она сильный противник.

— Но мне больше не хочется! — отнекивалась Шура, смущенная тем, что огорчила хозяина. — Ты очень хорошо играешь, я ведь случайно поставила тебе мат.

Женька немного успокоился и отправился в кухню, где на плите кипел белый эмалированный чайник. Поздно вечером ушла Шура домой. Ей понравился шумливый, азартный Женя, но молчаливый, серьезный Алеша, который за все время не произнес и пяти слов, был ей больше по душе.

...Так началась дружба.

С первого класса Шумов и Лисицын учились вместе. Девять лет просидели на одной парте. Дня не могли обойтись друг без друга. Уроки готовили по очереди, то в Женькином доме, то у Алешки. Отец Жени, старший инженер локомобильного завода Лисицын, с симпатией относился к заместителю начальника механического цеха Семену Ивановичу Шумову и был рад, что сорванец и лентяй Женька дружит с сыном такого уважаемого человека. В свою очередь бабушка Елизавета Ивановна любила Женю почти так же, как собственного внука. Женина мама умерла, когда он был маленьким. Отец поздно возвращался с работы и не всегда замечал, что брюки и рубаха у сына в грязи и требуют ремонта. Елизавета Ивановна стирала Алешиному дружку одежду и кормила обоих вкусными домашними обедами. Так же поступал инженер Лисицын: покупая сыну обновку, не забывал сделать подарок и Алешке. Теперь к неразлучной паре присоединилась Шура Хатимова.

Она вскоре заметила, что Женя старается подражать

Алешке. Роняет слова так же неторопливо, как он, делая вид, что обдумывает каждую фразу, правда частенько забываясь и переходя на свою обычную скороговорку. Женя пытается усвоить Алешину решительную и стремительную походку, но ему не удается, потому-то он немножко горбится. Кроме того, Лисицын ловит каждое слово приятеля и, хотя всегда отчаянно спорит с ним, в конце концов поступает так, как рекомендует Шумов. Женя всегда спешит и постоянно куда-нибудь опаздывает. Уроки не готовы, постель не прибрана, ботинки не почищены.

— Времени не хватило! — махал он рукой.

А Леша на первый взгляд был медлителен, даже неповоротлив, но угнаться за ним было трудно. Шура это поняла, когда вместе с ребятами пошла на лыжную прогулку. Лисицын, изо всех сил работая палками, мчался так, что снег летел из-под лыж, и как будто развивал невероятную скорость, а Леша, опустив голову и расправив плечи, скользил плавно, без рывков. Движения были строго рассчитаны и потому казались медленными, но он легко оставил позади Женю и исчез за деревьями... Эти походы на лыжах проделывались неуклонно каждый день, независимо от погоды. Шура не могла понять, зачем тратить столько времени без пользы.

— Может, вы хотите стать чемпионами? — допытывалась она. — Ну покатались, займитесь чем-нибудь еще!

Женя подмигивал Алешке и отвечал:

— Нам так надо! А зачем, не скажем! Девчонкам знать не положено!

Шумов молча улыбался. Шура очень любила, когда он улыбался.

«Такой человек не может обмануть», — думала она. Алешка располагал к себе не только взрослых, но и малышей. Шумов и Женя учились в другой школе, не там, где сестры Хатимовы. Однажды Шура зашла за ребятами в бывший особняк Загрязкина, на дверях которого висела теперь табличка «Средняя школа № 3», и в коридоре увидела Алешу. Его шумной толпой окружали первоклассники, карабкались на плечи, висели на руках и оглушительно галдели. А он молча и ласково улыбался. Заметив Шуру, парень смутился.

— Вот, прохода не дают! — объяснил он, разводя руками, словно оправдываясь. — Такие смешные пацаны.

Расскажи им, отчего северное сияние происходит! Любопытные...

Однажды Шура случайно узнала тайну, в которую упорно не желал ее посвящать Женька Лисицын.

В солнечный весенний день Шура проснулась рано, часов в шесть. Она быстро оделась, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Зину, и вышла во двор. Было холодно. Мороз сковывал землю. Белым мохнатым инеем покрылись ветки деревьев. Но снега уже не было. И солнце сияло на безоблачном синем небе празднично, а хлопотливые воробьи чирикали возле ног Шуры с такой самозабвенной отвагой, что ей стало весело и захотелось сделать что-нибудь необыкновенное. «Пойду разбужу Алешку и Женьку!» — мелькнула озорная мысль. Последнюю неделю все трое готовились к экзаменам. Вчера засиделись поздно. Ребята, верно, спят крепким сном. То-то удивятся, когда Шура их поднимет!

Девушка побежала к Алешке, решив начать с него. Подойдя к дому, она взобралась на завалинку и заглянула в окно. Солнце отсвечивало в стекле, долго не удавалось ничего разглядеть. В конце концов Шура увидела маленькую комнату, скудно обставленную нехитрой мебелью. Под потолком были прикреплены турник и кольца, к стене прижалась узкая кровать. «Где же Алешка? — удивилась Шура. — Наверно, он тоже проснулся и куда-нибудь вышел». Девушка нерешительно открыла калитку и направилась к сараю, видневшемуся в глубине двора. Там она заметила умывальник. Дверь сарая была притворена. Шура заглянула в щель. Шумов спал. Он лежал прямо на холодной, промерзшей земле, закутавшись в тулуп, опустив наушники у шапки, и спал. «Что случилось?» — бросилась к нему Шура. Ей пришло в голову, что Леша поссорился с родителями, может быть, его выгнали из дому... Испуганная и расстроенная, она затормошила его. Алексей проснулся, сел и удивленно посмотрел на девушку. Наверно, ее лицо было очень растерянным, потому что в глазах у Леши мелькнула усмешка.

— Здравствуй! — сказал он и прислонился к стене, придерживая на плече сползающий тулуп.

— Сейчас, наверно, часов шесть, да? — Окончательно проснувшись, он встревожился. — Почему ты пришла? Что-нибудь случилось?

— У меня? Нет! — ответила Шура. — Я сама хотела задать этот вопрос. Почему ты спишь не в доме, а на улице? Можно ведь простудиться!

— Во-первых, не на улице, а в сарае! — серьезно ответил Алешка. — Во-вторых, как раз для того, чтобы не простудиться, я и сплю на свежем воздухе. А в-третьих, я это делаю уже не первый год, так что можешь за меня не беспокоиться.

— Как! И зимой?

— Да, и зимой.

— И когда морозы? — Шура могла подумать, что он хвастается, если бы не знала, с кем имеет дело.

— И в морозы! — улыбнулся Алешка. — Только, конечно, укрываюсь потеплее! И у меня есть спальный мешок.

— Но зачем? — удивилась Шура. — Честное слово, это мальчишество! Конечно, я понимаю, что все герои подвергались лишениям, чтобы закалить свой дух, но тогда почему ты сразу не улегся на гвозди, как Рахметов? Подражать, так уж лучшим образцам!

— Подожди, ты не поняла! — растерянно ответил Алешка, подняв светлые брови. — При чем тут герои? Я никому не подражаю. Просто мы с Женькой решили после окончания школы поступить в военное училище, чтобы стать командирами Красной Армии. Ну, ты же знаешь, какие качества требуются от командира?

— Хорошо стрелять, быть преданным Родине! — не задумываясь, ответила Шура. — Конечно, это еще не все. Нужны знания...

— В общем, ты права! — встал Шумов. — Надо быть образованным человеком! И физически подготовленным. Сильным, ловким, выносливым. Быстрее всех плавать, бегать, ходить на лыжах. Уметь обходиться без еды, без постели. Этому не научишься за два дня. Даже за два года. Теперь ты поняла?

— Да, — ответила Шура, почему-то притихнув. — Я поняла...

Алешка оделся, и они пошли к Жене, который ждал их с учебниками. Весь день Шура была задумчивой, а вечером, когда сложили книги и, уставшие, немного обалдевшие, вышли во двор, с грустью сказала:

— Если бы вы знали, мальчики, как я вам в сущности завидую!

— Ага! Наконец-то признала наше превосходство! — шумно обрадовался Женька, а Алексей внимательно посмотрел на девушку и промолчал.

...Шура еще не знала, могут ли помочь Зининому горю Женя и Леша, но когда сестра плакала у нее на плече, вспомнила о друзьях и решила с ними посоветоваться.

— Хорошо, что ты пришла! — сказал Лисицын, снимая очки и кладя их в карман. — Весь вечер читаю, уже глаза заболели. Как раз хотел сбегать к тебе или к Лешке!

— Погоди, не тараторь! — поморщилась Шура. — Дело есть. — Она рассказала о разговоре с Зиной. — Сестра права! — закончила Шура. — Все это от равнодушия. Каждый его осуждает, а помочь некому. И хороший человек пропадает. Мы должны что-то придумать? Ты согласен?

— Знаю я Антипова! — с сомнением сказал Женя. — Он такой, что лучше не связываться. Вот, что Алешка скажет...

Через полчаса Лисицын и Шумов сидели в тесной комнатке у сестер и внимательно слушали Зину. Та с удивлением разглядывала незнакомых ребят. Сперва она ни за что не хотела рассказывать о Толе. И лишь после того, как Шура предупредила, что нужна полная откровенность, Зина стала доверчивее. Впрочем, говорила она немного.

— Все о нем, наверно, слышали! — отвернувшись, буркнула девушка, смущенная тем, что чужие люди узнают ее тайну. — Но вы никому не верьте! Толя был моим товарищем. Он хороший, даже очень хороший человек! Не хуже вас, во всяком случае! — заносчиво прибавила она. — Но у него жизнь неудачно сложилась. Рос без родителей. В общем, это длинная история. А теперь он даже в тюрьму может попасть!

— Очень просто! — поддержал Женя. — Но ты, Зина, не беспокойся. Раз мы взялись, все будет в порядке! Правда, Алешка? Мы с ним потолкуем! Если надо — и на завод сходим! Я могу даже с отцом посоветоваться! Верно, Леша? Почему ты молчишь?

— Чепуха! — с легкой досадой ответил Алексей.

— Как чепуха? — растерялся Женя, а Зина, слушавшая Лисицына неодобрительно, посмотрела на Шумова с надеждой.

— Слишком все у тебя легко! Слова меньше всего нужны. Он и разговаривать не станет! Ему другое надо!

— А что ему надо, ты скажи, что? — обиделся Женька.

— Не знаю! — помолчав, хмуро ответил Леша. — Откуда я могу знать?

Он встал и попрощался с девушками.

— Как же быть? — встревожилась Зина. — Значит, ничего не сделаете? Напрасно, выходит, я вас позвала!

— Почему напрасно? — обернулся к ней Шумов. — Мы подумаем и потом вам скажем. Эти дела быстро не решаются!..

Когда вышли на улицу, Женя буркнул:

— Свинство с твоей стороны! Я действительно хотел помочь, ты меня перебил, а сам тоже ничего не предложил! Так, брат, всякий сумеет.

Алешка вздохнул и виновато ответил:

— Конечно, ты прав! Я перед тобой виноват.

— Ладно! — сразу повеселел Лисицын. — Не стоит ругаться из-за Тольки Антипова! Я, говоря между нами, его терпеть не могу. Он в прошлом году у меня лыжи сломал. Сани застряли у мужика, а Толька помогал вытащить. «Дай-ка, — говорит, — твою лыжу на минутку!» Я дал. А он поддел сбоку сани и сломал. Пополам треснула. И смеется. «Это, — говорит, — издержка производства!..»

Алексей слушал Женю невнимательно. Он огляделся и спросил:

— Куда мы забрели? Кажется, Левобережная улица?

— Да. А что? К твоему дому можно проходным двором пройти. Через забор. Он низкий, я лазил.

— Не в этом дело, — остановился Алешка. — Вон заводское общежитие, в бараке! Ты не спешишь? Зайдем, посмотрим, как ребята живут. И Тольку увидим!

— Спит, наверно, с похмелья! — проворчал Женя. — Вообще, раз ты меня раскритиковал, я лично с ним говорить отказываюсь.

Недовольно ворча, он побрел за Алешкой. Вошли в темный коридор, толкнули дверь, обитую войлоком, и очутились в большой комнате, уставленной кроватями. Молодой рабочий, расстелив на столе лист ватмана, рисовал заголовок для стенной газеты. Вместо абажура к лампочке приспособили пожелтевшую бумагу, свернутую трубочкой. Углы комнаты тонули в полумраке. Громко

тикали ходики. Алешка и Женя, немного робея, подошли к столу. Кроме художника, в общежитии никого не было.

— Здравствуйте! — сказал Алешка. — Вы не знаете, где живет Толя Антипов?

Парень ткнул кисточкой в угол. Только теперь ребята увидели на одной из кроватей спящего человека.

Он лежал ничком, подогнув руку, и дышал с таким трудом, как будто во сне взбирался на гору. Другая рука свесилась с кровати, беспомощная и неподвижная, — рабочая рука с мозолями и черной металлической пылью, въевшейся в кожу. Казалось, она только что выпустила напильник...

— Я же говорил, с похмелья! — бесцеремонно сказал Женька и с недоумением посмотрел на товарища, осторожно и даже с некоторой лаской прикоснувшегося к плечу Антипова.

— Проснись! — негромко сказал Алексей.

Антипов застонал, перевернулся на спину и открыл глаза, которые сначала были бессмысленными, затем стали изумленными. Он вскочил, ладонью смахнул волосы со лба и подозрительно спросил:

— Кто такие?

— Мы пришли с тобой поговорить! — с солидным и покровительственным видом ответил Женя. — Дело в том, что ты себя плохо ведешь. До каких пор это может продолжаться!.. Вчера ты снова...

— Замолчи, пожалуйста! — с досадой перебил Алексей и обратился к Антипову: — Ты не слушай, что он говорит. Я-то, например, просто хочу с тобой познакомиться. Понимаешь? Ты очень нужен для важного дела. Хочу попросить тебя об услуге.

— А кто ты такой? — неприязненно и насмешливо спросил Антипов. Он встал и оказался одного роста с Алексеем. Но плечи у него были такими широкими, он расставил ноги так твердо и уверенно, что Шумов и Лисицын рядом с ним выглядели мальчишками.

— Меня зовут Алеша Шумов! — ответил юноша. — Наверно, знаешь моего отца. А это Лисицын, старшего инженера сын...

— Ну и что? — отставив ногу, спросил Антипов. Он достал из кармана пачку папирос и дрожащими пальцами зажег спичку. Его глаза были красные, точно он натер их песком, лицо измятое. На щеке краснел след от по-

душки. — В чем дело? — повторил он, по очереди глядя на Женьку и Алексея. — Что вам надо? Перевоспитывать пришли?

— Не в этом дело! — с замешательством ответил Шумов. — Я уже сказал...

— Брось! — перебил Антипов. — Идите-ка отсюда подальше! Понятно? Пока по шее не попало! Юные пионеры!

— С тобой по-хорошему, а ты... — обиженно начал Женька, но Анатолий схватил его за шиворот.

— Поговори! — процедил он. — Пришел в моей душе копаться? Беги отсюда, пока цел!

Алешка схватил его за руку, но Антипов уже отпустил Женю и, переваливаясь, вышел из комнаты. Лисицын и Шумов помолчали. Потом Женька потер рукой шею, на которой остался след от воротника, и жалобно сказал:

— Чуть не задушил! Ну и пальцы! Железные какие-то!..

Раздался сочувственный голос художника:

— Все зря, хлопцы! Напрасно, говорю, время теряете! Разве с ним найдешь общий язык? Выселить его надо к чертовой матери, и дело с концом! Мало того, что пьяный приходит, шумит, скандалит, так еще у ребят вещи пропадать стали! Не иначе, как шарит по тумбочкам! На водку где-то надо деньги брать! Это уже последнее дело! А вы — беседовать. С ним многие пробовали, бесполезно! Вас, наверно, из райкома прислали?

— Нет! — ответил Алешка; щеки его горели не то от возмущения, не то от стыда. — Никто нас не присылал. Мы сами. Но пришли зря!..

Было поздно, когда ребята остановились возле Алешкиного дома.

— Слушай! — вдруг обеспокоенно сказал Лисицын, всю дорогу молчавший. — А как же насчет лодки?

— Какой лодки? — не понял Шумов.

— Так завтра последний экзамен, а лодка не отконопачена. Как же по реке поедем? Я уже Шурке сказал, чтоб продукты приготовила!..

Помолчав, Алешка тихо заметил:

— Легко тебе живется, Женька!

Кивнув, он скрылся в доме. Лисицын удивленно крикнул:

— Почему, Алеша? Почему ты так сказал?

— Ладно!.. Спокойной ночи! — раздался из окна голос Шумова.

...Отец тоже решил лечь в сарае. Он расстелил соломенный матрац и разделся. Было темно, пахло сеном. Сквозь щели блестели звезды. Семен Иванович долго не мог уснуть. Он сел и закурил трубку.

— Алешка, ты спишь?

— Нет! Я думаю, — не сразу откликнулся сын.— Надо найти какой-нибудь способ! Не буду себя уважать, пока не найду!..

— О чем ты? — удивился Семен Иванович.

Алешка рассказал о Толе Антипове.

— Это кажется диким! — горячо закончил он. — Живет парень при Советской власти. Сам рабочий и сын бедного, нищего крестьянина, который погиб за Советскую власть. Живет он среди нас, а жизнь у него, как при капитализме!.. В школе не учится, работает кое-как, пьет водку! Все видят, но о том лишь думают, как бы его наказать! Одни хотят из общежития выселить, другие чуть ли не в тюрьму посадить, только бы он людям настроение не портил. А разве не для него мой дедушка кровь пролил? Отец, надо что-то делать!..

— Знавал я одного Антипова! — задумчиво ответил Семен Иванович. — Неужели его сынок?.. Хорошо, что ты решил вмешаться, Алешка! Так и надо! Какой совет дать?.. По-моему, разговоры не помогут. Анатолию встряска нужна! Понимаешь! Чтоб душа перевернулась! А как его встряхнуть — сам подумай! Я помогу, если будет нужда. Все-таки депутат горсовета. Устроим Антипова в школу, работу подберем, чтоб учиться мог! Почувствует, что при Советской власти живет!.. А сейчас спи!

Когда Алешка уснул, Семен Иванович тихонько подошел к нему и долго смотрел на лицо сына, даже во сне не утратившее озабоченного выражения. Он смотрел и думал о том, что Алешка незаметно стал совсем взрослым. Руки еще тонкие, мальчишеские, грудь не вполне развившаяся и мускулы только намечаются, но заботы не детские. Чужая судьба волнует его так же, как своя. Он хочет бороться за то, чтобы не только ему одному жилось хорошо, а всем людям. Это признак зрелости. Значит, вырос...

Такие мысли мелькали у Шумова-старшего, а тем вре-

менем Алешкин лоб разгладился, он начал дышать ровнее, и скоро его губы приоткрылись в беззаботной, счастливой улыбке. Тогда сразу стало ясно, что парню всего семнадцать лет и снится ему, должно быть, обыкновенный мальчишеский сон, возможно даже та самая лодка, которую нужно так срочно законопатить!..

Через несколько дней Алешка и Женя, сдав последний экзамен, на рассвете отправились на рынок, чтобы купить все необходимое для двухнедельного похода по реке. Они придирчиво рассматривали блестящие рыболовные крючки, которые продавал молчаливый дед с бородой, от старости уже не белой, а серовато-зеленой. Подходили к торговкам, разложившим на лотках пирожки и сайки. Растягивали руками длинную сеть, которую показывал бравый загорелый парень в клеенчатой фуражке с начищенным медным якорем. День был ясный, летний. Солнце припекало. Ребята зашли в дощатую будку, где из земли торчала заржавленная труба, с трудом отвернули кран и по очереди принялись ловить ртом бьющую вверх толстой струей ледяную, почему-то сладковатую на вкус воду. Вдруг услышали шум. Раздались крики:

— Держи вора! Лови, лови!

Выглянув, Алешка увидел Анатолия Антипова. Выпучив глаза, открыв рот, он бежал к забору, держа в руке плетеную кошелку, откуда торчал селедочный хвост. За ним мчалась беспорядочная толпа. Антипов завернул за угол фанерной продуктовой палатки. Преследователи на секунду потеряли его из виду. За короткий миг Шумов успел заметить и потный, светлый вихор, прилипший ко лбу Анатолия, и длинную красную царапину на щеке, и расширенные от страха глаза. И еще вот что запомнил Алешка: темную, загрубевшую руку, державшую кошелку немножко на отлете, словно та могла испачкать брюки. Сильные пальцы небрежно поддерживали ее. Казалось, сумка случайно, против воли хозяина, прилипла к ладони!

Шум нарастал. Через секунду преследователи должны были заметить Антипова, прижавшегося к стене. И тут, повинуясь неясному, неожиданному побуждению, Алешка вполголоса позвал:

— Эй! Слышишь? Давай сюда!

Антипова не пришлось приглашать дважды. Он нырнул в будку, спрятался за спину Женьки и присел на

корточки, стараясь занять как можно меньше места. Не обращая внимания на Женю, который неодобрительно покачивал головой, Шумов высунулся за дверь. К будке подбежал милиционер и, придерживая кобуру, нетерпеливо спросил:

— Куда он девался?

— Туда! — махнул рукой Алешка.

— Я же говорил, отрезать надо было! — с досадой закричал сержант и пробежал. За ним последовали человек шесть. Остальные возвратились на базар. Все стихло. Анатолий выпрямился и поднес к глазам кошелку. Он с таким удивлением ее разглядывал, точно видел впервые.

— Краденая? — спросил Шумов.

Антипов пожал плечами.

— Дай сюда! — Алешка брезгливо отшвырнул сумку и строго сказал: — Пойдем!

Он прикрутил кран и вылез из будки. Антипов безропотно шел за ним. Женька замыкал шествие. По очереди перелезли через забор и молча зашагали рядом по безлюдной улице. Затем соскользнули по обрыву к реке. К тому месту, где любила купаться Зина. Здесь было пустынно. Блестел усыпанный осколками стекла песок. От воды тянул прохладный ветерок. Алешка сердито обратился к Антипову, который успел оправиться и со спокойным любопытством смотрел на ребят:

— Что дальше будем делать?

Анатолий вздернул выгоревшие брови, расправил плечи и с наслаждением потянулся:

— А ты что за спрос? — Весело глядя на оторопевшего Алешку, он подмигнул: — Ты парень — хват! Есть способности! Хороший жиган из тебя выйдет! Низко кланяюсь. За сим — адью! — Толька насмешливо приподнял сплющенную кепочку.

— Постой! — тихо сказал Шумов. — Значит, у тебя совсем нет совести?

— Пошел ты знаешь куда! — бросил Антипов и сплюнул.

Шумов задумчиво взглянул в наглое, грязное от пота лицо и неожиданно с размаху ударил Анатолия по зубам. Лешкина рука с виду была тоненькая, слабая, и удар показался неумелым, неловким. Поэтому было удивительно, что такой крепкий, сильный парень, как Антипов, пошатнулся и едва не упал. Женька вытаращил глаза. Он

был ошеломлен. Анатолий, выругавшись, бросился на Алешку. Казалось, сотрет того в порошок. Но его лицо вдруг столкнулось с твердым, как камень, кулаком противника. Антипов упал. И тут же вскочил. Из разбитой губы текла кровь.

— Ах, ты так! — прошипел он, сунув руку в карман. Блеснула финка. Лисицын молча кинулся наперерез. Вдвоем быстро отняли нож. В заключение Алешка еще раз стукнул Тольку по физиономии и, тяжело дыша, спросил:

— Ну, что?.. Теперь... будешь... разговаривать, как человек?!

Антипов сидел на песке и вытряхивал из ботинка камешки. Под глазом темнел синяк. Обувшись, он встал и угрюмо сказал:

— Силен! Не спорю. Бокс изучал?

— Не крути! — прикрикнул Алешка. — Если мало, могу прибавить!

— Что тебе нужно? — буркнул Толька.

— Чтоб ты человеком был! Воровство — последнее дело! Я сам отвел бы тебя в милицию, да жалко одну девушку, она считает тебя замечательным парнем. Помоему, ошибается. А может, и нет. Во всяком случае, пока ты такого отзыва не заслуживаешь. Но твой отец погиб за Советскую власть. Об этом все знают. Это факт. Потому-то я с тобой и заговорил. Думаешь, для того он отдал жизнь, чтобы сынок при социализме селедку воровал? Тебя могли убить, а за что? Во имя чего? Мой дед тоже был убит казаками в семнадцатом году, а в отца кулаки стреляли, как в твоего. Поэтому я тебе говорю: давай руку и будем дружить. Хочешь?

Антипов исподлобья глядел на Алешку. Мокрая прядка высохла и, встав дыбом, блестела на солнце, как золотая.

— Причешись, — улыбнулся Шумов. — На расческу... И учти, ты нас еще не знаешь. Мы тебе не дадим жить так, как до сих пор. Будем лупить каждый день, пока сам не согласишься, что мы правильно делаем!

— Ишь ты! — хмуро сказал Толька, но губы тронула улыбка.

— Ты умный человек, я думаю! — спокойно закончил Алешка. — Рассуди-ка, что лучше? На хорошей работе

быть, в школе учиться или в тюрьме сидеть... Ты, между прочим, сколько классов кончил?

— Шесть! — помолчав, неловко ответил Антипов.

— Об этом мы подумаем... И еще я поговорю с отцом, чтобы тебя опять приняли на завод! А теперь, если хочешь, проводи нас. По дороге еще потолкуем.

Анатолий не ответил. Он резко обернулся, отступил на шаг. По обрыву, осторожно придерживаясь руками за кусты, спускался рослый, слегка сутулый человек лет пятидесяти в синей милицейской шинели. Он был без шапки, темные редкие волосы, не скрывавшие лысину, блестели от пота. Окруженные мелкими морщинами глаза смотрели на ребят со строгим любопытством. Круглое лицо, несмотря на сурово сдвинутые брови, казалось добродушным. Не верилось, что этот мужчина может по-настоящему сердиться. Если бы не шинель, он был бы похож на бухгалтера или счетовода. Однако Толька даже не пытался убежать. По-видимому, он хорошо знал, кто был перед ним.

— Не спеши, Антипов! — отдуваясь и вытирая пот со лба, сказал милиционер. — Я за тобой с самого базара бегу.

— Ах ты, гад! — с ненавистью взглянул Толька на Шумова. — Теперь я понял, для чего ты мне зубы заговаривал. Милицию дожидался! Умен. Купил меня за рупь двадцать...

— Я ничего не знаю, — хмуро ответил Алеша.

— Веди меня в тюрьму! — сплюнув, сказал Анатолий и надвинул на глаза кепку.

— Прямо сразу в тюрьму? — усмехнулся мужчина — начальник Любимовского отделения милиции Юрий Александрович Золотарев. — Не спеши, Антипов. Еще успеешь!

— Не в гости же к себе поведешь! — осклабился Толька, и его лицо, бывшее еще недавно таким внимательным и добрым, вновь стало вызывающе наглым.

— Раз ты настаиваешь, пойдем, — с еле уловимой улыбкой согласился Золотарев и взглянул на помрачневшего Алешку. — А ты, парень, загляни завтра ко мне в отделение. Понял?

— Зачем?

— Надо! — Юрий Александрович еще раз вытер плат-

ком лысину и обратился к Толе: — Чего нос повесил? Умел воровать, умей и ответ держать. Так, что ли?

Антипов втянул голову в плечи и принялся взбираться по откосу. Отдуваясь, Золотарев последовал за ним. Вскоре они скрылись за кустами. Солнце палило. Женька, который до сих пор сосредоточенно жевал травинку, дернул друга за рукав:

— Неладно получилось! Он подумает, мы его выдали!

— Да... — Шумов вздохнул. — Теперь пропал Толька. Посадят его в тюрьму, а там... В общем, что говорить!

— Ты пойдешь завтра к Золотареву? — спросил Лисицын.

— Пойду! — ответил Алеша. — А как же?..

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

В дежурной комнате милиции было накурено и жарко. Большая комната с закопченным потолком и узкими окнами, загороженными решетками, была разделена деревянным барьером на две неравные части. В одной стоял громоздкий, покрытый чернильными пятнами письменный стол, где поблескивал телефон и лежали картонные папки с «делами». Положив локти на потертое сукно, поскрипывал пером дежурный по городу. Он писал протоколы допросов, выслушивал телефонные сообщения и покрикивал на арестованных, сгрудившихся во второй, меньшей части комнаты. Среди них были торговки, уклонявшиеся от уплаты рыночного сбора, подвыпившие парни, давно утратившие хмельной задор, и несколько мрачных, молчаливых молодых людей, обвинявшихся в вооруженном ограблении. В эту компанию попал и Анатолий Антипов.

Поручив дежурному его допросить, Золотарев прошел в кабинет. На стене висели портреты Ленина и Дзержинского. Сквозь открытое окно доносился шум близкого рынка. Капитан присел на кресло, сосредоточенно разминая папиросу и вспоминая расстроенное и в то же время нарочито беззаботное лицо Антипова, которого он вел по людным улицам. Анатолий от взглядов прохожих поеживался, но тут же, силясь до конца выдержать роль «забу-

бенного» парня, гордо поднимал голову и независимо сплевывал под ноги. Все его повадки говорили опытному Золотареву о том, что парень лишь недавно вступил на скользкую тропу «блатной» жизни и еще есть возможность вернуть его к честному труду. Юрий Александрович пытался заговорить, но Анатолий отмалчивался. Начальнику отделения было смешно и грустно видеть попытки Антипова казаться преступником-рецидивистом. Сколько таких ребят он встречал! Одних удавалось спасти, другие слишком далеко зашли по кривой дорожке легкой жизни. И судьба каждого из них волновала Золотарева. Но коренастый, хорошо сложенный парень, недавний литейщик Антипов особенно интересовал Юрия Александровича. Что-то необычное, чистое и смелое уловил капитан в его сердитом взгляде. Ему понравился Анатолий, как иногда без всякой, казалось бы, причины нравятся совершенно незнакомые люди. Что его ждет? Камера предварительного заключения, потом суд и исправительный лагерь? Золотареву стало так по-человечески жаль юношу, что он даже удивился. Ведь у него давно выработалось профессиональное спокойствие, и подобные случаи вовсе не были ему в диковинку.

Выйдя в дежурную комнату, Юрий Александрович услышал осипший басок милиционера, который допрашивал Анатолия.

— Фамилия? Адрес? — отрывисто бросал он и, если Антипов медлил с ответом, тотчас же раздражался: — Ты не жуй слова! Не к теще на блины попал. Тут тебя выучат по струнке ходить!

Анатолий пытался что-то объяснить вздрагивающим голосом, но дежурный, явно наслаждаясь его растерянностью, перебивал:

— Придется тебе сшибить рога! А ну, хлопцы, вы люди бывалые! Научите его свободу любить! — В ответ слышался довольный гогот арестованных, которые были рады неожиданному развлечению.

Юрий Александрович нахмурился. Он хорошо понимал состояние Анатолия. Тот растерялся, попав в чуждую обстановку. Раньше Антипова задерживали за мелкие провинности, но разговаривали тогда с ним по-иному. Не сажали за перегородку, а приводили в кабинет к замполиту, или оперуполномоченному и старались убедить, что его поведение не доведет до добра. Антипов привык

относиться к увещеваниям с насмешкой. Теперь же все было иначе. С ним никто не церемонился. Его обступили насмешливо ухмыляющиеся люди, готовые, как ему казалось, напасть, оскорбить, ударить... Золотарев подумал, что встряска принесет Антипову пользу, но был недоволен поведением дежурного милиционера, нарушившего его приказ и позволившего себе грозить арестованному.

— Никитин! — негромко окликнул капитан. — Делаю вам замечание!

— Простите, товарищ начальник! — помолчав, ответил дежурный, сразу понявший, в чем он провинился.

— Вам скучно, — продолжал Юрий Александрович. — Но не устраивайте из допроса развлечение. Не забывайте, что перед вами не манекен, а человек, подтрунивать над которым вам никто не дал права!

...Золотарев шел домой с чувством неудовлетворенности. Росло ощущение, что он не успел сделать важного дела. Об Антипове, впрочем, он не думал, так как заботы, нахлынувшие в течение дня, заставили забыть об утреннем происшествии.

Юрий Александрович вытер на крыльце сапоги и вошел в столовую. Он увидел стол, накрытый накрахмаленной скатертью и уставленный тарелочками с закуской. Между блюдом с тушеным мясом и вазой с яблоками красовался пузатый графин, наполненный вином. «По какому случаю Соня распорядилась?» — удивился капитан и заглянул в спальню. Портьеры свисали до пола; в комнате царил мягкий полумрак, пронизанный пыльным солнечным лучом. Жены не было и тут. Недоумевая, Золотарев выглянул во двор. Возле жестяного рукомойника склонилась над тазом чья-то бронзовая, мускулистая спина. Софья Аркадьевна, высокая темноволосая, до сих пор сохранившая девическую горделивую осанку и спокойную, строгую красоту, держала в руке мохнатое полотенце.

— Борька! — внезапно охрипнув, крикнул Юрий Александрович.

Мужчина во дворе выпрямился. Это был стройный человек лет двадцати пяти с коротко остриженными волосами и добрыми черными глазами, смягчавшими суровое, обветренное лицо. Он наскоро вытерся и побежал к дому, поднимая легкие облачка пыли неуклюжими кирзовыми сапогами.

Через полчаса отец и сын сидели за столом, слегка охмелевшие, растроганные встречей. Золотарев отодвинул наполовину опустевший графин.

— Надолго ты к нам?

— На один день, — ответил Борис, виновато посмотрев на мать. — Нашу эскадрилью на Запад перебрасывают, я проездом... Теперь, пожалуй, еще реже будем видеться. Международная обстановка тревожная...

— Да, да, — перебил Юрий Александрович, нарочно не глядя на жену, которая опустила руки и перестала убирать со стола. — Когда же тебе еще кубик дадут? Уже три года ты в лейтенантах! Или начальству не угодил?..

Шутка не удалась. Борис нахмурился. Золотарев сообразил, что задел больное место. Зачем нужно было напоминать, что именно из-за него, Юрия Александровича, сыну так трудно служить? Вспыхнула старая, уже притупившаяся обида. Почему Боря должен нести ответственность за несчастье, постигшее отца три года тому назад?

— Мама, я посуду помогу помыть, ладно? — сказал Борис и отправился в кухню.

— А я во дворе посижу! — крикнул ему вслед Золотарев.

Было душно, безветренно. Мерцали звезды. Вспомнился вдруг почему-то Толька Антипов. Капитан вскочил с завалинки. Он понял, почему судьба этого дерзкого паренька так его взволновала. Дело в том, что Толька напоминает его сына — Бориса. Ведь точно таким же когда-то был и лейтенант. А что ждет Антипова?.. У Юрия Александровича мелькнула мысль, показавшаяся сначала нелепой. «Почему бы и нет?» — пробормотал он и, отбросив сомнения, зашагал к воротам.

...Дежурного не было на месте. Клевал носом вооруженный милиционер, охранявший арестованных. За перегородкой копошились какие-то фигуры. Пользуясь тем, что его появление осталось незамеченным, Золотарев вглядеЛся в желтый, пыльный полумрак. Когда привыкли глаза, он увидел пятерых или шестерых парней, которые сидели на полу, скрестив ноги, и играли самодельными картами в штосс.

— Есть во весь! — услышал Золотарев. — Гони пиджачок, Толик!

— На, возьми, — последовал ответ.

Юрий Александрович заметил Антипова. Тот сидел среди картежников в одних трусиках. Лицо его осунулось.

— Не робей, к утру повезет! — насмешливо сказал кто-то.

— Проигрывать нечего, — уныло ответил Антипов.

— Хочешь, на милиционера сыграем? — вкрадчиво предложил прежний голос. — Ставлю на кон твои тряпки. Ну?

«Вот так и пропал бы парень, — подумал капитан. — Проиграет — будет вынужден, выполняя долг бандитской «чести», напасть на милиционера и предстанет перед судом уже по обвинению в серьезном преступлении... Нет! Нельзя оставить его здесь». Юрий Александрович прошел за перегородку, взял Антипова за плечо и вывел в коридор. Анатолий не сопротивлялся. Стесняясь обнаженных рук и ног, смотрел в сторону, кривил губы.

— Отдайте вещи! — приказал Золотарев.

Картежники поспешно бросили на пол пиджак, брюки и разбежались по темным углам.

— Пойдем! — мрачно сказал Юрий Александрович.

На улице Толька перевел дыхание. Темнели дома. Вокруг не было ни души.

— Ты вроде в гости ко мне набивался, — испытывая странное смущение, сказал Золотарев. — Ну вот... Можешь прогуляться... Чаю попьем. Я тебя с сыном познакомлю...

— Зачем? — удивленно спросил Толька.

— Черт его знает! — неожиданно ответил капитан. — Так... Взбрело в голову... Интересный ты человек!

Его откровенность заинтриговала Антипова.

— Куда идти-то? — грубым голосом спросил он и засунул руки в карманы.

...Софья Аркадьевна лишь на секунду задержала взгляд на госте и тут же как ни в чем не бывало ласково пригласила его к столу. Она много лет жила с Золотаревым и привыкла ничему не удивляться. Лейтенант перестал помешивать ложечкой в чашке и с интересом взглянул на Антипова, который от смущения держался преувеличенно развязно.

— Позвольте познакомить вас! — кашлянув, сказал Юрий Александрович. — Знаменитый литейщик Анатолий Антипов...

— Был когда-то литейщиком! — дерзко перебил Анатолий и локтем отодвинул стакан. Явно насилуя себя, он добавил: — Я на базаре засыпался вовсе не по литейному делу! Нырял в кошелки, да лягавые меня выловили!

Густо покраснев, он исподлобья взглянул на Софью Аркадьевну. Та сочувственно, с материнской жалостью покачала головой. Все молчали. Тогда Анатолий принялся ковырять вилкой картошку. Он вздрогнул, услышав насмешливый голос лейтенанта:

— А перечисли-ка, знаменитый ныряльщик, известные тебе моря и океаны!

— Какие еще моря? — не понял Толька.

— Или скажи, чему равен квадрат суммы? Сколько километров до Луны? Молчишь?

Антипов изумленно смотрел на Бориса.

— Какой царь правил на Руси в семнадцатом веке? — не унимался тот. — Эх, ты! Ни черта не знаешь! Для чего же тогда на белом свете живешь? Сколько тебе лет? Семнадцать? В твои годы писатель Гайдар полком командовал, Пушкин «Руслана и Людмилу» написал. А ты? Каких вершин достиг? У старухи сумку украл?

Антипов чувствовал себя так, будто совершил что-то очень неприличное. Такое ощущение он испытал впервые в жизни и растерялся.

— Я, брат, был точно таким же, как ты! — вздохнув, негромко сказал лейтенант. — Я в Одессе под лодкой ночевал. Тебе и не снилось то, что я пережил. Это был двадцать третий год. Разруха. Голод. Я гордился тем, что я босяк. Меня называли уркой, и нэпманы прятались от меня в подворотни, несмотря на то, что мне было всего восемь лет от роду. Они знали, что по моим пятам идут знаменитые одесские бандиты Костя Валет и Дядя Ус. Меня загребали во время облав, но я убегал и снова занимался шкодами...

Лейтенант закурил и машинально, очевидно по старой привычке, лихо передвинул языком папиросу в угол рта. Анатолий ловил его слова почти не дыша. Он не сомневался в том, что лейтенант говорит правду. Но как же сын Золотарева дошел до такой жизни? И что было с ним потом?

Уловив в Толькиных глазах жадное любопытство, Борис усмехнулся и с прекрасно разыгранным презрением закончил:

— Вот каким я был. Разве сравнить с тобой, сопляком? И то бросил. Учиться пошел. Стал летчиком, командиром Красной Армии. Почему? Потому, что сообразил: жизнь один раз дается, нет смысла ее по тюрьмам гноить. Пусть дураки этим занимаются, решил я, а с меня довольно романтики!.. Трудно было. Приятели грозились зарезать, да я наплевал... А сейчас время и вовсе не такое, как тогда! Хочешь на завод — иди на завод! Хочешь учиться — учись на здоровье. Тут только жить!.. А ты? Сколько ты мучаешься из-за паршивой сумки! Игра явно не стоит свеч, товарищ... Не обижайся за правду!

— Я не обижаюсь, — пробормотал Анатолий.

Он после этого еще пытался дерзить, но его упорство было сломлено. Он стесненно озирался по сторонам и с тоской глядел на дверь. Пожалев его, Юрий Александрович вызвал Тольку на крыльцо и сказал:

— Ступай домой. Поздно уже. А утром приходи в отделение. Подумаем, что тебе делать дальше.

— Посадите? — осведомился Антипов.

— Там видно будет.

— А если не приду?

— Ты мне психологию не разводи! — рассердился Золотарев. — Скажите пожалуйста, какая сложная натура! Выспись хорошенько, разговор будет серьезный.

Толька, не прощаясь, направился к воротам.

Борис сидел рядом с матерью, помогая распутывать шерстяную пряжу. Они вполголоса разговаривали и, когда послышались шаги, умолкли. Золотарев не обиделся.

— Что за секреты? — спросил шутливо.

— Да вот, мы с мамой установили, что ты не стареешь! — улыбнулся лейтенант. — Такой же, каким был в двадцатом году. И это хорошо, что ты такой... Иначе я не был бы здесь рядом с вами!

— Неправда, — помолчав, ответил капитан. — Тебе все равно не дали бы пропасть, как не дадут пропасть Тольке Антипову.

...Еще долго сидели в тесной спальне. Никто не нарушал молчания. Родные, близкие люди, они так хорошо понимали друг друга, что могли обходиться без слов. И когда на лоб Софьи Аркадьевны набегала морщинка — и Золотарев и Борис тотчас же догадывались,

какая мысль ее встревожила. А стоило нахмуриться лейтенанту, как муж и жена торопливо переглядывались, словно делясь опасениями за судьбу сына. У каждого из них было много забот, и все-таки они были счастливы настолько, насколько могут быть счастливы любящие люди, собравшиеся вместе после разлуки.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Проходя парком, Лида подумала, что уже ровно год миновал с того дня, как она познакомилась с Дмитрием. Тогда вот так же трогательно выглядывали из вздувшихся почек клейкие листочки и даже как будто те же самые парочки виднелись на влажных от росы скамейках. Но нет, нынче все не так! Деревья, люди и дома стали почему-то ниже ростом, а расстояния таинственно сократились. Если в прошлом году путь до техникума казался далеким, то ныне Лида затрачивает на него всего десять минут. Изменился и отец, Николай Ардалионович. Он и теперь исправно служит в церкви, но только прихожан поубавилось, а седины в черных волосах стало побольше. Он сгорбился и почти сравнялся ростом с Лидой. Это было странно и пугало ее. Она не догадывалась, что выросла сама.

Сегодня настроение у Лиды праздничное. Экзамены сданы. К лету удалось, урезывая себя во всем, сшить новое платье. И главное, как оригинально придумала! Никто не догадается! Купила в магазине обыкновенную подкладку для пальто, такую блестящую, светло-сиреневого цвета, и самостоятельно сшила модное, длинное платье со стоячим воротником и «молнией» на талии. На сей раз триумф был полный. На выпускном традиционном вечере в техникуме девчата завистливо косились на ее платье, а мальчишки просто глаз отвести не могли. Вот и нынче Лида надела новое платье.

Сегодня ей хотелось быть особенно нарядной и привлекательной. На рассвете почтальон принес телеграмму от Дмитрия. Тот сообщал, что занятия в лесотехническом институте окончены и он выезжает в Любимово, где проведет все лето. Не виделись полгода. В январе Дмитрий гостил недолго, и поговорить-то как следует не успели.

Зимой они договорились, что поженятся, как только

Лида закончит техникум. Диме останется учиться еще два года. Как-нибудь проживут на ее зарплату. Последнее время Лида вполне уверена в Диме. Он, конечно, любит ее. Письма из Брянска приходили часто. Иванцов рассказывал о занятиях, о том, какие книги прочел, делился своими планами. Чувствовалось, он нуждается в ней. Но еще недавно Лида не знала, чем кончится дружба. Поведение Дмитрия было странным. Он то ни на час не оставлял ее одну, то не показывался неделями. Утром дарил духи или цветы, а вечером разговаривал так холодно, что девушка со слезами убегала. Парень как будто не мог решить, связывать ли судьбу с Лидой или прервать знакомство, пока не поздно. Она догадывалась, что Дима колеблется, и не могла понять, какое препятствие мешает им быть счастливыми. Самолюбие было задето. «Пожалуйста, не стану навязываться!» — думала Лида и решала не встречаться больше с Иванцовым. Но стоило Диме ее приласкать, как девушка забывала о своей обиде.

Она не понимала, почему юноша под разными предлогами отказывается зайти к ней в гости и в свою очередь избегает Лиду приглашать к себе. Он и прощается-то всегда на углу, не провожает до калитки, как будто боится приблизиться к дому. Долго поведение парня оставалось загадкой, наконец Лида сообразила, в чем дело. Точно повязку сорвали с глаз! Это случилось однажды в парке. Им повстречались незнакомые ребята, хорошо одетые и воспитанные. Они оказались приятелями Иванцова. Тот с явной неохотой представил им Лиду. Невнятно прожевал ее фамилию и, пока юноши расточали любезности, волновался и не находил себе места, словно опасаясь, что подруга скажет что-нибудь лишнее... Внимательно поглядев на его бледное, покрывшееся красными пятнами лицо, девушка внезапно догадалась, что Дима просто-напросто боится. Ну да, боится, как бы кто-нибудь не узнал о его связи с дочерью священника! Он не хотел быть родственником служителя культа, оттого и колебался...

Лида оторопела от такой догадки. Но поведение Иванцова свидетельствовало о том, что ошибки нет. Тогда девушка решила поговорить с ним начистоту — в последний раз.

— Если ты меня стыдишься, какая же это любовь? — плакала Лида, уткнувшись в обледеневшую скамейку. Был январь. Они сидели в пустом парке. Не дождавшись от-

вета, девушка вскочила и побежала к выходу. Горе душило ее. Она была убеждена, что их любовь кончена!.. Иванцов остановил Лиду на улице, привел обратно в парк, усадил на скамью, обнял за плечи, затем проговорил негромко и проникновенно:

— Я уважаю твои чувства. Ты оскорбилась за отца, и ты в общем права. Но выслушай. Жизнь сложилась так, что с детства я предоставлен себе. Похлопотать за меня некому. Приходится самому пробивать дорогу. Когда-нибудь ты узнаешь мою биографию, тогда поймешь, что я обязан быть осторожным, если хочу добиться успеха. А я хочу. И не только для себя. Для нас обоих. Потому, что я тебя люблю. Если уж говорю «люблю», значит, так и есть. Я слов на ветер не бросаю! Когда столкнешься с действительностью не по книгам — поймешь, что прожить трудно. Твой отец, возможно, очень хороший человек, но, к сожалению, избрал профессию, которая в наше время не пользуется уважением. Я в этом не виноват. Ты тоже. Пойми меня, дорогая!.. Если любишь и хочешь быть счастливой, доверься мне. Я поведу тебя правильной дорогой. Уедем в другой город, где нас никто не знает. Отцу будем посылать деньги. Конечно, как же иначе. Это твой долг! А пока придется быть предусмотрительными. Здесь, где люди знают друг друга, не стоит афишировать наши отношения... Ты согласна?

Лида слушала внимательно. «Что ж, — думалось ей. — Он не так уж неправ! Стоило ли обижаться? Говорит, что любит... Это в конце концов самое важное».

— Я тебе верю! — ответила она. — Но только отца не оставлю никогда. Это уж, как хочешь!..

В душе долго оставался неприятный осадок, который иногда напоминал о себе внезапными, казалось бы, беспричинными слезами.

Николай Ардалионович не мешал Лиде встречаться с Иванцовым. Он чувствовал, что в дочери происходит непонятная для него ломка, и не досаждал ей вопросами и поучениями...

Зима тысяча девятьсот сорокового года была трудной для девушки. Тяжело было учиться и одновременно заниматься хозяйством. Переписывать лекции, посещать анатомичку, а вечерами мыть полы, чинить и чистить старые, заплатанные платья, чтобы всегда быть хорошо одетой, чтобы никто не догадался, как ей нелегко... Пришла весна

и принесла облегчение. А лето сулило счастье! Вот Дмитрий приехал! Три месяца они будут вместе!..

Дом, где жил Иванцов, находился возле парка, в конце короткого переулка. Тут между камнями пробивалась ярко-зеленая трава, а стены из серых плит уже теперь, в середине июня, обросли кудрявым плющом.

— Здравствуйте! — робко сказала Лида пожилой даме в шелковом халате, которая вышла на ее стук. — Я к Диме. Он ведь приехал? — Женщина с ног до головы оглядела девушку и, невнятно буркнув что-то среднее между: «Проходите» и «Проваливайте»! — повернулась спиной. Лида почти год была знакома с теткой Иванцова, закройщицей Таисией Филимоновной, но все еще не привыкла к ее недовольному взгляду и в присутствии этой неприветливой женщины терялась и сидела как на иголках. Лиде здесь не нравилось. Она чувствовала себя в этом доме, как в тюрьме. Стены, оклеенные темными обоями, давили на нее... Квартира состояла из трех комнат. В столовой, загроможденной тяжелой неуклюжей мебелью в чехлах, было негде повернуться. Все вещи были дорогие, безвкусные и мрачные. Хозяева как будто отгородились от всего мира толстыми стенами, длинными портьерами, не пропускающими шум, и крепкой дубовой дверью, к которой был приспособлен огромный замок.

Дмитрий, когда был дома, запирался в своей комнате на ключ; в свою очередь Таисия Филимоновна, выходя даже в кухню, защелкивала хитроумную задвижку на дверях спальни, чтобы племянник не проник туда в ее отсутствие.

Пока Лида сидела в столовой и ждала Дмитрия, тетка сновала мимо, ни на секунду не оставляя ее одну, точно боясь, что гостья может что-нибудь стащить. Девушке было неприятно, но она отгоняла обиду, не желая разрушать праздничное настроение, с которым пришла сюда.

Наконец, хлопнула дверь и появился Дмитрий.

— Ты здесь! — обрадовался он.

Лида не раз пыталась себе представить, как он выглядит, но не ожидала, что Дима совершенно не изменился. Он был точно таким же, как зимой, в светлом костюме и полосатой сорочке с галстуком, ботинки блестели, розовое, смуглое лицо сияло. Карие глаза смотрели ласково.

— Я ведь еще утром приехал! — сказал он, усадив ее рядом с собой на диван. — Ох, и соскучился же я! Хотел

сразу к тебе бежать, но сначала пришлось сделать одно дело...

— А ты хорошо выглядишь! — перебила Лида. — И все такой же! Только подбородок как будто затвердел. Раньше ты был похож на мальчишку, который притворяется взрослым, а теперь действительно стал мужчиной!.. Димка! Как я рада!..

— И я! — шепотом ответил он. — Но не перебивай! Я хочу рассказать, где был утром. Это будет иметь важные последствия. Видишь ли, я решил, что за лето должен заработать деньги, чтобы зимой успешно заниматься! Стипендия маленькая, мне в этом году приходилось то дрова колоть, то на вокзале чемоданы таскать. А если заработаю летом, смогу не халтурить. Вступлю в студенческое научное общество! Сделаю какую-нибудь работу, и, может быть, потом меня оставят в аспирантуре... Окончить дни в лесной чаще я, честно говоря, не расположен! — Он засмеялся, показав ровные белые зубы.

— Где же ты был все-таки? — улыбнувшись, спросила Лида, довольная тем, что он с ней делится своими заботами.

— В горкоме комсомола. Это я еще зимой сообразил! Я пришел к секретарю, Ане Егоровой, сказал, что, пожалуй, смогу поехать на все лето в пионерский лагерь вожатым. И как раз оказалась свободная вакансия. Причем последняя! Понимаешь, как здорово! И отдохну, и в лесу поброжу, обдумаю тему для будущей работы, а осенью еще получу кучу денег! Питание-то бесплатное! Я уже все рассчитал!

Голос у Иванцова радостно звенел, а карие глаза так весело блестели, что Лида невольно заразилась его настроением. Он был очень доволен собой, тем, как складываются дела, и готов говорить об этом без конца. А Лида вполне разделяла восторг Димы и с удовольствием его слушала. Он не нашел бы более терпеливой собеседницы. Долго обсуждали, что придется взять в пионерский лагерь. Какие учебники, костюмы, снаряжение для рыбной ловли. Лида потребовала, чтобы Дима показал одежду, может быть, нужно кое-что починить и погладить. Дмитрий согласился, не усмотрев в ее предложении ничего особенного и даже не поблагодарив. Потом он рассказал о том, как прошла экзаменационная сессия. Он упомянул о преподавателях, с которыми был в очень хороших отно-

шениях, потому что заранее узнал, какие у них привычки и слабости, и постарался к каждому, как он выразился, «подобрать ключик», о дружбе с секретаршей декана, с которой познакомился специально для того, чтобы узнать содержание самых трудных и каверзных билетов. И это ему удалось... В результате Дмитрий благополучно сдал экзамены. Даже декан, не считавший его талантливым и как-то сказавший, что Иванцов звезд не схватит, в присутствии студентов похвалил Иванцова. Дмитрий с увлечением делился с Лидой своими успехами, и она испытывала гордость при мысли, что такой умный и способный человек любит ее! Наконец, Дмитрий спохватился, что они все время говорят только о нем, и спросил:

— Ну, а ты как? Что с учебой?

— Все в порядке! — весело ответила Лида и глазами указала на тетку, которая сновала мимо, с ожесточением вытирая тряпкой мебель и всем видом показывая, что непрошенная гостья очень стесняет ее.

— Слушай, я совсем забыла о вечере! — сказала Лида. — Как бы не опоздать! Будет интересный концерт самодеятельности.

Еще утром, получив телеграмму, она взяла два билета в заводской Дворец культуры, где по случаю досрочного выполнения квартального плана решили устроить молодежный бал.

— Хорошо придумала! — ответил Дмитрий и незаметно пожал ей руку. — Пойдем ко мне. Посмотришь мои галстуки. У тебя хороший вкус!

Тетка с осуждением посмотрела вслед и, хлопнув дверью, ушла. Она давно жалела о том, что обещала умирающей сестре взять мальчика, который остался круглым сиротой. Ведь и отец находился неизвестно где. Пока Димка был маленьким, ей нравилось командовать им, потому что своих детей у Таисии Филимоновны не было, и к тому же было приятно хвастаться перед соседками добротой и чутким сердцем. «Кто бы еще взвалил на свои плечи такую обузу!» — любила говорить она. Таисия Филимоновна надеялась, что в лице Димки обретет в будущем поддержку. Благодарный за все, что она для него сделала, он позаботится о тетке, когда та состарится. Но эти надежды едва ли могли сбыться. Чем старше становился Димка, тем меньше уважал Таисию Филимоновну. Уже учась в старших классах, он ее в грош не ставил, а

за последний год стал вовсе чужим. Больше всего оскорбляло, что он просто не желал ее замечать, как будто она была мебелью. Словно не в ее доме жил... «Выселю, и дело с концом!» — думала тетка, но знала, что сделать это трудно, особенно теперь, когда Дмитрий стал взрослым. Он умеет постоять за себя!.. И два человека жили рядом, презирая друг друга. Между ними не было ничего общего. А иногда племянник смотрел на тетку так ожесточенно, что та даже начинала его побаиваться.

Спрятавшись за открытой дверцей шкафа, как за ширмой, Дмитрий снял брюки, сорочку, в которой приехал из Брянска, и остался в синих трусах и белой спортивной майке. Ноги у него были тонкие, мускулистые, а грудь широкая, обросшая курчавыми черными волосами. На мгновенье он высунулся из-за шкафа, Лида увидела его и покраснела, но не отвела взгляда. Она смотрела, смущенно улыбаясь, нежное влюбленное выражение появилось в ее добрых, голубых глазах. Чувствуя, что сердцу стало тесно, Лида сказала:

— Как ты загорел! Когда только успел! — Она попробовала рассмеяться, но голос ее дрогнул. Губы Иванцова приоткрылись, он вдруг быстро подошел к ней и обнял.

«Не надо!» — хотела сказать Лида, но прошептала: — «Дима!».

Он поднял ее на руки и понес куда-то. Лида зажмурилась. Стало страшно. Попыталась вырваться, но так ослабла, что не могла шевельнуть рукой. И эта слабость была почему-то приятна... За несколько секунд, пока Дмитрий нес ее к кровати, Лида успела подумать о многом. Сначала мелькнула мысль, что напрасно вошла к нему в комнату, потом вспомнился вечер, когда Дима стоял у пруда... Какие крепкие руки! Обнял так, что дышать трудно! Голова кружилась, щеки пылали... Прикоснувшись к мягкой прохладной подушке, Лида увидела склоненное над нею, покрытое каплями пота лицо...

И вдруг почувствовала, что его руки разжались. Сперва она даже не поняла, что произошло. Иванцов сидел на кровати, поглаживая пальцами брови. Лиде стало нестерпимо стыдно. Кое-как заколов шпильками волосы, она хотела выйти из комнаты, но тут хлынули слезы. Девушка почувствовала себя глубоко несчастной и оскорбленной. Точно сквозь вату доносился голос Иванцова, который шептал, робко прикасаясь к ее руке:

— Прости меня! Я не должен был... Мы сумасшедшие!.. Хорошо, что вовремя опомнился! Как бы я смог закончить институт, если бы... Ну, понимаешь! Ведь не всегда это бывает безнаказанно!..

Нет, она не понимала. Что он такое говорит? До нее дошло только, что могла выйти неприятность. Какая?.. Дмитрий несвязно бормотал о ребенке, пеленках, пропащей жизни. Наконец, она поняла и отвернулась. Ей стало горько.

С трудом удалось Иванцову успокоить девушку. Только во Дворце культуры Лида постепенно пришла в себя и даже заулыбалась.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Они, конечно, опоздали. Танцы были в разгаре. Но концерт еще не начинался. Сквозь распахнутые окна в зал заглядывали бледные звезды. Влажный, пахнущий травой ветерок касался разгоряченных лиц. На сцене сидели два баяниста и старательно растягивали мехи своих нехитрых инструментов. Они устали и временами фальшивили, но никто этого не замечал. Публика тут собралась самая разная. Можно было встретить и рабочих с локомобильного завода, и студентов, и школьников. Молодежь вначале держалась обособленно, но во время танца все смешались. Будущие медики приглашали девчонок из ремесленного училища, а скромные и неловкие заводские парни лихо отплясывали со школьницами в белых платьях. Во время перерывов ребята и девушки, обмахиваясь платочками, гуляли по фойе и рассматривали картины местных художников — пейзажи, портреты передовиков производства, натюрморты...

— Я устала! — пожаловалась Лида, протанцевав два круга. — Угости меня мороженым!

— Сейчас, Лидушка! — с готовностью ответил Иванцов, бывший в этот вечер необыкновенно услужливым. Усадив ее на диван, он вернулся через несколько минут с двумя серебряными тюбиками. Молча ели мороженое. Дмитрий отставил руку, боясь испачкать новый костюм; Лида с любопытством разглядывала наряды женщин, прикидывая, какие платья были бы ей к лицу.

На соседнем диване сидели трое юношей и громко разговаривали. Лида услышала ломающийся, очень настойчивый басок и невольно прислушалась. Голос принадлежал светловолосому парню лет восемнадцати, одетому в спортивный костюм. Распахнутый воротник открывал крепкую шею. Рядом с ним Лида увидела ребят примерно того же возраста. Один, очень высокий, в тенниске и коричневых лыжных шароварах, поглядывал на товарищей сверху вниз. Круглые роговые очки казались лишними на его юном, румяном лице, точно были надеты ради шутки. Второй юноша, пониже ростом, сидел, положив руку на спинку дивана. Скрытая сила чувствовалась в его коренастой фигуре.

— Прямо не знаю, что делать! — рокотал басок. — По математике провалился, а с переэкзаменовкой осенью вряд ли что выйдет! Вам-то что! Ты, Алешка, с пятерками перешел, и Женька не отстал. Вам только гулять!.. А у меня — труба! Когда готовиться? Правда, можно отпуск за свой счет взять, но, честно говоря, денег у меня нет и взять негде.

— Вот положение! — сочувственно сказал парень в очках. — Но ты не падай духом! Постарайся уж как-нибудь!

— Ты, Женька, сам не знаешь, что говоришь! — с упреком перебил его тот, кого звали Алешей. — Разве дело в его желании? Человек в горячем цехе работает, летом там настоящее пекло. К вечеру еле ноги волочит. Не до учебников!.. Тем более — математика! Конечно, Толька, ерунду спорол насчет того, что некому помочь. Я мог бы с отцом потолковать, пожил бы пока у нас или у Женьки, у них целый дом пустой. Мы-то в пионерский лагерь поедем. Горком посылает вожатыми... Занимайся хоть с утра до вечера, никто бы тебе не мешал!

— Это ты брось! — покачал головой Толька. — Жить я у вас не буду! Кончен разговор!.. Нет уж, придется остаться на второй год. Жаль, конечно, столько трудов пропадет, да, видно, ничего не попишешь!.. Дался мне этот восьмой класс! Лучше бы сразу в техникум! Прожил бы как-нибудь на стипендию-то!..

— Погоди, погоди! — перебил Алеша, и по его лицу было видно, что он что-то придумал. — Ты знаешь, мне в голову пришла одна мысль... Завтра на бюро горкома будет утверждаться решение общезаводского комсомольского

собрания о приеме тебя в комсомол. Я, как член бюро, буду присутствовать. И заодно поговорю о тебе с Аней Егоровой.

— О чем поговоришь? — не понял Толя.

— Нет, слушай, это действительно выход! — загорелся Алешка. — Мне известно, что есть вакантное место старшего пионервожатого. Я предложу, чтобы послали тебя. Будешь получать четыреста рублей в месяц. Вполне хватит. И сможешь заниматься. Главное, мы с Лисицыным там будем! Поможем, в случае чего. А на заводе отпуск возьмешь за свой счет!.. Видишь, как все хорошо получится! А ты говоришь «на второй год»!..

— Постой! — недоверчиво сказал Толя. — Меня старшим пионервожатым? Ты что, обалдел? Я же не справлюсь. Я даже в комсомоле еще не состою!

— Справишься! — азартно закричал Женька так громко, что проходившие мимо девушки, вздрогнув, оглянулись. — Ты еще лучше справишься, чем мы! А комсомольский билет тебе дадут завтра вечером после бюро!

— Ох, ребята, заморочили вы мне голову, я же могу всех подвести! — всплеснул руками Антипов, посмотрев на часы. — Сейчас самодеятельность начнет выступать, а я еще не переоделся.

— А мы ничего и не знали! — удивился Лисицын. — Ты будешь стихи читать? Или петь?

— Плясать, — смущенно ответил Анатолий и направился к маленькой двери, которая вела за кулисы.

Лида расслышала не все, но поняла, что у Димы появился соперник. Иванцов ведь тоже намеревался поехать в пионерский лагерь!.. Она хотела сказать ему о подслушанном разговоре, но увидела, что Дима и сам не пропустил ни слова. Он воспринял известие с большим беспокойством, которое даже не пытался скрыть. Нахмурившись, Иванцов глядел вслед Толе, и его глаза были такими злыми, что девушке стало неловко.

— Что ты! — тихо сказала она. — Не придавай этому значения. Ведь Егорова тебе уже обещала...

Но Дима не слушал. Он встал и сказав Лиде на ходу: «Обожди, я сейчас вернусь!» — прошел за кулисы. «Что он задумал?» — встревоженно подумала девушка.

А Иванцов был возмущен так, словно у него отняли вещь, давно ему принадлежащую. Осуществляя свои планы, он мог развивать поистине бешеную энергию. Там,

где речь шла о его интересах, Иванцов был неистощимо изобретателен и предприимчив. Действовал быстро и решительно.

Дмитрию хотелось схватить Антипова за рукав и закричать: «Как ты смеешь? Это я должен получить место старшего пионервожатого! Я так решил! Иначе разрушатся мои планы! Попробуй только встать у меня на дороге!» Но пока поднимался по ступенькам на сцену, он немножко остыл и сообразил, что из такого прямого и грубого разговора ничего хорошего не выйдет. «Надо подобрать к нему ключик!» — решил он. Дмитрию было всего двадцать лет, но он уже знал, что у многих людей есть в биографиях моменты, которых они стыдятся. Играя на этом чувстве стыда, а иногда и страха перед разоблачением, можно добиться от таких людей чего угодно. Это он и называл деликатно: «Подобрать ключик!»

Иванцов знал Антипова давно и помнил, что в его биографии есть немало скользких моментов, но чем больше думал, тем яснее становилось, что сыграть на них будет не легко!.. Антипов был хулиганом. Об этом все знают! Но то-то и худо, что все знают! Ведь людям известно также, что Анатолий давно оставил прежние привычки, учится в школе и стал передовиком производства! Нет, на этом не сыграешь!.. Но Иванцов не отчаивался. Он решил, что поищет и найдет способ устранить с пути соперника. «Как глупо! Как некстати все это!» — пробормотал Дмитрий, оглядываясь.

Он стоял на сцене. Прямо перед ним спускалось с потолка огромное полотнище, разрисованное какими-то полосами и пятнами. Занавес был уже открыт. Концерт начался. Скрытые от Иванцова задником, по авансцене двигались артисты. Но вот Дмитрий увидел Анатолия. Тот стоял за кулисами возле ящика с песком и, тужась, натягивал узкий сапог. Потом притопнул ногой о пол и легонько, как бы пробуя силы, прошелся вприсядку. В этот момент раздался громкий голос конферансье:

— Русский народный танец «Коробейники» исполнит литейщик локомобильного завода Анатолий Антипов!

Послышались аплодисменты. Толя заметался, сразу растерявшись. Он туго затянул белый шелковый пояс, расправил рукава, взглянул на сапоги. И с досадой поморщился. Левый сапог был густо вымазан чем-то белым, наверно известкой. Антипов беспомощно оглянулся, ища,

чем бы вытереть. В углу сцены он заметил бархатное знамя, стоявшее в чехле у стены. Переходящее Красное знамя, врученное локомобильному заводу за перевыполнение плана. Его отдали на хранение во Дворец культуры и нынче, в суматохе, отодвинули в глубь сцены. Антипов кинулся в угол, поспешно вытер чехлом сапог и бросился на сцену, навстречу отчаянно махавшему рукой конферансье, который всюду разыскивал Толю и, наконец, нашел... Разумеется, вытирая сапог, Антипов не отдавал себе отчета в том, что делает. Он схватил первое, что попалось под руку, это оказался чехол от знамени, но Толя не обратил на него внимания. Так или иначе, он почистил им сапоги на глазах у Иванцова.

Правда, надо сказать, что и Иванцов в первый момент, подобно Анатолию, не увидел ничего особенного в этом поступке. Он подумал только, что поговорить с Антиповым сегодня вряд ли удастся. Глупо торчать за кулисами, привлекая к себе внимание. Дмитрий вернулся к Лиде. Они сели на свои места в зале и просмотрели концерт до конца, потом до полуночи танцевали в фойе и ушли из Дворца культуры почти последними. Дмитрий ни разу не вспомнил об Антипове, но был весел и беззаботен, точно предчувствуя, что все его планы осуществятся. Лида, заметившая перемену в его настроении, не знала, чему ее приписать, но не расспрашивала. Ей было хорошо известно, что Дмитрий человек на редкость скрытный. Да он даже, если бы захотел, не смог ответить, так как сам не понимал, отчего на душе стало легко...

И только когда вышли на улицу и очутились под черным небом, в глухом, узком переулке, Иванцов задумался. Рука, поддерживавшая Лиду за локоть, ослабла. Он замедлил шаги и начал пальцами разглаживать брови, что служило признаком напряженной работы мысли. А Лида, полная впечатлений, болтала без умолку:

— Какая ночь! Не хочется домой... Дождемся, когда луна взойдет! Она нынче круглая, желтая, как медная сковородка!.. Ты обратил внимание, какая прическа была у моей соседки справа? Пойдет мне, если я так причешусь?.. Почему ты молчишь? Куда мы идем?.. Давай погуляем еще немножко!..

— Хорошо, хорошо! — рассеянно ответил Дмитрий и, точно очнувшись, спросил: — Кстати, ты знаешь по фамилиям ребят, которые сидели рядом с нами в фойе? Ну,

тех, чей разговор ты слышала, — добавил он, заметив, что Лида смотрит на него с удивлением.

— Нет, не знаю! — не сразу ответила девушка. — А зачем тебе? Разве ты все еще встревожен?

— Теперь уже нет! — ответил Иванцов и прижал ее локоть. — А вот и луна... Ну, ну, посмотрим, похожа ли она на сковородку!

Он замолчал и остановился. Перед ними, точно из-под земли, выросла высокая человеческая фигура. Лида слабо вскрикнула. Дима загородил ее плечом и заглянул в лицо незнакомому. Он увидел пожилого бородатого мужчину без шапки, в телогрейке и сапогах. Стриженая голова напоминала шар. Длинные руки свисали чуть ли не до колен.

— Что вам нужно? — сдерживая невольную дрожь в голосе, спросил Дмитрий.

— Ты нужен! — простуженно ответил мужчина. Тон его не был угрожающим, скорее, наоборот, ласковым. Иванцов удивился и подошел вплотную, пытаясь разглядеть путника. Может быть, они знакомы? Нет!.. Вряд ли... В это время огромная красная луна выплыла из-за крыш и улица как по волшебству изменила облик. Дома, заборы и сама земля словно засветились изнутри нежным молочным светом. На мостовую легли черные тени, казалось, нарисованные тушью. И мужчина из таинственного незнакомца превратился в обыкновенного, плохо одетого, запыленного человека лет пятидесяти с морщинистым, утомленным лицом. Лида сразу перестала его бояться.

— Нищий, наверно, — шепнула она Иванцову. Но тот выпустил ее руку и подался вперед. Девушка услышала, как он растерянно пробормотал:

— Нет, не может быть... Лида! — обратился он к ней. — Ступай домой! Мне нужно поговорить с товарищем... Не обижайся. Извини, потом я все объясню... До завтра!

— Погоди, но как же... — отступила девушка.

— До свиданья! — нетерпеливо повторил Иванцов, попрежнему глядя не на нее, а на мужчину, который стоял, расставив ноги, как на корабле, и улыбался. Лида снова почувствовала тревогу. Она ничего не понимала. Значит, Дима и этот нищий знакомы? Но что между ними может быть общего? Очень странно!.. Она пошла, не оглядываясь. На углу девушка не вытерпела, посмотрела туда, где оставила Диму. Но улица была уже пустынна...

Нищий тем временем втащил Иванцова в густую тень и обнял за шею твердыми, негнущимися руками. Он уткнулся обросшим колючим лицом в щеку юноши и тяжело задышал. В горле у Димы застрял комок. Он судорожно обхватил широкую спину путника.

— Отец! — прошептал он. — Это ты!..

— Сынок! — радостно и растроганно сказал Егор Силантьевич, выпуская, наконец, сына из объятий и любовно оглядывая со всех сторон. — Ишь, какой стал!.. Я ведь сперва не признал! Только по голосу, когда заговорил, почуял родную кровь!.. Ах, Митька, Митька! Вырос, подлец! Костюмчик-то, как у ответственного работника! Слышал, в институте наукам обучаешься? Верно?

— Верно, — улыбаясь, ответил Иванцов, с любопытством рассматривая отца. — А ты ничего. Держишься!.. Постой, ты как же здесь очутился? Тебе вроде бы десять лет дали. Ты должен был, значит, только в сорок третьем освободиться... Или сбросили срок? Помиловали?

— Убежал! — шепотом ответил Егор Силантьевич и оглянулся. — Потому и не пришел к Таиске! Она дура, проболтаться может. Убежал, и все тут! — Он счастливо засмеялся, показывая мелкие, почерневшие зубы. — Третий месяц по лесам скитаюсь. Оборвался, одичал! Но все же до родных мест добрался!.. У меня тут дела кое-какие есть! Рассчитаться надобно, все долги уплатить!.. Это хорошо, сынок, что ты здесь! Боялся, не застану! Одному тяжело...

Иванцов говорил, не замечая того, что лицо у Дмитрия как бы окаменело и стало чужим, настороженным.

— Ты, брат, вот что! — продолжал он. — Беги-ка живым духом домой и тащи деньги, сколько есть, одежонку подходящую и шапку или кепку. Я-то свою арестантскую забросил, а голова, сам видишь, стриженая, приметная, да и от солнца жарко!.. Поесть тоже принеси, а неплохо, ежели и водочки достанешь! Выпьем с тобой, сын милый, за расчудесную нашу встречу!.. Я тут обожду! Нельзя мне по городу ходить, боюсь!.. — Он хотел потрепать сына по плечу, но тот мягко, но решительно отодвинулся.

— Та-ак! — незнакомо прозвучал в темноте его голос. — Стало быть, сбежал!.. Хорошее дело! Что же дальше?

— А вот долги уплачу, и на Запад! — буркнул Егор Силантьевич. — Сидел я с одним человеком в камере, он

мне растолковал как через границу перебраться!.. Только сперва дельце одно сделаю, о котором восемь лет мечтал! Семен Шумов живой еще?.. Живой! Я знаю! Спрашивал! На заводе начальником стал. Депутат Совета!.. Попомнит он меня... Ты, сынок, после будешь спрашивать, а сейчас беги, неси, что сказал! Да живей, голодный я!..

Дмитрий долго молчал, отвернувшись. Потом тихо и твердо ответил:

— Не пойду я, батя!

— Как не пойдешь? — удивился Егор Силантьевич. — Я же тебе толкую, одежонку надо, да и закусить тоже!.. Ты что это? — Он недоумевающе смотрел на сына, и потрескавшиеся, обветренные губы вздрагивали от волнения и обиды.

— Не пойду! — с сердцем повторил Иванцов и отступил на шаг. Когда снова заговорил, голос звучал отчужденно, жестко. — И одежды от меня не жди, и денег не дам!.. Так вот ты, значит, как пришел? Вот что для меня припас? Хороша радость! Сам, точно волк бешеный, по лесам скачешь, и мне такую же участь приготовил?.. Дураков нет, батя!

— Постой, постой! — отступил старик. — Ты как же со мной разговариваешь, стервец! Ты что грубишь! Я вот возьму палку потолще!.. Ты как язык-то свой поворачиваешь... Родному отцу!..

— Ну, тогда вот что, батя! — холодно перебил Дмитрий. — Придется уж вам меня послушать! Вы хотели лбом каменную стенку развалить. Но, однако, лоб разбили, а стенка еще крепче стоит. Меня ваш пример не прельщает. Слава богу, образованный! Не зря без отца-матери вырос!.. Я вас в гости не звал, вы и без того мою жизнь достаточно искалечили! Меня еще в деревне иначе, как кулацким отродьем, не называли! Ничего. Выдюжил. Встал на ноги. Теперь вы что же хотите? Все побоку? Вместе с вами на одну веревочку? Не бывать этому! Доносить не пойду, смысла мне в этом нет. Скажите и за то спасибо. А теперь ступайте своей дорогой! Счастливого пути! — И юноша отвернулся.

— Постой! — бросился к нему отец. — Митька, что же это?.. Да ты ли такие слова произносишь? Может, я обознался? Злого врага за своего сына принял? Не совестно тебе больного, голодного старика в шею гнать? Митька, сынок! О тебе ведь я плакал там, на далекой Воркуте!

А как там мой парень растет, думал я, как учится, что ест, где спит? Спешил к тебе, хотел к сердцу прижать, приголубить, взгляни, на последнюю десятку чего купил в подарок! — Он лихорадочно полез в карман, торопливо развернул грязный платок. При свете луны неярко блеснула полированная крышка дешевенького портсигара. — На вот, возьми! — совал портсигар Егор Силантьевич. — Ведь куришь, наверно?.. Ну, пошутили, погорячились и хватит! Один ты остался! Все меня ловят, как бешеную собаку... Не с кем слова сказать... Митенька!

Иванцов со странным чувством смотрел на плакавшего перед ним старого, оборванного человека. Да, Егор Силантьевич по-настоящему плакал. Крупные слезы скатывались по седой бороде. Не выдержали нервы многодневного напряжения. Глядел на него Дмитрий и не верилось ему, что это и есть родной отец, о котором в детстве немало было пролито слез... Нет! Этот старик олицетворяет собой что-то бесконечно чужое, далекое, грозное!.. От его объятий Дмитрий чувствовал в спине холодок. Ему ничуть не было жаль отца. Слова, горячо произносимые Егором Силантьевичем, его не трогали. Он томился, желая лишь одного — чтобы эта сцена поскорей кончилась.

— Молчишь? — спросил Егор Силантьевич и, наклонив голову, заглянул в глаза сыну. — Да я вижу, ты не заговоришь! Не из таких! Выходит, зря я перед тобой бисер рассыпаю! И здесь, стало быть, жизнь надо мной посмеялась! Ну, что ж. Ладно! Ухожу я, сынок... А ты будь счастлив, если сможешь! Только слышишь? Принеси поесть и денег. Ничего больше не требую! Но это ты обязан! За то, что родил я тебя, в люльке ночами качал. Когда болел, на руках таскал! За пряники и леденцы, что привозил для тебя из города, помнишь? Али забыл?.. За все обязан передо мной! Зверь ты бесчувственный! Не позволишь же ты родному отцу помереть голодной смертью!..

— Не могу! — раздраженно прервал Дмитрий. — Узнают, что я вам помогал, прощай институт! Еще арестуют! И эти ваши мысли насчет Шумова выбросьте из головы! Я не о нем забочусь! Мне на него наплевать. И не о вас. Вы-то, видать, так ничему и не научились! Но если скандал будет, обратно же мне не сдобровать! Так что по-хорошему предупреждаю. Уходите нынче ж ночью.

— По-хорошему? — осклабившись, переспросил Егор

Силантьевич. — А если не послушаюсь, тогда что? По-плохому?

— Тогда по-плохому! — прошипел Иванцов. — Запомните, батя, если еще увижу вас в Любимове, клянусь, схожу куда следует и донесу!..

— Эх, Митька, Митька! — покачал головой отец. — Будь ты проклят. Не видать тебе счастья в жизни!

Он долго стоял, сгорбившись, втянув голову в плечи. Не шевелился и Дмитрий. Наконец Егор Силантьевич вздохнул и, не прощаясь, не взглянув даже на сына, медленно побрел прочь. Его ноги тяжело шаркали по булыжнику. Он стал как будто меньше ростом. Иванцов смотрел вслед до тех пор, пока отец не скрылся за углом. Потом вздохнул, точно сбрасывая тяжесть, огляделся и быстро зашагал домой.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

В субботу двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года Анатолий Антипов проснулся рано. Подоконник был розовый от солнца, но углы большой комнаты еще тонули в полумраке. Толя полежал несколько минут с закрытыми глазами. Ему было радостно, но он не мог понять, отчего. Он сознавал, что нынешний день не такой, как другие, особенный, но забыл, что же должно произойти? И вдруг вспомнил: он вызван в городской комитет. На бюро будет решаться вопрос о его приеме в комсомол!.

Анатолий сбросил одеяло и спрыгнул на пол. В трусиках и майке, он распахнул окно. Влажный утренний воздух ворвался в комнату, Антипов вдохнул запахи травы, реки, распускающихся цветов. За окном общежития густо кудрявилась зелень. Между деревьями белели корпуса завода. Чувствуя, как все тело наливается силой, Анатолий быстро проделал несколько гимнастических упражнений и оделся.

Было еще рано, но он решил пойти на завод и поговорить с мастером Селезневым насчет приспособления для воздушного охлаждения тяжелого литья. Всю зиму Антипов ломал голову, пытаясь найти способ быстро остужать тяжелые отливки. Долгие вечера проводил в технической библиотеке, рисуя на листочках, вырванных из тетрадки,

неумелые эскизы. Оттого и запустил математику в вечерней школе...

Дело в том, что тяжелые отливки весом в шестьдесят, сто тонн, прежде чем их вынуть из форм, должны остыть. А остывают они очень медленно, по двадцать — тридцать дней, и загромождают весь литейный цех. Из-за них нельзя заливать новые формы. Они ограничивают выпуск продукции. Литейщики сумели бы перевыполнять нормы, но не могли, потому что производственная площадь была занята стынущими отливками.

Анатолию пришло в голову, что можно искусственно охлаждать тяжелое литье. Нужно сделать специальные формы, в стенках проложить чугунные трубы и пропускать через них холодный воздух. Тогда отливки будут охлаждаться не в течение месяца, а за каких-нибудь двенадцать — четырнадцать часов!..

Улицы были еще пустынны. Проходя мимо пивной палатки, Анатолий увидел на траве спящего человека. Когда он поравнялся с ним, человек проснулся и сел, протирая опухшие глаза. Анатолий узнал Федьку Козлова, своего прежнего собутыльника. Федька недавно освободился из тюрьмы, где отсидел год за воровство. Теперь он нигде не работал и редко бывал трезвый. Его небритое, измятое лицо на фоне яркой зелени и чистого, синего неба выглядело больным и даже страшным, как будто принадлежало не живому человеку, а мертвецу. Увидев Антипова, Федька приподнял кепку:

— Привет стахановцу! Что, Толик, перековался?

От него даже на расстоянии нескольких шагов несло водочным перегаром.

— А ты все пьешь! — с тягостным чувством сожаления и досады ответил Анатолий.

Ему неприятно было видеть этого человека, который напоминал, каким был сам Антипов еще недавно. Сейчас Толе казалось странным и почти не верилось, что он вот так же валялся на земле, сквернословил, жизнь его была бесцельна, и все интересы сводились к удовлетворению самых низменных потребностей... Теперь Толя учился в школе, мечтал об институте. У него были друзья, любимая девушка. Его должны были принять к комсомол!.. И Анатолий испытал сильное желание подойти к Федьке и сказать: «Остановись, пока не поздно! Оглянись, посмотри, как прекрасна жизнь! Открой глаза!». Но он

не подошел и не крикнул, потому что хорошо знал Федьку и понимал, что таких людей, как он, словами не проймешь.

— Пока! — сказал он и, предъявив пропуск, вошел в заводские ворота.

Мастера Селезнева Толя нашел во дворе и, усадив на влажную от росы скамью, принялся рассказывать о своем приспособлении. Он волновался и некоторые фразы повторял по два раза, как будто боясь, что иначе Селезнев их не поймет. Мастер молча дослушал до конца и, вынув кисет, стал медленно свертывать цигарку. Закурив, он прокашлялся, вытер губы и одобрительно похлопал Анатолия по плечу:

— По-моему, дело стоящее! Пойдем, я тебя познакомлю с инженером, который в бюро изобретений работает. Может, он что посоветует!

Инженер Круглов сидел за письменным столом в маленькой стеклянной кабине на антресолях механического цеха. Внизу, в пролете, гудели станки. Время от времени громко взвизгивал под резцом металл. Тяжело гремели подъемные краны. Здесь, под потолком, эти звуки сливались в оглушительный шум, привыкнуть к которому было трудно. Чтобы услышать друг друга, приходилось громко кричать, как в лесу.

Инженер Круглов был низенький, худой мужчина лет тридцати, с узкими плечами и аккуратным пробором. Пиджак его был застегнут на все пуговицы, галстук, несмотря на духоту, туго подпирал воротник. Лицо у Круглова было добродушное и приветливое. Он улыбался даже тогда, когда для этого не было повода. Улыбка на его лице была так же естественна, как седина на висках у мастера.

Круглов, улыбаясь, выслушал Антипова и сказал приятным, высоким тенорком:

— А вы присядьте. Я должен подумать! Значит, как вы говорите?.. Специальные формы с воздушным охлаждением?

Он сморщил узкий лоб и замолчал. Впрочем, пауза длилась всего несколько секунд. Инженер встал, подошел к стеклянной стене и задумчиво поглядел вниз, в цех. Когда он обернулся, улыбка расплылась еще шире.

— Понимаете, товарищи, ничего не получится из этого дела! — с сожалением сказал он. — Мне неприятно вас огорчать, но истина дороже!.. Изготовить такие формы,

как вы предлагаете, очень трудно. Они будут стоить так дорого, что эффект, полученный от их применения, не окупит затрат. Понятно?

— Яснее ясного! — вздохнул мастер и повернулся к Анатолию. — Видишь, какая штука, брат!.. Учиться надо. Голова-то у тебя хорошо работает, а знаний маловато. Ну, попрощайся с товарищем инженером и пойдем. Уже гудок был.

— До свидания! — сказал Анатолий. Он был очень расстроен и разочарован, но ни на минуту не усомнился, что Круглов сказал правду и изобретение никуда не годится. Если бы он знал, о чем думал инженер Круглов в те несколько секунд, пока они ждали его ответа, то, вероятно, не согласился бы так легко с приговором.

Сергей Сергеевич Круглов был человеком мягким. Он никогда никому в жизни не причинил зла и больше всего боялся кого-нибудь обидеть или огорчить. И в семье и на производстве вел себя так, чтобы не вмешиваться в чужие распри. Он не любил, когда люди кричали и нервничали. Он любил тишину, мир и покой. Недавно инженер Круглов женился на молодой, миловидной девушке с ямочками на щеках, которая в прошлом году закончила медицинский техникум и теперь работала фельдшером. Характером жена очень походила на мужа. Оля — так ее звали — тоже была добрая, мягкая и спокойная. Никогда не сердилась. Никогда ни с кем не ссорилась.

Жили Кругловы в полном согласии. У них родился сын, и весь их мир ограничивался теперь детской кроваткой. По вечерам инженер не выходил из дому. Его не тянуло ни в кино, ни в парк. Часами он мог сидеть на диване с газетой и любоваться женой, которая нянчила ребенка и напевала смешные и трогательные колыбельные песенки.

Выслушав Антипова, Круглов понял, что новые формы могут произвести революцию в литейном производстве. Он тотчас же сообразил, что лично для него изобретение Антипова сулит одни неприятности. Придется по вечерам сидеть на заводе и вместе с Толей рисовать эскизы, производить расчеты. Причем если все будет удачно, то слава достанется не Круглову, а Антипову. А если новые формы окажутся убыточными, обвинят, конечно, Круглова за то, что стал продвигать несостоятельную идею... И самое главное, Круглов уже не сможет, как он привык, про-

водить время в своей семье. Мирная, спокойная жизнь полетит кувырком!..

Вот как много мыслей промелькнуло в голове у инженера в те несколько секунд, пока Толя и мастер ждали ответ. И вот почему этот ответ был отрицательным.

До самого вечера Антипов был мрачен. У него даже пропал аппетит, и, придя в столовую, он слегка поковырял вилкой котлету и отодвинул тарелку. Но чем ближе был вечер, тем чаще мысли Антипова отвлекались от неудачи и возвращались к тому, что ждало его в горкоме. Он представлял, как поднимется по широкой белой лестнице в приемную первого секретаря и услышит: «Подождите, вас вызовут!» А потом подойдет к столу, и молодая миловидная девушка протянет серую тонкую книжечку с знакомым силуэтом на обложке... Ребята его поздравят, а Зина... Она только взглянет ласково... Вспомнив о Зине, Анатолий испытал желание увидеть ее немедленно. С трудом дождался гудка. Перед тем как пойти к девушке, он забежал в общежитие и переоделся в новый костюм, который выгладил еще вчера...

— Ну-ка, повернись кругом, я на тебя посмотрю! — сказала Зина, вертя его во все стороны. — Та-ак! Рубашка измята, галстук висит на животе, пуговица оторвана! Хорош, нечего сказать!

Анатолий покорно позволил заново повязать галстук. Полные, обнаженные руки Зины мелькали перед глазами. Ее чистое, свежее дыхание касалось его лица. Толя блаженно улыбался и бормотал:

— Ладно, спасибо, и так сойдет!

Они стояли перед домом в палисаднике. Зина за последний год очень изменилась. Ее трудно было узнать. Она вытянулась, фигура стала стройной, а в движениях вдруг появилось бессознательное изящество. Девушка была одета очень скромно — в ситцевый сарафан и тапочки. Рыжеватые, светящиеся на солнце волосы повязаны голубой лентой. Плечи Зины еще не тронул загар, и кожа отливала той полупрозрачной, молочной белизной, которая свойственна женщинам с такими золотисто-рыжими волосами.

Выглянув из открытого окна, Шура сказала:

— Хватит тебе его прихорашивать. Опоздаете!

Она превратилась в высокую, тонкую девушку со строгим, задумчивым лицом. Ее волосы, которые были светлее

и пушистее, чем у Зины, венчиком окружали маленькую голову. На ней было платье с закрытым воротом. На груди поблескивал комсомольский значок. В этом году Шура окончила девятый класс.

Зина проводила Анатолия до городского комитета комсомола, но не вошла в здание, а осталась в тенистой аллее, которая тянулась от подъезда к улице. Солнце уже клонилось к закату, длинные тени деревьев перечеркнули тротуар.

Все так и получилось, как представлял себе Антипов. В приемной велели обождать. Заседание бюро началось за несколько минут до его прихода. Анатолий сел на мягкий диван, огляделся. В большой светлой приемной, кроме него и молчаливого, деловитого секретаря, сидел молодой человек, чье лицо показалось Антипову знакомым. Но Толя был слишком взволнован, чтобы вспомнить, где видел раньше этого парня, и, отвернувшись, тотчас же забыл о нем.

Медленно тянулись минуты. В комнате слегка пахло масляной краской. Через открытое окно доносился уличный шум. Незнакомый молодой человек, сидевший рядом, как догадался Толя, тоже волновался. Он был бледен, часто вздыхал и поглядывал на стенные часы. «Тоже, наверно, принимают в комсомол!» — подумал Антипов, и ему захотелось успокоить соседа. Он уже хотел заговорить, но тут послышался негромкий звонок. Секретарь скрылся в кабинете. Выглянув, он торжественно сказал:

— Товарищ Антипов, войдите!

Проглотив воздух, Толя шагнул в кабинет. Первый секретарь горкома комсомола Аня Егорова, как он и представлял, сидела за большим столом. Это была молоденькая, симпатичная девушка, еще недавно работавшая контролером на локомобильном заводе. Но вместо того чтобы вручить комсомольский билет, она, глядя на членов бюро, сидевших вокруг стола, смущенно сказала:

— Вот не знаю, товарищи, как быть с Антиповым! Первичная комсомольская организация приняла его в комсомол; мы, собственно, должны были утвердить решение, но тут возникло некоторое затруднение!

«Затруднение!» — услышал Толя и беспомощно посмотрел на Алешку, положившего локти на стол, ища в его глазах ответа. Но Алешка еле заметно приподнял

брови, и Антипов понял, что Шумов, так же как он, не понимает, о чем говорит первый секретарь.

— Относительно Антипова в бюро сегодня поступило заявление, — продолжала Аня Егорова. — Автор заявления в настоящее время здесь. Может быть, выслушаем его?

Миловидное лицо Ани покраснело. Она избегала взглядов членов бюро. Чувствовалось, что эта история ей крайне неприятна.

— Ну что ж, послушаем! — сказал Алешка. — Какое там заявление? Пусть войдет этот автор!

Через несколько секунд Толя увидел того самого молодого человека, который сидел в приемной. Тот слегка наклонил голову с тщательно причесанными темными волосами и твердыми шагами подошел к столу.

— У нас есть ваше заявление! — мягко обратилась к нему Егорова. — Но члены бюро хотели бы выслушать вас, товарищ Иванцов. Расскажите о том неэтичном и даже, как вы написали в заявлении, антисоветском поступке, который совершил Анатолий Антипов.

Алешка вздрогнул и вопросительно, с тревогой посмотрел на Толю. «Что ты натворил?» — спрашивали его глаза. Но Антипов ответил ему таким изумленным, недоумевающим взглядом, что Шумов немного успокоился и, нахмурившись, убрав со стола локти, приготовился слушать.

Прежде чем открыть рот, Иванцов по очереди оглядел членов бюро, пытаясь догадаться, как каждый относится к Антипову. Ему сразу стало ясно, что заявление встретят с недоверием. Особенно нужно было опасаться крепкого паренька с прищуренными, сердитыми глазами. Тот не мигая смотрел на Дмитрия. Это его видел Иванцов во Дворце культуры. Паренек, вернее всего, будет заступаться за Антипова, но его позиция ослаблена тем, что он дружит с Анатолием! Иванцов сумеет на это намекнуть!.. Закончив осмотр, Дмитрий пришел к выводу, что не встретит серьезных противников, и уверенно заговорил.

Он стоял в свободной и в то же время скромной позе, опустив руки и слегка приподняв подбородок. Скупо, но выразительно, прибегая к ярким сравнениям и даже позволив себе несколько раз с улыбкой оглянуться на Толю, он рассказал о том, что произошло во Дворце культуры.

— Я давно знаю Антипова! — негромко говорил Иванцов. — Мне известно, кем он был и кем стал! Несомненно, налицо большой прогресс. Был хулиганом, мало того, воровал, это не секрет. Был связан с уголовным миром, а сейчас, кажется, хорошо работает. — Дмитрий с таким строгим лицом упоминал о прошлых грехах Анатолия, что невольно начинало казаться, будто тот именно теперь хулиганит, ворует и связан с уголовниками. В то же время последние слова Иванцов произнес небрежно и даже с недоверием, словно сомневался в том, что Анатолий хорошо работает... Уже после такого вступления у присутствующих должно было сложиться мнение, что они ошибутся, если примут в комсомол Антипова. Но, окинув зорким взглядом членов бюро, Иванцов понял, что у них не сложилось такого мнения, он пока никого не убедил. А в глазах Шумова светилась откровенная неприязнь. Дело в том, что Алешка сразу расслышал фальшивую нотку в голосе Иванцова и почувствовал, что дело не чисто.

— Скажу откровенно, меня до глубины души возмутил поступок Антипова! — сказал Иванцов, чуть-чуть повысив голос. — Тем самым знаменем, с которым наши родители шли в бой за власть Советов, тем знаменем, во имя которого в тюрьмах и на каторге погибли десятки тысяч замечательных революционеров, он вычистил свои грязные сапоги! Как хотите, но это чудовищно! Вспомните о том, что оно, наше боевое знамя, потому только красное, что пропитано горячей кровью лучших сынов рабочего класса. А он — вычистил сапоги! — Дмитрий еще дома приготовил эту фразу, даже переписал ее на бумажку и сейчас, благополучно договорив, с облегчением перевел дыхание. Заметив, что члены бюро как-то притихли и стараются не смотреть друг на друга, Иванцов с новыми силами продолжал:

— Я не хочу сказать, что Антипов наш враг или антисоветски настроен, что он сделал это намеренно и демонстративно, воспользовавшись тем, что никто не видит, как говорится, отвел душу... Нет, этому я не верю! Его поступок можно приписать лишь легкомыслию. Но такого рода легкомыслие непростительно!..

И снова Иванцов так произнес эти слова, что все должны были понять их не буквально, а как раз наоборот, то есть, что Анатолий почистил сапоги знаменем именно назло и демонстративно, а вовсе не из-за легкомыслия.

Иванцов еще долго говорил о моральном облике советского молодого человека, то и дело употребляя такие слова, как «классовое самосознание» и «чистота наших рядов». Закончил он так:

— Я считаю, что своим поступком Антипов опозорил звание комсомольца, хотя носит его еще, так сказать, условно, не имея комсомольского билета. Он доказал, что до комсомола не дорос! С приемом нужно повременить. Таково мое мнение.

Умолкнув, Иванцов скромно сел на краешек стула.

Члены бюро долго молчали. Все чувствовали себя почему-то неловко. Аня Егорова задумчиво мяла в пальцах промокашку. Против обыкновения она не знала, чью сторону принять. Иванцов ей не понравился, его гладкая речь была явно приготовлена заранее и вызвала недоверие, но то, что он говорил, было очень правильно. Слова, которыми оперировал Иванцов, не вдумываясь в них, были для Ани и для других комсомольцев исполнены глубокого смысла. И если вначале поступок Антипова хотя и рассердил Егорову, но не показался таким уж чудовищным, то теперь она склонялась к тому, что его действительно рановато принимать в комсомол.

Алешка же был попросту ошеломлен. Он совершенно ясно понимал, что Иванцов просто-напросто хочет «утопить» Тольку, но не знал, какую тот преследует цель, и поэтому тоже не мог сообразить, как себя вести. Он считал, что Антипов сделал глупость, за которую его следует выругать, наказать, но не так строго! Если его сейчас не примут, он воспримет это очень болезненно. И откуда взялся этот Иванцов!.. Демагог! Но как возразить! Шумов встал и, сознавая, что доводы его неубедительны, горячо сказал:

— Антипов мой товарищ! Я знаю его давно. Такой человек, как он, не мог это сделать назло! Он не подумал, вот и все!.. Я за то, чтобы утвердить решение общего комсомольского собрания.

Аня Егорова выслушала Алешку внимательно, но у нее не исчезло чувство неудовлетворенности. Она нерешительно сказала:

— Может быть, сам Антипов объяснит свой поступок?

Пришлось окликнуть его дважды, пока он повернул голову. Словно очнувшись, он посмотрел на нее с недоумением, как будто не узнавая, и медленно покачал головой.

— Не хотите? — удивилась Аня. — Тогда, товарищи, предлагаю проголосовать... Голосуют члены бюро!..

«Толька! Что ж ты молчишь!» — хотелось крикнуть Алешке, но Антипов не смотрел на него. Он стоял прямо, опустив руки, как в строю. Мысль Анатолия напряженно работала. Парень был ошеломлен. Он совершенно не запомнил эпизода со знаменем, поэтому обвинение Иванцова показалось ему несправедливым и нелепым. В первое мгновенье, когда раздался ровный, спокойный голос Дмитрия, у Толи в памяти всплыло давнишнее воспоминание.

Он слушал Иванцова и поэтому не мог сосредоточиться, но теперь, когда тот умолк, наконец, вспомнил, кто он такой. «Это же сын кулака Иванцова! Митька!» — едва не вырвалось у Анатолия. Но он промолчал, сообразив, что все равно не сможет выступить с разоблачением. Как это будет выглядеть? Получится, что он мстит Иванцову! И потом Аня Егорова, конечно же, сама прекрасно знает биографию Иванцова, на то она и первый секретарь! Ну и что же, в конце концов, что он сын кулака? Отец к нему не имеет отношения! Только пусть не говорит о своих родителях, что они «шли в бой за власть Советов!» Известно, с кем воевал Егор Иванцов!

Толя не знал, что Аня Егорова понятия не имеет о том, кто был отец Иванцова, а если бы ей стало известно, то все могло повернуться по-другому.

Два члена бюро проголосовали за то, чтобы утвердить решение собрания. Остальные решили воздержаться от приема Антипова в комсомол, назначив испытательный срок в полгода.

— Можете идти! — сказала Егорова Толе.

Разошлись члены бюро. В кабинете остался Иванцов. Он подошел к столу и сдержанно произнес:

— Мне была неприятна эта история. Но думаю, Антипов еще выправится! Я уверен в этом!

— Конечно! — горячо сказала Аня и посмотрела на него с одобрением. Он показался ей даже более симпатичным.

— Кстати, я хотел напомнить, — продолжал Иванцов. — Как насчет пионерского лагеря? Я жду решения.

— Поезжайте, поезжайте! — безразлично ответила Аня, у которой еще не улеглось волнение от только что закончившейся сцены, и она не могла думать ни о чем дру-

гом. — Приказ о вашем назначении пионервожатым подписан!

— Спасибо! — ответил Дмитрий и облегченно вздохнул. Не зря, значит, выдержан бой!

Егорова удивилась, взглянув на его просиявшее лицо, но ничего не заподозрила. Она и не могла заподозрить, потому что Алешка еще не успел предложить кандидатуру Антипова на должность пионервожатого. Как могла догадаться Аня, что она сейчас вовсе не проявила бдительности и принципиальности, а просто послушно выполнила ту роль, которую ловко навязал ей Иванцов!

Когда Анатолий вышел во двор, солнце уже зашло, но было еще светло. Зина бросилась навстречу:

— Как ты долго! Покажи скорей комсомольский билет? Какой у тебя номер, шести- или семизначный?

Антипов рассеянно посмотрел на нее и, спотыкаясь, как пьяный, пошел к воротам. Зина схватила его за рукав:

— Почему ты молчишь? Что случилось?! Они тебя не приняли?

— Не приняли! — ответил Анатолий.

— Да как им не стыдно! — возмущенно закричала Зина. — Я сейчас же пойду к Егоровой, я ей скажу!..

— Не надо! — вздохнул он и угрюмо прибавил: — Ты, Зина, шла бы домой!.. Я, понимаешь... Я не могу! Прощай! — Он больно стиснул ей руку и выбежал на улицу.

Толя нашел у реки укромный уголок и лег на траву. Хотелось заплакать, но плакать он не умел, слез не было, только дышалось с трудом. Прямо перед глазами по согнувшейся желтой травинке полз муравей, таща огромную по сравнению с ним соломинку. Он полз, срывался, падал, но снова упрямо и безостановочно карабкался кверху. Сначала Антипов смотрел на муравья безразлично, потом заинтересовался и уже с любопытством следил за борьбой крохотного насекомого. Наконец муравью удалось достичь входа в муравейник. Он втащил соломинку в черное круглое отверстие и исчез. Анатолий улыбнулся. «Ишь ты!» — одобрительно подумал он. С этой секунды ощущение горя как-то притупилось.

Было темно, когда по траве зашуршали шаги. Антипов поднял голову и увидел Алешку и Женьку. Они оглядывались по сторонам. Шумов освещал землю электрическим фонариком.

— Мы знали, что ты здесь! — сказал он, наткнувшись на Толю. — Как тут, не сыро?

— Нет! — ответил Антипов и подвинулся. Друзья повалились в густую траву и перевернулись на спину. Над ними было черное небо с множеством звезд. Казалось, что земля накрыта огромной чашей, в которой просверлены крохотные отверстия, и в них поблескивает синий дневной свет... Долго молчали. Женька мечтательно сказал:

— А ведь там, ребята, огромные солнца. И вокруг них вращаются планеты, такие же, как наша земля... Может быть, на этих планетах живут люди и тоже кто-нибудь лежит и смотрит на нас!.. Знаете, о чем я подумал? — Он помолчал.

— О чем? — спросил Алешка.

— О том, что на какой-нибудь планете, ну, которая намного старше Земли, человечество уже достигло прогресса, понимаете? И там построен полный коммунизм. И вот мне хочется закрыть глаза, сосчитать до трех и сразу открыть. И чтобы я очутился на этой планете! И посмотреть бы, какой он, коммунизм!

— Но ты бы потом вернулся? — приподнялся Шумов.

— Ну, как тебе сказать!.. — рассудительно ответил Женька. — Если бы там оказалось хорошо, зачем бы я вернулся? Здесь-то я до полного коммунизма, пожалуй, еще и не доживу, а там вот он, пожалуйста!..

— Хитер! — громко и сердито перебил Алешка. — Это, значит, кто-то за тебя будет строить, а ты на готовенькое? Нет, ребята! — вздохнул он. — У меня мечта другая! Мне часто так жалко, что я поздно родился. Правда, честное слово! — Леша смущенно засмеялся. — Все великие подвиги уже совершены! Когда революция совершилась, меня еще на свете не было! Про гражданскую войну только в книжках читал! Комсомольск-на-Амуре уже построили!.. Я обязательно в армию пойду. Хочется мне, ребята, участвовать в самой последней войне, понимаете? В такой, после которой войн никогда уже не будет! И дожить до победы, чтобы своими глазами увидеть Всемирный Союз Социалистических Республик!

— Тоже ведь и убить могут! — осторожно сказал Женька.

— Я знаю! — загорелся Шумов. Он снова приподнялся. Глаза возбужденно блестели. — Ну, что ж, ничего не поделаешь! Тогда я, знаете, как хочу умереть? Чтоб меня захватили и стали пытать: «А ну, скажи, где штаб твоего полка? Где артиллерия? Где танки?» А я бы молчал. Я бы ничего не стал говорить, потому что в такую минуту слова не нужны, а врагов агитировать нечего! Повели меня на расстрел... И тут бы я сказал: «Не завязывайте мне глаза! Потому что я хочу перед смертью взглянуть на вас! Мне будет приятно увидеть, что вы меня боитесь!» Вот как бы хотел я погибнуть, Женька! — тихо закончил Алешка и опустился на траву.

— А ты, Толька? — спросил после паузы Лисицын. — Ты о чем думаешь?

— Я? — рассеянно переспросил Антипов и грустно ответил: — Я ни о чем не думаю. Мне только странно, как же так он сказал, что новые формы будут дорого стоить и даже не окупят затрат?.. Почему же они будут дорого стоить? Сделать их нетрудно, проложить трубы, и все!.. А зато сколько отливок сверх плана можно сделать!

— О чем ты? — не понял Женька.

— Да так! — смущенно ответил Толя. — Долго объяснять...

Они лежали в траве и, как будто сговорившись, не вспоминали о том, что случилось в горкоме. Друзья вполголоса разговаривали, не замечая, как летит время, а небо над ними светлело, звезды гасли одна за другой. Загорелась заря нового дня. Наступило воскресенье, двадцать второе июня.

В этот тихий, предрассветный час Иванцов тоже не спал. Пробродив всю ночь по улицам, он подошел к дому и дернул калитку. Та оказалась запертой. Тогда он легко перепрыгнул через забор и поднялся на крыльцо, У него был свой ключ. Войдя в коридор, он старался не шуметь, чтобы не разбудить тетку. Но из столовой слышались голоса. Удивленный, он открыл дверь и отступил, увидев Лиду и Таисию Филимоновну, сидящих рядом на диване. Глаза у Лиды были заплаканные. Таисия Филимоновна угрюмо молчала. В ее быстро двигавшихся пальцах мелькали спицы. Увидев Дмитрия, Лида вскочила.

— Я прибежала, а тебя нет! — пролепетала она. — Я два часа жду, где ты был?

— В чем дело? — с беспокойством спросил Иванцов. — Что произошло?

— Я очень испугалась! И не могла оставаться одна... А когда рассказала Таисии Филимоновне, она тоже расстроилась. Какой ужас, какой ужас!..

— Да рассказывай же! — потерял терпение Иванцов.

— Вечером... Я хотела прийти к тебе... Было уже поздно, мне не спалось. Я думала, ты тоже не спишь. Пошла по улице. Вдруг навстречу грузовая машина. Фары огромные, как глаза. Я отскочила, прижалась к забору, а тут... Понимаешь, на моих глазах, я все, все видела, все подробности, и как он шел, и как улицу переходил, споткнулся, закричал... Потом руками замахал, бросился в сторону, а в этот момент... Ой, Димочка, мне вспоминать даже страшно!.. Грузовик налетел, я только видела, как тело в воздух взлетело, высоко так... И что-то треснуло! Грузовик проехал метров сто, остановился. Шофер выскочил. И мы подбежали... А там лужа крови... Все разбито, руки и ноги сломаны!.. Я как закричу! Понимаешь, Димочка, я его узнала! Это был он!

— Кто?

— Тот старик, который нас остановил в переулке... С которым ты разговаривал! Я и подумала, что раз ты с ним знаком, тебе надо узнать! И прибежала... А тебя дома нет!.. Димочка, как жалко, как жалко человека... Уже старик! И ведь, наверно, у него дети есть, внуки... Ждали его! Ждали... — Она всхлипнула.

Иванцов молчал. Потом поднял руку и провел по волосам. Волосы были сухие и топорщились.

— Кто это был? — сухо спросила тетка, бросив быстрый взгляд на племянника. — Отвечай!

— Не ваше дело! — ответил Иванцов.

Лида с болью вскрикнула:

— Димочка! Я никогда не думала... Не могла себе представить, что так ужасно, так страшно, когда на твоих глазах умирает живой человек!.. Он умирает, а ты ничем, ничем не можешь помочь! Как это ужасно, Димочка!..

— Да, — помолчав, ответил он. — Ты права.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

— Нет, я больше не могу! — расстроенно сказала Тоня, выйдя из кухни, Шуре и Зине, которые стояли в коридоре и дожидались ее. — Понимаете, она не хочет! Ни за что! Я уже и уговаривала, и объясняла... Не знаю, что с нею сталось? Твердит: «Не поеду!» Просто не знаю, что теперь будет!..

— Может быть, мы попробуем? — переглянулись младшие сестры.

— Попробуйте! — махнула рукой Тоня с видом, который показывал, что она не верит в успех. — Я лично уже сделала для себя вывод!.. Ах, как же все это тяжело, нелепо!..

— Какой вывод? — спросила Зина, но Тоня, непривычно сгорбившись, точно ее плечи были придавлены непосильным грузом, быстро ушла в свою комнату. В замочной скважине два раза повернулся ключ.

— Что ж! — решительно сказала Зина и открыла дверь в кухню. Она увидела мать, сидевшую на обычном месте, у окна, рядом со столиком, на котором стояла стопа чистых тарелок, поблескивали вилки, ложки, а в хлебнице желтел черствый батон. Вера Петровна смотрела в окно и не обернулась на скрип двери. А к стеклу снаружи, казалось, была приклеена густая сетка из марли, и голые, мокрые от дождя деревья, черная земля и темное, грязное небо расплывались, как на плохо проявленной фотокарточке.

Много лет осень не была такой холодной, дождливой и пасмурной, как в ноябре тысяча девятьсот сорок первого года. Вера Петровна, одетая по-старушечьи — в коричневое платье, с черным платком на поседевших волосах, сильно похудевшая и осунувшаяся, вот уже несколько дней была в странном, не совсем нормальном состоянии, очень беспокоившем дочерей. Она словно хотела разрешить какой-то мучивший ее вопрос, но не находила ответа, взгляд был сосредоточенным, устремленным в одну точку, а движения скованными. Она перестала интересоваться сообщениями с фронта, хотя прежде не могла уснуть, не послушав по радио сводку Совинформбюро; чего никогда с ней не случалось — стала опаздывать на работу. По ночам Вера Петровна совсем не спала, даже не ложилась. Без аппетита поев то, что давала притихшая и

испуганная Зина, садилась у окна, прятала исхудавшие руки между коленями и не шевелилась до рассвета. А когда первый желто-розовый луч солнца на секунду освещал ее истомленное лицо с ввалившимися щеками, чтобы тут же исчезнуть среди туч, обложивших небо, Вера Петровна, точно пробудившись, вставала и, двигаясь, как автомат, шла на завод. Так длилось уже целый месяц. И вот вчера мать решительно заявила, что никуда не поедет, не бросит дом, который является последним ее прибежищем, где она родилась и вырастила трех дочерей. Напрасно убеждали дочери, что лучше переносить неслыханные трудности, даже бродить по дорогам с протянутой рукой, чем жить в Любимове при немцах. Вера Петровна, казалось, просто не понимала их доводов. «Не поеду! — твердила она. — Оставьте меня!..»

Между тем работа на заводе понемножку свертывалась и, наконец, прекратилась. Началась эвакуация оборудования. Каждый день Шура и Зина бегали на станцию смотреть на открытые платформы, где под брезентом стояли механизмы. Станки были странно мертвы, неподвижны и вызывали тяжелые мысли...

С приятелями-мальчишками Зина и Шура давно не встречались и не знали, что с ними, и какие у них планы. Сестры были так удручены болезнью матери, что им было не до друзей...

А время шло, каждый день из Любимова на восток уезжали люди. Поодиночке и семьями. Налегке, без вещей, и с огромными узлами, из которых выглядывали предметы, казалось бы, совсем не нужные в дороге: поломанные фикусы, самовары, детские игрушки. Любимовцы ехали на грузовых машинах, телегах, велосипедах. Некоторые шли пешком, толкая перед собой где-то раздобытые тачки, нагруженные сверх меры всяким скарбом. Люди переправлялись через узкий деревянный мост и навсегда исчезали из города, словно и не жили тут никогда. С каждым днем все пустыннее становились улицы, все реже встречались знакомые. Ежедневно сестры сообщали друг другу последние новости:

— Зубной врач уехал, помнишь, на нашей улице вывеску: «Лурье, прием ежедневно»? На машину погрузились, окна заколотили...

А Зина или Шура добавляла:

— Кинотеатр закрыли. Реклама по-прежнему висит... И медицинский техникум эвакуировался. Я сама видела!

От этих новостей становилось грустно.

Тоня долго не поддавалась. Самая упрямая и настойчивая из сестер, она, должно быть, дала себе слово, что бандитское нападение немцев ни в коем случае не заставит ее менять привычки и планы. Нет, не станет она метаться и со страхом ждать ужасов. Наплевала она на немцев и будет заниматься своими делами, пусть хоть все кругом сгорит или провалится сквозь землю!.. Так или примерно так рассуждала Тоня и с утра до вечера сидела, запершись в комнате, и писала реферат на тему «Ранняя культура Киевской Руси». Она перешла на третий курс исторического факультета и, несмотря на то, что не поехала в сентябре в Москву, не решившись бросить больную мать, считала себя по-прежнему студенткой и занималась самостоятельно как ни в чем не бывало...

Так они жили, ничего не предпринимая, чтобы уехать, так дотянули до того дня, когда через город прошла последняя красноармейская часть с полевыми орудиями, походными кухнями, и командир, пожилой майор в запыленном кителе, выглянув из зеленого, заляпанного до самой крыши грязью «газика», официально предупредил столпившихся на площади жителей о том, что, по всей вероятности, завтра или даже нынче вечером в Любимове будут немцы...

Немцы! Эта весть с быстротой молнии разнеслась по городу. Улицы заполнились народом. Все, кто не успел эвакуироваться, спешили к реке, побросав имущество. Переправлялись по мосту, на плотах, на лодках, а то и вплавь... Некоторые же крепко заперли двери, затворили ставни, спустили с цепей собак и стали ждать прихода немцев с тайным нетерпением и любопытством, равнодушные к страданиям Родины, мечтая лишь о том, чтобы нажиться и разбогатеть при новой власти. Были и честные люди, побоявшиеся бросить свои дома, больные и дряхлые, многодетные матери, чьи мужья воевали на фронте, и просто нерешительные, растерявшиеся, не успевшие эвакуироваться. Остались также в Любимове люди, которые не принадлежали ни к одной из перечисленных групп. Это те, кто по приказу обкома партии должны были организовать в городе крепкое, боевое подполье, а в окрестностях — партизанские отряды. Это были лучшие люди, вы-

двинутые народом, самые отважные, опытные и преданные! Но и они, так же как прочие, спрятались, не выходили на улицы. И город совершенно опустел.

К вечеру далекий гул артиллерийской канонады, от которой уже три дня дрожали стекла, утих, и стало слышно, как шелестят листья на деревьях. Все живое как будто вымерло. Не слышно было ни скрипа калиток, ни звуков человеческих шагов, ни голосов.

В этот грозный час и пыталась Тоня сломить сопротивление матери, но потерпела неудачу. У Шуры и Зины также ничего не вышло. Вера Петровна не захотела даже с ними разговаривать. Сестры собрались в комнате у Тони и стали совещаться. Вернее, они не совещались, а просто сидели и молча смотрели друг на друга, понимая без слов все, что творилось в душе у каждой.

— Я позабыла сказать! — нарушила молчание Зина. — Днем Толька прибегал. Весь в пыли, в порванном комбинезоне! Я с трудом его поняла. Он сказал, что он ни Алешку, ни Женьку не видел. Они еще утром уехали. Это случилось так неожиданно, что Алеша даже попрощаться не успел... А Толька по приказу директора вместе с группой рабочих остался до вечера. Они переправляют за реку инструменты, в цехах со стен провода срывают, жгут документы, чертежи. Узнав, что мы не едем, он даже в лице переменился. «Ни в коем случае, — говорит, — не оставайтесь! Вы всему городу известны, как активные комсомолки! Уходите, пока не поздно! Я вас за рекой до самой ночи ждать буду!» Попрощался и убежал... Даже не знаю, девочки, как мы останемся при немцах!..

— Нет, лично тебе, конечно, никак нельзя остаться! — горячо сказала Шура. — Тебя действительно вся улица знает! Ты и командиром противопожарной дружины была, и окопы рыла, и бомбоубежище строила!.. А в райкоме сколько ночей отдежурила?.. Нет, нет! Немедленно уходи! И Тоня тоже пускай уходит! Она студентка, немецким языком владеет, немцы ее возьмут на заметку, заставят переводчицей работать, Тоня не захочет, понимаете, что может выйти!.. Ей никак, никак нельзя!.. Уходите, девочки, быстрей! Вам Толя поможет! Давайте я вещи соберу!.. — Она бросилась к шкафу, выдвинула из-под кровати чемодан, но замерла, словно пригвожденная к полу окриком сестры:

— Не смей! А ты как же? Одна хочешь с мамой остаться? Совсем одна?

— Ну и ничего особенного! — ответила Шура. — Она же не все время будет болеть, выздоровеет! Мы как-нибудь проживем!..

— Она правильно говорит, двоим из нас надо уйти! Вот вы с Тоней и уходите! А я останусь! Именно я, а не Шура! Как раз это Шурку все знают, как комсомольскую активистку! — вмешалась Зина, вскочив. — Решено! Я буду с мамой!..

— Глупости! — покраснев, запротестовала Шура. — Ты даже обед сварить не сумеешь, пол не вымоешь! Что ты смыслишь в хозяйстве? И потом, надо будет где-то работать, об этом ты подумала? Ты же ничего не умеешь делать!

— Я не умею? — возмутилась Зина. — Ну, знаешь!..

— Хватит спорить! — устало вмешалась Тоня. Она задумчиво оглядела взъерошенных, расстроенных сестер. И вдруг глаза ее потеплели. Она когда-то нянчила Шуру и Зину, возила их в коляске, кормила из рожка, а вот теперь они стали взрослыми и в несчастье ведут себя так, как подобает настоящим людям, заботятся в первую очередь не о себе, а о других, и каждая хочет во что бы то ни стало пожертвовать собой...

Тоня привлекла к себе Шуру и погладила ее по мягким, белокурым волосам. Потом встала, крепко в обе щеки расцеловала Зину и твердо сказала:

— Собирайтесь!

Открыв шкаф, она стала складывать в чемодан вещи, приговаривая:

— Вот ваши платья, четыре полотенца, белье, деньги я тоже сюда положу, шестьсот рублей, а мне не нужно, все равно не пригодятся!.. Много вещей не берите, тяжело будет, а если придется бросать, то не так жалко!..

— Погоди, что ты делаешь! — закричала Шура и бросилась к Тоне. — Ты хочешь остаться? Но тебе же нельзя! Тебе опаснее, чем нам обеим! Тонечка, миленькая, не надо!..

— Ничего не опаснее! — махнула рукой Тоня. — И если уж на то пошло, вы немцев не знаете и не представляете, а я знаю! Я с ними уж найду общий язык! — И такое презрение послышалось в голосе Тони, что Шура и Зина с надеждой посмотрели друг на друга, почти убеж-

денные уверенным тоном сестры. Но с этой минуты, хотя они не плакали и не жаловались, а быстро, дружно и деловито помогали Тоне прибирать в доме, прятать в подвал ценные вещи и упаковывать чемодан, на их лицах было такое отчаяние, что Тоня украдкой смахивала слезинки...

А потом наступило самое страшное, то, о чем каждая из сестер думала, но никто не решался сказать вслух. Пришло время прощаться с мамой и Тоней. Одетые в лыжные брюки, куртки и демисезонные пальто, в рабочих ботинках и с тяжелыми чемоданами в руках, Шура и Зина остановились перед кухней, где по-прежнему неподвижная и безмолвная сидела Вера Петровна, а Тоня, решившая немного их проводить, ждала на крыльце.

— Ну? — дрожащим голосом сказала Шура и, оглянувшись на Зину, тихонько поставила чемодан на пол. Она шагнула через порог, кинулась к матери и, обняв за шею, спрятала лицо у нее на груди:

— Мамочка! Родная, дорогая моя! Мы уходим, ты слышишь? Мы уходим! Ты обязательно выздоравливай, с тобой Тонечка остается! А за нас не беспокойся, мы работать будем и писать часто-часто!.. Хотя писать нельзя, я забыла, прости, мамочка! Поцелуй меня, мамочка!..

Так жалобно, совсем по-детски лепетала Шура, сама не понимая, что говорит, и судорожно стиснув мать в объятиях. А Веру Петровну как будто даже не тронуло то, что дочери уезжают. Она, наверное, не понимала, что происходит. Ее мысли были далеко. Холодно поцеловав Шуру в щеку, она проговорила:

— До свиданья! Сейчас, кажется, дождь? Не простудитесь, смотрите!

— Хватит, Шура! — тихо сказала Зина, стоявшая у двери. — Пусти. Теперь я... Слышишь?

Ей пришлось почти насильно оторвать Шурины руки от матери. Всхлипнув, Шура выбежала в коридор. А Зина подошла к матери и долго стояла рядом, тихонько поглаживая ее по плечу. Вера Петровна едва ли ощущала бережное, ласковое прикосновение. Потом Зина наклонилась и несколько раз поцеловала безжизненно лежащую на колене сухую, загрубевшую от долгих лет работы мамину руку. Так ничего и не сказав, она, пятясь и стараясь

не скрипнуть половицей, вышла в коридор. На пороге в последний раз обернулась и шепнула:

— Прощай, мамочка!..

Ее душили слезы. Прежде чем выйти на крыльцо, Зина постояла несколько минут в темной прихожей, тяжело дыша и пытаясь справиться с собой. Вытерев мокрое лицо платком, она присоединилась к сестрам.

Было трудно определить, который час. Небо, обложенное синими мрачными тучами, низко висело над мокрыми крышами. На улицах стояла тревожная, напряженная тишина, такая, какая бывает во время грозы в те короткие секунды после бесшумного блеска молнии, когда вот-вот должен грянуть гром. Сейчас эти секунды тянулись одна за другой, но по-прежнему было тихо, и безмолвие было похоже на туго натянутую струну...

Пока дошли до моста, стемнело.

— Ну, здесь расстанемся! — сказала Тоня. — На том берегу вас, наверно, Антипов ждет. Я видела какие-то огоньки... Старайтесь от него не отставать. Он парень верный, не подведет. Если будете с ним, ничего с вами не случится... Давайте я вас, девчонки, поцелую!

Она обняла и поцеловала Шуру, Зину и пошла обратно в город, туда, где чернела груда домов, лишенных света и, казалось, самой жизни... Фигура Тони долго мелькала на фоне серого неба, постепенно удаляясь. Ветер донес ее голос. Остановившись, она что-то кричала сестрам, но те не могли ничего разобрать.

— Должно быть, прощается! — сказала Шура.

Зина, приставив руки рупором ко рту, несколько раз повторила:

— До свидания, Тонечка! До свида-анья!

Оставшись в пустом и огромном поле, под моросящим холодным дождем, сестры почувствовали себя маленькими и беспомощными. Они взялись за руки и, настороженно всматриваясь в темноту, медленно взошли на мост. Внизу плескалась черная вода. Доски жалобно поскрипывали, расшатанные пронесшимся несколько дней тому назад бурным людским потоком. Противоположный берег встретил их молчанием. Высокий и крутой, он порос мелким лесом и кустарником. Немощеная, утопающая в грязи дорога причудливо вилась между деревьями. Пройдя по обочине несколько десятков шагов, Шура и Зина углубились в лес. Река скрылась. Сестры долго озирались, пы-

таясь найти те огоньки, о которых говорила Тоня и которые сами видели с той стороны. Но лес потонул во мраке. Можно было различить лишь несколько темных стволов.

...Как только вышли из Любимова и зашагали по степи, Шура стала думать об Алеше Шумове. Она перебирала в памяти последние встречи и не могла понять, что сталось с Алешкой, почему он так изменился? Встречались всего раз пять или шесть за все лето. Раньше он бывало дня не мог прожить, не повидавшись с ней, а она так привыкла к его обществу, что не замечала Алешу и даже частенько прогоняла под предлогом, что ей необходимо заниматься. Доходило до того, что Женька ревновал ее к товарищу. А с тех пор как началась война и ребята приехали из пионерского лагеря, Алешка стал пропадать где-то целыми днями и совсем не заглядывал к сестрам. Однажды уже в сентябре Шура встретила его возле горкома комсомола. Шумов бежал по тротуару и едва не сбил девушку с ног. Извинившись, хотел продолжать путь, но Шура потянула его за рукав, и только тогда Алешка ее узнал. «Чем ты занимаешься? — спросила Шура. — Почему тебя не видно?» Она даже набралась храбрости и прибавила: «Нехорошо забывать старых друзей!» Если бы в этот момент Шумов внимательно посмотрел на ее покрасневшее от радости лицо и увидел ласковые, блестящие глаза, то многое бы понял. Но он так спешил, что не мог устоять на месте и переступал с ноги на ногу, пока она говорила. «Я, понимаешь, страшно занят! — отрывисто ответил он. — Я очень соскучился, честное слово... Как ты загорела, прямо негр!.. Но у меня секунды нет свободной! Я забегу как-нибудь на днях!»...

А увидела она его только через два месяца. В октябре выдалось несколько теплых, даже жарких дней, и Шура отправилась купаться, хотя никто в городе уже не купался, потому что вода была ледяной. Она подошла к реке и вдруг увидела Алешку. Он сидел в кустах рядом с пожилым мужчиной в белой гимнастерке и брезентовых сапогах. Прислонившись плечами друг к другу, они разглядывали что-то железное или стеклянное, время от времени ярко блестевшее на солнце. «Алеша!» — радостно окликнула Шура. Он вздрогнул, обернулся и что-то сказал своему спутнику. Тотчас же они встали и скрылись в кустах. Шура была ошеломлена. Потом ей стало обидно до слез. Не может быть, чтобы он ее не узнал! Значит, просто не

захотел разговаривать? Но разве она перед ним провинилась?

Раньше Шура никогда не задумывалась о том, как относится к Алешке. Но после случая на реке она немало слез пролила, тайком от сестер, и со страхом и радостью поняла, что любит его! Она никого до сих пор не любила, никогда ни с кем не разговаривала на эту тему, и даже в книжках ее не особенно привлекали места, где описывалась любовь. Шура считала, что об этом нельзя правдиво написать. Так она считала, но была в этом вопросе совершенно неопытна и беспомощна. И все-таки Шура сразу определила, что любит Алешу, поняла по одному, зато верному признаку: ей захотелось чем-нибудь пожертвовать для него! Она испытала желание отдать Алешке все, что у нее есть. И еще ей почему-то стало ужасно жаль его. Он вдруг показался таким беспомощным, неловким, нуждающимся в поддержке. В ее поддержке!.. Шура вспоминала, что, когда она видела Алешу в последний раз, у того на пиджаке не хватало пуговицы, а из кармашка выглядывал грязный носовой платок. Ей хотелось пойти к нему и пришить пуговицу, выстирать платок... Девушка в конце концов убедила себя, что Алешка не узнал ее тогда, на реке, и, заочно простив, стала ждать. Но он не пришел. До последней минуты Шура верила, что увидит его, и даже сейчас, когда шагала рядом с Зиной по топкой дороге, не могла представить, что Алешка так и уехал, не простившись...

Сестры молча брели по лесу. Шуре казалось, что они идут так много лет. Дорога вела на железнодорожную станцию, до которой от Любимова было четыре километра.

— Что же, значит, выходит, Толька не дождался? — вздохнув, проронила Зина.

— Мы сами виноваты! — ответила Шура. — Дотянули до ночи.

— Он и обещал ждать до ночи...

— Значит, не смог. Но, вероятно, мы его встретим на станции.

— На станции? — уныло переспросила Зина. — Он же на машине, ему там нечего делать!

Они снова умолкли. Впереди все отчетливее слышался гул, казавшийся сначала Шуре вздохами ветра. Но вскоре она поняла, что это далекие взрывы. Дорога полого под-

нималась в гору. На вершине холма, где лес был редким и не загораживал горизонт, Шура и Зина огляделись. Далеко внизу они увидели освещенную багровым заревом станцию.

— Пожар! — растерянно сказала Зина. — Как же мы туда идем?

— Наверно, бомбили! — помолчав, ответила Шура. — Все равно надо идти! Может быть, удастся устроиться в эшелон.

«Очень мало шансов!» — подумала она, стараясь не показать сестре, как сильно встревожена.

Через час Шура и Зина подошли к станции. Багрово отсвечивали рельсы. По воздуху плыл розовый дым. Клубясь, он обволакивал прозрачное от огня, словно раскаленное здание вокзала. На путях пылали вагоны, с оглушительным гулом взрывались цистерны. Воздух дрожал от выстрелов. Мягко и вкрадчиво ухали минометы. Пальба понемногу утихала. Сестры не шевелились.

— Здесь идет бой! — прошептала Зина. — Очевидно, немцы окружили город. Что же делать?

В этот момент на переезде показалась колонна мотоциклистов. Немцы по двое, в затылок друг другу, с оглушительным грохотом и скрежетом неслись по дороге, приближаясь к станции. Возле шлагбаума они затормозили, подняв тучу жидкой грязи, которая окатила их с головы до ног. Передний, приподнявшись, махнул рукой в черной перчатке, и мотоциклисты, разделившись на два отряда, медленно поехали по узкой дорожке вдоль железнодорожной линии. Они непрерывно палили из автоматов. Освещенные багровым светом пожара, фашисты были отчетливо видны. Девушки со жгучим любопытством и ужасом разглядывали серо-зеленую форму, узкие кители с карманами на груди, короткие погоны, белые пуговицы.

— Немцы! — проговорила Шура и сама подивилась тому, как спокойно она это сказала.

— Да, немцы! — точно эхо повторила Зина.

Спохватившись, Шура за рукав оттащила Зину с открытого освещенного места, где они стояли. Та не сопротивлялась. Деревья снова обступили их. Девушки не углублялись в лес, боясь заблудиться, они бежали по обочине дороги, готовые при малейшей опасности спрятаться в чаще.

— Что же теперь будет? — задыхаясь, спросила Зина.

— Не знаю! — ответила Шура. — Как я могу знать?..

Мысли путались. Она еще не осознала, какое несчастье произошло, и не думала о немцах. У нее мелькало, что надо непременно разыскать Антипова, потом вспомнилось, что Зина не надела шерстяные носки и теперь, наверно, сбила ноги в просторных башмаках... Глупая!.. И ведь не жалуется. Тонин характер. Тоня тоже не жаловалась. А ей тяжело. Как-то она там сейчас с мамой?.. И лишь очутившись на берегу реки, Шура, словно очнувшись, поняла, что теперь долго не увидит ни Антипова, ни Алешку Шумова. Произошла страшная, чудовищная перемена в их жизни: они попали к немцам. К чему теперь думать об институте, учебе и вообще о будущем? Никакого будущего нет! Советские законы больше не охраняют их. Ни одной минуты нельзя чувствовать себя в безопасности... Любой немец имеет право оскорбить, ударить, убить!

Зина, стоявшая, поеживаясь, рядом, словно прочитала ее мысли. Она вздрогнула и прильнула к Шуре, жалобно шепча:

— Как же мы теперь?.. Куда мы?

— Смотри, костер! — вскрикнула девушка и схватила сестру за плечи. Теперь и Зина увидела на берегу реки в кустах красную, мерцающую точку.

— Наверно, это Анатолий! — радостно сказала она. — Пойдем!

— Ты думаешь, он? — с сомнением спросила Шура, вглядываясь в далекий огонек. — Неужели ждет до сих пор?..

— Ты еще его не знаешь! — горячо сказала Зина. — Чего же мы одни-то будем?.. Пойдем, тут не так далеко!

Шуре не хотелось идти, но она не могла противиться Зине, которая тянула ее за руку, приговаривая:

— Быстрей, а то может уйти!

Ломая сучья, они пробивали дорогу в кустарнике, проваливались в ямы, ободрали руки и ноги колючками. Ориентиром служила река, с плеском катившая волны под обрывом. Наконец, в просветах между деревьями мелькнуло высокое пламя. У костра сидели двое мужчин. Зина, не останавливаясь, выскочила на поляну. Шура последовала за ней, уже понимая, что они напрасно проделали этот путь и им, возможно, еще придется пожалеть о своем легкомыслии, потому что Толи Антипова здесь нет, и у

огня сидят незнакомые люди. Услышав шорох, они резко обернулись. Девушки остановились, но так как отступать было некуда, медленно подошли к костру.

— Это номер! Видал, Федька? — удивленно сказал один из мужчин. Ему было лет тридцать. Безусое и безбородое лицо напоминало женское, с округлыми линиями подбородка и носа, с маленькими, широко расставленными глазами. На нем было черное пальто и высокая барашковая шапка. Его товарищ, широкоплечий парень в телогрейке и хромовых сапогах, сдвинул на ухо маленькую кепочку и улыбнулся, показав два золотых зуба.

— Вы откуда, прелестные создания? — спросил он и, не получив ответа, вскочил. Вот теперь Шура была по-настоящему испугана. Глаза у парня с золотыми зубами были наглые и какие-то нечистые. Шура сразу не могла бы определить, чем они ей не понравились. На траве рядом с костром валялись тюки, перевязанные веревками, несколько бутылок водки и колбаса. У мужчины с женским лицом из кармана пальто выглядывал пистолет, а тот, кого звали Федькой, поднял с земли автомат. Несколько долгих секунд прошло в молчании. Наконец, Зина сказала:

— А я вас, кажется, знаю. Ваша фамилия Козлов! Верно?

— Допустим! — ухмыляясь, ответил Федька. — Значит, будем знакомы. Валечка? Или Верочка? А может быть, Катюша?

— Неважно! — ответила Зина. — Ну, нам пора домой. Пошли, Шура!

— Ах, значит, вашу подружку кличут Шурочкой! — обрадовался Козлов и подмигнул своему приятелю. — Ты только посмотри, Коля, сидели мы в одиночестве, скучали, и вдруг появляются две роскошные дамы, да не пустые, а с углами!

— Углы — это значит чемоданы! — пояснил Николай, приближаясь к Шуре. Она отодвинулась.

— Куда же вы? — сказал Федька. — Нехорошо! Посидите, составьте компанию!

Странно выглядела эта сцена, ночью, на поляне, в местности, только что занятой немецко-фашистскими войсками. Причудливые тени метались от пляшущих языков пламени по траве, дико звучали сомнительные любезности в строгой, угрожающей тишине леса, и жалкими казались

бледные, испуганные лица девушек. Все словно бы сдвинулось с мест, и то, что еще вчера было невозможно, ныне могло совершиться. Шура поняла, что теперь нет такой силы или власти, которая могла бы остановить этих людей, если те захотят причинить им зло. И отбросив ложную гордость, заставлявшую ее до сих пор вести себя так, будто ничего не произошло, Шура наклонилась к Зине и шепнула:

— Бежим!

Но Зина не услышала, потому что как раз в эту секунду заговорила сама.

— Смотрю я и удивляюсь! Война идет, люди такие ужасы переживают, фашисты уже станцию захватили, а вы тут пьянствуете как ни в чем не бывало! Вообще интересно, почему вы не в армии?

— Слышишь, Коля, наши-то адью! — присвистнул Козлов, оставив без внимания остальную часть Зининой фразы. — Драпанули! Чего же нам, бедным-несчастным, теперича делать? Может, попробуем при немцах пожить, а? Может, они тоже есть-пить дают хорошим людям?

— А вполне возможно! — тонким голосом ответил Николай. Он насмешливо посмотрел на Зину и добавил: — Особенно тем, кто при большевиках в тюрьмах боками нары протирали!.. Какое будет ваше мнение, кошечка?

— Не смейте называть меня так! — возмущенно сказала Зина. — Эх, вы! Сначала под заборами валялись, а теперь вот до чего докатились? Пошли, Шура! — с этими словами она решительно повернулась и пошла к лесу. Но Козлов одним прыжком настиг ее и схватил за плечи.

— Куда, цыпочка! — захохотал он. — А как же мы? Шалишь!

Шура бросилась к нему и попыталась оторвать руки Козлова от сестры. Но мужчина в черном пальто обхватил ее сзади за талию и попытался повалить на траву. Шура вцепилась ногтями во что-то мягкое. Раздался дикий вопль, и клещи, сжимавшие ее, ослабли. Девушка отбежала. Сердце колотилось. Она задыхалась. Ей хотелось громко зарыдать, упасть ничком в траву.

— Зина! — закричала она и тут заметила сестру, которая, вырвавшись из рук Козлова, бежала к лесу.

— Беги, Зина, беги! Я за тобой! — И Шура помчалась туда, где между деревьями затаился недавно еще враждебный, а теперь спасительный мрак.

— Коля, дай автомат, я ее!.. — раздался сзади крик. — Где твой шпалер, дубина? Стреляй, чего смотришь!

Шура не чувствовала ног. В спине, где-то между лопатками, появился противный холодок. «Вот сейчас! — думала она. — Вот сейчас!..» Впереди мелькал лыжный костюм Зины. Девушки напролом, не разбирая дороги, пробивались сквозь кусты. Одежда их порвалась, чемоданы остались возле костра. Задыхаясь, падая от усталости, они, наконец, добрались до реки. Зина прислонилась к дереву.

— Не могу! — всхлипнула она. — Подожди!.. На кого мы похожи!.. — Она зарыдала, пытаясь закрыть рукой рот. — Что же это! Ах, если бы пришел Толька! Или Алеша! Они бы показали им! Этим гадам. Этим...

Зина умолкла.

— Да! — прошептала Шура. — В том-то и дело, что никого больше нет!.. Ни наших друзей! Ни Советской власти! Есть только немцы! Ты успокоилась? Тогда пойдем. Мы возвращаемся домой!

Но когда выглянули из лесу, то увидели на мосту солдат. Лязгали колеса, гудели моторы. Слышалась чужая, лающая речь. Возле перил темнел силуэт немца в каске с автоматом.

— Ну вот! — шепотом сказала Шура. — Это уже все!

Долго сестры стояли, вздыхая и утирая слезы, словно прощаясь с прекрасным миром своего детства. Шура сказала:

— Не будем распускаться! Надо пробраться в город.

— Возле мельницы, кажется, брод есть, — устало ответила Зина. — А можно и вплавь. Мне, Шурка, как-то ничего неохота! Даже домой неохота!

— Далеко до мельницы, — задумчиво заметила Шура. — Но придется идти. Здесь нельзя. Услышать могут немцы.

К рассвету, вымокшие, измученные, в порванной одежде, без вещей и денег, сестры вошли в Любимово. Они крались по пустынным улицам, прижимаясь к заборам и стенам домов, пробираясь дворами и огородами. Боялись громко дышать, чтобы не привлечь к себе внимания. Из центра доносились беспорядочные выстрелы, автомобильные гудки и гул тяжелых моторов. Шура и Зина, вздрагивая и пугливо озираясь, шли по городу, в котором родились и выросли, где каждый камень был

знаком и близок, как по чужой, враждебной стране, чувствуя себя заброшенными и слабыми — маленькие песчинки в страшной буре, поднятой войной!..

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

В первых числах сентября тысяча девятьсот сорок первого года капитан милиции Юрий Александрович Золотарев возвращался из областного центра. День был солнечный, окна автобуса открыты, ветки с желтыми и оранжевыми листьями хлестали по бортам. Юрий Александрович задумчиво смотрел на пассажиров. Их было немного: женщина с чемоданом, два загорелых парня в выцветших трикотажных тенниcках и пожилой мужчина, державший на коленях пузатый парусиновый портфель.

Золотарев изменился за последние несколько месяцев. Треугольные залысины на лбу стали еще выше, щеки пожелтели и втянулись, крупный, вздернутый нос, придававший лицу задорное выражение, заострился, взгляд был напряженным. Юрий Александрович отличался общительностью и обычно не скучал, знакомился с попутчиками и проводил время в шутливой беседе. Но сегодня он был настроен торжественно. Ему не хотелось разговаривать. Беседа с секретарем обкома партии всколыхнула со дна души множество мыслей и чувств.

Услышав в телефонной трубке знакомый, приглушенный расстоянием голос Федора Даниловича Лучкова, Золотарев был так взволнован, что не сразу смог ответить на приветствие.

— Приезжай ко мне. Хочу тебя видеть, — сказал Лучков после того, как расспросил о здоровье и о работе. — Есть серьезное дело.

Юрий Александрович в тот же день собрался в дорогу. Софья Аркадьевна, тоже взволнованная, с красными пятнами на щеках, проводила его до остановки автобуса и на прощанье крепко пожала руку. Высунувшись из окна, Золотарев услышал, как она сказала:

— Я всегда верила в справедливость, Юра!..

Не ответив, он махнул рукой.

Чтобы понять волнение супругов, нужно знать, кем

для них был Федор Лучков. В тяжелые дни он один выступил на защиту Золотарева.

...Борис был не родным сыном Юрия Александровича. Он не обманывал Тольку Антипова, когда говорил о своей жизни под лодкой. В тысяча девятьсот двадцать третьем году этот восьмилетний мальчуган не имел ни дома, ни родителей. Золотарев в то время работал начальником отдела в одесской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В тот год по призыву Дзержинского все силы Чека были брошены на спасение детей, которых война и разруха лишили крова. Днем Юрий Александрович просматривал «дела» задержанных беспризорных, беседовал с малолетними правонарушителями, сопровождал их в детские колонии, а по ночам во главе отряда красноармейцев устраивал облавы на захламленных окраинах «Одессы-мамы». Работа была тяжелая, опасная. Не раз в ответ на предложение сдаться откуда-нибудь из черного, вонючего подвала гремел револьверный выстрел, и стоявший рядом товарищ-чекист со стоном падал на землю. Не раз во мраке трущоб блестели ножи и раздавался пронзительный свист. Но Золотарев не согласился бы сменить работу на более спокойную. Со щемящей жалостью в сердце он смотрел на оборванных, грязных детей, слушал грубую брань, вылетавшую из ребячьих ртов, и кулаки его сжимались от гнева и страстного желания помочь маленьким оборвышам найти свое место в жизни. Он ведь и сам испытал немало. В раннем детстве лишился отца и матери, попал в приют, убежал оттуда, несколько лет скитался по дорогам России, потом пристроился учеником в железнодорожные мастерские. Здесь Золотарев познакомился с социал-демократами и включился в революционную борьбу. Во время гражданской войны он воевал с Деникиным, теперь строил социализм. Он был рядовым солдатом революции.

Однажды чекисты окружили старый, заброшенный сарай, черневший на берегу моря. Волны неспокойно набегали на песчаный берег и с гулом откатывались, швыряя в воздух тучи соленой водяной пыли. Сарай до революции принадлежал известному рыбопромышленнику Канюкину. Тут хранились сети, бредни и прочая рыболовная снасть. Теперь в этом полуразвалившемся каменном здании ютились беспризорные.

Золотарев, спрятав револьвер, смело пролез в черную

дыру, заменявшую дверь. Вспыхнул электрический фонарь, осветив бледные, истощенные лица спавших ребят. Юрий Александрович хотел разбудить их, но тут раздался свист, все вскочили, и началась свалка. На Золотарева навалились чьи-то тела, он с трудом выкарабкался на свежий воздух и в этот момент почувствовал жгучую боль в боку. Обернувшись, чекист успел схватить за руку какого-то маленького, оборванного паренька. Зазвенев, упала на камни финка. Задержанный мальчишка не желал разговаривать. С презрительной усмешкой он зашагал под конвоем в Чека. Здесь паренька обыскали и нашли у него в тряпье засаленную, грязную книжонку. Открыв первую страницу, Золотарев прочел: «Друг другу мы тайно враждебны, завистливы, глухи, чужды, а как бы и жить и работать, не зная извечной вражды!..»

— Это твоя книжка? — спросил Юрий Александрович, с изумлением глядя на беспризорника.

— А то чья же!

— Значит, ты, брат, стихи любишь? — продолжал допрашивать Золотарев, превозмогая боль в перевязанном боку. — Кто же это написал? Пушкин, что ли?

— Нет, не Пушкин! — с еле уловимой издевкой ответил мальчишка. — Это написал Блок. Слыхали?

— Не слыхал! — признался чекист. — Кто же тебя читать выучил? Родители-то твои где?

Но на этот вопрос паренек не пожелал ответить. Он нахмурился, замкнулся. Больше из него не удалось вытянуть ни одного слова. «Здесь кроется какая-то тайна! — подумал Юрий Александрович. — Ясно одно, мальчуган из приличной семьи и умница. Жаль такого отдавать в колонию. Да и наверняка сбежит, стервец! Видать, опыт уже имеет в этом деле... А возьму-ка я его к себе!»

Решение пришло неожиданно и сразу понравилось Золотареву. Он пришел в приемник, вызвал Бориса (так звали мальчика) в кабинет начальника и предложил:

— Вот что, хлопчик! Ты мне понравился. Хочешь со мной жить? Я человек веселый. Будем вместе рыбу удить, уху варить... Настоящий английский наган тебе подарю. А ты меня стихам выучишь. Идет?

— Ладно, — подумав, ответил Борис.

Больше всего Юрий Александрович опасался, что шустрый мальчуган сбежит, и нарочно оставлял все двери

и окна открытыми. Он не запирал шкафы, клал на виду деньги.

— Вы не боитесь, что я вас обворую? — мрачно спросил как-то раз Борис.

— Не боюсь! — ответил Золотарев. — Ты же не вор. Я сразу увидел. Ты умный, способный парень. Вот скоро в школу я тебя пристрою...

Так у Золотарева появился сын.

Прошло несколько лет. Борис привязался к Юрию Александровичу, ходил за ним по пятам и старался подражать ему во всем. Он уже учился в четвертом классе. Юрий Александрович оставался холостяком, хотя давно подумывал о том, что, пожалуй, пора обзавестись настоящей семьей. И девушки хорошие попадались, но Золотарев ни одной не решался сделать предложение. Он боялся, что молодая жена родит ребенка и не будет заботиться о Борисе. Тогда вся жизнь у мальчика будет испорчена. А разве для этого вырвал его Золотарев из трущобы?

Юрий Александрович занимал в то время ответственную должность. Он был начальником НКВД Одесской области.

Осенью тысяча девятьсот двадцать восьмого года поздно вечером в квартиру, где жил Золотарев, кто-то постучал. Он уже собирался лечь спать и разделся. Пришлось накинуть халат. Открыв дверь, он увидел в темном коридоре тонкую женскую фигуру. Смутно белело незнакомое лицо.

— Здравствуйте! — тихо сказала женщина. — Вы товарищ Золотарев? Я пришла к вам... Простите меня. Я мать Бори!

— Мать... Бори?! — с трудом мог выговорить Юрий Александрович. Он остолбенел. Мальчуган никогда не рассказывал приемному отцу о своих родителях. Золотарев решил, что семья его погибла, и не расспрашивал больше, боясь разбередить рану. И вдруг оказалось, что жива мать... Где же она жила до сих пор? Почему бросила сына? Золотарев хотел задать все эти вопросы тут же, на пороге, но, вовремя опомнившись, пригласил гостью в комнату.

Это была молодая, очень красивая женщина с пепельными пышными волосами и задумчивым, робким взглядом. Если у Золотарева и были сомнения, то теперь, когда он

рассмотрел гостью, они рассеялись. Сходство матери и сына бросалось в глаза. Женщина — ее звали Софья Аркадьевна — рассказала свою историю. Юрий Александрович слушал, все больше изумляясь.

...Софья Аркадьевна, дочь преподавателя географии в уездной гимназии, незадолго до революции осталась вдовой с маленьким сыном на руках. Ее муж, фельдшер, был убит в Галиции. Некоторое время Софья Аркадьевна пыталась сводить концы с концами, давая уроки английского языка детям богатых купцов, но жить становилось все труднее. В конце концов ей пришлось поступить горничной в семью предводителя дворянства Ольберга, чье имение находилось неподалеку от Херсона. Ее привлекло то, что ей разрешили взять с собой Бориса. Софья Аркадьевна надеялась, что в деревне сын будет лучше питаться...

Потом ей не раз приходилось жалеть о своем решении. Унизительно было выносить бесконечные придирки злой и вздорной графини, выслушивать сомнительные любезности ее супруга, но молодая женщина терпела. Что ей оставалось делать?

В тысяча девятьсот девятнадцатом году, спасаясь от восставших крестьян, Ольберги уехали в Одессу, занятую тогда белыми. Софья Аркадьевна плохо разбиралась в политике, в это грозное время она боялась остаться одна с Борисом, без средств к существованию, и последовала за графиней. Красные приближались. Ольберги дали крупную взятку капитану французского крейсера, стоявшего на рейде. Капитан любезно предоставил им свою каюту...

Вместе с Ольбергами, держа за руку четырехлетнего Бориса, Софья Аркадьевна, не отдавая себе отчета в своем поступке, ступила на палубу французского крейсера. Но в суматохе Борис исчез... Молодая женщина сбилась с ног, разыскивая сына. «Он где-нибудь на пароходе, милочка!» — раздраженно успокаивала ее графиня. — «Вы забываете о ваших обязанностях! Я буквально в истерике! Вы должны быть при мне!.. Не желаю больше слышать про этого противного мальчишку!..»

О том, что Бориса на пароходе нет, Софья Аркадьевна узнала уже в открытом море... В Марселе, на пристани, она распрощалась с Ольбергами, которые даже не уплатили ей за службу, возмущенные тем, что горничная покидает их в такой момент, и решила немедленно вернуться в Россию. Но это было не так-то легко... Много мытарств

пришлось перенести Софье Аркадьевне, пока ей удалось устроиться на торговое судно, отправляющееся в Финляндию. Из Гельсингфорса она попала в Петроград, затем в товарной теплушке, вместе с солдатами, давшими ей приют, добралась до Одессы...

Несколько лет Софья Аркадьевна искала Бориса. Она наудачу бродила по улицам, заглядывала в лица детям. Случайно она встретила Юрия Александровича и Борю. Проследить, где они живут, было уже не трудно...

Закончив рассказ, Софья Аркадьевна опустила голову, смахнула с длинных ресниц слезы.

— Я понимаю... Я не имею права требовать, — прошептала она. — Но я не могу жить без сына...

— Мы спросим у него. Как он решит, так и будет! — чужим голосом ответил Золотарев. Он не спал всю ночь.

Все произошло не так, как он предполагал. Проснувшись утром, Боря бросился на шею к матери, и первая фраза, которую он сказал, смутила и Золотарева и Софью Аркадьевну:

— Ведь мы теперь все вместе жить будем, да? Я знал, что мама найдется!.. А это мой папа! Он очень хороший, ты увидишь, мамочка!

Улучив момент, Юрий Александрович шепнул женщине:

— Придется вам пожить здесь. Устраивайтесь в Борькиной комнате. А там видно будет...

Софья Аркадьевна оказалась интересной собеседницей. У нее был живой ум и совершенно отсутствовали кокетство и жеманство. Она вела себя с первой минуты просто, по-товарищески. Это особенно нравилось Золотареву. Близость матери благотворно подействовала и на Борю. Он стал хорошо учиться, его характер смягчился, окончательно исчезла грубость, усвоенная на улице.

Юрий Александрович все чаще стал задумываться о будущем. Долго такая жизнь втроем не могла продолжаться. Ведь он и Софья по-прежнему были чужими... Софья Аркадьевна поступила на работу в школу, стала преподавать иностранный язык. Весь свой заработок она отдавала в общую кассу, как и Золотарев. Она умело вела хозяйство, стирала, мыла полы, ходила на рынок за продуктами. Золотарев все больше уважал ее, а раз поймал себя на том, что с нежностью провожает взглядом Софью,

скучает, когда та задерживается на работе, дорожит мнением этой красивой и умной женщины.

Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Они стали близки друг другу. Свадьбу устроили скромную, гостей не приглашали. Самым счастливым из троих был, кажется, Боря...

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год Золотаревы встретили в Брянске, куда Юрия Александровича назначили на крупную работу в системе НКВД. Здесь его и постигло несчастье. Кем-то был написан донос, обвинявший Юрия Александровича в том, что он связан с эмигрантскими кругами за границей. В доказательство приводился факт его женитьбы на Софье Аркадьевне. В специальной комиссии, где разбиралось «дело», Золотарев без труда доказал, что ни с кем не связан. Но в его защиту выступил лишь один член комиссии — Федор Лучков.

Юрию Александровичу записали строгий выговор и сняли с работы. Он тут же уехал в маленький городок Любимово начальником милиции.

— Я верю, что все будет хорошо! — сказал на прощанье Лучков, бывший в то время членом бюро обкома.

...Легко представить, как разволновался Золотарев, когда Лучков позвонил по телефону.

Шла война. Борис давно сражался на западе, защищая от врагов родное небо. Руки Юрия Александровича искали настоящую работу. Он пытался добровольцем вступить в армию, но получил отказ. Ему казалось, что люди смотрят на него с насмешкой: как же, начальник милиции, окопался в тылу!.. Звонок Федора Даниловича вселил в него надежду. «Значит, я еще нужен! Обо мне не забыли!» — думал он по пути в областной центр.

Лучков плотно притворил дверь и сказал:

— Ну, ну, дай-ка я на тебя погляжу... Сдал, сдал ты, братец... Или по ночам плохо спишь? Садись, есть разговор...

Он медленно, скрипя половицами, ходил по комнате, все еще крепкий, коренастый. Годы не сгорбили его, хотя Лучков недавно отпраздновал шестидесятилетие. Глаза смотрели с таким же задором, как в то памятное время, когда молодой питерский рабочий приехал на Брянщину, чтобы помочь местным товарищам разобраться в обстановке. Федор Данилович так и не вернулся в Петроград.

Сердце прикипело к лесному краю, к приветливым и простым людям. Он нашел здесь вторую родину, женился, обзавелся семьей. Настоящий большевик-ленинец, непримиримый противник всякой косности и бюрократизма, Федор Данилович был избран членом бюро обкома, а потом и первым секретарем. Но двери его дома по-прежнему были широко открыты для друзей и просто для тех, кто нуждался в его помощи или совете. Всех, с кем хоть раз приходилось встречаться, Лучков помнил по именам... Он жил в гуще народной, варился в общем соку, находился в курсе всех областных дел. Нужды любого рабочего и крестьянина были для него близки и понятны.

— Ты когда-то в Красной Армии эскадроном командовал, в военной обстановке разбираешься, — говорил Федор Данилович, поглядывая на Золотарева острыми, молодыми глазами. — Может случиться, что мы будем вынуждены временно отступить, сдать область немцам. Сиди, сиди!.. Мне тоже тяжело. Тяжело об этом говорить, тяжело сознавать, что враг пока сильнее нас. Но мы, коммунисты, должны смотреть трезво в лицо опасности... Не все эвакуируются. Некоторые останутся в тылу у фашистов. Останутся для того, чтобы создать для врага невыносимую обстановку, организовать массовое, всенародное партизанское движение!

Лучков положил Золотареву руку на плечо и негромко, скупо закончил:

— Обком поручает тебе, Юрий Александрович, возглавить боевое подполье в Любимове, в случае, если город будет захвачен врагом.

Золотарев промолчал. Он не пошевелился, только глубоко вздохнул, словно сбрасывая с плеч огромную тяжесть.

— Ты должен заблаговременно подобрать и обучить кадры, которые составят потом костяк партизанского отряда, — продолжал Лучков. — В добровольцах недостатка не будет. Их нужно заранее познакомить с методами партизанской войны. Займись этим сразу же, как вернешься. Привлеки комсомольцев. Поговори с секретарем горкома комсомола Аней Егоровой. Она тебе укажет замечательных ребят. Да и сама Аннушка смелая, умная дивчина. Только смотри, не влюбись. На нее многие заглядываются...

— А что, в самом деле красивая? — откашливаясь, спросил Золотарев и прищурился, чтобы секретарь не заметил ликующего сияния его глаз.

— Что-о? — захохотал Федор Данилович. — Ах ты, старый черт! Ну, не ждал от тебя такой прыти!.. Смотри, все расскажу Софье Аркадьевне! Молодец, молодец!.. Кстати, как у тебя со здоровьем?

— Для сердечных дел пригоден, — осторожно отшутился Юрий Александрович, уже несколько лет страдавший жесточайшим ревматизмом.

Провожая гостя до двери, Лучков тихо, словно про себя, проговорил:

— Настоящие люди — те, которые забывают личные обиды, когда в опасности Родина!.. Я знал, что ты именно такой человек!

...Скрипнули шины. Автобус замедлил ход. Появились новые пассажиры: пожилой, давно не бритый сержант милиции в запыленной синей шинели, и веснушчатый, с зелеными глазами парнишка лет четырнадцати с такими рыжими волосами, что едва он вошел, как показалось, будто стало светлее...

— А ну садись и не ерзай! — сердито приказал сержант и подтолкнул мальчугана к окну. Тот съежился, зло глядя на провожатого. Милиционер, продолжая держать его за руку, обратился к пассажирам:

— Окончательно замучил, стервец! Верите, по дороге три раза от меня убегал... Домой везу. Родители, небось, все глаза выплакали. На фронт захотел! Без него, вишь ты, с немцем не справятся!

— Без тебя-то, конечно, справятся! — грубым, хриплым голосом ответил паренек и ехидно прибавил: — Понаставили вас всюду!.. Вояки! Так и знай, все равно убегу!

Два парня, переглянувшись, засмеялись; на их загорелых лицах Золотарев увидел одобрение. Вздохнув, Юрий Александрович задумался.

Среди молодежи, не достигшей призывного возраста, оказалось множество романтиков, грезивших о сражениях, подвигах и благородной воинской славе. Им не сиделось дома. Они толпились в коридорах военкомата и райкома партии, отнимая время у сотрудников, у которых и без того дел было по горло, и убеждали, умоляли, настаивали немедленно отправить их на фронт. Получив отказ, неко-

торые не успокаивались, а, взяв котомку с сухарями и оставив дома на столе, в утешение родителям, лаконичную записку с просьбой «не ждать и не волноваться», садились в поезд и уезжали на запад, туда, где гремели бои. Их задерживали и отправляли обратно... Юрий Александрович знал множество таких фактов. И теперь ему пришло в голову, что, пожалуй, было бы неверно отталкивать этих подростков и юношей. Завтрашние солдаты, они и сегодня могли бы принести в тылу большую пользу!..

Приехав в Любимово, Золотарев отправился в военкомат. Нужно было встретиться с военным комиссаром майором Киселевым и получить ответ на некоторые вопросы, возникшие в связи с заданием секретаря обкома партии.

Лицо у Киселева стало серым от усталости, черные волосы намокли. Он сидел рядом с другими военными и врачами за столом в маленькой душной комнате и разговаривал с призывниками, которые толпились в коридоре, во дворе и заполняли всю улицу. Среди них были молодые рабочие и колхозники, студенты и служащие. Призывники чувствовали себя довольно бодро. Они даже шутили, отсылая домой заплаканных женщин. И, взглянув на шумную толпу, Золотарев подумал о том, какой необыкновенной духовной силой обладает русский народ, как умеет без уныния и паники встречать тяжкие испытания и какие удивительные твердость и мужество проявляет в грозный час!..

Юрию Александровичу долго не удавалось заговорить с Киселевым. Того осаждали со всех сторон. Когда Золотарев вошел, майор еле успевал отвечать двум парням, которые по очереди что-то горячо доказывали. Бросив взгляд на молодых людей, Юрий Александрович с немалым удивлением узнал тех самых юношей в теннисках, которые ехали в автобусе. Он не прислушивался к разговору, но по обрывкам фраз понял, что парни требуют послать их на фронт, а Киселев отказывает на том основании, что оба еще молоды.

— Приходите через годик! — доносился до Золотарева усталый голос майора. — Война не завтра кончится, останется и на вашу долю.

— Мы ворошиловские стрелки! — обиженно твердил высокий, нескладный юноша в очках. — Мы хорошо пла-

ваем, бегаем, знаем устройство пулемета! Вы не имеете права отказывать!

Второй молчал, но его взгляд был таким настойчивым, что Юрий Александрович, вздохнув, посочувствовал Киселеву... «А ребята, кажется, хорошие!» — решил Золотарев, и когда, расстроенные и мрачные, те вышли во двор, догнал и намеренно сухо предложил:

— Если действительно хотите помогать фронту, зайдите завтра в шесть часов вечера в райком комсомола, к Егоровой. Там потолкуем!

— В колхоз пошлете, картошку копать? — подозрительно спросил парень в очках. — Ну, знаете, с меня хватит! Мы и так все лето в совхозе проработали. Теперь пусть другие!

— Помолчи, Женька! — перебил второй юноша и сдержанно сказал: — Хорошо, товарищ начальник, мы обязательно придем!

— Погоди, погоди! — сказал Золотарев, вглядываясь в его лицо. — Как же я тебя сразу не узнал! Ты Алешка Шумов! Не забыл, как мы с тобой Тольку Антипова воспитывали?

Юрий Александрович улыбнулся, вспомнив, как этот паренек пришел к нему и они целый день обсуждали, на какую работу лучше поступить Антипову, где жить, учиться. А потом позвонил отец Алешки и сообщил, что вопрос о приеме Тольки на завод решен положительно.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

...Золотарев вернулся в военкомат, а Алешка Шумов и Женя Лисицын долго смотрели ему вслед. Потом переглянулись, дружно вздохнули и зашагали домой.

Женька не очень-то горевал. Он, откровенно говоря, с самого начала не верил, что их просьбу удовлетворят, и поэтому теперь не был так разочарован, как Алешка, который от огорчения не хотел даже разговаривать...

В настроении Жени за минувшее лето произошли большие перемены. В то утро, когда началась война, трое — Алешка, Шура и Женя — торжественно поклялись не думать о себе, работать без отдыха, не жаловаться до тех

пор, пока немцев не прогонят! И так как у Алешки слово никогда не расходилось с делом, ребята тут же отправились в горком комсомола и потребовали дать им самое трудное поручение. Их отправили вместе с другими в совхоз на уборку урожая. И здесь Женькин пыл начал быстро остывать.

С утра до позднего вечера под палящим солнцем, не привыкшие к тяжелому крестьянскому труду, они выкапывали картошку, возили зерно, работали прицепщиками на жатках. Женька уставал так, что вечером как убитый падал на соломенный матрац и засыпал. А у Алексея еще хватало силы сходить в красный уголок и нарисовать заголовок к стенгазете, переписать новую сводку Совинформбюро или до поздней ночи читать, придвинув к топчану оплывающую свечу. Он был как будто двужильный, этот Алешка!

У Лисицына между тем настроение окончательно испортилось. Он едва скрывал раздражение. Об этом ли он мечтал, давая клятву? Тяжелый труд не имел ничего общего с подвигами, опасностью, военной романтикой. Кое-кто потихоньку уехал обратно в город. Женя тоже непременно сбежал бы из совхоза, если бы не Алешка...

В последнее время Женя испытывал неловкость перед другом. Дело в том, что он скрывал от Алешки очень важную новость. А ведь раньше они всегда всем делились. Новость сообщил отец, когда приезжал в совхоз навестить Женьку.

— Я не возражал, когда ты поехал сюда! — сказал Роман Евгеньевич Лисицын. — Но не забудь, что осенью нужно поступить в институт. Поэтому поскорей возвращайся и приступай к занятиям, а то за лето все перезабудешь. Я написал твоей тете Полине Евгеньевне в Куйбышев и уже получил ответ. Тетя Полина согласна, чтобы ты у нее пожил, пока будешь учиться. Она и обед сготовит и постирает. В Куйбышеве есть индустриальный институт, причем декан технологического факультета — мой старый знакомый. Мы с ним когда-то на «Азовстали» работали. Он поддержит тебя, если возникнет нужда... Словом, собирайся!

— А как же Алешка, папа? — спросил Женя. — Он тоже поедет? Я не знаю, как Алешка к этому отнесется! Думаю, он не согласится!

— Ну что же, значит, поедешь один! — раздраженно

ответил Роман Евгеньевич. — Я всегда одобрял вашу детскую дружбу. Но детство кончилось, пора самостоятельно стоять на ногах. Нельзя же всю жизнь поступать только так, как нравится Алешке!..

Когда вышли из военкомата, Лисицын снова вспомнил разговор с отцом. Он еще так и не решил, ехать в институт или нет. С Шумовым он не советовался, инстинктивно чувствуя, что тот вряд ли одобрит план Романа Евгеньевича. В глубине души Женьке очень хотелось продолжать учебу. И он боялся, что Алеша его отговорит... Возле дома Лисицын, наконец, решился.

— Знаешь, — небрежно сказал он, — кажется, есть возможность поступить в институт. Ты же мечтал об индустриальном. В Куйбышеве у меня тетка есть. Отец недавно получил от нее письмо. Она приглашает нас к себе. Представляешь, как мы заживем!

— Какая тетка? — недоуменно переспросил Алешка. Его мысли были так далеки от учебы и вообще от всех обыденных, мелких забот мирного времени, что он даже не сразу понял, о чем говорит приятель.

— Обыкновенная! — ответил Лисицын. — Почему ты так удивился? Сколько можно болтаться без дела! Учиться-то надо или нет? — Он уже понял, увидел по глазам Алешки, что напрасно, не ко времени затеял этот разговор.

Шумов долго молчал, потом, опустив глаза, тихо произнес:

— Я считаю тебя хорошим, порядочным человеком, иначе не дружил бы с тобой... Но я не понимаю, как ты можешь думать о себе в такое время? Мы ведь дали клятву, пока не кончится война, делать не то, что нужно лично нам, а то, что требуется для Родины!..

— Копать картошку можно и в Куйбышеве! — крикнул Женя. — И такие слова ты мне не говори! Я не хуже тебя все понимаю! Но знай, что каждый обязан заниматься своим делом! Рабочий — работать, инженер — руководить производством, а студент — учиться! — Эту фразу Женя слышал от отца и теперь был доволен, что так кстати ее вспомнил. — В конце концов, я не могу всю жизнь делать лишь то, что тебе нравится!.. — Это он прибавил уже сгоряча и тут же пожалел о своей грубости.

— Ты... очень изменился! — тяжело произнес Алешка и покраснел. — Поступай, как считаешь нужным!

Не простившись, он ушел. Женька растерянно топтался у калитки. Это была их первая серьезная ссора за десять лет...

Войдя в дом, Лисицын увидел отца и с трудом узнал его — так бледен и взволнован был Роман Евгеньевич. Инженер метался по комнате, выдвигая из-под кровати чемоданы и швыряя туда первые попавшиеся под руку вещи. Заметив сына, он попытался взять себя в руки, но его выдавали серое лицо и дрожащие губы.

— Что случилось? — испуганно спросил Женя.

— Нужно быть наготове! — ответил Лисицын, в изнеможении садясь на диван. — В любую минуту мы можем уехать. Сегодня директор сообщил, что есть решение приступить к эвакуации завода... Обстановка угрожающая! Я очень жалею, что ты потерял время и не уехал к тете Полине... Теперь, наверно, отправимся вместе!

— Подожди, какая угрожающая обстановка? — не понял Женька. — Неужели немцев сюда пустят?

— Не знаю, ничего я не знаю! — махнул рукой Роман Евгеньевич.

Женя смотрел на него в недоумении. Он не узнавал всегда хладнокровного и выдержанного отца.

...Инженер Лисицын был честный и добросовестный специалист, хорошо знающий производство, умеющий работать с людьми. На заводе его уважали за принципиальность. Он не заискивал перед начальством, был мягок и вежлив с подчиненными, первым откликался на общественные мероприятия. Кроме того, Роман Евгеньевич был смелым человеком. Однажды, когда в цеху возник пожар, он, не раздумывая, бросился в огонь, чтобы спасти важные чертежи... За это его даже наградили Почетной грамотой. Лисицын никогда не смог бы представить себя в роли труса или приспособленца. Таких людей он сам искренне презирал и старался не иметь с ними дел. Но недавно произошел случай, после которого инженер со страхом понял, что совсем себя не знает...

Однажды он после работы отправился на станцию, чтобы купить газет и папирос. Был теплый безветренный вечер; ничто не напоминало о войне. Инженер шел по узкому коридору из высоких сосен. Пахло хвоей. В лесу было тихо. Ноги Романа Евгеньевича ступали по мягкой пыли, как по ковру... До сих пор Лисицын как-то плохо представлял себе, что идет война. Он, разумеется, каж-

дый день слушал по радио сводки, волновался, когда немцы занимали города, много и тревожно размышлял о том, почему наша армия все время отступает, а немцы безостановочно идут вперед. Но эти мысли были отвлеченными. Он теоретически знал, что вот где-то там, далеко, люди воюют, умирают, но притом чувствовал себя в общем, как всегда, был увлечен работой, и мир для него остался прежним.

Когда он пришел на станцию, там стоял санитарный поезд. Окна вагонов были открыты. Лисицын почувствовал удушливый запах карболки. На платформе он увидел двух раненых, которые поддерживали друг друга. У одного не было ноги, он стоял на костылях. У другого вместо рук болтались пустые рукава. Раненые резко отличались от тех людей, которых Роман Евгеньевич каждый день видел на заводе и в городе. В глазах у них застыло выражение нечеловеческого напряжения. Взглянув на инженера, они тотчас же отвернулись, и он понял, что никогда не узнает того, что известно раненым, и что те неизмеримо выше, умнее и чище его, одетого в новый костюм, опрятного и улыбающегося. И хотя раненые не задавали инженеру вопросов и даже не взглянули на него, он испытал сильнейшую потребность немедленно оправдаться перед ними, объяснить, что он не на фронте не по своей вине, а потому, что работает на важном участке в тылу и тоже приносит пользу.

Вдруг тот раненый, у которого не было ноги, запрокинул голову и как подкошенный упал, стукнувшись затылком об асфальт. Руки и единственная нога задергались, лицо побагровело, глаза закатились под лоб. Товарищ не мог приподнять его и беспомощно смотрел, как раненый бьется об асфальт.

К нему бросились сестры в белых халатах. Инженер, подбежавший одним из первых, стоял и смотрел, не в силах оторвать глаз. Бойца положили на носилки, и он вдруг затих и словно окаменел. Его унесли...

Не купив газет, забыв про папиросы, инженер устремился обратно в город. Ему никогда не было так жутко, как в эти минуты. Он начал теперь, наконец, понимать, что такое война. Ему представился сын Женя обрубленный, окровавленный, с белым лицом, а потом он увидел самого себя без ноги, бьющегося головой об асфальт...

С этого дня Роман Евгеньевич стал другим челове-

ком. Теперь, чтобы он ни делал, голову постоянно сверлила мысль: «Так вот как выглядит война!» А в сердце был ужас перед тем, что его или Женьку может постигнуть такая же участь, как того солдата!..

Есть такие люди, ушибленные страхом. Внешне они нормальны, работают, едят, разговаривают, даже смеются, но, тем не менее, все время находятся на грани истерики. От такого человека в любую минуту можно ждать, что он упадет, закроет лицо руками и в ужасе закричит: «Не трогайте меня, не надо, не надо!..» Им бесполезно объяснять, что нужно выполнить свой долг и честно сражаться. Они сами это знают, их мучает раскаяние, больная совесть не дает им покоя, но ужас сильнее!..

В таком состоянии в последние дни был и инженер Лисицын. Он стыдился сына, сослуживцев, которые могли заметить его испуганные глаза и дрожащие руки, но ничего не мог с собой поделать. В начале ноября, как раз в тот день, когда собирались в путь сестры Хатимовы, он прибежал домой и закричал Женьке:

— Быстрее! Мы последние, уже никого не осталось! Через час войдут немцы!.. Директор берет нас в свою машину!

— Хорошо, папа! — вскочил Женя.— Я сейчас! Я очень быстро! Только мне обязательно нужно выйти на полчаса. Ты не сердись. Я тебя разыщу на заводе. Жди меня там!

— Постой! — испугался Роман Евгеньевич. — Ты с ума сошел! Куда?

Но Женя не ответил. Он уже бежал по пустынному, притихшему переулку, бежал, не чувствуя под собой ног. Как же так могло получиться, что за все эти дни он ни разу не зашел к Алешке, не знает о нем и хотел уехать, даже не попрощавшись! Что за нелепая ссора произошла между ними, дружившими десять лет! «Алешка, погоди! — шептал Женя. — Я не уеду без тебя, ты слышишь? Я не уеду!..»

Он издали увидел заколоченную дверь, закрытые ставни и понял, что опоздал. Но все-таки перелез через забор и обошел дом. Двор зарос лопухами. Мокрые, пожелтевшие, они устилали землю. Ворота были распахнуты. Женька заглянул в сарай. Попона, на которой летом и зимой спал Алешка, валялась на прежнем месте. Вздохнув, Лисицын вышел на улицу. Вдруг он оживился. Ну

конечно, как же сразу это не пришло ему в голову! Семья Шумовых тоже эвакуируется. Может быть, он встретит Алешку на заводском дворе!

Асфальтированная площадка перед двухэтажным кирпичным заводоуправлением была похожа на перрон перед отходом поезда. Она была заполнена людьми, которые возбужденно разговаривали, кричали, разыскивали знакомых, ссорились. А некоторые ужинали, сидя на каменном крыльце. У ворот гуськом стояли грузовые машины, до отказа набитые народом. Рабочие, женщины с детьми на руках, старики, притиснутые друг к другу, не могли пошевелиться, и все же на них смотрели с завистью те, кому не хватило места.

— Где же ты был! — закричал, крепко схватив сына за руку, Роман Евгеньевич. — Сколько можно тебя ждать! Сию минуту в машину!

— Подожди! — пытался сопротивляться Женя. — Я только хочу узнать, где Шумовы...

— Тут они! — тащил его к директорскому «газику» инженер Лисицын. — Я их видел!.. Чем у тебя только голова забита? Мальчишка!.. — с красными пятнами на щеках, суетливый и какой-то жалкий, он распахнул дверцу машины. Многие обращали на него внимание. Женька вдруг почувствовал острый стыд, заметив, что директор смотрит на отца с сожалением.

Рядом с директором в «газике» сидел полный мужчина в белом полотняном костюме, с вещевым мешком на коленях. Это был инженер Сергей Сергеевич Круглов, тот самый, который отверг изобретение Толи Антипова. Когда к машине подошел Лисицын, Круглов взглянул на него сочувственно и понимающе. Он сразу догадался, что Лисицын отчаянно трусит, потому что сам последнее время не находил себе места от страха. Разница между ними была в том, что Роман Евгеньевич искренне презирал и ненавидел себя за свое малодушие, пытался побороть страх, и хотя это ему не всегда удавалось, он все же в глубине души оставался честным и порядочным человеком. Что же касается Круглова, то о нем никак нельзя было сказать, что он испытывает угрызения совести. Круглов прилагал все силы, чтобы уйти подальше от опасности, но в отличие от Романа Евгеньевича он был убежден, что поступает совершенно правильно. «Война — это не для меня. Я человек штатский. В конце концов, я про-

сто обязан сохранить себя для жены и ребенка!» — решил Круглов и, когда пришла повестка из райвоенкомата, немедленно отправился к директору, сумел убедить того, что во время эвакуации он, Круглов, будет необходим на заводе, и таким образом добился отсрочки призыва.

Жена Ольга не могла эвакуироваться, потому что у годовалого сына Мишутки вспыхнула корь. Она прибежала на завод, чтобы попрощаться с мужем, попросив соседку присмотреть за ребенком, и теперь плача стояла возле машины. Круглов остался бы с ней, но это было невозможно. Самым важным для него всегда был семейный очаг и домашний уют, и вот теперь все это рушилось на глазах...

Лисицын, подтолкнув Женю, втиснулся в машину. За рекой слышались глухие взрывы...

Когда приехали на станцию, было еще светло. К длинному составу уже подали паровоз. Чернели открытые двери товарных вагонов. Внутри Женя увидел неуклюжие, плохо оструганные нары.

— Быстрее, прошу вас! — сказал директору начальник станции. — Телеграфная связь прервана. Я не знаю, где немцы. Вы можете опоздать!

Эта фраза с быстротой молнии облетела людей. Посадку произвели быстро. В первую очередь устроили женщин и детей.

Женька сидел на насыпи и всматривался в рабочих, ища Шумова. Вдруг он заметил Любовь Михайловну. Заплаканная и осунувшаяся, она неподвижно сидела на чемодане и смотрела на дорогу.

— Здравствуйте, тетя Люба! — подбежал к ней Женька. — Где Алеша? Где Семен Иванович?

Женщина молча посмотрела на него, и Лисицын был поражен отчаянным выражением ее лица. Он больше не осмелился расспрашивать, но Любовь Михайловна сама ровным и бесстрастным голосом рассказала, что Алешка рано утром отправился за бабушкой, которая позавчера ушла в деревню проститься с родственниками. Оба так и не вернулись. Семен Иванович, вне себя от беспокойства за мать и сына, в лесу спрыгнул с машины и побежал обратно в Любимово. Если не придет к отходу поезда, то Любовь Михайловна тоже останется...

— Вы не волнуйтесь! — растерянно ответил Женька, не зная, как ее утешить. Он отошел и тоже стал смотреть

на дорогу. Но тут его окликнул отец, велевший Женьке залезть в вагон и постелить постели. Быстро справившись с поручением, Лисицын спрыгнул на насыпь и посмотрел туда, где сидела Любовь Михайловна. Он увидел Алешиного отца и обрадованно побежал к нему.

— Дом заколоченный, так и стоит! — угрюмо, стараясь не встречаться взглядом с женой, говорил Шумов. — Я соседей спрашивал. Они Алешку не видели. На заводе побывал! Пусто и там, только ветер гуляет! Что было делать, мать? Заметался я по улицам, к Лисицыну еще заглянул... А выстрелы совсем рядом... Побоялся я и тебя потерять! Лешенька с мамой, наверно, в деревне решили остаться. Ты не волнуйся, Люба, вытри глаза-то... Что тут страшного? Алешка парень взрослый, на рожон не полезет, да и Елизавета Ивановна, в случае чего, сумеет его придержать... Перебедуют как-нибудь! Думаю, не надолго уезжаем, может, через месяц и вернемся!.. Не плачь, Люба, не рви сердце себе и мне!..

Любовь Михайловна молчала. Безропотно села в вагон, ни звука не произнесла, когда тронулся поезд и мимо поплыли белые стволы берез, но такое отчаяние выражало ее мокрое от слез лицо, что женщины плакали от жалости. Семен Иванович еще говорил, успокаивал, но так, видно, устроено материнское сердце, что не действуют на него никакие доводы, даже самые разумные и бесспорные, когда оно чует несчастье. Видно, знала Любовь Михайловна, глядя потемневшими от горя глазами на мелькавший в окне лес, что уж больше никогда не придется прижать к сердцу единственного сына! Как будто какой-то голос подсказал, что поцеловал ее Алешка нынче утром в последний раз, недаром же вот так — прямо в губы, горячо и нежно — не целовал прежде никогда...

Женька не находил себе места. Он то расхаживал по узкому проходу между нарами, слабо освещенному дрожащим пламенем свечи, то тоскливо смотрел в маленькое, как бойница, окно, где блестела, не отставая от поезда, одинокая звезда. Вдалеке слышались взрывы, вагон дергало, люди то и дело падали друг на друга. Все молчали или разговаривали шепотом. По вагону разносился лишь голос Романа Евгеньевича. Инженер Лисицын всем существом ощущал, что с каждой минутой отдаляется от опасности.

Им владело болезненное возбуждение. Он сидел, скрестив по-турецки ноги, на верхних нарах и подшучивал над своей не совсем обыкновенной позой, и над тем, что раскачивается вагон, и над соседями, которые, чертыхаясь, сталкивались в темноте. Его слушали угрюмо. Никто не поддерживал шуток. Всем было неловко за Лисицына, потому что он один не понимал, как неуместно его поведение... Неловко, стыдно было и Женьке. «Хоть бы замолчал!» — с досадой думал он. Медленно тянулись минуты, беспокойство все усиливалось, и постепенно стала оформляться мысль, которую Женя сперва отбросил, но потом она завладела им целиком.

Он будто грезил наяву, а может быть, прислонившись к подрагивающей стене вагона, действительно задремал, и ему представился Алешкин дом с заколоченными ставнями, со всех сторон окруженный немецкими солдатами в рогатых касках, в точности таких, какие он видел на плакатах. Солдаты подкрадывались к дому, а Алешка сидит за столом и что-то пишет. Перед ним лежит пистолет. Он не видит, что опасность близка. «Алешка!» — крикнул Лисицын, но Шумов не пошевелился, и Женя сообразил, что находится далеко от Любимова, в поезде и хотя каким-то необъяснимым образом видит врагов, но не в состоянии предупредить товарища...

Очнувшись, подбежал к полуоткрытой двери и выглянул в щель, откуда пахнуло ночной сыростью. Эшелон медленно поднимался в гору. Позади, там, где осталось Любимово, над лесом виднелось зарево. Испытывая такое же, как во сне, страстное желание немедленно бежать на помощь к Алешке, Лисицын подумал: «Я ведь так и должен поступить!.. Вдвоем-то мы не пропадем!..»

И как только принял решение, сразу стало легко. Исчезло тягостное чувство неудовлетворенности, мучившее его две недели.

— Выполните мою просьбу! — быстро шепнул он женщине, молча стоявшей рядом. — Скажите отцу, что я остаюсь! Пусть не беспокоится! Прощайте!

И не успела она ответить, как Женька спрыгнул на насыпь, пробежал несколько шагов и покатился по крутому склону.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Майор Иоганн фон Бенкендорф с раздражением прислушивался к болтовне лейтенанта Гребера. Лейтенант, одетый с иголочки, в узких сапогах, с пробором на удлиненном, словно сплющенном черепе, весь, от каблуков до козырька фуражки, был противен майору. Неприятны были выпуклые зеленые глаза под блестящими стеклышками пенсне. Отвращение вызывали румяные, здоровые щеки, еще не тронутые бритвой. Особенно злил фон Бенкендорфа самодовольный тонкий голос Гребера, не умолкавший ни на минуту уже три часа, в течение которых они тащились по ухабистой дороге в тесном и холодном «оппель-капитане», так плохо приспособленном для езды по бездорожью. Гребер, подпрыгивая от толчков, больно толкал майора острым локтем в бок и посмеивался:

— Ничего, мы проложим бетонированные шоссе с электрическими указателями и соорудим пивные на каждом десятом километре! Мы цивилизуем эту дикую страну, предварительно выселив из нее русских! С русскими, господин майор, ничего нельзя сделать, не правда ли? Тупые и упрямые животные! О, мне уже пришлось иметь с ними дело там, в Барановичах. Попалась такая типичная славянская бабенка с длинной косой и злыми глазами. Должен сказать, я надолго сохраню воспоминание об ее зубах. Пришлось отказаться от надежды сговориться с ней. Тогда я позвал фельдфебеля Мюкке, помните этого рыжего борова? И он... Впрочем, прошу прощения, господин майор, я все время забываю о том, что вам, может быть, неприятна моя болтовня. Ведь вы, если не ошибаюсь, родились в этой невероятной стране, и в том городе, куда мы сейчас едем, и название которого я никак не могу выговорить, у вас когда-то было поместье, или завод, или что-то в этом роде!..

— Болван! — пробормотал фон Бенкендорф и, встретив недоумевающий, обиженный взгляд Гребера, заставил себя криво улыбнуться. — Я сказал, что болван тот, кто прокладывал эту дорогу! — угрюмо добавил он.

Гребер младше Бенкендорфа чином, но ссориться с ним не стоит. Он принадлежит к тому сорту людей, которые дня не в состоянии прожить, не настрочив доноса. Недавно Гребер был обершарфюрером СС и наслаждался жизнью в тылу, охраняя заключенных в концентрационном лагере.

Но кто-то из обреченных на смерть умудрился сбежать, за это Гребера разжаловали, перевели в армию и послали на Восточный фронт. Теперь он из кожи лезет, стремится выслужиться. Он подслушивает разговоры офицеров и пишет докладные записки об их настроении и о том, достаточно ли они преданы фюреру. Кроме того, фон Бенкендорф слышал о дневнике, который будто бы ведет Гребер. В дневник лейтенант записывает все, что делают окружающие его офицеры в течение дня. Очевидно, такие записи вряд ли принесут когда-нибудь пользу лейтенанту, и он ведет их исключительно из любви к этому занятию. Не просто шпион и доносчик, а шпион-фанатик, доносчик-энтузиаст. Пожалуй, это самая опасная разновидность такого сорта людей. Вот почему, несмотря на отвращение, майор вынужден быть с ним не только вежливым, но даже любезным.

Лейтенант назначен помощником фон Бенкендорфа, но майор знает, что Гребер приставлен не столько для помощи, сколько для того, чтобы следить за ним и докладывать о его мыслях и мероприятиях. Это сделано не потому, что Бенкендорфу не доверяют, вернее, не потому, что доверяют меньше, чем другим, но оттого, что такова система слежки в немецкой армии, избежать которую не в силах никто, начиная от ефрейтора и кончая генералом. Только за фюрером никто не следит! Впрочем, фон Бенкендорф даже и в этом не уверен...

Он действительно родился и до пятнадцатилетнего возраста жил в России и сейчас испытывал некоторое волнение, подъезжая по грязной дороге к Любимову. Правда, сам он в Любимове ни разу не был, но знал, что здесь находится завод, принадлежавший покойному отцу. Сюда старик Бенкендорф, еще в бытность свою гусаром, приезжал охотиться. Здесь самому майору предстояло провести несколько месяцев, а может быть, и лет.

В кармане у Бенкендорфа лежал старинный, пожелтевший документ, заверенный берлинским нотариусом и подтверждающий, что майор действительно является наследственным владельцем любимовского завода, незаконно отторгнутого у его отца большевиками. Полковник Шейнбруннер, вызвав Бенкендорфа, предложил немедленно наладить бесперебойный ремонт поврежденной техники. «Одновременно я назначаю вас комендантом Любимова! — добавил Шейнбруннер. — Этот город, окруженный гу-

стыми лесами, имеет важное стратегическое значение, так как, по-видимому, на протяжении более или менее длительного времени будет служить перевальной базой для наших войск, следующих на фронт. Безопасность передвижения должна быть обеспечена. Надеюсь, вы сумеете пресечь деятельность партизан!»

Длинновязый, с тонкой худой шеей, которая свободно вращалась в просторном воротнике, Бенкендорф сидел сгорбившись, головой достигая потолка машины, и рассеянно смотрел в забрызганное грязью окно, за которым мелькали мокрые сосны. Его лицо было худым, обтянутым желтоватой кожей, брови густыми, сросшимися на переносице, губы тонкими и слегка растянутыми в стороны. Поэтому всегда казалось, что майор иронически усмехается. Он совсем не похож на своего знаменитого предка, чей большой портрет до сих пор висит в бывшем отцовском кабинете, в их доме, который украшает одну из центральных, оживленных улиц города Кёльна. Если и напоминал майор чем-нибудь николаевского шефа жандармов, то разве только выражением глаз, которые были у него, как у всех чистокровных Бенкендорфов, похожи цветом на свинец и смотрели безжизненно и сонно.

Под колесами загромыхали бревна моста. «Оппель-капитан», вздымая тучи жидкой грязи, обогнал колонну бронетранспортеров, на которых виднелись согнувшиеся, вялые фигуры солдат, и ворвался на окраинную улицу Любимова. Бенкендорф, протерев стекло перчаткой, с любопытством рассматривал неказистые деревянные дома с наглухо заколоченными ставнями и запертыми дверями. Город, казалось, вымер. Только одного любимовского жителя заметил майор, да и тот больше походил на статую, чем на живого человека. Он неподвижно стоял на крыльце, одетый в длинное черное пальто с поднятым воротником, и спокойно смотрел на колонну немецких войск. Шофер притормозил, и фон Бенкендорф в упор взглянул на русского. Тот почему-то ему запомнился. Лицо у туземца было смуглое, молодое. На нем не было страха, только любопытство и задумчивость, словно он в эту минуту мысленно решал важный для себя вопрос. Фигура русского промелькнула и исчезла, но майор еще несколько минут вспоминал спокойное лицо, показавшееся необычным, ибо всюду, куда приходили немцы, местные жители прятались, а если глядели на солдат, то со страхом или ненавистью.

На площади фон Бенкендорф увидел старую покосившуюся церковь с высокой колокольней. Купол когда-то был позолочен, но давно облез и заржавел.

— Кирха? — указал на церковь лейтенант Гребер. — Я слышал, среди русских было много верующих, но большевики их посадили в концлагеря и расстреляли, и теперь все поголовно атеисты. Это правда, господин майор?

— Да! — сухо ответил фон Бенкендорф. — Вы бы позаботились, Гребер, о квартире и подыскали здание для комендатуры! Спросите у местных жителей, где горсовет? Обычно это наиболее комфортабельное строение в городе!

Шофер остановил машину; офицеры, разминая ноги, вышли на улицу. Дождь прекратился. Было холодно и сыро. Солнце взошло, но не показывалось, закрытое тучами. На площади не было ни души.

Гребер подошел к одноэтажному деревянному дому с закрытыми ставнями и ударил ногой в дверь.

Майор снова сел в автомобиль и похлопал по плечу шофера. Он был рад, что остался, наконец, один. Бенкендорф давно заметил над крышами кирпичную трубу. Он велел шоферу ехать на завод. Плутая в узких переулках и распугивая гудками ошалевших от выстрелов кур, они выбрались к реке. Майор увидел широкую, окаймленную деревьями аллею, которая вела к заводским воротам.

Ворота были распахнуты, во дворе толпились немецкие солдаты. Слышались трескотня автоматов, крики и отрывистые слова команды. Увидев машину майора, солдаты расступились. Подбежал фельдфебель Мюкке, полный блондин с розовым, чисто вымытым лицом. Взволнованно и поэтому путано и многословно он доложил, что в цехе обнаружен мертвый германский солдат, оказавшийся ефрейтором четвертой роты Куртом Крафтом. У Крафта размозжен череп. Рядом на полу валяется ржавая железная шестерня.

— Хорошо! — буркнул майор и, широко расставляя худые ноги, направился в цех.

Высокий пролет был пуст и наполнен светлым воздухом, как голубятня. Возле разбитых окон виднелись несколько старых станков. На стенах висели клочья проводов. Под стеклянной крышей тянулись перила антресолей. Зацепившись углом за перила, болтался выцветший плакат. На нем было написано: «Смерть немецким оккупантам!» «Нужно сфотографироваться рядом с этим порван-

ным большевистским лозунгом! — пришло в голову фон Бенкендорфу. — Это выйдет истинно философский, многозначительный снимок, копию с которого можно даже послать в иллюстрированный журнал».

— Мюкке! — обратился майор к фельдфебелю. — Вы сумеете сделать приличное фото?

— Все, что будет угодно господину майору! — ответил Мюкке.

Фон Бенкендорф подошел к плакату, пощупал жесткую от клея материю и, протянув фельдфебелю фотоаппарат, принял соответствующую позу, но в этот момент заметил убитого Крафта. Ефрейтор лежал на спине, широко раскинув руки. Его белое, точно гипсовое лицо было удивленным, широко открытые мертвые глаза смотрели на майора. Голова Крафта была окровавлена. На цементном полу виднелась тяжелая шестерня.

— Перенесите его куда-нибудь в другое место! — нетерпеливо сказал фон Бенкендорф, и, когда распоряжение было выполнено, Мюкке увековечил майора на фоне старого, выцветшего плаката. Закончив это дело, которое его немного развлекло, майор подошел к трупу и с сожалением сказал:

— Бедняга Крафт! Если мне не изменяет память, в ноябре он должен был поехать в отпуск... Как это случилось? Проклятая шестеренка свалилась сверху?

— Осмелюсь доложить, господин майор, — вполголоса ответил Мюкке, так, чтобы не слышали солдаты. — Это, очевидно, не несчастный случай...

— Что вы такое болтаете? — не понял фон Бенкендорф.

— У Крафта похищен автомат. Негодяи убили Крафта и забрали оружие!

— Вы обыскали завод?

— Так точно, господин майор, никого не нашли!

— Пройти еще раз! — раздраженно приказал Бенкендорф. — Оцепить улицу! Расстрелять убийцу!

— Слушаюсь, господин майор! — испуганно сказал Мюкке и исчез, будто провалился сквозь землю.

Иоганн фон Бенкендорф, выпятив нижнюю губу, что служило признаком бешенства, зашагал к машине. Проклятые партизанские штучки! «Нужен беспощадный террор! — вспомнил он слова полковника Шейнбруннера, который в Белостоке едва не погиб от партизанской гранаты,

влетевшей ночью в окно, но случайно не разорвавшейся. — Мы слишком либеральны! Не щадить никого! Расстреливать за малейшую провинность, за косой взгляд, за неуместную улыбку, воспитывать ужас, ужас и ужас перед немецким солдатом!» — брызгая слюной, неистовствовал шеф. Сам Шейнбруннер и до того неуклонно проводил политику террора, выжигая деревни и города, вешая и расстреливая заложников, но всюду, где бы ни пришлось ночевать, он не спал по ночам, несмотря на усиленную охрану, и в каждом населенном пункте ему докладывали о солдатах, убитых партизанами, о машинах, взорванных партизанами, о складах, разграбленных партизанами.

«Дело в том, господин полковник, что вы не знакомы с душой русского человека! — мысленно возражал Шейнбруннеру фон Бенкендорф. — С помощью одних виселиц вы не справитесь с этим народом! Россия — исполинская, колоссальная страна. Многие великие немцы обрели здесь свою вторую родину. Шумахер, Бирон, наконец, мой прадед!.. Они умели ладить с русскими и заставляли их покорно плясать под свою, германскую, дудочку... Тут нужна настоящая, тонкая политика. Русский мужик должен видеть в нас не свирепых завоевателей, а людей, несущих освобождение от большевистского засилья, представителей западной культуры, возвещающих возврат к древнему, православному и патриархальному укладу жизни!»

Фон Бенкендорф был рад, что его назначили комендантом. Майор решил руководить городом по-своему. Строгость, но разумная. Наказание, но справедливое. Не исключается и террор, но последний должен быть направлен не против всего населения без разбора, а против отдельных лиц, не подчиняющихся приказам немецкого командования. В глубине души фон Бенкендорф рассчитывал на то, что рано или поздно немцы уйдут из России, оставив себе Украину и Прибалтику. Будет создано новое русское правительство, в котором займут достойное место потомки старинных дворянских родов. И он, фон Бенкендорф, как подлинный государственный деятель, уже зарекомендовавший себя, в первую очередь получит министерский портфель!.. Немец, рожденный в России, он будет приносить пользу фатерланду, являясь российским чиновником. Так было в начале этого века и раньше, чуть ли не с петровских времен! Бенкендорф верил в то, что история повторяется!..

Убийство Крафта вывело майора из равновесия; он

почувствовал, что теории теориями, а меры необходимо принять быстрые и решительные. Проезжая снова по городу, Бенкендорф с тайным удовлетворением отметил, что Гребер уже сделал все от него зависящее, чтобы вступление немецких войск в Любимово произвело достаточно сильное впечатление на местных жителей. Собственно, для солдат не требовалось даже особого приказа. Они вели себя обычно, точно так же, как и в прочих оккупированных населенных пунктах. Они взламывали двери, разбивали прикладами окна и врывались в дома. Тащили целыми узлами награбленные вещи и стреляли в собак, раздражавших их отчаянным воем и лаем. Избивали людей, которые недостаточно быстро отдавали то, что они желали иметь. Над каким-то домом уже плясало пламя и клубился черный дым. Трещали заборы и кусты, которые немцы ломали и вырубали, прежде чем вселиться в хату. Они любили, чтобы вокруг было открытое пространство, где никто не сможет спрятаться. Пронзительно кричала женщина, и слышался громкий хохот немцев. Время от времени отрывисто щелкали пистолетные и автоматные выстрелы.

Роль лейтенанта Гребера сводилась к тому, что он вносил в эту методическую и привычную для солдат работу элемент азарта и острого возбуждения. Голос его звенел, смех был истерическим, глаза сверкали. Как бешеный, он носился по улице, подбодрял подчиненных, отпускал циничные шутки, все больше взвинчивая себя и окружающих, и наконец вбежал в какой-то дом, где отыскал испуганную, забившуюся за печку совсем еще юную девушку, почти подростка лет пятнадцати. Из этого дома спустя несколько минут донесся душераздирающий, отчаянный вопль, затем раздались несколько выстрелов, и на крыльце появился Гребер, бледный, с дрожащими руками и полуоткрытыми мокрыми губами... Увидев его из машины, фон Бенкендорф брезгливо пробормотал:

— Садист! — Но, вспомнив убитого Крафта, нахмурился. Что ж, для начала, неплохо! Пусть сразу почувствуют, с кем имеют дело. С немцами шутить нельзя!

К вечеру разгул пьяных солдат начал стихать. Над бывшим зданием горсовета неподвижно повис огромный кроваво-алый флаг с похожей на паука свастикой в белом круге. И то, что даже цвет флага оказался краденым, было вполне закономерно! Жители смотрели на него с таким же

молчаливым, угрюмым негодованием, с каким встречали фашистов, грабивших их с утра.

Когда стемнело, фон Бенкендорф вошел в комнату на нижнем этаже, освещенную теперь походным электрическим фонарем, питающимся от аккумулятора, разделся и залез в резиновую ванну, приготовленную денщиком, пожилым, молчаливым Паулем Крузе. Он долго плескался в теплой, пахнущей хвоей воде, затем с удовольствием облачился в подогретое, скользкое шелковое белье и накинул мундир.

Крузе где-то раздобыл круглый полированный стол, несколько мягких стульев и широкую деревянную кровать с периной, которую уже накрыл белоснежной, накрахмаленной простыней. Но Бенкендорфу не хотелось спать. По его знаку Крузе вынул из чемодана бутылку французского коньяку, рюмку на длинной ножке, и майор медленно, смакуя, выпил обжигающую жидкость. После этого он застегнул мундир и в сопровождении Крузе отправился на второй этаж, где гремели мебелью солдаты, приводя в порядок помещение комендатуры.

В коридоре ему встретился Гребер, который шел, засунув руки в карманы, в расстегнутом френче и без фуражки. Потянув воздух, майор определил, что лейтенант находится в игривом и легкомысленном настроении, следовательно, с ним можно, пока он не заснет, поговорить, потому что в пьяном виде Гребер, как правило, был благодушен и утрачивал подозрительность.

— Как дела, лейтенант? — спросил фон Бенкендорф. — В городе все спокойно? Вы позаботились об охране комендатуры?

— Послушайте, майор! — обрадовался Гребер, не отвечая на вопрос. — Как здорово, что я вас встретил. Это по вашей части!

— Что вы имеете в виду?

— Недавно сюда явился мужик в длинном платье, которое волочилось по полу, и заявил, что он священник и просит позволения отслужить завтра обедню по случаю воскресного дня...

— Где он? — оживился майор.

— Я ответил, что помещение церкви немецкое командование намерено использовать для своих надобностей, и отправил его домой, приказав не высовывать носа на улицу,

если ему больше нравится быть живым, чем мертвым! Жаль, что вы не видели его физиономии!..

— Лейтенант Гребер! — сухо перебил фон Бенкендорф. — Впредь я попрошу докладывать о подобных происшествиях мне. И ничего не предпринимать без согласования со мной. А сейчас разыщите служителя церкви!

— Но... — пожал плечами Гребер. — Не понимаю, отчего вы взбеленились, Бенкендорф? На чéрта понадобился вам этот...

— Господин лейтенант! — с бешенством отчеканил майор. — Будьте любезны выполнить приказ! Вы не в концентрационном лагере, а на фронте!

Бенкендорф тотчас же пожалел о своей вспышке, но было уже поздно. Гребер, засопев, вынул руки из карманов и стал спускаться по лестнице. Он ни разу не оглянулся. «Теперь это смертельный враг! — мелькнуло у майора. — Черт с ним! Я слишком много думаю о мерзавце!.. Нет, такой случай я не упущу! Праздничное богослужение по случаю вступления в Любимово немецких войск! Я сам буду присутствовать!.. Это можно великолепно преподнести Шейнбруннеру! Пусть жители поймут, что мы уважаем их религию и обычаи!»

Фон Бенкендорф расхаживал по кабинету и с удовольствием думал о том, что завтра снова увидит службу в православной церкви! Как давно он был лишен этого зрелища! С детства у фон Бенкендорфа сохранилось воспоминание о торжественном звоне колоколов, запахе ладана, сладких голосах певчих... Завтра, наконец, он почувствует, что действительно находится в России. Не в той враждебной и непонятной стране, которую видел до сих пор, а в России детства, в той, где его предки владели поместьями и заводами!..

Дверь отворилась бесшумно. Фон Бенкендорф вздрогнул, увидев высокого мужчину с черной, густой бородой и длинными седеющими волосами. Он был в старой измятой черной рясе. На жилистой шее желтел восьмиконечный крест.

— Здравствуйте, отец! — сказал по-русски фон Бенкендорф. — Вы являетесь служителем церкви? Как ваше имя?

— Николай Ардалионович Вознесенский, к вашим услугам! — сильным и звучным басом ответил мужчина,

по-видимому удивленный тем, что немецкий майор так чисто разговаривает по-русски.

Фон Бенкендорф попросил его изложить просьбу и тут же разрешил совершить торжественное богослужение по случаю воскресного дня. Помолчав, он добавил, что неплохо было бы произнести небольшую проповедь, призвать прихожан к покорности немецким властям, а также поздравить с освобождением от большевиков.

— Ведь вы, отец Николай, по-видимому, были с коммунистами не в ладах? — спросил майор.

— Да, — коротко ответил священник.

Поблагодарив, он ушел.

В коридоре фон Бенкендорф заметил бледную физиономию Гребера, отскочившего в сторону, как только открылась дверь. «Подслушивал», — понял майор. Ему очень хотелось накричать на лейтенанта, но он решил не обострять отношений и, устало кивнув, спустился вниз, где ждали кровать и нагретая горячими бутылками накрахмаленная простыня.

Майор проснулся поздно от звона колоколов и, испытывая радостный подъем духа, поспешно оделся. На машине он подъехал к церкви. Колокола гудели тревожно. Не было в них праздничного благолепия. «Разучились звонить», — подумал майор. В церковь согнали много народу, не только пожилых, но и молодежь. Утром подморозило, белый пар от дыхания прозрачными облаками поднимался к куполу.

В церкви были и немецкие солдаты. Они теснились в дверях, поглядывая на фон Бенкендорфа, стоявшего выпрямившись возле клироса. Торжественное настроение у майора понемногу исчезало. Он уже со скукой разглядывал плохо одетых старух и молодых девушек, которые кутали лица платками, словно боясь чужих взглядов...

Фон Бенкендорфу вспомнился эпизод из далекого детства. Он, маленький гимназист приготовительного класса, в новенькой форме, воротник которой режет шею, едет вместе с бонной, англичанкой мисс Джен, в церковь к обедне. На паперти много нищих. Они ползут к коляске, протягивая руки. Мисс Джен сует Иоганну новенький гривенник и шепчет:

— Опустите кому-нибудь в руку, но не прикасайтесь ни в коем случае — они заразные!..

И гимназист боязливо бросает нищим гривенник... Воспоминание не было неприятным, но у Бенкендорфа вне-

запно испортилось настроение. «Не ждал ли я, что найду вчерашний день?» — спросил он у себя, поняв, что никогда бóльше не будет ни бонны, ни гимназиста, ни покорных нищих.

В церкви, между тем, стало шумно. Солдаты громко разговаривали, смеялись. «Однако этот поп имеет наглость опаздывать!» — подумал майор и вышел на паперть. Площадь была пустынной. Вернувшись в церковь, Бенкендорф заглянул в алтарь. Заикаясь от страха, рыжеволосый, небритый дьякон сообщил, что отец Николай еще не приходил. Приказав солдатам никого не выпускать, майор сел в машину и велел шоферу ехать в комендатуру. У него мелькнула мысль, что священник ждет его там, чтобы согласовать текст проповеди... «Да, да, разумеется, это так и есть!» — успокаивал себя Бенкендорф. Он не допускал и мысли, что задуманный им спектакль может не состояться.

Возле комендатуры майор встретил Гребера. Лейтенант сидел на крыльце и развлекался чисткой ногтей. Увидев начальника, он слегка приподнялся и кивнул. Бенкендорфу показалось, что на его губах мелькнула торжествующая, издевательская усмешка. Заподозрив неладное, комендант отрывисто спросил:

— Скажите, Гребер, вам случайно не попадался этот священник? — Помимо воли, в голосе Бенкендорфа прозвучала чуть ли не просьба. Майор был готов примириться с лейтенантом, если бы тот сделал первый шаг. Но Гребер, прищурив глаза, медленно, смакуя каждое слово, ответил:

— Как же, господин майор! Я имел честь с ним встретиться сегодня! Этот негодяй, которому вы, кажется, покровительствуете, осмелился оскорбить немецкого офицера! Он поплатился за это!

— Что-о? — нахмурился Бенкендорф.

Гребер поднялся и подчеркнуто небрежным движением спрятал в карман маленький перочинный ножик, которым чистил ногти.

— Он не уступил мне дороги. Вы сами понимаете, господин майор, что я не мог оставить это безнаказанным. Я предложил ему пройти в комендатуру. Но по дороге мерзавец попытался скрыться. К счастью, ему не удалось...

— Значит, вы... — с трудом произнес Бенкендорф. — Вы...

— Я его пристрелил! — пожал плечами Гребер, злорадно глядя на коменданта. — Мне, право, жаль, что ваше

предприятие не состоится, но, разумеется, вы согласитесь, что я не мог поступить иначе...

Побагровев, Бенкендорф молчал. Эта скотина Гребер все-таки сумел ему отомстить! О священнике майор не думал. Наплевать ему было на какого-то там священника! Но лейтенант ухитрился поставить Бенкендорфа в такое положение, глупее которого ничего не придумаешь! Народ ждет в церкви, солдаты и офицеры оповещены о проповеди... Скандал!

— Неужели вы огорчены? — с прекрасно разыгранным удивлением осведомился Гребер.

Не ответив, фон Бенкендорф прошел мимо лейтенанта в комендатуру. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Но в последний момент он не сдержался и изо всей силы хлопнул дверью, так что со стены посыпалась штукатурка, а часовой испуганно обернулся.

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Обшарив весь завод, солдаты ушли. Наступила тишина. Но Анатолий Антипов, не доверяя ей, еще долго сидел неподвижно в своем убежище. Стиснув в руках немецкий автомат, он смотрел в крохотное окошко инструментальной кладовой, готовый при малейшей опасности снова спрятаться в узкую нишу за стеллажами, где скрывался вот уже несколько часов. Он вовремя вспомнил про эту нишу, когда, убив немецкого солдата и взяв автомат, услышал во дворе топот подкованных сапог. Еще в мирное время кладовщик Давыдов жаловался, что за стеллажами есть дырка, в которую проваливаются инструменты, да так, что потом их не достать — нужно ломать полку... Анатолий живо оторвал несколько досок и с трудом пролез в тесную нишу. Он отчетливо слышал немецкую речь, но не понимал ни слова, а когда солдаты рассыпались по цехам и стали обшаривать каждый уголок, Толя приготовил автомат и решил, что живым не сдастся и перед тем, как выпустить в себя последнюю пулю, постарается уложить десяток фашистов.

Но как же получилось, что Толя Антипов, твердо решивший уехать с последним эшелоном, остался в Любимове? Произошло это совершенно случайно, по нелепому

стечению обстоятельств. Анатолий руководил бригадой монтажников, которые снимали со стен провода, ломали оставшиеся механизмы и уничтожали те чертежи, которые не успели вывезти. Он работал без отдыха уже несколько суток, не спал и не обедал, подкрепляясь сухим хлебом, который таскал в кармане. Толя до того измучился, что в последний день ходил как бы в полусне и хотя по-прежнему отдавал распоряжения и сам лазил на стремянки и обрывал провода, но соображал уже очень плохо.

Когда колонна грузовиков выстроилась в заводском дворе, Анатолий присел на крыльцо заводоуправления, довольный, что работа, наконец, кончилась. Вдруг он вспомнил, что в техническом отделе остались еще папки с какими-то чертежами, и, с трудом оторвав тяжелое тело от ступенек, взобрался по железной лестнице на антресоли. Технический отдел был пуст, но Антипов твердо помнил, что где-то видел чертежи, и заглянул в заводское бюро рационализации. Он не был здесь давно, с того самого дня, когда заходил по поводу своего изобретения... Ему бросилась в глаза открытая дверца шкафа. Там виднелись синие картонные папки. Толя просунул руку, вытащил одну из них, раскрыл и вдруг узнал свой собственный неумелый эскиз. Присев на пол, он стал рассматривать чертеж, о котором уже успел позабыть.

В голове все время была мысль, что нельзя тут задерживаться, машины могут уйти; он хотел лишь на минутку присесть... Но едва тело коснулось пола, как Антипов уронил голову и уснул мертвым сном.

Очнулся он на рассвете от железного грохота, ворвавшегося в уши. Ничего не соображая спросонья, Толя выбежал во двор. По улице проходили немецкие танки. Он понял, что опоздал, и в бессильном гневе прикусил губы. У него не было сомнений в том, что и Шумов, и Лисицын, и вообще все, кого он знал, еще вчера уехали из Любимова. Как страшно было сознавать, что ты остался совсем один среди немцев! Толя еще не спрашивал себя, как будет жить в оккупации, и этот вопрос решился сам собой, когда в механическом цехе появился немецкий солдат. Толя притаился и машинально подобрал с пола тяжелую шестерню от сломанного зубофрезерного станка. В руках у немца поблескивал автомат. «Мне бы такой!» — мелькнуло у Толи. Он прижался к стене и стал ждать, когда немец подойдет. До последнего мгновенья юноша не знал, что сде-

лает; убивать солдата, во всяком случае, он не собирался. Это произошло как-то помимо его воли. Немец остановился в двух шагах от Антипова, услышал дыхание или шорох, быстро повернул голову и взглянул ему прямо в глаза. Лицо солдата стало испуганным. Он сорвал с плеча ремень, но Антипов уже ударил его шестерней в переносицу, услышал, как что-то хрустнуло под рукой, а затем, когда фашист упал, вынул у него из руки теплый автомат... Толя сразу почувствовал себя увереннее и понял, что он ведь находится дома, а значит, не должен бояться. Пусть страшатся те, кто пришел сюда, не спросив хозяина!..

Когда наступила ночь, Толя снова забрался на антресоли, лег на стол в отделе рационализации, но уснуть не мог. Автомат поблескивал на полу.

С оружием было куда спокойнее! Но разве автомат годится только для того, чтобы охранять свое существование? Конечно, нет!.. Каждый вооруженный русский человек должен быть солдатом! Теперь перед Анатолием стоит одна задача: убивать немцев! Вот в чем отныне заключается смысл жизни!.. Чтобы делать это успешно, нужно прежде всего решить вопрос: где ночевать, как доставать пищу? Поразмыслив, Анатолий пришел к выводу, что ночевать можно на заводе. Здесь легко найти безопасное убежище... Что касается пищи, то Антипов особенно не заботился о ней, уверенный, что с голоду уж как-нибудь не умрет!..

Он мечтал, закрыв глаза, о том, как через несколько дней по городу поползут слухи о таинственном, неуловимом партизане, который по ночам убивает немецких офицеров, поджигает склады. Фашисты уже объявили награду за его голову, но человек этот неуловим!.. Слух о нем дойдет и до коммунистов, подпольщиков. Не может быть, чтобы никто не остался в городе для подпольной работы!.. И тогда Анатолия разыщут и скажут: «Так вот кто этот таинственный народный мститель! Ну что ж, Антипов, ты оправдал доверие. Будь же членом организации и выполняй отныне наши задания!»

...В полночь он спустился вниз и черной тенью промелькнул по двору. Толя не знал о том, какая обстановка в городе. Спрятав автомат под телогрейку, он решил пойти на разведку и, если обстоятельства сложатся благоприятно, застрелить какого-нибудь фашиста. Кроме того, Антипов

надеялся добыть немного еды... Он так хотел есть, что кружилась голова!..

Прилегающие к заводу улицы были пустынны. Дома стояли запертые. Толя, прижимаясь к стенам и заборам, направился к центру. По пути он видел солдат, патрулировавших по городу, но успевал прятаться в подъездах и подворотнях... На площади он долго с любопытством и презрением разглядывал при свете луны флаг, висевший у входа в комендатуру. Ночью тот казался густочерным, каким фашистскому флагу по-настоящему и полагалось быть...

У подъезда сгрудилось множество машин. Ах, как Антипов пожалел, что у него нет гранаты!.. Вдруг сзади раздались шаги, и Толя замер. Это был немецкий патруль. Солдаты прошли так близко, что один задел Толю плащом. Когда шаги стихли, он перевел дыхание и вытер с лица обильный пот. «Так можно и влипнуть!» — подумал Антипов, решив, что нынче ночью больше не станет лезть на рожон, ибо не знает обстановки в городе. Он лучше сейчас пойдет на какую-нибудь пустынную улицу, постучит в дом и попросит хлеба.

Толя так и сделал. Прежде ему редко приходилось бывать на окраине, у городского парка. Миновав длинный забор, он очутился в узком переулке, где между камнями даже теперь, в ноябре, пробивалась густая трава, а стены домов обросли пожелтевшим плющом. Антипов осторожно постучал в первую попавшуюся дверь. Послышались быстрые шаги. Женский голос испуганно спросил:

— Кто там?

— Дайте хлеба! — вполголоса попросил Анатолий и, так как ответа не услышал, тихо повторил: — Пожалуйста, дайте немножко хлеба!

Дверь приоткрылась. После долгой паузы раздалось угрюмое:

— Проходи!

Толя не допускал даже мысли, что ему могут отказать и теперь от изумления и обиды потерял дар речи. Лязгнула щеколда, Антипов отошел прочь, бормоча больше с недоумением, чем со злостью: «Ты смотри, пожалуйста, какие гады есть!..»

Это был первый наглядный урок, полученный им в оккупированном городе. Он понял, что теперь уже нельзя с одной меркой подходить ко всем людям, опасно в каж-

дом видеть друга, потому что всплыли на поверхность все те, кто при Советской власти отлеживались глубоко в тине, притворялись... Сейчас они сбросили маску, показав волчье лицо собственника и стяжателя...

В эту ночь он больше не решился бродить по городу и отправился на завод, где забрался в свой уголок.

На другой день Толя едва дождался вечера. Так мучил голод, что желудок сводило судорогой, а в рот набегала сладкая слюна. Выскользнув за ворота, Антипов побрел по улице. Теперь он был менее осторожен, чем вчера. Голод притупил бдительность и прибавил смелости...

В школе разместилась немецкая пехотная часть. Окна, несмотря на холод, были открыты. Слышались звуки губных гармоник, чужая речь. Во дворе стояла походная кухня с дымящейся трубой. Полный немец в белом фартуке и поварском колпаке хлопотал возле чугунного котла. Приподняв крышку, он сыпал туда крупу. На ящике лежали связки колбас, желтый квадратный кусок масла и надорванный бумажный пакет с мукой. Забор, окружавший школу, был сломан. Кусты вырублены.

Выглянув из-за угла, Анатолий не мог глаз оторвать от колбасы. Казалось, он даже ощущает на языке специфический пряный вкус.

Толя хорошо понимал, что попытка стащить у повара продукты обречена на неудачу, потому что окна открыты и стоит выйти из-за угла, как сбегутся солдаты. Но голод был сильнее здравого смысла. К тому же повар вдруг ушел со двора. На улице не было ни души. Продукты остались без присмотра. Они были так заманчиво-близки!.. Дрожа от страха и голода, Толя тремя прыжками достиг ящика, схватил колбасу, сунул за пазуху и бросился бежать. Но не успел свернуть за угол, как услышал удивленный голос:

— Хальт! Вохин, вохин? Штей ауф!..

Не оглядываясь, Толя стрелой промчался по переулку. Он слышал за спиной приближающийся топот. Раздался выстрел. Словно горячий ветер обжег плечо. Антипов перелез через забор, увидел на крыльце женщину, которая поспешно скрылась в доме, не задерживаясь, перепрыгнул через невысокий, обмазанный глиной плетень и, скользя по мокрой траве, покатился по откосу к реке. На берегу он оглянулся. Повар и еще два немца, крича и стреляя из автоматов, перелезали через плетень.

Толя бросился в воду и поплыл. Он вспомнил о том,

что у него тоже есть оружие, только тогда, когда тяжелый автомат потянул на дно. Набрав в грудь побольше воздуха, юноша нырнул, под водой стащил телогрейку и сорвал с шеи автомат. Как только он, широко открыв рот и судорожно хватая воздух, показался на поверхности, послышались выстрелы, и маленькие фонтанчики вспенили воду.

Анатолий был отличным пловцом и ныряльщиком. Это его спасло. Он долго плыл под водой с открытыми глазами, пока не заметил колеблющиеся нити водорослей и понял, что находится у берега, заросшего камышом. Осторожно высунув голову из воды, Антипов увидел, что немцы бегают возле реки, что-то сердито крича. «Потеряли!» — подумал парень. Он немножко отдохнул и стал осторожно пробираться между камышами. Оказавшись на твердой земле, Толя отполз немного в сторону леса и здесь в изнеможении прилег на мокрую, холодную траву.

Ему хотелось заплакать от досады. Что он наделал! Из-за какой-то колбасы, которая, кстати, осталась на берегу, потерять с трудом добытый автомат, навлечь на себя погоню и остаться без одежды и обуви в такое время, когда негде их достать! А главное — легкомысленным, мальчишеским поступком он доказал, что не способен быть настоящим партизаном!

Антипов лежал долго, замерз и посинел, но не двигался с места. Вдруг где-то близко послышался настойчивый собачий лай. Привстав, Толя увидел цепочку немцев, которые вброд переходили реку, держа на поводках беснующихся, захлебывающихся от лая овчарок. Похолодев, Антипов вскочил и помчался дальше в лес. Он хорошо знал, как трудно, почти невозможно сбить со следа немецкую овчарку, и понял, что, уставший, безоружный, наверняка будет пойман, если его не спасет какое-нибудь чудо. Но в чудеса Анатолий не верил и упал духом.

Он продирался сквозь чащу без цели, без направления, лицо его было до крови рассечено колючками, одежда давно превратилась в бесформенные лохмотья. Собачий лай, который сперва отдалился, теперь приближался с каждой минутой.

Антипов, задыхаясь, остановился и огляделся. Он забрел в непроходимую глушь. Под толстым поваленным деревом виднелось черное круглое отверстие, со всех сторон окруженное желтыми опавшими листьями. Казалось, кто-то нарочно подгреб их. Соседние стволы были обо-

драны. На коре виднелись длинные, глубокие царапины.

«Медвежья берлога!» — понял Анатолий. Он не был охотником, но знал, что в это время года медведи впадают в спячку. И вдруг мелькнула мысль, которую он сперва отбросил, как нереальную, но затем она показалась ему вполне выполнимой. Да, пожалуй, это как раз и была та счастливая случайность, которая могла его спасти! «Надо чем-нибудь отвлечь от себя собак!» — подумал Толя. Он отломил от ближайшего дерева толстый длинный сук. Затем сунул его глубоко в берлогу. Сук наткнулся на что-то мягкое. Послышалось недовольное ворчание. Толя изо всех сил заворочал палкой, как рычагом. Из-под земли раздался грозный рев потревоженного зверя. Антипов спрятался за деревом и смотрел, как из берлоги, с хрустом и рычанием, медленно вылезает огромный жирный зверь с маленькими сонными глазками и лоснящимся рыжим мехом. Собаки были уже близко. Их лай слышался почти рядом. Антипов в последний раз взглянул на разъяренного медведя, который, сам того не ведая, должен был спасти его от смерти ценою собственной шкуры, и бросился через кусты в сторону от берлоги.

Через несколько минут лай перешел в страстный, захлебывающийся визг. Толя понял, что овчарки набросились на зверя, и человеческий след перестал их интересовать... Всю ночь он отлеживался в лесу.

Простуженный и измученный, Антипов под утро вернулся в Любимово. Юноша крался по городу в рваной одежде, босой, боясь наткнуться на немцев.

Но на улицах еще не было ни души. Оборванный, с обросшим, похудевшим лицом, Толя, несомненно, был бы задержан первым же солдатом, но ему повезло. Он очутился перед домом Хатимовых.

Этот знакомый дом произвел на него странное впечатление. Жизнь чудовищно переменилась, а дом остался прежним, стоит, как ни в чем не бывало! Так же поблескивает на утреннем солнце крыша, белеет подметенное крыльцо, в окнах виднеются занавески...

Антипов в нерешительности остановился у калитки. Здесь всего лишь три дня тому назад жила Зина! Сколько раз он ходил по этой тропинке, поднимался по ступеням на крыльцо!.. Толя внезапно заметил, что на двери нет замка, а ставни распахнуты. Значит, в доме живут. Ему почему-то не пришло в голову, что его вместо Зины могут встретить

немцы! Ведь он же обещал Зине ждать за рекой! Как же можно было об этом забыть? Девушки, наверно, целый час искали его, а он тем временем спал!.. Что, если они не решились пуститься в путь одни?..

Толя открыл калитку. Он хотел постучать в дверь, но случайно бросил взгляд на открытое окно. Ветер отогнул занавеску, и Антипов заметил стул, а на спинке стула серо-зеленый немецкий мундир с серебряными офицерскими погонами. Сердце упало. Он спрыгнул с крыльца и, втянув голову в плечи, ожидая, что его окликнут, медленно направился к калитке. И когда действительно чей-то голос произнес его имя, он не поверил ушам. Но снова услышал громкий шепот:

— Толька!

Антипов оглянулся, но двор был пуст.

— Антипов! — раздалось снова. Голос доносился из сарая. Дощатая дверь была приоткрыта, и в черной щели виднелось чье-то белое, круглое лицо. Это была Зина! С минуту Толя стоял на тропинке, не в силах пошевелиться, затем с радостным криком бросился к девушке. Он протиснулся в узкую дверь, ничего не видя в полумраке, нащупал горячие плечи и обнял подругу.

— Пусти! — смущенно сказала Зина и вырвалась. Толя опустил руки. Его глаза привыкли к темноте. Он увидел, что в сарае, кроме Зины, еще есть люди. Узнав Шуру и Тоню, юноша шагнул к ним, но тут услышал знакомый голос, шепнувший прямо в ухо:

— Почему же ты не здороваешься?

Толька остолбенел. Перед ним стояли Женька и Алексей. Шумов сдержанно и радостно улыбался. Солнечные лучи, падая сквозь щели, украсили его одежду золотыми полосками...

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Целеустремленность и способность не отвлекаться от намеченного дела — эти качества, которые приходят к людям вместе с возрастом и опытом, были свойственны Алексею Шумову уже в юности. Он никогда не мечтал просто так, для того, чтобы только дать волю воображению. Мечты были реальны, осуществимы и по мере того, как он подрастал, становились жизненной программой. Поэтому, когда

началась война, он сразу и твердо решил, что обязательно примет в ней участие. И сразу отступили все мелкие, повседневные заботы. Как постоянно и непреодолимо тянется железо к магниту, так рвался Алеша к цели, которая заключалась в том, чтобы пойти на фронт и сражаться с фашистами!

Он не был обескуражен приемом, оказанным в военкомате. Лишь сказал себе: «А ты думал, будет легко? Нет, трудно! Тебе не верят. Надо, чтобы поверили. Существует много разных путей, в конце концов я добьюсь своего!» И если бы Золотарев заговорил с Алешкой таким же тоном, как военком Киселев, то Шумов и тут не упал бы духом, а постарался найти другой путь, ведущий к той же цели!.. Такой уж был у него характер!

...Но Золотареву Алешка Шумов сразу понравился. Это можно было определить по тому, как ласково заблестели глаза у Юрия Александровича, когда Шумов вошел в кабинет секретаря горкома комсомола. Золотарев, как человек по роду своей работы умеющий разбираться в людях, после пяти минут разговора понял, что перед ним не фантазер, а человек, хорошо знающий, что ему нужно. И поэтому он не стал прощупывать Алешкино настроение, как хотел сделать вначале, а коротко и деловито объяснил:

— Я мог бы взять тебя в лес, потому что вижу, что ты физически закален и умеешь обращаться с оружием. Но я хочу тебе поручить более важное и ответственное дело. Нам нужны люди, которые, не возбуждая подозрения у немцев, могли бы в течение длительного времени заниматься сбором разведывательных данных и извещать нас об обстановке в городе. Они, разумеется, должны быть хорошо организованы и связаны железной дисциплиной. И, конечно, ими могут быть только очень смелые, преданные Родине и не боящиеся смерти и пыток товарищи! Так вот, Шумов, мог бы ты найти таких отважных советских патриотов и создать в Любимове надежную комсомольско-молодежную группу? С ответом не спеши. Может быть, у тебя есть вопросы?

Алешка промолчал, взволнованный; он с самого начала верил, что рано или поздно добьется своего, но не предполагал, что это случится так скоро! Когда настала решительная минута, он вдруг испугался, что не справится с таким огромным делом. Ведь ему едва исполнилось семнадцать!

Алешка честно поделился своими сомнениями с Золотаревым. Тот пытливо взглянул на парня и ответил:

— Значит, ты понимаешь, что предстоит не интересная военная игра, а тяжелая и сложная работа, за которую вы все можете поплатиться жизнью. Я вижу, ты именно такой парень, какой нам нужен! Прощай, мы еще не раз встретимся.

И они действительно часто встречались до самого последнего дня. Второго ноября тысяча девятьсот сорок первого года Золотарев в чужой одежде и с чужими документами ночью пришел к Алешке и вызвал его из сарая, где тот по обыкновению спал.

— Надеюсь, ты запомнил все, чему я тебя научил за эти два месяца? — спросил Юрий Александрович. — Теперь тебе знакомо устройство русских и немецких мин, известно, как рисовать карты, писать шифром донесения, словом, немного разбираешься в методах конспиративной работы. Но понял ли ты, что сам ни в коем случае не должен подвергать риску свою жизнь, потому что твой арест будет означать провал организации? Как бы тяжело ни было, как бы ни хотелось расправиться с фашистом, который оскорбил, может быть, даже ударил тебя, ты обязан сдержаться, и в этой выдержке будет заключаться твой героизм!

— Я понял! — тихо ответил Алешка. — Как только войдут немцы, я выясню, кто из комсомольцев остался в Любимове, и поговорю с ними. Через неделю у вас будет список подпольной группы...

— Добре! — Золотарев достал из кармана и торжественно вручил Шумову новенький пистолет ТТ. — Держи! Да спрячь пока подальше. Все помнишь, о чем мы договорились? По субботам возле Сукремльского оврага тебя будет ждать связной. Пароль: «Машка! Куда ты провалилась, проклятая коза!» Отзыв: «Не там ищешь, сынок, в лесу поищи!» Запомни как следует, если хоть одно слово переврешь, связной не откликнется, будешь зря блуждать по лесу.

— Я запомнил! — ответил Шумов.

— Ну, прощай, брат! — кашлянул Золотарев и, обняв, поцеловал Алешу по-русски, в губы. — Желаю успеха.

— До свиданья, Юрий Александрович! — вздохнул Алешка. — Прямо не знаю я, что родителям сказать. Завтра эвакуируются они...

— Тяжело расставаться! — согласился Золотарев. — И говорить им ничего нельзя. Сам должен понимать...

— Понять-то нетрудно... — не договорив, умолк расстроенный Шумов. Еще раз пожав друг другу руки, они расстались.

Вернувшись в дом, Алешка услышал, как Семен Иванович озабоченно шепчет матери:

— Вот не вовремя угораздило бабушку с родней прощаться! Ведь я ее предупреждал, что с минуты на минуту можем уехать! Где ее теперь искать? И, главное, когда?

В этот момент и родился у Алешки план, который на другой день был осуществлен. Он вызвался сбегать за Елизаветой Ивановной в деревню. Не слушая неуверенных возражений отца, Алеша наскоро поцеловал его в щеку, обнял и поцеловал мать и выбежал за калитку. Ему очень хотелось прильнуть к матери, прижаться к отцу, но он боялся, что родители, зная его обычную сдержанность, при виде неожиданной вспышки чувств заподозрят неладное да еще не пустят... А по дороге он так расстроился, что чуть было не вернулся. Представилось, как тихо и горестно заплачет мама, когда эшелон двинется в путь и она поймет, что сын остался у немцев. Алеша словно наяву увидел расстроенное лицо отца; он-то, конечно, не усидит в эшелоне, побежит искать Алешку, еще, пожалуй, и сам опоздает!.. И юноша остро почувствовал, как в сущности несправедливо поступил, скрыв все от родных. Разве отец и мать не поняли бы его? Он не только причинил им горе, но незаслуженно, тяжело обидел!

Алеша остановился на дороге и заплакал. Это был единственный случай, когда он не удержался и заплакал, а позже, даже в самые тяжелые и мучительные минуты, его глаза были сухими.

До деревни Андроновки Шумов добрался уже в сумерки и разыскал бабушку, которая, оказывается, разболелась и оттого не вернулась вовремя. Когда Алешка сообщил об отъезде отца и матери, Елизавета Ивановна разволновалась.

— Да как же это я! — тревожно заговорила она, делая попытку встать с полатей, на которые ее уложили заботливые родственники. — Выходит, ты из-за меня, старухи, остался? Ступай, Алешенька, ступай на станцию, авось застанешь эшелон-то... Ведь отец с матерью слезами изойдут, а еще, не дай бог, и сами не поедут, вот тогда и рас-

правятся с нами фашисты! Семен-то мой еще с восемнадцатого года немцам хорошо известный!..

— Нет, бача, что ты! — притворился рассерженным Алешка, которому было совестно перед бабушкой за невольную ложь. — Я же специально за тобой пришел! Как же я тебя одну оставлю да еще больную? Нет, уж раз так получилось, мы вместе как-нибудь!..

На другой день Елизавета Ивановна через силу встала, и они медленно побрели в город. По дороге встретили крестьян, которые сообщили, что в Любимове уже немцы. Бабушка, охнув, опустилась на обочину и заплакала скупыми старческими слезами. Ей все-таки до последнего дня не верилось, что город отдадут.

— Куда же мы теперь-то? — вытерев глаза, спросила она.

Алешка деловито достал из кармана комсомольский билет, завернул в носовой платок и сказал:

— Вот что, бача! Спрячь это пока. Тебя-то обыскивать не будут, а я личность для немцев подозрительная. И пойдем домой. Если незваные гости не выгонят, будем жить. А если выгонят, в сарай переберемся и тоже не пропадем! Ничего не бойся, бача, все будет хорошо!

Елизавета Ивановна встала, внимательно глядя на внука, будто видя в первый раз. Ее глаза посветлели, в них мелькнуло одобрение:

— Ну что ж! Только чем заниматься будешь? Работать на немцев пойдешь?

— А это мы посмотрим! — неопределенно ответил Алешка.

До города дошли незаметно, даже не устали. Елизавета Ивановна приободрилась. Она с интересом поглядывала на внука, за несколько часов как будто осунувшегося и повзрослевшего. Должно быть, она узнавала в Алешке те черты, которые так дороги ей были в покойном Иване Кондратьевиче. Вспомнились Елизавете Ивановне дни, когда вместе с Ваней она пряталась от царских жандармов, жила в постоянном страхе перед арестом, но не падала духом, а была настоящей помощницей мужу. Четверть века пролетело. Теперь, может быть, снова потребуется ее помощь, на этот раз внуку!.. Елизавета Ивановна была женой и матерью рабочего, и, как настоящая жена и мать, она сразу же забыла о своей собственной немощи, едва только

узнала, что может еще пригодиться молодому и неопытному.

В доме были немцы. Алешка и Елизавета Ивановна поняли это, даже не входя во двор. Кусты были вырублены, забор сломан, стекла выбиты. На крыльце валялись несколько пар сапог. Слышались громкие голоса и смех.

Шумов решительно открыл калитку и подошел к дому. Из окна выглянул белобрысый немец в пилотке и расстегнутом мундире, из-под которого виднелся ворот грязной рубахи. Увидев Лешу, он что-то крикнул, скрылся и тут же появился на крыльце. Алексей не понял, что нужно немцу. Солдат протягивал грязный сапог и щетку. Тогда Шумов догадался: ему приказывают почистить сапоги! Вспыхнув, юноша приготовился сказать что-то резкое, но тут подбежала бабушка, выхватила у немца сапог и, приговаривая: «Да уж ладно, будешь доволен!» — сердито кивнула внуку. Алешка понял, что должен уйти, но был не в состоянии оставить бабушку. Он боялся за нее.

— Иди же! — прошептала с досадой Елизавета Ивановна. — Не стой столбом! Возьми в комнатах наши вещи, отнеси в кухню. Там и жить будем. С немчурой не разговаривай! — Все это бабушка произнесла скороговоркой, не переставая усердно водить щеткой по сапогу. Солдат одобрительно похлопал ее по плечу и, не обратив внимания на Лешу, вернулся в дом. Удивленный твердым бабушкиным тоном и понимая, что в решительную минуту старуха оказалась более находчивой и мудрой, чем он, Алешка покорно вошел в комнату и, не поднимая глаз, направился к шкафу.

В горнице сидели и лежали немецкие солдаты, все пожилые, в одних рубашках. Выглядели немцы совсем не воинственно. На стену уже успели прибить широкую деревянную полку. Шумов увидел там груду сапожных инструментов: железные лапы, молотки, кучу гвоздей. Под столом виднелась гора рваной обуви. Алешка решил, что в доме поселились сапожники и, должно быть, устроят здесь свою мастерскую. Как позже выяснилось, он не ошибся.

Дверца гардероба была взломана, ценные вещи взяты. Копаясь в скомканной одежде, Алеша чувствовал, что солдаты на него смотрят. Только бы не задели, не оскорбили!.. Он так их презирал и ненавидел, что мог бы не сдержаться и ответить дерзостью... Но обошлось! Немцы разговаривали, курили и как будто не замечали Алешку. Только когда выходил, его остановил пожилой, лысый сол-

дат, босиком стоявший на полу, и, тыча коротким пальцем в лицо, настойчиво произнес:

— Хир комен нихт! Ферштеен?

Шумов изучал в школе немецкий язык и понял, что ему запрещают входить в комнату, где живут солдаты.

— Ладно! — отвернувшись, пробормотал он. Алешка сумел бы ответить по-немецки, но ему были отвратительны звуки этого языка, а позже решил нарочно не показывать вида, что кое-что понимает...

С чемоданом он вошел в кухню, сел на скамейку и вскочил, вспомнив, что в кармане лежит пистолет, подаренный Золотаревым. Штаны отдувались пузырем. Алешка похолодел, сообразив, что немцы могли заметить и обыскать его. Подумать только, что, ничего не успев сделать, мог бы провалиться!..

— Я сейчас вернусь! — бросил он Елизавете Ивановне и выскочил на крыльцо. Бабушка промолчала, но по ее взгляду Шумов понял, что он сейчас не должен никуда уходить, потому что бабушка боится оставаться одна...

— Я быстро! — повторил Алешка.

Он прошел по улице несколько шагов и остановился, не зная, где спрятать оружие. Вдруг вспомнил о погребе, вырытом во дворе у Женьки Лисицына. Этим погребом давным-давно никто не пользовался. Летом ребята любили забираться туда и лежать в прохладе или часами играть в шахматы. Снаружи погреб трудно было заметить, он совсем сравнялся с землей. Алешка огородами пробрался к двору Лисицына. Сквозь кусты рассмотрел знакомый дом. Там пока, очевидно, никто не жил. Ставни были закрыты, на двери висел замок.

Осторожно, стараясь не звякнуть, Шумов поднял чугунный люк и спрыгнул вниз. В погребе было темно и холодно. Он постоял, пока не привык к темноте, затем достал пистолет. Прежде чем закопать его в землю, он огляделся и чуть не вскрикнул. В углу на топчане виднелась человеческая фигура. Человек спал, закутав голову курткой. Длинные ноги, обутые в огромные, заляпанные грязью башмаки, свисали с топчана. Шумов был в нерешительности. Хотелось получше рассмотреть спящего, но разум подсказывал, что надо, пока не поздно, бежать. Победило любопытство. Успокаивая себя тем, что незнакомец не может быть немцем, немец нашел бы для спанья место поудобнее, Алешка спрятал за спину пистолет и на цыпочках подошел

к кровати. Приподняв с лица спящего куртку, он изумленно отступил:

— Женька!

Куртка упала на пол. Лисицын вскочил, стукнулся головой о потолок и, застонав, торопливо и неловко надел на нос очки.

— Женька! — громко повторил Шумов. — Как ты здесь очутился? Вы же уехали!..

— Алешка! — сонно протянул Женя. — Это ты... А я тебя искал...

Окончательно проснувшись, он схватил Шумова за плечи.

— Алешка! Живой! Я думал, ты мне снишься!.. Ты не сердишься? Слушай, я теперь знаю, что разговаривал тогда по-свински! Но и ты тоже хорош! Я-то вот, небось, не поехал без тебя, а ты остался и мне ничего не сказал!.. Но все это неважно!

— Конечно, неважно, — радостно тискал его Алексей. — Чудак, я о тебе все время думал, но предупредить не мог. Не имел права. А сейчас другое дело! Сейчас-то мы с тобой... Но об этом после! Ты, наверно, голодный? А где твой отец?

Они пробыли в подвале целый час. Шумов рассказал о встрече с Золотаревым и о полученном задании. Он ничего не утаил, доверяя Жене, как самому себе. Алеша был счастлив, что встретился, наконец, с товарищем, без которого все время очень скучал. Женька слушал Шумова с восхищением и уважением. Друг сразу вырос в его глазах. Они условились, что разделят город на участки и в ближайшие дни выяснят, кто из комсомольцев остался. Решили действовать самостоятельно, но на другое утро, едва наметился рассвет, Лисицын уже вполз на животе в сарай, где спал Алешка.

— Давай лучше вместе! — сказал он. — Я все-таки еще не освоился и боюсь наделать глупостей.

Он хитрил. Просто Женьке показалось скучным одному бродить по городу. Ему не хотелось расставаться с Алешкой. Тот понял, в чем дело, но не стал спорить:

— Ну что ж, вместе так вместе! Это даже лучше!

Едва вышли из дому, как встретили знакомого старика, жившего рядом с Хатимовыми, и узнали, что сестры, оказывается, не уехали и что нынче рано утром из их дома доносились крики и плач. Женька и Алеша молча перегля-

нулись и побежали к Хатимовым. У калитки остановились. Женя схватил Шумова за руку.

На крыльце стоял рослый молодой немец в расстегнутом кителе и кричал, выкатив глаза. Посреди двора валялись узлы, одеяла, подушки, какие-то кастрюли и прочий домашний скарб. На чемодане сидела Вера Петровна. Ребята узнали ее не сразу, потому что она была в грязной, рваной телогрейке и длинной, до пят, ночной рубашке. Половина головы была неумело и неровно выстрижена ножницами, клочья волос нелепо торчали, а с другой стороны волосы спутались и падали на лицо.

Шура с опухшими, красными глазами, в старом и тесном ситцевом платье, босая и непричесанная, обнимала Веру Петровну за плечи и успокаивала ее, не сводя глаз с Зины и немца. Младшая сестра, стиснув кулаки, с отчаянным видом наступала на фашиста. Казалось, еще минута, и девушка вцепится в него. Тоня пыталась ее оттолкнуть в сторону, тянула за руку, убеждала, но на Зину это не действовало. Все кричали одновременно, ничего нельзя было понять. Вдруг немец, побагровев, вошел в дом. Хлопнула дверь. Через секунду он появился с автоматом и решительно направил его на Зину. Шура, закрыв лицо руками, пронзительно вскрикнула, и сразу во дворе наступила мертвая тишина. В этой тишине раздался отчетливый голос Зины:

— Стреляй, фашист. Я тебя не боюсь! Ты какое имеешь право над больной женщиной издеваться!

— Замолчи, Зина! — умоляюще крикнула Тоня, схватив ее за плечо, и прибавила по-немецки, обращаясь к солдату: — Не трогайте ее, пожалуйста, вы же видите, она сама не знает, что говорит!

— Неправда! — закричала Зина. — Ты еще перед ним пресмыкаешься! Пусть он стреляет! Пусть, пусть!!! — Она вдруг упала в траву и громко зарыдала. Солдат в раздумье водил по воздуху автоматом, словно борясь с желанием выстрелить.

— Он сейчас ее убьет! — шепнул Женька. — У тебя же есть пистолет! Чего ты смотришь! Стреляй!

— Нельзя! — сдавленно ответил Шумов.

Женя дернул калитку. Но Алешка преградил ему путь и охрипшим голосом повторил:

— Нельзя!

Взглянув на его побледневшее лицо, Лисицын испуганно отступил.

Немец тем временем отрывисто и угрожающе произнес несколько фраз и скрылся. Шумов перевел дыхание и сел на деревянный тротуар. У него дрожали руки. Женька опустился рядом. Мимо, не обратив на них внимания, протопали трое смеющихся, запыленных солдат.

Тоня увела Зину в сарай. Шура помогла встать попрежнему молчаливой и безучастной Вере Петровне. Через несколько минут Шура вернулась, подобрала узлы и закрыла дверь сарая. Двор опустел. Только кастрюли попрежнему поблескивали в траве. Через несколько минут на крыльцо вышел немецкий офицер в щеголеватом мундире. Широко расставляя длинные ноги, он проплыл мимо Алешки и Жени, не взглянув на них, будто они были грязью под его сапогами, и четко, как автомат, зашагал по середине улицы. Ребята отбежали в сторону.

— Пойдем к ним! — возбужденно сказал Женька. — Сейчас же пойдем! Может, помощь нужна.

— Сейчас нельзя! — помедлив, ответил Шумов. — Днем опасно. Сейчас мы будем заниматься тем, что наметили, а к Хатимовым зайдем ночью.

...В полночь они, как тени, проскользнули по двору и ползком проникли в сарай. Девушки не спали. Узнав Алешку и Женю, сестры заплакали и принялись их целовать. Ребята смущенно бормотали:

— Да ладно, хватит вам!..

Тоня сидела рядом с матерью и хмуро смотрела на эту сцену. Она как будто не обрадовалась.

Алешка коротко рассказал девушкам о том, что происходит в городе.

В первый же день было арестовано около ста человек, половина расстреляна, остальные сидят в тюрьме. Там, где прежде было отделение милиции, теперь находится полиция. Уже расхаживают русские полицаи с повязками на рукавах, в немецкой форме. На стенах расклеен приказ коменданта. В нем сказано, что жителям запрещается выходить после наступления темноты на улицу, хранить оружие, помогать партизанам, вступать в пререкания с немецкими солдатами, слушать радио и забивать без особого на то разрешения домашний скот и птицу. Всего в приказе двадцать шесть пунктов, и после каждого примечание: «За невыполнение — расстрел!»

— Проклятые! — страстно сказала Зина, когда Шумов умолк. — Как я их ненавижу! Они уничтожили все! А как мы жили, ребята, вы помните? Мне даже странно, что мы могли быть чем-то недовольны, кого-то критиковать... Про директора клуба заметку в газету написали, за то что кинокартины редко привозил. Председателя горсовета ругали, дескать, улицы не подметаются... Ребята! Милые! Если бы вы знали, как я поняла сейчас все!.. И наша Советская власть... Да ведь без нее жить невозможно. Ведь задохнутся же все люди!.. — Всхлипнув, Зина обняла Шуру.

Успокоившись, она спросила:

— Ну, а вы? Вы-то как же? А Толю вы не встречали?

Они заговорили громким шепотом, сев на топчан и по очереди выглядывая в полуоткрытую дверь. Вера Петровна лежала ничком, ее тело было таким неподвижным, что Тоня время от времени испуганно наклонялась и заглядывала ей в лицо.

— Ну, теперь вы все знаете! — сказал Алешка. — Сами видите, что фашисты всех советских людей задумали уничтожить! Это объяснять не нужно. Что же вы решили?

— Ты еще спрашиваешь! — зло ответила Зина. — Убивать их, гадов, нужно на каждом шагу! Пистолет бы только достать! И достану!.. В конце концов они, наверно, меня поймают!.. И пусть! Чем скорее, тем лучше! Разве это жизнь? — Она махнула рукой и посмотрела на Шуру. — Ты молчишь? Может, думаешь, лучше сидеть за печкой и дрожать?

Тут неожиданно вмешалась Тоня. Она встала, высокая и стройная, совсем уже взрослая девушка, и по ее манерам, по голосу и всему облику было видно, что Тоня старше всех, находящихся здесь, и гораздо опытнее.

— Зачем так много слов! — сдержанно сказала она. — Я вижу, что ты, Алешка, кое с кем связан. Я тебя не расспрашиваю, и ты ничего не объясняй, скажи только, что нужно делать? Если знаешь, то скажи! Потому что сидеть без дела в такое время и ничем не помогать Красной Армии — это самое настоящее преступление! — Она посмотрела на Зину и осуждающе продолжала: — Мне кажется, что первое условие успешной борьбы с фашистами — это выдержка! Нужно не выказывать своих чувств. А некоторые лезут буквально на рожон, подводя этим не только себя, но и окружающих. Такие вещи не должны повто-

ряться! И, наконец, скажи мне, Алеша, где мы возьмем оружие?

— Оружие будет! — ответил Шумов, которому очень понравилась хладнокровная и деловитая Тоня. — Будут и мины, и пистолеты, и автоматы!

Город спал чутко, тревожно. По мостовой громыхали сапоги немецких патрульных, слышались выстрелы, в соседнем доме звенели бутылки, там немцы нестройно пели хором, а в деревянном сарайчике несколько юношей и девушек сидели, тесно прижавшись друг к другу, и вполголоса говорили о том, как пробраться в полицию, комендатуру, на завод, как добывать сведения, нужные партизанам, и негромкие голоса звучали так уверенно, будто настоящими хозяевами города были они, а не те, кто пировал за стеной и разгуливал по улицам!..

Обыденно и спокойно, словно речь шла о привычных вещах, они обсуждали возможность провала и то, как их будут допрашивать и пытать. Каждый на минутку примолк и, заглянув к себе в душу, спросил себя, хватит ли сил выдержать до конца...

— Я знаю, что я трусиха! — простодушно и искренне сказала Шура. — Пыток и смерти я очень, очень боюсь!.. Но, конечно, не скажу им ни слова! — Голос ее дрогнул.

Посмотрев на нее в полумраке, Алеша ясно почувствовал, что действительно эта скромная и милая девушка никогда никого не выдаст и если ей будет суждено умереть, то умрет так же чисто и честно, как прожила свою короткую жизнь!.. Он испытал нежность к ней, захотелось провести рукой по Шуриным мягким волосам, но Шумов, сделав усилие, прогнал эти мысли, так как считал, что во время войны люди должны забыть о любви и воспитывать в себе только ненависть!

Рассвело, и тут Зина, выглядывавшая в полуоткрытую дверь, вдруг. пронзительно закричала, испугав всех:

— Толя!

...Теперь они были все вместе. Нет, их столкнула не слепая судьба, которая иногда любит устраивать вот такие чудесные совпадения. Эта встреча была закономерна. Они не могли не сойтись вместе, оказавшись среди врагов. Так, в грязном песке, взятом со дна реки, при промывке находят друг друга крупинки золота...

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Проводив отца в церковь, Лида вернулась домой и заперлась на ключ. Ей было страшно, она то и дело подбегала к окну и из-за занавески выглядывала на улицу, по которой расхаживали немецкие солдаты. Лида не находила себе места. Она то бралась зашивать старый белый халат, то зажигала спиртовку, намереваясь для чего-то прокипятить шприцы, то, опустив руки, садилась на кровать и кусала губы, чтобы не разрыдаться. Такой одинокой и заброшенной она себя еще никогда не чувствовала. Пока дома был отец, Лида не так боялась. Временами ей казалось, что она совсем маленькая девочка и можно подбежать к отцу и зарыться головой в колени, как делала когда-то... Но и Николай Ардалионович за последнее время сильно изменился. Стал неразговорчивым, угрюмым, забросил свои комментарии и все думает о чем-то, по ночам не спит. Сейчас немцы в городе, а он ушел служить обедню. Лида пробовала отговорить, но отец не послушался и, уходя, попрощался особенно нежно...

Лида не могла жить одна. Ну вот просто не могла, и все тут! Так уж она была скроена! Ее друг Дмитрий Иванцов еще в июле уехал в Брянск, вызванный телеграммой, которая была подписана директором института. Оттуда он вскоре написал, что группу студентов, и его в том числе, посылают на строительство оборонительных укреплений. С тех пор прошло больше четырех месяцев, а от него нет никаких известий. Лида запрашивала директора института, но ответа не получила. Она плакала, с ужасом думая, что с Димой могло случиться несчастье... Ведь он уехал в прифронтовую полосу, там бомбят и стреляют...

В медицинском техникуме стали преподавать по ускоренному курсу, и Лида закончила его в конце сентября. Тотчас же ее направили работать в военный госпиталь. Обязанности у хирургической сестры были сложные и трудные. Лида часто даже ночевать оставалась в госпитале. Она так уставала, что, случалось, после очередной операции ложилась на пол в коридоре и засыпала. Все чувства притупились. Думала только о том, как бы не забыть, где лежит нужный инструмент и вовремя подать его хирургу, как делать раненым инъекции, ежедневно кипятить шприцы, содержать в чистоте операционную... Но когда случалось забегать домой, Лида горько плакала. Она не

могла жить одна. Мир без Димы Иванцова казался пустым и страшным!

В первых числах ноября госпиталь эвакуировали. Не взяли лишь шестерых тяжелых, безнадежных раненых, которых нельзя было трогать. Они не перенесли бы дороги. Для ухода за ними выделили медсестру. Так Лида осталась в Любимове. Она сама вызвалась ухаживать за больными, потому что боялась, что, если уедет, Дима уже никогда ее не разыщет. К тому же и отец слышать не хотел об эвакуации. Когда пришли немцы, Лида стала ждать чего-то ужасного, подобного тому, о чем она читала в газетах. Но об убийстве девочки ей еще не было известно, а в госпиталь немцы пока не являлись.

Девушка подогрела на печке обед, однако суп успел снова остыть. Отец задерживался. Она с беспокойством поглядывала на часы, скоро полдень, ей нужно уйти... В двенадцать часов дня Лида должна была сделать инъекцию раненому капитану Гаврилову... В половине первого в дверь негромко постучали. Выскочив на крыльцо, девушка увидела незнакомую пожилую женщину в черном платке.

— Голубушка! — прошептала женщина. — Беги скорей, отца твоего немцы убили!

Не помня себя, Лида выбежала на улицу. Над комендатурой полоскался огромный алый флаг с черной свастикой, и взгляд Лиды на секунду задержался на нем. Потом она увидела еще одно черно-красное пятно, на булыжной мостовой. Там лежал, раскинув руки, окровавленный человек в длинной до пят черной одежде... Лида замерла. Голова у нее закружилась.

Очнулась Лида дома. Она лежала на полу, обняв шершавую ножку стола, а наверху, на столе, виднелось, завернутое в простыню, длинное, неподвижное тело со сложенными на груди руками.

Лида не могла плакать. Она боялась взглянуть на мертвого отца, хотя видела много мертвецов в анатомическом театре и давно относилась к ним с профессиональным хладнокровием. Но тут было совсем другое...

Похоронили Николая Ардалионовича рано утром.

Придя домой, Лида долго не могла открыть ключом дверь, наконец замок щелкнул, и девушка очутилась в полутемной прихожей. Ей показалось, что к стене прижалась какая-то фигура, пошевелившаяся, когда она вошла. Лиде почудилось, что это мертвый отец, и она пронзительно

вскрикнула. Но фигура отделилась от стены и шагнула навстречу. Жесткие ладони закрыли ей рот, знакомый голос шепнул:

— Лидушка, дорогая моя!.. Не бойся!

Это был Дмитрий Иванцов. Одетый в тот же светлый, щегольский костюм, в котором он был с Лидой во Дворце культуры, но в грязных сапогах и с давно не бритым лицом, Иванцов производил впечатление тяжело больного, который держится на ногах из последних сил. И первым вопросом Лиды, когда они вошли в комнату, было:

— Что с тобой? Ты нездоров?

— Здоров! — коротко усмехнулся Дмитрий. Продолжая обнимать ее за плечи, он сел на диван. — Слышал я, что с твоим отцом случилось! Ах, Николай Ардалионович, как же это он так!.. Вот уж от кого не ожидал подобной глупости! С кем тягаться задумал? С немцами! Да ведь их же — сила! Они всех к земле гнут, а он... Вот и погиб зря!

Прижимаясь к Дмитрию, ощущая теплоту его тела, Лида не вслушивалась в произносимые им слова, но самый тон показался чужим, неприятным. Она попросила:

— Не надо так, Дима!

— Ну хорошо, не буду! — быстро согласился он. — Что же не спрашиваешь, как я сюда добрался? Это, понимаешь, целая эпопея! Я тебе писал, что нас послали окопы рыть. Не буду описывать эту работу, одно скажу, дожди не прекращались. Возились не в земле, а в грязи, и сами были насквозь мокрые. Некоторым, можно сказать, повезло — заболели кто гриппом, кто воспалением легких, и уехали в тыл, а меня и простуда не брала! В один прекрасный день сообщили: фронт прорван. Два дня глядели мы на колонны красноармейцев. Оборванные, без оружия. А потом проснулись утром, слышим, бой уже позади, значит, попали в окружение. Тогда решили к своим пробиваться, отправились лесом. Компаса у нас не было, поэтому направление взяли неверное. На третий день продукты кончились, оборвались мы вконец, и возник у нас спор. Одни говорят, направо надо поворачивать, а я настаиваю — прямо! Так и не сговорились. Поругались мы и разделились. Ребята, трое их было, свернули в чащу, а я по просеке пошел, думал к линии фронта ближе, а оказалось в другую сторону... К вечеру набрел на деревушку, узнал ее — Антроповка, сообразил, что до Любимова близко, ну, и уже под утро

добрался сюда. Как раз немцы в город входили... Сутки у себя в комнате просидел, спал, мылся, думал, как быть дальше. Тетка за водой пошла, про отца Николая рассказала, тут я к тебе и прибежал... Дорогая моя, Лидушка! Какое счастье, что мы встретились!

Так говорил Иванцов и целовал белые, бесчувственные губы Лиды. Не знала девушка, что Дмитрий сказал неправду, не в лесу расстался он с товарищами-студентами, а гораздо раньше, и вовсе даже мысли такой у него не было — пробираться через линию фронта!

Колонну усталых, оборванных красноармейцев он действительно видел, и зрелище это произвело на него большое впечатление. Он не спал всю ночь и принял решение бросить рытье окопов и идти домой! Никаких особенных планов у него тогда еще не было, а просто он уверился, что победить немцев невозможно, и не хотел разделять участь побежденных. Студенты уже кончили строить укрепления, и им приказали утром явиться в местный районный военкомат. «Пора!» — решил Иванцов и ночью ушел из села. Он шел по лесу, ориентируясь по звездам, все время на запад, и часов через двадцать добрался до Антроповки, где узнал, что наши войска уже отступили из этой местности...

Стемнело.

— Не уходи! — попросила Лида. — Мне страшно одной!

Она постелила Иванцову в столовой на диване, ушла в спальню и легла в постель. Сон не приходил. Девушка вспоминала о детстве. Перед ней проносились картины школьных лет, тихие слезы мочили горячую подушку, а сердце ныло от горя. Лида так истомилась, что, когда открылась дверь и в комнату вошел Дмитрий в трусах и майке, она не удивилась, не обрадовалась, только бледно улыбнулась и подвинулась, освободив для него место на краю кровати. Ей показалось, что у него тоже бессонница. Вдвоем не так жутко в пустой квартире! Но Иванцов обнял Лиду и стал целовать. Его поцелуи становились все неистовее, и девушка вдруг поняла... В ту ночь, когда она похоронила отца — как он мог об этом подумать!..

Лида долго плакала. То, чего она втайне ждала, замирая от радости и стыда, то, к чему готовилась, потому что любила Дмитрия и хотела ему принадлежать, про-

изошло так грубо, отвратительно, принеся ей вместо счастья лишь огромную, неизлечимую обиду! Казалось, что жизнь кончена, и она никогда не сможет глядеть в глаза людям. Лида слабо оттолкнула руки Иванцова, когда он попытался погладить ее по волосам, не слушала того, что он шептал.

— Ты не плачь! Мы хорошо будем жить, увидишь! — шептал Иванцов. — Не бойся немцев, никаких ужасов нет и не будет, это все пропаганда!.. Не надо только лезть на рожон! Лбом стенку, конечно, не прошибешь, а они нация культурная. Запад, все ж таки... Что нам с тобой, больше всех надо? У нас жизнь одна, помрем, все равно никто памятника не поставит, а если и поставят, то на чёрта он нужен?.. Всегда так было, одни погоняют, другие везут... Моя шея для хомута не создана, а кнут я бы удержал... Ах, Лидушка, девочка дорогая, поверь мне, скоро все у нас будет! И дом, и ковры, и путешествовать поедем. Я своего задуманного все равно достигну, теперь даже еще быстрее!.. Не плачь, поцелуй меня!..

Дыхание его снова стало горячим и быстрым. Лида рванулась, но он требовательно, по-хозяйски отшвырнул ее к стене, и она поняла, что отныне не принадлежит себе и уже никогда ни в чем не сможет ему отказать...

Утром они вместе позавтракали, и Лида отправилась в госпиталь. На улице она немного пришла в себя и впервые вспомнила о раненых. Что там случилось за минувшие сутки? Красноармейцы оставались почти без присмотра. Правда, няня дежурила, но что няня! Она даже лекарства подать не может...

Госпиталь помещался в здании, где прежде была поликлиника. Еще издали Лида увидела, что там произошли перемены. Двери были раскрыты, у ворот стояли немецкие грузовые машины с брезентовыми кузовами. Пальто у Лиды было расстегнуто, виднелся белый халат. Когда она подошла к воротам, из машины выскочил длинный, худой немец и, внимательно оглядев Лиду, вдруг поманил ее пальцем. Похолодев и чувствуя, что у нее отнимаются ноги, Лида шагнула к нему.

— Ты есть врач? — спросил он металлическим голосом, правильно и твердо произнося русские слова.

— Нет, нет! — покачала головой Лида, силясь улыб-

нуться. — Я только медицинская сестра. Фельдшер, понимаете?

— Гут! — помолчав, сердито сказал немец и подтолкнул Лиду к госпиталю. — Иди! Шнелль!

Войдя во двор, девушка увидела, что солдаты выносят из машин раненых и кладут их на носилки. Некоторые раненые немцы, пока их несли в дом, смотрели на Лиду с интересом.

В коридоре Лиду встретил врач Соболь, и она так обрадовалась, что бросилась к нему и, схватив белую, холодную руку обеими руками, всхлипнула.

Марк Андреевич Соболь был частно практикующим врачом-гомеопатом. Он отличался дурным, раздражительным характером. Коллеги-врачи отзывались о нем с усмешкой, но не без уважения. Принимал Соболь на дому. Он жил на проспекте Ленина, напротив горсовета. По-видимому, фашисты заставили его прийти сюда, чтобы лечить своих раненых. С этой же целью, очевидно, задержали и Лиду. Все это девушка сообразила сразу, но так как солдаты с любопытством смотрели на нее и Соболя, она поняла, что тут не место для откровенного разговора, и только быстрым шепотом спросила:

— А где наши?

Марк Андреевич опустил глаза.

— Где наши раненые? — допытывалась Лида, думая, что он ее не понял. — Они в третьей палате лежали, шестеро их было... Гаврилову нужно инъекцию сделать...

— Гаврилову больше ничего не нужно! — громко и холодно ответил Соболь. — Вообще никому из них уже ничего не нужно! Начальник немецкого госпиталя господин Юнге приказал расстрелять их, и всех их расстреляли сегодня в шесть часов утра во дворе, перед окном операционной! — Марк Андреевич говорил так ровно, словно читал лекцию студентам.

Лида ахнула и побледнела.

— Я не хочу! — сказала она шепотом. — Я не хочу на них работать! Не хочу, не хочу!.. Они расстреляли моего отца, они убивают всех... Пускай лучше убьют и меня!

— Ступайте в ординаторскую и разберитесь в инструментах! — строго приказал Соболь и больно сжал Лиде руку. — И не валяйте дурака, черт вас возьми. Они действительно застрелят вас, не моргнув глазом, это вы по-

нимаете?.. — Круто повернувшись, он стал спускаться по лестнице.

— Шнелль, рус! — недовольно крикнул, толкнув ее и пробежав мимо, толстый, розовый санитар. Лида поплелась за ним.

В ее ушах, не умолкая, звучала бесцеремонная, утомительная, как звон медных тарелок, чужая речь, и она растерянно двигалась, что-то делала, покорно мыла инструменты, а громкие голоса по-прежнему звучали, и в конце концов Лида перестала понимать, где она и что от нее требуют. Раненых было много. Лида таскала их по лестнице вместе с санитаром, мыла в палатах полы, бинтовала чьи-то руки и ноги. Так прошла ночь, день, и снова наступил вечер, а Лида ничего не ела и не отдыхала ни минуты.

— Почему вы здесь торчите! — яростно спросил Соболь, поймав ее во дворе. — Вы думаете, они вас пожалеют и пошлют домой отдыхать? Им наплевать на всех нас! Вы же свалитесь через полчаса... Ступайте и приходите, когда выспитесь. Приходите, потому что они все равно вас найдут, и тогда никто не сможет вас защитить!

Два раза Лиду задерживали патрульные, но она показывала пропуск, который ей дали в госпитале, и солдаты, шутливо похлопав ее по спине ниже талии или ущипнув за щеку, отпускали. Она ничего не чувствовала, не сознавала. Спала на ходу.

Не в силах раздеться, Лида только сбросила туфли и упала на кровать. Она спала, как ей показалось, всего несколько минут, но когда открыла глаза, в комнате было уже светло. Кто-то стучал в дверь. «Дима!» — подумала Лида и, заколов шпильками волосы, выбежала в переднюю. Она открыла засов и в страхе отступила. На крыльце стоял немец в серо-зеленой шинели и приплюснутой пилотке.

— Лида! — сказал он. Тогда девушка узнала Иванцова.

На его губах блуждала неуверенная улыбка, глаза немного косили. Так бывало всегда, когда он очень волновался. Чувствовалось, что Дмитрий не знал, как встретит его Лида в этом новом наряде, который, надо признаться, был ему к лицу, подчеркивая тонкую фигуру и длинные, прямые ноги.

— Дима! — пролепетала она и отступила. Он обнял ее за плечи, но Лида с такой силой рванулась, что затрещало платье.

— Погоди! — произнес Иванцов, неестественно улыбаясь. — Ты что? Я же тебе ничего не объяснил.

— Я понимаю! — сказала Лида, судорожно прижав руки к груди. — Ты пошел к ним служить! Почему же, я все отлично понимаю. И сколько они станут платить в месяц?

Выражение лица у Лиды было такое странное, что Иванцов не понял, серьезно она задает вопрос или издевается.

— Дело не в том, сколько будут платить! — непринужденно ответил Дмитрий, садясь на диван и положив ногу на ногу. Он достал новенький серебряный портсигар и вынул немецкую сигарету. Его физиономия то бледнела, то покрывалась пятнами. Он пытался взять себя в руки и разговаривать с девушкой тем властным, не допускающим возражений тоном, который он уже успел усвоить. Но пристальный, немигающий взгляд Лиды сбивал его с толку.

— Дело не в этом! — повторил он, словно пытаясь нащупать нить разговора. — Дело совсем в другом. Ты не волнуйся. Я был у коменданта города майора фон Бенкендорфа. Это пожилой, исключительно умный, интеллигентный человек, интересный собеседник, прекрасно знающий русский язык... Он немец, но родился в России, настоящий аристократ, сын бывшего владельца завода...

— Уходи! — перебила Лида и, подойдя к двери, распахнула ее настежь. — Уходи сейчас же!

Иванцов вскочил и смял в кулаке сигарету.

— Ну хорошо! — так же ровно сказала девушка. — Тогда я сама уйду!

Она убежала в спальню и заперлась там. Громко щелкнул ключ. Иванцов, нахмурившись, закрыл парадную дверь и опять сел на диван. Расправил сигарету, зажег и медленно выкурил до конца. Лицо его было задумчивым и слегка растерянным. Когда он встал, взгляд снова стал упрямым.

— Лидушка! — сказал он, наклонившись к замочной скважине. Из комнаты доносились рыдания. — Лида! — ласково повторил Иванцов и даже улыбнулся, но улыбка вышла кривой. — Ты же совершенно ничего не поняла.

Даже не захотела дослушать до конца. Бенкендорф назначил меня следователем в полицию. Но знаешь, по чьему заданию я поступил к немцам на службу?.. Ты не догадываешься? Ну, подумай сама, разве я могу стать предателем? Почему ты так легко в это поверила?!

Послышались быстрые шаги, щелкнул замок... Лида все еще недоверчиво, но с надеждой посмотрела на Иванцова.

— Значит, ты не сам?.. Дима! Ничего от меня не скрывай!

— Разглашать военную тайну я не имею права! — ответил он и мягко улыбнулся. — Но ты молодец, Лидушка! Вот, оказывается, какая ты патриотка! Я не знал!

Ей снова не понравился его тон, но улыбка обезоружила Лиду. Она почти успокоилась. «Ну конечно же, он остался по заданию райкома! — подумала девушка. — Он всегда был активным комсомольцем, вот и в пионерском лагере работал!..» Лида не противилась, когда Иванцов обнял ее. Она даже почувствовала неловкость из-за того, что плохо о нем подумала.

— Пойми, я больше ничего не могу тебе рассказать! — прошептал Дмитрий, обняв девушку. — Ты просто поверь мне, вот и все!.. И знай, что бы ты про меня ни услышала, все это делается по заданию партии! Значит, так нужно! И никогда не расспрашивай. Договорились?

— Договорились! — бледно улыбнулась Лида, постепенно приходя в себя, но все еще не в силах привыкнуть к этой чужой, страшной форме.

— А немцам от моей работы не поздоровится! — заверил Иванцов.

— Уж я думаю! — с гордостью за него сказала Лида и вздохнула. — Но ведь тебе будет очень тяжело... Представь только, весь город станет считать тебя предателем! Это ужасно, Дима!.. Ужасно! И фашисты!.. Тебе с ними, наверно, любезничать придется, быть вежливым, покорным! А их убивать надо без всякого сожаления! Тоже ведь сдержаться не просто!.. Я знала, знала, Дима, что ты меня обманул тогда... Ты не просто так, сам по себе вернулся! Значит, правда, от райкома задание получил... Это большая ответственность, правда, Дима?

— Да, да, ты права! — рассеянно отвечал Иванцов и гладил ее по волосам, но его глаза были злыми и оза-

боченными. Если бы Лида посмотрела на него в этот момент, то поняла, что он не ожидал такого поворота событий и теперь не знает, как быть.

...Да, Иванцов был сильно удивлен, когда Лида указала ему на дверь. Он думал, что женщина, которая принадлежит ему, не может иметь собственных суждений и взглядов. И вдруг она выступила против него. И так непримиримо, решительно! А он-то хотел ее обрадовать! Теперь придется лавировать, обманывать Лиду. Но долго ли? Рано или поздно она узнает, что обманута. Что тогда?

Нет, Иванцову не хотелось, поступив на службу к немцам, расставаться с Лидой. Она была дорога ему, как дороги были все вещи, которые ему принадлежали и доставляли удовольствие. Кроме этого, он должен был иметь хотя бы одного человека, который разделял бы его образ мыслей и одобрял поступки. Иванцов утешал себя надеждой, что со временем Лида смирится. В конце концов, он сумеет ее убедить! Куда она денется!

...Иванцов давно решил пойти служить к немцам, еще тогда, когда увидел под проливным дождем колонну красноармейцев. С тех пор он успел со всех сторон обдумать этот шаг. Он не желал быть полицейским или старостой, прекрасно понимая, что такая работа бесперспективна и не даст тех жизненных благ и независимости, о которых он мечтал. Поэтому он решил вести себя у немецкого коменданта таким образом, чтобы тот понял, какой ценный работник Иванцов, и предложил ему ответственный пост.

Встреча с фон Бенкендорфом произошла поздно вечером. Дмитрий долго ждал на лестнице, возле часового, поглядывавшего на него с любопытством и презрением. Так зоолог смотрит на редкое, но неприятное низшее животное. Мимо, топая сапогами, проходили солдаты, полицаи, как тени скользили испуганные посетители, вызванные повестками. В комендатуре было шумно. За стеклянной перегородкой девушка печатала на машинке. Ее лицо было угрюмым и измученным. Иванцов ждал долго, наконец его вызвали.

Он вошел в кабинет, принадлежавший раньше председателю горсовета. Обстановка почти не изменилась. Но на стене висел большой портрет Гитлера. За столом си-

дел пожилой немецкий майор. Не предложив Иванцову сесть, он сухо спросил по-русски:

— Вы хотите служить? Где? В полиции, управе? Расскажите о себе.

Иванцов рассказал. Услышав, что его отец замучен большевиками, Бенкендорф оживился:

— Вы не лжете? Многие теперь говорят, что пострадали от Советской власти... Но вы, кажется, говорите правду... Я вас уже видел где-то. Вы стояли на улице рано утром, когда наши войска входили в город, не так ли? Я запомнил ваше лицо. Вы были нам рады! Поэтому я верю!.. Ну что ж. Прекрасно! Будете работать в полиции. А позднее, если хорошо себя проявите, найдем что-нибудь получше.

«Этого я опасался»! — подумал Иванцов.

Он вежливо, но холодно улыбнулся и твердо сказал, подавляя страх, который острыми коготками царапал спину:

— Разрешите сесть?

—Прошу! — помолчав, удивленно ответил фон Бенкендорф, и в его свинцовых, тусклых глазах мелькнуло любопытство.

Сев в кресло, Иванцов принял непринужденную позу, которую, впрочем, нельзя было назвать и развязной, — он положил ногу на ногу, слегка откинул голову и сдержанно произнес:

— Прошу прощения, господин майор, но, очевидно, вы меня не совсем правильно поняли. У меня имеется некоторое образование. Я немного разбираюсь в политике, и, главное, я разбираюсь в людях. В русских людях, которые живут в этом городе. Я знаю их привычки, знаю, чем они недовольны, чего хотят, кого боятся. Я обладаю уровнем культуры, позволяющим понять вас. Приветствуя в вашем лице представителей истинной западной цивилизации, я хотел бы помогать вам, вкладывая в эту работу все свои способности и навыки. Назначить меня рядовым полицейским было бы неэкономно. Я хочу и могу занять более ответственную должность!

Иванцов говорил ровно и бесстрастно, невольно подражая самому майору, но ему по-прежнему было страшно и хотелось поскорее уйти из этого холодного, просторного кабинета, где он чувствовал себя раздетым под испытующим, свинцовым взглядом немецкого коменданта.

— Это весьма любопытно! — медленно сказал майор.— Вы мне нравитесь, Иванцов. Как-нибудь мы с вами побеседуем. А пока ступайте в полицию. Скажите начальнику полиции Лаенко, что я назначил вас следователем.

«Лаенко? — подумал Дмитрий. — Преподаватель немецкого языка?» В изысканных выражениях он поблагодарил Бенкендорфа и отправился к начальнику полиции, который действительно оказался бывшим педагогом. Это был немолодой человек с опухшими веками и выпяченными толстыми губами. Он сидел за столом в кабинете Золотарева на втором этаже гормилиции. Перед ним стоял графин с квасом. В кулаке Лаенко держал пучок вялого желтого лука. Он обмакивал лук в деревянную солонку, с хрустом жевал и отпивал квас. Выслушав Иванцова, начальник полиции неодобрительно сказал:

— Я тебя знаю. Ты в лесотехническом институте учился. Какой из тебя следователь?

— Точь-в-точь такой, как из тебя начальник полиции! — резко ответил Иванцов, решивший сразу же показать этому учителю, что он от него не зависит и не позволит собой командовать. Лаенко поперхнулся, отставил кружку с квасом, лицо стало багровым. Иванцов решил, что он поднимет крик, и уже приготовил презрительную усмешку, но Лаенко вдруг улыбнулся.

— Это по мне! — сделал он вид, что восхищен поведением Иванцова. — Характер подходящий! Тот, кто слюни распускает, для нашей работы непригоден!

Он еще что-то говорил, хлопал Иванцова по плечу, но тот слушал невнимательно, потеряв к нему интерес. Он понял, что начальник полиции не знает, как себя держать. Ведь Иванцова назначил сам фон Бенкендорф... Выглянув в коридор, Лаенко приказал какому-то полицаю принести самогон. Вскоре тот явился с запотевшим стеклянным графином. Самогон отдавал запахом гнилой свеклы, но ударял в голову. Пили втроем. Фамилия полицая была Дорошев. Он был не рядовой, а старший полицейский. Иванцов глядел на его безбородое, круглое, как у скопца, лицо, ленивые и томные глаза преступника и никак не мог избавиться от странного ощущения, что пьет не в компании единомышленников, а в обществе людей, подпаивающих его с тем, чтобы убить и ограбить...

Напившись пьяными, они поехали куда-то на машине. На Иванцове уже была немецкая офицерская форма без знаков отличия, которую выдал Лаенко. Машина была открытая. Холодный, смешанный со снегом ветер бил в лицо, так что слезы выступали на глазах. И когда с криками и руганью они ворвались в какую-то хату и стали переворачивать все вверх дном в поисках раненого красноармейца, который, как стало известно из доноса, был спрятан именно здесь, хозяйка, пожилая, с сединой в волосах, сложив руки на груди, внимательно и даже сочувственно посмотрела на Иванцова, потому что тот так и не вытер слез и рылся по шкафам с мокрыми глазами. Наверно, ей казалось, что этот полицейский раскаивается и стыдится того, что вынужден заниматься таким черным делом. Разумеется, Иванцов ни в чем не раскаивался. Он был как в угаре. Ему представлялось, что они делают нечто очень веселое и забавное. Он с азартом швырял на пол вещи и, заметив, что Дорошев и Лаенко потихоньку запихивают за пазухи шелковые сорочки, шерстяные свитеры и варежки, тоже схватил какой-то свитер, хотя тот ему был совершенно не нужен...

Красноармейца они нашли на печке, куда случайно заглянул Иванцов. Это был очень молодой, чернобровый и черноглазый юноша с бледным лицом и синими губами. Он не сопротивлялся, когда Лаенко с руганью скручивал ему за спиной руки, только глядел на полицаев прищуренными, ненавидящими глазами. Взяв с собой хозяйку, возбужденные успехом, они снова сели в машину и помчались в полицию. Вдруг Лаенко приказал шоферу остановиться. Машина встала посреди глухого переулка. Выскочив, начальник полиции за руку вытащил раненого и длинно, замысловато, как-то особенно грязно и цинично выругавшись, выхватил парабеллум.

— Сейчас тебя расстреляем, сукина сына! — закричал он. — Чтобы не возиться! Дорошев, посиди со старухой, а ты, Иванцов, пойди сюда. Ну, солдат, молись богу, кончилась твоя молодая жизнь!

Иванцов медленно вылез из машины. Он только что рассказывал Дорошеву веселый анекдот и по инерции продолжал улыбаться.

— За что? — тихо спросил красноармеец.

От этого простого вопроса Иванцов мгновенно протрезвел. В самом деле, за что они хотели его убить? За

то, что он честно защищал Родину, которую они предали? За то, что он воевал и был ранен фашистами, перед которыми они пресмыкались? Или только за то, что он был безоружен и беспомощен и не мог сопротивляться?..

Не следует думать, что убийцами родятся. Ими становятся постепенно. Иванцов был честолюбцем и предателем, но еще не был убийцей. И ему стало страшно. Нет, он не хотел расстреливать красноармейца! Он не мог!.. Пока еще не мог!

— Что это тебе взбрело в голову? — спросил он Лаенко, стараясь скрыть дрожь в голосе. — Поехали!

— А-а! Не хочешь? — закричал тот, выкатив налитые кровью, сумасшедшие глаза. — А кто ты такой? Кто, я тебя спрашиваю? Может быть, ты шпион? Или партизан?! Стреляй, говорю! Стреляй, мать твою... Не то, я тебя самого поставлю к стенке!

— Замолчи, скотина! — отчеканил Иванцов. — Вот мы сейчас тебя свяжем! Пленного необходимо допросить! Понял?

— В белых перчатках служить хочешь? — неистовствовал начальник полиции, размахивая пистолетом перед носом Иванцова. — Ручки боишься замарать? А я плевал на всех вас! Сволочи! И на Бенкендорфа твоего плевал! На, гляди!.. — Он поднял пистолет и стал, не целясь, стрелять по темным окнам. Лопались стекла, осколки сыпались в снег, а он все палил и палил, пока не кончилась обойма. Вместе с Дорошевым Иванцов с трудом успокоил взбесившегося начальника полиции, и они поехали дальше. Прибыв в свою резиденцию, стали допрашивать хозяйку, потом красноармейца. Дорошев избивал арестованных шомполом, а Лаенко и Иванцов допивали водку. Потом Иванцов потерял сознание... Он очнулся под столом, умылся снегом и отправился к Лиде...

Сейчас его мутило. Он глядел на девушку, стиснув зубы. Лиду он не желал отдавать никому! Этот дом — последнее место на земле, куда можно прийти и где его будут считать человеком!.. И он зашептал, обняв ее:

— Лидушка! Ты одна у меня, одна, одна!.. Ты правду сказала, мне нелегко! Но я не изменился, понимаешь? Я остался таким же, как был. Таким, какого ты полюбила... Верь мне!

Лида, закрыв глаза, устало улыбалась. Она верила. Но Иванцов ее и не обманывал. Он говорил чистую правду. Он действительно остался таким же, каким был всегда. И всегда был таким, как сегодня! Иванцов не солгал, он ничуть не изменился...

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Зина Хатимова и Толя Антипов в субботу пошли в лес. У Толи в подкладку пиджака были зашиты клятвы членов подпольной комсомольской группы. Эти клятвы были написаны прошлой ночью в торжественной и немножко мрачной обстановке. Они собрались в подвале у Лисицына. В сырую каменную яму снаружи не проникал свет. Алешка зажег сделанный дома факел. Запахло керосином, затрещали тряпки, привязанные к палке. Дымное пламя взметнулось к заиндевевшему потолку, из мрака выступили серьезные, напряженные лица. Алешка достал из кармана листок бумаги и простуженным голосом негромко прочел:

— «Я, Алексей Шумов, вступая в члены подпольной комсомольско-молодежной группы города Любимова, даю торжественную клятву, что буду, не щадя своей жизни, выполнять задания партизанского штаба, собирать сведения разведывательного характера. Я клянусь, что отдам все силы на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и, если буду арестован, не выдам товарищей и погибну гордо, как подобает комсомольцу. Если же я нарушу эту торжественную клятву, пусть постигнет меня суровая кара и презрение всех советских людей. К сему — Орел».

— Почему ты подписался Орел? — шепотом спросила Зина, стоявшая, прижавшись к Шуре, широко открыв глаза, в которых отражалось багровое пламя факела.

— В отряде не должны знать наших фамилий! — ответил Алешка. — И вы все тоже придумайте для себя условные клички.

— Я подпишусь Огонь! — мечтательно сказал Женька.

— А я Руслан! — раздался бас Антипова.

— Нет, а я знаете как? — смущенно проговорила

Шура. — Пусть моя кличка будет Победа! Можно, Алеша?..

При колеблющемся свете факела они написали клятвы единственной ручкой, которую захватил из дому Женя, по очереди обмакивая ее в чернильницу, в которую была налита разведенная водой сажа. Потом каждый прочел вслух клятву, а остальные, выстроившись в шеренгу, стояли плечом к плечу и молча слушали вздрагивающий от волнения голос товарища. Тоня несколько раз принималась читать, но не могла, ее душили слезы. Она махнула рукой и сдавленно сказала:

— Не знаю, что со мной делается!.. Я всех вас так люблю, так люблю, милые мальчишки!.. Вы не подумайте, что я плачу... Это от счастья, честное слово! Потому что все-таки они, сволочи, ничего не смогли с нами сделать! Ничего!.. Вот мы стоим здесь все... Комсомольцы, советские люди, и нет такой силы... Вы меня простите! — Она всхлипнула, но тотчас же строго нахмурилась и закусила губы.

А Толя написал всего несколько слов и прочитал, ни на кого не глядя, с сумрачным, злым лицом:

— «Клянусь убивать немецких гадов, пока буду жив! И живой им в руки не дамся! Последнюю пулю оставлю для себя! Если нарушу слово, расстреляйте! Руслан!»

— Поздравляю вас, товарищи! — строго и торжественно сказал Алешка, вынув факел из щели в стене, куда тот был вставлен, и подняв высоко над головой. — Теперь наши жизни принадлежат не нам!.. Завтра вы получите оружие. Берегите, с собой не носите, лучше спрячьте в такое место, откуда в случае нужды можно было бы быстро достать. Собираться вместе больше не будем. Ходить друг к другу тоже. Сами ничего не предпринимайте. Это категорически запрещается. Будете выполнять распоряжения партизанского штаба и подпольного горкома партии. Ну вот, пока, кажется, все! Можно расходиться. Остаются Антипов и Зина. Для них есть задание!

Ребята и девушки молча слушали Алексея Шумова. Они знали его с детства и теперь с удивлением спрашивали себя: когда он успел так измениться? Он стоял перед ними с пылающим факелом в правой руке, высокий, тонкий, с юношескими, еще не вполне развившимися плечами, но с полным энергии и сдержанной силы лицом зрелого мужчины. Голос его окреп, в нем зазвенели не-

знакомые ребятам стальные, несгибаемые нотки, и весь он был, как тугая пружина. И, глядя на него, комсомольцы как-то яснее ощутили, что отныне у них существует настоящая подпольная организация и есть настоящий, опытный и храбрый командир, которому спокойно можно доверить свои жизни.

— Знаете, ребята, чего нам не хватает? — вдруг сказала Зина, и все посмотрели на нее. — У нас нет собственного, боевого знамени! А ведь разве можно без знамени? По-моему, никак нельзя!

— Да, пожалуй, ты права! — согласился Алешка. — Но где же его взять? Может быть, просто сшить самим? Достать где-нибудь кумач и сшить!

— Зачем? — вдруг громко возразил Анатолий. Он вдруг заволновался, на щеках выступили пятна, глаза заблестели. — Знамя будет! Не какое-нибудь, а самое настоящее!.. Вы, пожалуйста, не расходитесь. Подождите здесь. Я через полчаса вернусь... Нет, через час! Но вы обязательно дождитесь, ладно?

Оттолкнув Женьку, пытавшегося его удержать, он подпрыгнул, ухватился руками за край люка, подтянулся и вылез наружу. Ребята и девушки изумленно переглянулись.

А Толя, пригнувшись, бежал по улице. Он вспомнил про знамя, которое стояло на сцене во Дворце культуры, и решил его стащить. Дворец культуры немцы превратили в казарму. Двухэтажный дом с колоннами был окружен оградой из колючей проволоки, в фанерной будке сидел часовой. Толя несколько дней тому назад проходил мимо клуба и обратил внимание на ограду и часового. Пока он бежал по улице, знамя все время алело перед его глазами, бархатное, с золотой бахромой и кистями, с надписью большими буквами: «Переходящее знамя Народного Комиссариата электростанций». Оно тогда стояло в углу сцены, за прислоненными к стенке холщовыми декорациями. Вряд ли немцы заметили его.

У Антипова не было определенного плана, он рассчитывал, что, подойдя к Дворцу культуры, найдет способ проникнуть внутрь.

Была полночь, когда он, прячась в густой тени домов, вплотную приблизился к клубу. Толя лег на землю под изгородью, снял ватную куртку и, накинув ее на проволоку, быстро и бесшумно переполз через загражде-

ние. Асфальтированный дворик был освещен электрическим фонарем. Зная, что если часовой заметит его, тут же без разговоров застрелит, Антипов, как ящерица, на животе прополз по двору и притаился под железной лестницей, которая вела на второй этаж, где был вход в будку киномеханика. Отдышавшись, Толя осторожно полез по ступенькам. Тело стало легким и как будто невесомым, сердце билось редко и сильно. Когда он уже был у цели, ступенька громко звякнула. Антипов, затаив дыхание, прижался к стене. Скосив глаза, он увидел часового, вышедшего из будки. Солдат медленно повел дулом автомата. Постояв, он снова скрылся в будке.

Дверь была заколочена. Толя долго, ломая ногти, пытался открыть ее, но тщетно. Обессилев, он присел на узкую железную площадку и стал думать, как проникнуть в здание. Вот если бы можно было отвлечь внимание часового и тем временем сразу сильным рывком распахнуть дверь! Но как отвлечь? Увидев под ногой осколок кирпича, неведомо как попавший на площадку второго этажа, Антипов вдруг вспомнил одну хитрость, которую применяли мальчишки, когда играли в прятки. Чтобы заставить отойти от кона того, кто «водил», ребята бросали в кусты палку или камень. Раздавался громкий шорох, «водящий» бежал на шум, а в это время к кону мчались мальчишки, оглушительно крича:

— Палочка-выручалочка, выручи меня!

...«Ну, выручай, палочка!» — усмехнулся Толя, схватил кирпич и, тщательно прицелившись, швырнул в будку. Кирпич упал в точности так, как рассчитал Антипов, — шагах в пяти от будки, в заросли обнаженного, колючего шиповника. Часовой в ту же секунду выскочил. Тишину прорезала длинная автоматная очередь. Толя не терял времени. Он изо всех сил дернул дверь, та с треском распахнулась. Антипов очутился в темной камере киномеханика. Снаружи все еще раздавались выстрелы, затем послышались крики выбежавших из клуба солдат. Они минут десять шарили в кустах, беспорядочно стреляли, в конце концов угомонились и разошлись. Все стихло. Тогда Толя привстал.

Его глаза привыкли к темноте, и он увидел три маленьких квадратных окошечка и сломанный покосившийся киноаппарат. Выглянув в окно, Антипов невольно отступил. Внизу был зрительный зал. Вместо кресел видне-

лись складные алюминиевые койки. Они стояли правильными рядами, там спали немцы. Кинотеатр был освещен синей лампой, возле которой дремал дежурный. Пробраться через зал было нельзя. Попасть на сцену Антипов мог только через чердак. На потолке в камере киномеханика он увидел квадратное вентиляционное отверстие. Взобравшись на аппарат, осторожно отвинтил металлическую решетку и влез на чердак, пробежал по пыльной квадратной балке, тянувшейся через все здание, и по железному тросу, на котором висела декорация, спустился на сцену. Занавес немцы сорвали, и Антипов видел спящих солдат и дежурного, клевавшего носом. В дальнем углу зала трое немцев при свете карманного фонарика играли в карты.

Знамя оказалось на месте. Оно, правда, валялось на полу и было засыпано обвалившейся штукатуркой, но Толя нашел его сразу. Сорвав с древка, он обмотал полотнище вокруг тела, сверху снова надел куртку и по тому же тросу выбрался на чердак. Дневальному достаточно было оглянуться, чтобы увидеть его, но, на Толино счастье, немец спал...

Прошло больше часа, ребята уже начали беспокоиться. Они встретили Толю радостными возгласами. Факел почти догорел и больше дымил, чем светил.

— Вот! — сказал Толя, сняв телогрейку и разворачивая знамя.

— Где ты достал? — восхищенно спросила Зина, нежно поглаживая рукой мягкий бархат.

Все поздравляли Антипова и просили рассказать, как он сумел так ловко все сделать; один Алешка молчал, глядя на Толю задумчиво и ласково. А когда ребята разошлись, Алеша негромко произнес:

— Если мне доведется увидеть когда-нибудь Аню Егорову, я обязательно расскажу ей... Чтобы она поняла, какую ошибку сделала в тот день... Мы до войны часто ошибались. Не умели в людях разбираться. Если бы знала Аня, что Иванцов через несколько месяцев фашистскую форму наденет, а ты ради того, чтобы спасти знамя, жизни не пожалеешь... А ведь уже тогда вполне можно было понять, какой человек Иванцов, а какой ты! Ейбогу! И после войны мы этому научимся, вот посмотришь!.. Научимся не бояться красивых фраз и глядеть, что у человека внутри!

— Да брось, нашел о чем говорить! — смущенно пробормотал Толя. Он был рад, что Алешка догадался о его тайной и давней мечте...

Шумов сообщил друзьям пароль, отзыв и велел передать связному, что подпольная комсомольская группа создана и готова выполнять задания партизанского штаба.

...Был полдень, когда Зина и Толя добрались до Сукремльского оврага. Тучи обложили все небо. Неторопливо сыпалась мелкая снежная крупа. Снег шел уже третий день, и земля побелела. Это было плохо, потому что оставались следы.

Зина и Толя шли молча. Впервые за многие дни они чувствовали себя в относительной безопасности, немцев нигде не было, вокруг лежало лишь пустынное поле да невдалеке темнел лес. И это ощущение полной свободы было так прекрасно, что не хотелось разговаривать...

Заснеженные стены оврага круто опускались вниз. Толя протянул Зине руку, но она поскользнулась, и пришлось подхватить ее на руки. Так на руках он и донес девушку до дна оврага. Зина прижалась к Анатолию и закрыла глаза. Ей хотелось почему то заплакать, но в то же время на душе было светло. Она с сожалением легонько оттолкнула его, когда спуск кончился, и потупила глаза, невольно покраснев. Они были одни в овраге, где царил полумрак и со всех сторон поднимались кверху крутые склоны, заросшие кустами и мелким подлеском. Было так тихо, что отчетливо слышался шелест падающего снега. Анатолий взял Зину за руку и сказал:

— Вот, Зина, видишь, как все получается... Война началась, и пропали наши планы. Теперь мы не сможем пожениться... А может быть, можем? — тут же умоляюще спросил он.

— Глупости, — прошептала Зина, сжав его пальцы. — Разве такое время?.. Не надо сейчас об этом, Толенька!..

Она впервые назвала его так ласково и, когда он взял ее за плечи, покорно повернулась и подставила губы. Он был ошеломлен и растерялся, он шептал ей в ухо ласковые, бессмысленные слова, которые сам не понимал, но Зина отлично понимала и готова была слушать хоть до ночи...

— Дорогая моя! — шептал Анатолий, впервые, может быть, осознав, как много глубины в этих простых словах. — Девочка моя! Маленькая моя! Мы с тобой никогда не расстанемся, до самой смерти будем вместе! И ты увидишь, мы еще дождемся, всего, всего дождемся! И Советскую власть дождемся, и немцев прогоним. Мы с тобой конец войны своими глазами увидим!.. Ведь когда-нибудь настанет же он, этот счастливый, сказочный день! Будет всюду играть музыка, и флаги... И я приду к тебе с цветами... Ты какие цветы больше всего любишь?

— Толя! — шепотом сказала Зина, глядя на него тревожными, жалобными глазами и так крепко ухватившись за его телогрейку, словно Анатолия могли у нее отобрать. — Миленький мой!.. Ты знаешь, чего я больше всего боюсь? Не того, что меня убьют, и вообще, не смерти!.. А того, что нас с тобой разлучат, и... ты понимаешь, это же может случиться!.. И мы погибнем вдали друг от друга! Вот чего я боюсь больше всего на свете!..

— Что ты, Зина! — ответил Антипов, целуя ее. — Что ты, что ты!.. — Он не хотел думать о плохом в эту минуту, он ничего не хотел и ничего не желал, кроме того, чтобы она длилась подольше.

Снег повалил гуще, стало темнее. Зина, оттолкнув Толю, сказала:

— Ты забыл, зачем мы сюда пришли? Человек же ждет!

— Думаешь, он уже здесь? — усомнился Толя. — Сейчас попробуем! Машка! Куда ты провалилась, проклятая коза! — закричал он, зорко оглядываясь по сторонам, но вокруг было тихо, и Толя хотел было крикнуть еще раз, но в этот момент Зина дернула его за рукав, и он, обернувшись, увидел низенького, оборванного мужика в огромных валенках и старой-престарой шапчонке, который, отряхиваясь от снега, выходил из-за кустов в двадцати шагах от них. Лицо у мужика было сморщенное, темное. Черная борода кольцами спускалась на овчинный полушубок. Прищуренные глаза смотрели настороженно и в то же время насмешливо. У Толи и Зины одновременно мелькнула мысль, что если этот человек здесь уже давно, то, очевидно, слышал и видел все... Они смутились и покраснели, а мужик неторопливо достал из кармана красный носовой платок, громко высморкался и только

после того, как спрятал платок, медленно и внушительно сказал:

— Не там ищешь, сынок! В лесу поищи!

Облегченно вздохнув, Антипов бросился к нему.

— Здравствуйте! — сказал он, улыбаясь немного смущенно и протягивая руку. — Значит, вы от товарища Золотарева!

— Здравствуй, если не шутишь! — ответил партизан, крепко, но мягко сжав Толе ладонь. — От кого я — это, брат, тебя никаким краем не касается, а ежели желаешь что передать, то милости прошу!

Тон у него был дружелюбный, но твердый, и Антипов почувствовал себя неловко.

— Извините! — пробормотал он, покосившись на Зину, и поспешно достал из кармана пакет, в котором были сложены листки из школьной тетрадки с клятвами комсомольцев. — Вот! И еще я уполномочен сообщить, что группа, о которой известно товарищу Золотареву, в настоящее время создана и готова приступить к выполнению любого задания штаба!

— Создана, стало быть! — сказал мужичок. — Это хорошо! А тебя как зовут-то? Фамилия какая?

— Называйте меня просто Руслан! — покраснев, ответил Толя и подумал: «Дудки! Один раз купил, больше не надейся!»

— Руслан? — переспросил мужик и улыбнулся. — Запомню! А дивчину, если не секрет, как кличут?

— Стрела! — с достоинством ответила Зина и подошла ближе к Толе.

— А меня, дорогие вы мои, звать Афанасий Кузьмич Посылков! — весело сообщил партизан и похлопал Толю по плечу. — Передам я ваши слова кому следует, а теперь вы меня послушайте!.. Да присядьте на пенек, разговор будет долгий.

Посылков снял с плеча туго набитый рюкзак и передал Антипову.

— Возьми-ка, Руслан, да будь осторожен! Здесь магнитные мины и тол. Расходуйте с оглядкой, товар дефицитный. А пока спрячьте подальше. Теперь слушайте, чего вам надо делать! Немцы собираются завод пускать. Выясните, кто из рабочих, мастеров остался в городе, осторожно прощупайте настроения, постарайтесь внушить, чтобы добровольно на фашистов не работали, саботиро-

вали, портили оборудование... Но сами не рискуйте, больше обходитесь намеками. Разведайте, есть ли возможность взорвать электростанцию. Как охраняется? Откуда к ней удобнее подобраться? Напишите подробное донесение. И последнее поручение: узнайте, есть ли у немцев в городе наблюдательный пункт, откуда они просматривают окрестности и подступы к лесу. Пока все. В будущую субботу встретимся здесь же.

Посылков надел меховые варежки и сделал несколько быстрых приседаний, потом похлопал руками себя по бокам.

— Пока вас ждал, застыл малость! — с усмешкой объяснил он, многозначительно посмотрев на Толю.

— Ну, до свидания, Афанасий Кузьмич! — сказал Антипов. — Будьте спокойны, выполним, что велено! Не сомневайтесь!

— До свиданья-то до свиданья, — ответил партизан, вздохнув, — но одному из вас со мной придется остаться!

— Как?! — не поняла Зина и испуганно посмотрела на Анатолия.

— Очень просто! — мягко объяснил Посылков. — Таков приказ товарища Золотарева. Один из вас должен пойти со мной в отряд и остаться в лесу для постоянной связи с городской подпольной группой. Спорить не приходится, да и не время. Товарищ Руслан пойдет в Любимово, ну, а уж вы, милая девушка... — Афанасий Кузьмич развел руками. — Не взыщите. Отправитесь со мной в лес!..

— Прямо сегодня? Сейчас? — вырвалось у Зины, и она с отчаянием снова оглянулась на Толю, который тяжело молчал.

— Сейчас, девушка, а то когда же! — ответил Посылков. — Ну, вам, я вижу, попрощаться надобно. Когда кончите, крикните меня. Я наверху обожду. Да побыстрей. Обратный путь неблизкий, сутки идти, и отдыхать по дороге едва ли придется!

Махнув Антипову рукой, он исчез за кустами. Зина и Анатолий несколько секунд, не шевелясь, смотрели друг на друга. Лица у них были растерянные. Оба еще не осознавали, не ощутили в полной мере того, что им придется расстаться, и может быть надолго. Глаза Зины медленно наполнились слезами, она протянула к Толе руки и жалобно, совсем по-детски, протянула:

— Что же это, а? Как же мы теперь?..

Антипов подошел к ней и обнял. Девушка уткнулась ему в плечо, но не плакала, слез почему-то не было. Она лишь вздрагивала всем телом, точно от холода. Нахмурившись, с каменным лицом, Толя гладил ее по мягким волосам и глухо говорил:

— Так надо, Зиночка, родная, ну что же делать?.. Не расстраивайся, дорогая, милая... Мы будем часто встречаться!.. Вот здесь, на этом месте, по субботам. Я попрошу Алешку, чтоб всегда посылал меня с донесениями... Ты плачешь? Не надо, хорошая моя, ну, посмотри на меня, посмотри!.. Глаза у тебя, как зеркало, и блестят!.. Зина, Зиночка!..

И еще много говорил Толя таких слов, которые нельзя и не нужно повторять сейчас. Предназначенные для любимой и услышанные лишь ею одной, они звучали бы теперь совсем иначе и все равно не передали душевной боли, любви и нежности того, кто произнес их пятнадцать лет тому назад в Сукремльском овраге, в горькую минуту прощания.

И Зина и Толя с трудом удерживались от слез, но ни на секунду не заколебались, им не пришло на ум, что можно не послушаться Афанасия Посылкова, и сделать так, чтобы в лес отправился другой.

— До свиданья, Зина!

— До свиданья, Толя! — в последний раз прозвучало в овраге, и Антипов, не оглядываясь, стал взбираться по тропинке, а Зина, держа шапку в руке, смотрела вслед. Так она стояла и смотрела до тех пор, пока Анатолий не скрылся за гребнем оврага. Тогда девушка медленно надела шапку, вытерла слезы и пошла к Посылкову, который терпеливо ждал ее, сидя наверху, на пеньке, и с тревогой поглядывая на все больше хмурившееся небо.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Володя Рыбаков, четырнадцатилетний мальчишка, которого Золотарев встретил в автобусе в сопровождении милиционера, обладал твердым характером. Он никогда не падал духом и на все неприятности реагировал лишь усмешкой, которая должна была выразить его презритель-

ное отношение к жизненным невзгодам. Но в ту ночь, когда отец, слесарь локомобильного завода Кирилл Андреевич Рыбаков, неожиданно оделся, взвалил на плечо туго набитый рюкзак и ушел из дому, Володя не выдержал, и лицо его стало мокрым от слез, которые он, давясь, пытался сдержать.

Володя с самого начала все слышал: и как отец шепотом разбудил мать, Анну Григорьевну, и сказал ей: «Пора!» — и как наскоро закусывал, стоя возле стола в телогрейке, ватных брюках и высоких болотных сапогах, и как подошел к Володиной кровати и, наклонившись, долго смотрел на сына. Володя лежал с закрытыми глазами и изо всех сил старался не моргнуть, чтобы отец не догадался, что он не спит. Ему хотелось спросить: «Куда ты уходишь?» Но он самолюбиво решил: «Раз сам не говорит, не стану навязываться!»

Если бы знал Володя, что не увидит отца очень долго, то, конечно, плюнул бы на самолюбие и прижался лицом к родной колючей щеке...

Они с отцом особенно подружились с того дня, когда Володю привел домой милиционер после неудачного побега на фронт. Кирилл Андреевич стал смотреть на сына иными глазами, как на взрослого. Они часто беседовали теперь по вечерам о войне, о будущем, точно равные по летам и по опыту. И вот отец ушел, не сказав Володе куда, скрыв все, как от маленького... Как тут было не заплакать от горя и обиды!

Только под утро уснул Володя.

— Отец уехал в командировку! — сказала Анна Григорьевна за завтраком, пряча от сына покрасневшие глаза. Володя промолчал. Ему было неловко за мать. Зачем обманывать?

Он не являлся домой по целым суткам. В городе такое творилось, разве усидишь! Рыбаков бегал на станцию смотреть, как вывозят оборудование завода, вертелся под ногами у рабочих, заглядывал в окна опустевших домов. Он всюду успевал. Прибегал домой, еле дыша от усталости, начиненный новостями, и наскоро, заплетающимся языком пересказав их матери, засыпал, как в черную яму проваливался. К отъезжающим он в ту пору относился презрительно. «Струсили! Немца испугались!» Сам лично Володька ничего не боялся! К тому же он всерьез не верил, что немцев пропустят. Трудно было предста-

вить, что в город, который он знает наизусть, придут солдаты в чужой форме и начнутся все те ужасы, о которых он читал в газетах.

Но в начале ноября Рыбаков понял, что наступают тревожные дни. Он решил откровенно поговорить с матерью.

— Я знаю, что отец ни в какой не в командировке!

Володя сидел за столом, ковыряя пальцем скатерть и всем нахмуренным, неприступно суровым видом показывая, что не расположен к шуткам и не потерпит больше лжи.

— Я тебя не спрашиваю, где он! Ты все равно не скажешь! Это дело твое... Но сейчас ты другое объясни! Мы что, разве с немцами останемся? Все поуезжали? Учти, я с фашистами жить не хочу. Ихним порядкам подчиняться? Ни за что! Что скажет папа? А потом, учиться я буду или нет? Учителя разъехались, школу закрыли... Ну, почему ты молчишь, мама? Не надо, ну, пожалуйста, не надо плакать! — вскочил Володька. Он боялся и не любил слез, а мама прежде при нем никогда не плакала. Володя осторожно прикоснулся к маминой руке, желая успокоить ее, но Анна Григорьевна прижала вдруг его голову к груди и прошептала:

— Ох, Володя, тяжело нам будет! Одни мы остаемся, а отец хоть и близко, но так далеко, что и письма не напишешь!

Она впервые так серьезно, по-взрослому, разговаривала с ним, и Володька, который сперва не понял, как это можно одновременно находиться и близко и далеко и уже хотел было расспросить, вдруг почувствовал себя мужчиной, на котором лежит ответственность за семью. Отложив неуместные вопросы, пытаясь воспроизвести отцовский хрипловатый басок, он ответил матери:

— Ты не беспокойся! Не пропадем! Я работать буду!

...И вот пришли немцы. Они были совсем такие, какими их представлял Рыбаков: бесцеремонные, в серо-зеленых мундирах, чуждые и непонятные настолько, насколько могут быть чуждыми неведомые существа с другой планеты. С ними нельзя было найти никаких точек соприкосновения. Они реагировали на все не так, как люди, которых знал Володька. Никогда невозможно было понять, что скажет или сделает немец через секунду. Он мог похлопать по плечу, сунуть в руку сигарету, дать пинка сапогом или вынуть пистолет и пристрелить. Вы-

ходя утром из дому, Володька не был уверен, что вечером вернется, что дом останется цел, что мать будет жива, и от этой неопределенности и неустойчивости в душе поселились страх и злость. Володя не боялся, что его застрелят, а боялся, что это может случиться неожиданно, и он не успеет совершить то, что задумал. Задумал же Рыбаков собственной рукой убить немецкого офицера и раздобыть таким образом пистолет, чтобы в дальнейшем уничтожать фашистов систематически. Это решение возникло после того, как он узнал, где находится отец.

Ночью Володька проснулся от громкого шепота. Открыв глаза, он увидел за столом растрепанную, заспанную мать и чужого мужчину. Вид у гостя был такой, словно тот присел лишь на минутку и сейчас же уйдет. Давно не бритый, в телогрейке, ватных брюках и валенках, он то и дело оглядывался на дверь.

— А здоров, здоров он? — жадно заглядывая гостю в глаза, спрашивала мать. — Это ведь самое главное!..

— Здоров! — ответил мужчина. — У нас, дорогая вы моя Анна Григорьевна, климат очень даже полезный! Сосны, свежий воздух. Холодновато, конечно, не без этого, так опять же, сами понимаете, не на курорте!.. Вы скажите лучше, как немцы? Лютуют?

— Одно слово, немцы, везде они одинаковые, что о них говорить! — сердито махнула рукой мать. — А не нужно ли чего Кириллу Андреевичу? Может, варежки или, например, портянки? Байка у меня есть...

— Не помешает! — подумав, сказал гость. — В нашей партизанской жизни такие вещи всегда полезны!

«Вы партизан!» — едва не крикнул Володька. Он с трудом улежал на кровати. Так вот где отец!..

Анна Григорьевна проводила гостя и, вернувшись в дом, подошла к сыну. Она поправила сползшее одеяло, поцеловала Володьку в лоб. Тогда он не выдержал и открыл глаза. Он смущенно смотрел на мать, а та в замешательстве не знала, что делать.

— Ты не спишь? — наконец спросила.

— Не сплю! — шепотом ответил Володька и глазами добавил: «Я все слышал, но не беспокойся, потому что я умею молчать!» Вздохнув, Анна Григорьевна подоткнула одеяло, как любил сын, и негромко сказала:

— Ну что ж!..

Володька понял, что она молчаливо признала его

право все знать, и почувствовал, что в эту ночь перешагнул какой-то рубеж. Он не ошибся. Так кончилось детство!

В эту ночь и возникла у Володьки мысль, что он должен не отстать от отца. Отец в лесу, он здесь!.. Пусть узнает Кирилл Андреевич и расскажет друзьям-партизанам, что сын стал взрослым и достоин того, чтобы его называли мужчиной!.. Но утром непредвиденное обстоятельство помешало немедленному осуществлению его планов.

Выйдя на улицу, Володька заметил на заборе желтый листочек. Догадавшись, что это новый приказ коменданта, он подошел ближе. И похолодел. Было написано: «Всем жителям города Любимова в двадцать четыре часа сдать в комендатуру имеющиеся радиоприемники, а также почтовых голубей. За неисполнение — расстрел!» Володька бегом вернулся в дом, по лестнице взобрался на чердак. Под ногами шуршал высохший птичий помет. Голуби, увидев хозяина, заворковали и, шумя крыльями, слетелись к ногам. Рыбаков присел на корточки и стал брать в руки и гладить сизых и белых турманов. Ни за что на свете не отдаст он голубей, свою гордость!..

Давно, еще со второго класса, он был страстным голубятником и проводил на чердаке все свободное время. Учителя косо смотрели на это увлечение и не раз требовали, чтобы родители продали или разогнали голубей, которые мешали Володе заниматься. Мать однажды попробовала сделать это, но сын так решительно восстал, так кричал, плакал и топал ногами, что Кирилл Андреевич заступился: «Ладно, мать! Пусть его!.. Будем следить, чтобы уроки учил!»

У Рыбакова была самая большая и лучшая стая в Любимове. Мальчишки отчаянно завидовали ему и не раз пытались стащить наиболее породистых и обученных вожаков. Но Володька лишь посмеивался. Он не горевал, обнаружив пропажу, зная, что через день — два голуби все равно прилетят домой... Так обычно и случалось. И вот теперь он должен своими руками отдать их немцам? Нет, этому не бывать!

Он еще не знал, что предпримет, но выполнять приказ коменданта не собирался. Другие дела отодвинулись на второй план. Нужно было, не теряя времени, спасать го-

лубей. В конце концов Володька решил, что выход только один: устроить голубятню в пустынном месте, замаскировать и в корзинке перетащить туда птиц. Он тотчас же принялся за дело. Разобрал проволочную сетку и отнес на старую баржу, стоявшую на вечном причале и уже вмерзшую в недавний, но крепкий речной лед. Володька сразу вспомнил об этой барже. Туда никто не ходит, да и кому придет в голову, что там спрятаны голуби! Он за час соорудил новую клетку. Теперь оставалось перенести своих питомцев в другое место. Рыбаков для первого раза взял лучших, наиболее боевых и прирученных птиц. Он бережно посадил их в плетеную корзину, которую сверху прикрыл тряпкой, и отправился в путь. Но в центре города случилась беда.

К Рыбакову подошли два полицая и потребовали, чтобы он показал, что в корзинке. Володька знал этих полицаев. Один, известный еще до войны как отпетый вор и хулиган, был теперь начальником охраны локомобильного завода. Звали его Федька Козлов. Другой по кличке Мотя Красавчик появился в Любимове уже при немцах. Ходили слухи, что он сбежал из тюрьмы, где отбывал наказание за убийство. В общем это была достойная парочка. Они всегда ходили вместе, и оба отличались жестокостью и раболепной преданностью немцам.

— Ого, да это голуби! — воскликнул Мотя Красавчик, приподняв тряпку. — Хороши турманы! За таких и под расстрел не жалко! Ай да парень!.. Что же, Федор Игнатыч, придется, наверно, этого голубятника в комендатуру доставить! Молись богу, парень, расстреляют тебя!

— Не пугай, — хмуро ответил Володька.

— А ну, пошел вперед! — скомандовал Козлов.

— Да я сам туда иду! — нашелся Рыбаков. — Приказ господина коменданта прочитал и пошел. Вот я пожалуюсь, что вы меня задерживаете!

Козлов несколько секунд рассматривал его маленькими, мутными глазами, затем тихо сказал:

— Ну?! Хитер, сопляк! А где твоя стая? У тебя же, я помню, штук сорок голубей было, а в комендатуру трех несешь?

Полицаи пошли вместе с Володькой к нему домой, забрались на чердак и громко захохотали, увидев копошащихся белых птиц. Они хватали голубей, сворачивали им

шейки и швыряли на пол. По чердаку летали перья. Володька сидел на ступеньке и смотрел на полицаев потемневшими от боли и ненависти глазами. Уходя, Федька пнул его сапогом и сказал:

— Ну вот, теперь порядок! Скажи спасибо, что возиться с тобой неохота, а то бы сплясал ты у немцев!.. Что молчишь?

— Ладно! — тяжело ответил Рыбаков и отвернулся.

— Нет, ты скажи что-нибудь? — приставал Козлов, ухмыляясь. — Ну, выругай, что ли! Тогда мы нашу беседу культурно продолжим!

Но Володька молчал. За этот час он повзрослел. После ухода полицаев он долго стоял на чердаке, не вытирая сердитых слез, катившихся по загорелым щекам, затем аккуратно собрал еще теплые трепещущие голубиные тушки и отнес матери:

— Вот, свари обед!

— Что случилось-то? — испугалась Анна Григорьевна, взглянув на его исказившееся лицо. — Зачем ты их?.. — Она не договорила.

— Не я! — ответил Володька. — Полицаи! Понятно?.. Ну и все. И не говори со мной об этом...

Он не стал есть и, уйдя из дому, до темноты бродил по улицам, стараясь не попадаться на глаза немцам. Как ни странно, Володька почти не думал о голубях. У него были заботы посерьезнее. Матери тяжело. Запасов хватит не надолго. А что потом? «Работать надо!» — решил подросток. Он подошел к локомобильному заводу и задумчиво прислонился к забору. «Опять же, на кого я буду работать? — размышлял он. — На немцев? Нет, это не дело!»

Возле проходных ворот прогуливался полицейский в немецкой форме, с белой нарукавной повязкой. Вдруг рядом с Володькой отодвинулась в заборе доска. Появился маленький парнишка с огромным бидоном в руке и, увидев Рыбакова, тотчас же спрятался. Через секунду он снова высунул голову и с опаской спросил:

— Ты кто?

— А ты?

— Я здешний! — ответил мальчишка, внезапно исполнившись доверия к Володьке. — Рядом живу. За керосином лазил. Пусти, а то полицай увидит!

— За каким керосином? — заинтересовался Рыбаков.

— На заднем дворе склад есть! — шепотом объяснил паренек. — Цистерны стоят, бочки железные. Одна бочка открыта. Вот я оттуда и таскаю...

Володька сосредоточенно смотрел вслед предприимчивому мальчишке. Бочки? Цистерны? И туда можно проникнуть?

Он вдруг сорвался с места и побежал домой. По дороге все прибавлял и прибавлял ходу. Быстрее! Это может выйти просто здорово! Вот тогда этот негодяй Федька Козлов запоет по-другому!..

Через полчаса Володя уже снова был возле забора и без труда нашел отодвигавшуюся доску. Он раза три был на заводе до войны, с экскурсией, и теперь быстро отыскал задний двор. Совсем стемнело, это было ему на руку. Вот и склад!

Володька подошел к железной бочке. Оставалось пролить на землю керосин, бросить в лужу подожженную тряпку и уносить ноги. Но тут он заколебался. Ему стало страшно. Представилось, что́ сделают с ним, если поймают. А убежать было мало шансов. Пока доберешься до дырки в заборе, сто раз успеют схватить! Рыбаков сел прямо на твердый, утоптанный снег, стиснув в кулаке спичечную коробку. Он никак не мог решиться выполнить то, для чего пришел. Сердце колотилось так громко, что Володя с опаской прижал к груди руку, боясь, что кто-нибудь услышит. Выходит, он только мечтать способен, а как дошло до настоящего дела, спасовал? Что сказал бы отец, узнав про такое малодушие. Значит, он трус? Обыкновенный трус?..

Рыбаков придумывал для себя самые обидные прозвища, но мертвая тишина, в которой он как будто утонул, гипнотизировала, лишала сил... Он так бы, наверно, и не поджег склад, если бы не появился часовой.

Это может показаться странным, но, увидев черную фигуру полицейского, который приблизился к складу и встал возле цистерны, Володя точно очнулся. Оцепенение как рукой сняло. Теперь, когда его противником были не тишина, не мрак, не пустынный двор, а вооруженный полицай, Володька снова стал самим собой. Неведомая опасность испугала его, а реальная, близкая — прибавила сил. Так некоторые люди, не сгибающиеся под

выстрелами, вздрагивают и бледнеют при виде безобидной мыши.

Володька ругал себя последними словами за то, что пропустил удобную минуту. Теперь выполнить задуманное было гораздо труднее. Часовой, поеживаясь от холода, быстро расхаживал вдоль железнодорожной колеи, на которой стояла цистерна. Отлучался он перед этим, как догадался Рыбаков, для того, чтобы подбодрить себя водкой; теперь полицай пошатывался и мурлыкал сквозь зубы какой-то нехитрый мотив.

Рыбаков, наконец, сообразил, что надо делать. Бочки стояли под деревянной крышей, которая нависала и над рельсами. Полицай разгуливал снаружи. Володька подполз к открытой бочке и консервной банкой, которую нашел на снегу, стал вычерпывать керосин.

Банку за банкой он выливал на деревянный пол, на стену, на бочки. Минуты тянулись медленно. На фоне неба мелькала, как маятник, сгорбленная тень полицая. Когда бочка наполовину опорожнилась, Рыбаков напряг все силы и плавно перевернул ее. Черной струей керосин хлынул на пол.

Володя был очень осторожен, и все-таки несколько раз отчетливо звякало железо, и тогда он замирал и прижимался к земле. Когда перевернулась бочка, раздался глухой стук. Полицейский обернулся и застыл, подняв винтовку. Володька сжался в комок, думая: «Если заметит, брошусь прямо ему под ноги!» Но обошлось.

Выбравшись ползком из склада, Рыбаков остановился под каменной стеной, на которой держалась крыша. Над ним чернело небольшое квадратное окошко. Он вынул из кармана намоченную в бензине тряпку, чиркнул спичкой. Вспыхнуло едкое желтое пламя. Володька швырнул тряпку в окно и не успел отпрянуть, как оттуда вырвался сноп белого пламени. Раздался такой звук, как будто лопнула исполинская бутылка. С обожженным лицом, полуослепший, Рыбаков помчался прочь. Он спотыкался, падал, наконец протиснулся сквозь дырку в заборе.

— Стой! — кричали сзади. Багровый снег скользил под ногами. Кожу на лице щипало, глаза слезились. Грянули несколько недружных залпов. «Неужели заметили?» — мелькнуло у Рыбакова. Он побежал по переулку, боясь оглянуться. Да, его заметили. Из заводских ворот, которые, казалось, секунду назад выкрасили охрой,

выбежали, неловко подбрасывая ноги, двое полицейских и немецкий солдат с автоматом. Прижав автомат к животу, солдат палил вдоль улицы. Зарево разгоралось. Володька перелез через забор, пробежал проходным двором, но в спешке не рассчитал и попал на центральную улицу, освещенную электрическим фонарем. Возле входа в кинотеатр толпились немцы. По тротуару фланировали офицеры в шинелях с меховыми воротниками под руку с разодетыми женщинами.

— Хальт! — услышал Володька. Задыхаясь, он бросился в первые попавшиеся ворота. Полицейские и немцы были уже близко. Пуля с треском отодрала длинную щепку от калитки, которую он не успел захлопнуть. Володя в отчаянии заметался по двору. Вдруг услышал негромкий голос:

— Эй, ты! Давай быстрей сюда!

Чернело полуоткрытое окно. Оттуда выглядывало круглое лицо. Блестели глаза. Рыбаков не раздумывал. Он ухватился за подоконник, почувствовал, как его втаскивают наверх, и на секунду потерял сознание. Он тут же очнулся и увидел высокого юношу, поспешно закрывавшего окно. Со двора доносились крики и выстрелы.

— Сюда! — шепнул юноша и подтолкнул Рыбакова в спину. Володька, споткнувшись о порог, очутился в кухне. Темнел открытый шкаф.

— Поместишься? — спросил хозяин дома. — Давай, давай! Обыскивать будут!..

Володя долго стоял, вытянувшись, в тесном шкафу по соседству со старыми, пахнущими нафталином вещами. Дыхание его постепенно стало ровным. Теперь он мог все обдумать. Кто этот юноша?.. Надо быстрее выбираться отсюда и бежать домой. Неужели он все-таки спасся? А склад горит! Пылает вовсю! Вот, наверно, всполошились немцы. Не погладят теперь по головке начальника заводской охраны Федьку Козлова! Мысли беспорядочно теснились. Но вот послышались шаги. Дверца открылась. Рыбаков увидел худого, высокого парня лет восемнадцати, в очках. Он держал в вытянутой руке оплывший огарок свечи:

— Вылезай! Что ты натворил? Почему они за тобой гнались?

«Я склад поджег», — хотел ответить Володя, но подумал, что в сущности совершенно не знает своего спаси-

теля. Пожалуй, не стоит откровенничать перед первым встречным.

— Из-за голубей! — быстро сообразил он. — Голубей надо было сдать в комендатуру, а я не захотел. Вот меня и потащили... А по дороге я вырвался и убежал!

Хозяин дома смотрел на Рыбакова недоверчиво и испытующе:

— Ты не врешь?

— Провалиться сквозь землю! — хладнокровно поклялся Володька.

Так познакомился Рыбаков с Женькой Лисицыным. В тот же вечер он встретился с Алешой Шумовым и Толей Антиповым. Ребята пришли вскоре после того, как Володя вылез из шкафа. Поздоровавшись и не заметив Рыбакова, скромно сидевшего на диване, они заговорили о поджоге склада. Оказалось, Антипов тоже только что побывал на заводе. Ему было поручено разведать, как охраняется электростанция, но, выполнив задание, он едва не попался немцам, которые после поджога склада прочесывали территорию. Ему с трудом удалось уйти. Анатолий был зол и одновременно восхищен смельчаком, который под носом у фашистов совершил диверсию. Он был уверен, что склад подожгли партизаны. Лисицын подождал, пока друзья выговорятся, и, подняв выше свечу, чтобы был виден Володька, торжественно сказал:

— Вы хотите посмотреть на этого знаменитого партизана? Вот он! Я его вырвал буквально из рук у полицаев. Он врет про каких-то голубей, и это лишний раз доказывает, что у него в голове мозги, а не пшенная каша, но взгляните только на его костюм! Даже и смотреть не надо, достаточно понюхать. К тому же его физиономия довольно сильно обгорела.

Таким образом Володькин обман был раскрыт. Он давно догадался по разговору, что эти ребята связаны с партизанами, и поэтому не стал отрицать своих заслуг и ждал, что новые знакомые будут его хвалить и восхищаться, но неожиданно ему пришлось выслушать строгую нотацию.

— Скажи, пожалуйста! — сердито сказал Алексей. — Какой грозный народный мститель нашелся! Вот вам, кстати, еще одно доказательство того, что ни в коем случае нельзя действовать в одиночку, на свой риск, ни с кем не посоветовавшись. Он воображал, что совершает

подвиг, а на самом деле чуть было не сорвалось более важное дело! Ты понимаешь вообще, о чем я говорю? — обратился он к Рыбакову.

— Понимаю! — с непривычной для него покорностью ответил Володька, которому Шумов с первого же взгляда очень понравился. — Очень даже понимаю. Но я, ребята, не виноват!.. Я же ничего тогда не знал... А теперь, конечно, я ничего делать не буду, пока с вами не посоветуюсь! — Говоря так, он, разумеется, хитрил. Володя хотел дать понять ребятам, что теперь как бы автоматически стал членом их организации. Но, к немалой обиде Володьки, с ним даже не стали разговаривать на эту тему, а велели идти домой и не высовывать носа на улицу, пока его не позовут. И позовут его лишь в том случае, если он понадобится. А возможно, еще и не понадобится!.. В общем в этом было мало утешительного, но все-таки Володька летел домой как на крыльях. Он чувствовал, что сегодня столкнулся с серьезными людьми, которые не шутят. И они обещали принять его к себе! Все-таки обещали!..

После ухода Володьки ребята перешли из дому, где их могли случайно накрыть немцы или полицаи, каждую ночь шнырявшие по квартирам, в подвал, совсем теперь незаметный под снегом. Женька зажег свечу, и они уселись на деревянный топчан. В подвале было холодно, изморозь на стенах искрилась от дымного пламени свечи.

— В общем, ребята, проникнуть на электростанцию нельзя! — мрачно сказал Толя. — Я все облазил. Место открытое, четверо немцев охраняют. Это тебе не полицаи, торчат, как привязанные!

— Значит, никак нельзя? — задумчиво спросил Алеша.

— Никак! — покачал головой Антипов. — Но взорвать ее нужно! Потому что немцы завод через неделю пустят. Сейчас приводят в порядок станки, цеха. Всех рабочих, кого сумели найти, арестовали и поселили в бараке с решетками. Будут там жить и работать. Полицаи их стерегут, чтобы не разбежались. На заводе танки будут ремонтировать, автомашины, самоходки... Ну, а без электростанции им труба!..

— Что же ты предлагаешь? — спросил Женя.

— А вот что! — оживился Толя. — Я все обдумал как следует. За это дело мне нужно взяться!

— Тебе?

— А что ж! — обиженно сказал Антипов, неправильно поняв восклицание Шумова. — По-твоему, я не справлюсь? Пойми, я завод как свои пять пальцев знаю, сумею и спрятаться и удобного момента дождаться. А если другому поручить, он и до электростанции не дойдет, зря попадется!..

— Хорошо, допустим, ты прав! Хотя задание у нас другое, нам самим взрывать не приказывали... Но, скажем, поручат тебе это сделать. Что же дальше? Ведь сам говоришь, что незаметно проникнуть на электростанцию нельзя.

— Незаметно нельзя, а вообще можно! — спокойно ответил Анатолий. — Я возьму гранаты и тол и открыто пройду прямо мимо часовых. Пока они опомнятся, я швырну гранату. И все!

— А сам? — тихо спросил Алешка.

— Я смерти не боюсь! — ответил Антипов. — Ведь все равно надо кому-то туда идти!

Он сказал это без всякой аффектации, и Алешка почувствовал, что Толя действительно сделает то, о чем говорит. А тот глядел на Шумова и даже не понимал, почему Алешка так разволновался.

Антипов не усматривал особого героизма в том поступке, который хотел совершить. Но не нужно думать, что он не боялся смерти, как только что заявил. Толя боялся, конечно, как все нормальные, здоровые люди, но просто решил, что сумеет ее избежать. Он долго лежал на снегу возле электростанции, прикидывал так и эдак и пришел к выводу, что успеет швырнуть гранату и прыгнуть в ров, пересекающий территорию завода. Этот ров выкопали до войны для водопроводных труб, но так и не успели засыпать. Взрыв получится сильный, размышлял Антипов, часовых если не убьет, то покалечит, а он тем временем ползком по дну рва скроется. Риск, конечно, был, но Антипов риска не страшился, даже любил рисковать. Он не рассказал о своем плане друзьям лишь потому, что считал эти подробности неважными.

— Не боишься, значит, смерти? — сдержанно переспросил Алешка и неожиданно добавил: — Вот и дурак! Погибнуть всякий сумеет, а ты сделай так, чтоб немца убить, а самому выжить! Не годится твой способ! Мы лучше придумаем.

— Думать некогда! — упрямо возразил Анатолий. — Послезавтра суббота. Докладывать-то о чем будем Афанасию Кузьмичу?

— О том, что задание выполнили! — ответил Шумов. — А ты как думал!.. Вот что лучше скажи, Толька, ты колоть дрова умеешь?

Вопрос был настолько неожиданным, что Антипов не сразу нашелся, что ответить.

— То есть, как?..

— Ну вот, чудак!.. Ты можешь взять обыкновенный колун и с одного удара развалить обыкновенное полено?

— Могу! — недоумевая, ответил Толя.

— Все! — удовлетворенно встал Алешка. — Холодище же тут, ребята! Бр-р-р!.. Женька, ты завтра рано утром пройдись по городу, постарайся выяснить, есть ли у немцев наблюдательные пункты. Замечай, где стереотруба блеснет. Понял? А ровно в час дня приходи сюда, только не опаздывай.

— Понять-то я понял! — ответил Женя. — Но с электростанцией вы что же решили?

— Еще не решили! — ответил Шумов. — Толька сегодня вместе со мной в сарае ночует, там и решим! Дай-ка пару пачек тола, авось пригодятся!

Лисицын, пожав плечами, опустился на колени и по плечо засунул руку в тайник, выкопанный в углу подвала. Он достал несколько кусков тола, похожего на обычное хозяйственное мыло, и протянул Шумову.

— Ты не обижайся! — добродушно сказал Алексей. — Я вижу, губы надул! Ничего я от тебя не скрываю, ты обо всем узнаешь! До завтра.

— А как же быть с этим пацаном? — озабоченно спросил Лисицын. — Он же еще ребенок. Может случайно проболтаться! Или подождет от нас известий, да сам и придет сюда. Не можем ведь мы принять его в группу! Или, тем более, поручения давать!..

— А почему, собственно, мы не можем? — удивился Алешка. — Я как раз наоборот считаю, что он паренек шустрый, надо его привлечь!

— Чепуха! — махнул рукой Женька. — Этого ребенка! Ему же четырнадцать едва исполнилось!.. Нет, как хотите, а я против. Это уже несерьезно!

— Ты не прав, ей-богу! — сказал Толя. — Ну и что же, что ему четырнадцать! Ведь наверно, и нас люди по-

старше считают мальчишками! В конце концов и в его возрасте можно послужить Родине. Не забывай, что этот Рыбаков уже год как в комсомоле! Нет, Алешка правильно решил. В организацию, может быть, принимать его пока не надо, а поручение он выполнит любое. Склад взорвать — это не пустяки! Это кое о чем говорит!

Но Женю так и не удалось убедить.

Они по очереди вылезли из подвала и распрощались. Лисицын заперся в доме на ключ, лег на диван, укрылся всеми одеялами, какие удалось найти, но никак не мог согреться, и еще часа два не спал, лежал с открытыми глазами, сжавшись от холода.

ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА

Илья Прохорович Матвеев работал на любимовской электростанции зольщиком. Ему было уже за шестьдесят. Для него труд этот был нелегок и даже становился непосильным. С утра до вечера он выгребал лопатой горячую золу из-под решетки локомобиля, нагружал в железную тачку и по узкой доске вывозил на свалку. В любую погоду одетый в майку и полотняные черные брюки, опаляемый жаром, он подступал к топке, подгребал розовую золу и тут же выскакивал на улицу — под дождь, если была осень, и под снег, когда была зима. Ему много раз предлагали уйти на пенсию, но Матвеев не соглашался. Он копил деньги на дом. И наконец, перед самой войной, дом был выстроен. Небольшой, но теплый, под черепичной крышей — теперь Илье Прохоровичу нечего было желать! Но с работы он все-таки не ушел. Откладывал со дня на день, а там война началась. Эвакуироваться Илья Прохорович отказался. Разве он мог бросить на старости лет свой дом! Одинокий холостяк, без родных, куда бы он поехал?

Немцев Матвеев не боялся. Он был беспартийным, никогда в общественной работе участия не принимал и надеялся, что солдаты его не тронут. И его действительно не тронули. Только велели выйти на работу. Илья Прохорович подчинился. Теперь он был единственным зольщиком на электростанции. Из всего обслуживающего персонала остались лишь два пожилых электрика. Поэтому

Матвеева заставляли исполнять работу, которую прежде он никогда не делал, например, колоть дрова для локомобиля, подметать полы, накачивать ручным насосом воду в котлы. Матвеев очень уставал и к вечеру едва волочил ноги, но роптать боялся.

В пятницу он, как всегда, вышел с колуном на улицу и направился к поленнице, которая высилась возле забора. Дрова, во избежание пожара, были сложены не на территории завода, а в переулке. Отсюда их два раза в день на грузовике подбрасывали к электростанции. И два раза в день Илья Прохорович, разгоряченный, выскакивал на мороз и неловко махал тяжелым колуном. Сутулый, с нездоровым синеватым цветом лица, он равномерно сгибался и разгибался, с каждым взмахом громко и отчетливо выговаривая: «А-ах!» Устав, Матвеев присел на поленницу и достал кисет с махоркой.

— Здравствуй, дедушка! — услышал он и обернулся. В двух шагах от него стояли два рослых, широкоплечих молодых парня. Они были в старых телогрейках и валенках. Один был пошире в кости, поплотнее, второй тонок и гибок в талии, точно девушка.

— Здравствуйте, если не шутите! — не сразу ответил Илья Прохорович.

— Вы, наверно, руки-то уже порядочно отмотали? — сочувственно спросил один из молодых людей. — Поленья, я вижу, с сучками!

— Сучков хватает! — согласился Матвеев, не понимая, что им нужно.

— Так, может, мы за вас поколем дровишки, а вы за работу махорочки подкинете! — предложил второй парень.

— Вы всерьез говорите? — удивился и обрадовался Матвеев. — Ну, что ж, это доброе, доброе дело старику помочь. Эх, жаль, колун-то у меня один...

— А мы с собой принесли! — широко улыбнулся парень и достал из-под телогрейки колун на длинной блестящей ручке.

Илья Прохорович засуетился. Он ногой развалил поленницу, чтобы ребятам было легче брать дрова, достал объемистый кожаный кисет и, оторвав от сложенной гармошкой газеты два узких листка, сам принялся свертывать цигарки.

А юноши рьяно взялись за работу. Серьезные, точно им предстояло сделать невесть какое важное дело, они сбросили телогрейки, засучили рукава и взялись за колуны. Поленья разлетались с одного, редко с двух ударов. Матвеев с завистью поглядывал на раскрасневшихся ребят и думал, что много лет тому назад и сам он был таким же молодым и ловким. Работая, юноши задорно улыбались. Передвигаясь вдоль поленницы, они отходили все дальше от Ильи Прохоровича. «Здесь же земля ровнее, удобнее колоть!» — хотел он крикнуть, но тут один из молодых людей, а именно тот, который был плотнее и шире в плечах, бросив колун, подошел к Матвееву.

— По очереди решили! — отдуваясь и вытирая со лба пот, сказал он. — Товарищ поработает, а мы потолкуем, дедушка. А может, закурим?

Илья Прохорович подумал, что юноша вовсе не так уж устал. Он вытирает пот, а лоб у него сухой. Но эта мысль мелькнула и исчезла. У Матвеева не возникло подозрений. Закурили.

— Ну, дедушка, как с немцами работается? — спросил парень, присев рядом на толстый чурбак и выпустив в воздух прозрачное кольцо табачного дыма. — Не обижают они тебя?

— А чего им меня обижать! — ответил Илья Прохорович.

— Значит, все хорошо? — кивнул юноша. — Значит, так, если разобраться, то выходит один черт, что Советская власть, что немецкая?

— Для кого, может, и все одно! — неопределенно ответил Матвеев.

— А для тебя, дедушка?

— Ты что пристал ко мне с таким разговором? — рассердился Илья Прохорович. — Ишь, какой дотошный! Ступай лучше товарищу помоги!

— Слово «товарищ» нынче запрещено! — вздохнул молодой человек и бросил в снег окурок. — А ты не серчай, дедушка! Я ведь так просто...

Мимо, топая по смерзшемуся снегу, прошагали два солдата. Вид у них был довольно жалкий. Воротники шинелей подняли, пилотки надвинули на уши, лица посинели от холода.

— Видал? — подмигнул юноша Матвееву. — Не нравится фрицам русский мороз! Какое твое мнение?

— Знаешь что, молодой человек! — с сердцем ответил Илья Прохорович. — Ты мне не сын, не родственник. Меня не знаешь и я тебя тоже. Получил табачок, скажи спасибо и ступай! Вон и друг твой идет. Пора его сменить!

Парни обменялись двумя — тремя словами, которых Матвеев не расслышал, и обратились к старику:

— Ну вот, дедушка! Помогли мы тебе немножко. А больше нельзя. Торопимся по своим делам!

— И на том спасибо! — ответил отчего-то встревоженный Илья Прохорович, отсыпая в протянутые горсти махорки из кисета. — Дай вам бог здоровья! Прощайте!

— Прощай, прощай! — улыбнулся широкоплечий юноша. — Мы тебе помогли, ты фашистам помогаешь, так оно все и идет. Ты нам спасибо сказал, а наши вернутся — тебя поблагодарят за верную службу!.. Пока!..

Матвеев долго смотрел вслед молодым людям, которые скрылись за углом. Последняя фраза, услышанная стариком, еще больше разволновала его. Он не понимал, почему на душе стало так неспокойно. Странные глаза были у этого паренька!

Илья Прохорович, кряхтя, взялся за колун. Он увлекся работой и постепенно стал забывать о происшествии. Когда куча расколотых поленьев показалась достаточной, Матвеев стал складывать их в стороне, чтобы удобнее было потом погрузить на машину. Взяв в руки шершавый березовый кругляк, старый зольщик вдруг обратил внимание на круглую лунку, выдолбленную в дереве. В нее был глубоко засунут тугой бумажный пакет, а сверху дыра замаскирована искусно вставленной щепкой. Но щепка случайно выпала. Илья Прохорович присел на чурбак и пальцем выковырял из лунки пакет. Развернув бумагу, он увидел желтое, твердое вещество, напоминающее мыло.

В первую минуту зольщик удивился, но не связал свое открытие с недавними гостями. Однако чем больше он разглядывал странное полено, тем яснее ему было, что не кто иной, как один из ребят продолбил дыру. Недаром же второй в это время отвлекал его разговором! Матвеев попробовал желтоватую массу на зуб, хотел разломить ее, но тут на ум пришла мысль, заставившая

его со страхом отбросить полено. Ну, конечно! Как он сразу не догадался! В полено заложена взрывчатка! Если оно попадет в топку локомобиля!..

Илья Прохорович лихорадочно принялся разбрасывать штабель, который только что сложил, и вскоре обнаружил еще шесть поленьев с таким же «секретом». Он хотел немедленно вынуть из лунок страшные пакеты, но, схватив первый кругляк, задумался. Седые брови сошлись на переносице. Он сел на чурбак и опустил голову.

Прежде Матвеев никогда не задавал себе вопрос: хорошо или плохо то, что он согласился работать на немцев? Вернее сказать, Илья Прохорович просто как-то не заметил их. Он знал лишь свой крохотный мирок: локомобиль, тачку, десятиметровую узкую дорожку от зольной решетки до мусорной ямы, а глядеть по сторонам было некогда. Но теперь вспомнил все, что слышал и знал о фашистах, и то, что читал в газетах, и ясно ощутил, что жить так, как до сих пор, больше не сможет, не сможет у всех на виду колоть дрова для немецкой электростанции, потому что для русского человека это невозможно и позорно!.. Матвеев подумал о молодых ребятах, которые пришли, чтобы сделать опасное дело, и ему стало стыдно за себя. Совсем юные, почти дети, они рискуют жизнью, борются, не сдаются, а он, старый потомственный рабочий, помогает фашистам!..

Илья Прохорович аккуратно сложил поленницу и на самый верх бросил начиненные взрывчаткой кругляки. Пусть первыми попадут в топку! Перед тем как сделать это, Матвеев тщательно проверил поленья и поправил кое-где отставшие щепки, которыми были замаскированы лунки. Когда приехал грузовик, он собственноручно швырнул в кузов шесть страшных, но безобидных с виду кругляков, боясь, что рабочий может случайно оставить их в штабеле.

Потом вернулся на электростанцию и принялся за обычное дело: начал выгребать из-под раскаленной решетки розовую, пышущую жаром золу. Так он проработал до обеда и хотел было уже идти домой, где на печке, укрытый тулупом, ждал котелок с жидкими щами, но тут в помещение электростанции вошли несколько немецких офицеров в сопровождении целой своры полицаев. Один офицер, высокий, худой, засунув руки в карманы

шинели, о чем-то отрывисто спрашивал начальника заводской охраны старшего полицейского Козлова. Тот забегал вперед и, заглядывая ему в глаза, объяснял:

— Не извольте беспокоиться, господин оберштурмфюрер! Мы следим. Глаз не спускаем! К тому же каждый человек нам прекрасно знаком! Вот кочегары, Лаптев и Краснушкин, люди надежные, при большевиках неоднократно привлекались за прогулы, а это сами видите, старичок дряхлый, Матвеев по фамилии, мухи не обидит!..

Немцы стояли в нескольких шагах от локомобиля, разглядывая электростанцию. Гестаповец достал из серебряного портсигара сигарету и щелкнул зажигалкой.

В это время один из кочегаров, пожилой, с нездоровыми мешками под глазами, принес охапку дров и с грохотом свалил на железный пол. Он открыл топку локомобиля и принялся быстро и ловко швырять в красную пасть поленья. Матвеев, стоявший рядом, увидел знакомый березовый кругляк и похолодел. Ноги ослабели. Почти не дыша он следил, как кочегар хватает одно полено за другим, все ближе подбираясь к страшному кругляку. «Бежать!» — мелькнуло у Ильи Прохоровича. Он шагнул в сторону и остановился. Нельзя! Придется пройти мимо немцев. Его не выпустят, да и у фашистов может возникнуть подозрение. На полу осталось совсем немного дров! Значит, смерть?! Матвеев закрыл глаза и хотел вспомнить свою жизнь, оглянуться на пройденный путь, подвести последний итог. Но не сумел. Мысли отвлекались. Даже с закрытыми глазами он видел, ясно видел это полено и черные руки кочегара. Тот ведь ничего не знает! Он не догадывается, что смерть остановилась за спиной и уже замахнулась... Илья Прохорович покосился на Краснушкина. И едва не вскрикнул. Тот, нахмурившись, разглядывал березовый кругляк. Матвеев понял, что кочегар заметил лунку и в ней бумажный пакетик! Сейчас он поднимет тревогу!..

Но Краснушкин быстро оглянулся на немцев, посмотрел на Матвеева. Их глаза встретились. За долю секунды они успели измерить и оценить друг друга. Илья Прохорович почувствовал, что кочегар догадался обо всем. И этот острый, короткий взгляд, которым они обменялись, был взглядом сообщников! Матвеев еле заметно кивнул. Краснушкин размахнулся и далеко зашвырнул кругляк в пылающую топку. В ту же секунду

он бросился бежать к выходу. Немцы изумленно расступились. «Эх, зря!» — с сожалением успел подумать старик. Он увидел, как высокий, худой оберштурмфюрер метнулся к двери, затем перед глазами Ильи Прохоровича зажглось ослепительное белое пламя.

От взрыва полопались стекла в домах на ближних к заводу улицах. Красный гриб вырос над забором, раскрылся, как диковинный цветок, и медленно растаял в воздухе. Завыла сирена. Отовсюду к заводу неслись грузовики, набитые солдатами.

— Ну вот! А ты боялся, не выйдет! — сдержанно сказал Алешка, но голос его вздрагивал от восторга.

Антипов, вытянув шею, провожал взглядом грузовики, один за другим исчезавшие за углом. Когда улица опустела, он повернулся к Шумову:

— Ух, и волновался я! Знаешь, старик этот мне не очень понравился! Взгляд у него какой-то такой... Мутный! Немецкий холуй! Я все время боялся, что он наткнется на наше полено, и тогда пиши пропало!

Они стояли во дворе у Лисицына. Дом был заперт. Женька еще не возвращался. Прячась за высоким забором, чтобы их не заметили снаружи, Алеша и Толя любовались заревом, которое широко разлилось над крышами. У Антипова телогрейка была в опилках. Шумов, заметив, тщательно отряхнул их и сказал:

— А колун не забудь спрятать подальше!

— У меня душа не на месте! — озабоченно ответил Анатолий. — Старичок-то наверняка зловредным окажется! Знаю я этих тихих старичков! Он нас хорошо запомнил. Думаешь, когда был взрыв, он не догадался, чьих рук дело? Вполне может донести!

— Да, дед, конечно, ненадежный! — вздохнул Алешка. — Теперь, впрочем, поздно об этом говорить. Надо вести себя поосторожнее. Но где Женька?

Они заговорили о Лисицыне, забыв о Матвееве и о тех недобрых, незаслуженно-обидных словах, которыми, сами того не подозревая, оскорбили его, уже в этот момент мертвого, отдавшего жизнь за общее дело! Так и не узнали никогда ребята, и никто на свете не узнал, как геройски погиб старый зольщик Илья Прохорович Матвеев... Как много было тогда таких безымянных героев! Они совершали подвиги во имя Родины, не заботясь о том, что́ скажут о них после смерти.

Лисицын появился совсем не с той стороны, с какой его ждали Алешка и Толя. Он подошел сзади и хлопнул Шумова по плечу. Тот испуганно обернулся и облегченно засмеялся, увидев товарища.

— Наконец-то! Где ты пропадал? И почему мы тебя не видели?

— А я огородами пробрался! — возбужденно ответил Женька. — Ну, ребята, как она пылает! Крепко сварганили, ничего не скажешь! Я бежал как сумасшедший. За Тольку беспокоился!.. А вы оба целы... Народ из окон выглядывает, весь город на ногах, честное слово! Полицаи, как тараканы на сковородке! Что же вы молчите? Я ведь ничего не знаю!

— Не на улице же будем разговаривать! — ответил Алешка. — Пошли в дом. И в конце концов, Женя, когда ты дров напасешь? Сейчас бы в самый раз возле печки погреться, а у тебя в хате морозно, как в чистом поле! Ты, если сам не умеешь, Тольку попроси. Он наколет. У него уже практика имеется.

— Это ты здорово придумал! — восхищенно ахнул Лисицын, когда Шумов рассказал обо всем. — Как тебе пришло в голову?

— Случайно! — улыбнулся Алешка, ползая на коленях возле печки и складывая в топку старые газеты и щепки. — Толик, дай-ка спички!.. Понимаешь, я почему-то вспомнил, как еще до войны нашел в саду патрон. Я его в огонь швырнул, хотел, чтобы хлопнуло погромче, а у нас все дрова из печи выбросило, чуть пожар не наделал! Попало мне от бабушки! Ну, и сообразил, что точно так же можно и с толом... В общем особой хитрости тут нет! Ты лучше расскажи, что хорошенького видел.

— Наблюдательный пункт я обнаружил! — кашлянув для солидности, ответил Лисицын. — И знаете где? На колокольне! Честное слово! После того как отца Николая расстреляли, церковь закрыли. На паперти солдат с автоматом стоит. А наверху наблюдатели со стереотрубой и с пулеметом. Я даже нарочно на крышу соседнего дома забрался, чтобы лучше все разглядеть!.. В общем, товарищ командир, задание выполнено!

Лисицын молодцевато щелкнул каблуками своих разбитых, с отставшими подошвами, сапог и поднес ладонь к козырьку кепки. Он попытался сделать серьезное лицо, но улыбка, помимо его воли, все шире расползалась по

лицу, а глаза откровенно сияли. «Какой же ты еще мальчишка! — ласково подумал Алешка. — И мы все мальчишки! А впрочем, неправда! Не игра у нас, а борьба! Мы рискуем жизнью. И Женька не оттого так счастлив, что сам отличился, а потому, что важное дело выполнил! Вот этим он и не похож на довоенного Женьку!»

Шумова в последнее время все чаще охватывало раздумье. Он не мог ничего сделать без того, чтобы тотчас же не взглянуть на себя как бы глазами постороннего человека. Его тянуло к обобщениям, мысль силилась проникнуть в глубину событий. Он не знал, что это было признаком наступающей зрелости. И сейчас он глядел на Женю и Толю, словно увидел их с какой-то совершенно новой стороны. Это были не просто ребята, которых он знал с детства, понятные до конца, а два очень разных человека, с собственными, непохожими мыслями и мечтами... Каким же чистым нужно быть, чтобы иметь право распоряжаться их жизнями!..

— До завтра, хлопцы! — сказал Алешка. — Я пойду донесение писать. А ты, Толик, на рассвете будь готов! В Сукремльском овраге тебя Посылков встретит. И Зина. Трудно ей, бедняжке, наверно, с непривычки-то... Ты, Толик, расспроси, может, ей что нужно из одежды или еды.

— Ладно, — покраснев, ответил Антипов. — Расспрошу.

...Бабушка Елизавета Ивановна расчищала лопатой в снегу дорожку, которая вела от крыльца к калитке. Лицо у нее было суровое. Одета она была в свое меховое черное пальто, уже порядком облезшее и лоснящееся на локтях, и в высокие неуклюжие валенки. Она вырезала лопатой в снегу правильные кубики, затем, поддевала их и бросала в кучу.

— Здравствуй, бача! — ласково обратился к ней Алешка. — Ты завтракала?

— Здравствуй! — выпрямилась Елизавета Ивановна и внимательно, пытливо заглянула в глаза внуку. Алеша в смущении отвернулся. Вот уже несколько дней замечал он этот вопрошающий, укоризненный взгляд. Бабушка не расспрашивала, куда уходит внук, но явно о чем-то догадывалась и была обижена, что тот самый Алешка, который так ее любил в детстве, теперь может что-то от нее скрывать.

Шумов прошмыгнул по коридору мимо полуоткрытой

двери, за которой слышалось недружное постукивание сапожных молотков, и забрался на русскую печь в кухне. Он вынул из чемодана школьную тетрадку, вырвал чистый листок и достал из кармана химический карандаш. Но вместо того, чтобы писать, облокотился на руку и задумчиво уставился в голубое, подмерзшее окно.

«Бабушка, милая бабушка! Кто бы мог подумать, что в трудные дни ты окажешься такой мудрой, смелой, спокойной! В твой дом ворвались враги, они прогнали тебя в кухню, но ты все-таки сумела остаться в доме хозяйкой, и даже фашисты вынуждены были это признать! Они топали своими грязными сапогами по полам, а ты упрямо вытирала грязь и клала мокрую тряпку на крыльцо, что бы они видели. Фашисты нарочно выбрасывали тряпку и снова, как свиньи, оставляли за собой лужи, а ты молча, с каменным лицом, окинув их презрительным взглядом, терпеливо мыла пол и доставала новую тряпку... В конце концов солдаты сначала один, а за ним и все, начали вытирать ноги, перед тем как войти в дом. В твой дом, бабушка! Они хотели запретить нам входить в комнату, где сами поселились. Но ты все-таки каждый день входила и осматривала комнату хозяйским взглядом. Ты протирала окна, обмахивала паутину со стен, и в конце концов фашисты почувствовали, что они здесь только непрошеные гости. Их выгонят, а дом останется!.. Как умеешь ты, милая бабушка, быть гордой и непреклонной в мелочах, которые, если разобраться, вовсе не мелочи!.. И как жаль, что нельзя рассказать тебе обо всем, посоветоваться, пожаловаться на то, что трудно!.. Не обижайся же на меня, хорошая бабушка! Моя жизнь принадлежит не мне!..»

Так думал Алешка, прислушиваясь к шороху снега за окном. Написав донесение, он перечитал короткий текст. Ничего не забыто? Ровные, крупные буквы тесно прижимались друг к другу, точно прячась от чужого взгляда: «Комендант города майор Бенкендорф издал приказ об обязательной явке на завод всех, кто прежде там работал. Тех же, кто не подчинился, полицаи арестовали и заперли в барак. Но завод пустить в ход немецким захватчикам не удастся! Сегодня член нашей группы Руслан взорвал электростанцию. Фашисты остались без электроэнергии. Они запустили движок для освещения своих объектов, но свет слабый. Наблюдательный пункт обнаружен на ко-

локольне. Там имеется пулемет. В городе установлены две артиллерийские батареи. Одна на Лесной улице, возле бывшего станкоинструментального техникума, вторая у моста. Прекрасное место для бомбежки, товарищ командир! Докладывает Орел».

Алексей сложил листок и, распоров пиджак, спрятал под подкладку. В кухне стало совсем темно. Бабушка налила горячие щи, молча подала ложку, придвинула табурет, тонкими ломтиками нарезала хлеб. Шумову не сиделось. Торопливо поев, он надел шапку. Елизавета Ивановна, подняв глаза от шитья, с которым примостилась возле коптящей свечи, долгим взглядом проводила внука. В дверях Алешка обернулся:

— Не волнуйся, бача! Все хорошо!

— Не забудь, после восьми ходить нельзя! — Голос Елизаветы Ивановны не дрогнул, но чего ей стоило это спокойствие! Старухе хотелось броситься к внуку, прижать его темноволосую голову к груди, зашептать: «Милый Лешенька, не ходи никуда, останься, ведь над пропастью пляшешь! Уймись, убьют они тебя!..» Но не двинулась Елизавета Ивановна, умела владеть собой. Научил ее этому еще Иван Кондратьевич!

Выйдя на улицу, Алеша увидел возле калитки темную фигуру. Приглядевшись, он узнал Шуру. Она ждала его, съежившись в старенькой шубейке, поглядывая в слабо освещенное окошко кухни. «Почему же она не зашла? — с нежностью подумал Леша, спеша к ней. Но вспомнил, что сам же строго запретил членам комсомольской организации без особой нужды являться друг к другу домой. Девушка уже увидела Алешу, и лицо ее прояснилось. Тонкие брови приподнялись, губы шевельнулись в слабой улыбке. Она шагнула навстречу.

— Здравствуй! — сказал Шумов. — Что-нибудь случилось?

— Я хочу посоветоваться, — заспешила Шура. — Это не имеет отношения к нашей организации...

— Тише! Не здесь! — оглянувшись, перебил Алешка. — Давай я тебя возьму под руку, как будто мы гуляем. Теперь продолжай.

— Маме очень плохо! — горько сказала девушка, и рука ее, которую сжимал Леша, вздрогнула: — Она совсем не встает, ничего не ест уже третий день. Нужно позвать врача. Но где же теперь взять врача? В поли-

клинике фашисты свой госпиталь устроили... Что делать, Алешенька? Мы головы потеряли. И Зины нет, я, как маленькая, реву целыми днями. Тоня губы до крови искусала... И мы ничем, совершенно ничем не можем ей помочь!

Шумов нахмурился. Теплая волна жалости захлестнула его. Захотелось обнять Шуру, прижать к себе, защитить. Милые девчата! Как же им тяжело, гораздо тяжелее, чем ребятам...

— Слушай! — вдруг остановился Алешка. — А почему бы нам не зайти в госпиталь? Есть же там и русские врачи, сестры. Найдем кого-нибудь! Вот увидишь! Ты не падай духом. Знаешь что? Давай прямо сейчас туда пойдем!

— Опасно! — нерешительно ответила Шура, но в глазах ее мелькнула надежда. Предложение, видимо, ей понравилось.

— Ну, что нам могут сделать? — махнул рукой Шумов. — В крайнем случае просто выгонят! Нельзя же в конце концов твою маму оставить без всякой помощи! Только надо узнать, который час.

— Когда я шла к тебе, было половина пятого.

— Значит, в нашем распоряжении еще три часа. Успеем!

Через двадцать минут они вошли в переулок, в конце которого виднелось белое здание поликлиники. На крыльце переступал с ноги на ногу часовой в длинном тулупе.

— Вот видишь! — шепнула Шура. — Туда и не подойдешь.

Шумов не успел ответить. Дверь госпиталя открылась. На крыльцо выскочила девушка в белом халате с засученными рукавами, в тапочках и марлевой косынке на светлых волосах. Тускло-желтый свет электрического фонаря осветил ее всю с головы до ног, затем девушка как будто растворилась в темноте. Но через минуту Леша снова увидел ее. Она бежала, размахивая ведром, к водопроводной колонке. Отпустив руку Шуры, юноша сделал шаг навстречу. Увидев выступившего из темноты незнакомого человека, девушка вскрикнула и уронила ведро, которое с грохотом покатилось по снегу. Шумов поймал его и протянул девушке.

— Не бойтесь меня, пожалуйста! — тихо сказал он. — Я хочу обратиться к вам с большой, большой просьбой. Вы ведь в госпитале работаете?

— Да! — ответила девушка, приглядываясь к Алеше. Она даже подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть его лицо. — Да, я там работаю. Но чем же я могу вам помочь? Кто вы?

— Я!.. Просто местный житель. Понимаете, заболел человек. И нигде нет врача!.. Мы не знаем, к кому обратиться. В вашем госпитале есть русские врачи?

— Есть! — медленно ответила медсестра, продолжая смотреть на Шумова. Ему даже стал неприятен этот упорный, словно что-то припоминающий взгляд. Почему она так уставилась?

— Может быть, вы позовете его?

— Хорошо, я попробую! — опустила глаза девушка. Она набрала воду в ведро и, покачиваясь, пошла к госпиталю. Но через несколько шагов обернулась. Алеша услышал:

— Я вас, кажется, знаю... Только не могу сообразить, где видела!..

— Возможно! Но вряд ли... Я ведь больше в деревне жил...

Когда медсестра ушла, Шура схватила Алексея за руку:

— Она какая-то странная! Тебе не кажется?

— Кажется! Вот я боюсь, что она сейчас немцев приведет, может, лучше спрятаться?..

— Что ты, что ты! — даже испугалась Шура. — Она же русская девушка! Как ты мог о ней плохо подумать!..

— Ах, Шурик! — ласково и горько упрекнул Алексей. — Ведь полицаи, которые раненого красноармейца схватили, тоже русские!.. Разные люди бывают.

— Да нет же! — с досадой покачала головой Шура. — Ты совсем не разбираешься. У нее такие глаза!.. Она очень хорошая! Она нам поможет!

Шумов вздохнул и ничего не сказал. Они стояли так довольно долго. Девушка замерзла и прижималась к Алеше. Было тихо. Из открытой форточки госпиталя доносились визгливые рулады губной гармоники. Где-то далеко раздавались нечастые выстрелы. Эти выстрелы не умолкали ни днем ни ночью. Они слышались то со стороны центра, где была комендатура, то с окраины, то ря-

дом, в соседнем дворе. В эти дни пуля легко находила свою цель...

Дверь быстро открылась, с крыльца сбежал высокий мужчина в накинутом на плечи пальто и в меховой шапке. За ним шла медсестра. Часовой не обратил на них внимания, продолжая приплясывать и хлопать ладонями по бокам. Подойдя к Алеше, мужчина остановился и несколько секунд бесцеремонно разглядывал его маленькими, глубоко сидящими глазами.

— Ну-с, в чем дело? — спросил он наконец отрывисто и, как показалось Леше, неприязненно. — Чем могу служить?

— Понимаете... У нее мама больна! — попытался объяснить отчего-то смутившийся Алеша.

Выручила Шура. Она вдруг порывисто бросилась к доктору, тот даже отступил, и горячо, страстно заговорила:

— Спасите ее! Умоляю вас! Спасите!.. Она ничего не ест, не шевелится, прямо как окаменелая! Похудела, стала, как щепка. Она умрет, если вы не поможете!

— Температура? — деловито спросил врач, наклонившись к Шуре как будто для того, чтобы лучше расслышать ответ. — Есть какие-нибудь боли?

— Нет! То есть, мы не знаем.

— Адрес? — Мужчина вынул крохотную записную книжку и карандаш.

— Проспект Лермонтова, пятнадцать! — ответила Шура, восторженно глядя на него. — Только мы не в доме живем. В доме немцы. А мы в сарае, во дворе. Вы правда придете?

— Глупый вопрос! — сердито бросил врач. — Сегодня поздно вечером.

Не прощаясь, не взглянув даже на Алексея, мужчина круто повернулся и зашагал к госпиталю. Шура хотела что-то сказать, но в это время к ним подошла медсестра, стоявшая все время в стороне, и решительно обратилась к Леше:

— Вы извините меня... Мне очень нужно! У меня есть к вам важное дело!

— Шурик, ты ступай, я догоню! — помедлив, сказал удивленный Шумов.

Девушка долго молчала, покусывая полные губы. Леша уже начал терять терпение, но тут она заговорила, и он

насторожился. Голос был совсем другой, не такой, как две минуты тому назад, давно выношенная боль слышалась в нем, доверчивость, теплота. Смысл слов не сразу дошел до Алеши, а когда он понял, то отступил в замешательстве.

— Я вас сразу узнала! — торопилась девушка, будто боясь, что ей не дадут говорить. — Вы — Шумов, член бюро горкома... Я в Доме культуры вас видела и у Ани Егоровой!.. Я знаю, не может быть, чтобы вы просто так здесь остались! Наверно, вы связаны с кем-нибудь... С партизанами или коммунистами! Я не могу, не хочу больше так жить! Вы должны меня понять. Научите меня, что делать! Я должна что-нибудь делать! Они расстреляли моего отца. Вы, наверное, знаете, — голос девушки зазвенел. — Я... я ничего не умею. Ни стрелять, ни ставить мины... Я обыкновенная, и всего боюсь: немцев, смерти, даже темноты!.. Но я бы смогла доставать медикаменты. Или еще что-нибудь делать! То, что вы прикажете!

Леша несколько раз пытался ее перебить, наконец это ему удалось.

— Вы ошибаетесь! Я ни с кем не связан. И вообще довольно странно то, что вы говорите. Правда, меня когда-то выбирали в бюро, но теперь я не комсомолец. Я с вами на эту тему разговаривать не могу! — Он поклонился и хотел уйти.

— Подождите! — отчаянно вскрикнула девушка. — Не может быть, чтобы вы... Просто вы мне не верите! Я понимаю, я все понимаю, но прошу вас, проверьте меня! Проверьте, я докажу, докажу!.. — Она с мольбой протянула руки.

— Прощайте! — отвернулся Алеша, не в силах больше смотреть на нее. — Очень жаль, но вы ошиблись!

Он побежал, не оглядываясь, зная, что девушка смотрит вслед, и ненавидя себя в эту минуту. Человек всю душу выложил, а он... Провокация? Нет! У нее такие хорошие, правдивые глаза! Нельзя доверяться первому впечатлению, это так, но все равно не нужно было произносить ужасные слова: «Я больше не комсомолец!»

Алеша замедлил шаги, оглянулся. Шуры нигде не было. Ощущение, что он поступил неправильно, усилилось. Шумов готов был вернуться, попросить прощения у незнакомой девушки, но сдержал свой порыв, прошептав: «Погоди, Алеша! Ты же не имел права поступить иначе!

Если бы речь шла только о твоей жизни, тогда другое дело! Ты отвечаешь за судьбу целой организации, ты обязан быть предельно осторожным!.. Но в ближайшее время нужно проверить ее! Ведь она сама предложила это, и она права!..»

Алексей немного успокоился. Он увидел Шуру далеко впереди. Она часто оглядывалась, по-видимому не понимая, почему он медлит. Когда Алеша догнал ее, девушка тотчас же спросила:

— Ну что?

— Она меня, оказывается, знает!.. Хочет бороться с фашистами, просила связать ее с партизанами, — неохотно сказал Леша, чувствуя, что Шура вряд ли одобрит его решение. — А я ответил, что она ошиблась!

— Ты ее очень обидел! — помолчав, грустно прошептала Шура. — Я понимаю, нужна осторожность, но ведь иного человека сразу видно... Она не предательница!

— Я с тобой согласен! — покорно согласился Алеша, взяв Шуру под руку. — Мы-то ведь росли не в этом волчьем мире, где нужно друг друга бояться, а при Советской власти. Мы с детства привыкли верить людям и ждать от них добра, а не зла. Поэтому мы с тобой и мучаемся, что оттолкнули, может быть, хорошего человека. Но фашисты, Шурик, растлевают души. Они умеют это делать, понимаешь? И об этом приходится помнить. У меня самого на сердце кошки скребут. Но все-таки я думаю, что поступил правильно!..

Шура слушала Алексея и удивленно смотрела на его грустное лицо, смутно белевшее в темноте. Он говорил так, как мог сказать зрелый, много переживший мужчина. И тут ей впервые пришло в голову, что Алеша незаметно повзрослел и очень изменился. Она поняла, что он знает больше, видит шире и дальше, и почувствовала особенное доверие к нему. Он был другом детства, а теперь стал командиром, и Шура с радостью ему подчинялась...

Пустынная площадь, ярко освещенная луной, была похожа на театральную сцену, а посередине, точно огромная декорация, чернела церковь с колокольней, отбрасывая на мостовую густую, как тушь, тень. Время было еще не позднее, но жители попрятались, и на улицах можно было встретить только немцев, полицаев да вертлявых молодых людей и барышень, чересчур разговорчивых и вызывающе беззаботных. Появились и такие. Выползли из щелей, и

непонятно было, где они скрывались прежде. Вернее всего, нигде не скрывались. Жили рядом. Все знали им цену, но не судили строго, а в тяжелый час они себя показали. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что было их все ж таки очень мало, ничтожный процент!.. Но так как прочие жители не выходили из домов, то на улицах видно было только их.

— Смотри, Алеша, возле церкви часовой! — шепнула Шура.

— Я знаю! — ответил он. — На колокольне наблюдательный пункт! Хорошо, гады, устроились. Оттуда все окрестности — как на ладони! Я еще до войны лазил. Поджечь бы ее, я уже думал, да как мимо часового пробраться? Другого входа в церковь нет. И через окно не влезешь, узкие окна!

— Я бы могла мимо часового! — нерешительно сказала Шура, когда они прошли площадь и приближались к Алешиному дому. — Но только это лучше сделать не вечером, а утром, чтобы меньше было подозрений. И если ты мне поручишь, я подожгу церковь.

Шурин голос был таким спокойным, словно речь шла о чем-то обыденном. Это поразило Алешку. Он остановился и заглянул девушке в глаза.

— Ну да! — кивнула она. — Почему ты удивился? У меня есть план. Вот, послушай! — И Шура не спеша, стараясь, чтобы он все понял, объяснила Леше, как можно обмануть часового.

— Придумала ты, конечно, здорово! — вынужден был он признать. — Но только... Нет, как хочешь, я не могу допустить, чтобы ты так рисковала! Что будет, если он вздумает тебя обыскать? Нет, нет!

Они стояли у калитки. В конце переулка показался патруль. Заскрипел снег. Блеснули автоматы.

— Ну что ж, — ответила Шура. — Тогда прощай. Я не знала, что ты эгоист!

— Что-о? — отступил Шумов. Он был изумлен. Так девушка еще никогда с ним не разговаривала. Ее голос стал чужим, ломким. Глаза незнакомо сощурились.

— Да, да! Ты только о себе заботишься! Не хочешь волноваться! А для меня опаснее дома сидеть! Какое ты имеешь право запрещать?.. Ты мне не доверяешь, да?

— Не в этом дело! — попытался объяснить Алеша, но она не слушала. Он растерянно погладил Шуру по ру-

каву, уже соглашаясь. — Ну, хорошо. Я буду тебя страховать. Залезу на крышу соседнего дома и если часовой к тебе пристанет, я его застрелю! Пока за мной погонятся, ты успеешь уйти!

— Хорошо! — просияла Шура и вдруг испуганно схватила Лешу за рукав. — Уже пять минут девятого! Немцы идут! Скорее!

Они поспешно вошли во двор и захлопнули калитку. Один из солдат, проходя мимо, погрозил автоматом. Бабушка напоила их чаем, а позднее Шура огородами пробралась домой. Алешка проводил ее. Прощаясь, они условились встретиться рано утром в подвале у Жени.

...Алешка, спустившись в подвал, не узнал Шуру, и даже шарахнулся в сторону, увидев сгорбленную старуху в тряпье, с деревянной клюкой и маленькой котомкой за плечами.

— Здорово! — наконец пробормотал он.

— Тол положи в котомку! — скомандовала Шура. — Туда же и шнур. Только оберни тряпками или полотенцем, чтоб острые углы не торчали.

— А как мама? — спросил Шумов, доставая из тайника тол. — Врач-то был у вас?

— Был, как же! — ответила девушка. — Такой добрый, заботливый! Долго осматривал, потом стал рецепт писать. Писал-писал, вдруг как вскочит и хлопнет себя по лбу: «Аптеки-то теперь нет! Что же я зря бумагу трачу!» Мы приуныли, а он говорит: «Приходите завтра ко мне в госпиталь, я сам лекарство приготовлю». Ушел и денег не взял!

— Какая же болезнь у Веры Петровны?

— Название больно мудреное! — вздохнула Шура. — Какое-то, что ли, реактивное состояние... Доктор сказал, она поправится. Нужен покой!..

Разговаривали, как обычно, но за словами была пропасть, в которую каждый из них страшился заглянуть. Они говорили и боялись молчать. Тишина заставляла думать о том, что им предстояло. Утро было пасмурное, теплое. Медленно падал снег. Он облепил Шуру, и та стояла, похожая на снежную бабу. Алеша бережно стряхнул снег варежкой и, не глядя на девушку, сказал:

— Тут мы разойдемся, ты помни, что я буду на крыше. И не бойся!

— Я не боюсь! — ответила Шура, но когда он пожал

ей руку и отвернулся, она со страхом окликнула: — Алешенька!.. Нет, ничего! Я так...

Он не стал смотреть вслед, боясь, что не выдержит и вернет ее. Алеша побежал к двухэтажному кирпичному дому, стоявшему на углу проспекта Лермонтова, как раз напротив церкви, взобрался по пожарной лестнице на крышу и, открыв слуховое окно, присел на чердаке. Паперть и часовой в зеленой шинели были под ним. Он протер стекло, достал пистолет, подаренный Золотаревым, и, устроив локоть поудобнее на переплете окна, тщательно прицелился. Он хотел заранее привыкнуть к цели, определить расстояние и рассчитать траекторию полета пули, чтобы, когда будет нужно, не промахнуться.

Было тихо. Шумов ясно слышал скрип снега под сапогами солдата. К церкви подошла дряхлая старуха в черном платке, с клюкой, и, точно не замечая часового, стала подниматься по ступеням. Солдат шагнул навстречу, преградил путь.

— Хальт!

— Помолиться пусти, сынок! — зашамкала старуха, отбивая земные поклоны и крестясь. — За упокой дочери моей, новопреставленной рабы божией Натальи поставить свечку господу нашему Иисусу!

Услышав имя Иисуса, немец отступил. Это был уже пожилой солдат, очевидно верующий, и он явно не знал, что делать с настойчивой старухой, которая упрямо стремилась пройти в храм. Алешка взмок от напряжения. «Ну! — не слыша своего голоса, шептал он. — Ну же». И пистолет в руке стал горячим. Наконец солдат пожал плечами и махнул рукой. Старуха еще раз низко поклонилась и с неожиданной быстротой юркнула в церковь.

Шумов перевел дыхание и вытер пот. Минуты тянулись медленно. Часовой подошел к двери и, вытянув шею, стал вглядываться внутрь. Очевидно, он не увидел старуху, потому что с беспокойством осмотрелся по сторонам и решительно направился в церковь. «Может быть, Шура как раз поджигает шнур!» — мелькнуло у Алеши. Он выстрелил в часового раньше, чем обдумал свой поступок. Солдат удивленно оглянулся, лицо его исказилось. Уронив автомат, который со стуком упал на снег, он медленно опустился на паперть.

Леша бросился к лестнице, но вернулся на чердак. На улицу выходить нельзя. Там поймают, здесь безопаснее.

Никто не видел, откуда последовал выстрел. Шумов хотел выглянуть из окна, но в эту секунду перед глазами блеснул желтый свет, воздушная волна мягко толкнула в лицо; церковь бесшумно, точно в немом кино, стала оседать. Колокольня наклонилась и начала падать, сначала лениво, нерешительно, затем, как град, хлынули кирпичи. Грохот взрыва поглотил вопли сбежавшихся на выстрел немцев. Алеша не удержался на ногах и, ударившись виском о деревянную балку, упал.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Пробираясь между койками, стоявшими в коридоре, Лида вспоминала удивленное, холодное лицо Шумова. Ей было так обидно, что хотелось плакать, но плакать она не могла, а была обязана улыбаться, чтобы у раненых немецких солдат не испортилось настроение. Такова была инструкция, подписанная майором медицинской службы господином Юнге. Это называлось заботой персонала о моральном состоянии германской армии...

В коридоре сильно пахло карболкой, лекарствами и еще чем-то душным и неприятным. Такой запах всегда бывает в тех местах, где находятся тяжело больные люди. Некоторые раненые метались на кроватях, стонали и быстро, неразборчиво бормотали на чужом, непонятном языке. Другие, подвинув койки, играли в карты, третьи бесцельно слонялись, шаркая тапочками, по коридору. Никто не обращал на Лиду внимания, будто ее тут и не было. Первые дни девушка была очень довольна, что ее не замечают, затем поняла, что немцы просто считают ее низшим существом. Лида убирала постели, а они толкались и не оборачивались, словно задели шкаф или тумбочку. Она делала уколы солдатам, а те смотрели в сторону или разговаривали с соседом, точно укол производился неодушевленным автоматом. Лида кормила с ложки тяжелораненого, умирающего немца, а он глотал с каменным лицом, а когда уставал, грубо отталкивал ее ногой. И весь день она суетилась, некогда было присесть. Все вертелось перед глазами: кровати, инструменты, больные. Она не могла выбрать минутки, чтобы подумать, зачем нужна эта работа и кому от нее польза.

Но однажды Лида случайно увидела, как к немецкому ефрейтору, отличавшемуся веселым, беззлобным характером и даже улыбавшемуся ей иногда, пришли два офицера и торжественно поздравили его с награждением Железным крестом. Они прикрепили крест к нательной рубахе, а ефрейтор растроганно улыбался. Доктор Соболь, оказавшийся рядом, пробормотал:

— Они сказали: «Это тебе за то, что в последнем бою ты убил пятерых русских солдат!» А он ответил: «В следующий раз постараюсь продолжить счет!» И он его продолжит, будьте уверены, раз мы поставили его на ноги!..

Не взглянув на Лиду, Марк Андревич ушел, но ей стало страшно. В самом деле, в один прекрасный день дойдет до того, что она сделает перевязку убийце своего отца. Тогда-то и возникла у Лиды мысль, что нужно каким-то образом бороться против фашистов.

Вечером, когда к ней пришел Иванцов, Лида обратилась к нему с просьбой помочь связаться с теми людьми, которые послали его работать в полицию. Иванцов сперва не понял, а когда сообразил, расхохотался.

Молодая женщина смотрела на него со страхом и недоумением. Тогда он стал серьезным и ответил, что в ее услугах пока никто не нуждается, борьба с немцами не игрушки, а серьезное дело! Лида настаивала. Иванцов поцеловал ее и обещал, что, так и быть, поговорит с кем нужно. Через неделю она напомнила об обещании. «Я просто забыл тебе сказать! — ответил он, потирая брови. — Я уже разговаривал с руководством. Ответ отрицательный. Когда ты понадобишься, тебя позовут!»

Лида не стала продолжать этот разговор, но решила, что сама без всякой помощи свяжется с нужными людьми. «Это просто нелепо! — упрямо думала она. — Никто не имеет права запретить мне, если я хочу, помогать партизанам!» Отказ Иванцова она приписала тому, что он заботится о ней, не желает подвергать риску.

Они встречались не так уж часто. Иванцов приходил раза три в неделю, остальные дни ночевал в полиции, где, как он объяснил, по ночам тайно снимает копии с секретных документов. Если бы Лида была опытнее и умела разбираться в психологии людей, она бы давно догадалась, что Иванцов ее обманывает. Слишком веселым и беззаботным бывал он, приходя из полиции. Чересчур часто говорил о себе, о своей карьере и туманно обещал Лиде какую-

то райскую жизнь и никогда не упоминал о подпольной работе, о том, что ненавидит фашистов и как тяжело ему среди них... Но Лида выросла в искусственной обстановке, не была близко знакома с коммунистами, комсомольцами, настоящими патриотами, и потому поведение Дмитрия не казалось ей странным. Кроме того, она любила его, он был выше подозрений!

...В этот день все валилось из рук. Шумов ей не поверил! Он не захотел дать задание! Лида не могла допустить, что он сказал правду и действительно ни с кем не связан. У него было не такое лицо! А она-то так обрадовалась встрече, с таким нетерпением ждала, когда уйдет Соболь... Что же теперь делать? Последние дни, уходя домой, Лида всегда уносила под пальто немного медикаментов, которые в городе нигде нельзя было достать. У нее была мысль, что когда-нибудь, когда она свяжется с партизанами, все это пригодится. И несмотря на то, что разговор с Шумовым не оправдал ее ожиданий, Лида решила и сегодня захватить несколько флаконов со спиртом и йодом, пару бинтов и коробочку дефицитного сульфидина.

Озираясь, она вошла в предоперационную, торопливо открыла стеклянный шкаф и принялась совать за пазуху флаконы и коробочки, одновременно прислушиваясь к тому, что делается в коридоре. Скрипнула половица. Лида обернулась и едва не выронила медикаменты. В дверях стоял Марк Андреевич, и лицо у него было странно смущенное, точно не Лида воровала лекарства, а его самого застали за этим неблаговидным занятием.

— Вы... Тоже пойдете домой? — выговорила Лида первую пришедшую на ум фразу, лихорадочно застегивая халат и тщетно пытаясь спрятать руку, в которой была зажата коробочка с сульфидином.

Соболь, отворачиваясь, чтобы не видеть эту коробочку и растерянное, с красными пятнами лицо Лиды, подошел к шкафу и принялся переставлять инструменты и лекарства. На девушку он не смотрел.

— Так... Я пошла, Марк Андреевич! — прошептала она.

— Ступайте! — ответил Соболь. Когда она уже была у дверей, он добавил: — Будьте осторожны. У вас взволнованный вид. Приведите себя в порядок. Надеюсь, вы взяли это не для продажи...

— Конечно, нет! — горячо ответила Лида, полная нежности к этому хмурому, замкнутому человеку. — Я взяла с другой целью! Я...

— Можете не объяснять! — ответил доктор. — Меня это не касается!

Лида благополучно миновала часового. Лицо у нее было такое испуганное, что первый же немец, который внимательно бы на нее посмотрел, непременно заподозрил неладное. Лиду спасло то, что она никого не интересовала. О ней вспоминали только в тех случаях, когда требовалось что-нибудь подать или принести.

Добравшись до дому, она стала с нетерпением ждать Иванцова. Хотелось поскорее рассказать о встрече с Шумовым и о том, какой, оказывается, Соболь хороший человек. Но Дмитрий не являлся. Наступила ночь, потом утро. Лида снова пошла на работу. Днем раздался взрыв, и на втором этаже вылетело несколько стекол. Раненые в панике вскочили с кроватей, подняли крик. Лида бросилась к окну. Над крышами столбом поднимался черный дым. Почувствовав локоть Марка Андреевича, девушка вопросительно взглянула на него.

— Церковь взорвали! — буркнул он. — Вместе с колокольней!

— Зачем? — хотела спросить Лида, но Соболь, предупреждая вопрос, продолжал:

— Говорят, там был наблюдательный пункт!

— Смело! — не удержалась Лида, и слабая улыбка осветила ее утомленное лицо. Доктор вдруг быстро пошел прочь. Оглянувшись, Лида увидела разъяренного Юнге и бросилась к койкам, бесцельно оправляя одеяла и передвигая фарфоровые посудины. Она смертельно боялась этого тощего, злого немца. Он, не заметив ее, пронесся по коридору в распахнутом халате, полы которого полоскались сзади, точно паруса.

Вечером по дороге домой Лида обратила внимание на необычное оживление на улицах. Возле домов толпились полицейские и немцы. По мостовой под конвоем вели заплаканных женщин и хмурых, сгорбленных стариков. Раздавались сердитые слова команды. Где-то со звоном разбивались стекла, кричали дети. Все это напомнило Лиде тот день, когда фашисты ворвались в город. Она поняла, что аресты жителей связаны со взрывом электростанции и церкви, и, охваченная тревогой за Дмитрия, поспешила

домой. Несколько раз ее останавливали солдаты, но, взглянув на пропуск, отпускали. Иванцова не было. Лида вся истомилась, ожидая его, и уже хотела бежать в полицию. В полночь он явился.

Она сразу увидела, что Иванцов необычайно возбужден и как будто навеселе. Он швырнул на диван фуражку, шинель и, взъерошив волосы, подошел к столу, где Лида оставила ужин. Ужин этот был приготовлен из продуктов, принесенных Дмитрием. Девушка как-то не задавалась вопросом, хорошо или плохо то, что они питаются немецким пайком, но сейчас, глядя, как пресыщенно ковыряет вилкой в тарелке Иванцов, как кривятся его губы при виде холодных консервов, она подумала, что он, очевидно, уже поел там, в полиции. И ей показалось странным, как он мог там есть!..

— Сегодня ужасно много людей арестовали! — сказала Лида. — Наверно, из-за церкви? Что с ними будет?

— Выпустят! — снимая китель и вешая его на спинку стула, ответил Дмитрий. — А кое-кого, конечно, не выпустят. Найден главный виновник!

— Как! — ахнула Лида. Первая мысль, которая пришла ей в голову, была о Диме: раз арестован руководитель, опасность может грозить всем членам организации, а значит, и Иванцову. — И ты так спокойно об этом говоришь! Что же теперь будет? Кто он?

Иванцов сперва не понял причину ее тревоги и удивленно зачесал бровь, но сообразив, устало вздохнул:

— Ах, вот ты о чем! Нет, мне ничего не грозит. Успокойся.

— Как же не грозит, когда... Ведь его будут пытать!

— Он никого не выдаст! — мрачно ответил Дмитрий и с сердцем сунул кулаком в подушку. — Давай лучше спать ложиться. Я устал!

— Но кто же он, кто?

— Ты его не знаешь! — с досадой бросил Иванцов, стягивая сапоги. — Вообще, оставь меня в покое. Тебя это не касается.

Когда он лег рядом с ней, Лида ощутила запах вина. Зачем он пил? Да еще в такой день! Она инстинктивно отодвинулась, но потом спросила себя: «Я, кажется, на него рассердилась? Но за что? Он так измучился, что уже спит! Бедный!» И Лида тихонько, чтобы не разбудить, потерлась щекой о его грудь.

Но Иванцов не спал. Он лежал, не шевелясь, закрыв глаза, и мысленно проклинал Лиду и свою судьбу, связавшую его с этой женщиной, с которой он не может быть откровенным, потому что, узнав правду, она, несмотря на свою бесхарактерность, немедленно выгонит его вон... И он вынужден лгать... Лгать все время, каждую минуту, даже здесь, лежа в одной постели с ней! А как бы ему хотелось рассказать кому-нибудь о том, в какой тревоге провел он последние два дня, как под него подкапывался Лаенко и каким образом он сумел с ним расправиться! Ему было просто необходимо облегчить душу, выплеснуть ту страшную грязь, которая накопилась в ней. Точно такое же чувство заставляет профессионального убийцу после совершения преступления рассказывать о нем, смакуя подробности, в ресторане своему соучастнику или продажной женщине. Но Лида не была продажной. Она была честной советской девушкой, и Иванцову приходилось лгать. А лгать становилось все труднее. Все чаще хотелось ударить ее, избить, как избивал он многих, и закричать так, чтобы она побледнела, чтобы задрожала и упала перед ним на колени.

— Ты меня патриотом считаешь? С ума сошла! Я следователь полиции! Понятно? Я ненавижу вас всех, ненавижу лютой ненавистью!

Эти слова частенько вертелись на языке, и он сдерживался с трудом. Увидев, что Лида заснула, Иванцов встал, накинул на плечи китель и достал из шкафа бутылку водки. Отпив из горлышка половину, он закусил консервами и лег на диван. Комната закружилась перед глазами, настроение немного повысилось. «К черту! — пробормотал он. — Сейчас она еще помнит то, что ей в голову вдолбили в школе, но пройдет время, запоет по-другому. Советской власти не будет, значит, не будет и надежды на возвращение старой жизни. Тогда ей придется согласиться, что я был прав!»

Когда раздался взрыв, Иванцов был в полиции. Через несколько минут после взрыва раздался телефонный звонок. Услышав в трубке взбешенный голос фон Бенкендорфа, Иванцов вскочил, опрокинув стул.

— Слушаюсь! — сказал он. — Да, я сию минуту буду у вас!

Майор, расставив длинные ноги, стоял у окна. На следователя полиции не взглянул. Будто молот, упала фраза:

— Если в течение суток виновник не будет найден, я вас расстреляю! Господин Лаенко давно предупреждал о вашем весьма нерадивом отношении к делу. Может быть, вы сами связаны с партизанами? Где гарантия, что это не так? Ступайте! В вашем распоряжении двадцать четыре часа!

— Слушаюсь! — ответил Иванцов. — Приказ будет выполнен!

Он выскочил на мороз без шапки, но не почувствовал холода. Он был весь мокрый от пота, волосы слиплись и свисали на лоб. Иванцов готов был грызть руки от ярости. Ну, погоди, Лаенко! Ты еще не знаешь Иванцова! План мести быстро сложился, не хватало лишь маленькой детали: партизана, который поджег церковь! Прежде всего нужно найти поджигателя! Эта была действительно только маленькая деталь, потому что Иванцов решил арестовать первого, кто попадется в руки. И пусть этот человек будет невиновен, как сам архангел, все равно! Какое это имеет значение!

Он бежал по городу, обшаривал взглядом дома, припоминая, кто живет в них, мысленно выбирая жертву, которая подошла бы по всем статьям. Возле парка он увидел маленький, покосившийся особнячок и остановился. Подошел ближе. На окнах висели занавески. Хозяева были здесь. Нехорошо улыбнувшись, Иванцов поспешил в полицию. Через полчаса легковой автомобиль, набитый полицаями, с воем пронесся по Любимову. Иванцов сидел рядом с шофером, покусывая губы. Лаенко стоял на подножке, размахивая пистолетом. Он, по обыкновению, был сильно пьян. И это было Иванцову на руку.

В домике жили супруги Крыловы. Обоим им было по шестьдесят с лишним лет. Петр Романович Крылов был известен в городе. Давно знал его и Иванцов. Старый коммунист, член большевистской партии с девятьсот второго года, Крылов участвовал в трех революциях, воевал с Деникиным и Колчаком, был на крупной партийной и советской работе, а когда состарился, приехал на родину, в Любимово, и, перейдя на пенсию, поселился в крохотном домике, который выстроил своими руками. Несмотря на плохое здоровье, Петр Романович не оставался в стороне от жизни города. Он был депутатом городского Совета, членом бюро обкома партии, часто выступал с лекциями перед молодежью, рассказывая о встречах с

Лениным и Крупской, о революции и гражданской войне. Его жена работала в библиотеке парткабинета.

Крыловы остались в Любимове случайно. Пелагея Викторовна заболела крупозным воспалением легких, везти ее было опасно, и Петр Романович скрепя сердце отказался выехать. Его убеждали, что он сильно рискует, но старик только махнул рукой: «Жизнь мы оба уже прожили. Чего нам бояться!» И действительно, первое время их не трогали. Немцы не знали, что Крылов старый коммунист, и не обращали на него внимания. Но Петр Романович понимал, что рано или поздно за ним придут... Он не ошибся! И когда в дверь замолотили приклады, он подошел к жене, которая лежала в постели, и, наклонившись к ней, грустно сказал:

— Ну, вот и все, Полюшка! Это по нашу душу... Идти-то сможешь?

— Нет, Петя, не смогу! — виновато ответила жена. — Ты, Петя, поцелуй меня и обними, потому что вряд ли еще мы свидимся...

Старики поцеловались, а дверь трещала и выгибалась. Тогда Петр Романович, достав из кармана старый браунинг, подаренный еще двадцать лет тому назад самим Буденным, взвел предохранитель и спросил жену:

— Как быть, Поленька? Отстреливаться до последнего или открыть? Боюсь, мучить тебя будут, если пораню кого-нибудь из них!

— Стреляй, Петя, стреляй! — попыталась привстать, но не смогла, упала на подушку Пелагея Викторовна. — А как же! Обязательно до последнего! А я... Я вот посмотрю на тебя, сокола моего!..

— Ну, Поля! — тихо сказал Крылов.

— Ну, Петя! — одними губами улыбнулась жена.

И Петр Романович, привычным движением дослав в ствол патрон, выстрелил в дверь. Он не прятался, когда полицейские с криками ворвались в комнату, а стоял перед ними и спокойно, хладнокровно стрелял в упор. Четыре раза успел он выстрелить, и четырех полицаев ранил, а когда выбили из руки браунинг и Крылова схватили, негромко стукнул еще один выстрел. Начальник полиции Лаенкс, который был сзади и командовал операцией, вдруг упал как подкошенный, не успев даже вскрикнуть, а Иванцов поспешно спрятал пистолет, воровато оглянувшись, не заметил ли кто-нибудь, что произошло. Но по-

лицейские, столпившиеся в темной комнатушке, ничего не слышали. Только один из них, а именно Дорошев, быстро обернулся и расширенными глазами посмотрел на Иванцова. Но Дорошева Иванцов не боялся.

Он ликовал. Он никогда не ожидал такой необыкновенной, сказочной удачи!

И когда, уложив раненых и убитых на машину, они поехали обратно в полицию, он даже с некоторым сочувствием смотрел на угрюмого, но по-прежнему спокойного Крылова, и в глубине души испытывал к нему что-то похожее на уважение... Пелагею Викторовну полицаи оставили в покое — и так еле дышала. Они с угрозой косились на Крылова, взбешенные тем, что он ранил их товарищей, но Иванцов строго следил, чтобы старика никто не трогал. План его еще не был завершен... Дорошев сидел рядом и молчал. Когда подъезжали к полиции, он негромко, глядя в сторону, проронил:

— Да!.. Освободилась должность начальника-то!..

Прекрасно его поняв, Иванцов небрежно ответил:

— Вот ты ее и займешь!

— Я?

— Да, ты! Я сам порекомендую тебя фон Бенкендорфу!

Они заглянули друг другу в глаза и отвернулись. Общий язык был найден. Впрочем, Иванцов с самого начала знал, что столкуется с Дорошевым.

Оказавшись с глазу на глаз с Крыловым, Иванцов долго молчал. Он не спешил начинать допрос. Петр Романович сидел, безучастно уронив руки, и смотрел в окно, словно хотел попрощаться с родным городом.

Иванцов был следователем не очень опытным, но прекрасно понимал, что из такого человека, как Крылов, силой не выжмешь ни одного слова. Могла помочь лишь хитрость. И он решил схитрить, сделав вид, что хочет поговорить откровенно, начистоту.

— Такое дело, Петр Романович! Если я скажу, что желаю вам добра, вы не поверите. И не надо, не верьте! Но вы коммунист. И выслушайте меня как коммунист.

Крылов шевельнулся.

— Вы застрелили двух и ранили двух полицейских, — продолжал Иванцов. — Кроме того, убит начальник полиции Лаенко. Убил его я, и вы это, должно быть, заметили, но все равно эту смерть отнесут тоже на ваш счет. Спас-

тись невозможно. Вас расстреляют. Единственно, о чем я могу позаботиться, это о том, чтобы вас не подвергали пыткам и не трогали вашу супругу. Но вы должны кое-что сделать! Нет, нет! Я не требую предательства. Я прошу, чтобы вы совершили патриотический поступок!

Крылов молчал, никак не показывая, что слышит эту речь.

— Фон Бенкендорф поднял на ноги всю полицию! Он хочет найти людей, взорвавших электростанцию и церковь. Он будет искать до тех пор, пока не арестует всех патриотов в городе. И я бессилен помешать. Но если вы дадите показания в том духе, что вы лично все это совершили по заданию партизан, то поиски, очевидно, будут прекращены и подпольная организация сохранена! А вам и так и эдак погибать.

— Кто вы? — отрывисто спросил Крылов, не глядя на следователя.

— Неважно! — быстро ответил Иванцов, понимая, что любая ложь была бы немедленно раскрыта. — Какие побуждения мной руководят, не имеет значения! У меня своя собственная цель. Что вам до нее! Но вы согласны навести гестапо на ложный след?

— На человеческих жизнях, как на клавишах играешь! — сказал Крылов. — Вижу тебя насквозь! Но я согласен!

...План был разыгран, как по нотам. Объективно Крылов своими показаниями помог подпольщикам, но он также помог и Иванцову заслужить благосклонность фон Бенкендорфа. Так иногда причудливо сплетаются в жизни обстоятельства.

Следователь сдержал слово — Крылова не избивали. Подписанные им показания Иванцов отвез к Бенкендорфу, и тот наложил лаконичную резолюцию: «Расстрелять!»

Петр Романович был расстрелян вечером, во дворе. Он попросил не завязывать ему глаза и смотрел в лицо Дорошеву, пока тот тщательно прицеливался из автомата. Опустив автомат, Дорошев с усмешкой спросил:

— Смутить думаешь меня?

Петр Романович, не ответив, смотрел все так же неподвижно и яростно. Дорошев еще раз прицелился, потом прислонил автомат к забору и стал сворачивать цигарку. Руки его заметно дрожали. Иванцов, глядевший из окна,

рывком задернул занавеску, подошел к столу и достал из ящика бутылку водки. Когда поднес полный стакан ко рту, грянул одинокий выстрел. Иванцов поперхнулся, водка выплеснулась на стол...

В коридоре послышался шум. В черной рамке дверей вырос майор фон Бенкендорф. Он был великолепен: в шуршащем, мышиного цвета плаще, сверкающих сапогах, твердой фуражке с высокой тульей, тугих перчатках. Его вытянутое лицо было румяным и бодрым, поблескивали ровные, белые зубы, только глаза оставались как будто замороженными. Он был так чисто вымыт и вычищен, что появление его здесь, в заплеванной, душной и полутемной комнате полиции, показалось необыкновенно торжественным и значительным. Он, не снимая перчаток, подал руку Иванцову и тотчас же отдернул:

— Господин следователь, я доволен вами! — Голос его звучал безжизненно, точно из граммофонной трубы. — С сегодняшнего дня вы назначены старшим следователем любимовской полиции с соответствующим увеличением вознаграждения. Прошу показать дела, находящиеся в настоящее время в вашем производстве.

Фон Бенкендорф пробыл недолго. Иванцов сумел сказать несколько слов о том, что в должности начальника полиции желательно было бы видеть старательного полицейского Дорошева.

Майор, попыхивая сигаретой, понимающе глядел на старшего следователя. На секунду Иванцову пришло в голову, что Бенкендорф догадывается о том, какую роль он сыграл в убийстве Лаенко. Ему стало страшно, снова затошнило, как в ту минуту, когда смотрел из окна на расстрел Крылова. Но майор был ровен, доброжелателен, и Иванцов успокоился. Он даже обнаглел до такой степени, что попросил разрешения устроить торжественные похороны Лаенко, как он сказал, «для того, чтобы произвести соответствующее впечатление на жителей». Майор небрежно махнул рукой, явно не придавая этому значения, и, вставая из-за стола, где они разбирали папки с «делами», сказал:

— Прощайте, господин Иванцов! Со всеми возникающими у вас затруднениями приходите прямо ко мне. Я надеюсь, мы с вами сработаемся.

Старший следователь был очарован любезностью фон Бенкендорфа и приписал ее тому, что он, Иванцов, понра-

вился майору. Но дело было в другом. Бенкендорф ни на минуту не забывал, что ему предстоит карьера политического деятеля. Он по-прежнему верил в свои новые методы усмирения русских людей. События, правда, развивались не совсем так, как он предполагал, но как всякий самоуверенный и недалекий человек, майор был убежден, что это обстоятельство не может бросить тень на его методы. Иванцов заинтересовал фон Бенкендорфа не как отдельная личность, а как своеобразное явление, которое было, по его мнению, типичным в условиях войны и оккупации. На таких людей, как старший следователь, с его небольшим, но вполне достаточным для русского образованием, беспринципностью, жестокостью и страстью к обогащению и рассчитывал опираться фон Бенкендорф, когда немцы уйдут и он станет государственным деятелем. Так думал майор и решил заранее изучать этот тип русских людей, чтобы в дальнейшем быстрее находить к ним подход... Но Иванцов, который всего этого, понятно, не знал, уверился, что теперь-то его положение окончательно упрочилось, ибо он заслужил благосклонность самого коменданта!..

Иванцов был очень доволен своей сообразительностью и хитростью, которые помогли одним ударом восстановить репутацию и расправиться с врагом. И ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь своим успехом. Но поделиться было не с кем.

...Опьянение понемногу проходило. В горле пересохло. Пошатываясь, Иванцов встал с дивана и нащупал в буфете графин. Рядом с графином зашуршал какой-то сверток. Дмитрий распустил бечевку и увидел склянки и коробочки с лекарствами. Он догадался, что Лида утащила их из госпиталя, и забеспокоился: «Для чего ей понадобилось? А что, если она действительно связалась с партизанами?» Подойдя к кровати, он долго смотрел на спокойное, усталое лицо спящей, на ее плечи, с которых сползло одеяло, растрепавшиеся золотистые волосы, на темные, словно подкрашенные синькой веки, и в душе вдруг шевельнулась непривычная нежность. Он ощутил, что Лида дорога ему, как единственный близкий человек, и решил завтра же поговорить с нею, осторожно выведать, зачем ей эти лекарства,и не допустить, чтобы она завела какое-нибудь опасное знакомство!..

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

Толя Антипов шел по узкой, заваленной глубоким снегом, лесной дороге. На снегу отпечатались следы гусениц и автомобильных шин. Час тому назад мимо Толи к фронту прогромыхала немецкая моторизованная часть. Спрятавшись за деревом, Антипов сосчитал грязно-белые автомобили с брезентовыми кузовами, самоходные орудия, тяжелые танки. Солдаты сидели сгорбившись, тесно прижавшись друг к другу, словно примороженные. Когда улеглась искристая снежная пыль, Антипов отряхнулся и снова зашагал по колее.

На востоке, в той стороне, куда он держал путь, слышалась глухая канонада, напоминающая громовые раскаты. С каждым километром она становилась громче и отчетливей.

Толя шел уже давно. Из города он выбрался на рассвете и успел отмахать немало километров. Сумерки наступили не сразу. Сначала небо как будто посветлело, очертания сосен и елей стали более резкими. На дороге можно было разглядеть каждый комок снега, каждую веточку. Через несколько минут стало темно, точно над головой задернули плотный занавес.

Антипов не останавливался. Он и в темноте хорошо видел да к тому же дорога была давно знакома. Она вела к деревне Черный Брод, к той самой, где он родился. Неподалеку от Черного Брода в лесу проходила сейчас линия фронта. Это оттуда доносились орудийные залпы и взрывы мин. Глухое село, о котором раньше знали немногие, с недавнего времени часто упоминалось как в советских, так и в фашистских военных сводках. Три раза оно переходило из рук в руки. Несколько дней назад на фронте наступило затишье. Командование советских войск подозревало, что немцы готовят на этом участке новое крупное наступление. Армейской разведке было поручено обследовать ближние немецкие тылы. Но разведчикам не удалось обнаружить больших скоплений войск и техники. Тогда решили прибегнуть к помощи местных партизан. Через Центральный штаб партизанского движения командование связалось по рации с отрядом Золотарева. В тот же день Юрий Александрович направил в район Черного Брода трех лучших разведчиков и одновременно дал задание любимовской комсомольской группе послать в при-

фронтовую полосу своих людей. После уничтожения электростанции, взрыва церкви и поджога склада с горючим Золотарев стал относиться к комсомольцам с полным доверием. Он теперь поручал молодым патриотам сложные и ответственные дела. Командир надеялся, что ловким, хорошо знающим местность ребятам скорее, чем взрослым, удастся, не вызывая подозрения у немцев, проникнуть в район предполагаемого скопления войск.

— Дело это нелегкое! — сказал Толе Афанасий Посылков, когда они встретились в Сукремльском овраге. — Но вы — хлопцы смелые, и мы на вас рассчитываем! Так и передай Орлу. А сейчас прощай. Спешить надо. Пару килограммов тола я принесу в следующую субботу. За донесение не беспокойся, доставлю в собственные руки товарища командира. Пойдем, Зина! Как ты, отдохнула?

— Ноги с непривычки стерла! — морщась, ответила Зина, сидевшая на поваленном стволе рядом с Шурой, которая пришла повидаться с сестрой. Густо валил снег, и фигуры людей расплывались в белой, непрозрачной мгле. Сняв разбитый валенок, Зина перевернула портянку и болезненно улыбнулась подошедшему Толе.

— Ну, как ты? — смущенно спросил Анатолий. — Настоящей партизанкой стала! Автомат под полой, граната за поясом! А загорела, прямо не узнать! — Его голос был насмешливым, но за улыбкой Толя прятал нежность, которая пронизала его, когда он увидел осунувшееся, измученное лицо любимой и ее маленькую, всю в ссадинах, белую босую ступню. Стесняясь Шуры и Посылкова, Толя так и не решился попрощаться с Зиной за руку и тем более поцеловать. Он долго смотрел вслед девушке, которая, не отставая от Афанасия, карабкалась вверх по скользкому откосу оврага. Обернувшись, Зина махнула рукой, что-то крикнула, но голос затерялся в неслышном, но густом шорохе падающего снега. Шура сочувственно прикоснулась к рукаву Антипова:

— Пора!

Они вернулись в Любимово. По пути Шура рассказала Анатолию то, что узнала от сестры, пока он беседовал с Посылковым. Жизнь в партизанском отряде была тяжелая. Спали в тесных землянках, согревались кострами, пища была однообразной и скудной. Не было хлеба, недавно кончилась соль. Одежда у большинства людей, так же как и обувь, пришла в негодность, но настроение у партизан

бодрое, боевое. Ежедневно подрывники докладывают о выведенных из строя мостах, дорогах, телеграфных линиях. Во всех селах и деревнях образованы тайные комитеты содействия партизанам. Колхозники саботируют мероприятия оккупантов, уничтожают хлеб, чтобы не достался фашистам, мстят немецким прислужникам, старостам и полицаям. Немцы ходят, как по вулкану.

— Здорово! — вздохнул Толя. — Знаешь, Шура, я, честное слово, завидую Зине! Вот там люди действительно борются! А мы что!.. — И говоря так, он искренне считал, что диверсии, совершенные им вместе с друзьями, нельзя считать настоящим, серьезным делом...

Совещание в погребе у Жени в этот вечер затянулось допоздна. Решался вопрос, кого послать в Черный Брод и под каким предлогом. Положение осложнялось тем, что приказом коменданта жителям Любимова запрещалось под страхом расстрела выходить без особого разрешения немцев за городскую черту. Вот тут Толя и вспомнил про переводчика Кравцова.

Молодой, лет двадцати пяти, с интеллигентным, умным лицом и всегда грустными карими глазами, Кравцов молча присутствовал при допросах. Он был неразговорчив, замкнут, ни с кем не заводил знакомства. Никто не знал, откуда он родом, ночевал переводчик в здании комендатуры. Однажды поздно вечером, пробираясь по улице, Толя услышал жалобные, трогательно-беспомощные звуки скрипки. Один и тот же мотив, назойливо повторяясь, нагонял раздумье. Антипов приостановился. Вдруг струны, вздрогнув, гневно запели. Уверенные, сильные аккорды как бы смяли и отбросили прежнюю лирическую тему. Потом все стихло. В нижнем этаже комендатуры чернела открытая форточка. Стукнула рама, показалось бледное лицо переводчика. Он несколько раз глубоко вдохнул морозный воздух и скрылся. Толя потом часто вспоминал большие, грустные глаза, на секунду мелькнувшие в открытом окне.

— Кравцов может помочь! — сказал Анатолий. — Он достанет нужный документ!

— Нельзя доверяться незнакомому человеку только потому, что тебе понравилась его игра на скрипке! — сумрачно возразил Алеша.

Но Женя и Тоня поддержали Антипова. И тот наутро отправился в комендатуру. Он не вошел в здание, а сло-

нялся возле крыльца до тех пор, пока на улицу не вышел Кравцов. Догнав переводчика, Толя негромко сказал:

— Помоги, друг, сделать хорошее дело!

— Какое дело? — спросил Кравцов, не останавливаясь и не глядя на Антипова.

— Дядька у меня живет в деревне Черный Брод! Недавно я известие получил, что заболел он. Лежит, помирает. Лекарства нужны, а где ж их там возьмешь! Я, понимаешь, достал медикаменты, вот хочу снести ему, да как из города выйти? Достань, друг, пропуск в Черный Брод! А я уж тебя отблагодарю. Могу оккупационными марками, а хочешь, сала принесу или хорошего табаку! — Последнюю фразу Анатолий прибавил по категорическому настоянию Алешки, который хотел, чтобы просьба выглядела совершенно невинной.

— Пропуск? — переспросил Кравцов, и его большие, грустные глаза задумчиво остановились на Толе. — Гм!.. Посмотрим. Зайди через пару дней!

Больше он не прибавил ни слова. Вечером Антипов рассказал о разговоре Алешке, а рано утром уже был возле комендатуры. Но он напрасно прождал весь этот и еще следующий день. Переводчик не показывался. За полчаса до комендантского часа Толя собрался идти домой, но почувствовал на плече руку и услышал голос:

— Держи!

Кравцов протягивал сложенную бумажку. Схватив пропуск, Антипов поспешно вручил переводчику триста марок. Кравцов внимательно посмотрел на него, но деньги, после некоторого колебания, взял. «Молодец!» — мысленно похвалил Толя, уверенный в том, что Кравцов свой человек. Для такой уверенности, впрочем, не было никаких оснований. Просто у Толи, как это иногда бывает, возникло внезапное и необъяснимое чувство приязни к незнакомому человеку.

... И вот он идет по заснеженной дороге, вглядываясь в черные стволы сосен и елей. Фронт уже близко. До Черного Брода осталось километров десять. В окрестностях Любимова Антипова несколько раз останавливали жандармы, но, проверив пропуск, отпускали. Толя нарочно оделся в рваную шубейку и огромные растоптанные валенки, чтобы не вводить в грех жадных до теплых вещей солдат. За пазухой был сверток с лекарствами, в кармане — клочок чистой бумаги и огрызок карандаша.

На этой бумаге Толя намеревался начертить план расположения немецких воинских частей и техники. Оружие он не взял. За пистолет фашисты расстреливали на месте, без разговоров. Да и не выручил бы сейчас пистолет...

Толя рассчитывал к полуночи добраться до Черного Брода. Он уже сильно устал и с трудом вытаскивал тяжелые ноги из снега. Вдруг между деревьями, в стороне от дороги, забрезжил огонек костра. Антипов замедлил шаги, но, разглядев, что у огня сидит лишь один человек, осмелел. С детства, еще в те дни, когда вместе с деревенскими ребятишками ставил силки на птиц, Толя привык бесшумно ходить по лесу. Он почти вплотную подобрался к костру и долго стоял, спрятавшись за деревом, с удивлением и любопытством разглядывая странного путника, освещенного багровым светом умело разложенного костра.

Это был мальчишка лет семнадцати с совершенно черным, закопченным лицом и огромными глазами, в которых отражалось пламя. Из-под бараньей шапки спускались на уши и шею иссиня-черные курчавые волосы. Тонкие, смуглые руки были протянуты к огню. В ушах мальчишки болтались большие круглые серьги, на ногах были хромовые, с белыми отворотами, сапоги, тонкую шею обматывал красный шелковый шарф. На снегу валялся рваный мешок.

Блестящим кривым ножом мальчишка отрезал от буханки ломти хлеба и держал их над костром, чтобы оттаяли. По яркому, своеобразному наряду Толя догадался, что перед ним цыган.

Давно уже не было видно этого кочующего народа близ Любимова. После прихода немцев исчезли они куда-то, словно сквозь землю провалились вместе со своими повозками и шатрами. И вот теперь Антипов видел цыгана одного, в лесу... Что он здесь делал? Постояв еще немного, Толя решил уйти. Время шло, надо было спешить. Но едва он пошевелился, как услышал тонкий, охрипший голос цыганенка. Не оборачиваясь, по-прежнему глядя в костер, тот произнес:

— Зачем уходишь, хороший человек?

Толя смутился. Значит, парнишка заметил его с самого начала? Какую же необходимо иметь выдержку, чтобы не двинуться, не вздрогнуть, даже не поинтересоваться, кто стоит за спиной!.. И это в такое время, когда жизнь каждого человека, если он не немец, висит на во-

лоске! Антипов медленно подошел к костру. Несколько минут рассматривали друг друга. Придя, очевидно, к выводу, что Толя такой же бездомный бродяга, как он, цыганенок дружелюбно махнул рукой:

— Садись на чем стоишь, закуси, что с собой принес! — Его черные, как угольки, глаза плутовато прищурились. Толя, усмехнувшись, сел на пень, предварительно варежкой стряхнув снег, и ответил:

— У меня ничего нет! А ты что тут делаешь?

— Здесь мой дом. Лес — мои стены, небо — крыша, а снег — постель!

— Что ж, прямо на морозе спишь?

— Зачем?! — Цыган, вскочив, быстро развернул рюкзак и извлек потертый коврик, на каких обычно выступают акробаты, бережно завернутую в ватную телогрейку гитару и сшитый из волчьих шкур мехом внутрь самодельный спальный мешок.

— Видал? Птица замерзнет, медведь побежит греться, а Николай спать будет!

— Значит, тебя Николай зовут?

— Да, Коля! А тебя — Толя? Верно?

— Как ты догадался? — опешил Анатолий.

— У тебя на правой руке наколка! Чужое имя никто не пишет!

— Вот это зрение! — изумился Анатолий. — Ты, что же, в темноте видишь?

— Цыган, как волк, днем спит, ночью охотится! — серьезно ответил парнишка. — Ты голодный, бери хлеб, режь сало, утром еще достану!

Антипов все больше удивлялся и невольно начинал испытывать к юноше уважение. Как самостоятельно, свободно он держится! Сколько в нем бодрости и жизненной силы! Совсем один, в лесу, без дома и друзей, он не падает духом!

Взяв тонкий ломтик свиного сала и влажный оттаявший хлеб, Толя продолжал разговор:

— Где же ты достанешь?

— А у немцев! — небрежно ответил Николай. — Они, немцы, меня ничего, любят! Дают сигареты, хлеб, консервы. Не обижают. Смеются. Еще, говорят, приходи! Но я в одно и то же место два раза не хожу. Эсэсовцев боюсь. Поймают, застрелят! Ничего, жить можно!

— Интересно, за что они тебя так любят?

— Цыгана все любят. И ты полюбишь! — равнодушно ответил парнишка.

Поймав недоверчивый взгляд Толи, он оскалил ровные, белые зубы и выхватил из мешка несколько разноцветных резиновых мячей.

— Возьми глаза в руки!

Подпрыгнув, он прошелся по снегу колесом, затем начал ловко жонглировать мячами. Цыган подбрасывал их, ловил, и на глазах у Антипова мячи исчезали один за другим, словно растворяясь в воздухе. Сначала их было шесть, потом стало пять, четыре, три. Наконец осталось только два мяча.

— Але гоп, ловкость рук и никакого мошенства! — весело взвизгнул паренек и показал Толе пустые руки. Исчезли и последние мячи.

— Здорово! — ошалело сказал Антипов. — Куда ж ты их девал?

— Ты украл! — ответил Коля. — Не веришь? — Он подбежал к Антипову, сунул руки к нему за пазуху и достал пригоршню мячей. — Ай-яй-яй! Как нехорошо обманывать бедного цыгана!

— Черт! — засмеялся Анатолий. — Прямо домашний цирк. Ты, оказывается, артист!

— Да, я артист! — важно закивал Николай. — Я еще многое умею. Огонь глотаю, живую змею показываю, делаю номер «Человек-резина»! До войны я табор кормил. Меня московские цыгане переманивали, да я не пошел! Дурак, надо было согласиться! Сейчас бы в шевровых сапогах ходил, в красной рубахе, пояс купил с серебряным набором, женился на красивой!..

Антипов смотрел на цыгана, думая о тяжелой и неблагодарной судьбе этого парня, существовавшего как бы вне времени и пространства. Пределом его мечты были шевровые сапоги и пояс с набором. Он плясал перед фашистами, равнодушный к судьбе своей Родины. Немцы швыряли ему сухари, как рабу, который их развлек, а он гордился своим заработком и не желал иной жизни!.. Внезапно в голову Толе пришла странная мысль. Что, если вместе с этим цыганом проникнуть в расположение фашистских войск?

— А далеко отсюда немцы? — быстро спросил он.

— Что, соскучился? — подмигнул Николай.

«Ого! Он, оказывается, не так уж прост!» — подумал Антипов.

— Нет, я не соскучился. Меня им любить не за что!

— Недалеко! — безразлично ответил парнишка, спрятав глаза.

Анатолий почувствовал, что собеседник внутренне напрягся, насторожился, но не мог понять, чем это вызвано.

— Сверни с дороги в лес, час шагай, прямо на танки наткнешься. Много их там спрятано. Белой краской выкрашены, ветками накрыты. Рукой достанешь, а глазами не увидишь!

— Танки? — вырвалось у Антипова. «Неужели это то, что я ищу!» — мелькнуло у него. Помолчав, он снова заговорил: — Послушай, Коля! Давай вместе немцам фокусы показывать! На пару ходить будем! Вдвоем веселее!

— Вдвоем? — протянул Николай, явно ошеломленный. — Ты же не цыган! Где спать будешь? Что делать умеешь?

— Жить мне все равно негде! — махнул рукой Толя. — Родных нет, я сирота! А делать и я что-нибудь смогу! Сплясать, к примеру!

— Подумать надо! — нахмурился Коля и отвернулся. — До утра спать буду. Утром скажу ответ! А ты как же? В мешке вдвоем не поместимся!

— Брось ты свой мешок! — засмеялся Антипов и хлопнул Колю по плечу. — Вставай, туши костер! В деревню Черный Брод пойдем, в хату попросимся!

...Так познакомился Анатолий Антипов с цыганом Николаем Авдеевым, который впоследствии стал его закадычным другом и боевым соратником. Но это произошло гораздо позже, а пока они пошли вместе в Черный Брод. По дороге ребята разговорились откровеннее, и Толя был поражен тем, сколько в голове у Николая, наряду с полезными практическими сведениями, таится всяческих совершенно диких представлений и суеверий. Он боялся дурного глаза, субботнего дня, считал, что ему особенно не везет в полнолуние, носил на шее амулет: пустую гильзу на засаленном, грязном шнурке. Коля объяснил, что месяц тому назад возле деревни в него стрелял какой-то полицай, но не попал. Он подобрал гильзу, и теперь она сохранит его от ранней смерти.

Ум у Николая был от природы гибким. Он все схватывал на лету. Умел разжечь костер одной спичкой, мог пе-

реплыть реку под водой, жить, как сам заявил, ровно десять дней без еды и воды... Понравилось Антипову и то, что слово цыгана, по выражению Авдеева, слово железное, в огне не горит! Дав клятву, цыган, по обычаю своего народа, не мог ее нарушить. Когда Коля сообщил об этом, Антипов было посмотрел с недоверием, но встретил такой открытый, правдивый взгляд, что устыдился своего скептицизма.

...Восемь дней бродили Авдеев и Антипов по немецкому переднему краю. Ночевали в развалинах домов и в лесу возле костра. В узком мешке вполне хватило места для двоих. Бесстрашно подходили близко к немцам, спускались в их землянки и дзоты, кружились возле танков, тщательно замаскированных в чаще, устраивали импровизированные «концерты» на проезжей дороге, возле скопившихся на переправе автомашин и самоходных орудий.

Одежда Анатолия совершенно оборвалась, и теперь его живописные лохмотья мало чем отличались от экзотического наряда Коли, лицо почернело от дыма костров, он не умывался уже вторую неделю и был похож на цыгана. Толя лихо отплясывал под гитару «русскую», «яблочко» и с особенным успехом повторял на бис древнюю цыганскую «чечетку», заслужив мастерским исполнением этого нелегкого танца вечную любовь и преданность Коли Авдеева, утверждавшего, что Анатолий пляшет лучше, чем он сам.

Солдаты обычно бывали рады неожиданному развлечению и окружали Толю и Николая шумной, гогочущей толпой. Они швыряли в подставленные шапки сигареты, сухари, иногда консервы. Толя не терял времени. Внутренняя сторона бумаги, которой были обернуты лекарства, испещрялась короткими записями, цифрами и миниатюрными планами. Эти записи Антипов делал при свете спички по ночам, когда Коля спал. Количество и местонахождение немецких танков, орудий, минометов, схемы переправ, дотов, наблюдательных пунктов, номера и наименования дивизий, полков, батальонов — все это умещалось на клочке серой оберточной бумаги. Он был дерзок и приближался вплотную к объектам, которые его интересовали. Кривляясь, Толя развлекал солдат, плясал, отпускал на немецком языке соленые шуточки, услышанные от других немцев, нарочно коверкал чужие слова, вызывая хохот зрителей, а глаза тем временем зорко высма-

тривали, где стоят пушки, сколько замаскировано на участке танков, есть ли доты и дзоты.

Антипов не думал о том, что с ним будет, если кому-нибудь из фашистов придет в голову его обыскать. Он понимал, что ходит по краю пропасти, но был озабочен лишь тем, чтобы как можно лучше выполнить задание партизанского штаба.

Коля ни о чем не догадывался. «А между тем, — думал Анатолий, — ведь его, в случае провала, ожидает такая же судьба, как и меня! Честно ли от него все скрывать? Имею ли я право, обманывая его, подвергать смертельной опасности?» Такие мысли не давали Толе покоя. За эти дни он привязался к цыгану, убедившись, что Авдеев не только хороший актер, но и верный, преданный друг. Он все больше склонялся к мысли, что пора открыться Николаю. «Он настоящий парень! — решил Антипов. — Нужно объяснить ему смысл происходящей борьбы. С его ловкостью он сможет много пользы принести!» Но этому плану не суждено было осуществиться и не по вине Анатолия...

Поздно вечером они добрались до деревни и устроились на ночевку в полуразрушенном доме. Согнувшись в три погибели под низким сводом подвала, они жевали насквозь промерзший хлеб и дрожали от холода. Другой еды не было, день оказался неудачным. Немцы подавали плохо, а какой-то офицер с темным, мрачным лицом с утра ходил по пятам и угрюмо смотрел, как они расстилали свой коврик, плясали и кувыркались... Он не аплодировал, не выражал одобрения, а молча наблюдал за ними, но не проверял документов и в разговор не вступал. Лишь в сумерки он куда-то исчез. Не на шутку встревожившись, Толя решил этой же ночью уходить отсюда и пробираться домой. За скудным ужином он хотел сообщить об этом Николаю, но тот, со злостью отшвырнув превратившуюся в сосульку хлебную корку, сказал:

— Сиди здесь, я скоро приду!

— Куда? — схватил его за руку Антипов.

— К солдатам в блиндаж! Консервов выпрошу. А не дадут, украду! — оскалил зубы Коля и скрылся в темноте.

Анатолий, вполголоса выругав его, стал ждать возвращения. Но час проходил за часом, а Николай не появлялся. Уверенный, что с ним случилось несчастье, Антипов вылез из спального мешка и побрел по деревне, прислуши-

ваясь к голосам, доносившимся из хат. Он сильно рисковал, так как ночью всякое хождение запрещалось. К тому же в подкладке был спрятан документ, который он был обязан передать в партизанский штаб. Но не мог же Анатолий бросить товарища на произвол судьбы!..

Николая нигде не было видно. Антипов уже хотел прекратить поиски, надеясь, что Авдеев все-таки вернется, но тут его внимание привлек сердитый мужской голос, что-то быстро говоривший по-немецки. Оглянувшись, он увидел солдата с автоматом, висевшим на шее. Солдат стоял перед дверью хлева и разговаривал с кем-то, кто находился внутри. Толя еще очень плохо знал язык врага, но некоторые слова понимал и сумел уловить смысл отдельных фраз. Он понял, что в хлеве заперт Николай, и солдату приказано сторожить, а завтра утром будет устроен суд, и цыгана повесят за то, что он украл в блиндаже несколько консервных банок...

Часовой, по-видимому, усматривал в случившемся прежде всего комическую сторону. Тон его был укоризненным и даже добродушным. Путая русские слова с немецкими, он ругал Колю за то, что тот совершил кражу, и наставительно объяснял, что такой поступок не может быть прощен. Николая непременно должны повесить. Его повесили бы сегодня, но с ним желает поговорить офицер, который сейчас занят и освободится лишь к утру. И это, по мнению часового, было очень плохо, потому что теперь ему приходилось мерзнуть вместо того, чтобы спать в теплом блиндаже...

Анатолий отступил и спрятался за плетнем. Что же делать? Ах, Коля, Коля, что ты натворил! Он едва не произнес это вслух, но вовремя закусил губы. Подойти к сараю нельзя. Если часовой заметит, сразу поднимет тревогу. Как выручить друга?.. Напасть на немца? Но ведь Толя безоружен! И кроме того, разве он имеет право сейчас, когда собраны такие ценные сведения, поставить себя под удар? Ведь партизанский штаб, командование советских войск ждут донесения. Толя располагает данными о предстоящем крупном наступлении немцев. А если его схватят, погибнет не только он сам. Собственной жизнью он еще мог бы распорядиться так, как ему хотелось. Погибнет донесение!..

К чести Толи, нужно сказать, что он колебался недолго. Он же спал с Авдеевым в одном мешке, ел с ним

из одной миски, делил все невзгоды. Он не мог, не имел права бросить цыгана на произвол судьбы! Ведь случись с ним самим что-нибудь подобное, Коля, конечно же, тотчас поспешил бы на выручку!

Антипов присмотрелся к солдату. Тот мало был похож на наглого вояку, которых в первые дни войны было немало в германской армии. С тех пор немцы изрядно обтрепались. Часовой явно был из запасных. Пожилой, сутулый, он тяжело шаркал по снегу огромными, как корабли, соломенными галошами, надетыми на сапоги. Толя впервые видел этот особенный вид «обуви», ставшей впоследствии печально знаменитой и обошедшей все киноэкраны. Она недавно была принята на «вооружение» фашистского воинства, жестоко страдающего от русских морозов...

Часовой опустил пилотку на уши, поднял воротник шинели, а руки засунул в рукава. В таком виде он напоминал спеленутую куклу, и Антипову пришло на ум, что с ним, пожалуй, нетрудно будет справиться. Но Толя находился в самом центре села. Кругом были немцы. С минуты на минуту они могли появиться на улице, выйти из дому, и надежда на благополучный исход дела при таких обстоятельствах была плохая.

И все-таки он решился, потому что другого выхода не было!

Прижимаясь к занесенному снегом плетню, Толя почти вплотную подобрался к солдату и, прыгнув на него сзади, обеими руками зажал ему рот. Неожиданно немец оказался крепким. Толе пришлось худо. Солдат яростно вырывался. С трудом удалось Антипову прижать его к земле. Часовой выпучил остекленевшие глаза и затих. Сдернув с него автомат, Толя на всякий случай еще стукнул фашиста прикладом по голове и, бросившись к сараю, сорвал замок вместе со щеколдой. Цыган стоял на пороге, прислушиваясь к возне за стеной, и, видимо, не понимая, что происходит. Увидев Толю, он остолбенел.

— Быстрей! — прошептал Антипов.

К счастью, повалил густой снег, в двух шагах ничего нельзя было увидеть. Ребята добрались до развалин и схватили свои узлы. Не разговаривали — не о чем было, да и некогда. Казалось, что лес близко, но пока добрались, насквозь промокли и дышали, разинув рты, как рыбы. В чаще пурга не так мела, зато по пояс провали-

лись в снег. Идти было трудно, но они не останавливались, а поземка тут же заметала следы. Через час оба совершенно выбились из сил и упали в белую снежную перину. Гудели под ударами ветра деревья.

— Ты меня от смерти спас! Спасибо! — стуча зубами от холода и возбуждения, сказал цыган.

— Пожалуйста, кушай на здоровье! — ответил Толя, тяжело дыша и вытряхивая мокрый снег из валенка. — Как тебе немецкие консервы понравились? Еще попробовать не хочешь?

Николай вдруг вскочил и выругался длинно и замысловато. Лицо его исказилось. Антипов с удивлением смотрел на приятеля. Голос его стал визгливым, глаза закатились под лоб. Он проклинал немцев, и мать, родившую его на свет, и зиму с морозами, и свою судьбу. Он приплясывал перед Анатолием в исступлении, проваливаясь в снег и дергая себя за мокрые волосы, а потом так же неожиданно умолк, упал ничком и затрясся от рыданий. Толя растерянно погладил его по спине:

— Ну, что ты? Успокойся! Ведь жив остался!

— Я паразит! Плюй мне в глаза! — закричал цыган, схватив Антипова за плечи. — Я не хочу больше жить! Дай мне автомат, слышишь? Или сам застрели, как пса! Где моя молодость? Перед кем пляшу? А-а! — Он сорвал с шеи амулет и швырнул под ноги. — Немецкий раб, шестерка, вот кто я! — Он несвязно выкрикивал слова, давясь яростью, видимо, не в силах излить переполнявшие его бешенство и горечь и едва ли отдавая себе отчет в тех мыслях и чувствах, которые вызвали этот неожиданный стихийный взрыв. Антипов смотрел на него почти с испугом, подавленный глубиной и силой его горя.

— Погоди! — сказал он, наконец, считая, что теперь настал удобный момент для откровенного разговора. — Что ты о себе плачешь, как о покойнике? Ну, верно ты сказал, отняли у тебя фашисты молодость. Тебе бы теперь с девчатами плясать, невесту выбирать, а ты в волчьей шкуре под снегом спишь, немецкие консервы на совесть меняешь!

— Совесть? Зачем так сказал? У меня есть совесть, хоть я и цыган! — крикнул Николай.

— Цыган или туркмен — какая разница! Важно, что ты советский гражданин! Советский Союз твоя Родина, а ты ее защитил от врагов? Ты взгляни на себя! Здоро-

венный парень! Твои руки оружие могли бы держать, а ты мячиками балуешься! Русские люди бьются с фашистами, жизни не жалея, а ты? Чем ты хвалился, помнишь? «Немцы меня любят!» Знаешь, кому так к лицу похваляться? Предателям, для которых веревка намылена! — Анатолий слушал собственные горячие слова со странным чувством. Он был, пожалуй, удивлен, что у него так складно получается, и немножко смущен, выполняя эту, непривычную для него, роль агитатора.

— Я предатель? — тихо спросил Коля, и так беспомощно, по-детски вздрогнул его голос, что Антипову на мгновенье стало жалко товарища. Но он должен был довести до конца этот тяжелый и необходимый разговор.

— Предатель не предатель, но и честным человеком тебя нельзя назвать! — ровно, но твердо продолжал он, прикоснувшись к плечу Николая, словно желая смягчить резкость своих слов. — Ты только помни, еще все можно изменить. Хватит тебе быть немецким шестеркой!

— Погоди! — охрипшим голосом перебил его Авдеев, отодвинувшись от Толи. — Меня ругаешь, а сам? Почему со мной ходил?

«Ну, теперь уж надо все говорить!» — подумал Антипов и достал из кармана свои записи.

— Думаешь, правда мне сигареты немецкие были нужны? — усмехнувшись, спросил он. — Нет, брат! Пока ты фокусы показывал, я фашистские пушки считал. Вот здесь все записано, сколько фашисты батальонов в резерве держат, где танки спрятаны, где самоходные орудия! Все эти сведения я завтра в партизанский штаб передам, а оттуда о них сообщат командованию Красной Армии! Ты поверил, что мне и вправду судьба бродяги понравилась? Нет, брат, шагай шире! — Последние слова Толя произнес с невольной гордостью.

Цыган несколько минут сидел неподвижно, потом, вздохнув, надел шапку и, не глядя на товарища, пошел вперед, в лесную чащу.

— Стой, чуднáя голова! — догнал его удивленный Анатолий, с досадой подумав: «Час от часу не легче». — Ты что, обиделся? Рассердился?

Но голос Коли прозвучал почти робко:

— Я тебе мешаю, да? Я не буду мешать! Ты иди куда надо! Тебя ждут! Зачем меня спасал, время терял? Ты командир, военный человек, наверно партийный, а я,

неграмотный цыган, какой тебе друг? Прощай, Толя. За то, что спас, я тебя отблагодарю! Слово цыгана — железное слово!

— Фу, тяжелый же ты человек! — вздохнул Антипов, удерживая Авдеева за рукав. — Ничего не понял! Вовсе я не командир! Обыкновенный рабочий, литейщик. Пойдем со мной, я тебя со своими товарищами познакомлю! Есть у нас настоящий командир. Орел его зовут. Ну? Пойдешь?

— В город? — спросил Коля, и глаза его заблестели, но тотчас же потухли. — Нет, не могу!

— Да почему не можешь? Что же ты, так в лесу и останешься? Немцы теперь тебя не помилуют! Спать вместе будем в сарае! Дружить будем, воевать вместе! Ну?

— Нет! — сумрачно ответил Авдеев и отвернулся.

— Как хочешь! — пожал плечами разочарованный и ошеломленный Анатолий. Ему никогда прежде не приходилось встречать человека с таким противоречивым характером. Он уже успел свыкнуться с мыслью, что приведет Николая в Любимово. И теперь стало досадно. Злился Толя главным образом на себя за то, что не сумел убедить цыгана. Но делать было нечего.

— Не могу я! — угрюмо повторил Коля и сгорбился, будто прячась в скорлупу. — Что мне в городе делать? Стрелять я не умею, русский язык знаю плохо, буду только мешать!.. Прощай! Уходить надо! — Он кивнул Антипову и побрел в лес, ныряя в снег то правой, то левой ногой, отчего тоненькая фигура жалко и нелепо подпрыгивала.

— Останься! Пожалеешь! — крикнул Анатолий, все еще надеясь, что он передумает. — Война кончится, прогоним немцев, в школу учиться пойдешь, а потом артистом будешь! Лучше ты немцев убивай, чем они тебя убьют!.. Вернись, друг, прошу тебя!..

Антипов подождал ответа, но цыган даже не обернулся и через несколько минут исчез в снежной пелене. Тогда Толя выругался так, как не ругался уже давно. И не для того, чтобы отвести душу, — угнетало сознание собственного бессилия. Хороший, настоящий парень на его глазах пошел навстречу своей гибели, а он не смог остановить. Не сумел, не нашел единственных правильных слов! И не радовали собственная удача, и то, что скоро должны были кончиться все мытарства.

Он шел, подставляя грудь ветру, глотая бьющий в лицо колючий, мелкий снег, и думал о Николае, о его нелепой, и, пожалуй, страшной судьбе. У Толи было предчувствие, что они еще встретятся, но он не верил в предчувствия и жалел об утрате хорошего товарища.

По мере того как Антипов приближался к Любимову, мысли все реже возвращались к цыгану. Толя знал, что друзья беспокоятся о нем, и представлял себе радостные лица Алешки и девчат. Когда лес кончился и вдалеке в предрассветном тумане показались белые домики, он остановился. Было раннее утро. Появление в этот час на улицах могло вызвать подозрение у немецких патрульных. Антипов решил дождаться восхода солнца. Он сел на обросший инеем поваленный ствол и стал смотреть на восток, туда, где Красная Армия сдерживала неистовый натиск жестокого и свирепого врага, туда, откуда вскоре должен был блеснуть золотой луч зари. Но тяжелые тучи обволокли все небо, и горизонт в той стороне был таким же темным и мрачным, как повсюду.

Мороз крепчал... Внезапно Толе на ум пришла нелепая мысль, что солнце нынче утром примерзло к горизонту, оттого и опаздывает рассвет. Но несмотря на то, что эта мысль была дикой и смешной, он не улыбнулся, а тяжело задумался, не спуская глаз с низкой, серо-фиолетовой кромки облаков.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Сергея Сергеевича Круглова в бою под Калугой ранило в ногу. Сначала он даже обрадовался этому. Теперь его отправят в госпиталь, он будет жить! Круглов и месяца не успел прослужить в армии. Он чувствовал себя настолько чужим и случайным человеком среди окружавших его бойцов, что каждый день, каждый час был для него мукой. «Я смогу вернуться домой», — подумал Круглов.

Но от потери крови он лишился сознания, а когда пришел в себя, кругом уже были немцы. Круглов понял это, увидев скользящие в темноте фигуры в незнакомых рогатых касках. Они молча и методически искали что-то на снегу. Сходились по двое, по трое, затем расходились и брели не спеша по степи, выполняя какую-то непонятную для Круглова работу. Время от времени немцы на-

клонялись, потом продолжали свой путь. Похожие на призраки, они двигались бесшумно, то исчезая в темноте, то снова вырастая черными силуэтами на фоне ледяного, звездного неба.

Круглов лежал на боку в неглубокой воронке, куда его отбросило взрывной волной. Снег под ним растаял и смерзся, крепко захватив расстегнутую шинель. В странном безмолвии этой ночи иногда слышались короткие, сухие выстрелы. И инженер вдруг понял, чем занимаются черные фигуры в касках. Похолодев от страха, он отчаянно рванулся, и шинель с легким треском оторвалась от снега... Немецкие санитары подбирали своих убитых и раненых, а русских обыскивали, грабили, и тех, кто подавал признаки жизни, пристреливали. Нужно было скорее спрятаться — выстрелы раздавались все ближе.

Он привстал, но коротко охнул от пронизавшей его острой боли в ноге. Ему стало ясно, что идти он не сможет. Круглов прикусил губы и снова лег. Теплилась слабая надежда, что немцы не обратят на него внимания или просто не заметят в кромешной тьме. Но с каждой минутой эта надежда исчезала, пока не уступила место бессильному, тупому отчаянию. «Все! — подумал Круглов, услышав совсем рядом, за спиной, короткую, глухую возню, болезненный стон и выстрел. — Это конец!»

Громко заскрипел снег. Санитары спускались в воронку. И в последнее мгновенье в голове у Круглова мелькнула мысль, что у него еще есть возможность спастись... Не успев додумать до конца, он поднялся во весь рост, высоко вскинул руки, будто хотел прыгнуть в воду; намокшая шинель горбом взбухла за плечами, и, глядя на приближавшихся солдат, отчетливо произнес по-немецки:

— Я сдаюсь в плен! Я сдаюсь!

Санитары отпрянули. Несколько секунд они молча разглядывали Круглова. Один из них приподнял автомат. Дуло, покачиваясь, застыло против груди Круглова. Он с ужасом уставился на толстый, смутно белевший в темноте, палец солдата, придерживающий спусковой крючок. Время, казалось, остановилось, и последние секунды сочились, точно кровь из раны.

Трое мужчин молчали, залитые мраком, будто тушью. Круглов почувствовал, что солдат колеблется, и через секунду облегченно вздохнул, поймав его заинтересованный взгляд. Он понял, что останется жив.

Санитары обменялись несколькими короткими, отрывистыми словами, и солдат подтолкнул Круглова дулом автомата. Тот с готовностью закарабкался по скользкому откосу воронки кверху. Если бы полчаса тому назад он приложил такие же усилия, то мог бы спастись и добраться до темневшего в полукилометре леска. Но у Круглова не хватило тогда воли заставить себя терпеть острую боль в раненой ноге. А теперь его заставили фашисты. И он терпел.

Он вылез из воронки и зашагал куда-то в темноту, без стона и не жалуясь, потому что страх смерти оказался сильнее боли...

Круглов изнемогал. Нога одеревенела, голова кружилась. Он уже не шел, а падал. С каждым шагом падал вперед, чудом успевая переставить ноги и продлить падение. Он смутно помнил потом, что пересек пустынную деревенскую улицу с торчащими черными остовами обгоревших печей и провалился, как в яму, в открывшуюся перед ним дверь сарая.

Круглов упал на землю. Позади что-то пролаяли немецкие часовые. Протянув руку, он нащупал сукно шинели. Здесь были люди, много людей. Пар от дыхания клубился в сарае. Круглов забылся. Он очнулся на рассвете. Морозный воздух как будто застекленел. Люди метались, выкрикивали непонятные слова, стонали.

Круглова кто-то тронул за плечо. Он обернулся и увидел черное, заросшее до самых глаз лицо. Глаза показались знакомыми.

— Кто это? Кто?! — испуганно прошептал Круглов. Он узнал красноармейца из своего отделения, пожилого рабочего Павла Дробота. До войны Дробот работал на локомобильном заводе в Любимове, Круглов часто встречался с ним на производственных совещаниях. Потом они попали в одну часть. Рука Дробота упала. Он лежал на спине и тяжело дышал. Светлые усы смерзлись, и он не мог открыть рта. Но глаза его были ясные, спокойные. Он в упор, настойчиво смотрел на Круглова. «Плохо ему! — подумал Сергей Сергеевич. — Он ведь коммунист. Не помилуют его немцы!» И при этом Круглов испытал тайное удовольствие оттого, что не был коммунистом и подвергался меньшей опасности, чем Дробот. Он не мог решить, заговорить с Дроботом или сделать вид, что не узнал его, и наконец опустил глаза и отвернулся, поду-

мав, что в этих условиях чем меньше друзей, тем лучше! Надо надеяться только на себя!..

Круглов уже не был тем человеком, которого знали сослуживцы и знакомые в Любимове. Его все-таки призвали в армию, и за несколько недель он стал другим. Неожиданно вырванный из привычной, безмятежной стихии, брошенный в гущу событий, он был оглушен и нравственно парализован.

Потом у него все чаще стали появляться обидные, злые мысли: «Я глубоко штатский человек! Зачем мне все это?» Хотя он настоящим военным так и не стал, ему присвоили звание сержанта и, так как он не плохо разбирался в радиотехнике, назначили командиром отделения связи. Но он был никудышным командиром, глубоко равнодушным к судьбам красноармейцев, к исходу сражений и даже к собственной жизни. Им владела душевная апатия, рожденная сознанием того, что его личность, которую он считал очень ценной, на самом деле лишь песчинка в море войны. Привыкнув ставить себя в центр мироздания, Круглов теперь наглядно увидел, что мир вращается отнюдь не вокруг его, и все чаще стал думать о доме, о семье. Себялюбцу и карьеристу, ему чужды были мысли о Родине, о своем долге гражданина и командира, об ответственности за жизни других людей. Он хотел домой!

В конце концов это сделалось навязчивой идеей. «Хоть бы меня ранили!» — не раз думал Круглов. И судьба безногого калеки представлялась ему пределом человеческих мечтаний. «Что же делать, если я не герой! — твердил он. — Я не приспособлен к жизни в окопах! Какой из меня солдат!» Он убеждал себя, что возвращение домой было бы полезным не только для него, но и для государства. «Я в армии совершенно случайный человек. Какую пользу приношу я здесь, копаясь в грязи? Ведь я инженер! Я мог бы проявить себя на трудовом фронте!» Но все это были только рассуждения. Он отдавал себе отчет в том, что никто не отпустит с фронта молодого, физически здорового мужчину.

Он лежал в сарае вместе с другими пленными красноармейцами, среди которых было много раненых, и размышлял о том, как ему следует вести себя с немцами? Что его ждет? Концлагерь? Смерть?..

Когда совсем рассвело, дверь распахнулась. В сарай ворвались трезвые, злые солдаты. Громко и свирепо крича

что-то, они пинками подняли спящих. Пленных вывели на улицу и выстроили в колонну. Выяснилось, что за ночь умерло семнадцать человек.

Круглов стоял на твердом, искрящемся снегу и, щурясь, глядел на яркое солнце, сиявшее на голубом, безоблачном небе. Из труб немногих уцелевших хат отвесно поднимался домашний, прозрачный дымок. Круглов не смотрел на соседей. Ему казалось, что те с укоризной наблюдают за ним. Почему он сдался в плен?.. «В конце концов, я ранен!» — сказал себе Круглов и, набравшись храбрости, вызывающе уставился на красноармейца, стоявшего рядом. Но тот даже не взглянул на него. Держась за рукав товарища, он морщился от боли и тихонько, сквозь зубы, стонал.

Пленных было, как успел сосчитать Круглов, около пятидесяти, из них больше половины тяжелораненых, с трудом державшихся на ногах. Здорового, не задетого пулей, не было ни одного. Немцы с автоматами расхаживали в голове и хвосте колонны.

Стояли без движения уже около часу. Никто не подавал команды. «В чем дело? — удивленно и тревожно подумал Круглов, у которого нестерпимо болела распухшая за ночь нога. — Почему нас никуда не ведут?»

Мороз усиливался. Лица раненых побелели. Многие в полуобморочном состоянии склонились на плечи соседей... Так простояли до темноты. Часовые уходили и возвращались, а красноармейцы не выдерживали и падали замертво. Их никто не поднимал.

Вечером пленных загнали в сарай. Пятнадцать человек остались лежать на снегу. Они замерзли. Их одеревеневшие, негнущиеся тела за ночь занесло снегом. Круглов кое-как держался благодаря тому, что под шинелью у него была надета меховая душегрейка. Но и он, с трудом переставляя тяжелые, будто чужие ноги, добрался до своего места в сарае и повалился на кучу заиндевевшей соломы. Мысли тоже как будто застыли. Он ни о чем не думал. Перед закрытыми глазами настойчиво возникала одна и та же картина: его дом; на крыльце, освещенном солнцем, сидит босоногий годовалый Мишенька. Во дворе, на скамейке, врытой в землю, в тени, отбрасываемой яблоней, белеет ситцевое платье Ольги. Она смеется и грызет румяное яблоко...

Из-под век выкатывались слезы, ползли по небритой щеке и превращались в хрустальные льдинки на воротнике шинели.

Круглов прислушивался к голосам красноармейцев. Одни стонали, другие тихо совещались. К счастью, к ночи стало теплее: стоило бы морозу продержаться до утра, немцы нашли бы в сарае лишь трупы. Круглов знал, что завтра их снова выведут на улицу. «Я погиб!» — спокойно и трезво сказал он себе и впал в забытье. Как будто во сне до него донесся голос, говоривший на ломаном русском языке:

— Кто есть командир — выходи!

Круглов открыл глаза. В дверях, светя фонариком прямо ему в лицо, стоял высокий немец в блестящем длинном плаще с капюшоном. Сержант встал и, наступая на ноги лежащим, побрел к двери. «Куда ты?» — испуганно сказал кто-то, и чья-то рука предостерегающе схватила его за шинель. Но он отмахнулся. Он шел, прихрамывая, навстречу своей судьбе. Было безразлично, что его ожидает. Лишь бы не оставаться в этой черной, ледяной могиле!..

В жарко натопленной избе за столом сидел немец в круглых роговых очках, в черном мундире и прихлебывал из металлического стаканчика дымящийся кофе. Круглов, шатаясь, прислонился к стене. От тепла его мгновенно разморило, руки и ноги стали, как ватные. Офицер подошел и с минуту всматривался в его опухшее, страшное лицо. Потом презрительно произнес несколько слов. Немцы, находившиеся в избе, громко захохотали. Круглов понял, что фашист оскорбил его, но не возмутился — тот имел на это право!..

Немецкий офицер предложил Круглову выступить перед микрофоном и призвать советских солдат бросить оружие и сдаться в плен. Круглов должен был рассказать о том, как хорошо живется красноармейцам в фашистском плену, как сытно их кормят, тепло одевают. За это офицер обещал отпустить его домой. Домой?! Круглов с трудом удержался от слез. Ему предлагали счастье, но такую цену нельзя было уплатить! Круглов не колебался ни секунды. Он тут же понял, что выступить по немецкому радио, значит искалечить жизнь Ольге и Мишеньке. Ее будут презирать, как жену предателя. И главное — он все равно никогда не увидит их. Круглов решил отказаться. Он прекрасно понимал, что отказ равносилен смертному

приговору. Но ему легче было умереть, чем искалечить жизнь женщине, которую он страстно и нежно любил!

Немец, вытянув худую шею, ждал. Круглова бросило в жар. Значит, смерть? Но напряженно работавший мозг подсказал выход. Круглов откашлялся и слабо улыбнулся. Офицер поощрительно кивнул. И тогда Круглов сиплым, простуженным шепотом, который едва можно было расслышать в двух шагах, произнес:

— Я сделал бы это. Мне все равно. Но я охрип. У меня хроническая болезнь гортани. Вы сами видите, как я говорю! — Он развел руками, стараясь, чтобы жест получился правдоподобным. Фашист ударил его по лицу. Круглов, ослабевший от голода и потери крови, не устоял на ногах. Когда он упал, офицеры вскочили из-за стола и стали его избивать. Через несколько минут лицо Круглова превратилось в кровавую маску, дыхание остановилось от сильного удара носком сапога под ложечку. Он потерял сознание.

Очнулся он в сарае. Ефрейтор Дробот наклонился над ним.

— Ну что? — сочувственно спросил он.

— Хотели, чтоб я по радио выступил, сволочи! — прошептал Круглов.

В полдень пленных вывели на улицу, построили и повели в поле. Все были уверены: на расстрел. В колонне осталось не больше тридцати человек. Оборванные, с почерневшими, обмороженными ногами, красноармейцы с трудом шли. Немцы-конвоиры, закутанные в женские платки, дрожа от холода, немногим отличались от пленных.

Проваливаясь в снегу, кое-как выбрались на дорогу. Начальник конвоя, толстый, грузный фельдфебель, по-русски предупредил, что отставших ждет смерть. Их будут расстреливать.

...То, что Круглов все-таки остался жив, было чудом. Но это чудо объяснялось очень просто. Его отказ выступать по радио внушил к нему уважение. Красноармейцы увидели в нем командира и, верные воинскому долгу, старались выручить его из беды. Они помогали ему идти. Сменяя друг друга, они поддерживали его, подставляя свои плечи. И когда Круглов окончательно ослабел и стал спотыкаться, а фельдфебель, выразительно поглядывая на него, вытащил из кобуры парабеллум, Павел Дробот и какой-то незнакомый красноармеец, не сговариваясь,

скрестили руки и понесли сержанта. Сами раненные, слабые, они тащили его до тех пор, пока Круглов отдохнул и смог кое-как продолжать путь.

К вечеру колонна вступила в деревню, которой, казалось, не коснулась война. Хаты были не разрушены. В окнах мирно теплились огоньки. Пленных поместили в деревянной, холодной церквушке. Это была Платоновка. До войны здесь находился заводской однодневный дом отдыха. От Платоновки до Любимова было четырнадцать километров. Как близко и как в то же время далеко был Круглов от родного дома!.. Он лег на деревянный пол, показавшийся ему теплым и даже мягким, и мгновенно заснул, будто провалился в черную яму.

Круглов пришел в себя оттого, что кто-то осторожно, но настойчиво тормошил его за плечо. Открыв глаза, он увидел Дробота.

— Скорей, сержант! — прошептал Павел. — Скорей!

Мимо Круглова в открытую дверь церкви выбегали, прихрамывая, красноармейцы. В первую секунду Круглов подумал, что немцы выгоняют пленных на улицу, но его удивило лицо ефрейтора, странно радостное и красное от возбуждения.

— Просыпайтесь же! — нетерпеливо крикнул Дробот и побежал к выходу.

Еще не понимая, что произошло, Круглов вышел на крыльцо. Он увидел двух незнакомых парней с автоматами, а на ступенях труп немецкого часового. Между лопатками у солдата торчала рукоять ножа. Красноармейцы, пригнувшись, пробегали мимо парней, а те негромко командовали:

— Сразу за кладбищем лес! Все в лес!

Дробот заглянул в лицо юноше и тихо проговорил:

— Спасибо, браток! Ты, случаем, не любимовский?

Тот с досадой отвернулся, махнул рукой, и ефрейтор скользнул в кладбищенскую калитку. Догнав его, Круглов плачущим голосом сказал:

— Боже мой!.. Павел!.. Мы спасены!

— Погоди! — сдавленно отозвался Дробот, мягко ступая по снегу разбитыми сапогами. — Нам еще путь далекий! Ты, инженер, не отставай!

Через полчаса они собрались на поляне. Из деревни слышались выстрелы. Красноармейцы, тяжело дыша, переглядывались. Их было четырнадцать. Остальные оста-

лись в церкви. Грозно шумели деревья. Голубоватый снег искрился под слабым светом ущербной луны. Мороз шершавой рукой хватал за уши. Дробот тревожно сказал:

— Где ж они, те хлопцы, спасители наши? Куда мы без них, разутые, раздетые, денемся?

Не успел он договорить, как парни, точно услышав призыв, бесшумно появились на поляне. Один из них, рослый, в очках, откашлялся и взволнованно сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с освобождением... А теперь нужно спешить. Немцы всполошились.

Не ожидая ответа, он вместе с товарищем, которому на вид было лет четырнадцать, зашагал в чащу. Красноармейцы гуськом последовали за ними, не задавая вопросов, стараясь не задевать обледеневшие ветки. По-прежнему помогали друг другу, тащили на руках тех, кто не мог идти. Но таких осталось немного. Тяжелораненые уже отстали раньше, погибли по пути в Платоновку, не вышли из церкви. А у остальных на свободе сил прибавилось.

Тусклый, поздний рассвет беглецы встретили в глубокой лощине.

— Сукремльский овраг! — сказал Дробот, подпрыгивая и растирая уши.

Истощенные, уставшие люди присаживались на снег. Юноши спрятали автоматы под телогрейки и подошли к Дроботу, который, как им показалось, пользовался наибольшим авторитетом среди военнопленных.

— Придется здесь до завтра переждать! — сказал юноша в очках. — Утром мы раздобудем одежду, еду. Возможно, сумеем переправить к партизанам. Но дело в том, что сами мы дороги не знаем. Нам нужно сначала кое с кем встретиться. Мы понимаем, что очень тяжело ждать раздетым людям на морозе. Но другого выхода нет. В город вам идти нельзя. Там полно немцев. В общем, вот такое положение!

Красноармейцы переглядывались, собравшись в кружок.

— И так пропасть, и эдак гибель! — пробормотал кто-то. — Мы ночи не переживем!

— Баста! — перебил Дробот. — Все грамотные! Ступайте, хлопчики! Мы вам верим. Дождемся!

— Тогда вот что, товарищи! — подумав, оживился парень в очках. — Возьмите на всякий случай наши авто-

маты, а то ведь вы совсем безоружные. И разведите костер. С костром не замерзнете. А огонь видно не будет. Овраг-то глубокий.

— Другое дело! — произнес красноармеец, который тащил Круглова. — Так-то мы и вправду не пропадем! Эх ребятишки, ребятишки! Откуда ж вы такие взялись? Кто вас послал?

— Советская власть! — ответил юноша и протянул красноармейцу автомат. — На-ка вот, возьми! А ты думал как? Нет Советской власти? Ого, брат! Она тыщу лет стоять будет!

Круглов молча прислушивался к разговору. У него не было желания принять в нем участия. Им снова овладело тупое безразличие. Он сидел на пеньке, вытянув больную ногу, которая распухла до бедра и стала тяжелой, как свинец. Ему не хотелось шевелиться, думать. Падавший пушистыми хлопьями снег накрыл его сгорбленную спину толстым ковром.

После того как юноши ушли, Дробот наломал веток и разжег небольшой костер. Красноармейцы сгрудились вокруг огня. От шинелей повалил густой белый пар. Согревшись, Круглов вскарабкался наверх. Он присел за деревом и взглянул в ту сторону, где на горизонте угадывался город. Можно было различить отдельные строения... Круглову показалось, что он видит свой дом. Ну да, конечно, это было оно, одноэтажное, с красной черепичной крышей здание, родное гнездо, чудом сохранившееся в военной буре! Из высокой трубы поднимался еле заметный дымок. Там топилась печь. Печь? Но тогда, значит, его семья не эвакуировалась? Круглов вскочил, но снова сел. Как же он не сообразил. Это могли быть немцы.

Круглов вернулся к костру. Но ему не сиделось. И когда стемнело, он снова выбрался из оврага и с тоской уставился на город. Какое-то шестое чувство подсказывало, что он напрасно медлит. В доме не немцы, а жена и сын. Они ждут его, а он колеблется!.. Нет, он непременно должен взглянуть. Только взглянуть! Он будет осторожным! Совсем не обязательно сообщать Дроботу о своем уходе! В конце концов, ничто не связывает Круглова с этими людьми!.. Пусть они, если хотят, идут в партизанский отряд. Там их снова ждет война, лишения, может быть, смерть. А с него хватит! Здесь рядом жена и милый сердцу домашний уют! Нечего медлить! Оглянувшись и

убедившись, что никто не обращает на него внимания, Круглов двинулся в путь.

Он хорошо знал дорогу и уверенно ковылял в темноте, волоча тяжелую ногу и опираясь на толстый сук, отломанный от дерева. Он заранее представлял себе, как пройдет по знакомому переулку, поднимется на крыльцо, постучит в дверь. Но дальше воображение было бессильно. Как ни старался, он не мог вызвать образа Оли. Возникали бесформенные видения, которые быстро таяли... Наконец Круглов вошел в город. Можно только удивляться тому, что его не задержали немцы. Вид у него был такой, что ни один солдат не прошел бы мимо. Но, на его счастье, улицы были пустынны. И лишь возле самого дома из-за угла внезапно выросли два солдата с автоматами на шеях. Они еще не видели Круглова, но через секунду могли заметить. У него не было времени думать. Он прыгнул в открытый канализационный люк, черневший под ногами, пролетел несколько метров в темноте и упал в густую, зловонную жижу, больно подвернув здоровую ногу.

Трудно было сказать, сколько времени он пробарахтался в колодце. Круглов задыхался, тщетно пытаясь уцепиться за гладкую стенку. Наконец ему удалось ухватиться за железную скобу. Подтянувшись, он выбрался наверх и прошел те несколько шагов, которые отделяли его от дома. Он распахнул калитку, подошел к заваленному снегом крыльцу и тут, поскользнувшись на обледеневшей ступеньке, упал. Он подполз к двери и постучал слабеющей рукой. Какую ужасную глупость он сделал! Что, если здесь все-таки немцы? В коридоре послышались шаги. Звякнула щеколда.

— Оля! — шепотом сказал Круглов и всхлипнул.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

В начале марта Лиду на улице остановила худая, плохо одетая женщина и, пугливо оглянувшись, вполголоса попросила уделить ей пять минут для важного разговора. У Лиды только что окончилось дежурство. Она устала и была голодна. Мельком окинув взглядом незна-

комку и решив, что та хочет попросить милостыню, Лида ответила, что у нее с собой ничего нет, она ничем не может помочь. Удивленно подняв светлые брови, женщина сказала, что ей не нужна такого рода помощь.

— Неужели ты меня не узнала?

Лида схватила незнакомку за плечи и впилась взглядом в изможденное, покрытое морщинами лицо.

— Ольга! — удивленно прошептала Лида. — Я была уверена, что ты уехала!.. Что с тобой? Ты больна?

Ольге Васильевне Барановой, по мужу Кругловой, в общем повезло. Немцы ее не тронули, хотя ограбили, и она осталась хозяйкой в доме. Солдаты не поселились у нее, должно быть оттого, что дом стоял на окраине города, далеко от центра.

Ольга Васильевна, миловидная женщина двадцати лет, с продолговатым, белым лицом и карими, добрыми глазами, боялась выходить на улицу и не выпускала сына. Даже за водой к колодцу выбегала украдкой, поздно вечером, закутав голову черным платком. У Кругловой оставалось немного продуктов. Она надеялась, не показываясь на глаза оккупантам, дождаться возвращения советских войск.

А в том, что Красная Армия в конце концов разгромит фашистов, Ольга Васильевна ни минуты не сомневалась. Да и как могла она не верить этому? Покойный отец прослужил в армии всю жизнь и вышел в отставку полковником. Старик часто рассказывал дочери о гражданской войне, о сражениях, в которых ему довелось принять участие. Рано Ольга научилась понимать, что Красная Армия коренным образом отличается от других армий тем, что каждый ее боец, так же как командир, хорошо знает, за что сражается. Эта армия непобедима потому, что тесно связана с народом!

В детстве Ольга подолгу жила с отцом в воинских подразделениях. Она была знакома с бытом красноармейцев, присутствовала на их занятиях. Армия была для нее родным домом. И когда отец вышел в отставку и они переехали в Любимово, девушка долгое время не могла привыкнуть к «штатской» обстановке.

Ольга Васильевна знала, что мужа должны скоро призвать в армию, и гордилась этим. Она любила его, боялась за него, но не хотела, чтобы отсрочка от призыва, которой он добился, продолжалась долго. Он обязан быть

там, где все... Она твердо знала, что успехи немцев не могут быть прочными и длительными! Вся ее жизнь подтверждала это.

Но оккупация затянулась. Наступила зима, ударили морозы. Целыми днями сидела Ольга Васильевна в нетопленном доме, прижав к себе простуженного, кашляющего ребенка. Малыш просил есть, он был голоден, а она не могла накормить его. Запасы пришли к концу. Нечем было даже истопить печь. Тогда Круглова поплотнее закуталась в платок, велела сыну не вставать с кроватки, куда уложила его перед уходом, и отправилась искать еду и топливо. Она отыскала за городом занесенные снегом огороды и раскапывала мерзлую землю голыми, распухшими пальцами, выковыривая неубранную в этом году, мороженую картошку. Она каждый день спускалась к реке и столовым ножом срезала обледеневшие кусты, которые затем тащила домой...

В тот день, когда пришел муж, Ольга Васильевна была больна. Она лежала на кровати, прижав к себе ослабевшего, притихшего мальчугана, и была не в силах встать. Появление среди ночи мокрого, выпачканного нечистотами, раненого мужа лучше всяких лекарств поставило ее на ноги. Теперь она должна была спасти не только сына, но и его. С лихорадочным румянцем на запавших щеках Ольга Васильевна растапливала печь, кипятила воду, резала ножницами простыню. К утру инженер, чисто вымытый, в свежем белье, с умело перевязанной ногой лежал на кровати и ровно дышал. Он, наконец, уснул. На его бледных губах застыла счастливая улыбка. А Ольга Васильевна, обняв прижавшегося к ней сына, судорожно всхлипывала. Напряжение оказалось ей не по силам...

Первые дни супруги были так счастливы, что забыли о войне, о немцах. Они самозабвенно возились с повеселевшим Мишуткой, ощущая себя молодыми и полными сил. На еду они, разумеется, обращали мало внимания. Мороженая картошка вполне их устраивала. Разве до этого им было? Им неожиданно улыбнулась суровая и переменчивая военная судьба, и оба стремились полнее ощутить ее дары. Но однажды они поссорились. Это произошло неожиданно; за минуту перед тем супруги с любовью смотрели друг на друга. Сергей Сергеевич рассказывал о своем чудесном освобождении из плена. Он дошел до

того, как оказался в Сукремльском овраге, а затем бросил товарищей и поспешил домой.

— Как же ты никого не предупредил? — растерянно, с испугом спросила Ольга Васильевна. — Ведь они, наверно, потом тебя искали, беспокоились? Как ты мог так поступить, я не понимаю.

Женщина побледнела от волнения. Она словно просила мужа рассеять ее сомнения. Но Круглов вспыхнул. Он вскочил и, некрасиво выпятив небритый подбородок, истерически закричал:

— Пожалуйста, не упрекай! Тебе нужно сначала пережить то, что я, только тогда ты поймешь! Никому не сказал, потому что так было нужно! Я не обязан перед тобой отчитываться!..

Через несколько дней, подойдя к мужу, когда тот сосредоточенно вытряхивал из уголков вывернутого кармана последние крошки махорки, Ольга Васильевна тихо спросила:

— Что же дальше-то, Сережа?

Заклеивая языком краешек газетного листка, Круглов пожал плечами. Он прикурил, с наслаждением проглотил едкий дым. На его лице было написано полное блаженство. Он находился в тепле, в своем доме, рядом с женой и сыном — о чем еще мог мечтать человек, побывавший в лапах у смерти? Но женщина ждала ответа. И, взглянув на нее, муж раздраженно швырнул драгоценную папироску на пол:

— Не понимаю, о чем ты спрашиваешь? Что ты, собственно, от меня хочешь?

Ольга не нашлась, что ответить. Она не ожидала, что муж так отнесется к вопросу. Хотелось поговорить с ним, как с близким человеком, обсудить создавшееся положение. Уже несколько дней она испытывала чувство стыда, словно делала тайком что-то запретное. Запретным было это безоблачное счастье. Какое право имела Ольга наслаждаться покоем в такое время? Жизнь мужа принадлежала не ей, а Родине. Он пришел, чтобы повидаться, но живет уже полмесяца. А другие солдаты сражаются с фашистами. Круглов забыл о своем долге, и в этом виновата его жена! Своими ласками она расслабляет его и лишает мужества. Ольга должна заставить жалостливое бабье сердце замолчать и, не показывая тоски, без слез собрать мужа в опасный путь!.. Так она решила, подойдя

к нему, но раздраженный голос мужа раскрыл ей глаза. Ольга Васильевна увидела, что он вовсе не хочет идти в партизанский отряд. Ему нравится жить дома, и никаких угрызений совести он не испытывает! Это было для нее ужасным открытием.

— Что я от тебя хочу? — переспросила она, растерявшись, но тут же взяла себя в руки и ласково, но твердо ответила: — Я хотела бы не расставаться с тобой. Но это невозможно. Ты солдат. Ты должен быть на фронте, а не здесь!

Вскочив и рассыпав остатки махорки, Круглов забегал по комнате. Лицо его исказилось. Никогда он не говорил жене таких обидных, несправедливых слов. Он кричал, что Ольга не ждала его, она сумела, очевидно, устроить свою жизнь, пока он мерз в окопах! Ясно, что у нее кто-то есть, раз стремится поскорей избавиться от мужа! Женщина слушала, опустив глаза. Губы вздрагивали. Ей было жаль его. Круглов круто остановился и шепотом спросил:

— В конце концов, почему я должен быть на фронте? Я никому ничего не должен! У меня, черт возьми, одна жизнь, а не две! Один раз я уже умирал, пусть теперь другие!.. И я же ранен! Ну да, разве ты не знаешь? Даже из госпиталя меня не выписали бы так рано! Я не ждал, что ты окажешься такой бессердечной! Я любил тебя, рвался домой, а ты!..

Заплакав, Ольга Васильевна обняла его. Сердце ее не выдержало.

— Как ты измучился, настрадался, родной мой! — горячо шепнула она. — Ты сам не знаешь, что говоришь! Но ничего, ничего!.. Мой любимый, прости, я виновата!.. Когда я смотрю на то, что делается вокруг... Ты понимаешь? Я потеряла голову. Мне вдруг показалось, что мы с тобой совершаем преступление!.. Но у тебя действительно еще не закрылась рана. Я достану лекарств! Я сама вылечу тебя, Сереженька!

Он облегченно поцеловал ее. В этот день они были особенно нежны друг к другу.

Ольга Васильевна осмотрела ногу мужа. Она была хирургической сестрой и знала, какие медикаменты нужны для того, чтобы рана скорее зажила. В домашней аптечке таких лекарств не оказалось. Добыть их можно было лишь в госпитале.

Осенью, в начале оккупации, ей прислали повестку из комендатуры с требованием явиться на работу в поликлинику, где оборудован немецкий госпиталь. Ольга Васильевна отказалась под предлогом, что у нее тяжело болен сын. Она боялась, что немцы не оставят ее в покое. Но они, по-видимому, нашли другого фельдшера, потому что больше не вспоминали о ней. Как-то Ольга встретила на улице Лиду Вознесенскую, с которой вместе училась в медицинском техникуме. Лида куда-то торопилась, пальто было расстегнуто, мелькнул белый халат. Ольга догадалась, что Вознесенская работает в госпитале, и не поздоровалась. «Какой позор! — подумала она. — Эта девчонка служит у немцев! Неужели не могла найти другого занятия?» Сейчас Ольга пожалела о том, что не имела знакомых среди работников госпиталя. Обращаться к Лиде она опасалась, не зная, можно ли той довериться. Ольга Васильевна колебалась долго, рана на ноге у мужа не заживала. Пришлось решиться. Вечером женщина остановила Лиду на улице.

...Они смеялись и плакали, заглядывая друг другу в глаза, и теперь у Ольги уже не было опасения, что Лида может ее подвести. По ее грустному, бледному лицу и горьким морщинкам у губ можно было догадаться, что ей нелегко живется. «Значит, не по своей воле пошла к немцам!» — решила Ольга Васильевна и совсем успокоилась.

— А ведь я тебя ждала! Ты мне нужна! — сказала Ольга после того, как они коротко рассказали друг другу о себе. — Не можешь ли ты достать немного сульфидина, белого стрептоцида, йода и еще граммов триста спирта? Я понимаю, что это не так просто, — прибавила она, увидев, что Лида насторожилась. — Но поверь, пожалуйста, мне очень, очень нужно. Я буду тебе так благодарна! Ты буквально меня спасешь!..

— Ну, что ж! — помолчав, опустила глаза Лида. — Я, может быть, сумею что-нибудь сделать, если ты откровенно скажешь, для чего тебе медикаменты.

Лида не хотела, чтобы лекарства, которые она доставала с таким трудом и берегла для того, чтобы когда-нибудь передать партизанам, расходились попусту. Ольгу она знала плохо, и ей пришла в голову мысль, что та намерена выменять на медикаменты продукты.

— Для чего? — растерянно переспросила Ольга Васильевна и умокла, не зная, что ответить. Солгать? Но лгать она не умела и сразу бы себя выдала. Рассказать, как есть? Это опасно и неразумно. И все-таки она решила довериться Лиде. Девушка внушала симпатию, а ее желание знать, куда пойдут лекарства, было вполне законным.

— Ладно, я верю, что ты не выдашь! — ответила Ольга, как в воду бросилась. — Из армии вернулся мой муж. Он ранен. Он убежал из плена!

— Что ты говоришь! — вырвалось у Лиды.— Боже мой, прости меня! Я просто дура, что тебя выспрашиваю! Конечно, я все, все сделаю. Пойдем! Я сейчас же дам все, что ты просишь! — Она схватила Ольгу Васильевну за руки и потащила. Возле дома Лиды та остановилась.

— Я подожду тебя! — сказала Круглова, смущенно и благодарно улыбаясь. — Спасибо тебе. Какая ты хорошая!

Через несколько минут Лида выбежала и вручила Ольге небольшой, тщательно упакованный сверток.

— Спрячь под пальто! Знаешь, Оля, о чем я подумала? Ведь твоему мужу опасно долго оставаться в городе! Рано или поздно фашисты пронюхают, и тогда плохо будет! Надо его переправить поскорее в лес, к партизанам!

— Да, да, ты права! — горячо ответила Ольга Васильевна. — Ты с кем-нибудь связана? Ты можешь не отвечать, я понимаю, что о таких вещах не говорят! Но если ты поможешь Сергею, я этого никогда не забуду!

— Сейчас я ничего не могу сказать! — ответила Лида. — Давай встретимся послезавтра. Приходи прямо в госпиталь. Это ничего, они на нас не обращают внимания... Так приходи обязательно! Я буду ждать!

— Приду! — Поцеловав смутившуюся девушку в щеку, Ольга убежала.

А Лида тут же отправилась к Шумову. Ведь теперь они были друзьями. Девушка все-таки поговорила по-душам с Алешей. Произошло это две недели тому назад при довольно необычных обстоятельствах.

Вечером Лида вышла на больничный дворик, чтобы немножко отдышаться после целого дня пребывания в спертой, насыщенной йодоформом и тяжелыми испарениями атмосфере госпиталя. Болела голова.

Распахнув наброшенное на плечи пальто, молодая женщина полной грудью вдыхала морозный воздух. Часовой безразлично скользнул по ней взглядом.

Лида обогнула здание и пошла по узкой тропинке, протоптанной в глубоком снегу. До войны вокруг больницы был разбит небольшой, но аккуратный сквер. Немцы, по обыкновению, вырубили деревья, и теперь до самого забора тянулась гладкая площадка, сейчас покрытая снегом, из-под которого то здесь, то там торчали поломанные скамейки. К забору приткнулся похожий на сугроб сарайчик. Здесь хранилось солдатское обмундирование, которое отбиралось у больных и раненых, поступающих в госпиталь. Лида остановилась. Показалось, что возле сарая промелькнула человеческая фигура. Она испугалась, но в то же время заинтересовалась. И любопытство подтолкнуло ее. Лида заметила человека, который полз на животе по снегу, таща за собой огромный мешок. Этот человек, точно ящерица, прополз в узкую щель между досками забора. Мешок на секунду застрял, но тоже исчез в дыре. Лида боялась вздохнуть. Она заметила полуоткрытую дверь сарая, сломанную щеколду и поняла, что неизвестный стащил немецкое обмундирование. Девушка не сомневалась ни минуты в том, что перед нею не простой воришка — такие в Любимове при немцах совсем перевелись, — а подпольщик, может быть, действовавший по заданию партизан. «Вот бы познакомиться с ним!» — мелькнуло у Лиды. Не раздумывая, она подбежала к забору, не без труда протиснулась в щель и очутилась в темном и узком тупичке. Девушка не сразу заметила незнакомца. Тот стоял, прижавшись к стене, загородив телом мешок, и не шевелился. «Почему он не уходит?» — с недоумением подумала Лида. И тут же поняла.

По улице ходили немцы и полицаи. Час был еще не поздний. Возле входа в кинотеатр толпился народ. Из недавно открытого ресторана доносилась джазовая музыка. Тускло горели синие шары уличных фонарей... Чтобы выбраться из тупика, человеку неизбежно пришлось бы пересечь эту многолюдную, оживленную улицу. Там его, по всей вероятности, остановил бы первый же немец, или полицай, заинтересовавшийся содержимым мешка... Риск был слишком велик!

А минуты между тем текли. Незнакомец оставался на виду со своей добычей. В госпитале часовой мог заме-

тить открытую дверь склада... И Лида решилась. Она, скользнув вдоль забора, подбежала к незнакомцу. Тот обернулся, отпрянул, схватившись за карман.

— Не бойтесь, я вам помогу! — приготовила фразу девушка, но не смогла произнести ни слова. Она была ошеломлена. Перед ней стоял Алексей Шумов. Лида его сразу узнала. Он, кажется, не очень испугался, смотрел на нее строго и выжидающе.

— Здравствуйте! — растерянно сказала Лида, сознавая всю нелепость своего поведения. Вспомнив об опасности, она взяла себя в руки и быстро прошептала: — Я хочу вам помочь! У меня есть ночной пропуск. Я отнесу мешок, куда нужно... Если меня остановят, сумею как-нибудь вывернуться, а вам нельзя... Вы меня не бойтесь, я ведь тоже... — Она хотела сказать: «Ненавижу фашистов!» — но постеснялась и закончила: — Я ведь тоже русский человек!..

— Я не боюсь! — спокойно ответил Шумов. — Вот только не знаю, сможете ли вы дотащить! Вам будет тяжело!..

— Глупости! — сказала Лида и храбро взвалила мешок на плечо. Согнувшись, она с трудом выпрямилась и сдавленно прибавила: — Донесу!.. Будь спокоен!

— Не теряй меня из виду! — деловито сказал Алеша и быстро пошел вперед. Лида старалась не отставать. Повалил густой снег, скрывший следы их пребывания возле склада. Когда девушка пересекала улицу, ее окликнул солдат.

— Что есть тут? — отрывисто спросил он, ткнув дулом автомата в мешок.

— Белье! — бойко ответила Лида по-немецки. Ежедневно общаясь с немцами, она уже немного знала этот язык. — Я в госпитале работаю. Несу белье в стирку. Стирать, понимаешь? — девушка показала руками, как стирают, и в заключение предъявила пропуск. Немец улыбнулся и шлепнул ее ладонью по спине. С бьющимся сердцем она побежала, довольная тем, что так остроумно вышла из положения. За секунду перед тем Лида не знала, что ответить, если остановят... Она потеряла из виду Алешу. Он подошел к ней в переулке и сказал:

— Спасибо, Лида! Теперь я сам! Тут уже недалеко!

— Ты знаешь, как меня зовут? — удивилась девушка и поспешно, боясь, что Шумов уйдет и они снова не пого-

ворят, продолжала: — Ты так и не ответил в тот раз. А я много думала! Ты, конечно, был прав! Нельзя доверяться первому встречному! Но я ни о чем не прошу. Ты только возьми медикаменты! Я достаю в госпитале. Передай партизанам. Наверно, там есть раненые! Пожалуйста, не отказывайся! Пожалуйста!..

Лида прижала руки к груди и, казалось, готова была разрыдаться.

— Хорошо! — коротко ответил Алеша. — Через несколько дней я дам знать. Еще раз спасибо! До свиданья!

— До свиданья! — шепнула растерявшаяся от счастья Лида.

...Прошло две недели, но Шумов не показывался. И вот теперь Лида решила сама его разыскать. Она подозревала, что Шумов будет недоволен, ведь он велел терпеливо ждать, но убедила себя, что это особенный случай. Нужно помочь командиру Красной Армии! Конечно, Шумов все поймет и не будет ее ругать!

Девушка не знала, где живет Алеша. Она пришла на улицу, где они расстались, и стала разглядывать дома, словно по их внешнему виду можно было узнать адрес Шумова. Разумеется, Лида напрасно потеряла время и, раздосадованная, вернулась домой.

Иванцов не приходил уже три дня. Не явился он ночевать и сегодня. Лида была не особенно огорчена. Последнее время Дмитрий много пил, пьяный приставал к ней, и она рада была отдохнуть и на свободе подумать о своей жизни. Поведение Иванцова ее смущало. Девушка пыталась оправдать его, говоря себе, что он нервничает, переживает, оттого и пьет, но ее безграничная вера в Иванцова поколебалась... «Как он может пить в такое время? Ведь он выполняет ответственное задание! Как же так?» — думала Лида и не находила ответа...

В пятницу Лида должна была встретиться с Ольгой. В этот день утром не успела она выйти из дому, как увидела Алексея. Он стоял, откинув голову, сложив за спиной руки, и читал наклеенный на забор очередной приказ коменданта. Лида поняла, что он ее ждет, и от радости забыла то, что хотела сказать. Вообще, как потом Лида со стыдом вспоминала, она вела себя нелепо и смешно! У него, наверно, сложилось о ней нелестное мнение. Он принял Лиду за легкомысленную девчонку, с которой

нельзя говорить о серьезных вещах. Поздоровавшись за руку, Алеша сказал:

— Медикаменты передай мне. Ты, кажется, хочешь нам помогать? Но имей в виду, борьба с немцами дело тяжелое. Сумеешь ли ты забыть все свои довоенные привычки, стать солдатом, бойцом? Это не так просто. Придется отказаться от собственных желаний и выполнять беспрекословно то, что прикажут, часто при этом рискуя жизнью. Ты готова?

— Желание у меня есть одно! Уничтожать фашистов! — ответила Лида. — Я думаю, мне не придется отказываться от этого желания!..

— Да, я немного неправильно выразился! — улыбнулся Алеша, сразу утратив свою строгость. — В общем, ты понимаешь, что твоя жизнь будет принадлежать не тебе?

— Еще бы, конечно понимаю! — сказала Лида и, заметив, что ему не понравилось, как быстро она ответила, прибавила: — Разве при немцах жить можно? Я такой жизнью не дорожу, поверь! Моя мечта — бороться с фашистами!

— Ну хорошо! — кивнул Шумов.— С сегодняшнего дня ты наш товарищ! Связь держи со мной. Больше никого тебе знать не надо и тебя никто знать не будет. Это необходимо для конспирации. Ты меня никогда не разыскивай, жди, когда сам приду. Вот тебе первое задание. Оно довольно сложное. В госпитале работают русские врачи и медсестры. Поговори с ними, только осторожно! Тебе поручается организовать подпольную группу медицинских работников, готовую к тому, чтобы выполнять поручения партизанского штаба. Врачи должны будут оказывать медицинскую помощь русским людям, жителям Любимова, которые сейчас лишены ее, и, кроме этого, обеспечивать медикаментами и перевязочными материалами партизанский отряд. Никому из работников госпиталя обо мне не говори. Они будут связаны только с тобой. Ты поняла?

— Да, я все хорошо поняла! — ответила Лида. — Я выполню поручение!.. А теперь, Леша, у меня есть важное сообщение. В одном доме здесь недалеко скрывается раненый красноармеец. Его нужно переправить к партизанам, иначе немцы узнают. Сегодня я встречусь с его женой. Что ей передать?

— Раненый красноармеец? — переспросил Алешка.

Он вспомнил рассказ Жени Лисицына, который на

рассвете отнес в Сукремльский овраг одежду для красноармейцев, похищенную накануне из госпиталя. Женя дождался прихода Афанасия Посылкова и доложил связному о том, при каких обстоятельствах были освобождены военнопленные. Посылков повел красноармейцев в лес. Перед тем как уйти, ефрейтор Дробот сообщил Лисицыну и Афанасию о том, что ночью исчез раненый в ногу сержант Круглов. «Мы весь овраг обыскали, думали, в беспамятстве или, не дай бог, помер. Однако не нашли! — развел руками ефрейтор и неловко пошутил: — Не иначе, крылья выросли у человека. Домой, должно быть, улетел. Жена у него в городе!» Вернувшись в Любимово, Женька рассказал Шумову об этом разговоре. «Не о том ли красноармейце говорит Лида?» — подумал Алексей и спросил:

— Фамилию не знаешь?

— Знаю! — ответила девушка. — Круглов! Он до войны инженером был. А с его женой я вместе в медицинском техникуме училась.

— Пока ей ничего не говори! — подумав, решил Шумов. — Через несколько дней я сообщу, что делать!

Алексею показалось подозрительным поведение сержанта, который, не сказав никому ни слова, бросил товарищей. Нужно было сначала проверить, чем занимался Круглов в Любимове. Не побывал ли в лапах у немцев? Только после тщательной проверки можно было познакомить его с Афанасием Посылковым.

...Восьмого марта Круглов приготовил жене сюрприз. Он подождал, пока она ушла к соседке, которая обещала за новую беличью шубу дать Ольге Васильевне мешок пшеничной муки, и принялся за дело. Заранее улыбаясь при мысли о том, как обрадуется Оля, он закатал брюки, притащил полный бак воды и принялся мыть пол. Круглов добросовестно тер проволочной щеткой потемневшие от грязи доски, так что даже вспотел, а Мишутка заливисто хохотал, забравшись с ногами на сундук, и приговаривал: «Папа няня! Папа няня!» До войны этой работой занималась нянька, и малыш запомнил...

Умывшись и до блеска выбрив лицо, Круглов повесил на окна чистые занавески, надел штатский костюм, белую сорочку и поставил на видном месте — на стуле, торжественно накрытом газетой, — начищенные гуталином, маленькие, остроносые женские хромовые сапожки. Эти са-

пожки он стачал собственноручно, тайком от жены, из своих сапог, выданных ему в Красной Армии. Он работал по ночам, в чулане, при свете коптилки. Сапожки получились на славу! Теперь Оля не промочит ноги, когда отправится за город копать картошку!.. А то, что она ходила и откапывала руками мерзлую картошку из-под снега, чтобы прокормить его — здорового тридцатилетнего мужчину, — казалось инженеру вполне нормальным...

Круглов покрасивее установил на стуле сапоги и отошел, чтобы полюбоваться ими издали. Он протер бумагой закопченное стекло, зажег керосиновую лампу и, потирая руки, счастливо улыбаясь, стал ждать жену. В окно он увидел, как она поднимается на крыльцо, и поспешил навстречу. Ольга Васильевна открыла дверь и замерла.

— Поздравляю тебя, моя дорогая, с праздником восьмого марта, с Международным женским днем! — сказал Круглов, обнял и поцеловал ее. — А это тебе подарок! — Он вручил сапоги.

Женщина не шевелилась. С лица сползла растерянная улыбка. Она сумрачно смотрела на сияющего мужа, чисто вымытый пол и ярко горящую керосиновую лампу. Подарок произвел на нее впечатление, совершенно обратное тому, которого ожидал Круглов. Она была расстроена тем, что пришлось отдать за бесценок дорогую шубу, ее не покидала тревога за судьбу мужа, и праздничное, беззаботное настроение Круглова неприятно покоробило Ольгу. Она глядела на эти сапоги, которые были даны сержанту для того, чтобы в них он сражался с немцами, и его кропотливый труд, затраченный на переделку, показался ей ненужным и даже оскорбительным. Муж весело улыбался, но Ольга Васильевна не могла видеть его выбритое, гладкое лицо.

— Спасибо! — заставила себя ответить она, но голос, против воли, звучал сухо. Женщина поцеловала мужа и взяла сапожки, однако он почувствовал, что Оля расстроена.

— Забудь обо всем! — сказал он. — Ты примерь их! Я с тебя ночью, когда ты спала, незаметно мерку снял. А на пол ты обратила внимание? Из меня получился неплохой домашний работник!

Круглов хотел пошутить, но Ольга Васильевна так странно на него взглянула, что он смутился.

— Да, ты верно сказал! — бросила она, остановившись у окна и не поворачиваясь к нему. — Но ведь ты не домработница, а воин Красной Армии. Прости меня за грубость, я знаю, что ты не виноват, и благодарна за хлопоты, но, честное слово, чем перешивать сапоги, лучше бы ты сделал так, чтобы я могла снова выходить на улицу в туфлях и в шубе, а не менять их на муку!

— Как же я могу это сделать? — растерянно спросил Круглов.

— Один ты не в силах! — ответила жена и положила ему руки на плечи. — Сереженька, родной, не сердись, пойми меня правильно! Но ты мужчина, солдат! Ты должен защитить нас, женщин и детей. На кого же нам еще надеяться?..

— Ах, вот оно что! — нахмурившись, отвернулся он.

— Да, да! Это сейчас главное! Я говорю тебе для того, чтобы ты ушел с легким сердцем. Ведь мы последний день вместе. Не будем ссориться! Я не хотела тебя огорчить. Хотела, чтобы наши желания совпадали. Ведь так было совсем недавно!.. А теперь, мне кажется, ты стал чужим!

— Погоди, погоди! Почему последний день? — испуганно спросил Круглов. — Что ты еще выдумала?

— Я не выдумала! — ответила Ольга Васильевна. — Просто нашелся человек, который укажет тебе дорогу в партизанский отряд. Ты встретишься с ним завтра в три часа дня в Сукремльском овраге. Будешь ждать его там. Он сам к тебе подойдет.

— Чепуха! — с ожесточением крикнул Круглов. Лицо его покрылось красными пятнами. — Я не хочу!

— Это твое дело! — твердо ответила женщина. — Но в таком случае я не могу больше быть твоей женой! — Она повернулась и ушла в коридор.

В этот день они несколько раз мирились и снова кричали друг на друга. Ольга плакала и убеждала его, и стыдила. Круглов бегал по комнате, хватаясь за голову и твердя, что в родном доме завелся враг, который желает его смерти. Поздно ночью, измученный и разбитый, он смирился, снова впав в то тупое безразличие, которое владело им на фронте. Крепко уснув рядом с плачущей женой, он проснулся поздно, молча оделся, позавтракал и не произнес ни слова, пока Ольга Васильевна собирала его в дорогу.

Она подняла Мишутку и поднесла к нему. Он небрежно и безразлично приложился к щеке ребенка. Его уже не было здесь. Лишь тело еще находилось в этом доме. Жена простилась с ним во дворе. Она приникла к нему, но когда подняла лицо, глаза были сухими и губы улыбались. Не хотела расстраивать.

— До свиданья, мой дорогой! — сказала Ольга Васильевна, умоляюще глядя на мужа. Может быть, в этот миг он станет снова таким, каким она его полюбила? Но Круглов спокойно и ровно ответил:

— До свиданья!

И они расстались.

Круглов шагал той же дорогой, по которой пришел домой. Все в нем как будто одеревенело. Раньше можно было хотя бы мечтать о семье, и эти думы облегчали тяжелую, фронтовую жизнь. Теперь же он лишился и этого последнего утешения. Оля, которую он так нежно любил, не поняла его! Она не поняла, как страшна война, и толкнула его на такую жизнь, о которой он не мог думать без содрогания. Ему хотелось спрятаться, а она не пожелала стать щитом. Он надеялся переждать бурю в теплой комнате, а она выгнала его! Эх Ольга, Ольга!.. В горле у Круглова защипало.

Он спустился в Сукремльский овраг и, усевшись на пень, опустил голову. Круглов не глядел по сторонам. Ему было все безразлично. Он не заметил коренастого мужчину в полушубке и юную девушку, наблюдавших за ним из-за деревьев. Связные долго изучали Круглова. Наконец Афанасий Посылков, которому о сержанте час тому назад рассказал Лисицын, подошел к инженеру.

— Здравствуйте! Кого вы ждете? Не меня ли?

— Вас! — равнодушно ответил Круглов, скользнув взглядом по кряжистой фигуре партизана. — Далеко нам идти? Впрочем, это все равно!..

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА

Наступили теплые весенние дни. Тучи стелились над землей. Деревья были мокрые, черные. Влажный ветер трогал голые ветки. Дороги раскисли, звенели ручьи, но в глубине леса снег лежал нетронутой желтовато-грязной

массой. Быстрая река Юра вспенилась, кинулась к обледеневшим берегам. Она и зимой не замерзала, а в апреле кипела, как в котле, швыряя в воздух тучи брызг и отгрызая огромные куски берегового льда. Недалеко от Любимова Юра широко разливалась, сдерживаемая высокой бетонной плотиной. Белая от пены вода кружила щепки и ветки, разбиваясь в мелкую пыль о массивные каменные быки.

По плотине, громыхая, день и ночь шли немецкие танки, самоходные орудия, автомашины, битком набитые солдатами. Они двигались к фронту, где выдыхалось предпринятое на этом участке наступление германской армии. Фашистское командование вводило в бой свежие резервы, но немецкие роты и батальоны словно в огромной мясорубке перемалывались под убийственным огнем советской артиллерии.

Любимовское шоссе было одной из тех жизненно важных артерий, по которым обескровленный организм немецкой армии получал добавочное питание. Асфальтированная дорога вилась по лесу, огибала глубокие овраги и, плотиной оседлав бурную реку, устремлялась на северо-восток. Вряд ли где-нибудь в ином месте так охраняли немцы шоссе, как здесь, в непосредственной близости к фронту. Они не без оснований опасались партизан, которые за минувшую зиму доставили оккупантам немало неприятностей. Немцы себя чувствовали в безопасности лишь за толстыми каменными стенами домов. С наступлением темноты они боялись отойти в сторону от своих танков, орудий и автомашин. Со страхом прислушиваясь к враждебной лесной тишине, сжимали потными руками скользкие приклады автоматов.

Целый батальон выделил комендант Любимова майор фон Бенкендорф для охраны дороги. Солдаты, вооруженные пулеметами, день и ночь сторожили плотину и шоссе. На обоих берегах Юры расхаживали часовые.

А Брянский лес встречал апрель так же, как год, пять, сто лет назад. Теплыми, черными ночами оседал между деревьями снег, а на рассвете стволы громко потрескивали от заморозков. И нетронутая, дикая тишина обнимала край зеркальных лесных озер и звериного бурелома.

Подпольный горком партии поручил Золотареву взорвать Сукремльскую плотину и таким образом нарушить

движение по стратегическому шоссе. Выполнить это задание было очень нелегко. Положение осложнялось тем, что база партизанского отряда находилась от плотины на расстоянии семи десятков километров. Почти двое суток требовалось подрывникам для того, чтобы преодолеть это расстояние с тяжелым грузом тола. Подойдя к плотине, партизанам еще было необходимо осмотреться, все рассчитать, улучить момент для диверсии. Управиться за одну ночь они не могли. А днем негде было укрыться. Лес возле шоссе немцы давно вырубили, окрестности тщательно прочесывались.

Но все препятствия не смущали опытных диверсантов, на счету которых было уже немало взорванных складов и железнодорожных мостов. На операцию вызвались пойти трое: бывший военнопленный Павел Дробот и братья Мироновы, Иван и Борис. Старший, Иван, до войны работал грузчиком на элеваторе, Борис учился на третьем курсе в индустриальном техникуме. Мирные и вполне штатские люди, никогда прежде не державшие в руках оружия, они за год стали умелыми и отважными партизанами. Перед тем как уйти на задание, Дробот постучался в землянку к командиру и вручил выглянувшему Золотареву измятый конверт.

— Прямо неловко мне, Юрий Александрович! — сокрушенно сказал Павел. — Эти хлопцы, которые из плена нас вызволили, доверили мне письмо, чтобы я передал кому-нибудь, кто на Большую землю поедет. А я, признаться, зашил в подкладку, да и забыл. Теперь на опасное дело иду, может, не вернусь... Нехорошо, если пропадет письмецо. Незапечатанное оно, я, между прочим, прочел. Здорово пишут! Прямо в газете напечатать можно!

— Кому письмо-то? — спросил Золотарев, разглядывая конверт.

— Там две записочки. Одна Семену Ивановичу Шумову, начальнику механического цеха, от сына, другая инженеру Лисицыну, тоже от сынка. Надо бы доставить, Юрий Александрович, уж больно хорошие хлопцы! Боевые, серьезные — настоящие партизаны! Завод-то наш будто в Саратов эвакуировался. Туда, значит, и перешлите. Постарайтесь!

— Постараюсь! — строго ответил командир. — Будьте спокойны, товарищ Дробот. С первым же самолетом!

Дробот ругал себя всю ночь, пока трое подрывников

пробирались по лесу. Целый месяц пролежало письмо под подкладкой шинели, целый месяц, тогда как время измеряется днями, а иногда и часами! Разве такая забывчивость не предательство по отношению к этим замечательным ребятам, спасшим красноармейца из позорного плена! В конце концов Павел немного утешился, вспомнив, что за последний месяц ни один самолет с Большой земли не приземлялся на лесном партизанском аэродроме, а значит, все равно не было возможности отправить письмо...

Лес кончался метрах в ста от дороги. Партизаны остановились, залегли в мокрый снег, ожидая темноты. Но как только зашло солнце, на шоссе вспыхнули два огромных прожектора. Они выхватили из мрака бетонное тело плотины, и та, казалось, повисла в воздухе, залитая серебристым светом. Когда возникала опасность воздушного налета, прожектора гасились, и сверху невозможно было разглядеть в черной массе леса светлую ниточку шоссе, но сейчас чуткие звукоуловители молчали, в небе было все спокойно. Дробот и братья Мироновы не шевелились. Каждый из них лихорадочно искал способ незаметно приблизиться к охраняемой плотине. Павел выразил общую мысль, прошептав:

— Придется по воде. Иного пути нет!

— Так-то так! — вздохнул Иван. — Да ведь и на реке светло как днем!

— Вот что сделаем! — деловито сказал Дробот. — Я останусь здесь и, как только вы подплывете к плотине, выстрелю из пистолета. Немцы всполошатся, погонятся за мной, а вы тем временем действуйте! — Павел говорил так спокойно, словно у него было две жизни, и отдать одну ему ничего не стоило...

— Собаки у них! — после тяжелого молчания мрачно уронил Борис. — Вряд ли сумеешь уйти! Здесь мелколесье, не спрячешься!

— Вы, братки, не обо мне, а о себе думайте! — с немного искусственным оживлением сказал Дробот, взволнованный товарищеской заботой. — Вы главную задачу будете выполнять. Плотину нужно взорвать, сами понимаете!

Пожав друг другу руки, они разошлись.

Павел, лежа на снегу, прислушивался, пока до него не донесся легкий всплеск воды, затем, выждав несколько минут, отполз в лес и вынул из-за пазухи пистолет. Сей-

час, по его расчетам, братья Мироновы уже добрались до гладких бетонных «быков». Мысленно пожелав им удачи, Дробот выстрелил в воздух. Вскочив, он перебежал на другое место и выпустил в черное, беззвездное небо еще одну пулю. Третий выстрел он произвел через несколько секунд, съехав по снежному склону в мелкую лощину, наполненную талой водой. Немцы должны были решить, что в лесу скрывается целый отряд. Через несколько минут послышался собачий лай, затрещали кусты. «Порядок!» — прошептал Павел. Пробираясь между деревьями, он то и дело оглядывался и искал в черном небе зарево. Но взрыва не было.

Преследователи были упорны. Разъяренные овчарки мчались по свежему следу, вырывая поводки. Дробот с трудом перепрыгивал через поваленные деревья, глубже увязал в мокром снегу. Поняв, что погоня подходит к концу, он упал под дерево и долго не мог отдышаться, судорожно ловя воздух открытым ртом. Показались черные фигуры солдат, резко выделявшиеся на голубоватом снегу. Из-под лап рычащих собак взлетали белые фонтанчики. Партизан улегся поудобнее и выбрал цель. Выстрел хлопнул негромко и нестрашно. Но, споткнувшись, упал бежавший впереди немец, завизжал раненый пес. Отстреливаясь, Павел поглядывал на небо. Не хотелось умирать, не узнав о судьбе друзей. Но вот мягко вздрогнула земля. Гул прокатился по лесу. Низкие тучи, цеплявшиеся за верхушки деревьев, порозовели.

— Ну теперь держитесь, гады! — крикнул Дробот, вскочив во весь рост и швырнув в немцев единственную гранату. Когда та взорвалась, он бросился вперед. Собаки кинулись навстречу, и живой хрипящей лающей кучей повисли на Павле. Последнюю пулю он выпустил в себя... Долго смотрели уцелевшие гитлеровцы на неподвижное тело, пораженные стойкостью и мужеством русского партизана. Им не верилось, что так сопротивляться мог один человек. Подобрав раненых, немцы вернулись на шоссе.

На плотине между тем бушевал пожар. Багровые волны Юры клокотали вокруг покосившихся, но устоявших «быков». Солдаты охраны суетились возле огня, не решаясь приблизиться. На дороге сгрудились автомобили, танки и самоходные орудия. Командир колонны, пожилой полковник, раздраженно допрашивал начальника охраны. Тот

успокаивал офицера, утверждая, что к утру переправа будет налажена. Повреждения, объяснял он, не очень значительны. Взрывчатки, заложенной неизвестными злоумышленниками в бетонное основание плотины, оказалось недостаточно, чтобы разрушить ее целиком.

— Ну что ж! В следующий раз партизаны, по-видимому, заложат более солидную порцию тола и доведут дело до конца! — сухо заметил полковник.

Начальник охраны сделал вид, что не заметил убийственной иронии, которой была пропитана эта фраза. Он ответил, что все меры для охраны плотины, разумеется, будут приняты.

А в это время Борис Миронов лежал в кустах и смотрел на утихающий пожар. Он остался один. Старший брат после взрыва исчез, и, сколько ни обшаривал взглядом юноша бурливую поверхность Юры, он так и не смог отыскать Ивана. В мокрой, покрывшейся ледяной коркой одежде, Миронов терпеливо ждал. Он не хотел, не мог поверить, что оба спутника погибли. Лишь когда рассвело, он встал и, с трудом сгибая ноги в затвердевших, жестких брюках, медленно побрел в лес. Своими глазами Миронов видел, как через плотину снова стала переправляться немецкая техника. С болью и тоской он думал о смерти старшего брата и Павла Дробота, но еще горше было сознавать, что жертвы принесены напрасно. Задание штаба не выполнено. Плотина не взорвана. Фашистские войска беспрепятственно движутся к фронту. И, анализируя причину неудачи, Миронов пришел к выводу, что с самого начала они поступили неправильно. Они не должны были, убедившись в бессилии своего маленького отряда, совершать эту попытку с негодными средствами. Чего добились? Только того, что теперь немцы станут более осторожными и взорвать плотину будет еще труднее!

Борис Миронов не мог знать, что последствия неудачной диверсии окажутся гораздо серьезнее. Не успел он добраться до партизанского лагеря, как в Любимове усилиями майора фон Бенкендорфа, действовавшего на сей раз оперативно и быстро, была организована карательная экспедиция. Из частей, направляющихся на фронт, по приказу командующего группой войск генерала Кунца были отозваны два пехотных батальона специально для

расправы с партизанами. В карательной экспедиции приняла участие авиация.

Рано утром немцы широким фронтом углубились в лес. Самолеты кружились над районом, сообщая по радио обо всех подозрительных передвижениях людей и машин. Входя в населенные пункты, каратели выгоняли жителей, поджигали дома, выстраивали на пожарищах мужчин, стариков, женщин и зверски истязали их, требуя указать, где скрываются партизаны.

...Чем глубже в лес входили фашисты, тем реже попадались населенные пункты. Разведчики сообщали Золотареву о каждом шаге карателей. Подпольный горком партии принял решение перебазировать отряд в недоступные Гжаньские болота, тянущиеся на десятки верст. Передвижение партизан вместе с обозом, где находились раненые, было произведено ночью. Отряд прошел в нескольких десятках метров от карателей, расположившихся на отдых, и те ничего не заметили. Отыскав в конце концов брошенный партизанский лагерь, немцы ворвались в пустые землянки. Обшаривая их в бессильной ярости, они подорвались на минах, расставленных партизанами перед уходом, и потеряли несколько десятков солдат. Не солоно хлебавши вернулись каратели в Любимово, доставив несколько неприятных минут майору фон Бенкендорфу, который, утратив обычную сдержанность, язвительно заявил командиру пехотного батальона, что «действия его солдат вряд ли прибавят славы германскому оружию!»

Партизаны тем временем оборудовали новый лагерь в одном из глухих, заповедных уголков Брянского леса. Днем и ночью они рыли землянки, рубили блиндажи, корчевали пни, расчищая место для будущего аэродрома. Но ни на час не была приостановлена диверсионно-разведывательная работа.

...Юрий Александрович четвертую ночь не спал. Он вылез из землянки, ошалевший от махорочного дыма и черного чая, который пил, чтобы отогнать дремоту, и, глотнув свежего воздуха, пахнущего мокрым снегом, корой и прелыми листьями, решил обойти уснувший лагерь.

Его знобило. Он останавливался возле огромных костров, отбрасывавших багровые пятна на подтаявший снег. Одни партизаны спали, завернувшись в тулупы, другие чистили оружие, зашивали одежду, третьи вели негромкую, задушевную беседу. Спустился Золотарев в только

что вырытую землянку. Она была еще без крыши, звезды заглядывали в лица партизан, прижавшихся друг к другу на узких нарах. Кухня помещалась под открытым небом. Предутренние часы были для поваров самыми горячими. Они суетились вокруг чугунных котлов, под которыми пылали костры. Юрий Александрович, поздоровавшись, попробовал протянутой ему деревянной ложкой полусырую пшенную кашу, внезапно испытал жгучий голод и, присев на пенек, опустошил целую миску. Возвращаясь к себе, он услышал тонкий писк младенца. Золотарев не удивился. Ему сообщили об этом еще вчера. У секретаря подпольного горкома комсомола Ани Егоровой, которая пришла в лес вместе с мужем, родился ребенок. Юрий Александрович, вспомнив, что еще днем хотел взглянуть на мальчишку, свернул к одинокой палатке.

Аня лежала на топчане и кормила грудью. Ее муж Виктор, скромный человек, работавший до войны электромонтером на заводе, засучив рукава, с ожесточением стирал в тазу пеленки. Увидев командира, Аня улыбнулась.

— Ну, как? — спросил Золотарев, застенчиво разглядывая красное, сморщенное личико ребенка. — Ишь, герой! Поздравляю тебя, Аннушка! Не надо ли чего? Ты скажи, не стесняйся!

— Спасибо! — прошептала женщина и переглянулась с мужем. — Нет, ничего не нужно! Все и так заботятся... Нам прямо неловко!.. Только вот не знаю, как сказать... Даже смешно!

— Ну, ну, говори! — подбодрил Юрий Александрович.

— Соски нет! — выпалила Аня и залилась краской. — Обыкновенной соски! Ничем, главное, не заменишь, а без нее намучаешься!..

— Да, проблема! — покачал головой Золотарев и улыбнулся. — Тут уж, пожалуй, я вам помочь не смогу. Но чтобы вас утешить, скажу, что соска младенцу вовсе не обязательна! Врачи даже говорят, что она негигиенична. Это я, как опытный отец семейства, подтверждаю!.. Хотя своего Борьку, я впервые увидел не с соской, а с окурком в зубах!..

Посмеиваясь, он вышел из палатки.

Лес застыл в чуткой предутренней дремоте. Одна за другой гасли звезды. Стало холоднее, под ногами похрустывал смерзшийся снег. Проходя мимо затухающего костра, Золотарев обратил внимание на маленькую фигурку,

скорчившуюся возле багровых углей. Партизан в покоробившемся, рваном полушубке во сне придвинулся к костру, рискуя спалить одежду. Юрий Александрович заботливо перевернул спящего на другой бок. Упала меховая шапка, он увидел румяное девичье лицо. Золотые волосы рассыпались, губы были слегка приоткрыты. Под глазами залегли тени. Узнав Зину, Золотарев выпрямился, нахмурился. Видимо, какая-то мысль пришла ему в голову. Еще раз взглянув на Зину, он поспешно спустился в землянку.

На топчанах, накрытых плащ-палатками, сидели командиры и политработники. Начальник штаба Кирилл Андреевич Рыбаков рассматривал большую карту-десятиверстку. Командир роты подрывников, бывший учитель Ильин, горячо доказывал что-то начальнику разведки капитану Малышеву. В углу, задумчиво поправляя самодельный фитиль коптилки, сидел коренастый, седой мужчина в кожаной куртке. Он появился в отряде прошлой ночью. Его никто не знал, кроме Золотарева. Это был секретарь подпольного обкома партии Федор Данилович Лучков. Секретарь обкома молча прислушивался к разговору, время от времени вставляя короткие замечания. Рыбаков, Ильин и Малышев не были знакомы с Лучковым, но по его спокойному, властному тону догадывались, что он один из руководителей партизанского движения.

— Сукремльскую плотину можно уничтожить лишь в том случае, если бросить на шоссе по крайней мере половину отряда! — покусывая тонкие губы, говорил Ильин. — Только тогда движение по шоссе будет прервано! Небольшая группа там ничего не сделает!

— Не горячись, Петя! — ласково похлопал его по плечу Малышев. — Сам прекрасно понимаешь, что вести триста человек по бездорожью почти сто километров для того, чтобы взорвать одну плотину, было бы преступной расточительностью!

— Что же ты предлагаешь, — поднял голову Рыбаков. — Может быть, отказаться от этой операции?

— Зачем? — пожал плечами Малышев. — Мы собрались, чтобы найти выход. Но искать надо в пределах реального, иначе зря потеряем время.

— Отправить в Любимово две роты, и дело с концом! — упрямо сказал Ильин. — Хватит с нас одной неудачи! Больше рисковать нельзя!..

— Товарищ Ильин правильно ставит задачу! — раздался негромкий голос Лучкова. — Но предлагает, мне кажется, неверный путь для ее осуществления! Думать нужно. Я уверен, что существует простое и несложное решение!

— Я тоже в этом уверен! — поддержал Юрий Александрович, спрыгнув со ступеньки.

Золотарев достал кисет и, заворачивая цигарку, обратился к Федору Даниловичу:

— Мы здесь много проектов перебрали! Главное препятствие заключается в том, что мы находимся слишком далеко, не знаем, что делается на плотине, не можем действовать достаточно оперативно. И вот, товарищи, есть простой выход: поручить диверсию людям, которые могут постоянно, изо дня в день наблюдать за плотиной и изучать обстановку. Они не будут вынуждены, как мы, строить свои планы на случайностях, а смогут действовать наверняка!

— Очень правильно, очень разумно! — помолчав, сказал Лучков. — Но где ты возьмешь таких людей?

— У нас есть группа Орла!

Наступило неловкое молчание. Рыбаков аккуратно сложил карту и, сняв шапку, пригладил начавшие седеть волосы. Ильин, словно поперхнувшись, покраснел. Он хотел было возразить, но сдержался и ничего не сказал. Начальник разведки усмехнулся и покачал головой. Только Лучков остался спокойным. Он терпеливо ждал, что скажут командиры.

— Смело! — проговорил наконец Ильин, взглянув на Рыбакова, усмехнулся и не то иронически, не то с уважением повторил: — Ничего не скажешь, смело!..

Разгорелся бурный спор, посыпались возражения. Малышев сказал, что Орел еще очень молод, неопытен, члены его группы и вовсе ребятишки. Разведкой они еще могут заниматься, но посылать их на такое ответственное задание было бы опрометчиво.

— Лишимся хорошо законспирированного подполья в городе, вот и все! — высказал свое мнение Рыбаков. — И без толку. Хлопцы горячие, натворят глупостей, их переловят, этим и кончится!

Лучков помалкивал, глядя то на одного, то на другого. По его лицу трудно было понять, что у него на уме. Ясно было одно: он не хочет навязывать свое мнение партиза-

нам. Выслушав всех, Юрий Александрович снова взял слово. Спокойно, не горячась, он рассказал командирам о том, что уже успела сделать подпольная комсомольская группа. Он знал все подробности об их жизни и борьбе.

— Я не хочу вам напоминать об уничтожении электростанции, церкви, склада с горючим и прочих диверсиях! — сказал он. — Я также не буду говорить о том, что ребята освободили в Платоновке группу военнопленных. Главная их заслуга в другом. В том, что они под руководством партизанского штаба расширяют фронт борьбы, вовлекают в нее широкие слои населения, организуют всенародное сопротивление. По нашей инициативе в окрестных деревнях создано еще шесть молодежных подпольных отрядов, которые действуют самостоятельно. И в Платоновку, между прочим, любимовские комсомольцы были посланы для того, чтобы связаться с местными патриотами. Налет на церковь был уже, так сказать, побочным делом!.. У Орла есть свои люди буквально всюду. В госпитале, в ресторане, на заводе, даже в комендатуре! Методы его работы доказывают, что он, хотя и молодой, но способный командир. И ребята там подобрались замечательные. Знали бы вы, каким образом один комсомолец, по кличке Руслан, добывал сведения о наступлении немцев! Целая эпопея, честное слово!.. Нет, товарищи, Орлу и посложнее дело можно поручить, а не только взрыв плотины!

— Ишь, как защищает! — усмехнулся Малышев, а Ильин прибавил:

— Еще бы! Ведь Орел его крестник!

— Все они наши крестники! — сердито сказал вдруг секретарь обкома. — И даже не крестники! К чему нам церковные термины? Они дети наши! Дорогие дети! Ведь, товарищи, подумать только, вчерашние школьники, подростки, озорники, какими стали! Храбрецами мало назвать. Они герои, настоящие герои! Вот вы улыбаетесь, но погодите!.. Об этом Орле и тысяче таких орлов когда-нибудь песни петь будут! Я во многих местах побывал. Думаете, любимовская подпольная группа единственная? В каждом городе существуют тайные организации молодежи. Руководимые партийным подпольем, они сражаются наравне со взрослыми! И ведь что характерно! Стоило лишь партии позвать, и комсомольцы всей массой откликнулись. Так было всегда! Помнишь, Юрий Александрович, гражданскую? Сколько тогда в красноармейских батальонах было

юных разведчиков, мальчишек, худых, оборванных, голодных!.. Это мы с тобой ведь были! Мы! Так разве другими могли вырасти наши дети?! Немудрено, что Золотарев Орлу, как самому себе, верит! А вы — крестник... Сделают они все, что поручим? Знаю я этого Орла! Алексей Шумов, Семена Ивановича сынок. Если на отца похож — в лепешку разобьется, но сделает!

Лучков умолк, оглядел притихших командиров, смущенно крякнул и, сняв шапку, вытер платком вспотевшую, начисто выбритую голову.

...Разошлись на рассвете. Золотарев и Лучков остались одни. Юрий Александрович постелил гостю постель, сам лег на нары, накрылся шинелью и зачарованно засмотрелся на красные угли, тлеющие в железной печурке. Секретарь обкома не ложился. Протянув руки к печке, неподвижно сидел на низком топчане. На лице мелькали красноватые блики.

— Отдохните, Федор Данилович, ведь завтра в путь! — нарушил молчание Золотарев.

— Уже сегодня! — не сразу ответил Лучков и рассеянно прибавил: — Растревожил меня этот разговор! Землю нашу израненную не отдадим! Для детей сохраним. Все для них. Живем, боремся, умираем — для них! И не зря! Чувствую, вижу, что не зря! За всякими заботами, делами и не заметили мы, какое поколение вырастили! Помнишь, все комсомол ругали? Дескать, забюрократились, разучились с огоньком работать. А гляди, как себя комсомол показал! Шелуха долой, а под ней настоящее, большое, неумирающее — наш советский патриотизм, верность идеям коммунизма! Это и есть главное! Нет, ей-богу, старик, хочется мне еще походить по земле, взглянуть, какая после войны жизнь будет. Хочется верить, что мелкое всякое безобразие, карьеризм, ложь, тщеславие исчезнут из обихода, как буква «ять»... Очистятся души у людей, станут они заботиться в первую очередь не о личных, пошленьких удобствах, а о том, как знамя наше октябрьское поднять повыше... Только знаешь, что обидно? Сердце мы в детей вкладываем, а они нас стесняются. Об обыденном говорят, а большое, заветное прячут! Интересно, о чем сынок Семена Ивановича думает? Какие у него мечты? Потолковать бы по душам! Да куда там! Знаю я эту породу. О самом себе никогда слова не скажут. А любопытно бы!..

— Что ж, Федор Данилович, любопытство мы, пожа-

луй, отчасти сможем удовлетворить! — оживился Золотарев.

— Как?

— Есть у меня письмо Алексея Шумова к отцу. В том же конверте короткая записка инженеру Лисицыну от сына Жени. Вот, если желаете, прочтите. Верно один хороший партизан сказал, который погиб недавно: «Эти письма в газете напечатать надо!» Я согласен. Очень здорово хлопцы высказались! Слова-то все самые простые, а смысл высокий!..

— Ну, ну, покажи-ка, покажи! — заинтересованно сказал Лучков и взял у Золотарева серый, склеенный из оберточной бумаги конверт, который тот достал из полевой сумки. Федор Данилович наклонился ближе к огню. Листок в его руках побагровел и словно готов был вспыхнуть. Он медленно прочел вслух: «Здравствуйте, дорогие папа и мама! Вы, наверно, очень беспокоитесь обо мне, не волнуйтесь, я жив, здоров и чувствую себя хорошо. Мы с бабушкой нигде не пропадем! В нашем доме поселились немцы, все испакостили, но мы после них такую чистоту наведем, какой и до войны не было! Как-то вы там, мои дорогие? Ведь я даже не знаю, где вы! Оба, конечно, работаете много, не жалея себя, как и нужно в такое время!.. Город наш стал чужим, на улицах звучит незнакомая речь, но хозяева здесь все же не немцы, а мы! О себе расскажу при встрече. Я остался комсомольцем! Вы, конечно, меня поняли! Обидно, что нельзя сделать для Родины так много, как хочется! Но я нашу фамилию не опозорил, этому верьте! Мама, милая мама! Целую твои руки! Ваш Алешка».

Секретарь обкома заглянул в конверт. Он достал листок, покрытый размашистыми, небрежными буквами, и прочел записку Лисицына: «Я очень виноват перед тобой, папочка. Убежал, не предупредив. Но иначе я не мог. Ты же понимаешь! Ты, наверно, круглые сутки работаешь и еще больше похудел. У меня все сложилось хорошо, как раз так, как я хотел. Делаю кое-что для Победы. Меня ждут, кончаю. Женя».

Лучков вернул письма Юрию Александровичу и задумался. Золотарев бережно спрятал конверт в карман на груди.

Угли в печке покрылись серой пленкой, и в землянке стало совсем темно. Федор Данилович долго молчал.

Командир отряда подумал, что он задремал, и закрыл глаза. Но тут раздался свежий, звучный голос Лучкова:

— Как он это написал: «Я остался комсомольцем!» Ведь лучше, пожалуй, не скажешь!.. Хорошо, черт возьми!

Золотарев промолчал. Он увидел, как в темноте вспыхнула красная точка папиросы. Так они лежали без сна, два пожилых человека, два коммуниста, радостно удивленные и взволнованные письмами обыкновенных советских ребят. А лагерь просыпался, сверху доносились неясные голоса, топот ног и характерный перезвон солдатских котелков. Наступил новый день.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА

Весной тысяча девятьсот сорок второго года Семен Иванович еще не получил Алешкиного письма. Он не знал, жив ли сын. Эта неизвестность была ужасной. Длинными зимними ночами он лежал рядом с женой, которая плакала, уткнувшись в подушку, и больше не мог успокаивать и утешать ее, потому что сам с трудом удерживался от слез. Как пусто было в доме без Алеши! Любовь Михайловна, поседевшая и постаревшая, работала на заводе нормировщицей. Она очень уставала, но оставаться одна не хотела, и муж, понимая ее состояние, не настаивал. Рано утром вместе уходили на завод. Белый туман стелился по узким, мощенным булыжником улицам, так напоминавшим супругам родной город, что казалось, будто вот-вот из-за угла выбежит румяный, улыбающийся Алешка и бросится навстречу...

Жили Шумовы в квартире у зубного врача по фамилии Гуревич, который потеснился и уступил им комнату. В приемной дантиста с утра до вечера толпились больные. Часто они по старой памяти входили в комнату к Шумовым, и Любовь Михайловна смущенно разъясняла им ошибку. Гуревич был вежливым, воспитанным человеком, но тайно возмущался решением горсовета, который предписал впустить эвакуированных. Он здоровался по утрам с Любовью Михайловной и Семеном Ивановичем, но тут же поворачивался спиной и больше уже весь день их не замечал. Шумовым вскоре стало неприятно приходить домой.

Семен Иванович по-прежнему работал начальником цеха, но дел у него теперь было побольше, чем в Люби-

мове. Завод выпускал электрооборудование для военной промышленности. Снятые с железнодорожных платформ станки кое-как разместили в двух каменных сараях, где прежде была авторемонтная мастерская. Места не хватало. Готовые детали складывались прямо на улице, под открытым небом. Квалифицированных рабочих осталось мало, почти все ушли на фронт. У станков стояли подростки. Чтобы достать до ручек управления, ребятишки приспосабливали самодельные деревянные скамеечки-подставки. Первое время Шумов немного иронически относился к своим новым кадрам и не верил, что с ними можно выполнить большой и трудный план, но вскоре изменил мнение, убедившись, что подростки работают не хуже иных взрослых.

По домам теперь расходились затемно. Шумов, впрочем, этого почти не замечал. Он и так дневал и ночевал в цехе.

В последнее время Семен Иванович избегал оставаться с женой наедине. Сначала он не понимал, почему, когда они вдвоем, испытывает странную неловкость, но вскоре догадался. Старый мастер бессознательно обвинял себя в том, что Алешка отстал от эшелона, и, видя тоскливые глаза Любови Михайловны, мучился от угрызений совести. Давно супруги не разговаривали, как прежде, по душам! Вот почему, узнав, что нынче ночью на Волге тронулся лед, Шумов решил после работы повести жену на пристань якобы для того, чтобы полюбоваться ледоходом, а на самом деле, чтобы поговорить об Алешке.

Услышав гудок, он вышел из застекленной конторки, где обсуждал с мастерами план текущей декады, и направился к воротам. Здесь Любовь Михайловна обычно присоединялась к нему. Но сегодня она опаздывала. Семен Иванович терпеливо ждал, рассматривая доску объявлений. Проходившие мимо рабочие приподнимали шапки. Одни, улыбаясь, подшучивали над его рассеянной, выжидающей позой, другие громко высказывали предположение, что начальник механического цеха, видимо, назначил в этом людном и неудобном месте любовное свиданье!..

Но вот все разошлись, тесный заводской дворик опустел. Встревожившись, Шумов зашагал в сборочный цех, где работала жена. Он нашел ее в углу неуютного, ярко освещенного каменного строения. Она сидела, склонив поседевшую голову над толстой стопой нарядов. Карандаш быстро мелькал в тонких пальцах. Услышав шаги, Любовь

Михайловна подняла усталые глаза, улыбнулась и шевельнула бледными губами. Гул станков заглушал голос. Семену Ивановичу пришлось наклониться.

— Ты иди домой. Я задержусь! — услышал он. — Сменщица заболела. Придется остаться на ночь. Здесь куча неоформленных нарядов, а через два дня получка... На ужин свари овсяной каши. Хлебные карточки в нижнем ящике шкафа!.. — Она погладила мужа по рукаву и снова углубилась в работу.

Шумов понял, что ей дорога каждая минута. Но уходить одному не хотелось. Он присел в стороне на ящик, закурил и стал наблюдать за Любовью Михайловной. Усталость сделала тяжелыми веки, но усилием воли он отогнал дремоту. С нежностью и грустью смотрел Шумов на склоненное лицо жены, находя в нем новые, не замеченные раньше морщины... Он вспомнил, как радовалась Любаша, когда Алеша отлично сдал все экзамены за восьмой класс. Весь день она тогда пела, такая молодая, красивая, и даже не верилось, что у нее уже взрослый сын. Давно, давно не слышал Шумов ее песен!.. Возникла картина эвакуации, пустой город, заколоченный дом. Не надо было отпускать сына в деревню!..

Семен Иванович так задумался, что не заметил, как жена, встав из-за стола, подошла к нему. Он вздрогнул от прикосновения ее руки и сквозь гул станков разобрал голос:

— Ты иди, Семен! Спишь ведь почти!.. У меня еще работы много. Все равно не дождешься!

Посмотрев на ее бледное, усталое лицо, Семен Иванович хотел сказать, что она плохо выглядит, но почему-то не решился. Он попрощался и вышел во двор.

Было уже темно, синие фонари окрашивали строения в неестественный, тусклый цвет. Возле ворот Семен Иванович остановился, вспомнив, что один из подростков-учеников просил его как-нибудь посетить молодежное общежитие. «Вот и хорошо! — подумал он. — Пока в общежитии пробуду, и Любаша освободится!» Он был рад, что нашлось дело, которое может оттянуть возвращение в пустой дом.

Начальник цеха, кряхтя, поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж деревянного, неказистого дома, находившегося на территории завода, и вошел в большую, плохо вытопленную комнату, загроможденную железными

койками. В комнате было полутемно. Возле стола толпились ребята. Шумов не сразу понял, чем они заняты. Человек двадцать окружили рослого парня, который, водя карандашом по расстеленной на столе географической карте, рассказывал о положении на фронтах. Этот парень был секретарем комсомольской организации цеха.

Семен Иванович долго стоял на пороге, никем не замеченный. На кроватях он увидел еще нескольких юношей. Одни спали, иные читали, третьи писали письма или занимались. Шумов был удивлен. В Любимове он частенько заглядывал в молодежное общежитие, но ни разу не видел, чтобы подростки и юноши так спокойно и солидно вели себя после работы. Обычно в их комнате дым стоял коромыслом! Если не «забивали козла», то играли в карты, прыгали, шумели от избытка сил. А здесь? Вместо того чтобы отдохнуть, развлечься, они изучают технические справочники, учатся разбираться в чертежах, другие же слушают доклад! Молодежь, что ли, переменилась? «Нет, время теперь не то!» — ответил себе Семен Иванович и вдруг понял, вернее почувствовал, что Алешка не поехал бы в эвакуацию, даже если бы отец и приказал...

Молодые рабочие заметили начальника цеха и, окружив, засыпали вопросами. Семен Иванович не успевал отвечать.

— Наконец-то к нам зашли! Когда водопровод исправят?

— Умываться на улицу бегаем, к колонке!

— Почему комендант ни простыней, ни наволочек не дает?

— Он говорит, что война! На фронте, дескать, хуже! — громче всех закричал маленький паренек, которому на вид было лет шестнадцать. Его слова вызвали бурю.

— При чем тут война? Есть у него простыни! Он их на рынке на водку меняет! Ворюга!

— Погодите, ребята! — насилу смог выговорить Семен Иванович. — Что же вы раньше-то молчали?

На этот простой вопрос никто не смог ответить. Хлопцы смущенно переглядывались. После долгой паузы кто-то, невидимый в полумраке, несмело ответил:

— Не хотели из-за пустяков шум поднимать. Поважней дела были!

Теплая волна прихлынула к сердцу Шумова. «Эх, ребята, ребята! Цены вы себе не знаете!» — подумал он и

торжественно пообещал немедленно поговорить с директором о коменданте. У него было такое решительное лицо, что ребята поверили. Крича и смеясь, они проводили его до лестницы и по очереди зажигали спички, пока он не спустился во двор.

Семен Иванович обдумал план действий. С директором, разумеется, он поговорит. Но сначала неплохо было бы заручиться чьей-нибудь поддержкой. Комендант слыл пронырой и интриганом, умеющим вылезать сухим из воды. Шумов вспомнил о человеке, с которым еще недавно был близок, — о Романе Евгеньевиче Лисицыне. Кроме дружбы, их связывало и общее горе, ведь Женька тоже отстал от эшелона, несомненно последовав примеру Алексея.

По приезде в Саратов Лисицына назначили начальником отдела технического контроля и в виде общественной нагрузки поручили еще руководить производственным обучением молодых рабочих. «То, что происходит в общежитии, как раз должно его заинтересовать!» — решил Семен Иванович. Он вспомнил, что давно не видел инженера. Поглощенный повседневными делами, он как-то не обратил внимания на то, что Лисицына не видно на заводе. «Может быть, заболел?» Шумов устыдился того, что забыл о старом знакомом, и решил сейчас же зайти в ОТК.

Еще в коридоре сквозь стеклянную дверь Семен Иванович увидел свет и обрадовался, уверенный, что застанет Лисицына. Но за столом начальника отдела сидел незнакомый пожилой мужчина в синем халате, из кармана которого выглядывала самопишущая ручка. Он поднял глаза и спокойно, без удивления, взглянул на вошедшего.

— Чем могу служить?

— Здравствуйте! — с разочарованием сказал Шумов. — А что, Роман Евгеньевич Лисицын уже ушел?

— Лисицын? — переспросил мужчина и застегнул халат. — Дело в том, что товарищ Лисицын на заводе уже не работает! Удивительно, что вы, начальник цеха, об этом не знаете! — с легкой иронией добавил он, но усмешка пропала, когда он увидел, как изумился Семен Иванович. Тот отступил и недоверчиво, встревоженно проговорил:

— Да нет, тут что-то не то! Как так не работает?

Новый начальник отдела вежливо объяснил, что Лисицын уволился еще в марте по собственному желанию. Семен Иванович вышел во двор. Он решил тотчас же поделиться новостью с женой.

Едва он вошел в сборочный цех, как сразу почувствовал неладное. Он увидел небольшую толпу в углу, там, где сидела за столом Любовь Михайловна. Сердце упало. «Что-то случилось!» Нелепо размахивая руками, он тяжело побежал. Любовь Михайловна лежала на полу, запрокинув голову и разбросав руки. Седые, спутанные пряди волос закрывали белое, как мел, лицо. Рядом на коленях стояла медсестра в халате и дрожащими руками набирала в шприц лекарство. Люди безмолвно расступились перед Шумовым. А ему вдруг точно что-то ударило в голову: не мог шевельнуться, не в силах был произнести слово.

— Что... с ней?!

— Сердечный припадок! — испуганно ответила медсестра. — Нужно немедленно в больницу. — Она старалась говорить деловито, но губы вздрагивали. — Плохо, что в гараже ни одной машины нет! А телефон не работает!..

Семен Иванович наклонился и легко поднял жену на руки. Голова ее упала ему на плечо. Он не почувствовал тяжести.

— Куда же вы? Постойте! — вскочила сестра, но он уже бежал к выходу, прижимая к груди бесчувственное тело Любови Михайловны. Мысли метались, все, что произошло, казалось нереальным. Он бежал и удивлялся, что несет на руках жену, а рабочие расступаются. Возникло странное ощущение, что это не он, это другой человек без шапки, с развевающимися седыми волосами, шатаясь, пересекает двор и мимо посторонившегося вахтера выбегает на плохо освещенную улицу...

Его пытались остановить, что-то объясняли, но он ничего не слышал. Краешком глаза он видел окаменевшее, бледное лицо жены и голубоватые, припухшие веки. Он был уверен, что все зависит от того, как быстро сумеет доставить ее в больницу. Задыхаясь, Шумов вышел на центральный проспект. Нужно было пройти еще несколько кварталов. Силы иссякли.

В этот момент сзади послышался автомобильный гудок. Обернувшись, Семен Иванович увидел защитного цвета «виллис» с зеленым брезентовым кузовом, поднял руку. Шофер затормозил.

— Скорее, в больницу! — прерывисто крикнул Шумов, распахнув дверцу.

— Семен Иванович! — изумленно ахнул сидевший за рулем мужчина. — Что... случилось?

Вглядевшись в полумрак кабины, Шумов узнал Романа Евгеньевича Лисицына.

— Сердечный припадок, — коротко ответил Семен Иванович. — Скорее!

Лисицын выжал педаль до отказа. «Виллис» летел по безлюдной улице, как пуля. Мелькали желтые и белые пятна окон, под шинами взвизгнул асфальт набережной. Далеко внизу, за узорчатыми чугунными перилами, замелькала грязно-белая гладь Волги. В открытое окно пахнуло холодом. Лед грохотал, как артиллерийская батарея. Роман Евгеньевич увеличил скорость до предела. Пронзительно взвыл мотор. Через несколько секунд «виллис» остановился возле белого, с колоннами, здания городской больницы; Лисицын выскочил из кабины и помог Шумову внести Любовь Михайловну в ярко освещенный вестибюль. Навстречу им уже спешили люди в белых халатах. Женщину осторожно уложили на носилки и унесли.

Семен Иванович и Роман Евгеньевич сели на скамью в пустынном белом коридоре, где слабо пахло вымытым полом и карболкой. Они долго молчали, затем Лисицын робко притронулся к плечу соседа:

— Семен Иванович, дорогой, может быть, нужно профессора вызвать? Я бы смог... У меня есть связи... Хотите, я позвоню в военный госпиталь, там работает известный специалист по сердечным болезням, член-корреспондент Академии наук... Он мой знакомый... Он обязательно приедет... Хотите, Семен Иванович?

Голос у Лисицына был виноватым, и весь он показался Шумову каким-то жалким, придавленным, несмотря на внешне благополучный и преуспевающий вид.

— Не надо, — покачал головой Семен Иванович. — Подождем, что врачи скажут... Где вы теперь работаете, Роман Евгеньевич? Почему ушли с завода?

Вопрос этот, казалось, застал Лисицына врасплох. Он несвязно ответил:

— Я давно хотел вам рассказать... Такая штука получилась...

Он путано и многословно объяснил, что устроился в местное отделение Спецторга, зарплата неплохая, он доволен своей жизнью. Почему он уволился с завода, Лисицын так и не сказал. Шумову было ясно, что инженер что-то не договаривает.

Встреча со старым товарищем была для Романа Евгеньевича неожиданной и мучительной. Он готов был на все, лишь бы избежать ее, но не мог же он проехать мимо, увидев человека в несчастье... Лисицын не сказал Шумову, что уйти с завода его заставил страх, тот самый страх, который не давал ему покоя в Любимове...

Побег Женьки как бы оглушил инженера. Днем и ночью он думал о сыне, и перед его воспаленными глазами возникали картины, одна страшнее другой. То ему казалось, что Женька угодил под поезд, и его окровавленное, искалеченное тело осталось под насыпью, то представлял, как сын попался фашистам, и те, обнаружив у него комсомольский билет, повели Женю на расстрел...

Приехав в Саратов, инженер с головой погрузился в работу. Ему некогда было переживать. Он не имел времени для того, чтобы подумать о себе. Мозг его был занят разгрузкой вагонов, расстановкой станков, организацией производства. Но все время где-то в сокровенном уголке души теплилось сознание того, что он, наконец, в безопасности! Война с ее ужасами теперь так далеко! Он даже стал следить за собой, вовремя бриться и через день менять галстуки. Но вскоре снова появился страх!..

Это произошло в тот день, когда он узнал, что назначен начальником отдела технического контроля. Роман Евгеньевич сначала обрадовался. Новая работа показалась гораздо спокойнее, а оклад оставался прежним. Но в тот же вечер в голову пришла мысль, от которой он побледнел. Исполняя должность заместителя главного инженера, он имел право на броню, пользовался отсрочкой от призыва в армию. Теперь он будет лишен этой привилегии. А это значило, что работать на заводе оставалось считанные дни. Его призовут в армию, а на это место найдут женщину или старика. Разве мало бывало таких примеров?

Забыв про ужин, Лисицын помчался к начальнику отдела кадров, с которым был в приятельских отношениях, и, сидя у него в гостях за стаканом чаю, осторожно расспросил. Да, действительно, начальник отдела технического контроля по штату не был забронирован. Все было ясно!

Утром на улице Лисицын встретился со своим товарищем по институту Добряковым, который работал заместителем начальника Спецторга. Выслушав сбивчивый рассказ Лисицына, Добряков внимательно посмотрел на него и медленно сказал:

— Могу я помочь тебе. В Спецторге есть вакантная должность начальника отдела. Тебе будет предоставлена отсрочка от призыва... Но я не узнаю тебя, Роман! Ты всегда казался мне честным, порядочным человеком... Как же ты изменился! Ты был моим другом, поэтому я выручу тебя, но уважать тебя я уже не смогу... Я работаю здесь, в тылу, потому что меня заставили... Сколько раз я ходил в военкомат и просил, чтобы мне позволили быть там, где сейчас находятся все настоящие мужчины... Меня тяготит эта спокойная тыловая обстановка... А ты... Ты дрожишь за свою шкуру, как последний трус!.. Прости меня за грубость, но я обязан был это сказать... А теперь, если хочешь, запиши мой адрес. Приходи завтра прямо в отдел кадров. Оформляйся.

По лицу Добрякова Лисицын видел: тот надеется, что Роман Евгеньевич откажется. Инженер понимал, что согласиться — это значит навсегда потерять уважение Добрякова. И все-таки он пробормотал:

— Хорошо, я приду... Я приду завтра...

— Прощай! — сухо кивнул Добряков и, круто повернувшись, ушел, не подав Лисицыну руки.

...И вот инженер стал служащим Спецторга.

Роман Евгеньевич первую неделю был доволен, потом в голову ему начали приходить странные, неожиданные мысли. Он отгонял их, а они снова появлялись и лишали его душевного равновесия. Совесть его была неспокойна. Инженер убеждал себя, что ничего плохого не совершил. Ведь он ничего не украл, никого не обманул и остался честным. Но Лисицын не мог обмануть себя этими рассуждениями. Ему казалось, что все понимают, зачем он ушел с завода.

Тогда Роман Евгеньевич решил заглушить неприятные мысли работой. Он до рассвета засиживался в Спецторге, вникая в тонкости сложной торговой профессии, привел в идеальный порядок документы, подшил в новую папку накладные и строго-настрого приказал секретарше пропускать к нему всех посетителей без доклада. Он был приветлив и любезен с подчиненными, и вскоре в отделении сложилось мнение о нем, как об обаятельном, душевном человеке. Но никто не знал, что, отдавая силы новому делу, Лисицын в то же время тосковал о заводе и чувствовал себя чужим в коллективе торговых работников. Если прежде, подавляя страх, он утешался тем, что в тылу приносит пользу

фронту, то ныне его еще угнетала бессмысленность того, чем он занимался. Роман Евгеньевич прекрасно сознавал, что в Спецторге могли бы обойтись без него.

...Обо всем этом Лисицын умолчал, рассказывая о себе Шумову. Его лицо покрылось красными пятнами. Он старался не глядеть на товарища. Эта встреча мучительно всколыхнула со дна его души все мысли, которые он хотел запрятать поглубже. Он ясно понял в этот момент, что дальше так продолжаться не может. Ему был нужен лишь небольшой толчок, чтобы он покинул опостылевшую, унижающую его работу и освободился от страха навсегда. Но событие, заставившее его снова стать человеком, произошло гораздо позже...

— Как долго они не идут! — сдавленно произнес Шумов, не отрывая взгляда от белой стеклянной двери в конце коридора. В этот момент дверь распахнулась, высокий врач в халате и маленькой шапочке, вытирая руки полотенцем, подошел к Семену Ивановичу и сказал:

— Вы можете отдыхать. Опасность миновала. Ваша жена будет жить. Несколько дней ей придется пробыть здесь.

— Спасибо, доктор! — вырвалось у Шумова, плохо сознававшего, что говорит врач. А тот внимательно посмотрел на него и прибавил:

— Причина приступа: истощение нервной системы, переутомление, бессонница. Вы должны следить за здоровьем жены. Сердце у нее слабое!

— Да, да! — виновато сказал Семен Иванович.

Выйдя на улицу, Шумов и Лисицын распрощались. Когда Семен Иванович взглянул на часы, висевшие у входа, оказалось, что прошло пятнадцать минут. А показалось, целые сутки!.. Семен Иванович обедал в полдень, но есть не хотелось. Только чуть-чуть тошнило. У него был свой ключ, но едва он прикоснулся к замочной скважине, как дверь распахнулась. Перед ним вырос зубной врач Гуревич. Круглые, с толстыми выпуклыми стеклами, очки сердито поблескивали.

— Здравствуйте, дорогой сосед! — вежливо и сухо сказал он. — Рад вас видеть. Мне неприятно это говорить, но я очень недоволен. Да, да, я даже некоторым образом удивлен. Такая культурная, интеллигентная женщина, как ваша жена, забыла элементарные правила поведения в общественных местах!

— Что? — переспросил Шумов. Он ничего не понял.

— Уважаемая Любовь Михайловна сегодня утром на моей электрической плитке варила кашу. В конце концов я не такой уж собственник! И если вам так трудно пойти на базар и купить плитку, я ничего не имею против! Но она ушла, не выключив штепсель! И спираль перегорела! Я вообще не понимаю, почему не возник пожар! — Голос у зубного врача был тонкий, до тошноты корректный и очень ехидный. Но Семен Иванович только сказал:

— Любовь Михайловна в больнице!

— Что вы говорите! — опешил Гуревич и замолчал. Он снял очки и спрятал их в карман. Его вытянутое лицо сразу стало растерянным. — Позвольте, ведь еще сегодня утром... Боже мой, простите меня, Семен Иванович! Но что с ней?

Шумов, не ответив, прошел в свою комнату. Не раздеваясь, сел, уронил руки. Но через минуту появился зубной врач. Он поспешно зажег свет и поставил на стол банку с вареньем и эмалированный чайник. С багровым от стыда лицом он хлопотал вокруг стола, расставляя чашки, и попрежнему тонким, но уже совсем иным, сочувственным голосом приговаривал:

— Сейчас мы с вами чай будем пить! Не сердитесь, ей-богу! Я погряз в мелочах. Это противно, я сознаю. Что со всеми нами делает война!.. Любовь Михайловна прекрасная, редкая женщина. У нее сердечный припадок, вы говорите? Дорогой мой, у меня тоже больное сердце, у меня, черт возьми, грудная жаба, но я надеюсь прожить еще пару десятков лет!.. Все будет хорошо, не позволяйте ей только переутомляться!..

Семен Иванович слушал, и его сердце оттаивало, становилось легче; несчастье уже не казалось ему непоправимым. «Ведь, если разобраться, неплохой человек!» — подумал Шумов о зубном враче и, вздохнув, покорно сел к столу...

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА

С грохотом задвинулась дверь товарного вагона. Стало темно. Громко заплакала какая-то девушка. Воздух был спертый, пропитанный едким запахом аммиака. Крохотные окна, загороженные снаружи фанерными щитами и опле-

тенные колючей проволокой, совсем не пропускали света. Со всех сторон раздавались стоны, всхлипывания, безутешные рыдания.

Римма Фокина стояла в неудобной позе, приподнявшись на цыпочки и вытянув руки по швам. Ее так сильно прижали к стене, что не могла вздохнуть. Римма давно перестала ощущать собственное тело. Руки и ноги затекли. Упершись локтем в чью-то горячую, мокрую от пота спину, девушка попыталась пошевелиться, но не смогла. Лицо было красным от духоты и напряжения, косынка упала, и волосы лезли в глаза. Но она была лишена возможности поднять руку, чтобы убрать их.

В вагон немцы набили шестьдесят человек. Закрывая дверь, они избивали девушек прикладами и шомполами, требовали, чтобы те потеснились. Некоторые были в обмороке, но не падали, а стояли, сжатые со всех сторон соседями. Римме наконец удалось высвободить руку. Она вытерла лицо и поправила волосы. В горле застрял горький комок.

Как глупо она попалась! Вела себя легкомысленно, неосторожно. Так ей и надо! Теперь поедет в немецкое рабство и больше никогда не увидит родного города и дедушку. Милый дедушка! Он все сделал для того, чтобы спасти ее. Когда рано утром немцы начали облаву, он схватил топор и, выломав заднюю стенку у шкафа, наспех сделал фальшивое дно. Римма встала в узкое пространство между двумя фанерными перегородками. И дедушка дал ей кувшин с водой и кусок черного хлеба. «Сиди смирно! — строго наказал он. — Терпи, а то пропадешь!» И девушка терпела. Ей было душно, жарко, но она не шевелилась. А когда на крыльце загрохотали сапоги немцев и полицаев, она даже дышать перестала. Дедушка, постукивая молотком, чинил сапоги. Он сказал, что Риммы нет дома. Она еще на той неделе уехала к тете в деревню. Полицаи не поверили и принялись шарить по комнате. Они простукивали пол и стены, открывали шкаф. Девушка совсем близко слышала их тяжелое дыхание и замирала от ужаса. Но обошлось. Дедушка предусмотрительно припрятал в сарай платья, немцы ничего не нашли и с руганью отправились восвояси.

— Сиди пока! — негромко сказал дедушка. — Я схожу, послежу за ними. Как бы не вернулись.

В хате стало тихо. У Риммы нестерпимо чесалось все

тело, она выпила воду, съела хлеб. Больше не было мочи сидеть в шкафу. Вдруг заскрипели ступени, послышались шаги. Девушке показалось, что вошел чужой человек, но она не была уверена. Между тем кто-то ходил по комнате, передвинул стул. Звякнул графин, забулькала вода. Очевидно, все-таки это был дедушка. И Римма позвала его. Она нарушила обещание ни в коем случае не подавать голоса, пока дедушка сам не окликнет, и тихонько сказала:

— Я устала, выпусти меня!

Лучше бы у нее в этот момент язык отнялся! Шаги раздались возле шкафа, распахнулась дверца. Чьи-то руки перебирали одежду, искали ее. Римма уже поняла, что ошиблась, и похолодела. Спасения не было. Через секунду неизвестный нащупал двойную стенку и ударом ноги выломал фанеру. Гвозди отскочили, едва не попав Римме в глаза. Она вскрикнула.

— Вылезай!

Оправив платье, девушка выбралась из убежища и увидела длинновязого полицейского с распухшей физиономией и маленькими злыми глазками. Это был известный всему городу начальник заводской охраны Федька Козлов.

— Добро пожаловать! — издевательски поклонился он, но тут же выпрямился и заорал, выкатив хмельные глаза: — Ах ты дрянь этакая! Обмануть нас задумала? А ну, одевайся, живо! Кому говорю! — Распахнув окно, он позвал полицейских. — Сидоренко, Баранов, подите-ка сюда! Куда же вы смотрели, сукины дети! Глядите, какую птицу упустили!

Полицейские хмуро остановились на пороге. В это время вошел дедушка. Посмотрев на плачущую Римму, он побледнел, открыл рот, но не успел сказать ни слова. Козлов подскочил к нему и с размаху ударил по лицу. Старик упал. Федька, ощерив гнилые, черные зубы, топтал его подкованными сапогами. Дедушка глухо стонал. Римма, отчаянно закричав, бросилась к нему, но ее схватили полицейские. Перед тем как уйти, Козлов свалил на полу в кучу старые газеты, стулья, облил все принесенным из сарая керосином и бросил зажженную спичку. Желтое пламя взметнулось до потолка.

— Приказ господина коменданта! — важно сказал Федька. — За укрывательство и уклонение от мобилизации.

— Прощай, внучка! — дрожащим голосом сказал дедушка, вытирая рукавом с лица кровь. Он хотел ее поцеловать и перекрестить, но Сидоренко грубо оттолкнул.

— Дедушка! — исступленно закричала Римма. — Прости меня, дедушка!

Козлов вытолкнул ее на улицу. Из окон уже вырывалось пламя и валил густой черный дым. По мостовой немецкие солдаты гнали колонну молодежи. Парни и девушки шли, понуро опустив головы. Белели узелки, вещевые мешки. Снег растаял, солнце за несколько дней высушило булыжник, дома были, как будто чисто вымытые, и на фоне весеннего города так странно выглядели эти несчастные, плачущие люди. Ярко-голубое небо, жаркое солнце и чистые, белые облака казались несовместимыми с грязно-зеленой формой фашистских солдат, с черным дымом, стелившимся над крышами. Казалось, вся эта чуждая накипь вот-вот исчезнет, сметенная свежим ветром, и останется только родная русская природа — зеленеющие почки, влажная, жадно дышащая земля, пробудившаяся от сна, и нагретые солнцем белые хатки!.. Но немцы заполнили всю улицу; ехали на грохочущих, стреляющих синим дымом мотоциклах, покрикивали на парней и девчат, и к ним нельзя было привыкнуть, как нельзя привыкнуть к нестерпимой боли, терзающей живое тело!

И вот теперь Римма в вагоне. Она пропала, ничто ее не спасет! От слез лицо снова стало мокрым. Девушка громко всхлипывала, вплетая свой голос в хор жалобных криков и причитаний. Вдруг над ухом раздался возглас:

— Как вам не стыдно, девчата!.. Немцы стоят и смеются над нашими слезами! Замолчите, не позорьтесь! Где ваше мужество?

Шум стих. Повернув голову, Римма увидела высокую смуглую девушку лет двадцати, с пышными темными волосами и строгим гордым лицом, на котором сияли умные карие глаза. Она была одета в лыжный костюм. Под расстегнутой курткой виднелась белая спортивная майка. Приподнимаясь на цыпочках, чтобы все ее увидели, девушка звучным голосом продолжала:

— Рядом, за стеной, ваши родные убиваются, слыша этот плач! Хватит! Давайте-ка лучше споем нашу, русскую, советскую, чтобы глаза у фашистов полопались от злости! — И она тихонько запела песню, которую все знали и любили с детства. Широкая и просторная была

эта песня, как сама русская земля! Говорилось в ней о реке Волге и удалом атамане Степане Разине, и такой родной для всех была много раз слышанная мелодия, что уже с середины первого куплета весь вагон дружно подхватил ее. Римма тоже пела, не слыша своего голоса, но испытывая необыкновенный подъем. Дышалось легче, и показалось даже, что стало немножко просторнее. Не умом, а сердцем ощутила она, что не одна находится в этом аду, а вместе с верными подругами, которые не оставят ее в беде! Девушка в лыжном костюме гордо подняла голову. Ее низкий красивый голос искусно вплетался в хор.

В стену застучали приклады, раздалась ругань. Но песня ширилась, росла. Ее подхватили соседние теплушки. Вдруг послышался сухой негромкий выстрел. Треснула расщепившаяся доска. Молодая девушка, стоявшая возле двери, схватившись за живот, упала, вскрикнула. Ее пальцы окрасились кровью.

— Сволочи, убийцы! — закричала соседка Риммы. — Все равно вы не сломите нас, не сломите, не сломите! — Она упрямо закусила губы, но в больших глазах дрожали слезы. Песня захлебнулась. Вагон дернулся, застучали колеса. Эшелон набирал скорость. Громко скрипели деревянные нары.

К вечеру раненая умерла. Ее положили в углу, накрыв лицо платком. Все чаще раздавались стоны и плач. Тем, кто оказался у стены, еще повезло. Сквозь щели проникал свежий воздух. А остальные задыхались, стиснутые, как сельди в бочке. Не теряла присутствия духа лишь девушка в лыжном костюме. Уступив место у двери более слабой, подбадривала плачущих, угощала соседок хлебом, снова пробовала запеть. Но никто не поддержал, и она умолкла.

Римма смотрела на нее с восхищением. «Вот настоящий человек! Такая нигде не пропадет!» Заметив взгляд Риммы, соседка придвинулась к ней и стала расспрашивать, как та угодила в облаву. Фокина откровенно рассказала о своем легкомысленном поступке. Ухитрившись сесть на пол, развязали мешки и поделились друг с другом взятыми из дому продуктами. Римме совсем не хотелось есть, но она старалась даже в мелочах подражать новой знакомой. Когда стемнело, девушка в лыжном костюме, обращаясь к тем, кто стоял рядом, громко сказала:

— Знаете что, подружки? Подумала я и решила, что так дело не пойдет. Везут нас, как скотов, а мы молчим и ждем, что будет. Добра не ждите! Я предсказываю, многие еще пожалеют о том, что живыми остались! Это только начало!

— Что же делать? — раздался жалобный голос. — Ты скажи!

— Надо рискнуть! Я читала про одного революционера. В этой книжке, между прочим, рассказывается, как он убежал от царских жандармов. Его везли вот так же, как нас, в телячьем вагоне вместе с лошадьми. Везли в тюрьму. Снаружи на площадке стояли часовые. И все-таки скрылся. Знаете как? Оторвал от пола доску и на одеяле спустился под вагон. Понимаете? Привязал одеяло одним концом к изгороди, за которой кони стояли, а другой опустил вниз так, чтобы тот волочился по шпалам. Голову пиджаком обмотал, и ногами вперед съехал под вагон. И все! Часовые не заметили. А когда поезд промчался, он спокойно встал и пошел. Вот какие люди были! Никогда не сдавались и побеждали!

— С ума сошла! Это же верная смерть! — перебил кто-то.

— Да, опасно, конечно! — спокойно ответила девушка. — Но на немецкой каторге все равно нас ждет гибель! Если никто не захочет вместе со мной попытать счастья, то я одна все равно попробую!

Наступила тишина. Только колеса стучали да кто-то слабо стонал в темноте. Римме кровь бросилась в лицо. Смерть? Пусть! Чем скорее, тем лучше! А если обойдется благополучно? Тогда свобода!

— Я с тобой! — несмело пожала Фокина горячую руку соседки. — Давай попробуем!

С этой минуты все смотрели на них, как на обреченных. Девушки были уверены, что затея равносильна самоубийству, но советов не давали, потому что не могли предложить лучшего.

С помощью оторванной от окна железной щеколды общими усилиями подняли в середине вагона широкую доску.

Отыскали толстые ватные одеяла. Две девушки встали над отверстием, бледные, дрожащие, но решительные. Они крепко держали за углы одеяло, свисавшее в черную

дыру. Подруга Риммы, закутав голову телогрейкой, сказала:

— Ну вот! Прощайте, девушки! Я все-таки советую попытаться! — Она села на одеяло и, опираясь руками о пол, начала медленно опускаться. В следующую секунду ее ноги коснулись бешено мелькающих шпал. Тотчас же девушка разжала пальцы и... исчезла! Да, провалилась в дыру, пропала, словно ее и не было! Из отверстия вырывался холодный, влажный ветер. Он пахнул мокрой землей, волей!.. Римма, отчаянно труся, почти теряя сознание от ужаса, беззвучно сказала:

— Теперь я!

Ее никто не услышал, но все поняли.

Стараясь в точности повторять движения девушки в лыжном костюме, она села и опустила ноги в дыру. Ухватилась руками за края. Почувствовав толчок, разжала пальцы... Грохот залепил уши, проник, казалось, в сердце! Римма больно ударилась о шпалы и от острой боли на секунду потеряла сознание. Открыв глаза, она увидела над собой огромные черные колеса, мелькавшие с непостижимой быстротой, как тени. Этому не было конца. Вдруг наступила тишина. И грохот, и колеса исчезли. Это было так странно, что Римма не поверила. Но теперь над ней было спокойное, молчаливое звездное небо. Она оглянулась. Во мраке мерцал, удаляясь, красный огонек. Вскоре он скрылся за стеной леса. Тогда Римма встала и сорвала с головы ватную куртку. На фоне неба черной полосой выделялась железнодорожная насыпь. На ней вдруг выросла крохотная человеческая фигурка. «Жива!» — с чувством огромной благодарности к подруге подумала Римма и поспешила навстречу. Они обнялись, поцеловались и снова обнялись, ликующие и не верящие в удачу. Первой опомнилась девушка в лыжном костюме. Заботливо осмотрев Римму, она с беспокойством спросила:

— Что у тебя на щеке? Кровь? Ты ушиблась?

— Немножко! Все хорошо получилось! Просто чудо! Ты знаешь, я когда прыгала, уже мысленно с жизнью распрощалась!

— Погоди, — остановила ее девушка. — Ты не знаешь, еще кто-нибудь прыгал вслед за тобой?

— Не знаю... По-моему, никто.

— Все же давай пройдем немножко вперед, посмотрим!

— Давай! — согласилась Римма, любовно погладив подругу по рукаву, и засмеялась. — Как странно!

— Что странно?

— Да вот то, что я тебя так полюбила, а мы еще не знакомы!

— Меня зовут Тоня...

...Неожиданные и страшные события предшествовали появлению Тони Хатимовой в эшелоне, который отправился из Любимова в Германию.

Партизанский связной Посылков еще неделю тому назад предупредил Антипова, что готовится облава. Немцы будут угонять в Германию молодежь. Как только об этом стало известно Шумову, тот, не теряя ни минуты, собрал подпольщиков, предложил всем временно покинуть город и укрыться в ближних деревнях.

— Нет иного способа сберечь организацию! — сказал Шумов. — А сейчас расходитесь! Облава может начаться нынче же ночью! Не забудьте предупредить ребят и девушек, которых вы знаете! Пусть тоже прячутся!

— Я никуда не пойду! — вдруг заявила Тоня. — Я не могу оставить маму. Она плохо себя чувствует. Будь что будет, останусь!

— О чем ты говоришь, подумай! — стараясь быть спокойным, попытался отговорить Алешка. — Ведь тебя обязательно заберут! Обязательно! Ты попадешь на каторгу, понимаешь? И Вере Петровне все равно не поможешь. Лучше устроить ее на эти дни у соседей!..

— Знаешь, Леша, я надеюсь, что меня не тронут! — ответила Тоня. — Ручаться, конечно, трудно, но кое-какая надежда есть. Ты, наверно, понимаешь, о чем я говорю?

— Оберст? — спросил Шумов. Девушка кивнула, Алеша с сомнением покачал головой.

Откровенно говоря, сама Тоня плохо верила в то, что Биндинг поможет. Знакомство с командующим танковым корпусом оберстом Биндингом состоялось дней десять тому назад при своеобразных обстоятельствах. Однажды вечером возле дома Хатимовых остановилась машина, и через садик, придерживая планшеты и полевые сумки, сломя голову пробежали несколько штабных офицеров в щегольской форме. Они недолго пробыли в доме. Вслед за ними на улицу вышел обер-лейтенант Штольц, живший у Хатимовых с первого дня оккупации; денщик, отдуваясь, тащил гору чемоданов. Сестры наблюдали за этой сума-

тохой из сарая. После того как обер-лейтенант освободил помещение, из машины тяжело вывалился немец огромного роста, в зеленой длинной шинели с меховым воротником и направился к крыльцу, не обращая ни малейшего внимания на семенящих сбоку штабных. Оберст был не стар, лет сорока пяти. Водворившись в доме, он уже на другой день послал офицера в сарай, велев выселить оттуда людей, а сарай разломать, дабы он не портил пейзажа. Шура была в отчаянии.

— Ну, куда мы денемся с больной мамой? — с трудом удержалась она от слез. Тоня задумчиво посмотрела вслед офицеру и зло ответила:

— А вот посмотрим!

— Куда ты? — испугалась Шура.

Схватив чемодан, Тоня решительно отправилась в дом. С хозяйским видом она стряхнула снег с крыльца и открыла дверь. Встретив в коридоре солдата, девушка не взглянула на него. Она уверенно вошла в свою комнату, сейчас пустовавшую, нетопленую, с выбитым окном, и бросила на пол узел. Тотчас же ворвался офицер. Его побагровевшее лицо не предвещало ничего доброго. Но Тоня, глядя ему в глаза, на отличном немецком языке, который она знала еще в школе, заявила, что желает поговорить с с оберстом. Офицер открыл рот, но тут вошел сам Биндинг. Он был в халате, благоухал одеколоном. С любопытством окинув взглядом стройную фигуру девушки, оберст сделал попытку быть галантным и с холодной, любезной улыбкой, которая выглядела странной на его жестком лице ландскнехта, осведомился, может ли оказать услугу столь очаровательной русской фрейлен?..

— Мы поселились в сарае, чтобы не стеснять обер-лейтенанта Штольца! — по-немецки ответила Тоня. — Мы полагаем, что поступили, как подобает хлебосольным хозяевам, и оказали гостеприимство. Тем более мы не осмелились бы мешать высокопоставленному гостю! Но если господам угодно разрушить сарай, то хозяева будут вынуждены снова перебраться в дом. Впрочем, они постараются не докучать оберсту!

Тоня с трудом добралась до конца этой длинной и высокопарной фразы, звучащей, как сложный экзерсис из учебника немецкого языка. К ее удивлению, Биндинг был удовлетворен. Еще раз окинув Тоню взглядом, он ответил:

— О да, конечно! Я буду рад иметь такую прелестную

соседку! — И, круто повернувшись на каблуках, удалился.

— Что, видел? — по-русски сказала Тоня ошеломленному офицеру. — Чего глаза-то вылупил, скотина? Пошел вон отсюда!

Не поняв ни слова, но по выражению ее лица правильно заключив, что слова Тони имеют смысл весьма для него нелестный, немец злобно засопел и выскочил за дверь.

Через полчаса Шура с Верой Петровной, которая покорно шла за ней, перебрались в комнату. Тоня заколотила фанерой окно, притащила железную печку. Стали жить. Девушки старались не попадаться немцам на глаза, но Биндинг сам каждый вечер заглядывал в дверь и обменивался с Тоней несколькими любезными фразами. Девушка, по-видимому, ему нравилась. Шуру это обстоятельство очень беспокоило.

— Ох, Тонечка, боюсь я! — говорила она. — Неизвестно, что ему может взбрести в голову!

— Ничего! — беспечно встряхивала пышными темными волосами Тоня. — Как-нибудь!

Однажды зашла соседка с девятилетним мальчиком. Она была знакома с семьей Хатимовых много лет и решила проведать больную Веру Петровну. Рыхлая пожилая женщина, страдающая одышкой, сидела на кровати, держа исхудалую руку Веры Петровны, и скорбно говорила:

— Бедная вы моя! Не отчаивайтесь, не век же они будут лютовать. Найдется и на них управа!

Но больная не отвечала. Ее взгляд был стеклянным, как у птицы. Мальчуган, сидя на полу, рассматривал старый, затоптанный немецкий журнал. Не постучав, вошел Биндинг, как всегда наглухо застегнутый и чисто выбритый. Он появился так неожиданно, что соседка отшатнулась, прижалась к стене, мальчуган выронил журнал, а Тоня вздрогнула. Силясь улыбнуться, она указала оберсту на стул. Но он молча смотрел на нее. Девушка заметила, что Биндинг возбужден. Мельком взглянув на соседку и Веру Петровну, он отрывисто сказал:

— Мирная семейная сцена, не так ли? Женщины любят мир, гром пушек их пугает! Скоро пушки умолкнут, фрейлен! Будете ли вы рады?

— Да, я буду рада, если наступит мир, — ответила Тоня.

— Один вопрос! — оживился Биндинг. — Приходилось вам бывать в Москве?

— Да! — ответила девушка, встревожившись.

«Что-то он очень доволен собой! — подумала она. — Неужели Москва?.. Нет, нет. Не может быть!»

— А знаменитый русский ресторан «Метрополь» посещали? — продолжал спрашивать оберст.

Не понимая, для чего он затеял этот разговор, девушка уклончиво ответила:

— Действительно, это очень известный ресторан!

— Приглашаю вас туда! — театрально отставив ногу, повысил голос Биндинг. — Мы с вами пообедаем и выпьем за успехи германской армии! В субботу будьте готовы!

— Взяли Москву?! — вырвалось у Тони. Она прижала руки к груди. Ей показалось, что свет померк.

— В субботу ровно в полдень мы вступим в Кремль! Таков приказ фюрера!

— Наступление на Москву! — быстро сказала по-русски Тоня сестре и соседке. — В «Метрополь» меня приглашает! Ну, погоди, сейчас я отвечу! — Эти слова она произнесла, уже обернувшись к Биндингу, и продолжала по-русски громко и отчетливо: — В ресторан захотел? Так знай же, ничего ты не найдешь на русской земле! Ни ресторанов, ни городов, а найдешь только могилу! Понял, немецкая образина?

Шура ахнула. Соседка с ужасом прижалась к Вере Петровне. У мальчугана восхищенно заблестели глаза. А оберст по-прежнему смотрел на Тоню, улыбаясь. Он ничего не понял. И девушка, вызывающе рассмеявшись, прибавила уже по-немецки:

— Благодарю за приглашение! Непременно буду готова в субботу!..

Когда за Биндингом закрылась дверь, Шура разрыдалась.

— Как тебе не стыдно! Что, если бы он понимал по-русски? Он бы тебя убил! Разве можно так играть жизнью? Я думала, умру от страха!

— Да, Тонечка, напрасно вы так! — покачала головой соседка. — Ей-богу, напрасно. Погубите только себя зря!

— Ничего! — мрачно ответила Тоня. — В ресторан захотел, сволочь! Покажут ему наши «Метрополь»! — Она погрозила кулаком и легла на койку, отвернувшись к стене. А утром случилось несчастье. На рассвете прибе-

жал Антипов. Попрощавшись с сестрой и матерью, вся в слезах Шура ушла. В овраге Шура и Толя присоединились к другим ребятам и девушкам, предупрежденным об отправке в Германию и решившим покинуть город. Глухой лесной, только им известной тропой отправились в Платоновку, где их уже ждали члены местной молодежной группы, возникшей после того, как здесь зимой побывали Лисицын и Володька Рыбаков. Что касается Алексея, то он вместе с Женькой и Володей еще вечером отправился выполнять важное задание. Толя не мог сказать Шуре, куда они пошли, потому что сам не знал, и девушка всю дорогу волновалась то за сестру, которой грозила опасность быть отправленной в Германию, то за Алешку.

А в Любимове началась облава. Немцы вместе с полицейскими врывались в дома и забирали юношей и девушек. Трещали двери, раздавались крики, слышались одиночные выстрелы. Шум приближался к дому, где жили Хатимовы. Уже совсем близко зазвенели разбитые стекла.

Тоня заглянула в комнату к оберсту. Она все-таки надеялась, что Биндинг вступится. Раз он каждый вечер посещает Тоню, значит, девушка ему нравится. Он не захочет лишиться приятной собеседницы. Так она думала, но каково же было ее разочарование, когда оказалось, что Биндинга нет!.. На диване спал адъютант полковника Шафер, тот самый, который ее терпеть не мог. На кровати Биндинга белели взбитые подушки. Очевидно, он не ночевал здесь.

Пытаясь отогнать недоброе предчувствие, Тоня вернулась к матери. Та уже несколько дней почти ничего не ела, ослабела и едва повернула голову, когда вошла дочь. Из всех окружающих Вера Петровна выделяла Тоню и относилась к ней не с таким безразличием, как к другим. Вот и сейчас глаза ее на секунду стали осмысленными. Она невнятно проговорила что-то и, поймав руку девушки, крепко стиснула ее.

Тоней овладело оцепенение. В соседнем доме пронзительно закричала девушка. Тоня узнала голос пятнадцатилетней Майи, которую мать все эти месяцы прятала в подвале, чтобы не попалась фашистам. Теперь, значит, ее все-таки нашли!.. Стало трудно дышать. Прислушиваясь, Тоня ждала. Хлопнула дверь. Шафер кого-то расспрашивал, грубый солдатский голос отрывисто отвечал. Тоня догадалась, что адъютант отдал приказ, касающийся ее.

О, разумеется, он был рад избавиться от Тони! Через несколько долгих, томительных секунд в коридоре раздались шаги. Дверь открылась.

Комнатку заполнили немцы и полицейские. Рослый рыжий фельдфебель повелительно указал пальцем на Тоню:

— Собирайся!

Ей ничего не оставалось, как подчиниться. Она наспех сунула в наволочку ломоть хлеба, одеяло и в отчаянии посмотрела на мать, которая по-прежнему не шевелилась и, казалось, не замечала солдат. Как же Вера Петровна останется одна? Ведь она совершенно беспомощна! И Тоня горько пожалела о том, что сделала по-своему, не послушалась Алешку, советовавшего попросить соседей присмотреть за больной! Она наклонилась к матери и, плача, поцеловала ее в глаза, в губы. Потом выпрямилась, вытерла лицо и, не глядя на солдат, направилась к двери. Вдруг сзади раздался хватающий за душу, пронзительный крик. Обернувшись, Тоня ахнула. Вера Петровна вскочила с кровати в длинной ночной рубашке, босая, с распущенными седыми волосами.

— Мамочка! — закричала Тоня и бросилась к Вере Петровне. Но грубые руки схватили ее за плечи. Девушка вырвалась, однако солдаты обступили ее и были готовы вытолкнуть за дверь, но тут больная подбежала к фельдфебелю и впилась ногтями в лоснящееся, жирное лицо. На ее губах выступила пена. Тоня с ужасом вскрикнула по-немецки:

— Не трогайте ее! Она больная! Пощадите!

Но никто ее не слушал. С трудом вырвавшись из рук Веры Петровны, фельдфебель в бешенстве вытащил пистолет. Тоня хотела своим телом заслонить мать. Но не успела... Грянул выстрел. Вера Петровна упала, не вскрикнув, не застонав. Немцы схватили отбивающуюся девушку и выволокли на улицу, по дороге щедро награждая ударами. На крыльце стоял Шафер. Очутившись в колонне молодежи, со всех сторон оцепленной солдатами, Тоня упала, если бы соседи не поддержали ее. С их помощью она кое-как добралась до станции. Она шла по знакомому грейдеру, окруженному смолистыми соснами, захлебываясь от слез. Тоня была не одинока в своем горе. Вокруг стояли стон и плач. Миновали мост. Родной город скрылся за лесом. И тогда слезы высохли. На уме теперь была

одна мысль: бежать! Бежать, чтобы снова бороться с фашистами!.. Отомстить им за все, за все!..

...План, который пришел Тоне в голову, был отчаянным, даже безрассудным, но он был осуществлен! И вот девушек окружила степь, местами заросшая черным лесом. Тоня и Римма боялись далеко отходить друг от друга, чтобы не потеряться. Убедившись после долгих поисков, что больше никто не решился на побег, они остановились под насыпью и стали совещаться.

— Скорее уйдем, Тонечка! — прижалась к подруге Римма. — Мне чудится, что нас опять схватят!

— Придется пробираться через лес! — пробормотала Тоня. — От дороги, во всяком случае, надо отойти подальше!..

Двинулись в путь. До шоссе добрались к утру. Еще не светало, но уже подул свежий ветерок, который, казалось, одну за другой тушил звезды. Схватив Римму за руку, Тоня прошептала:

— Тут надо осторожнее, шоссе охраняется. Могут заметить!

— Подожди! — перебила Римма и склонила голову, прислушиваясь. Далеко на северо-востоке возник гул. Он быстро усиливался, и через несколько секунд девушки узнали характерный рокот авиационных моторов. Бомбардировщики, по-видимому, снизились, потому что моторы оглушительно заревели, этот звук, точно бурав, ввинчивался в уши. Римма даже нагнула голову, словно самолеты могли ее задеть. В этот момент в лесу вспыхнуло зарево. Осветились верхушки деревьев. Через мгновенье два таких же костра загорелись справа и слева, образовав что-то похожее на треугольник. Прошло несколько долгих минут, и небо словно раскололось от взрывов. Отбомбившись, самолеты взмыли ввысь. Загрохотали зенитные орудия. В небе заскользили сиреневые лапы прожекторов, расцветали и лопались оранжевые цветы разрывов. Один из бомбардировщиков вдруг вспыхнул, как факел, и нырнул носом вниз. Красный дымный хвост перечеркнул небосклон, где-то в лесу раздался еще один взрыв.

— Смотри, парашют! — крикнула Римма, прижавшись к Тоне.

Над деревьями мелькнуло белое полотнище, затем снова стало темно. В стороне плотины что-то трещало, взрывалось, лопалось.

Римма прошептала:

— Наши!.. Какие молодцы... Спасся летчик или нет?.. Что взорвали? Не знаешь?

— Не знаю! — ответила Тоня. — Но вижу, что сейчас самое время перейти через дорогу. Немцам не до нас!..

Она оказалась права. Без приключений девушки пересекли шоссе и снова углубились в лес, который становился все реже и реже, пока не кончился на берегу реки. Город был уже недалеко. А позади пылало пламя. Оно потухло лишь с рассветом, как будто постеснявшись теплого весеннего солнца, мирно выглянувшего из-за горизонта.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Девушки не подозревали, что виновники бомбежки находятся недалеко в лесу. Это были Алеша, Женя Лисицын и Володька Рыбаков.

...Когда Афанасий Посылков передал Толе задание штаба, тот пожалел о том, что попросил Шумова и в этот раз направить его в Сукремльский овраг. Поручение показалось Антипову настолько серьезным и ответственным, что, по его мнению, не мешало бы самому Алешке потолковать со связным. Но теперь делать было нечего. Не бежать же в город за Шумовым? Анатолий долго расспрашивал Посылкова о плотине, о том, при каких обстоятельствах потерпели неудачу опытные подрывники. Афанасий рассказал все, что знал. Толя постарался запомнить получше. Потом Посылков предупредил его насчет облавы...

Зина сидела на пеньке, вытянув натруженные ноги в грубых, наполовину развалившихся кирзовых сапогах. Вместе с Посылковым она прошла за сутки около восьмидесяти километров по бездорожью, но если старый опытный партизан чувствовал себя в общем бодро, то девушка окончательно выбилась из сил. И когда Афанасий распрощался с Толей, Зина с трудом встала. Прикусив губы, побледнев, она сделала несколько шагов, но застонала и опустилась на землю.

— Ох, не могу, дядя Афанасий! — прошептала она, делая попытку встать. — Не знаю, что нынче со мной!.. Устала я!..

— Отдохни! — ответил Посылков и сурово прибавил: — Все оттого, что портянки не научилась заворачивать. А пора уметь! Я ведь еще раза два с тобой схожу, а там придется одной! Для того и взял тебя товарищ Золотарев в отряд.

Толе показалось, что Афанасий слишком уж жесток! Он с нежностью смотрел на сморщенное от боли лицо подруги, стесняясь дать волю своим чувствам. Словно прочитав его мысли, Посылков поправил под телогрейкой автомат и молча удалился.

Зина, улыбаясь сквозь слезы, посмотрела на Анатолия. Много месяцев тому назад они поцеловались и с той поры больше ни разу не оставались наедине. Как часто Зина вспоминала этот робкий, неумелый и горячий поцелуй! Она истосковалась по любимом и сейчас откровенно, не стыдясь, ласкала Толю взглядом. Он сделал шаг к ней, но остановился, растерянный и смущенный.

— Подойди! — тихо сказала Зина.

Она приподнялась, протянула руки. Анатолий опустился перед ней на колени. Так они побыли несколько минут, глядя в глаза друг другу, испытывая одновременно и счастье от этой короткой встречи, и горечь, от которой у обоих защемило в груди. Толя задыхался от переполнявшей его нежности.

— Мой милый! — прошептала Зина.

Не спуская с нее глаз, Толя заботливо укрыл девушку полой пальто, чтобы не простыла на холодной земле. Зина положила голову ему на плечо, дыхание их смешалось. Они молчали, боясь, что ненужные слова разрушат очарование.

— Довольно! — прошептала девушка. — Помоги мне встать. Пора!

— Мы так и не поговорили, Зина! — умоляюще воскликнул Анатолий.

— Разве? — улыбнулась она. — А мне кажется, я очень много успела тебе сказать! И ты все понял, и ответил так, как я хотела!..

— Значит, навсегда? — спросил Толя.

— Навсегда! До самой смерти! — торжественно прошептала девушка. — Только мы никогда не умрем! Мы будем жить вечно! И ты не улыбайся, пожалуйста! Когда ты так беззаботно улыбаешься, я боюсь! Знаешь, Толенька, милый, я в последнее время нервная стала, прямо

ненормальная! По ночам не сплю. Все мне чудится, что кто-то из Любимова в отряд прибежал и о вас дурную весть принес! А недавно заснула и так ясно твой голос услышала. Так громко, громко ты меня позвал. И жалобно, как будто больно тебе. Я спросонья вскочила, сердце как сумасшедшее колотится, а это Анин мальчишка плачет-заливается! Орет, как оглашенный, весь лагерь разбудил!.. Ой, Толенька, я совсем забыла, Аня Егорова непременно просила тебе передать, что ты принят в комсомол. Твой испытательный срок кончился!

— Ох, Зинка! — ошеломленно сказал Анатолий. — Ты не врешь?

— Дурень! — засмеялась она. — Зачем бы я стала врать?

— Зинка! — закричал Антипов и подхватил ее на руки. — Мы еще повоюем! Мы им, гадам, душу вытрясем!.. Зинушка, теперь, значит, живем! Ты про свои сны забудь! Глупости! Никакой черт меня не возьмет! А немец тем более! Я живучий!..

Девушка ласково смотрела на его восторженное лицо.

— Поставь меня на землю! — попросила она наконец. — Еще уронишь! Пусти, слышишь! — испуганно прибавила Зина. — Посылков идет!

Афанасий действительно спускался по тропинке, стараясь не смотреть на молодых людей. Зина смущенно сказала:

— Простите, дядя Афанасий!

— Я понимаю! — мягко улыбнулся партизан. — Я, милые мои, все очень даже хорошо понимаю!.. У меня самого семья в городе. Двое детишек. Почти год их не видел...

Ночью в подвале на Красноармейской улице собрались комсомольцы. Здесь были Алеша Шумов и Женя Лисицын, Толя Антипов сидел рядом с сестрами Хатимовыми. Он бессознательно тянулся к ним, потому что и Тоня и Шура были очень похожи на Зину. Володька Рыбаков был подчеркнуто серьезен, безмерно гордый тем, что ему разрешили присутствовать на таком важном совещании. Рядом с Алешей сидела молодая женщина с бледным торжественным лицом. Никто из ребят ее не знал. Это была Лида Вознесенская.

Она выполнила задание Алексея и поговорила с русскими врачами и сестрами. Лида прежде всего обратилась к Марку Андреевичу Соболю. Улучив момент, когда док-

тор был в операционной, Лида спросила, до каких пор он собирается работать на немцев, и не кажется ли ему, что честные русские люди обязаны по мере сил бороться с оккупантами. Слова Лиды настолько ошеломили Марка Андреевича, что он не сразу смог ответить. Наконец он сказал:

— К чему этот вопрос? Что мы с вами можем сделать? Разве только погибнуть?.. Впрочем, если моя смерть принесет кому-нибудь пользу, я готов!..

— Зачем говорить о смерти! — возразила девушка и удивилась тому, что так свободно держит себя с человеком, которого всегда немножко побаивалась. — Я обращаюсь к вам не только от своего имени. Вы меня понимаете?

— Понимаю! — ответил Соболь, с изумлением глядя на скромную медсестру, на его глазах совершенно преобразившуюся. И так давно, очевидно, страдал доктор от той жизни, которую приходилось вести, так часто думал о мести фашистам, что у него вырвалось: — Дорогая вы моя! А ведь я ждал этого!.. Ждал!

Обняв Лиду за плечи, он доверительно сообщил ей о своих планах. Оказывается, доктор давно размышлял о том, каким образом принять участие в общей борьбе с врагом, но ничего не предпринимал, понимая, что один он бессилен. Теперь у него словно крылья выросли.

Лида с удивлением смотрела на обычно замкнутого, нелюдимого и неприветливого Соболя, ставшего вдруг словоохотливым и общительным. Он сказал, что Лида должна поговорить с фармацевтом Ириной Демченко и фельдшером Никитиной. Они честные советские люди. Вместе надо подумать о том, как организовать передачу большой партии медикаментов в партизанский отряд.

— То, что вы потихоньку выносите — это капля в море! — сказал Соболь. — Да и рискуете каждый день. Нынче удалось, завтра сошло, а на третий день попадетесь и все провалите!

Но откровенный разговор с Никитиной и Демченко откладывался со дня на день. К ее удивлению и обиде, как Ирина, так и Галя относились к Лиде неприязненно и даже избегали ее. Девушка долго не могла понять, в чем дело. Но однажды случайно услышала, как Демченко бросила вслед:

— Шлюха полицейская!

Лида остановилась, словно ее хлестнули кнутом, и низко опустила голову. Теперь-то все стало ясно! Ирине известно, что Лида близка с Иванцовым!.. А тот в ее глазах предатель! Вечером девушка с особенным нетерпением ждала Дмитрия. Но когда он наконец явился во втором часу ночи, Лида почему-то не решилась заговорить об Ирине. Дмитрий, не ужиная, повалился на диван и уснул, а Лида долго сидела, задумчиво глядя на его утомленное лицо, которое за последний месяц постарело, осунулось и приобрело незнакомое, жесткое выражение.

...Лида так и не поделилась с Дмитрием, решив, что Иванцов снова не разрешит ей помогать партизанам. «Вот выполню несколько серьезных поручений, тогда все расскажу! — решила она. — Тогда он не будет считать меня слабой девчонкой!» Так Лида объяснила тайное, инстинктивное нежелание открыться Иванцову. У нее просто язык не поворачивался открыть ему тайну, и вот для собственного успокоения Лида придумала это объяснение...

Она зашла в аптеку, когда Ирина Демченко была одна.

— Ты можешь мне не верить и подозревать в чем угодно! — решительно заявила Лида, глядя в глаза ошеломленной ее вторжением девушки. — Но выслушать ты должна! Я не шлюха, и полицейский, которого ты имела в виду, вовсе не такой, каким все его считают! Больше я тебе ничего не скажу! Но дело не в нем. Нужны медикаменты. Кроме тебя, никто не имеет к ним доступа. В партизанском отряде раненые и больные лишены даже йода и бинтов! Я все же думаю, что, несмотря на свою подозрительность, ты обдумаешь мои слова! Это не провокация. Я не собираюсь сообщать в полицию о том, что ты сочувствуешь партизанам!

Лида гордо подняла голову и вышла, а Ирина покраснела, потому что действительно подумала о провокации. Но теперь она уже сомневалась в справедливости тех сплетен, которые до нее дошли. «Пожалуй, Лидка своя девчонка!» — подумала Демченко.

После разговора с доктором Соболем, встречу с которым Лида устроила в тот же день, Ирина окончательно убедилась, что ей не в шутку, а всерьез предлагают помогать подпольщикам. И так как она давно об этом мечтала, то согласилась с радостью, смущенно извинившись перед Лидой.

Через несколько дней удалось привлечь на свою сторону и Галину Никитину, сумрачную, неразговорчивую женщину, муж у которой был в Красной Армии. Никитину так и не удалось убедить, что Лида честная женщина. Галина по-прежнему поглядывала на нее с недоверием и скрытой угрозой, словно говоря: «Я не знаю, что ты задумала, но пока твои действия приносят пользу партизанам, я буду помогать. Если же посмеешь предать — берегись!» Чувствуя такую отчужденность, Лида страдала. Между тем план похищения из аптеки медикаментов был готов.

— Пора действовать! — сказал Соболь.

Они решили ночью вытащить из аптеки ящики с лекарствами, предварительно связав или убив часового.

— Я согласна! — угрюмо сказала Никитина. — Только с одним условием. Пусть часового возьмет на себя Вознесенская. Она нами руководит, ей и пистолет в руки!

Лида очень хорошо поняла, почему Галина внесла это предложение. Ее настороженный взгляд говорил сам за себя.

— Пистолет? — спокойно переспросила Лида, стараясь не показать, как ее покоробило это недоверие. — Пистолет ни при чем! Шуму много. Можно придумать что-нибудь поумнее. Впрочем, это уже мое дело. Только придется подождать. День я назначу позже!..

Лида хотела посоветоваться с Шумовым. Как раз в этот день Алексей поджидал Лиду возле дома. Когда встретились, он позвал ее в подвал. Гордая, польщенная доверием Вознесенская с любопытством присматривалась к незнакомым юношам и девушкам. Все очень нравились ей. Она слышала, как Алеша предупредил о готовящейся облаве, и удивленно взглянула на Тоню, отказавшуюся уехать. Шумов сказал:

— Товарищи, мы существуем уже полгода, кое-что сделали, но еще мало. Надо смелее вовлекать в группу молодежь, готовиться к активным боевым действиям. Немцы рвутся на Кавказ, к Волге, к Москве. Через наш город каждую ночь проходят воинские части. Мы записываем и сообщаем партизанам номера, это хорошо, но пора минировать дороги, портить машины, убивать фашистских офицеров. Наша задача — в ближайшее время создать пять — шесть хорошо вооруженных, самостоятельных боевых отрядов. Они будут действовать в окрестных селах.

Их задача — диверсии, разведкой следует заниматься другим людям. В каждом деле полезна узкая специализация! — усмехнулся Алеша и тотчас стал серьезным. — Не годится, чтобы, например, Володя Рыбаков нынче в деревню посыльным отправлялся, а завтра мины ставил. Этакий мастер на все руки! Пока нас было мало, иначе мы не могли. Но теперь у нас есть настоящая, сильная организация! Сейчас главная задача — создавать боевые отряды из молодежи в деревнях и селах. А попутно готовиться к празднованию Первого мая. Осталось семь дней. Но к этому вопросу еще вернемся после облавы... Вот и все, товарищи. А теперь прошу по одному разойтись. Остаются Лисицын и Рыбаков.

Алешка надел шапку и подошел к Лиде.

— Можешь считать, что ваш план утвержден, — вполголоса сказал он. — Только я еще должен связаться с отрядом. Поэтому пока ничего не предпринимайте. Я сообщу, когда действовать...

— Есть, товарищ командир! — звонко ответила Лида и смутилась. Алеша внимательно, без улыбки посмотрел на нее. Подойдя к лестнице, Лида вспомнила злые, подозрительные глаза Никитиной и подумала, что говорить с ней будет теперь особенно нелегко. Узнав, что похищение медикаментов откладывается на неопределенное время, Галина, пожалуй, утвердится в своих подозрениях и окончательно перестанет ей доверять. «С Алешей посоветуюсь!» — мелькнуло у Лиды, но тот уже разговаривал с Лисицыным, не обращая на нее внимания, и девушка не осмелилась.

...Трое друзей засиделись до рассвета, обсуждая задание Золотарева. Утром встретились снова, и Женька, который успел побывать близ плотины, невесело сказал:

— Нам туда и лезть нечего! Немцы плотину прямо толпой окружили. А ночью ее освещают прожекторами. Не подступишься! Гиблое дело!

— Все? — спросил Алеша.

— Ну, все! — пожал плечами Лисицын и раздраженно прибавил: — Только не говори, пожалуйста, о долге, о том, что нам доверили и мы обязаны! Избавь меня от этих рассуждений. У меня и так голова болит! — Костюм у Женьки был в грязи, лицо осунулось. Он смертельно устал, плутая по лесам. Сочувственно посмотрев на него, Алеша извиняющимся тоном ответил:

— Да нет, зачем же я буду тебе читать мораль? Ты сам не хуже меня понимаешь, какая обстановка. Но только неужели нет выхода? Значит, мы бессильны?

— Думал я об одной вещи! — сердито махнул рукой Лисицын. — Но это бред!

— Говори!

— Понимаешь, у них звукоуловители есть. Когда самолеты приближаются, прожекторы выключают. Если бы можно было испортить эти звукоуловители и связаться с командованием советских войск, чтобы прислали пару бомбардировщиков. В освещенную-то плотину летчики и ночью попадут!.. Но это так, мечта!.. Подойди-ка туда, попробуй!..

— Костры! — вдруг отчаянно крикнул Володька. Лисицын и Шумов вскочили и, оторопев, уставились на него. А он, захлебываясь и путаясь в словах, продолжал: — На кой нам сдались уловители? Пускай выключают свои прожекторы! А мы костры разожжем! Огромные, чтоб издали было видать!..

Так родилась идея. В тот же день Шумов встретился с Посылковым. Был назначен день и час появления советских бомбардировщиков. Золотарев по рации связался с командующим группой советских войск генерал-майором Сорокиным и попросил двадцать пятого апреля направить в Любимовский район звено самолетов. Золотарев объяснил, что цель будет находиться в центре треугольника, образованного зажженными кострами.

В тот час, когда командир партизанского отряда договаривался с генерал-майором, Алексей, Женя и Володя были уже в лесу. Они разделились, и каждый в укромном месте принялся готовить топливо для костра. У ребят были часы, которые они выверили с точностью до секунды, прежде чем расстаться. Запалив облитые керосином кучи хвороста, комсомольцы должны были разбежаться, а потом встретиться в Сукремльском овраге.

Алексей сложил посреди поляны груду сухого хвороста, достал бутыль с керосином и посмотрел на часы. Была полночь, приходилось ждать. Он расстелил телогрейку и лег на молодую траву, жадно вдыхая запах влажной земли. Лежать было удобно, но первые минуты юноша не находил себе места. Он был возбужден. Каждый шорох казался шагами немецкого патруля. Он то и дело подносил к уху часы, проверяя, не остановились ли? Но ста-

рые отцовские часы тикали, как обычно. Им-то не передалось волнение Шумова, они не спешили!

Над Алешей было черное звездное небо. Белели стройные сосны. Постепенно он успокоился. Тогда пришли мысли о Шуре.

Алеша часто думал о ней. Он, правда, не связывал ее судьбу со своей, не гадал, любит ли она его. Вообще слово «любовь» он даже мысленно ни разу не произнес. Шумов просто вспоминал ее терпеливые добрые глаза, звонкий, чистый голос и жалел, что они встречаются так редко. Исчезла прежняя близость. Может быть, она видит в нем лишь командира? Что-то встало между ними и мешает дружбе. Но разве дружба во время войны должна исчезнуть?..

...Взглянув на часы, он вскочил. Четыре! Неужели заснул? Чернела куча хвороста. Показалось, что ветер усилился и сосны грозно загудели. Но это приближались самолеты. Алеше все стало ясно лишь в тот момент, когда за лесом разлилось зарево костра. Отчаянно выругав себя, он опрокинул на хворост бутыль. Булькая, лился керосин. Опорожнив посуду, Шумов зажег спичку. Вспыхнуло горячее, белое пламя. Он едва успел отскочить и сразу помчался прочь.

Раздались взрывы. Самолеты пикировали по очереди, укладывая бомбы в шахматном порядке. Когда одна из них задела плотину и в небо взлетела туча каменных осколков, цель была обнаружена, и бомбардировщики устремились на пылающую светлую полоску, отраженную в черной неподвижной воде.

Алеша бежал, пока не выбрался из леса, затем пошел шагом. В овраге его ждал Женя. Володьки не было. Встревожившись, ребята отправились его разыскивать. Обшарили все поле, до рассвета лазили по лесу, рискуя наткнуться на всполошившихся жандармов, но не нашли Рыбакова и огорченные вернулись в город. «Неужели с парнем что-нибудь случилось?» — думали ребята, но не произносили своих мыслей вслух.

А Володька между тем чувствовал себя прекрасно. Он гордился тем, что придуманный им план осуществлен, и совершенно забыл о том, что его ждут в овраге. Войдя в город, он, наконец, вспомнил про ребят и испугался. Что теперь будет? Шумов и Лисицын, наверно, ждут

его! Теперь Алеша никогда не доверит Володьке важное дело!

Хорошее настроение как рукой сняло. Рыбаков готов был расплакаться. Проходя мимо деревянного сарая с маленькими окошками и косо нахлобученной крышей, похожей на шляпку диковинного гриба, он замедлил шаги. Сквозь тонкую стену доносились гулкие удары, храп и тяжелое дыхание. Запахло навозом и лошадиным пóтом.

Это была немецкая конюшня. Немцы широко использовали гужевой транспорт. На лошадях они возили боеприпасы и реквизированные в деревнях продукты, зерно и солдатское обмундирование. В узких станках стояли около двухсот сытых, откормленных першеронов. Два пожилых немца-ветеринара обязаны были регулярно осматривать живое имущество германской армии, но не особенно рьяно исполняли службу, редко появлялись в конюшне и отнюдь не были трезвенниками. Сарай охранялся. У ворот расхаживал часовой. Но, по-видимому не считая объект важным, он часто отлучался в соседний домик-пекарню и до рассвета играл с солдатами в карты.

Не было часового и в тот момент, когда мимо проходил Рыбаков. Должно быть, это обстоятельство и соблазнило Володьку. У него тут же возникла мысль, что можно забраться в конюшню, открыть ворота и выпустить коней. То-то всполошатся фашисты! Пускай ищут свой гужевой транспорт по лесам да по полям! Рыбаков, долго не раздумывая, ринулся к двери. Та оказалась запертой. Тогда он выдавил стекло и проник в конюшню через окно.

Володька быстро отвязал лошадей и открыл ворота. Прежде чем уйти, он сгреб сено и бросил в копну зажженную спичку. Через несколько минут конюшня пылала как свеча. Кони пугливо шарахались от искр, которые, точно сказочные золотые мухи, летали по воздуху. А Володька уже был дома. Он забрался на чердак и оттуда с увлечением наблюдал за пожаром.

Немцы действительно всполошились, но стали действовать совсем не так, как ожидал Рыбаков. Вместо того чтобы броситься в погоню за лошадьми, солдаты, выбежавшие из пекарни, и присоединившиеся к ним патрульные ворвались в дома и начали с руганью избивать жите-

лей, требуя назвать поджигателя. Возможно, ночной переполох окончился бы арестом нескольких попавших под горячую руку любимовцев, но в дело вмешался лейтенант Гребер и сразу придал ему большой размах. Он вызвал из комендатуры взвод солдат и приказал оцепить улицу. После этого лейтенант в сопровождении сбежавшихся полицаев приступил к планомерному и поголовному обыску. Распахивались двери и окна, кричали женщины, понуро сбились в кучку взятые под стражу мужчины. Пока продолжался разгул пьяных солдат, пламя разгоралось. Пожар никто не тушил, и вскоре огонь перекинулся на соседние строения. Над улицей поднялось багровое зарево.

Всего этого Володька не видел. По странной случайности их дом немцы не тронули. Налюбовавшись пожаром, он преспокойно уснул, подумав перед сном, что теперь-то Шумов не станет его ругать. Ведь победителей не судят!

Утром Володька умылся, съел, запивая холодной водой, ломоть черствого хлеба и отправился к ребятам. Ему не терпелось рассказать о своем подвиге. Он был уверен, что найдет их в подвале, но вместо дома Лисицына увидел во дворе груду тлеющих углей! Он прислонился к обгоревшему забору, со страхом и растерянностью глядя на развалины. Круглая крышка люка валялась на земле. «Что же это? — подумал Володька. — Значит, немцы обнаружили подвал? А как же ребята?» Не думая об опасности, Володя перелез через забор и спрыгнул в люк.

Здесь все было перевернуто вверх дном, скамейки опрокинуты, земляной пол словно вспахан. Володя выкарабкался и свалился вниз, вовремя заметив проходивших по двору солдат. Когда немцы скрылись, он бросился бежать, думая, что Шумов и Лисицын арестованы.

Слезы градом катились по грязным щекам. Подросток выскочил на улицу Толстого, едва не сбил с ног полицая и, спасаясь от побоев, свернул в переулок. Задыхаясь, Володька остановился возле покосившегося плетня и, случайно заглянув во двор, оторопел. Это был Алешкин дом. На крыльце стояла бабушка Елизавета Ивановна. Рыбаков знал, что в хате находится немецкая са-

пожная мастерская, но ему было не до того, чтобы соблюдать осторожность. Он открыл калитку и позвал:

— Бабушка! А бабушка!

Елизавета Ивановна обернулась.

— Бабушка, вы меня узнаете? Скажите, пожалуйста, где Алеша? Он мне срочно нужен! — Рыбаков замер в ожидании ответа, почти уверенный, что старуха сообщит об аресте внука. Но бабушка с сердцем ответила:

— Фу, оглашенный, напугал! В сарае твой Алешка!

Володя, не чуя под собой ног, пересек пустынный двор и распахнул громко скрипнувшую дверь. Алексей не спал. Он лежал на своем неизменном плоском и твердом матрасике рядом с Лисицыным. Женька первый увидел Рыбакова и издал радостное восклицание:

— Где ты пропадал?

— Есть хочешь? — спросил Алексей.

— Спасибо, ребята! — в замешательстве ответил Рыбаков. — Не хочу! Ох, и напугался же я!.. Ты уже знаешь, Женя, что с твоим домом случилось?

— Погоди, погоди! — перебил Шумов, пристально глядя на оробевшего Володьку. — Ты сперва объясни, почему в овраг не пришел. Мы же уговорились! Где ты бродил?

— Задержался! — отвел глаза Рыбаков, презирая и ненавидя себя, но не в состоянии сказать правду. — Я, ребята, заблудился, понимаете? Я, конечно, виноват, но ведь со всяким может случиться!

— Да брось ты пацана! — с досадой махнул рукой Женька, снова опустившись на подстилку. — Лучше решим, что делать? Собираться теперь негде, знамя немцы забрали, тол выкопали. Еще неизвестно, что они обо всем этом подумают! Наверняка догадаются, что напали на след подпольной организации... Вот история-то!

— И это еще не все! — тихо сказал Алешка. — Сегодня ночью немцы схватили нашего советского летчика, который скрывался в одном доме. Он был ранен и не мог убежать. Они потащили его, а вместе с ним ту женщину, которая его прятала. Я сам это видел из сарая. И все случилось из-за того, что какой-то легкомысленный болван поджег никому не нужную конюшню! — Алексей даже побледнел от негодования. — Оказывается, есть же еще в го-

роде такие герои-одиночки! Воображают, что вредят немцам, а на самом деле играют им на руку!..

— Да! — буркнул Лисицын. — Попался бы нам сейчас этот горе-поджигатель, уж мы бы ему сказали пару ласковых слов!

Володьку бросило в жар. Шумов посмотрел на его изменившееся, несчастное лицо и с тревогой спросил:

— Что с тобой?

— Ребята! — прошептал Володька, моргая мокрыми ресницами. — Простите меня, ребята!

Алешка переглянулся с Лисицыным и удивленно спросил:

— Так это ты сделал?

— Я думал, хорошо получится! — простонал Рыбаков. — Я же не знал, я хотел сделать, как лучше!.. И часовой ушел! Они же на лошадях боеприпасы возят... А сейчас лошадей нет. Пусть-ка поищут! Неужели вы меня не простите? Женя! Ну, хоть ты скажи! Разве я нарочно? Честное слово, я больше никогда не буду без разрешения!..

Встретившись с холодным взглядом Шумова, Володька испуганно умолк. Алеша медленно заговорил:

— Значит, это был ты? А ведь хорошо знал, что не имеешь права сам действовать! Ты писал клятву? Отвечай?

— Писал! — еле слышно ответил Рыбаков.

— Раз писал, то знаешь, какое наказание полагается за нарушение военной дисциплины! Мы тебя будем судить! Слышишь? Как только вернутся наши, ты предстанешь перед комсомольским судом! А сейчас ты свободен. Можешь идти! Когда понадобишься — вызовем! Считай, что находишься под домашним арестом. На улицу не выходи. Ни с кем не встречайся! Тебе все ясно?

— Алеша! — с ужасом прошептал Володька.

— Ступай! — отвернулся Шумов.

Рыбаков выпрямился, вытянул руки по швам. Губы его вздрагивали, но он крепился:

— Есть идти домой!..

Повернувшись налево кругом, Володька вышел. Его маленькая детская фигурка мелькнула в дверях и исчезла. Скрипнула калитка. Лисицын вздохнул. Алеша искоса взглянул на него и взъерошил волосы. Долго молчали.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Борис раскрыл парашют у самой земли. И тотчас же к нему протянулась багровая цепочка трассирующих пуль. Подтянув стропы, он ускорил падение. Черная земля, кружась, стремительно летела навстречу. В кромешной темноте лейтенант не сумел правильно сориентироваться, и вершины деревьев надвинулись на него неожиданно. Он едва успел прикрыть руками лицо. Твердые ветки вспороли, как ножницами, комбинезон, до крови расцарапали руки. Качаясь, летчик повис метрах в трех от земли. Прислушался. Все было тихо. Только вдалеке, там, где небо было багровым, трещали автоматы и слышались глухие взрывы.

Борис вытащил складной нож, перерезал шелковые стропы и мешком свалился вниз. Он встал, попробовал сделать шаг, но застонал от острой боли в ноге. Сапог стал мокрым. Лейтенант опустил руку, она попала во что-то липкое. Кровь! «Впридачу ко всему я ранен!» — подумал летчик. Он вгляделся в зеленую стрелочку компаса, посмотрел на звезды и определил, что Любимово находится севернее того места, где он очутился. Вырезав ножом крепкий сук и опираясь на него, лейтенант заковылял по лесу.

Приемный сын Золотарева воевал с первого дня войны. Правительство наградило его орденами Ленина и Красной Звезды. Ему до сих пор везло: сам оставался целым. Товарищи шутили: «В сорочке родился!» И вот нужно же так опростоволоситься — потерять машину над родным городом!

Борис знал, что его отец командует партизанским отрядом где-то в этих лесах. Он решил пробиваться к нему. Но как? Раненный, в советской форме, он станет легкой добычей первого же солдата. Из письма Золотарева, пересланного на фронт Центральным штабом партизанского движения, Борису было известно, что мать осталась в городе. Здоровье ее было очень плохим. Золотарев сперва взял ее в отряд, но она не выдержала тяжелой жизни в лесу, ночевок в сырых землянках, заболела воспалением легких. Пришлось немедленно переправить ее в Любимово. Юрий Александрович боялся за нее, но полицаи и немцы почему-то не трогали Софью Аркадьевну. Может быть, они не знали, что ее муж и есть тот

самый «Дед», командир партизан, который причиняет им столько хлопот, а возможно, догадываясь об этом, рассчитывали выследить женщину и установить местонахождение отряда...

Трудно было идти ночью по чаще. Несколько раз лейтенант со стоном проваливался в мокрый снег, спотыкался. Нога одеревенела. Наконец деревья расступились. Оставалось перейти вброд речку, а там до города было рукой подать.

Ослабевший от потери крови лейтенант упал у крыльца, прополз по ступенькам и постучал. Тотчас же послышались быстрые шаги.

— Кто? — узнал Борис голос Софьи Аркадьевны.

— Я!.. Открой... Скорее!..

Очнулся лейтенант на своей кровати. Мать сидела, положив руку на его пылающий лоб, и плакала от счастья и волнения. Мокрый рваный комбинезон валялся у печки. Приподнявшись, Борис посмотрел в окно. На улице раздавались трескотня автоматов, крики. На стенах плясали отсветы огня.

— Что... там?

— Конюшня горит, — шепотом ответила мать. — Полицаи по домам шныряют!.. А ты?.. Ты ранен, маленький мой? Мальчик мой!..

— Тогда... я... Я должен! — Опираясь на ее плечо, попытался встать Борис. — Нельзя, чтобы меня нашли в твоем доме... Раненый советский командир... за это немцы расстреливают!

— Лежи, куда ты, милый! — обняла его Софья Аркадьевна. — Авось пронесет... На улице тебя сразу схватят!

Но лейтенант, прекрасно сознававший, какой опасности подвергается мать, через силу встал и, опираясь на сук, направился к двери.

— Не ходи за мной! — слабо улыбнулся он матери. — Я в огороде отсижусь... Туда они не полезут.

Софья Аркадьевна заставила себя молча кивнуть. Сердце ее сжималось от боли и тревоги. Ей хотелось броситься к сыну, обнять, не пустить... Но она понимала, что он прав.

Едва Борис успел закрыть дверь, как под окнами захлюпала вода. Послышался хриплый голос Федьки Козлова:

— Эй, ты! Открывай!

Женщина поспешно откинула крючок. В дом ввалилась орава полицаев и солдат. Оттолкнув хозяйку, они бросились обыскивать комнату. Полицаи откровенно занимались грабежом: рылись в шкафу, взламывали чемоданы, запихивали за пазуху скатерти, белье, одежду. Софья Аркадьевна смотрела равнодушно на то, как разоряли ее дом. Все мысли были о сыне: успел ли уйти, надежно ли спрятался?.. Перевернув все вверх дном, полицаи собрались уходить. В этот момент дверь распахнулась, вбежал запыхавшийся солдат и крикнул несколько слов по-немецки. Через секунду в комнате не осталось ни души. С бьющимся сердцем мать прислушивалась к выстрелам за стеной.

— Боря! — прошептала она. Лицо стало мокрым от слез. Софья Аркадьевна догадывалась о том, что произошло. Она не ошиблась. Снова затопали по крыльцу сапоги, в глаза ударил луч карманного фонаря.

— Выходи! Быстро! — заорал полицай и толкнул женщину к двери.

Во дворе, окруженный солдатами, стоял Борис. Он был бледен, но голову держал гордо. Его волосы слиплись от крови, рубашка была выпачкана землей. Увидев мать, он громко сказал:

— Эта женщина не виновата. Она не знала, что я в сарае прятался!..

«Меня спасти хочет», — подумала Софья Аркадьевна и на секунду закрыла глаза. Она была в отчаянии. Хотелось закричать, броситься к сыну, заслонить его... Но усилием воли заставила себя успокоиться. Ровным, чужим голосом сказала:

— Я ни при чем.

Но ее все-таки отвели в полицию вместе с лейтенантом. По дороге Борис ни разу не взглянул на мать, только в темноте поймал ее руку и пожал. Козлов доложил Иванцову:

— Во дворе у Золотаревой летчика словили, который плотину бомбил. Раненый. Злой жутко. Глазами так и зыркает!

— У хозяйки прятался? — помолчав, осведомился следователь.

— Говорит, она не знала...

— Давай сюда обоих.

Иванцов сел на стол, закурил. Ему хотелось взглянуть на советского офицера перед тем, как тот будет отведен в комендатуру. Летчик... Значит, в Красной Армии есть еще самолеты. А немцы пишут, что авиация противника больше не существует... У старшего следователя не было никаких определенных планов в отношении арестованного. Он знал, что лейтенанта ждет плен, концлагерь... Им займутся сами немцы. Полиции это не касается. Но когда Борис вошел в кабинет, Иванцов насторожился. Ему показалось, что он уже где-то встречал летчика. Переведя глаза на Софью Аркадьевну, следователь еще больше утвердился в своих подозрениях. Молодчик явно похож на эту женщину. Уж не сынок ли он ей!.. В полиции были сведения, что сын Золотаревой служит в армии, а муж... Официально считалось, что муж эвакуировался, но ходили слухи, будто начальник милиции и есть тот самый «Дед», которого ищут немцы... Это требовалось уточнить. Иванцов давно установил наблюдение за Софьей Аркадьевной, но женщина никуда не выходила из дому, и к ней никто не являлся... Если летчик ее сын, можно узнать кое-что и про мужа! Надо только действовать с умом!.. В ту же минуту в изобретательной голове старшего следователя созрел поистине дьявольский замысел.

— Смешно, что вы отпираетесь друг от друга! — спокойно сказал Иванцов и воткнул в пепельницу окурок. — Всем известно, что у Золотаревых есть сын, летчик. Когда самолет сбили, он поспешил домой, к маме... Жаль, что радостная встреча окончилась так печально!

— Я вас не понимаю, — пожал плечами Борис. — Впервые слышу фамилию, которую вы назвали. Никогда не был в этом городе, пришел сюда ночью, даже не знаю, как он называется... Эта гражданка вовсе не моя мать. У меня нет родителей. Я вырос в детдоме... Что вы от меня хотите?

— А вы что скажете? — обратился Иванцов к Софье Аркадьевне. Он иронически усмехался, давая понять, что обмануть его не удастся.

— Скажу то же, что молодой человек! — ответила женщина. — Я его вижу впервые. Я не знала, что он прячется в сарае... За что меня арестовали?

До рассвета бился Иванцов, пытаясь выжать признание. Софья Аркадьевна плакала, просила отпустить ее

домой, но твердо стояла на своем. Следователь вызвал Козлова и приказал:

— Объясни-ка ей, где она находится!

Федька деловито снял френч, схватил женщину за горло и другой рукой несколько раз наотмашь ударил по лицу. Иванцов не спускал глаз с летчика. Тот укоризненно покачал головой и сказал:

— Как вам не совестно избивать больную, старую женщину!

Лейтенант вел себя, как чужой, посторонний человек. «Или чертовская выдержка, или я ошибся!» — подумал Иванцов. Но ему очень не хотелось отказываться от своего плана. Он решил продолжать допрос. «Если сын молчит при виде страданий матери, то мать не выдержит мучений сына!» — сказал он себе и подмигнул Федьке, который привык понимать его с полуслова. Козлов подошел к лейтенанту и проволокой связал ему руки. Затем стал методически избивать, стараясь тяжелым сапогом попасть в пах. Наконец это ему удалось. Летчик согнулся и со стоном повалился на пол. Федька стал мыть под краном руки. Иванцов наблюдал за Софьей Аркадьевной. Она была бледна, как снег. Когда лейтенант упал, она закрыла глаза и пошатнулась.

— Неужели вам не жаль сына? — вкрадчиво спросил следователь.

— Он не сын мне, — тихо ответила женщина. — Но я не могу видеть, как вы издеваетесь над раненым...

Иванцов приказал увести Софью Аркадьевну и жадно смотрел ей в спину. «Обернется или нет? — думал он. — Если обернется, значит, он ее сын». Женщина не обернулась.

Лейтенанта бросили в сарай, стоявший на берегу реки. Туда же отвели Софью Аркадьевну. Возле двери встал вооруженный часовой.

— Не подходи ко мне! — прошептал Борис, когда они остались вдвоем, — это ловушка. За нами следят...

— Не понимаю, зачем мы мучаемся! — ответила мать. — Не лучше ли признаться и умереть? Какое имеет значение, сын ты мне или нет?

— Если не выдержим, нас станут мучить еще больше! — проговорил летчик. — Неужели ты не поняла?.. Они подозревают, что ты связана с партизанами, и будут меня избивать на твоих глазах до тех пор, пока ты не покажешь

дорогу в лес!.. Нужно, чтобы они убедились, что мы чужие. Тогда тебя отпустят, а я, может быть, попаду в лагерь...

— Не повезло тебе, паренек! — громко сказала Софья Аркадьевна, прислушиваясь к шагам часового. — Зачем ты у меня во дворе спрятался? И себя и меня подвел!.. Что теперь с нами будет!..

— Хорошо, хорошо, родная! — шепнул Борис и снова потерял сознание. Всю ночь неподвижно просидела у стены Софья Аркадьевна, не спуская глаз с сына и не смея подойти к нему, поцеловать, облегчить его страдания.

Лейтенант правильно раскусил замысел Иванцова, но ошибся, предположив, что Софью Аркадьевну отпустят. Следователь решил по-другому. Утром Иванцов посоветовался с фон Бенкендорфом, и тот дал ему полную свободу действий.

Дмитрий понимал, что продолжать допрос бесполезно: только время терять! Раз Софья Аркадьевна и летчик не сознались сразу, теперь их уж не сломишь. Он знал этих людей. Ножом их режь, будут стоять на своем. Но что, если использовать их в качестве приманки?..

Не зря Иванцов посадил арестованных в старый сарай, приткнувшийся на берегу реки, и поставил лишь одного часового. У него был свой расчет, который стал ясным из дальнейших событий. На другой день на стенах домов появились объявления, отпечатанные в типографии. В них говорилось о том, что во вторник на городской площади будет казнена жительница Любимова Золотарева Софья Аркадьевна, виновная в сокрытии от германских властей советского офицера. Казнен будет также и этот офицер — за то, что отказался назвать свое имя и звание. В верхнем углу объявлений были приклеены наскоро размноженные фотокарточки Софьи Аркадьевны и Бориса. Их сфотографировали утром прямо в сарае.

Возле объявлений кучками собирались любимовцы и, завидев полицаев, быстро расходились. Иванцов наблюдал за жителями из окна кабинета. Он надеялся, что какой-нибудь подпольщик непременно сообщит командиру партизанского отряда о готовящейся казни, и, если тот действительно муж Софьи Аркадьевны, он приложит все силы, чтобы ее выручить. Женщина и летчик находятся в плохо охраняемом сарае, расположенном к тому же на окраине. Партизаны решат, что освободить их нетрудно.

Но если попробуют сделать это, то попадутся в ловушку, хитро расставленную старшим следователем. Сарай со всех сторон окружен тщательно замаскировавшимися и переодетыми в штатскую одежду полицейскими и немецкими солдатами. Как только партизаны появятся в городе, капкан захлопнется! В случае удачи фон Бенкендорф обещал Иванцову премию, которая была назначена немцами за голову «Деда».

Расчет был правильным.

Прочитав объявление, Алешка с трудом дождался субботы. Он готов был немедленно бежать в лес, но, не зная дороги, понимал, что это бессмысленно. Приходилось терпеть. В субботу в Сукремльском овраге его встретила Зина. Без лишних слов Алешка вручил ей сорванное со стены объявление и велел возвращаться в отряд.

— Передай Юрию Александровичу, что их можно отбить! — сказал Алешка. Боясь, что Зина что-нибудь напутает, он вырвал из записной книжки листок бумаги и огрызком карандаша нарисовал план улицы, на которой находился сарай.

— Быстрей, Зина! — взволнованно добавил Шумов. — В твоих руках две человеческие жизни!

Никогда еще Зина так не бежала. Она боялась, что остановится сердце. Грунт совсем раскис, ноги проваливались в талый снег. Девушка, плача от невыносимой боли в ногах, пробиралась сквозь чащу, падала. Горло пересохло от жажды. Зина жадно ела снег и снова устремлялась вперед. Когда стемнело, полпути было пройдено. Обычно девушка делала привал, сушила у костра одежду, отдыхала и с рассветом снова шла. Но в этот раз даже ночь не заставила ее остановиться... На всю жизнь запомнила Зина бесконечную дорогу: черные стволы, хлюпающий под сапогами снег и холодное звездное небо, изредка мелькавшее между ветками. На деревьях через каждые сорок — пятьдесят метров были сделаны зарубки, помогавшие ориентироваться; во мраке их не было видно. Приходилось жечь спички. Вскоре спички кончились, но темнота поредела. Снег стал фиолетовым, потом голубым. Солнце осветило вершины, когда девушка подошла к партизанскому лагерю. Часовой окликнул ее, но, не дожидаясь, пока Зина ответит, вылез из кустов и поддержал под руку. Девушка падала... Увидев Золотарева, она слабо

улыбнулась, села на снег и достала из-за пазухи измятое объявление. Говорить она уже не могла.

Юрий Александрович с трудом сдержал стон. Он узнал сына... «Как Боря попал в Любимово? — подумал капитан, но тут же отбросил эту мысль. — Неважно, неважно!.. Надо спешить!.. Скорее!..» Он приказал накормить Зину и спрыгнул в землянку, где спал только что вернувшийся с задания начальник штаба.

— Малышев! — закричал Юрий Александрович. — Вставай!

Лицо у начальника штаба было истомленным. Щеки ввалились, нос заострился. Запрокинув голову, он тяжело, со свистом дышал. «Не спал две ночи!» — вспомнил Золотарев и, стараясь не шуметь, выбрался наружу. «Я же еще ничего не знаю. Надо поговорить с Зиной», — мелькнуло у него.

Услышав, что арестованных легко можно освободить, и рассмотрев план, нарисованный Алешкой, Юрий Александрович задумался. Он стоял возле костра, глядя в огонь. Партизаны молча обступили командира, готовые по его приказу отправиться в поход. Зина, уже успевшая пообедать, надела шапку. Она была уверена, что придется тут же идти в обратный путь. Но Золотарев медленно произнес:

— Занимайтесь своими делами, товарищи, — и махнул рукой.

«Время же идет! — подумала Зина. — Почему он медлит?» Очевидно, вопрос отпечатался на лице; Юрий Александрович поманил ее и тихонько сказал:

— Ловушка. Понимаешь?

— Ловушка? — переспросила девушка.

— Сарай, стоящий в стороне, объявление... Подозрительно! И в плане видно, что тут очень удобно сделать засаду... Отдыхай, Зина!

Золотарев ласково улыбнулся и отошел. Лицо его потемнело. Он тяжело ступал по снегу, словно ноги налились свинцом. Зина со страхом смотрела вслед. «Значит, все зря? Они погибнут?» — прошептала она. Стало трудно дышать. Громко всхлипнув, девушка уткнулась в плечо стоявшего рядом бородатого партизана. Тот неуклюже погладил ее по голове.

Юрий Александрович прислонился к сосне, дрожащими пальцами свернул цигарку. Мысли обгоняли одна

другую... Нет, он не имеет права выводить отряд из леса. Подвергать людей бессмысленному риску. Товарищи партизаны доверили ему свои жизни. Он не пошлет их на смерть... Немцы рассчитывают на то, что командир потеряет голову, бросится спасать родных... Да, да, их план ясен теперь Золотареву. Но что же делать? Неужели нельзя помочь Соне и Боре?

У капитана стало горячо в груди, деревья перед глазами вдруг задрожали и расплылись. По щеке поползла теплая капля... «Дождь? — поднял голову Золотарев. — Нет... Это слезы...» Он вытер их рукавом и оглянулся, боясь, что кто-нибудь заметил его слабость, — ведь он командир. Он командир!

— Юрий Александрович! — окликнул знакомый голос.

Малышев бежал к нему, на ходу всовывая руки в рукава полушубка. Лицо его было расстроенным. Он силился что-то крикнуть, но задыхался. Откашлявшись и застегнув полушубок, начальник штаба проговорил:

— Товарищ командир! Надо же что-то предпринимать! Я видел объявление... Какие сволочи! Но еще есть время...

Юрий Александрович пожал плечами и отвернулся.

— Я понимаю... Мы не можем бросить весь отряд на это дело... Но что, если вызвать добровольцев? Человек двадцать, а? — горячо прошептал Малышев и схватил командира за руку. — Я бы сам пошел! Что же вы молчите, Юрий Александрович?

Капитан обернулся и медленно покачал головой.

— Нельзя...

— Я по рации свяжусь с обкомом... Лучков разрешит!

— Я... Я не разрешу!.. Понимаешь? — тихо ответил Золотарев и легонько похлопал начальника штаба по плечу. — Иди, Малышев. Поспи. Тебе поспать надо.

— Товарищ командир! — сдавленно пробормотал Малышев.

— Ступай.

Юрий Александрович ушел в лес. Он долго бродил по просеке, ничего не видя перед собой. Между стволами мелькали костры, слышался гул большого лагеря; он шел мимо, потом возвращался, кружил между деревьями. За ним неслышно следовали тени, которые останавливались, когда останавливался он. Это были часовые, боявшиеся,

что командир в отчаянии сделает с собой что-нибудь... Потом они отстали, уважая его горе и его мужество.

Перед Золотаревым прошла вся жизнь. Он отчетливо помнил каждый эпизод, связанный с Соней. Вот она, еще совсем молодая, смеющаяся и смущенная, варит обед в большой пустой одесской квартире. Коптит керосинка, в доме нет ни одной кастрюли. Боря притащил откуда-то ржавый котелок и, сидя на паркетном полу, чистит куском кирпича... Какая возбужденная, радостная возвращалась Соня с работы! Она тут же рассказывала Юрию Александровичу школьные новости, а потом они вместе умывались во дворе под старым каштаном... А Боря! Шустрый, гордый и обидчивый паренек, он с каждым годом становился все мягче, доверчивее, пока не привязался к Золотареву всем сердцем... Из армии он писал часто, просил совета, делился удачами и огорчениями. Они читали письма вместе с Соней, вслух... Как тяжело, страшно сознавать, что самые родные, близкие люди сейчас лежат, избитые и окровавленные, в холодном сарае и ждут казни, а он ничем, ничем не может помочь, хотя находится недалеко.

Юрий Александрович с трудом сдерживался, чтобы не побежать тотчас же в Любимово. Да, он не имеет права ставить под удар отряд, но ведь собственной жизнью он может распорядиться! Пусть даже ему не удастся спасти жену и сына, но он хоть поглядит на них в последний раз!.. «Нет, нет! — кусая губы, говорил он себе и поворачивал в лагерь. — Ты коммунист. Отряд не может остаться без командира!» И в эту минуту он жалел, что он командир, а не рядовой партизан.

Потом его разыскала в лесу Зина.

— Товарищ Золотарев! — умоляюще заговорила она. — Что же это... Как вы можете...

— Уйди, Хатимова! — попросил он.

— Не уйду! — Зина плакала и не вытирала слез, катившихся по щекам. — Я прошу вас... Поручите это дело нам... Алешке! Ребятам! Они в городе все ходы знают, они попытаются... Разрешите мне пойти!.. Я успею...

— Ребятам? — переспросил Золотарев. На мгновенье, как яркий факел, вспыхнула надежда, но тут же потухла. — Нет, нет, Зина... Комсомольцы ушли из Любимова... Будет облава. Что могут сделать вдвоем Алеша и Женя Лисицын? Только сами погибнут...

— Вы их еще не знаете! — сказала Зина. Она не могла бездействовать. Ей казалось, что она совершает преступление, оставаясь здесь, в то время как в городе ждут казни два товарища. — Поручите им. Они придумают что-нибудь. Ну, пожалуйста, Юрий Александрович...

Капитан не ответил. Он ласково улыбнулся Зине и вернулся в лагерь. Девушка не решилась его сопровождать и еще долго бродила по лесу.

Ночью была получена шифровка из подпольного обкома. Лучков сообщал, что во вторник на станцию Драчевку прибывает из Берлина специальный поезд, в котором едет какой-то важный фашистский чиновник. В районе этой станции отмечено передвижение войск и техники. Партизанам поручалось разведать, что происходит в Драчевке, с какой целью приехал гость из Германии, и полученные сведения не позже субботы передать по радио в подпольный обком. Лучков запрашивал командира, как обстоят дела в отряде, не нужно ли чего? «Все в порядке, в помощи не нуждаемся!» — продиктовал Золотарев радисту. Тот молча застучал ключом.

Через час в землянке собрались командиры. Юрий Александрович рассказал о поставленной задаче и попросил каждого высказать свое мнение. Он внимательно выслушивал партизан, задавал обычные вопросы, вместе с Малышевым намечал на карте путь для разведчиков.

Внешне он был такой же, как всегда: спокойный, выдержанный, деловитый, и только начальник штаба, хорошо знавший его, заметил покрасневшие глаза и осунувшееся лицо командира...

Наступил вторник.

Бенкендорф вызвал в комендатуру Иванцова.

— Я вижу, ваш план не удался, как, впрочем, и все ваши гениальные планы! — насмешливо сказал он.

Следователь пожал плечами:

— По-видимому, произошла ошибка... Слухи не подтвердились.

— Что же вы теперь намерены с ними делать? — спросил майор. — Вы так широко разрекламировали предстоящую казнь, что просто неловко давать задний ход...

— Совершенно с вами согласен, господин комендант! — с готовностью согласился Иванцов.

— Но за что же наказывать эту женщину? Очевидно, она не прятала летчика, и ее муж вовсе не командир пар-

тизанского отряда! — Бенкендорф с любопытством смотрел на подчиненного. Ему было интересно, как полицай выйдет из положения.

— По-моему, это не имеет значения, — очень просто и спокойно ответил Иванцов. — Раз казнь объявлена, она должна состояться!

Такой ответ был неожиданным даже для коменданта. Он внимательно посмотрел на плоское, словно приглаженное утюгом лицо следователя и вдруг понял, что этот русский, не задумываясь, предаст кого угодно и убьет любого, кто станет ему поперек дороги, даже если это будет сам фон Бенкендорф.

— Хорошо. Ступайте! — сказал майор, отворачиваясь. Весь день он не мог избавиться от чувства омерзения. У него было такое ощущение, будто он по шею окунулся в грязь.

Софья Аркадьевна Золотарева и Борис были казнены на любимовской площади в шесть часов вечера двадцать четвертого апреля тысяча девятьсот сорок второго года.

Немного людей присутствовало при их последних минутах.

Это были полицаи, немцы и десять или пятнадцать жителей, которых удалось выловить на улице и под конвоем привести на площадь. Среди них был и Алеша. Его подтолкнули к самой виселице, и он видел все с начала до конца. Он видел, как Софья Аркадьевна и оборванный, окровавленный лейтенант долгим, нежным взглядом посмотрели друг на друга и молча обнялись. Потом Борис кивнул матери и сам подошел к виселице. Федька накинул петлю ему на шею и вышиб из-под ног табурет. Алеша отвернулся. Его душили слезы. Полицаи стояли рядом с виселицей, курили и вполголоса разговаривали о чем-то, не обращая внимания на Софью Аркадьевну, которая, не отрываясь, смотрела на тело сына, словно желая навеки вобрать в себя его образ. Потом Бориса сняли, бросили в деревянный ящик, а Софью Аркадьевну подхватили под руки и подвели к освободившейся виселице... Когда все было кончено, полицаи разогнали плачущих, оцепеневших от ужаса людей.

Алешка вернулся в сарай и лег. Ему казалось, что нужно что-то делать, сейчас же, немедленно!.. Но он понимал, что сделать ничего нельзя. Ему было страшно. Он до последней секунды надеялся, что произойдет чудо,

откуда-нибудь из переулка вырвутся партизаны и спасут жену и сына командира. Но этого не произошло. Алеша знал, что Зина вовремя прибежала в отряд. Почему же Золотарев не поспешил на выручку? Почему?

Он вспомнил спокойные глаза командира, его твердый голос, суровые морщинки на лбу и понял, что Золотарев не мог поступить иначе, потому что партия поручила ему большое дело, и для партии он был готов отдать всю свою кровь до последней капли и вынести любые муки... И Алешка, лежа на соломе в холодном сарае, наедине с собой и со своей совестью торжественно поклялся, что будет таким же, как капитан Золотарев. Таким же стойким, преданным Родине и беспощадным к врагу!..

ТРИДЦАТАЯ ГЛАВА

Машина полковника Шейнбруннера была на мосту обстреляна. Пули пробили переднее стекло, ранили шофера и задели фуражку полковника. Мотоциклисты, сопровождавшие машину, рассыпались по лесу, заглянули под мост, но никого не нашли. Стрелявшие словно сквозь землю провалились. Полковник сам сел за руль, и вскоре изрядно помятый «опель-адмирал» остановился на площади возле комендатуры.

Фон Бенкендорф, к своему несчастью, был на заводе, и Шейнбруннера встретил застегнутый на все пуговицы, причесанный и подтянутый лейтенант Гребер. Предупредительно распахивая перед Шейнбруннером двери, он проводил того в отведенные ему покои и через несколько минут — столько времени потребовалось полковнику для того, чтобы снять запыленный плащ и облачиться в шелковый стеганый халат, — тихо и вкрадчиво постучал в дверь. Получив разрешение, Гребер скользящими, кошачьими шагами приблизился к полковнику и протянул толстую тетрадь в картонной обложке. С некоторым удивлением взглянув на чисто выбритого лейтенанта, Шейнбруннер взял тетрадь и, держа ее немного на отлете — он страдал дальнозоркостью, — стал рассматривать. Перелистав несколько страниц, он извлек из футляра очки в

узкой золотой оправе, и скучающее выражение сползло с его лица.

Гребер стоял, вытянув руки по швам, почти не дыша, чтобы не отвлекать полковника, но его серые холодные глаза жадно следили за тем, какое впечатление производит на Шейнбруннера чтение. Полковник закрыл тетрадь, нахмурился и отрывисто сказал:

— Обо всем, что изложено здесь, напишите рапорт, господин лейтенант! — Гребер молчал и не шевелился. Исподлобья взглянув на него, Шейнбруннер прибавил: — Вы хорошо служите фюреру!

Но лейтенант по-прежнему не двигался. Только еще больше вытянул жилистую шею и не отрывал покорного взгляда от полковника. Шейнбруннер недоуменно поднял брови, но через секунду, поняв, в чем дело, кивнул:

— Хорошо, Гребер! Если все, о чем здесь написано, правда, я доложу о вас в Берлин. Вероятно, вам будет предоставлена возможность вернуться к прежней деятельности! Ступайте!

Когда за лейтенантом закрылась дверь, Шейнбруннер брезгливо поморщился, но тут же его лицо стало гневным. Вошедший через полчаса майор Бенкендорф застыл на пороге, не решаясь заговорить. Впервые он видел шефа в таком бешенстве. Полковник косо взглянул на коменданта и сдавленным голосом предложил подойти ближе. Чувствуя, что разразится гроза, Бенкендорф втянул голову в плечи. «Здесь, разумеется, побывал грязный пес Гребер! — лихорадочно мелькали мысли. — Что он наговорил?» Лицо полковника окаменело. Он прищурил глаза и стал похож на старого хищного филина, притворившегося сонным для того, чтобы вернее захватить добычу.

Худшие опасения Бенкендорфа подтвердились. Шейнбруннер не повышал голоса и не угрожал, но его вежливый, ледяной тон бросил майора в дрожь.

— Имеются сведения, — сказал полковник, — что господин комендант проводит в этом русском городе некую собственную политику. Он, Шейнбруннер, не берет на себя смелость обсуждать или критиковать те, без сомнения, интересные опыты, которые осуществляет господин майор, ибо он, Шейнбруннер, не получил столь блестящего образования, как Бенкендорф, он обыкновенный, грубый солдат! Однако вынужден заметить, что дейст-

вия господина коменданта уже привели к весьма нежелательным результатам. Город буквально наводнен партизанами и коммунистами. Совершаются диверсионные и террористические акты. Не кажется ли господину майору, что он излишне либерален? Шейнбруннер не станет сейчас упоминать о том, что Бенкендорф родился в России. Он надеется, что это обстоятельство не имеет отношения к предмету разговора. Но, может быть, он заблуждается? Может быть, майор германской армии и немец по происхождению, фон Бенкендорф в глубине души сочувствует русским?

Майор выскочил за дверь как ошпаренный. Его трясло от возмущения и страха. Проклятая свинья Гребер! За эту пакость он жестоко поплатится! Бенкендорф позаботится об этом! Добравшись до своей комнаты, он трясущимися руками открыл чемодан, достал бутылку коньяка и опорожнил два полных металлических стаканчика. Он не мог без отвращения вспоминать зловещий голос полковника. «Толстый, жирный боров! Неотесанный солдафон!» Немного успокоившись, Бенкендорф попытался трезво обдумать положение. Что и говорить, оно не из приятных. В Любимове действительно имеются злоумышленники, связанные с партизанами. Но фон Бенкендорф уничтожит их всех до единого, даже если придется перестрелять каждого десятого жителя в паршивом городишке!

Он был полон решимости!..

Иванцову, вызванному к коменданту, пришлось пережить несколько неприятных минут! Майор устроил такой жестокий разнос, что у старшего следователя от страха отнялся язык.

— Я с вами больше не намерен нянчиться! — подражая Шейнбруннеру, тихо и зловеще произнес Бенкендорф. — В городе существует подпольная большевистская организация! Вы должны ее найти! Отныне за каждый подожженный или взорванный склад, за убитого германского солдата вы отвечаете собственной головой! Берегитесь, Иванцов! Боюсь, что вы поедете в Германию не на экскурсию, как я когда-то обещал вам, а в концентрационный лагерь! Вы поняли?

— Так точно, понял, господин майор! — ответил старший следователь. — В ближайшие дни город будет очищен! Разрешите идти?

— Ступайте! — Фон Бенкендорф отвернулся. Но ко-

гда Иванцов вышел, майор приподнял штору и проводил его взглядом. В немецкой офицерской форме без погон, в блестящем плаще и высоких сапогах следователь шагал через площадь, разбрызгивая лужи. Его высокая худая фигура скрылась в переулке. Комендант опустил штору и закурил. «Или я ничего не понимаю в людях, или на этого русского можно положиться!» — успокоенно подумал он.

А Иванцов был растерян. Он хорошо знал, что в городе действует какая-то подпольная организация, догадался еще в тот день, когда полицейские принесли знамя и тол, найденные в подвале. Но Иванцов не доложил тогда о находке Бенкендорфу. Он приказал полицаям помалкивать, а знамя сорвал с древка, скомкал и запихнул в ящик письменного стола. Не надеясь обнаружить подпольщиков, он не хотел, чтобы о них стало известно в комендатуре. К чему было навлекать на себя лишние неприятности? Но положение изменилось. Теперь нужно действовать быстро и решительно, иначе не сносить головы!

Подойдя к двухэтажному, выкрашенному желтой краской дому, где помещалась полиция, Иванцов остановился, поправил плащ, придал себе обычный, уверенный и властный вид и только тогда взбежал на крыльцо мимо вскочившего полицейского часового, взявшего под козырек.

Внешне он был спокоен, но на сердце кошки скребли. Авторитет повис на волоске! Дорошев не любит его и, конечно, постарается напакостить при первом удобном случае. Сейчас начальник полиции побаивается Иванцова, уверенный, что старшему следователю покровительствует Бенкендорф. Но если он поймет, что Иванцов попал в немилость, будет плохо! В этой стае волков, вырывающих друг у друга кость, нужно быть хищником, если не хочешь стать добычей!..

Проходя мимо полуоткрытой двери, следователь услышал испуганный женский голос и остановился.

В полутемной комнате, где не было мебели, кроме стола и жесткой, засаленной кушетки, стоял старший полицейский Федька Козлов в расстегнутом френче, из-под которого виднелась грязная нижняя рубашка, и бесцеремонно разглядывал молоденькую девушку лет шестнадцати в коротком ситцевом платьице. Девушка, прижав к груди тонкие руки, пыталась в чем-то убедить полицей-

ского. Слабый детский голосок срывался. Но Козлов ее грубо оборвал:

— Хватит болтать! Кто поверит, что ты не знала! Был приказ господина коменданта: из города без пропуска не выходить! Ты к партизанам шла, сознавайся!

— Что вы, дяденька! —испугалась девушка. — Какие партизаны! Я о них не слыхала! Да я и не в Любимове живу-то. Юрьевская я, из деревни Юрьево. На базар ходила за керосином. Вы же сами видели керосин! Отпустите меня, дяденька!

— Какой я тебе дяденька! — рявкнул Козлов. — За связь с партизанами плетей схватишь! Раздевайся! Да не смотри на меня, выпучив глаза. Для первого раза шкуру не спущу, не бойся! А еще попадешься, в гестапо отправлю, там с тобой не так поговорят!

— Дяденька, миленький! — заплакала девушка. — Пожалейте меня, не бейте!

— Может, и пожалею! — загадочно прищурился Козлов. — Эй, кто там стоит? Закрой дверь!..

Иванцов, усмехнувшись, отошел. Он привык к таким сценам. Каждый полицейский вел себя в соответствии со своими наклонностями. Если Козлов интересовался девочками, то Дорошев буквально трясся при виде золотой безделушки. Заметив во рту у арестованного золотые зубы, он доставал клещи, полицаи валили человека на пол, и Дорошев овладевал окровавленным кусочком металла.

Иванцов не осуждал полицейских, безобразничавших и издевавшихся над людьми, но и не подражал им. Он считал, что Дорошев и Козлов неизмеримо ниже его. Они подонки. Они сами сознают, что являются обыкновенными бандитами и убийцами, а он, Иванцов, добросовестный немецкий чиновник!.. Он служит немцам из принципиальных соображений!.. Но, разумеется, принципы здесь были ни при чем! Просто-напросто Иванцов, хорошо зная, что власть бандитов и воров никогда не бывает длительной и прочной, бессознательно стремился придать своим действиям видимость законности. Допрашивая арестованных, он не повышал голоса, аккуратно записывал показания в протокол, хотя никому этот протокол не был нужен, обычно не избивал людей, как делали другие полицаи, а предпочитал посадить в камеру и несколько дней кормить соленой рыбой, не давая ни капли воды — словом, был не бандитом, а утонченным цивилизованным садистом. Он,

пожалуй, счел бы себя оскорбленным, услышав, что ничем не отличается от Козлова!..

— Вас ждут! — сказал Иванцову дежурный полицейский.

Со скамьи в коридоре поднялся щуплый сутулый мужичок. Старший следователь отпер дверь и впустил посетителя в кабинет.

Мужику было лет пятьдесят. Он был одет в рваный домотканый зипун. На ногах желтели новенькие лапти. Лицо посетителя поражало полным отсутствием мысли. Оно напоминало маску. Широко открытые, светлые, неопределенного цвета глаза смотрели прямо перед собой, как у слепца. Жиденькая седая бородка торчала, словно приклеенная. Крупный красноватый нос отчасти оживлял эту безжизненную физиономию. Мужичок произвел на Дмитрия впечатление дурачка, но как только заговорил, Иванцов насторожился и через минуту понял, что рваный зипун, лапти, грязная рубаха и моргающие бессмысленные глаза — это маскарад. Перед ним хитрый, расчетливый человек, хорошо знающий, куда пришел и с кем разговаривает.

— Так что староста я! — сказал посетитель, осторожно кашлянув в кулак. — Антюхин, стало быть, моя фамилия, Василием Спиридоновичем кличут. Вот прибыл к вашей милости из деревни Юрьевки с жалобой. Партизаны покоя не дают! Приходят, почитай, каждый день, то муку им подавай, то лошадей, то хлеба печеного. Позволь, говорю, милый человек, разве на вашу ораву напасешься? И потом, какое вы имеете полное право грабить мирного крестьянина? Грозятся! Ежели, отвечают, не дашь чего просим, мы тебя сей минут повесим, как ты есть немецкий лакей! У меня, господин хороший, две коровенки да мельница, законным властям, германским то есть, я не отказываю, даю что положено. А тут такое дело. Извините, конечно, за беспокойство. Может, чего не так сказал, мы люди необразованные!..

— Ты, Антюхин, брось придуриваться! Не в райком пришел! — усмехнулся Иванцов и развалился в кресле. — Говори толком, какие партизаны, откуда?

Староста опустил глаза, помолчал. Потом, вздохнув, надел шапку, сел на табуретку и деловито, чистым и правильным русским языком, заговорил:

— Что ж, господин старший следователь, можно и

толком! Трое их. Один постарше, а двое совсем сосунки. Где у них отряд находится, я не знаю, а приходят из леса. Мне, господин следователь, хитрить ни к чему, сами понимаете, хозяйство страдает, да и среди сельчан авторитета никакого нету! Чуть кому слово погромче скажешь, сейчас же слышишь в ответ: берегись, дескать, Спиридоныч, партизанам пожалуемся, они с тебя спесь собьют! Помогите, господин начальник, избавьте от этих голодранцев, чтобы в другой раз дорогу в село забыли, и я в долгу не останусь. Найду чем угостить вашу милость. Только, конечно, покорно прошу так все сделать, чтоб на меня подозрений не было. Иначе свои же колхозники пристукнут, и концов не отыщешь!..

Староста умолк, вынул из рваных штанов сложенный вчетверо чистый носовой платок и медленно, аккуратно вытер вспотевший желтоватый лоб.

Иванцов встал и стал ходить по комнате. Антюхин, не двигаясь, следил за ним острым взглядом из-под седых насупленных бровей.

У следователя был приступ слепой, темной ярости. Проныра-жулик явился сюда за защитой! Как будто он, Иванцов, может и в силах кого-нибудь защитить от партизан! Он сам каждый вечер по дороге домой или к Лиде крадется, точно дикий зверь, озираясь по сторонам и дрожа от ужаса! «Ступай вон! — хотелось крикнуть Дмитрию. — Я не желаю слышать о партизанах!» Он повернулся к старосте, но тут подумал, что, пожалуй, это хороший случай отомстить за свои страхи! И кстати умилостивить фон Бенкендорфа, доказав, что полиция не спит. Полиция стоит на страже немецкого порядка!

— Когда они должны прийти? — спросил Иванцов.

— Завтра на рассвете! — быстро ответил Антюхин, точно ждал этого вопроса.

— Хорошо! Ступай! Посиди в коридоре. Поедешь с нами!..

Он позвонил Козлову. Тот долго не подходил к телефону. Но следователь знал, чем занят Федька, и поэтому терпеливо ждал. Наконец тот отозвался. Голос у Козлова был хриплый, точно он только что проснулся. Иванцов сухо назвал себя и велел через полчаса быть готовым. Они поедут за город.

Иванцов надел плащ и отправился домой. К Лиде не пошел, боясь, что та снова станет расспрашивать, а

врать становилось с каждым днем труднее. Он не мог выдержать ее прямого, недоумевающего и строгого взгляда.

Иванцов любил Лиду. Он очень сильно и страстно любил, по крайней мере так ему казалось. Когда видел девушку, на сердце становилось теплее. Часто хотелось прижаться головой к ее груди и замереть, забыть обо всем!.. Но вместо этого Иванцов ругал Лиду, требовал, чтобы ничем не интересовалась, не вмешивалась в его дела! Больше всего угнетала бесперспективность их отношений. Он понимал, что его любовь краденая. Когда Лида узнает все, она его возненавидит! И старался оттянуть этот страшный час, сознавая, что без Лиды будет совсем плохо! Спасая себя от разоблачения, он стал реже приходить к ней, ночевал в полиции или у тетки.

Открыв дверь, Таисия Филимоновна окинула племянника мрачным взглядом, который обжег его, как огонь, и, не поздоровавшись, ушла. Щелкнул замок. Иванцов нахмурился. Он в последнее время стал замечать, что тетка буквально видеть его не может. Она не отвечает на вопросы, отворачивается, когда он проходит мимо. Узкие губы всегда стиснуты, что является признаком сильнейшего раздражения. Иванцов однажды принес огромный кусок мяса и две банки немецких консервов. Таисия Филимоновна повела себя очень странно. Ткнула пальцем в окорок и грубо спросила:

— Ты что мне даешь? Хочешь, чтобы я вместе с тобой падалью питалась?

— Какая падаль, тетушка? — засмеялся Иванцов, думая, что она шутит. — Свежее коровье мясо! Пальчики оближете!

— Коровье? — закричала она. — Скажи лучше, человечье! — и, швырнув на пол консервы, ушла. Следователь пожал плечами, приписав непонятную вспышку ее дурному характеру, но теперь, угрюмо проводив тетку взглядом, задумался. Тут что-то неладно! Придется поговорить с ней начистоту.

Переодевшись в штатский костюм, привычно сунув в задний карман один пистолет и за пояс второй, Иванцов постучал в дверь спальни. Таисия Филимоновна не откликнулась.

— Откройте, тетушка! — негромко, но угрожающе попросил племянник. — Откройте сами, не то дверь сломаю. Хуже будет!

Щелкнула задвижка. Таисия Филимоновна, подбоченившись, стояла на пороге. Ее сильно поседевшие волосы торчали на затылке жидким пучком. Измятое желтое лицо с нездоровыми синяками под глазами было злым и немного испуганным. Она не пускала его в комнату, загораживая дверь.

— В чем дело?

— Вы чего это зубы-то стиснули? Того и гляди в меня вцепитесь? — спросил Иванцов.

— Не вцепилась бы я в тебя, мерзавца, а своей рукой убила, как бешеную собаку, если бы силы были! — внезапно с яростью ответила она и, покраснев, отступила в глубь комнаты. Она пыталась сдержать себя, но у нее вырвалось: — Негодяй этакий! Как тебя земля-то носит? Мне, старухе, на улицу выйти нельзя! Словно от прокаженной шарахаются! Ты сам-то понимаешь, какую судьбу себе выбрал? Дурак! Думаешь весь век немцам прослужить? Да ведь выгонят их отсюда, выгонят, наши вернутся, куда ты тогда денешься? На виселицу?

— Погодите, тетя! — пробормотал ошеломленный Иванцов.

— Тетя? — переспросила Таисия Филимоновна. — Нет уж, племянничек, была у тебя тетя, да вся вышла!

Она еще больше покраснела, и слезы вдруг хлынули из глаз.

— Уходи отсюда, уходи, душегуб проклятый! Плохо я жила до войны, сама знаю, не по-людски! Тряслась над вещами да над тряпками, как собака! Большая моя вина, хорошему я тебя не умела выучить. Каюсь! Но палачом-то когда же ты стал? Видит бог всемогущий, не виновна я, не виновна! Не хотела того, даже в мыслях не держала. Да лучше бы убила тебя, задушила, пока в коротких штанах ходил! — У Таисии Филимоновны не хватило дыхания. Она захлебнулась, но справилась с волнением и твердо закончила: — Короче говоря, была я дурой, а теперь поумнела. Собирай свои монатки, и чтобы духу твоего здесь не было! Слышишь?

Она хотела захлопнуть дверь, но Иванцов быстро просунул ногу в щель, схватил женщину за руку и отшвырнул в комнату. Вскрикнув, та упала на пол.

— Гоните, тетушка? — тихо и зловеще спросил он, поглаживая брови кончиками пальцев. — Ладно. Терпел я вас из уважения к вашей старости, но довольно! Да и

тесновато мне стало в каморке! Пора просторней жить. Ведь я, тетушка, человек занятый, ответственный. Власть имею большую! К лицу ли мне в каморке помещаться, сами посудите? Ко мне ведь гости важные прийти могут. Например, господин комендант фон Бенкендорф! Или начальник тайной полиции оберштурмфюрер Герштед! Вы в этом доме, тетушка, человек лишний. Пожили и хватит, пора честь знать!

Он говорил спокойно, даже ласково, но потом не сдержался, бешенство прорвалось. Подскочил к Таисии Филимоновне и ударил по лицу. Кулак был тяжелый, тетка ахнула, ее губы окрасились кровью. Распахнув окно, Иванцов стал швырять на улицу вещи. Выбросил платье, пальто, принялся за посуду. Мостовая покрылась черепками.

— Все? — прошипел Иванцов и визгливо крикнул: — Ну?! Долго вас ждать?

— Иду, иду! — спокойно ответила Таисия Филимоновна, с трудом поднимаясь. Она направилась к двери и на пороге обернулась: — Как не уйти! У тебя же пистолет есть, убить можешь, рука-то не дрогнет!

Оставшись один, Иванцов сел за стол и положил голову на руки. В висках у него стучали горячие молоточки. Тук-тук-тук! Жгли мозг. Перед глазами вспыхивали синие искры. Он налил в стакан воду из кувшина, жадно выпил. «Это к лучшему в конце концов! Старуха спятила!» Но вместо удовлетворения в душе было отчаяние. И почему-то страх. Но откуда страх? Чего бояться? Уж не глупую ли старуху? И внезапно всплыла фраза: «Наши вернутся, куда ты тогда денешься?»

Иванцову ни разу не приходило в голову, что Красная Армия может вернуться. Он был уверен в том, что немцы победят. Потому-то и служил им! Неужели ошибся? Нет, не может быть! Скоро германская армия вступит в Москву, война окончится. И он, Иванцов, вместе с Бенкендорфом будет править городом. Перед ним откроются все дороги. Он поедет в Германию! Станет богат, независим, люди окружат его, как муравьи, выпрашивая кусок пожирнее. Нужно забыть дурацкую фразу! Забыть, забыть!.. Но она почему-то не забывалась. «Куда ты тогда? На виселицу?!»

Стукнув кулаком по столу, следователь вскочил. Проклятая баба! Жалко, что она его тетка! Показал бы он ей Красную Армию! Ну да ничего, побродит по городу, попадется пару раз немецким патрулям, вернется! Тогда уж запляшет по-другому. Ноги будет племяннику мыть да юшку пить. Не раз пожалеет о своих словах!

...Староста по-прежнему сидел в коридоре. Увидев старшего следователя, вскочил, стащил с лысой головы рваную шапку.

— Пошли! — буркнул Иванцов.

Час был поздний, полицейские разошлись по городу. Во дворе стояла лошадь, запряженная в телегу, на которой темнел высокий ворох сена.

Козлов ждал на крыльце. На нем тоже была штатская одежда, а из-под ватной куртки высовывался приклад немецкого автоматического пистолета.

— За дорогой они, дьяволы, наверно, следят! — сказал Антюхин. — Коли дознаются, что в деревню полицейские поехали, не придут! И ждать нечего!

— А мы в сено заберемся! — ответил Федька, подмигнув Иванцову. Тот с неудовольствием отвернулся. Не любил, когда с ним фамильярничали.

Староста забрал в руку вожжи. Со скрипом открылись ворота. Колеса загромыхали по булыжной мостовой. Пока ехали по городу, Иванцов и Козлов покуривали цигарки, озирались. А когда последние дома скрылись за бугром, легли на дно телеги, и Антюхин забросал их чуть влажным сеном. Сначала Иванцову было неловко, жесткое, колючее сено лезло в рот, щекотало вспотевшую шею. Потом согрелся и незаметно задремал. Староста неподвижно, как деревянный, застыл на краю телеги. Лошадь неторопливо цокала копытами по пыльной дороге. Ночь была теплая, звездная, тихая. И не верилось, что они ехали убивать людей!..

Небо побледнело, и звезды стали гаснуть, когда показалась деревня. Юрьевка спала. Бесформенными холмиками чернели дома, риги. Робко тявкала из подворотни собачонка, но, испуганно захлебнувшись, смолкла. Выехали на небольшую горку, и огромные черные крылья мельницы, раскинутые крестом, закрыли полнеба. Антюхин спрыгнул в мягкую пыль, отпер ворота, ввел лошадь во двор. Проснувшись, Иванцов протирал кулаками глаза и

нервно зевал. Скрипнула дверь, из дома вышла женщина в длинной белой рубахе. Староста что-то шепнул ей, она отпрягла и увела коня.

— Вон сарай! — тихо сказал Антюхин. — Ступайте туда. Я партизан в хату позову и вам знак подам. Так, что ли?

— Так, так! — буркнул следователь и нырнул в узкую дверь. Федька тотчас же, кряхтя, улегся на сено, сваленное в углу.

— Обалдел? — обозлился Иванцов, толкнув его сапогом. — Рассветает! Сейчас придут! Спать сюда приехал?

— Драться-то зачем? — обиделся Козлов, вставая. — Языка нет, что ли?

Они долго сидели возле полуоткрытой двери. Разгоралась заря. Крылья мельницы были уже освещены солнцем и пламенели, точно охваченные огнем, а двор тонул в синей тени. Было очень тихо. В сарае проснулись куры и негромко закудахтали. Пахло навозом и мокрой травой.

Федька вздрогнул и вытянул шею. Протяжно заскрипели ворота. Во двор, озираясь, вошли два мужика в стеганых куртках, подпоясанных немецкими ремнями с латунными пряжками, оба безусые, румяные, молодые. За плечами болтались пустые мешки. Они поднялись на крыльцо. Отдернулась занавеска, в окне показалось белое лицо Антюхина, он предложил гостям войти. Партизаны скрылись в хате. Староста закрыл за ними дверь и выразительно посмотрел на сарай.

— Пора! — возбужденно шепнул Козлов и достал автомат.

— Погоди! — остановил Иванцов. Он никак не мог унять дрожь. Тряслись руки и ноги, стучали зубы. Наконец кое-как справился с собой:

— К окнам ступай, чтоб не выпрыгнули. А в хате я сам справлюсь.

— Вот как! — сказал Федька и с уважением посмотрел на следователя. Он даже оживился оттого, что самую трудную и опасную часть дела Иванцов взял на себя. Козлов был уверен, что следователь его пошлет под пули, а сам останется в стороне, он заранее смирился с этим, потому что все начальники в полиции так поступали, в том числе и Федька, когда ему приходилось командовать. «Прет на рожон!» — подумал Козлов, уже не испытывая к Иванцову уважения и презирая его.

А Иванцов вовсе не так уж рвался в бой, как можно было подумать, взглянув на его решительное лицо. Он, напротив, отчаянно трусил. Никогда с ним этого не было. При любых обстоятельствах умел держать себя в руках. А сейчас совсем расклеился! Разговор с теткой так на него подействовал. Испугался, будто не два партизана ждали в хате, а сама советская власть! Ну, нет! Сила пока еще в его руках!

— Ступай, я справлюсь один! — сказал Иванцов.

Он вытащил из карманов пистолеты, спустил предохранители и дослал патроны в стволы. Перебежал двор и прыгнул на крыльцо. Толкнул ногой дверь.

Партизаны сидели на скамье, спиной к Иванцову, староста насыпал в мешок муку из деревянного ларя. Он поднял глаза, увидел следователя, но спокойно продолжал отмерять муку. Иванцов сделал еще шаг и оказался позади партизан. Скрипнула сухая половица. Один из гостей обернулся, встретился взглядом с полицейским. Его рука рванулась к карману. В ту же секунду Иванцов выстрелил. Он выстрелил одновременно из обоих пистолетов прямо в лицо партизану и в следующее мгновенье выпустил остальные пули в его товарища, который успел вскочить и что-то крикнуть. Комната окуталась едким дымом. Когда дым рассеялся, партизаны, разбросав руки, лежали на полу, а староста торопливо, дрожащими руками закрывал их сорванным с кровати лоскутным одеялом.

Иванцов спрятал пистолеты за пазуху.

— Все! — с ужасом поглядел Антюхин на залитые кровью скамью и пол. — Вымыть надо! Скорее! Я сейчас... Жену позову, — староста выскочил в коридор, но тут же вернулся и испуганно прошептал:

— Господин Иванцов, там еще один партизан!

Не успел он закрыть рот, как дверь открылась и вошел полный мужчина низкого роста, обросший черной щетиной. Увидев старосту и полицейского, он отступил, но сзади его схватил за плечи Козлов. Партизан не сопротивлялся. Федька ловко запустил руки к нему в карман и достал пистолет.

— Присаживайтесь, господин хороший! Добро пожаловать!

— Кто... вы? — утомленное лицо мужчины стало тоскливым, жалким, как у загнанного зверя.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

Жена Антюхина, рослая дебелая баба, на голову выше мужа, сверкая красными твердыми икрами ног, замыла кровавые пятна, постелила домотканую дорожку, накрыла стол скатертью и принесла запотевшую четверть самогона, тарелку со свежими огурцами и жирную селедку, нарезанную крупными ломтями и посыпанную зеленым луком. Антюхин сел во главе стола, под иконами, предварительно завесив их расшитым полотенцем.

— Нельзя! — солидно пояснил он. — Потому мертвые тела в комнате!

Козлов хотел ремнем скрутить руки партизану, но Иванцов, долго и пристально смотревший на задержанного, словно изучая его, рассеянно сказал:

— Постой, успеешь!

Он выпил стакан самогону, разжевал картофелину. Тут ему в голову пришла какая-то мысль. Он привстал и взглянул на Федьку. Но полицай был увлечен закуской.

— Это будет в точку! — вырвалось у Иванцова.

— Чего? — с трудом ворочая языком, спросил опьяневший Козлов, но Иванцов, отмахнувшись от него, обратился к арестованному:

— Садись за стол! Ну? Кому говорю?

Партизан привстал, но не решался подойти.

— За руки тебя тащить, что ли? — разозлился Иванцов. Он прикусил губы и спокойно, даже ласково продолжал: — Говорю садись! Выпей, закуси. Ты думаешь, если полицейские, значит звери? Нет, братец, мы ведь тоже сочувствие имеем к вашему брату...

Козлов отодвинул бутылку и с пьяным удивлением уставился на следователя. Не обращая на него внимания, Иванцов налил в стакан самогону, отрезал кусок колбасы и протянул арестованному:

— На-ка, подкрепись!

Партизан, поколебавшись, залпом выпил водку. Его щеки слегка порозовели. Жена Антюхина принесла в котелке щи, положила на стол покрытые лаком, новенькие деревянные ложки. Ели в полном молчании, истово. Партизан маленькими кусочками откусывал теплый, ароматный хлеб, опорожненную тарелку вытер коркой. Когда баба убрала со стола, староста достал бархатный кисет и

угостил всех зеленым самосадом, не обойдя и задержанного. Козлов, ухмыляясь, сказал:

— Значит, позавтракали! Чего молчишь, партизан?

— Спасибо за угощение! — несмело отозвался тот.

— Теперь и потолковать можно! — вытер платком вспотевшее лицо Иванцов. — Где твой отряд находится, я спрашивать не буду. Сам знаю. Я, братец, вообще о тебе все знаю. И фамилию и адрес. Живешь в Любимове на бывшей Красногвардейской, дом шесть? Так, что ли? Жинка у тебя симпатичная. Как звать, не припомню. И пацана твоего видел. Годик ему, кажется. Ну как? Правду я сказал или соврал?

— Правду! — опустил голову мужчина.

— То-то! Стало быть, нам разговаривать надо начистоту, без обмана! Ты мужик умный, самостоятельный. Не надоело тебе по лесам болтаться, гороховую баланду лаптем хлебать? Сам видишь, большевикам конец! Чего, спрашивается, зря рыпаться? Но это предисловие, а вот и деловой разговор!.. В Любимове какие-то подпольщики действуют. Связаны с вашим отрядом. Электростанцию взорвали, церковь сожгли, военнопленных в Платоновке освободили. Про них ничего не знаешь?

— Нет! — покачал головой арестованный. — Ей-богу, не знаю!

— Ладно! — кивнул Иванцов с таким видом, будто был вполне удовлетворен. — Тогда, значит, надевай шапку и ступай себе на все четыре стороны! Чего глаза выпучил! Иди, иди! Федька, отдай наган, а то ему от командира влетит.

Партизан встал, испуганно глядя то на Козлова, то на Иванцова. Федька нахлобучил ему на голову шапку, сунул в руку револьвер и подтолкнул к двери.

— Вы правду, ребята? — дрожащим голосом спросил мужчина. — Спасибо вам, ребята! Я же понимаю, служба подневольная, вы все-таки русские люди!..

— Русские, русские, а как же! — деловито подтвердил следователь, выводя его на крыльцо. — Ты уже пошел? Постой, я забыл сказать два слова!..

Партизан остановился, опустил голову. Лицо покрылось меловой бледностью.

— Ты что, испугался? — с деланным добродушием спросил Иванцов. — Я отпущу тебя, не бойся! Мое слово закон! Только ты должен узнать фамилии подпольщиков.

— Да как же? — испугался мужчина, но Иванцов повысил голос:

— Срок десять дней, понял? Если через десять дней не явишься ко мне в полицию, жену твою и мальчишку расстреляю! А партизанам дам знать, что ты вместе с нами водку хлестал , пока твои дружки мертвые лежали!.. Свои же тебя и пристрелят, как собаку! Сам видишь, деваться некуда. Узнавай и беги ко мне! Посажу для виду в тюрьму, продержу недельку, а потом дам две тысячи марок и отпущу! На работу устрою. Ну как? Согласен?

— Да! — выдавил мужчина. На потном лице резко обозначились морщины.

— Значит, ждать?

— Ждите! — партизан, сгорбившись, вышел за ворота.

— Обманет, сукин сын! — прошептал Федька.

— Что ты понимаешь? — пренебрежительно ответил Иванцов. — Эй, староста, запрягай коня! Убитых в Любимово повезем!

...Медленно ехали по сельской улице, а крестьяне стояли у ворот, выглядывали из окон. Тела были прикрыты лоскутным одеялом, но люди знали, какой груз лежит на телеге, и провожали старосту ненавидящими взглядами. Иванцов вздохнул свободнее лишь тогда, когда деревня осталась позади.

Под вечер добрались до города. Иванцов решил попышнее обставить возвращение. Он сам, лично, убил двух партизан, нужно было выжать все, что возможно, из этого обстоятельства! Фон Бенкендорф должен оценить «подвиг» старшего следователя! Не мешает и припугнуть жителей. Всю дорогу Иванцов обдумывал, куда девать трупы и как доложить майору о происшествии. Наконец придумал...

Остановились на базарной площади. Следователь приказал Козлову и Антюхину свалить трупы на мостовую и сверху прикрепить фанерную дощечку с надписью: «Партизаны!» А сам поспешил к Лиде. Почему именно к ней? Он не мог бы объяснить! Вдруг затосковал, замаялся, как к смертной казни приговоренный. Почувствовал: сделан еще один шаг на пути к неизбежному краху!.. Противная слабость охватила тело.

Подойдя к знакомому дому, увидел на крыльце Лиду с каким-то мужчиной. Подумал, что ошибся, но тут вы-

нырнула желтая ущербная луна, и Иванцов узнал девушку. Это была она — в белом халате — верно, только что пришла из госпиталя. Высокий человек в немецкой форме, схватив за плечи, пытался втолкнуть ее в дом. Лида с отчаянием оглядывалась, но не звала на помощь, понимая, очевидно, что в оккупированном городе никто не сможет ее выручить!

Донеслось:

— Пустите меня! Пустите!!

Немец что-то забормотал. Ему удалось вывернуть ей руку. Вскрикнув, Лида на мгновенье перестала сопротивляться. Воспользовавшись этим, фашист ногой распахнул дверь, втолкнул девушку в коридор. Иванцов бросился к нему, хотел остановить, но в страхе отступил. Дверь захлопнулась. Донесся пронзительный крик, затем все стихло.

Лейтенант Гребер!

Иванцов с первого дня испытывал перед ним безотчетный, животный ужас. Бывая в комендатуре, он старался не попадаться ему на глаза. Он чувствовал, что Гребер может в любую минуту убить, задушить и распять на кресте любого человека, русского или немца, женщину или ребенка. Такой не остановится ни перед чем, у него глаза профессионального убийцы и садиста. Иванцов давно заметил, что даже фон Бенкендорф побаивается Гребера.

Иванцов относился ко всем немцам как к существам, облеченным властью, и помыслить не мог о том, чтобы не подчиниться, например фон Бенкендорфу, не говоря уже о Гребере! По приказанию этого худощавого белобрысого лейтенанта с розовыми, как у белой крысы глазами, он готов был бежать сломя голову хоть к дьяволу в пасть!

И вот теперь Гребер там, в доме, наедине с Лидой, родной, любимой женщиной!

Картина, возникшая в воображении Иванцова, была такой страшной, что он громко застонал и прыгнул на крыльцо. За ничтожную долю секунды следователь успел подумать о том, что, становясь поперек дороги Греберу, сжигает за собой мосты. Карьера заканчивается. Неизвестно, останется ли он жив. Но эти мысли не остановили его! Иванцов не мог стоять и смотреть на темный притихший дом, в котором немец-садист издевался над Лидой! Он ворвался в коридор, на бегу доставая пистолет.

Платье на Лиде было разорвано. Обнажились плечи и грудь. Она загораживалась локтем, а Гребер, расставив ноги в желтых крагах, наотмашь хлестал ее ременным тяжелым кнутом по голове, рукам, животу. Губы девушки были разбиты, глаза заплыли. Она медленно сползала по стене на пол, а Гребер хлестал ее, хлестал, хлестал, и на его дегенеративном лице было написано дикое упоение...

Иванцов хлопнул дверью. Лейтенант обернулся и несколько секунд с удивлением разглядывал следователя, затем бешено прорычал:

— Вон!

— Отпустите девушку! — шагнул вперед Иванцов.

— Что-о? — рука Гребера скользнула к кобуре.

— Пожалуйста, оставьте ее! Господин лейтенант, я служу вам, не жалея сил! Я оказал много услуг германским властям. Это моя жена. Вы понимаете, господин лейтенант? Жена! — Иванцов говорил, с трудом составляя немецкие фразы, а сам не спускал глаз с длинных пальцев Гребера, подбиравшихся к пистолету. Они расстегнули медную застежку и быстро уцепились за черную рукоятку парабеллума.

Оборвав фразу на полуслове, Иванцов ударил лейтенанта ногой по руке. Пистолет провалился в кобуру. Гребер, перекосив лицо, кинулся на Дмитрия. Но тот без труда смял тщедушное тело в железных руках и швырнул на пол. Лейтенант попытался приподняться. Лида с ужасом смотрела на него, закрыв рукой распухшее, окровавленное лицо. Мосты были сожжены!.. Иванцов поднял пистолет и выстрелил Греберу в переносицу. Фашист опрокинулся на спину, дернул ногой, замер... Иванцов сел на диван и снял шапку. Тошнота подступила к горлу. Его вырвало.

Прошло много времени, может быть час. Иванцов очнулся оттого, что Лида коснулась плеча. Не понимая, он чужими глазами уставился на нее.

— Тебе нужно бежать! — прошептала девушка, прижимая его голову к груди. — Не теряй времени. Я сведу тебя к одному человеку... Он поможет добраться к партизанам!.. Здесь нельзя оставаться!

— К партизанам? — тупо переспросил Иванцов, и судорожная усмешка исказила его лицо. Он попытался что-то сказать, но запрокинул голову и принялся хохотать. Шея вытянулась, под кожей перекатывался острый кадык. Лида

с ужасом смотрела на него, а он хохотал не в силах остановиться. Из открытого рта вылетали несвязные фразы:

— К партизанам?.. Ха-ха-ха! Это вовремя!.. Очень вовремя! Именно там меня ждут!.. Ха-ха-ха!..

Наконец он всхлипнул и умолк. Лида робко прикоснулась к его мокрым слипшимся волосам:

— Успокойся!

— Я совершенно спокоен! — вскочил он и заметался по комнате, старательно обходя неподвижное тело Гребера и даже избегая смотреть на него, точно опасаясь, что от взгляда тот может воскреснуть. — Надо убрать труп! — шепотом произнес Иванцов и посмотрел на Лиду безумными глазами. Ей стало страшно.

— Да успокойся же! — взмолилась она.

Иванцов, закрыв лицо руками, остановился. Сознание понемногу возвращалось. Он поднял пистолет, спрятал в карман. Подошел к Греберу, нагнулся. Мундир лейтенанта был расстегнут. Из полевой сумки, валявшейся на полу, выглядывал лист бумаги. Иванцов вытащил, развернул.

Он уже несколько месяцев упорно изучал немецкий язык, сказав себе, что без знания этого языка не сможет добиться прочного успеха при «новом порядке». И теперь, хотя и с трудом, но все же разобрался в тексте.

Перед ним был рапорт лейтенанта Гребера, адресованный полковнику Шейнбруннеру. Гребер подробно перечислял все действия майора фон Бенкендорфа, которые, по его мнению, нанесли вред германской армии и обожаемому фюреру. Он ничего не забыл. Даже о предполагавшейся проповеди покойного отца Николая упомянул. Словом, это был самый настоящий донос.

Иванцов покосился на Лиду, смотревшую на него с недоумением, и мрачно усмехнулся. Кажется, он был спасен!

Спрятав в карман рапорт, он сказал:

— Ступай к себе и никуда не выходи!

Девушка хотела возразить, но Иванцов взвалил на плечо обвисшее тело Гребера с болтающимися, словно тряпичными, руками и потащил на улицу.

— Что ты делаешь, тебя же могут увидеть! — испугалась Лида.

Но Иванцов велел ей идти в комнату и захлопнул дверь.

— Не бойся за меня! — крикнул он.

На улице было темно. Пыхтя и отдуваясь, следователь вынес и свалил труп на тротуар, вытер пот и быстро привел себя в порядок. Из-за угла вышли солдаты-патрульные. Иванцов направился к ним. Искусно изобразив крайнюю степень волнения, он закричал по-немецки:

— Господа! Офицера убили! Скорее! Я следователь полиции Иванцов!..

Патрульные подняли труп. Иванцов семенил рядом.

В комендатуре их окружили солдаты. Появился начальник госпиталя Юнге в сопровождении фельдфебеля Мюкке. Гребера положили на носилки. Подъехала санитарная машина. «Неужели жив?» — в страхе подумал Иванцов, но успокоился, услышав распоряжение:

— В морг!

На лестнице показался фон Бенкендорф без фуражки, в расстегнутом мундире, с салфеткой в руке. По-видимому, его оторвали от ужина.

— Что здесь произошло?

— Убит лейтенант Гребер! — ответил Иванцов, пристально глядя на коменданта. В глазах у Бенкендорфа мелькнула радость, тотчас же сменившаяся негодованием.

— В городе убит немецкий офицер, и вы так спокойно об этом сообщаете! Ну, берегитесь, Иванцов! Вы были предупреждены!..

— Я только что вернулся из деревни Юрьевки, где ликвидировал партизанскую банду! — торжественно ответил Иванцов.

— Вот как! — помолчав, сказал фон Бенкендорф. — Ну, ступайте за мной!

Когда вошли в кабинет коменданта, следователь плотно закрыл дверь, подошел вплотную к столу и, глядя на Бенкендорфа, изумленного такой бесцеремонностью, многозначительно произнес:

— В кармане у лейтенанта я обнаружил документ, который должен вас заинтересовать!

Майор, нахмурившись, медленно развернул рапорт. Прочитав, гневно скомкал, но, взяв себя в руки, расправил и положил на стол. Иванцов очень хорошо понимал, что́ творится в его душе. Он не знает, известно ли полицаю содержание документа, а если да, то как себя теперь вести? Фон Бенкендорф поднял глаза:

— Вы знаете немецкий язык?

— Знаю! — ответил Иванцов. — Именно потому и поспешил к вам!

Молча изучали друг друга. Полицейский смело выдержал взгляд немца, чувствуя, что сейчас его жизнь поставлена на карту. Все зависит от того, что́ комендант думает об Иванцове. Считает ли его достойным сообщником или опасным свидетелем? Он ведь может просто избавиться от него, но может и довериться. «Ну, — мысленно поторопил Иванцов. — Вывези еще раз, проклятая судьба!»

— Гребер был настоящим солдатом! — напыщенно произнес фон Бенкендорф, пряча измятый документ в письменный стол. — Он был предан фюреру! Лейтенант ошибался, но ошибка была следствием его рвения. Вам ясно?

— Так точно, господин майор! — с готовностью ответил Иванцов.

— За наглое убийство германского офицера жители города будут наказаны! — повысил голос Бенкендорф и, приподнявшись, пристально посмотрел на Иванцова. — Господин оберштурмфюрер позаботится об этом! Как вы считаете, Иванцов? — вдруг спросил он. — Сможет ли тайная полиция разыскать убийцу? Недавно вы утверждали, что хорошо знаете обстановку!.. Отвечайте!

«Почему он так смотрит? — подумал Иванцов. — Неужели догадался?»

— Что касается меня, то я готов выполнить любой приказ господина Гердштеда! — осторожно ответил Иванцов. Бенкендорф не шевелился, он явно ждал другого ответа. И Иванцов, решившись, прибавил: — Мне кажется, убийство совершено подпольщиками, о которых я уже собираю агентурные сведения. В ближайшие десять дней мне будут известны их фамилии и адреса. Есть ли смысл тайной полиции заниматься этим делом? Лучше будет, господин майор, если вы поручите его мне!

Фон Бенкендорф долго обдумывал то, что сказал Иванцов, так долго, что следователя бросило в дрожь. «Неужели ошибся? — мелькнуло у него. — Неужели сам себе могилу вырыл?» Он уже начал посматривать на окно, решив в случае чего спастись бегством.

Прищурив холодные глаза, комендант тихо и угрожающе сказал:

— Вам не кажется, что вы вмешиваетесь не в свое дело?

Иванцов ответил не сразу. Фразу майора можно было понять по-разному. То ли ему не понравилось, что следователь осмеливается давать ему советы, то ли он намекает на убийство Гребера. Но Бенкендорф, кажется, в замешательстве. Вернее всего, догадался! И Иванцов так же тихо ответил:

— Вмешательство было вынужденным, господин комендант!

Майор, отвернувшись, принялся перелистывать папку. Худые длинные пальцы, обросшие рыжеватой шерстью, слегка вздрагивали. Поняв, что теперь они стали сообщниками, Иванцов облегченно вздохнул.

— Можете идти, Иванцов! — спокойно сказал комендант, не глядя на него. — О событиях в деревне Юрьевке напишите рапорт!

— Есть! — вытянул руки по швам ликующий следователь и, четко печатая шаги, удалился.

Когда дверь захлопнулась, фон Бенкендорф опустился в кресло и достал из ящика коньяк. Он жадно выпил один стаканчик, затем второй. Извлек из кармана пахнущий французскими духами тонкий носовой платок и тщательно вытер вспотевшее лицо.

...Прошло три дня. Это были страшные дни для жителей Любимова! Отряды полицейских и эсэсовцев рыскали по улицам, врывались в дома. Озверевшие гитлеровцы без разбора хватали стариков, женщин, детей. Раздевали донага, избивали до полусмерти, окровавленных, обнаженных гнали прикладами. Тюрьма была наполнена до отказа. Из открытых окон доносились стоны и вопли. Ночью арестованных по десять — двадцать человек грузили в закрытые фургоны. Никто из них больше не возвращался. Немцы заявили родственникам, плотной толпой окружившим тюрьму, что людей отправили в Германию. Но после освобождения Любимова возле реки был обнаружен глубокий ров. Там нашли останки ста сорока мужчин, женщин и детей. Так мстили оккупанты за убийство Гребера. Так жители города расплачивались за то, что старший следователь Иванцов получил повышение.

Да, его действительно повысили! После того как он подал рапорт Бенкендорфу о своем поведении в деревне

Юрьевке, комендант ходатайствовал перед высшими оккупационными властями о том, чтобы Иванцова за его особенно ценные заслуги наградили фашистским орденом — серебряным крестом с двумя мечами — и присвоили ему звание обер-лейтенанта германской армии. Майор так красноречиво описал достоинства Иванцова, что ходатайство удовлетворили. В Любимово был прислан офицерский патент и серебряный крест. В торжественной обстановке, в присутствии немецких солдат и полицейских, фон Бенкендорф приколол булавками к мундиру Иванцова расшитые серебром погоны и повесил на грудь орден.

С этого мгновенья старший следователь вознесся на недосягаемую высоту. Между ним и остальными полицейскими легла глубокая пропасть, через которую никто из них уже не мог перешагнуть. Иванцова приравняли к высшей расе! Из лакея он превратился в господина! Это был невиданный случай, чтобы русскому присвоили немецкое офицерское звание!

«У меня судьба необыкновенная, редкая!» — думал он и уже стал мечтать о поездке в Германию, о покупке собственной виллы. Майор обещал устроить такую поездку, если Иванцов раскроет подполье и уничтожит людей, помогающих партизанам. Новоявленный обер-лейтенант согласился на это условие. Он был уверен в том, что подпольщики доживают последние дни. Вскоре станут известны их фамилии и адреса. Тогда Иванцов докажет, что не зря ему присвоили офицерское звание. Он не сомневался в повиновении того партизана, которого отпустил...

У него даже походка стала другая. Он бессознательно подражал фон Бенкендорфу, тянулся вверх, держался неестественно прямо и при ходьбе почти не сгибал ног. К Лиде не заходил.

Теперь, когда положение так круто переменилось, Иванцов считал возможным открыться перед ней до конца. Она убедится в том, что Иванцов сделал в свое время правильный шаг! Разве не так? Вот он уже обер-лейтенант! И это лишь начало!

Иванцов готовился к предстоящему разговору. Были у него и другие заботы. Приближалось Первое мая. В этот день ожидались беспорядки. Иванцов заранее распределил обязанности между полицейскими. Одним приказал ночью патрулировать по городу, других обязал, переодевшись в

штатскую одежду, подслушивать разговоры жителей и арестовывать тех, кто отмечает праздник.

Дни тянулись медленно. Город притих. Наконец настало тридцатое апреля тысяча девятьсот сорок второго года.

ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

Тридцатого апреля, в субботу, в шесть часов утра Шура Хатимова и Алексей Шумов встретились под мостом и отправились вдоль берега реки к тому месту, где их ждали партизанские связные. Это место находилось теперь не в Сукремльском овраге, а гораздо ближе — около речной излучины, на небольшой лесной поляне. Часть партизанского отряда, выполняя приказ подпольного горкома партии, перебазировалась в окрестности Любимова, вплотную к городу, с тем, чтобы в случае надобности оказать поддержку наступающим советским войскам, которые должны были продвинуться в сторону Любимова в начале лета. Ходить за восемь километров в овраг теперь не было надобности. Решили встречаться на окраине, и не раз в неделю, как прежде, а через день. С полянки, где Шуру и Лешу ждали связные, были хорошо видны улицы Любимова и даже крохотные фигурки людей.

Юноша и девушка шли по берегу, не глядя друг на друга и не разговаривая. Леша сочувственно вздыхал, не решаясь нарушить молчание. Лишь вчера вечером ребята узнали, что у Хатимовых убили мать. Вернувшись из Платоновки, Антипов и Шура вошли в дом и увидели исхудавшую, непохожую на себя Тоню и незнакомую испуганную девушку, которая утешала ее. Ни оберста, ни адъютанта Шафера не оказалось. Они исчезли, забрав чемоданы.

Больше всего Тоню угнетало то, что она не знала и теперь уже не могла узнать, где похоронили маму! Соседи, которых она пыталась расспрашивать, все эти дни прятались по подвалам и ничего не видели. Девушка сидела на крыльце в расстегнутом пальто, с опухшим от слез лицом и, захлебываясь, твердила одни и те же слова:

— Мамочка, родная, хорошая, где ты? Мамочка, где ты?!

Шура, вскрикнув, бросилась к ней и прижалась к ее груди. Обнявшись, сестры долго плакали, а ребята окружили их, не зная, как помочь.

Теперь Шура шла вместе с Алешей для того, чтобы встретиться с Зиной. Сестра ведь ничего не знала.

Утро было погожее, хотя и прохладное. Но оттого, что солнце ярко светило, вода блестела, а небо опрокинулось над ними, точно хрустальная чаша, Шуре становилось еще тяжелее. Она не плакала, слез не было, только время от времени глубоко вздыхала. «Ну как я расскажу Зине? — с отчаянием думала Шура. — Какими словами?!» Она не оглядывалась, но знала, что ее друг идет сзади, не отставая ни на шаг, даже слышала его дыхание и была рада, что он здесь, близко. Как часто мечтала девушка о том, чтобы остаться с ним наедине, но когда это, наконец, произошло, горе заставило позабыть о любви...

Внезапно Шумов остановился. Шура услышала, как хрустнул сучок, и обернулась. В глубине пышного сада виднелся двухэтажный домик с причудливой шатровой крышей. Раньше здесь были заводские ясли, а сейчас жил какой-то немецкий полковник. Шура не узнавала Алешу. Лицо юноши выражало самое простодушное и искреннее восхищение. Последнее время он был озабочен и оттого казался старше, а теперь на секунду забылся и снова стал обыкновенным семнадцатилетним мальчишкой. Однако что он увидел в саду?

Шура заглянула в щель между досками. К крыльцу был привязан конь. Ах, что за конь! С тонкими ногами, прямыми, как стрелочки, ушами! Косился карим глазом на Шуру, беспокойно переступая маленькими копытами.

— Какая прелесть! — шепнул юноша. — Настоящий орловец! Ты на бабки, на бабки взгляни! Рысаку цены нет! И подумать только, возит какого-то вшивого фрица! Вот бы такого коня товарищу Золотареву! Ведь Юрий Александрович старый буденновец! Оценил бы подарочек!..

— Какой подарок! С ума сошел! — шепнула девушка, но Шумов вместо ответа подпрыгнул и ухватился руками за ограду.

— Уходи! — бросил он.

Но Шура не ушла. Спряталась в кустах. Беззвучно открылись ворота, появился Алешка, босой, без шапки, с расстрепанными волосами. Его глаза азартно блестели. Он сбросил сапоги, чтобы не шуметь, а кепку, очевидно, потерял в спешке. Осторожно и недоверчиво переступал ногами орловец. И несмотря на опасность, Шура невольно загляделась на коня. Это было действительно благородное и краси-

вое животное! На таком коне, наверно, разъезжал когда-то Тарас Бульба!

— Скорее! — задыхаясь, шепнул Алешка. — В доме кто-то есть! — Он подхватил Шуру на руки усадил позади седла, затем вдел ногу в стремя. Зажмурившись, Шура обняла его за пояс.

Как в калейдоскопе, мелькали деревья, небо, река. Вверх, вниз, вверх, вниз! Наконец конь пошел шагом. Их окружил лес. На ветках зеленела молодая листва.

Вот и полянка! Соскочив, Алешка осторожно поставил Шуру на землю. Конь нагнул голову и принялся подбирать мягкими губами влажную от росы траву.

— Фу-у! — сказала девушка, еле переводя дыхание. — Ты сумасшедший! У меня прямо руки и ноги отнялись от страха!

Леша ласково прикоснулся к Шуриной руке и вдруг с тем же восторженным, мальчишеским выражением, с каким любовался конем, горячо и страстно выпалил:

— Шурик! Ты даже не знаешь, кто ты для меня! Ты самый лучший, самый близкий друг, и нет никого дороже в целом свете!

— Алеша! — испугалась Шура. Он тотчас же безропотно отпустил ее руку и отчаянно продолжал:

— Вот у тебя горе, и мне тоже так плохо, так плохо, что даже сказать не могу! Я просто себе не представляю, как бы я жил, если бы тебя не было! Ты очень нужна мне, Шурик! Я, наверно, глупости говорю! Ты смеешься, да?

— Нет, что ты! — незнакомым, грудным голосом ответила Шура, и глаза ее наполнились слезами. — Я не смеюсь, Алешенька! Совсем ни капельки не смеюсь! Я... Ведь я тебя люблю! — Она ахнула и закрыла лицо руками. Эти слова вырвались нечаянно и испугали Шуру не меньше, чем Алешку. Больше они не успели прибавить ни слова. Зашелестели ветки, раздался радостный голос Зины:

— Вы уже здесь?

Раздвинув кусты, на поляну вслед за Зиной вышел пожилой мужчина, которого ни Леша, ни Шура не знали. Они вскочили, но Зина успокоила:

— Это наш партизан! Сегодня он связной вместо Посылкова. Афанасий Кузьмич на задание ушел. Ну, как вы тут живете? Шурка! Я тебя сто лет не видела!

Сестры обнялись. Алешка за руку поздоровался с партизаном. Тот осторожно опустил на траву мешок.

— Тол здесь! — посмотрел он на Алешу, которому на мгновенье стало неприятно: уж очень пристальный был у посыльного взгляд.

— Задание для вас есть! Но об этом потом расскажу! Дай на рысака твоего полюбоваться!

Он с видом знатока похлопал орловца по крупу и прищелкнул языком:

— Силен конь! Где ж ты такого отхватил?

Переглянувшись с Шурой, Алеша гордо ответил:

— Это вам!

— Мне?

— Ну, не вам лично, а товарищу Золотареву! — поправился Леша. — Фашист на нем ездил, теперь пусть командир отряда поездит! Скажите Юрию Александровичу, коня, мол, вам ребята дарят!

— Подарочек, значит! — Мужчина задумался. Но размышлял недолго. Он посмотрел на девушек и сердито сказал: — Вот что, дорогой товарищ, отвяжи этого чемпиона, и пускай идет на все четыре стороны!

— Что?

— То, что слышишь! — с досадой сказал партизан. — Я думал, вы серьезные люди, а оказывается, вот вы какие!

— Какие? — обиженно спросил Шумов.

— Легкомысленные! — отрезал партизан. — Орловский рысак ему понадобился! А то, что из-за него самого убить могли, да и всю организацию расколотить, об этом ты вспомнил? Чего молчишь?

Леша опустил голову, впервые подумав о том, как выглядит его поступок со стороны. Потупившись, он отвязал коня и все же не удержался, ласково погладил по морде и долго смотрел вслед. Ему было стыдно, но в то же время жалко, что чудесное животное, добытое с таким трудом, снова попадет к немцам!

Вернувшись на поляну, Шумов со вздохом сказал:

— Виноват, увлекся!.. Вы уж Золотареву, пожалуйста, ничего не говорите, ладно?

— Ладно, ладно! — ласково потрепал его по плечу партизан. — Садись-ка, потолкуем!

Он достал кисет, закурил и угостил Лешу, но тот отказался. Окутавшись дымом, мужчина продолжал:

— Завтра Первое мая! Готовы ли вы к встрече?

— Облава нам все спутала! — ответил Леша. — Я как раз хотел посоветоваться с товарищем Золотаревым.

— Советоваться уже некогда! — немного укоризненно возразил партизан. — Нужно действовать, времени-то осталось мало! В мешке, кроме тола, есть магнитные мины и листовки с последним сообщением Совинформбюро. Сумеете ли вы за ночь украсить дома красными флагами, заминировав их, чтобы немцы обожглись и не могли сорвать?

— Попробуем! — с загоревшимися глазами ответил Алешка, но, взглянув на строгое лицо мужчины, твердо прибавил: — Будет сделано!

— Вот так-то лучше! И листовки нужно расклеить. Справитесь? Достаточно у вас людей?

— Достаточно.

— Ну вот и все! — встал партизан и обратился к Зине: — Пойдем, товарищ Хатимова! Это что же, сестренка твоя, значит? И она в подпольщицах состоит?

— А как же! — сказала Зина. — У меня еще и вторая сестра есть, Тоня! И она на печи не отлеживается! Такая уж наша фамилия!

— Молодцы! — похлопал ее по плечу посыльный, снова пристально разглядывая Алешку.— Выходит, молодость геройству не помеха! Что ж, прощай, брат, вот не знаю, как зовут-то тебя. Очень рад, что познакомился!

— Алексей, — ответил Шумов. — А вас?

— Сергей. Что-то я тебя не припомню. Ты, наверно, не любимовский?

— Как же не любимовский! — по-прежнему улыбаясь, сказал Леша. — Родился здесь! Шумов моя фамилия!

— Семена Ивановича сынок! — горячо пожал Алешину руку партизан. — Да, твой отец может гордиться! Вот что значит наша, рабочая кость!

— До свиданья, ребята! — сказала Зина. — Мы торопимся. Желаем вам успеха!.. Леша, передай, пожалуйста, привет Тольке! Как он там себя чувствует?

— Вполне прилично! — ласково ответил Шумов. — Послезавтра я его самого сюда пришлю. Соскучилась, небось?

— Глупости! — покраснела Зина и обняла Шуру, которая так ничего и не успела ей сказать. — Прощай, Шурик! Поцелуй Тоню и мамочку!

— Ладно! — отвернулась девушка, украдкой смахнув слезу.

Наконец расстались.

Солнце стояло уже высоко, когда Алексей и Шура вернулись в город. Всю дорогу девушка молчала. Словно сговорившись, оба не упоминали о том разговоре, который был прерван появлением связных. Алеше было неловко, он избегал смотреть на подругу. Возле калитки Шура обернулась и грустно проговорила:

— Я не жалею, что промолчала! Лучше пусть Зина пока не знает, верно, Лешенька?.. Почему ты не отвечаешь?

— Что? — словно опомнившись, переспросил Шумов.

Он был встревожен, сам не зная отчего. Возникло ощущение, что допустил грубую, непростительную ошибку. Нахмурившись, юноша припоминал все сегодняшние поступки. Ну да, стащил этого коня!.. Нет, из-за коня не стоило бы волноваться! Ведь обошлось благополучно. Значит, было еще что-то? И вдруг в памяти всплыло чисто выбритое лицо незнакомого партизана. Очень не нравился Алешке этот человек! Он совсем не похож на спокойного, сдержанного Посылкова. Проявил странное любопытство! Хотел во что бы то ни стало узнать Алешину фамилию... И узнал! Шумов вздохнул. Ни в коем случае не следовало сообщать фамилию! Ведь, недаром Золотарев велел придумать условные клички!..

— О чем ты задумался? — спросила Шура и вдруг прибавила: — А симпатичный этот дядька, правда, Алешка?

— Какой дядька?

— Да партизан! Добродушный такой, но, видно, опытный! Выругал тебя за лошадь... А потом все-таки простил!

— Значит, он тебе понравился? — с надеждой спросил Леша, подумав: «Чепуха все! Золотарев не пришлет случайного человека!»

— Очень понравился! — ответила девушка. — Ты куда теперь, Лешенька? Может, зайдем к нам? У нас пока безопасно...

Мешок с минами и листовками спрятали за печку. Тоня сказала:

— Времени терять нельзя! Нужно поскорей кумача достать или простыней и приготовить флаги. Я схожу к знакомым девочкам. И к бабушке твоей, Леша, ладно? У нее наверняка найдется простыня!

Тоня не могла оставаться без дела. Стоило на секунду опустить руки, как глаза наполнялись слезами. Когда утомляла себя работой, немного затихала боль утраты...

— Ступай! — кивнул Алексей. — Только будь осторожна, не попадись тому полицаю, который в облаве участвовал! Если он тебя узнает, будет плохо... И еще, Тоня, раз уж ты идешь, разыщи Тольку и Женьку. Они мне нужны.

Вечером в доме Хатимовых собрались комсомольцы. Закипела работа. Девушки гладили влажные, еще не просохшие простыни, которые удалось выкрасить в красный цвет, приготовив краску из разных растений и луковой шелухи, по рецепту бабушки. Елизавете Ивановне этот секрет был известен очень давно. Еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году, когда помогала Ивану Кондратьевичу готовиться к маевке, муж рассказал, как красить полотно для флагов... Ребята тоже не сидели без дела. Антипов укладывал листовки в тонкие, аккуратные пачки — по двадцать штук в каждую, а Женя и Алексей возились с минами. Настроение у ребят и девушек было торжественное. Время от времени Женя выходил на улицу и, возвращаясь, сообщал:

— Полицаев в городе — ужас сколько! На каждом углу торчат!

— Что ж! — отвечал Антипов, обматывая полотнище флага вокруг живота. — Тем хуже для них! Подорвутся они на моих минах, вот увидите!

В полночь все было готово. Ребята по одному выбрались из дома. Алексей, Женя и Толя должны были развесить по городу флаги, а девушкам поручили расклеить листовки. Тоня и Шура засунули пачки листовок за пазуху и стали толстыми и неуклюжими. Алешка с сомнением оглядел их и покачал головой:

— Ох, девочки, будьте, пожалуйста, осторожны! Вид у вас того... Подозрительный! Лучше бы взяли меньше, вернулись лишний раз!

— Ну, нет! — сердито ответила Тоня. — Вообще за меня не беспокойся!

Анатолий пробрался в центр города, но вскоре понял, что тут нечего даже думать развесить флаги. Немцы и полицейские дежурили у ворот, расхаживали по мостовой. Он попытался взглянуть на площадь, но вынужден был быстро юркнуть в проходной двор, так как едва не наткнулся на патрульных. Тогда Толя лег в густую траву, росшую под

забором, и задумался. Как быть? Ясно, что полицаи не уйдут до утра. Они тоже по-своему приготовились к празднику. Значит, отступить, ничего не сделав?

Но тут в голову Антипова пришла дерзкая мысль. Нужно прикрепить флаги на крышах полиции и комендатуры! Это решение, казавшееся легкомысленным, было совершенно правильным! Толя верно сообразил, что патрульным в голову не придет охранять такие здания, как полиция, к которой даже днем местные жители боятся близко подходить.

Обогнув переулками площадь, он очутился возле комендатуры. Каменная арка была разрушена, столетние дубы, украшавшие аллею, вырублены, чугунная ограда сломана.

Антипов поправил под телогрейкой тяжелый сверток с минами и пополз по безлюдному пустырю. Он полз очень долго, устал, вспотел, а дом, казалось, был все так же далеко. Толе вдруг вспомнилось, как он шел сюда летним теплым вечером двадцать первого июня прошлого года... Его тогда не приняли в комсомол из-за этого мерзавца Иванцова, который теперь расхаживает в фашистской форме. Как Анатолий был расстроен и подавлен!.. А теперь он ползет в здание, где помещался горком партии, чтобы водрузить на нем советский флаг...

Сняв сапоги, Анатолий по водосточной трубе взобрался на крышу и, стараясь не греметь железом, прикрепил знамя и мину к слуховому окну. Ветер тотчас же вырвал из рук полотнище, и оно взвилось кверху, словно хотело улететь. Древко напряглось и трепетало, как струна. Полюбовавшись знаменем, Антипов тем же путем спустился вниз и ползком выбрался на улицу. Но тут произошло несчастье.

Прежде чем скрыться в переулке, Толя еще раз оглянулся и подумал, что утром фашисты будут взбешены. А того, кто захочет сорвать флаг, ждет смерть! Вот это будет первомайская иллюминация!.. Он хотел уже нырнуть в проходной двор, но лицом к лицу столкнулся с полицейским. Тот был высок ростом, худощав. Немецкая шинель едва доставала до колен. На рукаве белела повязка.

— Куда? — схватил Толю за плечо полицай. Юноша вырвался, но на помощь к полицаю подоспела группа немецких солдат.

— Кто такой? — спросил полицай, осветив Толю электрическим фонарем. Зажмурившись, Антипов жалобно ответил:

— Я живу недалеко... Мамка у меня заболела, я к врачу бежал! Пустите меня, господа солдаты, плохо ей! Помереть может!..

— Какой врач, что ты врешь? — сердито спросил полицейский, а второй прибавил:

— Да что с ним разговаривать! В участок его, подлеца!

— Не надо, господа солдаты! Пожалейте, господа! — пронзительно закричал Антипов, но один из солдат ударил его кулаком в лицо, и Толя умолк.

— На дьявола он сдался, пешком его тащить через весь город! — выругался полицай, обращаясь к товарищу. — За углом обер-лейтенант Иванцов на машине, сбегай, может, довезет нас? Я обожду.

— Ладно! — ответил второй полицейский и скрылся.

Немцы еще раньше ушли, решив, очевидно, что им здесь делать нечего. Анатолий остался с полицаем один на один. Он подумал о побеге, но решил, что и пытаться не стоит. Этот длинноногий негодяй догонит в два счета, а то и пристрелит. Ишь, стоит, глаз не спускает с Антипова, автомат наставил прямо в грудь!.. «В конце концов, может, я еще выпутаюсь! — подумал Толя. — Что они обо мне знают? Ровным счетом ничего! Ну, вышел на улицу после комендантского часа, подумаешь! Изобьют, продержат пару суток, да и отпустят! Лишь бы мины не нашли! Правда, Иванцов может подгадить. Он, наверно, хорошо меня помнит!»

Вдруг над головой Антипова как будто пролетела огромная черная птица, из-за забора раздался отчаянный вопль:

— Беги, Толя!

Полицейский, вскрикнув, забарахтался, тщетно пытаясь выпутаться из широкого покрывала или одеяла, ловко наброшенного ему на голову. Толя не стал терять времени. Одним прыжком он перемахнул через забор.

Спрыгнув, Толя увидел плохо различимую в темноте тонкую, тщедушную фигуру. Горячая рука схватила его за плечо, послышался шепот:

— Скорее! Бежать не надо, прятаться надо! Улицу оцепят, все равно поймают, мы на чердаке пересидим, сроду не догадаться! Лезь за мной! Что ты на меня смотришь?

— Коля, цыган! — воскликнул Антипов, на секунду забыв о преследователях, но Николай зажал ему рот и подтолкнул к деревянной лестнице, прислоненной к крыше. Анатолий вскарабкался по ступеням, пролез в слуховое окно и подал руку цыгану, который ногой оттолкнул лестницу. Та бесшумно упала. Они спрятались вовремя; забор затрещал, послышался голос полицейского:

— Он сюда побежал!

Во двор ворвались солдаты. По земле забегали круглые пятна от карманных фонарей. Полицаи ругались и палили из винтовок.

— Я тебя давно увидел! — сказал цыган. — Думал, обознался, шел за тобой! А тут — полицай, собачья душа! Я во двор. Эх, одеяло жалко. Шибко жалко! Без него холодно, однако, мне будет!..

— Тише! — прижал палец к губам Толя, но не вытерпел и спросил: — Ты как сюда попал? И потом... Постой, постой! Что у тебя с глазом? Я тебя из-за этого сразу и не признал!

Коля вздохнул и потрогал левое веко, плотно прижатое к глазнице.

— Нет глаза, вытек! — вздохнув, ответил он. — Немец, сволочь, нагайкой выбил! Уже месяц прошел... Знаешь, как худо без глаза! Я сперва жить не хотел! Сальто делать нельзя, фокус не получается — жрать нечего, помирай, цыган!.. А потом ничего, привык.

— За что же он тебя? — сочувственно спросил Толя. — Вот гадина!

— А я у него сапоги стащил! — равнодушно объяснил Николай. — Хорошие сапоги были. Только жалко, голяшки короткие!.. Не русские какие-то! С ног сваливаются!.. Он отобрать хотел, а я рассердился, в речку кинул! Тут он меня и обжег!..

— Эх, цыган, цыган! — вздохнул Антипов. — И не обидно тебе даром жизнь тратить?

— Обидно! Шибко обидно! — жарким шепотом подхватил Коля. — Я часто тебя вспоминал! Жалел, что с тобой не пошел. Я ведь перед немцами не плясал, стыдился! Голодал, кусок хлеба выпрашивал! Ты сказал, я предатель. Какой я предатель? Я цыган! Но совесть у меня есть!.. Я много думал, даже плакал. Куда деваться? Стащил пистолет — стрелять не умею, так и бросил! Потом штык у одного немца с винтовки снял. Хотел его заре-

зать, жалко! Он спит, как можно сонного? Цыган крови боится... Совсем я, понимаешь, запутался. Как жить? Научи!

— Научу! — пообещал Антипов, ласково обнимая Колю за плечи. — Вот пойдем со мной, найдется для тебя работа! Вступишь в нашу подпольную организацию. Воевать будешь. А после войны мы тебя в школу определим! Идет?

— Идет! Обязательно идет!

— Но про воровство забудь, это я сразу тебя предупреждаю!

— Как можно, что ты! — обиделся цыган. — Я не преступник, я у немцев воровал, а русских не трогал!

Анатолий выглянул в окно. Двор был пуст. Где-то далеко слышались беспорядочные выстрелы.

— Пронесло! — облегченно сказал он. — Пошли!

— Куда? — спросил цыган, выбравшись на крышу. — Домой?

— Нет, не домой! Одно дело надо сделать!

— А-а, знаю, флаги вешать! — подмигнул Коля. — Я видел! У меня хоть и один глаз, но я все замечаю!

— Ну вот, значит, тебе и объяснять не нужно! — хлопнул его по плечу Антипов. Они, повиснув на руках, по очереди спрыгнули на землю, перелезли через забор. Тут Коля задержался. Несмотря на то, что Антипов стоял как на иголках и сердитым шепотом торопил, он, ползая на коленях, долго искал свое одеяло, но не нашел и был очень огорчен.

В окнах полиции сквозь шторы пробивался свет. Там не спали. Внезапно из открытой форточки раздался болезненный стон и замер, словно утонув в ночной тишине.

— Сволочи! — прошептал Антипов. — Издеваются над людьми! Подожди меня здесь, Никола! В случае чего свистни!

— Ладно! — дрожа от страха и возбуждения, ответил цыган и прижался к стене.

Анатолий действовал быстро и дерзко. Подполз к пожарной лестнице, взобрался на крышу, но дальше не полез, боясь, что железные листы загремят и полицаи всполошатся. Он прикрепил флаг прямо к карнизу, а мину привязал к древку проволокой и спрятал под лестницей, в том месте, где та опиралась на крышу. Спустившись, юноша выскользнул на улицу. Пробегая мимо подъезда,

он заметил приклеенный к дверям белый квадрат и узнал партизанскую листовку.

— Ай да девчата! — усмехнулся Толя. — Надо же, куда прилепили! Не иначе, Тоня действовала! Отчаянная!

Цыган схватил его за рукав:

— Я пока тебя ждал, много думал!

— О чем же ты думал? — спросил Антипов. — Ты, Колька, мне после расскажешь! Давай-ка ноги уносить!

— Подожди! — остановил Авдеев. — Слушай, что скажу! Люди, правда, там мучаются! Я сам слышал! Бьют их! А мы что же? Для нас, значит, праздник, а для них мука? Нехорошо, товарищ командир! Надо помочь!

— Ишь ты какой! — с уважением взглянул на Колю Антипов. — Гляди, что надумал! Но как же мы им поможем, чудак человек? Арестованные-то в подвале сидят. Там полицаи дежурят. Вот было бы нас человек десять, тогда другое дело!

— Зачем десять? — нетерпеливо перебил Авдеев. — Окна на пустырь выходят!

— Там решетки! — сказал Толя.

— А мы мину подложим!

— Мину? — переспросил Анатолий. — Это ты здорово сообразил! — пришлось ему согласиться.

— Конечно, здорово! Шибко здорово! — совсем по-детски обрадовался цыган. — Пойдем!

Обогнув здание, они увидели в каменной стене три узких окна, темнеющих на уровне земли. Толя лег на траву и наклонился. В лицо ударил тяжелый запах плесени и сырости. Он невольно отшатнулся, но заставил себя прижаться щекой к толстым решеткам. Через секунду Толя шепотом сказал, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте:

— Есть здесь кто-нибудь?

— Есть, есть! — послышался женский голос. Перед Антиповым из мрака возникло бледное лицо. Уцепившись за решетку, женщина прошептала:

— Битком нас тут набито! Дышать нечем! И на нарах лежим, и под нарами. Вечером похватали, в честь праздника! А ты кто же будешь, хлопчик?

Показался мужчина, чье лицо почти до бровей заросло черной щетиной:

— Здорово, браток! Из группы «Орла», что ли?

— А ты почем знаешь? — изумленно вырвалось у Толи.

— Кто про вас не знает! — ответил арестованный. — Слушай, друг, ты будь осторожнее, за дверью полицай ходит... Не влипни! А мою фамилию запомни. Павел Горелов. Электромонтером я работал на локомобильном. Сестре моей передай, в Платоновке она живет, что расстреляли меня полицаи!

— Как так расстреляли? — удивился Антипов. — Ты же живой!

— Утром расстреляют! — спокойно объяснил Павел. — Уже шесть дней под следствием нахожусь. Да нечего расследовать! Дело ясное, как пятак. Полез полицай к моей жинке на базаре, а я камнем его пристукнул! Теперь мне не жить!.. Запомни, Горелов моя фамилия!

— Вот что, Горелов! — сказал Анатолий, отмахнувшись от цыгана, который нетерпеливо дергал его за рукав. — Ничего я твоей сестре передавать не стану, ты сам передашь, что захочешь, а теперь меня послушай!.. Скажи всем, чтобы под нары залезли, мы сейчас мину поставим. Как рванет, вылезайте и разбегайтесь! Понял?

— Как не понять! — ответил Горелов и спрыгнул вниз. Из камеры послышался его голос. Он будил людей.

Антипов прикрепил к решетке последнюю мину. Прежде чем отбежать, нагнулся к окну:

— У вас все готово?

— Готово! — раздался шепот.

Толя отполз за угол, дернул за проволоку. В ту же секунду часть стены осветилась. Раздался взрыв. Посыпались камни. Со свистом пролетел кусок решетки и впился в землю рядом с цыганом. Тот вскочил и бросился наутек. Антипов последовал за ним.

Выбегая из переулка, он оглянулся и успел заметить маленькие человеческие фигурки, мелькавшие по пустырю... «Счастливого пути, Павел Горелов!» — прошептал Толя, догоняя Авдеева, юркнувшего в проходной двор. Они еще долго прыгали по огородам и пролезали в подворотни, пока не очутились возле реки. Здесь остановились и стали прислушиваться. В городе раздавались свистки. Полицейские, видимо, не на шутку всполошились. Но погони не было. Очевидно, их никто не заметил.

— А здорово получилось, правда, Толя? — возбуж-

денно сказал Николай. — Держитесь, полицаи! Интересно, знают в Москве о том, как мы с немцами воюем?

— Как же! — удерживаясь от смеха, чтобы не обидеть его, ответил Антипов. — Обязательно! Каждый день в ЦК партии докладывают, что вот, дескать, храбрые комсомольцы-подпольщики в Минске уничтожили сорок фашистов, в Киеве сто, а в Любимове освободили арестованных и вывесили красные флаги! Особенно при этом отличились цыган Николай Авдеев и рабочий Анатолий Антипов!..

— Ну? Неужели так и докладывают? — недоверчиво спросил цыган.

— В точности так! — с важностью подтвердил Толя. — А ты думал! На нас с тобой весь народ смотрит! Ты чувствуй и помни!

— Я буду помнить! — уверил Коля. — Я, друг, обязательно буду помнить!

Он притих и до самого дома Хатимовых, куда привел его Анатолий, не проронил ни слова.

Ребята и девушки уже собрались. Они с удивлением уставились на оборванного, грязного Авдеева, который в своих черно-белых сапогах гармошкой и зеленых шароварах выглядел весьма живописно.

— Разрешите представить отважного подпольщика Николая Авдеева! — торжественно сказал Толя, подталкивая товарища к изумленному Алешке. — Зимой мы вместе фокусы показывали, а сегодня он меня от полицаев спас!..

— И еще мы арестованных освободили! — хвастливо прибавил Авдеев, без стеснения разглядывая комсомольцев.

— Очень рад познакомиться! — мягко обратился к нему Шумов. — Я о вас много слышал. Хорошо, что вы теперь будете с нами!.. Оставайтесь и сегодня! Вместе отпразднуем Первое мая!

Тут только Антипов заметил, что комната чисто выметена, на окнах белеют занавески, а стол уставлен однообразной, но зато обильной закуской. В черном чугуне дымилась картошка, на блюде поблескивала холодная брюква и свекла.

— Вина у нас нет! — лукаво сказала Тоня. — Но я думаю, вы уж как-нибудь обойдетесь!

— Это все бабушка постаралась! — смущенно и ласково прибавил Алеша.

Елизавета Ивановна в новом платье, с аккуратно заплетенными седыми косичками, скромно сидела в углу, шепотом беседуя с Шурой и делая вид, что похвала ее не касается.

Ребята не заметили, как наступило утро. Первый солнечный луч скользнул по подоконнику и желтым квадратом прилип к полу.

— Что же это мы! — спохватился Лисицын. — О самом главном забыли! — Он вытащил из-под стола брезентовую сумку, набитую бумагами.

— Мы поздравления написали! — объяснил Шумов Толе. — Вот, послушай. — Алеша достал из сумки листок клетчатой бумаги, вырванной из школьной тетрадки, исписанный крупными печатными буквами, и прочел: — «Дорогой товарищ! Штаб подпольной комсомольско-молодежной группы и горком комсомола горячо поздравляют тебя с Международным днем солидарности трудящихся Первое мая! Борись с немецкими оккупантами! Кровь за кровь! Смерть за смерть!» Как ты находишь? — помолчав, спросил он.

— По-моему, здорово! — искренне похвалил Антипов. — Честное слово!.. За душу хватает!

— А знаешь, кто сочинил? Вон кто! — улыбнулся Женька белокурой молоденькой девушке, которую Толя раньше не видел. Девушка сидела возле Тони, не отходя от той ни на шаг.

— Познакомься, — продолжал Женя. — Римма Фокина. Работает в ресторане официанткой. Неплохо устроилась?

— Неплохо! — согласился Анатолий, пожимая Римме руку. — Вы, наверно, там много интересного слышите?

— Я только позавчера поступила! — застенчиво ответила девушка.

Шумов озабоченно поглядел на ребят.

— Кому-то из нас придется идти! Поздравления необходимо разбросать по почтовым ящикам. Жребий бросим, или доброволец найдется?

Все молчали, переглядываясь. Никому не хотелось в одиночестве бродить по улицам. Но тут приоткрылась дверь, и тонкий, взволнованный голос проговорил:

— Можно мне, ребята? Разрешите мне?

В комнату, потупившись, проскользнул Володька Рыбаков.

— Кто тебе разрешил сюда явиться? — строго спросил Шумов, но Женя, сочувственно посмотрев на красного, смущенного Володьку, у которого слезы готовы были брызнуть из глаз, шепнул:

— Брось! Пусть и у хлопца будет праздник! — Подойдя к Рыбакову, он взлохматил его мягкие светлые волосы. — Давно, наверно, у дверей дежуришь?

— Давно! — сознался Володя и тихо прибавил: — Вы, пожалуйста, простите меня, ребята!.. Позвольте мне, я быстро сбегаю!.. Я знаю, в каких домах молодые ребята и девушки живут! Меня немцы сроду не поймают!

Алешке хотелось выдержать характер и отправить провинившегося парня домой, но, во-первых, очень уж жалобный вид был у Рыбакова и, во-вторых... Какое он имеет право быть таким строгим? Разве не он, Алеша, вел себя вчера так легкомысленно, пожалуй, еще похуже, чем Володька! Поколебавшись, Шумов протянул сумку:

— Ступай! Да быстрей возвращайся! Мы тебя подождем!

— Спасибо! — насупился Рыбаков, натянул на голову измятый картуз и, сорвавшись с места, словно его пружина подбросила, исчез. Хлопнула дверь.

— Огонь хлопец! — ласково улыбнулась Тоня.

...Хорошо встретили Первое мая! После завтрака вполголоса пели советские песни. Толя, вспомнив старину, сплясал под гитару. С азартом «сбацал» цыганочку Авдеев, даже Алешка прошелся вприсядку перед покрасневшей от смущения Шурой. Никто не мешал. Двери были закрыты, а с улицы доносились выстрелы и взрывы поставленных ночью мин. Ножами и топорами соскабливали немцы листовки. Несколько полицейских получили тяжелые ранения при попытке сорвать красные флаги. Пришлось коменданту вызывать из Калуги минеров. А комсомольцы на время как будто забыли, что подвергаются смертельной опасности. Они веселились от души, не подозревая, что в последний раз встречаются все вместе.

...Праздник закончился неожиданно. Володька, чья очередь была дежурить на крыльце, задыхаясь, ворвался в комнату:

— Разбегайтесь! Немцы на машине подъехали! Скорее!

Через несколько минут дом опустел. Комсомольцы ускользнули черным ходом, в комнате остались лишь

Шура с Тоней да бабушка Елизавета Ивановна, которая, конечно, не могла последовать за внуком. Выглянув в окно, Тоня с отвращением сказала:

— Шурка, это Биндинг вернулся! Но Шафера, кажется, с ним нет!.. И то хорошо!.. Прибери-ка быстрей со стола! Да не трясись ты, подумаешь, невидаль, немецкий оберст! Не в таких переделках бывали!

Шура улыбнулась сквозь слезы, а Елизавета Ивановна горько прошептала: «Девочки, детки мои дорогие!» Но сестры ее не услышали.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Круглов с сомнением поглядывал на Зину, не зная, расспросить ее или ограничиться теми сведениями, которые уже удалось выудить у Шумова. С одной стороны, Зине, конечно, все известно, и она на вид довольно простодушная и приветливая, но, с другой, есть риск навлечь на себя подозрения излишним любопытством и испортить все дело.

Тот период, когда Круглов колебался и его мучили угрызения совести, давно миновал. Теперь он решительно шел к цели. Цель его состояла в том, чтобы узнать фамилии любимовских подпольщиков и сообщить Иванцову. Нужно было торопиться: до срока, назначенного обер-лейтенантом, оставалось всего четыре дня.

Круглов не сомневался в том, что Иванцов непременно приведет в исполнение свою угрозу, расстреляет Олю и Мишутку. Думать об этом было так страшно, что Круглов старался гнать от себя такие мысли. Он вообще стремился не задумываться, поменьше размышлять. Он знал одно: во что бы то ни стало надо спасти жену и ребенка, а то, что погибнут другие люди, его не интересовало. Но нельзя сказать, что решение стать предателем возникло у Круглова сразу, без всякой внутренней борьбы. Тогда, в доме Антюхина, он, конечно, не успел ничего обдумать. Страх парализовал его волю. При виде двух окровавленных трупов он и помыслить не мог о сопротивлении. Но потом, когда Иванцов позволил уйти и Круглов остался

наедине с собой, — вот тут нахлынули мысли, от которых не так просто было избавиться...

Он против своего желания стал партизаном, но, к его удивлению, жизнь в отряде ему понравилась. Спокойный, величественный лес, не очень теплые, но зато надежные землянки, отзывчивые товарищи. Собственно, Круглов и немца-то ни одного не видел за два месяца! Как радиста, его оставили при штабе. Он не ходил на задания.

...Круглов совсем приготовился к смерти и, когда Иванцов его отпустил, так обрадовался, что не мог ни о чем думать, лишь вдыхал полной грудью чистый лесной воздух да с любовью смотрел на деревья, покрытые молодой, клейкой листвой. Но потом ему стало не по себе. Он до вечера бродил возле расположения партизанского отряда, не решаясь показаться на глаза товарищам. Круглов то решал обо всем рассказать Золотареву и просить его спасти Ольгу и ребенка, то, напротив, говорил себе, что выручить их он может только сам, выполнив требование Иванцова. «Нет, нет! Я никогда не стану предателем!» — бормотал он, спотыкаясь в темноте о корни деревьев, и тут же, жалко улыбаясь, думал, что другого выхода нет, надо отбросить колебания и взглянуть правде в глаза...

Эти нравственные мучения продолжались два дня. Он бродил по лагерю, как тень, ни с кем не разговаривая. Золотарев приписывал его состояние горю, которое Круглов якобы испытывал в связи с гибелью двух спутников. У Юрия Александровича не возникло сомнений. Он поверил рассказу Круглова, который сообщил, что они трое вошли во двор к старосте, но раздались выстрелы — Назаров и Бабушкин упали мертвые, а он успел убежать.

На третий день Круглову приснился страшный сон. Он видел, будто поднимается на крыльцо своего дома, медленно открывает тяжелую дверь, входит и вдруг отшатывается, увидев посреди комнаты длинный некрашеный сосновый гроб. Он бросается к гробу. Там лежит Оля, прижимая к груди мертвого Мишутку. Во сне Круглов испытал такое отчаяние, что слезы градом покатились по щекам. Проснулся он с мокрым лицом и тут же, в темной землянке, среди спящих партизан, твердо решил, что Ольга и Мишутка будут жить! Да, да, он спасет их!

Утром часть отряда во главе с Золотаревым отправилась в путь. Узнав, что теперь они будут находиться близко от города, Круглов обрадовался. Это было ему на

руку. Он вошел в палатку командира и обратился к Юрию Александровичу с просьбой послать его вместо Афанасия Кузьмича на связь с любимовскими подпольщиками. Золотарев был удивлен.

— Для чего вам это? — спросил он, впрочем, ни в чем Круглова не подозревая. — Разве у вас среди них знакомые есть?

— А как же! — сказал инженер, обрадованный тем, что командир сам подсказал ему ответ. — Ведь они меня в отряд направили, и жинка с ними связана. Вот я и хочу воспользоваться случаем и кое-что ей передать. К тому же Посылков на задание ушел. Неизвестно, вернется ли к сроку!

— Ладно, собирайтесь! — махнул рукой Золотарев, не придавший значения этому разговору.

«Итак, Алексей Шумов! — думал Круглов, шагая рядом с Зиной. — Потом этот... Как его!.. Анатолий Антипов! Сестры Хатимовы, Тоня и Шура. Но как же установить фамилии остальных?..» Работая при штабе, Круглов несколько раз видел донесения комсомольцев, подписанные кличками: «Орел», «Руслан», «Огонь». И внезапно сообразив, каким образом можно все выведать у Зины, он небрежно спросил:

— Алешка-то Шумов, значит, и есть «Огонь»?

— Нет, он «Орел»! — рассеянно ответила девушка. — «Огонь» — это Женька Лисицын, старшего инженера сын. Знаете, небось, его?

— Как же, знаю! — кивнул Круглов, дрожа от восторга. Какая необыкновенная удача! Можно хоть завтра отправляться к Иванцову! И главное, никто ничего не узнает! Жене он скажет, что его схватили в окрестностях Любимова и неделю продержали в полиции, но потом выпустили. Вряд ли и Золотарев догадается, кто виноват в том, что организация провалилась. Он, вероятно, решит, что ребята попались по собственной неосторожности.

Задумавшись, Круглов не заметил, как вступил на узкую тропинку, пересекающую болото. Тонкая фигура Зины слегка раскачивалась, кофта на спине потемнела от пота. Инженер не раз ходил по этой тропинке, хорошо ее знал, но, увлеченный мыслями, шагнул в сторону. Нога погрузилась в коричневую жижу, выступившую из-под травы; потеряв равновесие, он упал.

Круглов не закричал, потому что было стыдно звать на помощь девчонку. Он забарахтался, пытаясь выбраться на тропинку, но руки и ноги сковало судорогой. Вода была такой холодной, что все внутренности, казалось, превратились в камень!

Теперь он, даже если бы захотел, не мог издать ни звука. Зина бросилась к Круглову и, рискуя сама провалиться в болото, протянула ему руку. Разве иначе она могла поступить? Девушка жизнью была готова пожертвовать для спасения товарища!.. Но если бы Зина знала, какому человеку подала руку, то, конечно, вместо того чтобы вытаскивать Круглова, толкнула его на самое глубокое место!..

Очутившись на суше, Круглов принялся подпрыгивать и хлопать себя руками по животу и бокам. У него зуб на зуб не попадал, лицо посинело. Попросив Зину отвернуться, он снял одежду, выжал ее и снова надел. После этого они отправились в путь и через час достигли лагеря.

Круглов подсел к костру, переоделся, закурил, но дрожь не проходила, а по-прежнему сотрясала тело. Он пошел на кухню и попросил у повара кружку кипятку, но даже кипяток не смог его согреть. Казалось, что он до сих пор сидит в ледяной воде. Тогда инженер отыскал Золотарева и, сообщив, что плохо себя чувствует, спустился в землянку и лег на нары. Он сразу как будто провалился в глубокую яму. Замелькали бесчисленные искры. Руки и ноги стали горячими, пылали, как в огне, а в груди словно был спрятан кусок льда...

Вечером он уже бредил. Поставили термометр. Черный столбик ртути застыл на цифре сорок... К утру больному стало еще хуже. Он лежал, вытянувшись, на нарах, с багровым, мокрым от пота лицом. Глаза были закрыты, горячее дыхание с шумом вырывалось из полуоткрытого рта. Мертво поблескивала желтоватая полоска зубов...

— Врача нужно! — решительно сказала Юрию Александровичу Аня Егорова, которая всю ночь сменяла холодные компрессы на лбу у Круглова. — У него, по-моему, тиф. Впрочем, я не уверена... У нас в аптечке, кроме стрептоцида, ничего нет. Словом, если врач сегодня не придет, все может случиться!.. Давайте ребят попросим, товарищ командир! Они найдут в городе доктора и приведут в отряд.

— Хорошая мысль! — одобрил Золотарев.

Через полчаса Зина Хатимова уже пробиралась по лесу, одетая в лапти и крестьянское платье. Она разыскала Алешку Шумова и, пока он ходил к Лиде Вознесенской, сидела в сарае, нетерпеливо покусывая губы, и глядела в щель на пустынную улицу. Наконец он вернулся, но не с Лидой, а с незнакомым тощим мужчиной, который, придерживая рукой спадавшие очки, растерянно разглядывал Зину и виновато улыбался, точно стыдясь своих всклокоченных волос, распахнутого пальто и бледного от волнения лица.

— Познакомься! — сказал Шумов. — Это Марк Андреевич Соболь. Он пойдет с тобой!

— Хорошо! — вскочила Зина, с любопытством глядя на Соболя. — Сестренкам и маме привет передай! Как они там?

— Ничего! — покраснев, отвел глаза Алешка, не умевший лгать.

Марк Андреевич ни о чем не расспрашивал девушку. Он молча шагал за ней, рассеянно глядя на узкую лесную просеку. Золотарев стоял возле палатки, куда перенесли Круглова, и махал рукой.

— Сюда, сюда! Скорее, доктор!

Состояние инженера ухудшилось. Он никого не узнавал, не шевелился, даже дыхания не было слышно. Марк Андреевич молча присел на край топчана, открыл чемоданчик и достал блестящие инструменты, шприц, ампулы и слуховую трубочку, с которой никогда не расставался, предпочитая ее более совершенному ларингофону. Выслушав больного, Соболь коротко сказал:

— Двустороннее воспаление легких! Необходим сульфидин! Иначе трудно поручиться за жизнь!

— А у вас... У вас разве нету этого... сульфидина? — испуганно спросила Зина, переглянувшись с расстроенной, бледной от бессонной ночи Аней.

Марк Андреевич покачал головой:

— Раньше можно было достать! Мы и доставали, и передавали вам, но недавно, заметив пропажу, немцы стали прятать ценные препараты в несгораемый шкаф, ключ от которого хранится у начальника госпиталя.

— Плохо! — нахмурился Золотарев. — Как глупо все получается!..

— Знаете что! — немного оживился Марк Андреевич. — Я, может быть, поговорю с одним человеком...

Я имею в виду нашу медсестру. Она сообразительная девушка. На всякий случай пришлите завтра утром связного. Возможно, достанем сульфидин! Во всяком случае, попытаемся!..

— Спасибо, доктор! — крепко пожал ему руку Юрий Александрович. — Мы очень благодарны за помощь!

— Что вы, какая там помощь! — смутился Соболь. — Так я буду ждать!..

Зина проводила врача к реке, а там он уже самостоятельно добрался до Любимова. Не заходя домой, Марк Андреевич поспешил в госпиталь. Он разыскал в одной из палат Лиду, вызвал в коридор и шепотом рассказал о своем путешествии.

— Я достану! — ответила Лида, и глаза ее заблестели. — Я обязательно достану, даже если для этого придется отнять у него ключи силой!

Соболь хотел предупредить девушку, чтобы она все же была поосторожнее, но, внимательно посмотрев на ее решительное лицо, промолчал.

Лида задумалась. Не раз в ее присутствии Юнге открывал шкаф, стоявший в операционной, и сейчас она пыталась сообразить, куда он прятал ключ. Она видела этот ключ, словно наяву, маленький, короткий, с широкой, замысловатой бородкой. И вдруг вспомнила! Иногда Юнге кладет ключ в карман халата!.. Может быть, ей повезет, и она найдет то, что ей нужно, в халате, который обычно висит в кабинете начальника госпиталя, когда того нет. Лида знает, халат в шкафу орехового дерева, с зеркалом, а шкаф стоит в углу, за ширмами. Вот только кабинет всегда заперт, и никто, кроме Юнге, не смеет туда войти! Но можно забраться в окно, ведь оно на первом этаже и выходит в сад!.. Риск был большой. Лида и подумать боялась о том, что ее ждет если немецкие часовые заметят. Но делать было нечего! Нужно спасти больного партизана!

Девушка спустилась в сад и долго стояла у стены, оглядываясь и прислушиваясь. Все было тихо. Тогда она приподнялась на цыпочки и заглянула в окно. Рамы были заперты, но форточка открыта. Лида залезла на подоконник. Оттуда протиснулась в форточку и спрыгнула на паркет. Шкаф оказался запертым, но тут уж Лида не стеснялась, схватила с письменного стола медный нож для разрезания бумаги, просунула в щель, и замок соскочил.

Халат был здесь. С замирающим сердцем девушка опустила руку в карман. Что, если все усилия пропадут даром? Но пальцы наткнулись на скользкий и холодный металл. Есть!

Лида открыла раму, чтобы легче было вылезти, и, повиснув на руках, спрыгнула. Возле операционной стоял Соболь и смотрел на Лиду расширенными от страха глазами.

— Достала?

Девушка кивнула.

— Скорее! — прошептал Марк Андреевич, озираясь. — Дело в том, что Юнге приехал. Он на втором этаже. Поспеши, а я попытаюсь его задержать!

И пока Лида, взяв из несгораемого шкафа несколько пачек сульфидина, завернутого в целлофановую бумагу, бежала в сад, чтобы положить ключ на место, Соболь отправился навстречу Юнге, совершавшему обход палат, что он делал обычно два раза в день, после обеда и вечером. Марк Андреевич обратился к нему с претензией на немцев-санитаров, которые держат себя с ним, русским врачом, вызывающе и не выполняют распоряжения. Было неслыханно, чтобы русский жаловался немцу на немцев, но другого повода, чтобы задержать начальника госпиталя, Соболь придумать не мог. Выслушав жалобу, Юнге яростно уставился на Марка Андреевича. Он готов был накричать на него, а может быть, и ударить. Майор медицинской службы избивал своих подчиненных, как фельдфебель. Но у Соболя было такое спокойное и в то же время ожесточенное лицо, что Юнге сдержался.

— Солдаты германской армии, назначенные в госпиталь санитарами, вам, господин доктор, не подчиняются!

— В таком случае сделайте так, чтобы мои указания выполнялись! — отчеканил Марк Андреевич, соображая, успела Лида выбраться из кабинета или нет?

— Ну!.. Я вас заставлю! — взбесился Юнге. — Я с вами еще поговорю!.. — Он круто повернулся и, не сгибая ног, как журавль, зашагал по коридору. Выглянув в окно, Соболь увидел в саду Лиду и облегченно перевел дыхание. Пронесло!

Тем временем в лагере партизан произошли неожиданные события. Командир той части отряда, которая осталась в Гжаньских болотах, Кирилл Андреевич Рыбаков, отец Володьки, сообщил Золотареву по рации, что на лес-

ной аэродром нынешней ночью должен приземлиться советский транспортный самолет, который доставит медикаменты, письма и боеприпасы. Юрий Александрович обрадовался. Он тут же подумал о Круглове и велел Рыбакову, если самолет прибудет, попросить летчика обождать больного, которого необходимо доставить на Большую землю. Окончив разговор, Золотарев вошел в палатку к инженеру и сказал Зине, мерявшей ему температуру:

— Ну, слава богу! Собирай его в путь! Закутай покрепче, чтобы не простудился, восемьдесят километров по лесу идти, не шутка! Мы его на коня посадим, двое партизан сопровождать будут!

— Куда? — не поняла Зина.

— К Рыбакову! Отправим Круглова в тыл на самолете!

Больной только что очнулся и слышал слова командира. Сознание вернулось не вполне. Он не мог сообразить, что с ним, но смутное воспоминание его беспокоило. Он подумал, что должен торопиться, но куда, не мог вспомнить. Круглов отчетливо сознавал лишь одно — нельзя никуда уезжать! Его хотят отправить, и тогда он не сможет вернуться в срок! Главное — вовремя быть в городе! Там ждет человек, который... Которому... Мысли спутались. Закрыв глаза, больной прошептал:

— Никуда... я... не поеду!.. Не трогайте меня!

— Вам лучше, Сергей Сергеевич? — нагнулся Юрий Александрович. — Как вы себя чувствуете?

— Я не хочу ехать! — громко сказал Круглов. — Я останусь!.. Вы не имеете права!.. Я должен... — Он снова впал в забытье. Золотарев молча переглянулся с Зиной и с сомнением покачал головой. Он не знал, стоит ли придавать значение просьбе, высказанной в таком состоянии. Его колебания рассеяла Зина.

— А что, в самом деле, Юрий Александрович! — сказала она, с жалостью посмотрев на больного. — Раз не хочет, не нужно отправлять! Понимаете, он с товарищами свыкся. У человека здесь родной дом, семья... У меня есть предчувствие, что Соболь достанет сульфидин! Вот увидите!..

— Ну ладно, уговорила! — похлопал ее по плечу Золотарев. Он вызвал по рации Рыбакова и отменил распоряжение.

А вечером в Любимово послали Афанасия Кузьмича, который как раз вернулся с задания, и старый партизан через три часа вручил Егоровой несколько пакетиков с белым порошком.

— Вот! — сказал он. — Сульфидин! Медсестра одна достала. Ключ из кармана у самого начальника госпиталя выкрала!

— Смелая девушка! — с уважением прошептала Аня.

С этого дня Круглов стал поправляться. Две недели он не мог встать, лежал, вытянув руки. На виске слабо пульсировала голубая жилка. Он с ужасом считал дни и каждое утро пытался ходить по палатке, но кружилась голова, земля поднималась дыбом. Зина и Аня, по очереди дежурившие возле него, обещали, что пожалуются командиру.

— Вы обязаны лежать! — говорили они. А Круглов сердито отвечал, шевеля исхудавшими, почти прозрачными пальцами:

— Работы много! Некогда болеть!

Постепенно слух о его мужественном поведении и о том, что он отказался улететь на Большую землю, разнесся по лагерю, и можно было услышать, как вечером, собравшись вокруг костра, небритые, усталые партизаны рассказывают о том, какой храбрый и душевный человек Сергей Сергеевич. Одни вспоминали обстоятельства его побега из плена, причем, как всегда бывает в подобных случаях, желая сказать о нем как можно больше хорошего, приписывали ему то, чего он не совершал, и утверждали, что именно он устроил побег военнопленных, другие говорили о ловкости Круглова, ухитрившегося уйти от смертельной опасности, в то время как два спутника погибли. То, в чем можно было бы обвинить инженера, теперь ставилось ему в заслугу. Неожиданно для себя Круглов стал героем дня! Это было нелепо, обидно, оскорбительно, но это было так!..

Прошел месяц с того дня, как он заболел, и месяц десять дней с тех пор, как разговаривал с Иванцовым. Круглов, проснувшись однажды утром, почувствовал себя бодрым и полным сил. Не доверяя этому ощущению, он осторожно спустил с топчана ноги, встал и, пошатываясь, сделал несколько шагов. Голова еще немного кружилась, но сердце билось ровно, и совсем исчезла противная слабость,

заставлявшая садиться на землю. «Пора!» — подумал Круглов.

Он очень изменился, исхудал, постарел, в волосах засеребрились седые волосы. Никто не знал, что ему пришлось пережить за этот месяц. Каждую ночь снились кошмары. Он вскакивал, дико кричал, пугая дежурных. Он силой заставлял себя принимать пищу, чтобы скорей окрепнуть, но кусок не лез в горло... «Что, если проклятый Иванцов через десять дней выполнил угрозу?» — лихорадочно думал Круглов, но эта мысль была такой страшной, что он отгонял ее прочь. «Нет, нет! — хотелось ему закричать. — Дорогие мои, родные мои! Вы живы, живы! И я спасу вас, и пускай после этого меня распнут на кресте!»

Никому не сказав ни слова, крадучись, точно вор, он выбрался из палатки и углубился в лес.

Лето было в разгаре, на траве золотилось кружево солнечных лучей, а когда он подошел к реке, та ослепила жарким голубым сиянием. Сняв одежду, Круглов залез в теплую воду и перешел на другой берег. Больше всего он боялся прежде времени попасться в руки патрульных.

Приблизившись к городу, он заколебался, не зная, куда раньше пойти — домой или в полицию. В конце концов свернул в полицию. Полицейский, развалившийся на горячем, нагретом солнцем крыльце, проводил его ленивым взглядом. В коридоре было прохладно, пахло мокрым веником, как в бане. Держась за перила, Круглов поднялся на второй этаж. Он чуть не падал от волнения и усталости. Дверь кабинета была полуоткрыта. Проглотив слюну, Круглов вошел.

Обер-лейтенант Иванцов стоял у окна и курил сигарету. Прозрачный голубой дым медленно струился в неподвижном солнечном луче. Услышав скрип половиц, Иванцов обернулся и несколько секунд разглядывал Круглова прищуренными, злыми глазами. Потом цинично усмехнулся и указал рукой на стул:

— Прошу садиться!

— Я принес те сведения, которые вам нужны! — предупреждая его вопрос, сказал инженер. — Я опоздал не по своей вине. У меня было воспаление легких. Я могу сообщить фамилии главных участников подпольной комсомольской группы? Что с моей женой и ребенком? Вы не тро-

нули их?.. — голос у Круглова сорвался, перейдя в шепот. Он ухватился рукой за стул.

— Нет, я не трогал их! — ответил обер-лейтенант. — Я обещал расстрелять, но не расстрелял!.. Вы пойдете домой и увидите их!

— Слава богу! — вырвалось у Круглова. Он опустился на стул, виновато глядя на Иванцова и облизывая языком сухие губы.

— Я слушаю! — сказал следователь, достав блокнот и карандаш. — Итак, вам известны фамилии?

— Да! — кивнул Круглов. — Записывайте. Алексей Шумов, Евгений Лисицын, Анатолий Антипов, Шура и Антонина Хатимовы!..

— Прекрасно! — весело потер руки обер-лейтенант. — Об остальных, надеюсь, они мне сами расскажут! Можете идти, Круглов! Впрочем, обождите! Я, кажется, кое-что обещал!.. — Он порылся в столе и достал пачку немецких оккупационных марок. — Возьмите! Две тысячи. Очевидно, в ближайшие дни эти деньги вам пригодятся! — Иванцов снова как-то нехорошо усмехнулся и отвел глаза.

Он простер свою вежливость до того, что проводил своего гостя до лестницы и даже поддержал за локоть, когда тот поскользнулся. И в этой неожиданной и странной предупредительности Круглов почувствовал что-то зловещее...

На улице по-прежнему ярко светило солнце, но день уже клонился к вечеру, тени стали длиннее. Круглов, не глядя по сторонам, бежал по мостовой, и ему казалось, что прохожие указывают на него пальцами и шепчут: «Предатель пошел! Продажная шкура!» Этот грозный шепот все громче звучал в ушах и вдруг умолк. Стало так неестественно тихо, что Круглов остановился.

Подняв глаза, он узнал свой дом. Его удивило, что открыты ворота. Кто их открыл и зачем? Внезапно дикий страх охватил его. Он бросился во двор, поднялся на крыльцо, но ноги словно приросли к доскам. Показалось, что все это однажды он уже видел. И открытые ворота, и черную щель двери, и наглухо задернутые занавески на окнах. Точно с таким же чувством страха и отчаяния он когда-то уже поднимался по ступеням... Когда?! Круглов не мог вспомнить. «Но почему я стою и не вхожу?» — спросил он себя. В коридоре было пусто и холодно. Воз-

никло ощущение, что в доме давно никто не живет. Под ноги метнулась одичавшая, лохматая кошка и исчезла.

— Маруська! — шепотом позвал Круглов, но кошка, жалобно мяукнув, не прибежала, как прежде, и не потерлась, выгнув спину, о ногу. Во мраке, как у зверя, поблескивали ее глаза.

Инженер шагнул в комнату. Он старался не шуметь, словно боясь спугнуть царившую в доме нежилую тишину... Переступив порог, Круглов был вынужден опереться о стену, потому что ноги стали свинцовыми, а перед глазами все поплыло. Он внезапно вспомнил, где и когда видел уже эту комнату! В том кошмарном сне, который приснился еще до болезни! И сейчас, заставляя усомниться в реальности происходящего, перед ним снова была та же картина: комната, стол, а на столе некрашеный сосновый гроб.

На скамье, сложив руки на коленях, сидела соседка, та самая, которой Ольга зимой продала меховую шубку. Увидев Круглова, соседка вскочила. Платок соскользнул с плеча. Женщина заплакала:

— Сергей Сергеевич, милый!

И закрыла лицо руками. Круглов подошел к гробу и наклонился. Он увидел Ольгу, жена лежала, прижав к себе мертвого ребенка.

— А-а! — закричал он и бросился к двери, но, запнувшись за порог, упал.

...Обер-лейтенант Иванцов не солгал. Он действительно не расстрелял Ольгу Васильевну и Мишутку. Он только арестовал их, посадил в подвал и заявил, что до тех пор не будет давать им пищи, пока Круглов добровольно не явится в полицию. Старший следователь был уверен, что жене известно, где находится муж, он хотел таким образом принудить инженера выполнить взятое на себя обязательство.

Дни шли за днями, несчастная женщина с плачущим голодным ребенком металась по тесной и холодной камере, напрасно взывая к милосердию палачей. Она умоляла полицейских убить ее и накормить сына, ее отчаянные, душераздирающие крики доносились до второго этажа, и даже видавшие виды убийцы и преступники в полицейской форме угрюмо вздыхали. Только обер-лейтенант Иванцов оставался бесстрастным. Ему, правда, тоже становилось не по себе, когда он слышал стоны не-

счастной матери, но он в таких случаях выходил на улицу, берег нервы.

Наконец однажды ночью Ольга Васильевна, которая от слабости уже не могла встать, почувствовала, что маленькое тельце в ее руках отяжелело и стало холодным. Закричав, она стала покрывать поцелуями неподвижное личико мальчика, пыталась отогреть его своим дыханием, баюкала и носила по камере, а утром вошли два полицая и вырвали у нее Мишутку. Протянув руки, Ольга бросилась за ними, стала биться головой о железную дверь, в коридоре один из полицаев, едва не выронив труп, с ужасом сказал:

— Что же это? О господи!..

Его грубое жесткое лицо стало серым. Но тут в подвал заглянул Дорошев и свирепо крикнул:

— Долго вас ждать?!

Ольга Васильевна умерла в ту же ночь. Утром ее тело и тело мальчика Иванцов распорядился выдать родственникам, если таковые найдутся. Он не хотел возиться с похоронами. Соседке, которая пришла за умершими, в полиции сообщили, что мать и сын Кругловы заболели сыпным тифом, их отправили в тюремный лазарет, где они и умерли

...Очнувшись, Круглов несколько секунд лежал с закрытыми глазами. Он сразу все вспомнил, но не шевелился, пытаясь убедить себя, что видит страшный сон. Резкая боль в неловко подвернутой руке заставила его застонать. Он медленно встал, подкрался к гробу. Соседки в комнате не было. Круглов наклонился и прикоснулся рукой к лицу жены. Оно было холодным и твердым. Инженер отдернул руку.

— Оля! — шепотом позвал он. Показалось, у женщины дрогнули веки... Нет! В воздухе носился сладковатый запах тления.

Круглов полез в карман за платком, но вместо платка вынул пачку денег. Несколько марок, колыхаясь, упали на пол. В голову пришла странная мысль. Он с ужасом отбросил деньги. Те закружились в воздухе.

Две тысячи оккупационных марок заплатил Иванцов за смерть его жены и сына! Две тысячи!.. За две жизни!

С грохотом покатилась табуретка. Вползали сумерки. Снова появились голоса, отчетливо твердившие: «Предатель! Женоубийца!» Круглов заткнул пальцами уши,

но голоса звучали в мозгу, от них нельзя было скрыться. Он выбежал в коридор, натыкаясь на стены и опрокидывая горшки. «Предатель! Убийца!» — гремело в темноте.

Тогда Круглов сорвал с себя ремень, захлестнул за балку и встал на табуретку. Руки тряслись от нетерпения. Сейчас он, наконец, избавится от этих проклятых голосов, не будет их слышать.

Круглов сделал петлю, просунул голову и ногой оттолкнул табуретку. Но голоса не умолкли. Они звучали теперь, как громовые раскаты: «Сына убил, сына, сына, сы-ына!..» Инженер слышал их до последней секунды, пока был жив.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Советские войска готовились к наступлению. Срочно было нужно взять «языка», желательно офицера, хорошо осведомленного о планах своего командования. Такая задача была поставлена перед армейской разведкой, но параллельно должны были действовать и партизаны.

В этот период любимовские комсомольцы являлись неотъемлемой частью отряда. Им поручались сложные и ответственные задания. Организация разрослась и объединяла в городе около сорока юношей и девушек, активно боровшихся с оккупантами. Кроме того, в окрестных селах и деревнях успешно действовали созданные по заданию подпольного горкома партии боевые ударные группы.

За девять месяцев у подпольщиков не было ни одного провала. Это в какой-то степени усыпило их бдительность. Золотарев все больше беспокоился и каждый раз передавал Шумову, чтобы тот строго следил за соблюдением конспирации.

Встретившись в последний раз с Толей Антиповым, Зина сообщила, что штаб отряда и подпольный горком партии поручили комсомольцам достать «языка».

— Этому придается очень большое значение, ты понимаешь? — сказала Зина. — Вы должны выполнить задание как можно быстрее. Лучше всего сегодня ночью!..

— Ладно! — ответил Толя. — Я скажу Алешке...

Они были одни на поляне. Солнце зашло, и край неба был багровым, словно предвещая бурю. Прощаясь, Зина крепко поцеловала Анатолия и заплакала.

— Мне так тяжело! — прошептала она. — После смерти мамы... Я такая одинокая! Я не могу больше жить без тебя, Толенька!

Он обнимал девушку, сумрачно глядя вдаль.

— Успокойся! — сказал он наконец, поворачивая к себе ее мокрое лицо и своим платком вытирая ей глаза. — Уже немножко осталось. Я слышал, наши наступают. Правда это?

— Правда! — кивнула Зина.

— Ну вот! И нам не надо будет прятаться! — мечтательно сказал Антипов. — Я опять на завод пойду, Алешка с Женькой — учиться! Мы поженимся... Самое трудное-то уже позади!

— Грустно мне отчего-то! — тоскливо сказала Зина.— Вот чудится, что мы больше не увидимся, и ничего не могу с собой поделать!

— Глупенькая, мы еще седыми старичками сюда придем, вспоминать будем, как наша любовь начиналась! — ласково погладил ее по волосам Анатолий.

...Но это действительно была их последняя встреча!

Вечером в сарае у Алешки собрались члены штаба. Тоня молчала, пока ребята спорили, обсуждая, как похитить и переправить в лес фашистского офицера, а когда настала тишина, девушка сказала:

— Мне кажется, что мой план получше вашего!

— Неужели получше? Ну, тогда говори! — потребовал Женька, раздосадованный тем, что его собственные предложения отвергнуты. Он недоверчиво посмотрел на Тоню — что хорошего может придумать девчонка! — и прибавил: — Давай, давай! Чего же ты ждешь?

— Жду, пока ты замолчишь! — спокойно ответила Тоня и, когда погас смех, продолжала: — План у меня простой. Мы должны захватить оберста Биндинга, который в нашем доме живет!

— Оберста?! — присвистнул Лисицын. — Ну, это ты, однако, того!..

— Может быть, сначала выслушаешь? — вежливо осведомилась Тоня. — Знаете, ребята, сперва мне самой эта мысль показалась немножко несерьезной. Все-таки

действительно полковник! Адъютант новый, Зингер, от него ни на шаг не отходит. Он и пешком-то почти не передвигается, больше на машине ездит. Но потом подумала и решила, что мы сможем его добыть!

— Каким образом? — сдержанно спросил Алешка, которому явно понравилось начало Тониной речи. — Это реально?

— Это вполне реально! — горячо ответила девушка. — Вы помните, я рассказывала, что как-то Биндинг пригласил меня в ресторан «Метрополь»? Ну вот, я ему ответила сначала по-русски, об этом вы знаете, а потом по-немецки. Поблагодарила и сказала, что надеюсь когда-нибудь воспользоваться его любезностью.

— Не думаю, чтобы ему было приятно вспоминать свое приглашение! — засмеялся Женька. — Под Москвой-то фрицы — тю-тю! В штаны наложили! Какой уж там «Метрополь»!

— Ребята, если Лисицын будет безобразничать, я уйду! — возмутилась Тоня. — Может он выражаться поделикатнее или нет?

— А что! — с озорным видом сказал Алешка. — Они ведь, Тоня, и в самом деле наложили! Что тут поделаешь? — Он засмеялся.

— Фу! Вы прямо стали невозможные! — махнула рукой Тоня и улыбнулась. — Словом, я сейчас же пойду к Биндингу и скажу, что если ему уж так хочется повести меня в ресторан, то он может не дожидаться, пока немцы возьмут Москву, а осуществить свое намерение здесь, в Любимове! Я заявлю, что давно мечтаю побывать в немецком ресторане. Думаю, он согласится!

— Ну и что из того? — удивился Шумов. — Что-то я не совсем улавливаю!

— В ресторане-то к нему и вовсе не подступишься! — пожал плечами Лисицын.

— Ну и что же? — прищурилась Тоня. — Поужинать ведь там можно? А нам больше ничего не требуется! Мы сядем за тот столик, который обслуживает Римма Фокина. Пока я буду любезничать с оберстом, кто-нибудь из вас пусть сбегает к Лиде Вознесенской и попросит двадцать таблеток люминала. Это очень сильное снотворное средство. Таблетки нужно заранее передать Римме. Фокина за ужином незаметно добавит люминал в вино Биндингу и Зингеру. Как только они выпьют, я

сейчас же пожалуюсь, что худо себя чувствую, и запрошусь домой. По дороге в машине Биндинг и адъютант уснут как мертвые. Возле нашего дома шофер затормозит, ну, а дальше уж вы будете действовать! Можно даже прямо на машине отвезти генерала к реке! Он будет как бревно, не пикнет, хоть волоком по земле его тащи! Вот и все! — Тоня откинула голову и посмотрела на ребят, чьи лица выражали откровенное восхищение. Даже неисправимый скептик Лисицын признал, что Тонин план остроумный и смелый.

— Крепко закручено! — с удовольствием сказал он.

— Слишком сложно! — пробормотал Алешка. — Малейшая непредвиденная случайность может все испортить, и тогда мы непременно влипнем.

— Волков бояться — в лес не ходить! — возразил Толя. — Как хотите, ребята, мне это дело нравится!

— Ну еще бы, оно как раз в твоем вкусе, — сдался Шумов. — Ладно, товарищи! Будем считать, что план Тони принят! Давайте не терять времени. Я пойду к Лиде, она сейчас, наверно, в госпитале, а ты, Тоня, ступай домой, тебе же еще переодеться, наверно, нужно?

...Больше всего Хатимова боялась, что оберста не окажется дома. Но он сидел в комнате и слушал радио. По дому разносились звуки фашистских фоксов и танго. Шура с удивлением смотрела на сестру, которая достала из чемодана самое лучшее шелковое платье, купленное до войны, в тот год, когда Тоня поступила в институт, и, пристроив на кровати осколок зеркала, принялась расчесывать волнистые темные волосы. Ни слова не говоря сестре, она надела платье, тщательно завязала бант и, расправив на пальцах шелковые чулки, целый год пролежавшие в чемодане, стала проверять, не спустилась ли петля.

— Ты куда-нибудь хочешь пойти? — не выдержала Шура.

Не ответив, Тоня с мрачным и решительным видом натянула чулки и всунула ноги в туфли.

— Ну как? — спросила она, подбоченясь и поворачиваясь кругом. — Ничего?

— Красивая ты! — восхищенно вздохнула Шура. Она сказала это совершенно искренне. Видя каждый день сестру с гладко причесанными волосами, одетую в черное узкое платье и сапоги, Шура была теперь удивлена, поняв,

что Тоня может быть совсем другой, удивительно женственной, привлекательной и юной.

— Поцелуй меня, Шурка! — попросила Тоня. — Мне сейчас будет очень трудно! Очень!

— Понимаю! — прошептала девушка, обнимая сестру. — Иди! Я ни о чем не спрашиваю! Желаю удачи!

— К черту! К черту! — улыбнулась Тоня на пороге.

...Потом, вспоминая все, что произошло в этот вечер, Тоня не могла поверить, что вела себя так мужественно и решительно, проявила столько находчивости и здравого смысла. Девушка, поеживаясь, закрывала лицо руками, и сердце ее билось сильнее от страха, который был пережит ею в ту ночь. Но тогда, в ресторане, она не боялась, просто некогда было бояться, хотя положение возникло отчаянное. Все с самого начала пошло не так, как предполагала Тоня.

Оберст был навеселе. Он расхаживал по комнате в стеганом шелковом халате, из-под которого виднелось тонкое белье. Увидев Тоню, он заулыбался, серые тусклые глаза оживились. Указывая на стол, где стояли бутылки и открытые банки консервов, он пригласил ее разделить с ним ужин. Адъютант подобострастно придвинул стул. Девушка нерешительно села, не зная, как себя вести. Она не могла начать тот разговор, ради которого пришла. Развеселившийся Биндинг отпускал соленые солдатские шуточки, от которых Тоня краснела, хотя старалась держаться непринужденно, а Зингер то и дело угощал ее вином. Отказываться было никак нельзя, но и пить Тоня боялась, сообразив, что если они поужинают дома, то оберст не захочет идти в ресторан.

Наконец девушка, улучив момент, спросила, помнит ли еще Биндинг о своем приглашении? Сегодня она готова его принять! Разве обязательно ждать, пока будет взята Москва?.. Однако реакция оберста на эту фразу была совсем не такой, как ожидала Тоня. Он сделал знак адъютанту, тот поспешно удалился, а Биндинг подошел к девушке, взял за руку, приложился влажными губами и сделал попытку обнять... Тоня вскочила, чуть не опрокинув стол, но тотчас же, выдавив улыбку, снова села. Она не могла ни оттолкнуть немца, ни убежать. Приходилось лавировать.

Она должна была терпеть ухаживания, и Тоня терпела, хотя ее тошнило, когда полковник, дыша на нее вин-

ным перегаром, шептал пошлости. С трудом удалось перевести разговор на ту тему, которая ей была нужна.

— Правда, герр оберст, я никогда в своей жизни не была в ресторане! — кокетливо сказала Тоня. — Некому было меня повести. А интересно, наш, любимовский ресторан, он — как настоящий? Как в Москве? Я ведь в «Метрополе» не была. Только издали видела! Да что «Метрополь»!.. В наш бы ресторан сходить, музыку послушать!

Биндинг легко попался на удочку.

— Французы говорят: «Чего хочет женщина, того хочет бог!» — галантно приложился он к ее руке и отправился переодеваться. Тоня ликовала, но оказалось, что рано!..

В ресторане было полно немецких офицеров. Тесный полуподвал, уставленный столиками, не вмещал многочисленных гостей. На крохотной эстраде баянист с бледным, нездоровым лицом ожесточенно растягивал меха.

Тоня увидела Римму Фокину. Та скользила между столиками в коричневом платье с кружевным воротником, в белом передничке, ловко держа в руках поднос, уставленный тарелками и бутылками. Оберст, прямой как палка, величественно спускался по ступеням. Немцы вскочили, раздался нестройный хор приветствий. Биндинг, подав руку, усадил Тоню за столик. Через секунду подскочила Римма и постелила чистую скатерть. Тоня боялась подать ей знак. Необходимо было узнать, есть ли уже у Риммы люминал? Извинившись перед Биндингом и Зингером, Тоня вышла в туалетную комнату и задержалась возле зеркала, с удивлением разглядывая незнакомое красивое лицо с блестящими холодными глазами и полуоткрытыми накрашенными губами. Хлопнула дверь. Влетела Римма. Она была бледна и испугана:

— Случилось несчастье! Лида Вознесенская час тому назад арестована! Орел велел передать, что план остается прежним, за исключением люминала! Будь осторожна, Тонечка, умоляю!.. Меня ждут в зале, прощай! — Римма чмокнула Тоню в щеку и скрылась. Девушка ошеломленно провела рукой по лицу. Арестована Лида! Но что же теперь делать? Голова у Тони вдруг стала тяжелая, в висках заломило. Покачнувшись, она вышла из туалетной комнаты.

— Фрейлейн так долго отсутствовала, что мы не на-

деялись ее больше увидеть! — сказал Биндинг. — Вы будете что-нибудь пить?

— Да! — тряхнув головой, беззаботно сказала Тоня. — Я хочу пить и танцевать! Почему не играет музыка? Ведь в ресторане должна быть музыка.

— За победу доблестной германской армии! — поднял бокал адъютант и испытующе посмотрел на Тоню, но она спокойно и весело выдержала его взгляд.

— Отлично! Пью за победу доблестной армии!

— Германской армии! — подчеркнул Зингер, чье поведение все больше не нравилось Тоне.

— Ну, а то чьей же еще! — вызывающе ответила она и, запрокинув голову, выпила все вино до капли. Сквозь стекло бокала она видела, что адъютант не спускает с нее подозрительного, настороженного взгляда.

Баянист заиграл «русскую». Тоня встала из-за стола, расправила плечи, ухватила кончиками пальцев подол и плавно прошлась по залу, постукивая каблучками. Перед глазами все кружилось. Мелькали пьяные лица фашистских офицеров, столы, белые косынки официанток, эстрада и покрасневший от стараний баянист. Загремели аплодисменты. Тоня, томно улыбаясь, шла к столу, а немцы азартно хлопали в ладоши, кричали. Биндинг наклонился к Тоне:

— Фрейлейн очаровательна!

— Ваше присутствие меня вдохновляет! — громко заявила Тоня и, в упор посмотрев на Зингера, дерзко спросила: — А почему так мрачен ваш адъютант? Надеюсь, он не хочет испортить нам настроение?

Зингер, покраснев, заставил себя улыбнуться:

— Что вы! Вам показалось! — В его глазах мелькнула злость. «Пора кончать!» — подумала Тоня и, схватив бутылку, до краев наполнила бокалы.

— За здоровье господина полковника! — звонко проговорила она. — За ваши успехи, господа! — И первая выпила вино. Она боялась, что сильно опьянеет, но, к своему удивлению, осталась совершенно трезвой. Она была так возбуждена, что алкоголь не подействовал.

— Мне нехорошо! — через минуту пожаловалась Тоня и расстегнула пуговицу на платье, обнажив шею. — Я хочу домой! — многозначительно и лукаво посмотрела она на Биндинга. Оберст с загоревшимися глазами встал, щелкнул каблуками:

— Прошу!

Все офицеры стояли, вытянувшись в струнку, пока они проходили через зал...

Вспоминая позже свое поведение, Тоня никак не могла понять, откуда у нее взялись эти развязные манеры? Ведь прежде она никогда не пила вина и тем более не была в компании с пьяными мужчинами. Каким же образом удалось нащупать верный тон и не вызвать у проницательных и недоверчивых немцев подозрения?.. Должно быть, интуиция помогла ей до конца сыграть свою роль, а возможно, она бессознательно подражала героине из какой-нибудь давно прочитанной книги...

На улице было душно, как перед грозой. Адъютант побежал вперед, чтобы открыть дверцу машины. Воспользовавшись этим, Тоня шепнула:

— Неужели мы так и поедем втроем?

— Господин Зингер! — понимающе взглянул на нее Биндинг. — Вы пойдете пешком! Садитесь, фрейлейн Тоня!

Адъютант колебался. Он хотел сказать что-то шефу и уже открыл рот, но Тоня его предупредила:

— Почему же вы медлите? — капризно спросила она, высунув голову из машины. — Может быть, вы боитесь, что я украду вашего оберста?

Зингер натянуто улыбнулся. Бесстрастный немец-шофер включил газ. Нарядный, сверкающий «опель-адмирал» мягко покатил по улице.

Биндинг тут же обнял Тоню и стал шарить потными руками по ее телу. Она, стиснув зубы, терпела. Скрипнули тормоза. Автомобиль, покачнувшись, остановился. Оберст открыл дверцу и пропустил девушку вперед, затем вылез сам.

Краем глаза Тоня заметила в тени забора человеческую фигуру. Она приподнялась на цыпочки и, полузакрыв глаза, потянулась к Биндингу. Он обнял ее за талию. Разгоряченное, пахнущее удушливым по́том лицо было совсем близко. Преодолев отвращение, Тоня обхватила руками его голову, стиснула, чтобы он не мог крикнуть или позвать на помощь. Она была уверена, что ребята ее поймут. Они поняли!

В ту секунду, когда Биндинг хотел ее поцеловать, тело его вдруг обмякло. Он захрипел и покачнулся. Железные пальцы сзади стиснули его горло...

Отступив, Тоня увидела Толю, Алешку и Женю Лисицына. Ребята дружно схватили оберста и опрокинули на землю. В стороне послышался короткий стон. Блеснул штык. Это Колька-цыган расправился с шофером. Через несколько секунд все были в машине. Биндинг, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту, сидел между Алешкой и Колькой. Антипов включил мотор. «Опель-адмирал», как разгоряченный конь, рванулся вперед. Толя едва не выпустил «баранку».

Дорога с шелестом убегала назад. Промелькнули комендатура, полиция, заводской клуб. Толя круто повернул руль. Ребята повалились друг на друга. Машина неслась по переулку, под гору. Внизу был крутой обрыв, под обрывом река. Антипов отжал тормоз. Автомобиль, скрежеща шинами по камням, остановился на самом краю и покачнулся. Казалось, еще секунда — и он опрокинется!

— Порядок! — прошептал Алешка, с помощью Жени вытаскивая полузадохшегося оберста. Оправляя измятое платье, вылезла Шура, которую Тоня раньше не заметила. Сестры бросились друг к другу. Шура прошептала:

— Я так боялась за тебя, так боялась!..

— Быстрее! — поторопил Алексей.

Ребята спустили Биндинга в лодку, покачивающуюся на черной воде. Колька-цыган, подав руку, помог Тоне соскользнуть с обрыва.

— Вот и все! — сказал Шумов. — Вам, девочки, нужно немедленно уходить в отряд. Ни Тоне, ни Шуре нельзя больше оставаться в городе. Коля вас проводит. На той стороне подождете Посылкова. Он будет у реки ровно в час ночи. А теперь попрощаемся!

— Подождите! — растерянно сказала Тоня, совсем не ожидавшая такого поворота событий. — А как же вы?

— Мы будем работать! — просто ответил Алеша. — Нам ведь пока можно! Ну, садитесь в лодку, товарищи! Шурик! Ты не обидишься, если я тебя на прощанье поцелую?

Вместо ответа Шура прильнула к юноше, порывисто прижалась щекой к его груди. Ребята смущенно отвернулись. Тоня была удивлена и растрогана. Она и не подозревала, что Шумов и сестра любят друг друга.

— До свиданья, Алеша, милый! — прошептала Шура и прыгнула в лодку, где уже сидели Тоня и цыган, кото-

рому было поручено их проводить. Отчалив от берега, девушки еще несколько секунд видели черные силуэты, вскоре исчезнувшие. Когда лодка была на середине реки, послышался тяжелый гул, посыпались камни. Что-то огромное, бесформенное с плеском обрушилось в воду.

— Машину опрокинули! — прошептал Коля, не переставая грести.

Вскоре нос лодки мягко уткнулся в песок. Девушки помогли Авдееву вытащить на берег оберста. Духота сгустилась. На потные лица налипла паутина. Шура, которая однажды была в этих местах, шла впереди. За ее спиной грузно переставлял ноги связанный Биндинг. Тоня замыкала шествие. На поляне остановились. Было очень тихо, только деревья таинственно шептались над головой. Вдруг перед Шурой возник Афанасий Кузьмич.

— Есть? — коротко спросил он.

— Есть! — ответила Шура.

— Пошли! — скомандовал Посылков. — А вы-то теперь как же? Все трое в отряд?

— Нет, — сказал Коля-цыган. — Я назад поплыву! Счастливого пути, девчата! — Махнув рукой, он растворился в темноте. Хрустнули ветки.

Подталкивая ошалевшего оберста, Афанасий Кузьмич направился в лес. Тоня и Шура не отставали. Девушкам было страшно. Шура прижалась к сестре. Но Тоня не могла ее подбодрить. Она сама боялась. Ночной лес был таким незнакомым! Кусты и кочки казались притаившимися людьми. Только что проявившие немалую выдержку и мужество, сестры теперь почувствовали себя слабыми и беспомощными. То же самое испытала бы в подобных обстоятельствах любая представительница их пола... Тоня и Шура были обыкновенными девушками. Они нуждались в защите, а те, в ком они привыкли видеть поддержку, сейчас были далеко...

Шли очень долго, но вот между деревьями мелькнули костры. Их остановил часовой, но, обменявшись несколькими словами с Посылковым, отступил.

Девушки с любопытством разглядывали партизанский лагерь. Как часто они с благоговением думали о людях, живущих в лесу, о тех, кому так самоотверженно и преданно помогали! Теперь Тоня и Шура, наконец, познакомятся с ними!.. Но юные подпольщицы все же не ожидали, что встреча будет такой радушной и горячей!

Их окружили бородатые мужчины с винтовками и автоматами, пожимали руки, хлопали по плечу, каждый хотел протиснуться ближе, чтобы разглядеть девушек, которые так храбро работали в немецком тылу. Тоня и Шура окончательно смутились, когда подошел командир. Они его сразу узнали, несмотря на то, что Золотарев был в кожаной куртке и высоких охотничьих сапогах, а не в милицейской форме, в которой девушки привыкли его видеть до войны. Ласково обняв за плечи, он повел Тоню и Шуру в командирскую землянку. Здесь к ним бросилась сияющая, радостная Зина.

Объятия, поцелуи и взаимные расспросы готовы были затянуться до утра. Но девушек пригласили к столу, где уже сидели улыбающиеся, празднично приодетые разведчики. Юрий Александрович, только что допрашивавший Биндинга, заявил, спустившись в землянку, что сведения, сообщенные оберстом, имеют большую ценность. Задание комсомольцы выполнили блестяще. Он, Золотарев, непременно представит их всех к награде!

— Теперь расскажите все с самого начала! — обратился к Тоне Юрий Александрович, когда убрали со стола. — Вы представить не можете, как этот Биндинг взбешен! «Я,— говорит,— никогда в жизни себе не прощу, что позволил девчонке обвести меня вокруг пальца!»

— В общем получилось довольно просто! — смущенно ответила Тоня и коротко рассказала о том, что произошло нынче вечером. Не забыла упомянуть и о неожиданном аресте Лиды Вознесенской. Услышав фамилию Лиды, Золотарев нахмурился. Несколько секунд он потирал пальцами виски, явно пытаясь что-то вспомнить.

Когда гости разошлись и землянка опустела, он отозвал Тоню в сторону и спросил:

— Это какая же Вознесенская? Не дочка ли священника? — Девушка кивнула.

Юрий Александрович, заметно помрачнев, подошел вместе с Тоней к начальнику разведки Малышеву, который жил тут же, в землянке, и теперь, сидя на топчане, готовился ко сну.

— Ты понимаешь, Малышев, какое паршивое дело! — сказал Золотарев.

— Что случилось? — поднял голову капитан.

— Да вот, у них в подпольной организации состояла

Лида Вознесенская, дочка священника... Помнишь, ты как-то мне про нее рассказывал?.. А сегодня ее арестовали, причем не одну, а вместе с другими медицинскими сестрами! Тебе этот факт о чем-нибудь говорит?

— Погоди! — встал Малышев, застегивая гимнастерку. — То есть как же эта Вознесенская могла быть в организации, когда известно, что она живет с обер-лейтенантом Иванцовым! Она его любовница!

— Что? — с ужасом спросила Тоня. — Да нет, не может быть!

— Удивительная беспечность! — раздраженно сказал капитан, обращаясь к Юрию Александровичу.

— Ладно, об этом теперь поздно говорить! — отрубил Золотарев и положил руку Тоне на плечо. — Скажи, пожалуйста, Хатимова, эта Лида знает в лицо Шумова?

— Ну ясно, знает! — ответила Тоня. — Она вообще нас всех знает и в лицо и по фамилиям! Но неужели вы ее подозреваете?

— Нужно немедленно предупредить Алешу! — с беспокойством сказал начальник разведки. — Раз ее арестовали, в городе никому оставаться нельзя! Все комсомольцы, известные Вознесенской, должны этой же ночью уйти в лес!

Тут только Тоня поняла, что ребятам грозит смертельная опасность! Сама она была незнакома с Лидой, и поэтому уверенность Золотарева и Малышева в том, что Вознесенская предательница, передалась и ей.

— Конечно, мы понятия не имели, что Лида путается с Иванцовым! — сказала Тоня. — Да и как бы мы могли об этом узнать?.. Теперь все понятно! Должно быть, сам Иванцов и поручил Вознесенской проникнуть в подпольную группу... Одним словом, мы с Шуркой сию минуту возвращаемся в город!

— Вы? — удивленно посмотрел на нее Юрий Александрович. — Ну нет! Два раза в один день с судьбой не играют! Пожалуйста, отдыхайте! Другие сходят!

— Да поймите же, что это будет неразумно! — горячо сказала Тоня, прижав руки к груди. — Именно мы с Шурой должны предупредить Алешу! Мы дорогу хорошо знаем и в темноте найдем. Нам обстановка в Любимове знакома, нас патрульные не задержат! Мы научились уже их обманывать! А другие зря проходят всю ночь, и сами попадутся, и Шумова подведут!

— Это очень логично! — решительно поддержал Малышев.

— А в судьбу, товарищ командир, мы с сестрой не верим! — добавила Тоня.

...И вот девушки снова очутились в лесу. Только теперь с ними не было Посылкова. Но теперь они не боялись. Настоящая, а не воображаемая опасность придала им силы. Лодка по-прежнему чернела на воде, привязанная к коряге. Шура взялась за весла. Тоня уцепилась за руль.

— А все-таки я не могу себе этого представить! — прошептала Шура, неслышно опуская весла в стеклянную воду. — Понимаешь? Не могу! Она настоящая советская девушка! Я не верю, что она... Ведь Иванцов настоящий палач! Как можно его полюбить?

— Ты рассуждаешь наивно! — буркнула Тоня. — Ты просто еще ребенок!

Они пристали к берегу и вскарабкались на обрыв.

— Может быть, ее сейчас там мучают, а мы так говорим! — задыхаясь, упрямо сказала Шура. — Я ничего не имею против, если Алеша будет в отряде, но Лида здесь ни при чем! Как могут люди точно знать, любовница она или не любовница? Со зла кто-нибудь наговорил!

— Ладно! Нельзя ли потише! — сердито оборвала Тоня. — Все выяснится, будь спокойна!..

Проходными дворами девушки пробрались к дому Шумова. Начало светать, когда они остановились у покосившегося плетня. Шура хотела сразу перелезть через ограду, но Тоня удержала ее за рукав. Они долго прислушивались. В доме, казалось, никого не было. Недалеко от забора чернел сарай, где обычно спал Алешка, а в последнее время ночевали и Женя с Анатолием. Сестры, помогая друг другу, перелезли через плетень.

— Алеша! — шепотом позвала Шура. Никто не ответил. Отстранив ее, Тоня скрылась в сарае. Она тотчас же вышла и покачала головой в ответ на вопросительный взгляд сестры:

— Здесь их нет.

— Наверно, в доме! — неуверенно сказала Шура и, не ожидая ответа, пошла к крыльцу. Тоня хотела остановить ее. Но Шура уже поднялась по ступенькам, и Тоня последовала за ней. Девушка негромко постучала в раму, как делала всегда, вызывая бабушку. Тотчас же

послышались шаги. Это были не женские, а мужские, тяжелые шаги. У Тони упало сердце. Она дернула Шуру за рукав, но было уже поздно... Выскочил полицай с автоматом. Луч электрического фонаря ударил в лица.

— Вот и гости! — раздался насмешливый голос. — Давайте их сюда!

Высыпавшие на крыльцо полицейские схватили Шуру и Тоню и втолкнули их в дом. Кухня была освещена чадящей керосиновой лампой. У стены, прижав руку к губам, стояла непохожая на себя, с разбитым, распухшим лицом Елизавета Ивановна. Старуха с ужасом смотрела на девушек. «Что же это вы? — казалось, хотела она сказать. — Зачем же вы сюда пришли?»

Тоня узнала Федьку Козлова. Другие полицейские были ей незнакомы. Козлов подошел к ней, схватил твердыми, холодными пальцами за подбородок и хрипло захохотал:

— Сама пришла? Правильно сделала, все равно бы поймали! Твои дружки-приятели уже у нас сидят, скоро с ними встретишься!

Тоня не ответила, даже не посмотрела в его сторону. Она обернулась к Шуре и горько сказала:

— Ну вот, видишь, все и выяснилось!

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ГЛАВА

Лиду погубила случайность, вернее собственная оплошность. Забравшись в шкаф, где хранились различные яды, она перепутала банки и вместо синильной кислоты отсыпала в пакетик бертолетову соль. Но дело было, конечно, не только в этом!

Лида допустила самую большую ошибку в тот момент, когда, не в силах больше терпеть косые взгляды Галины Никитиной, решила на свой риск и страх, без согласования с Шумовым, совершить давно задуманное похищение медикаментов из госпитальной аптеки. Медикаменты эти в сущности были никому не нужны, так как самолет с Большой земли уже снабдил партизанский отряд лекарствами, и потому затея Лиды никак не могла принести пользу организации, а была ненужным и вредным риском.

Но Лида, как говорится, закусила удила. Ей стало невтерпеж слушать ехидные, издевательские замечания Никитиной, которая постоянно стремилась унизить ее и высказать ей недоверие!

— А время идет! — встречая Лиду в коридоре, усмехалась Галина. — Что-то у твоих партизан, наверно, ни больных, ни раненых нет! Наверно, сидят твои партизаны не в лесу, а в полицейском управлении!

— Что ты хочешь этим сказать? — вспыхивала Лида.

— А то, что гляди, девка! Хвостом крути, да не зарывайся. Меня ты не обманешь! — с угрозой отвечала Никитина.

Много раз Лида была близка к тому, чтобы рассказать Галине о том, как стащила сульфидин, и вообще обо всех своих делах. Но она сдерживалась. Это была не ее тайна. В конце концов однажды, когда Никитина в присутствии Ирины Демченко окрестила ее обманщицей и самозванкой, Лида не стерпела и, с трудом сдерживая слезы, ответила:

— Напрасно ты мне не веришь! Сегодня вечером мы возьмем эти медикаменты!

— А как насчет часового? — прищурилась Галина.

— О часовом я позабочусь сама! — храбро сказала девушка.

Оправдывая свое решение, Лида подумала, что все равно работать в таких условиях больше невозможно. Какой же она руководитель подпольной группы медработников, если медработники ей не верят! Нужно поддержать свой авторитет!..

Часовой сменялся в одиннадцать часов вечера. Лида давно придумала способ без шума избавиться от него. Она достала из пакетика бертолетову соль и, воображая, что это синильная кислота, всыпала щепотку в четвертинку водки, которую принесла из дому. В десять часов Вознесенская зашла к Демченко, которая готовилась запереть аптеку, и сказала:

— Быстренько сложи наиболее дефицитные препараты в мешок и стой у двери! Я тебя позову!

— А как же мы пройдем мимо часового?

— Не беспокойся об этом! — ответила Лида.

Она отыскала в палате Никитину и, отведя ее в сторону, прошептала:

— Сейчас я дам часовому синильную кислоту. Ты

оденься и жди во дворе! Я выйду вслед за тобой! Демченко пронесет по коридору мешок, передаст нам, а сама тут же вернется в госпиталь и будет вертеться на глазах у немцев, чтобы ее не заподозрили. А мы отнесем медикаменты в надежное место! Ты меня поняла?

— Поняла! — помолчав, сказала Галина. — Смотри, если ты!.. — Она не договорила, но взгляд был достаточно выразительным.

После этого Лида приступила к выполнению основной части своего плана. Она положила в сумку, которую всегда носила с собой, завернутую в газету четвертинку, и направилась к выходу. Часовой загородил дорогу и потребовал показать, что в сумке. Он обыскивал так всех русских сестер и врачей каждый вечер. На это и рассчитывала Лида. Сделав вид, что очень опечалена, она попросила:

— Пропустите меня, господин солдат! Я вас очень прошу!

Но часовой уже заглядывал в сумку. Он вытащил бутылку и посмотрел на этикетку.

— Ого! — с удовлетворением сказал немец. — Шнапс! — И без лишних разговоров спрятал четвертинку в карман. Сердце у Лиды вздрогнуло от радости, однако она не подала вида и продолжала упрашивать солдата, чтобы тот вернул водку. Часовой важно поднял палец и произнес по-русски:

— Воровство есть плёхо!

— Ну ладно, вы меня простите, я больше не буду! — сказала Лида и вышла во двор. Возле ворот разыскала Никитину и шепнула:

— Подождать надо, пока он отхлебнет! Одного глотка достаточно! — Галина покосилась на Лиду, но ничего не сказала. «Какая же ты упрямая! — подумала девушка. — Но, погоди! Теперь я сумею тебя убедить!»

Когда по ее расчетам прошло достаточно времени, Лида вошла в госпиталь и побежала в то крыло, где находилась аптека и где стоял часовой. Выглянув из-за угла, она увидела немца. Он сидел на табурете, уронив голову, с закрытыми глазами. Решив, что часовой мертв, Лида постучала в аптеку. Выглянула бледная Ирина.

— Давай! — сказала Лида.

Взвалив мешок на плечо, Демченко выскользнула в коридор. Сзади мешок поддерживала Лида. Но часовой,

разумеется, был жив. Ему ничего не сделалось от растворенной в водке бертолетовой соли. Опьянев, он просто немножко вздремнул. И когда, проходя мимо него, Ирина скрипнула половицей, немец вскочил. Девушки были так потрясены, что слова не могли вымолвить. Они стояли и тупо смотрели на воскресшего солдата. А тому спросонья, очевидно, показалось, что перед ним не две девушки, а по крайней мере целый партизанский отряд. Он поднял автомат и в упор выпустил длинную очередь. Демченко, застонав, выронила мешок. Отовсюду сбегались немцы... Никитину схватили на крыльце, куда она поднялась, чтобы узнать, почему так долго не идет Лида.

И когда их, избитых и окровавленных, вели по двору, чтобы посадить в стоявшую у ворот черную машину, куда уже швырнули бездыханное тело Ирины, Галя с жгучей ненавистью посмотрела на Лиду и звонко крикнула:

— Паскуда! Ах, какая же ты паскуда!

— Что ты, что ты! — прошептал доктор Соболь, которого подталкивали прикладами два немца. — Зачем ты ее так? Она не виновата!

— Вас обманули, доктор! — всхлипнула Галина. — Она всех обманула! Провокатор! Полицейская шлюха! Тьфу! — Женщина плюнула Лиде в лицо.

А Лида была словно каменная. Она даже не вытерла плевок. Она молча залезла в машину, покорно выслушивала оскорбления и не пыталась оправдываться. Лида силилась понять, как могло случиться, что часовой оказался жив? Значит, он не выпил? Но почему тогда он уснул?

Девушку охватило оцепенение. Она безучастно сидела на полу в темном кузове, подпрыгивая от толчков, с равнодушным, отсутствующим видом вылезла, когда ее вытолкнули, и вслед за Никитиной и Соболем поднялась по белым каменным, чисто вымытым ступенькам.

Она узнала то место, куда их привезли. Их привезли в гестапо, которое помещалось в здании индустриального техникума. Стены в коридоре были исписаны фамилиями студентов, а в комнатах висели черные доски... О тайной полиции в городе рассказывали страшные вещи. Говорили, что люди, попавшие сюда, мечтают о смерти, как об избавлении. Лида вспомнила об этом, но осталась равнодушной. Она немного пришла в себя лишь в камере,

когда захлопнулась дверь и настала напряженная, жуткая тишина. Тогда девушка бросилась на цементный пол и беззвучно зарыдала, кусая губы, чтобы никто ее не услышал. Нет, не свою судьбу она оплакивала. Ей было неважно, что ее арестовали и, быть может, станут мучать, а потом убьют! Это как-то отошло на второй план. Лида вспоминала ненавидящий взгляд Галины и страдала оттого, что не только не удалось ее переубедить, а наоборот, теперь она до смерти будет проклинать Лиду и умрет, уверенная, что та ее предала! Сознавать это было очень страшно. Так страшно, что Лида лучше вытерпела бы любые пытки.

Девушка не знала, что делается за пределами камеры. Она была отрезана от мира. Окон не было. Под потолком тускло мигала крохотная лампочка под проволочным колпачком.

Изредка в коридоре слышались шаги, звенели ключи, хлопали двери, а иногда откуда-то издалека, словно из-под земли, раздавался вдруг протяжный, нечеловеческий вопль. Лида, холодея, зажимала уши.

Сначала она со страхом ждала того момента, когда вызовут на допрос. Лида не строила иллюзий относительно своей судьбы и была уверена, что ее обязательно станут избивать и допытываться, с кем она связана и кто давал задания. И, стараясь подавить ужас, Лида мысленно клялась, что под самыми мучительными пытками не скажет ни слова.

Но время шло, никто не приходил, и постепенно неизвестность и неопределенность начали тяготить девушку. Теперь уже хотелось, чтобы поскорей все прояснилось. В глубине сознания теплилась мысль, что там, на допросе, она встретится с Галиной и будет вести себя так мужественно, что Никитина поймет свою ошибку. Лида мечтала о пытках, которым подвергнут ее в присутствии Гали, как о счастье... Но судьба не подарила ей даже такого счастья!..

Она задремала и не слышала, как открылась дверь. Вошли два немца в черной форме с серебряными молниями на воротниках мундиров. Один с размаху ударил девушку ногой в грудь. Вскрикнув, Лида вскочила. Увидев эсэсовцев, она гордо подняла голову и вышла в коридор.

Ее вывели во двор. Здесь стояла черная машина с брезентовым верхом. «Куда они хотят меня везти? — мелькнуло у Лиды. — Разве не будут допрашивать?» Немцы схватили ее под руки и втолкнули в машину. Девушка упала на пол, потом села. Рядом на скамейке, сжав руками автомат, покачивался солдат.

Автомобиль, переваливаясь с боку на бок, несся по пустынным улицам. Была глубокая ночь. «Может быть, меня везут на расстрел?» — подумала Лида. Она хотела выглянуть в щель, посмотреть, куда они едут, но немец молча ударил ее прикладом по спине. У Лиды внутри как будто что-то оторвалось. Со стоном она опрокинулась на спину, скорчилась и не сразу смогла вздохнуть.

Она вспомнила о Дмитрии, и ей мучительно захотелось увидеть его. Последняя встреча была дней десять тому назад. Он забежал на минутку, сказал, что очень спешит, поцеловал Лиду и намекнул, что скоро та узнает новость, которая ее удивит, а может быть, и обрадует... Девушка не успела расспросить. Иванцов как будто избегал оставаться с нею.

Когда он ушел, Лида задумалась. «Наверно, — пыталась она отгадать, — есть хорошие известия с фронта!» И решила, как только придет Иванцов, рассказать о своей связи с комсомольским подпольем! «Пусть узнает, что я так же, как и он, работаю для победы!» Но Иванцов больше не приходил...

Скорчившись от боли, Лида представляла, как Дима, узнав об ее гибели, будет горевать! Ведь он так любит ее! Лишь бы сам дожил до победы! У него такая сложная и опасная работа! Каждую минуту ходит, словно по лезвию бритвы!.. «Пускай я умру, но ты живи и будь счастлив, милый мой!» — прошептала девушка.

Машина остановилась. Мотор умолк. Лида с трудом поднялась на ноги и спустилась на землю. Автомобиль был окружен солдатами и полицейскими. Перед Лидой черной массой возвышался двухэтажный дом, белело высокое каменное крыльцо. Из окон сквозь шторы пробивался желтый свет. Лида узнала здание городской полиции и удивилась. Зачем ее сюда привезли?

Спотыкаясь от слабости и волнения, она поднялась по ступеням на второй этаж. Ее ввели в большую ярко освещенную комнату. У окна стоял обер-лейтенант Иванцов. Он разговаривал с немцем в черной форме и не обер-

нулся, когда вошла Лида. Девушка не могла глаз оторвать от Дмитрия. Шевельнулась неясная надежда. Может быть, это он устроил, что ее привезли сюда? Может быть, решил спасти?.. Стало трудно дышать.

Догадка Лиды была правильной. Но она не знала, сколько усилий пришлось затратить Иванцову, чтобы вырвать ее из рук гестапо.

Случайно услышав об аресте Вознесенской, он ужаснулся. Ему было хорошо известно, что в тайной полиции с арестованными не церемонятся, как, впрочем, и в полиции явной. Кусая губы, обер-лейтенант бегал по кабинету и искал способ выручить девушку. Она, словно наяву, представала перед ним — окровавленная, избитая, умирающая, от этих картин волосы вставали дыбом. Пока Иванцов пытался найти выход из положения, в полицию привезли арестованных комсомольцев. Он отправился взглянуть на них, вошел в камеру, и здесь вдруг ему в голову пришла великолепная идея!..

Не теряя ни минуты, он приказал приготовить машину, сам сел за руль и через полчаса уже был в кабинете у майора фон Бенкендорфа.

Обер-лейтенант доложил коменданту о том, что нынче ночью ликвидирована подпольная большевистская группа, которую они столько времени искали и не могли нащупать. С диверсантами в Любимове покончено!..

Бенкендорф, не скрывая удовлетворения, вышел из-за стола и протянул Иванцову холодную, вялую руку. Старший следователь счел момент подходящим для того, чтобы выполнить свой замысел.

— Да, вот еще что! — сказал он, словно внезапно вспомнив. — У меня имеется небольшая просьба. Несколько часов тому назад гестапо арестовало русских врачей и медсестер. Среди них оказалась некая Лидия Вознесенская. По имеющимся у меня сведениям, она является участницей большевистского подполья. Мы должны были ее взять этой ночью, но эсэсовцы нас предупредили. Так вот, для упрощения следствия дело Вознесенской, мне кажется, лучше передать в полицию! Тогда все нити будут находиться в одних руках... Это нужно сделать сегодня же, а то медсестру могут ликвидировать, и я не успею ее допросить!..

Иванцов усилием воли заставил себя произнести эту фразу безразличным тоном, но лицо покрылось потом от

напряжения и страха. Затаив дыхание, он ждал, что ответит майор. А тот, по-видимому, не придал большого значения просьбе.

— Хорошо, я поговорю с оберштурмфюрером! — пообещал он и тотчас же стал расспрашивать Иванцова о том, как удалось обнаружить подпольщиков.

— У меня была среди них агентура! — коротко ответил следователь, не желая много распространяться на эту тему, чтобы у Бенкендорфа тем временем не вылетела из головы его просьба.

— Так вы не забудьте насчет Вознесенской! — с беспокойством сказал он, выходя из кабинета.

Следующие два часа были, пожалуй, самыми мучительными в жизни Иванцова. «Дура! Ах, какая дура!» — шептал он, раскачиваясь на стуле и схватившись руками за виски. «Так глупо влипнуть. И ведь я подозревал что-то в этом роде! Давно надо было поговорить с нею, выбить из головы идиотскую романтику!» Он то ругал девушку, то с перекосившимся от боли лицом принимался звать ее: «Лидушка, родная! Только бы ты была жива!..»

На стене неторопливо тикали ходики. Покачивалась ржавая гиря. Обер-лейтенант с ненавистью смотрел на нее. Он несколько раз снимал с рычага телефонную трубку, порывался звонить фон Бенкендорфу, Гердштеду, но сдерживался, понимая, что такое поведение может вызвать у них подозрение... Наконец под окнами фыркнул автомобильный мотор. Вошедший в кабинет надменный эсэсовец вручил запечатанный конверт с грифом «Совершенно секретно».

Обер-лейтенант не заметил, когда привели Лиду. Он не узнал ее. Девушка осунулась и как будто состарилась на несколько лет. Сердце у Иванцова болезненно сжалось. Он быстро накинул крючок на дверь и бросился к Лиде. Притихнув, девушка спрятала голову у него на груди.

Текли минуты. Вспомнив, что времени осталось в обрез, Иванцов осторожно отстранил жену. У него уже готов был план.

— Давай поговорим! — сказал обер-лейтенант, садясь на скамейку. — Я не буду вспоминать о том, что ты наделала! Поздно! Никогда не прощу себе, что откладывал наше объяснение. Есть доля и моей вины в том, что случилось!

— Погоди, о чем ты? — не поняла девушка. Ей показался странным его тон.

— О том, что ты довела-таки себя до беды! — отрезал следователь и вскочил. — Я надеялся, ты поумнеешь, а ты впуталась в историю! Влезла в компанию к этим идиотам, которых через несколько дней расстреляют!

— Дима! — закричала Лида, подняв руки, словно защищаясь. — Ты понимаешь, что говоришь?.. Я допустила оплошность... Но ведь все равно меня могли арестовать! Я шла на это! А ты сам? Ты ведь тоже рискуешь жизнью для Родины? За что же ты оскорбляешь моих товарищей?!

— Я рискую для Родины? — переспросил Иванцов и криво усмехнулся. — Дура! Безмозглая дура! — Он покраснел и сжал кулаки. — Я могу рискнуть только ради тебя! И я сейчас действительно рискую! А ты мне тут говоришь громкие фразы! Хватит играть комедию! Слушай меня внимательно. Ты презираешь тех людей, которые служат у немцев, а себя, конечно, считаешь героиней. Ну, так вот. Никакая ты не героиня. И презирать нужно не их, а тебя. Да, да! И нечего смотреть на меня с таким ужасом! Ты знаешь, что такое немцы? Это культурная, великая нация. И ты со своими голодными партизанами хотела их победить? Как же после этого тебя не презирать?.. Ради чего, спрашивается, ты голову под топор подставила? Ради Советской власти? Да где она, твоя Советская власть? Нет ее! Понятно? И больше никогда не вернется! Теперь везде будет новая, немецкая власть. Нужно с ней ладить, если хочешь жить. Лидочка, слушай меня, я тебя люблю и желаю нам обоим добра! Мы ведь обыкновенные люди, не какие-нибудь особенные! Что нам с тобой, больше всех надо? Нам бы свое, маленькое счастье сохранить, сберечь! Живыми остаться... А немцы меня оценили. Офицерское звание присвоили. Фон Бенкендорф в Германию меня послать обещал... Вместе поедем! Что же ты молчишь, Лидушка? Ты должна ответить...

Она глубоко вздохнула и опустила глаза. В ее лице не было ни кровинки.

Иванцов решил, что убедил Лиду. Схватив ее за руку, он продолжал:

— Большая удача, что твое дело передали в полицию! Я устрою побег! Этой же ночью! Завтра, воз-

можно, будет поздно!.. Бенкендорф может приказать, чтобы всех арестованных расстреляли без следствия. У нас такие вещи бывают. И тогда я не смогу тебя спасти!.. Слушай и запоминай. Тебя посадят в камеру, которая находится в подвале. Там на окне есть решетка, но она держится слабо. Я позавчера велел ее укрепить. Козлов утром доложил, что приказ выполнен, но я точно знаю, что он соврал. Потом все можно будет на него свалить!.. Как все утихнет, ты дерни решетку посильнее, она вывалится вместе с кирпичами. Сразу беги ко мне. Мой дом теперь пустой! Никто тебя не увидит. Ключ под дверью. Спрячешься в моей комнате. Там безопасно. А через пару недель, когда всех этих сопляков ликвидируют, дело забудется, я что-нибудь придумаю... Улучу минутку, когда Бенкендорф в хорошем настроении будет, и расскажу о тебе. Дескать, девушка молодая, глупая, заблуждалась, но теперь желает служить германским властям! Я все сообразил, пока тебя ждал!..

Иванцову казалось, что Лида соглашается. Она сообразила наконец, что каменную стенку не прошибешь, и решила покориться. Не такая же она глупая, в самом деле, чтобы смерть предпочесть свободе! Но обер-лейтенант жестоко ошибался. Он плохо знал Лиду.

В первое мгновение девушка была настолько ошеломлена, что потеряла дар речи. Через минуту она подумала, что ослышалась. Ужасное пробуждение!.. Хотелось умереть, чтобы не слышать ненавистного человека. Да, ненавистного!.. Гнев и горе душили Лиду. Как низко, как подло он обманывал... Что подумают о ней товарищи — Алексей, Женя, девочки?.. Разве поверят они, что Лида невиновна? Нет, не поверят! Она боролась, рисковала, готова была пожертвовать собой для святого дела, а Иванцов все растоптал!.. Он погубил не только ее жизнь — что жизнь! Он лишил Лиду большего: честного имени!

— Ты согласна? — нетерпеливо спросил Иванцов, поглядывая на дверь, за которой слышался шум.

— Нет, я не согласна! — спокойно ответила девушка. Что толку было вступать с ним в объяснения! — Я хочу к товарищам! Отведи меня к ним!..

— Лида! — отшатнулся обер-лейтенант.

— Лиды больше нет!

Раздался стук. Иванцов откинул крючок. Начальник

полиции Дорошев втолкнул в кабинет рослого парня. Тот подошел к столу, сгорбившись, вытянув руки, точно слепой. Его лицо было в кровоподтеках, губы разбиты, волосы слиплись. И все-таки Лида его узнала. Она узнала Женю Лисицына и вскрикнула. Женя медленно повернул голову. Лида до последнего часа не могла забыть этот укоризненный, страдальческий и презрительный взгляд. Покачав головой, Женя отвернулся.

— Что же, приступим! — деловито сказал Дорошев, подталкивая Лисицына к столу. — А то много их там... До утра не кончим!

— Хорошо! — отрывисто ответил обер-лейтенант. — Скажите кому-нибудь, чтобы эту девушку отвели в подвальную камеру и дали ей поужинать. И пусть никто не смеет пальцем к ней прикоснуться. Она мне еще понадобится! Ясно?

Женя Лисицын усмехнулся.

— Не нужна мне ваша еда! — отчаянно закричала Лида. Ей хотелось подбежать к Жене и сказать, что она ни в чем не виновата! Не надо думать о ней плохо! Но не решилась. Может быть, полицейские не должны знать, что они знакомы?..

Оставшись одна в большой камере, где во мраке белели двухэтажные нары, Лида прижалась щекой к влажной каменной стене. Голова горела, как в огне. Мелькали лица Галины, Соболя и Иванцова. Звучал вкрадчивый голос:

«Вот ликвидируют всех подпольщиков, я скажу Бенкендорфу, что ты желаешь служить немецким властям!..»

— Боже мой! — простонала Лида и ничком упала на нары. Наступило забытье, похожее на сон.

Она очнулась под утро. Было тихо. Где-то за стеной ритмично капала вода. В камере стало светлей. Стены почему-то были покрыты черной копотью. «Костер здесь разжигали, что ли?» — подумала Лида. Она чувствовала себя совершенно разбитой.

У двери на скамейке стоял ужин. Жидкая баланда в оловянной миске, кусок черного хлеба. Очень хотелось есть. Чтобы не поддаться соблазну, Лида подняла крышку параши, выплеснула суп и выбросила хлеб. После этого голод как будто стал меньше...

За окном виднелись густая зеленая трава и крохот-

ный осколок темно-синего неба. Лида потрогала решетку. Показалось, что в самом деле шатается... Так, значит, в сущности она свободна! Нужно только посильнее дернуть эту решетку! Как хорошо на воле! На небе видны яркие предутренние звезды, слабый ветерок колышет траву, а здесь воздух затхлый, пропитанный нечистотами.

Лида отошла прочь от окна и легла на нары, в дальний, темный угол. Но мысли о свободе не исчезали. Девушка пыталась отогнать их, но как будто чей-то голос все громче шептал на ухо:

«Почему ты не хочешь воспользоваться? Ведь тебя ждет смерть! Ты никогда больше не увидишь ни солнца, ни неба, ни травы. А кому нужна твоя смерть? Что ты ею докажешь? Наоборот, если погибнешь, никто никогда не узнает о том, что ты вела себя честно!.. Не теряй времени, беги! Конечно, не к Иванцову, а прямо в лес, в партизанский отряд! Ты слышишь? Скоро утро! Беги же!..»

— Нет! — вслух сказала Лида и вскочила. — Нет, нет!

В камере стало прохладно. Девушка поежилась.

Она колола себя обидными, злыми словами. Ах, ты желаешь остаться живой! Скажите пожалуйста! А Ирина, погибшая по твоей вине, разве она не хотела жить? А Галя, Женя, Алексей — все эти замечательные ребята и девушки, молодые, полные сил, они что же, по-твоему, не заслуживают жизни? Но у них нет возможности убежать. А вот ты можешь это сделать! Ведь обер-лейтенант твой друг!.. Что же, если он твой друг — беги! Отбрось колебания! Другие пусть погибают. Что тебе до них?..

Задыхаясь от горя, Лида прошептала:

— Ребята, простите, простите меня!..

Она заметалась по камере. Она не хотела оставаться тут! Почему ее посадили отдельно! Лида должна быть вместе со всеми!.. Девушка подбежала к двери и принялась стучать. Через некоторое время послышался сердитый голос полицейского:

— Чего шумишь?

— Посадите меня в общую камеру! — закричала Лида.

— Вот подери еще глотку-то, я те покажу! — угрожающе сказал полицай и ушел.

— Ну хорошо же! — в исступлении закричала Лида. — Я все равно добьюсь! Я есть ничего не буду, а здесь не останусь, так и знайте!..

Она сдержала слово. Днем ей три раза приносили еду, она отказалась. Когда стемнело, появился Иванцов. Отослав полицейских, присел на нары, устало спросил:

— Чего ты хочешь? — Руки у него дрожали.

— Переведите меня в общую камеру! — потребовала Лида.

— Зачем? — тихо спросил он и, не получив ответа, продолжал: — Почему ты не хочешь спастись? Ну хорошо, если не желаешь оставаться со мной, беги в лес, к своим партизанам... Лида!.. — взмолился он. — Ты должна жить! Я умру, если с тобой что-нибудь случится! — Его лицо вдруг жалко сморщилось, а из покрасневших глаз часто закапали слезы.

— Пока не переведете, я не приму пищи! — сказала девушка. — Я уморю себя голодом! Понятно?

Иванцов, шаркая ногами, вышел в коридор. Через полчаса загремел засов, дверь распахнулась. Длинновязый молодой полицейский весело сказал:

— Не угодно ль прогуляться?

Лида вышла. Идти пришлось недалеко. Поднялись на несколько ступенек, остановились перед толстой деревянной дверью с «волчком» посредине. Полицейский вставил в скважину длинный ключ, повернул.

— Прошу пожаловать!

Лида вошла в камеру. Дверь захлопнулась.

Она оглянулась и вздрогнула, встретив злобный взгляд Гали.

Никитину привезли в полицию через полчаса после Лиды. Гестаповцы были рады удобному случаю избавиться от хлопотливого дела и отправили к Иванцову не только Вознесенскую, но и Никитину с Соболем.

Но пока Лида дремала в подвале, Галину допрашивали. Допрашивали всю ночь. Сначала гестаповцы, потом полицаи, и сейчас ее трудно было узнать. Оба ее глаза заплыли, остались только узенькие щелочки, нос и губы распухли, пальцы посинели и кровоточили. В тайной полиции ее били по ногтям молотком и раздробили кости. Женщина едва держалась на ногах. Когда она

встала, к ней подскочила Шура Хатимова и поддержала. Тоня стояла у стены, скрестив на груди руки, и мрачно глядела на Лиду.

— Ты как смела прийти сюда? — спросила Галя. — Ага, я понимаю! Твой обер-лейтенант нарочно посадил тебя, чтобы выведать, о чем мы говорим! — Она тяжело закашлялась и выплюнула на пол сгустки крови.

— Не надо, Галочка, родная! Сядь! — умоляюще сказала Шура, избегая смотреть на Лиду.

— Пусти! — вырвалась Никитина и, подойдя к Лиде, ударила ту по щеке.

— Ты бы, Вознесенская, правда, ушла! — сурово сказала Тоня. — Постучи и скажи часовому, чтобы посадил тебя в другую камеру. Тебе, пожалуй, не стоит с нами оставаться.

Она объяснила это совершенно спокойно, деловито и тут же отвернулась, словно забыв о Лиде.

Девушка стояла, прижимая ладонь к пылающей щеке:

— Я никуда не пойду. Я не предательница!.. Я не буду звать часового. Можете убить меня, если хотите!..

ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА

Кольку-цыгана и Володьку Рыбакова никто не собирался арестовывать. Полицейские о них не знали. Ребята могли бы еще долго оставаться на свободе и даже выполнять задания партизан. Но им ужасно не повезло. Их схватили случайно, даже не подозревая, что они являются членами подпольной комсомольской группы. Вернее всего, на них вообще не обратили бы внимания, если бы Володька и Колька сами не открыли пальбу и не ранили двух полицаев...

...Простившись с сестрами, Авдеев с трудом нашел дорогу к берегу. Он долго плутал в лесу и в конце концов едва не свалился с обрыва в воду. Этим объясняется то, что Шура и Тоня, возвращаясь в город, нашли лодку на старом месте. Николаю пришлось добираться вплавь.

Одежда тянула на дно. Он в темноте плохо видел. Вместо того чтобы плыть по прямой, свернул в сторону

и, когда, наконец, нащупал ногами дно, был совсем без сил. Он снял одежду и обувь, кое-как выжал и снова надел. Пистолет, выданный Антиповым, лежал в клеенчатом мешочке, на груди, и не промок.

Авдеев уже неплохо знал город и проходными дворами направился к Алешкиному дому, чтобы доложить об успешном выполнении задания. Он бесшумно перелез через забор, но застыл, прижавшись к земле, потому что увидел, как с крыльца, топая сапогами, спускался отряд полицейских. Несколько человек волокли за руки Алешу, Женю и Анатолия. Ребята отчаянно отбивались, только Шумов шел спокойно, чуть наклонив светловолосую голову. На улице он обернулся и крикнул:

— Не беспокойся за меня, бача! Это ошибка! Утром я вернусь!

Полицейский стукнул его кулаком по шее. Алеша споткнулся, но удержался на ногах и гневно сказал:

— Не смейте ко мне прикасаться!

Когда они скрылись, Колька встал на ноги. Его трясло, но не от холода, а от горя. Мокрая одежда прилипла к телу. Он выбежал на улицу, остановился. Ему не были известны адреса других членов организации. Коля не знал, куда идти, и растерялся. Арест ребят так его ошеломил, что он без всякой цели отправился в центр города со смутной мыслью, что там встретит кого-нибудь из своих. Авдеев, возможно, в тот же вечер наткнулся бы на полицейского и был арестован, но, на свое счастье, повстречался с Володькой. А может быть, и на несчастье. Сейчас решить трудно.

Володька сидел на скамейке возле дома и с тревогой прислушивался к выстрелам. Он догадывался, что ребята выполняют трудное задание, и волновался, слыша беспорядочную стрельбу. Колька Авдеев медленно прошел мимо. Володька, обладавший кошачьим зрением, узнал цыгана, которого видел в доме у Хатимовых первого мая. «У него я что-нибудь узнаю!» — подумал Рыбаков. Он догнал Кольку и поздоровался.

Цыган тоже узнал Володю. Он очень обрадовался и долго не мог вымолвить ни слова. Наконец, рассказал об аресте ребят. Рыбаков ахнул:

— Не может быть!

— Я сам видел! — опустил голову Авдеев.

Володька потащил Кольку в дом.

— Тебе же негде ночевать! — сказал он тоном, не терпящим возражений. — И потом на рассвете мы пойдем в отряд!

— Как в отряд? — удивился Колька. — Разве ты знаешь дорогу?

— Найдем! — решительно ответил Рыбаков. — Что ж, по-твоему, так и пропадать ребятам? Выручать надо!.. Партизаны скажут, что делать!

Мать Володи ничего не сказала сыну.

Она давно догадывалась, что у него имеются тайные дела, о которых он не говорит. Молча постелив гостю постель, она вернулась к кроватке дочери и принялась укачивать, напевая песенку. Двухлетняя Леночка болела гриппом и капризничала.

Но ребята так и не уснули. До рассвета шептались, сидя на диване, а утром потихоньку оделись, взяли оружие и отправились в лес.

Переплыв через реку, они углубились в чащу. Володя храбро шел впереди. Он не выбирал направления, заявив товарищу, что партизаны сами их увидят и остановят. Колька был на все согласен.

Они пробродили до самого вечера, разумеется, никого не нашли и, едва не заблудившись, вернулись в город. Не дотронувшись до ужина, они повалились на диван и уснули... В середине ночи, как показалось Рыбакову, в дверь раздался стук. Он вскочил одновременно с матерью и схватил из-под подушки пистолет. Мать изумленно и испуганно посмотрела на него и громко спросила:

— Кто там?

— Полиция! — последовал ответ. — Открывайте!

Володька растолкал Авдеева:

— Это за нами! Бежать надо! Ты прыгай в окно, а я попробую их задержать! Мама, уйди, пожалуйста, в другую комнату, а то они могут тебя убить!

Женщина отшатнулась, хотела что-то сказать, но сын нетерпеливо махнул рукой, и она подчинилась. В дверь стучали прикладами. Одна из досок раскололась. Володька поднял пистолет.

Между тем не нужно было этого делать. Вероятно, все и так бы обошлось и их с Колькой не тронули. Он ошибся. Полицейские пришли вовсе не за ним. Ни Володька, ни тем более Колька их не интересовали. Им

была нужна Анна Григорьевна, и то лишь для того, чтобы произвести обыск. Именно такой приказ получили они от Дорошева.

Начальник полиции не без оснований пришел к выводу, что если имеется связь между партизанским отрядом и городом, то осуществляется она в первую очередь через оставшихся в Любимове родственников. Как раз в этот вечер — потому что был еще вечер, а не ночь — Дорошев и решил проверить некоторые семьи, бывшие на учете как партизанские. В отношении семьи Рыбакова подозрения были слабые, считалось, что муж Анны Григорьевны эвакуировался вместе с заводом, полицейские, вероятно, сделали бы поверхностный обыск и ушли. А может быть, и нет. Может быть, им показался бы подозрительным Колька-цыган, и из-за него они арестовали бы всю семью. Трудно угадать, как развивались события, если бы Володька сидел спокойно и спрятал подальше пистолет... Но он был уверен, что полицаи пришли именно за ним, и не собирался сдаваться без боя!

— Прыгай! — шепнул он Кольке, и едва тот успел распахнуть рамы, как дверь треснула и сорвалась с петель. Ввалились несколько полицейских. Рыбаков, зажмурившись, нажал курок. Пистолет в руке дернулся, комната окуталась дымом. Володька выстрелил еще раз, услышал стон. Налетевшие полицаи с руганью отобрали оружие. Кто-то ударил его в ухо, схватил за шиворот, приподнял и еще раз ударил в зубы. Рот Володи наполнился соленой кровью. Но он не застонал. Только когда увидел мать, которую двое полицаев выводили из другой комнаты, прикусил губы. Анна Григорьевна прижимала к груди девочку. Лицо матери было бледным, как стена.

По дому летали бумаги, пух из вспоротых подушек. Полицейские перевернули все вверх дном, полезли на чердак и нашли одну магнитную мину и около сотни патронов к пистолету ТТ. Спустившись оттуда, полицейский, руководивший обыском, зловеще сказал:

— Ого, да мы напали на серьезную птицу! Ты не приятель будешь тем, кого вчера ночью забрали?

Анну Григорьевну и Володьку вывели во двор. Здесь Рыбаков увидел Авдеева, который стоял, понурившись, между полицейскими. Одежда его была порвана, лицо

окровавлено. Он исподлобья взглянул на Володьку и опустил голову.

— Эх! — не выдержал Рыбаков и с досадой махнул рукой. — Что же ты, Коля!.. — В этот момент его сзади ударили прикладом. Он споткнулся и полетел вперед, еле удержавшись на ногах.

Полицейские с руганью вывели арестованных на улицу. Они были обозлены тем, что два их товарища ранены, и всю дорогу награждали Володьку и Колю затрещинами. Рыбаков не оставался в долгу и громко ругал полицейских, называл их «гадами», «продажными шкурами» и обещал, что все они скоро будут болтаться на виселицах. Если бы он был постарше, рассвирепевшие конвоиры, вернее всего, не довели бы его до полиции, а пристрелили по дороге. Но им, пожилым и семейным, было неловко у всех на глазах сводить счеты с пятнадцатилетним мальчишкой...

Не сажая в камеру, Рыбакова и Авдеева доставили прямо к Иванцову.

Обер-лейтенант не спал всю ночь, весь день допрашивал задержанных, был распален криками своих жертв и доведен до бешенства упорством комсомольцев, не желавших отвечать на вопросы, несмотря на то, что их беспощадно избивали.

Он подошел к немного оробевшим Володьке и Коле и долго рассматривал их, прищурив покрасневшие глаза. Затем тихо и как будто нехотя спросил:

— Подпольщики?

— Что вы, господин офицер! — бойко ответил Володя. — Мы знать ничего не знаем. А я, например, еще несовершеннолетний!..

— Ну, а ты что скажешь? — обратился Иванцов к Авдееву. Тот хмуро посмотрел на него единственным глазом и буркнул:

— Я цыган! Разве не видишь? Хочешь спляшу?

— Хорошо! Вы у меня попляшете! — тихо пообещал следователь и кивнул Федьке. — Увести!

Иванцов попытался допросить женщину, но Анна Григорьевна была в полуобморочном состоянии и только всхлипывала, судорожно прижимая к себе испуганную девочку. Так как все камеры были заняты, Рыбакову с ребенком отвели туда, где сидели девушки.

Анна Григорьевна опустилась на нары. Лида тотчас

же взяла у нее ребенка и стала укачивать. Шура обняла женщину, напоила водой, успокоила. Придя в себя, Рыбакова рассказала о том, что случилось...

Между тем Володю и Колю втолкнули в крохотный чулан без окна. Здесь раньше была уборная, но канализация в городе давно не работала, пол залили цементом, и получилась квадратная сырая камера, где с трудом могли поместиться двое. Лечь было уже негде. Когда захлопнулась дверь и лязгнул замок, Володька приуныл, но чтобы не показать страха, бесшабашно засмеялся и хлопнул Авдеева по плечу:

— Ничего, брат! Главное, духом не падай!

Он запел какую-то песню, но оборвал на полуслове и принялся колотить в дверь ногами, крича:

— Эй, вы! Воды дайте! Воды-ы! — Пить ему не хотелось, но Володька не мог усидеть на месте. Впервые попав в такую обстановку, он томился. Щеки его пылали. Никто не откликнулся на стук, и постепенно Рыбаков успокоился. Сел на пол, скрестил ноги и нахмурился. А Колька вдруг грустно сказал:

— Не везет тебе, цыган! Хотел в школу попасть, попал в тюрьму!

— Ничего! Здесь нас с тобой всем наукам обучат! — зло уронил Володя.

Медленно текли часы. Ребята ходили, сталкиваясь в тесной камере, сидели, даже пытались вздремнуть, но им удалось лишь ненадолго забыться. Быстро затекали руки и ноги.

Воздух стал спертым, лица Володи и Коли покрылись липким по́том, в то же время они замерзли. Сырость проникала, казалось, в самую душу. Когда загремел замок, Рыбаков даже обрадовался. Но полицейский не обратил на него внимания.

— Пошли! — сказал Авдееву. Тот посмотрел на Рыбакова и заметно побледнел, но не сказал ни слова и вышел из камеры.

Он не возвращался очень долго. Володька стал волноваться. Он уже почти смирился с тем, что теперь ему придется быть в одиночестве, но тут в коридоре затопали шаги.

Володя подскочил к двери. Полицейские неловко топтались перед камерой и почему-то не входили.

Грохнул замок, Володька увидел чьи-то ноги, высоко

плывшие по воздуху. Ноги были обуты в знакомые стоптанные сапоги. Полицаи на руках внесли в камеру неподвижного Авдеева и бросили на пол. Он упал. Его голова громко стукнулась о цемент. Когда дверь закрылась, Володька кинулся к товарищу, осторожно дотронулся до плеча. Плечо оказалось горячим и мягким. «Жив!» — вслух сказал Володя и заплакал.

Стараясь не смотреть на обезображенное лицо друга, уложил его поудобнее. Колька пошевелился, открыл глаза, с трудом разлепил вспухшие губы.

— Коля, тебе больно? — спросил Рыбаков и погладил цыгана по жестким черным волосам. — Тебе очень больно, Коля?

— Очень! — с натугой ответил Авдеев и застонал. — Понимаешь! Они меня... Топтали ногами!.. По груди... И по спине тоже. Спрашивали, кого я знаю из организации... Я кричал, шибко кричал!.. Легче, когда сильно кричишь... Расстреляют нас всех, Володя!

Он говорил, делая длинные паузы между словами и облизывая сухие губы, на которых запеклась кровь.

— Расстреляют? — недоверчиво переспросил Рыбаков. — Когда? Откуда ты знаешь?

Цыган долго молчал:

— Завтра на рассвете!.. Ох, тяжко! Дышать... нечем... Когда допрашивали, немец приехал. Наверно, комендант... Сказал Иванцову... Чтобы всех комсомольцев... Понимаешь? Всех до одного...

Он умолк и закрыл глаза.

— Да нет, не может быть, чтобы всех! — беспомощно сказал Володька. — Ты не бойся, Коля! Они же про тебя ничего не знают. Ну, совершенно ничего. Вот я — другое дело. Меня они, конечно, не помилуют. А ты скажи, что просто попросился ко мне переночевать. И все! Ты слышишь меня, Коля?

Авдеев кивнул, не открывая глаз, и тихонько погладил Володю по руке. От этого ласкового прикосновения Рыбакову стало страшно. Он, вдруг ясно понял, что утешать Николая не нужно и не нужно обманывать себя. Живыми никто из них отсюда не выйдет. И Володьке стало очень жалко себя. Он представил, как его поведут на расстрел, поставят к стенке, завяжут глаза, и он будет стоять и ждать. А потом грянет залп, и сразу все исчезнет. Все, все! Наступит черный мрак навсегда!..

Нет, нет! В это Володя не мог поверить. Умом он понимал, что надежды нет никакой, но все его существо восставало против смерти. Не может быть, чтобы через несколько часов он перестал жить! Вот его руки — тонкие, но крепкие, покрытые ровным коричневым загаром, — неужели они станут ледяными и навеки неподвижными?.. Нет, его не убьют! В глубине сознания созрела твердая уверенность, что случится чудо и он останется жив. Володя не знал, какое чудо может произойти, и хорошо понимал, что чудес не бывает, но все-таки верил в спасение.

Теперь ему казалось, что часы бегут слишком быстро. Вот только что они выпили кипяток и съели по куску хлеба, а уже полицейский принес две миски с прозрачной похлебкой. Не успел Володька оглянуться, как лампочка покраснела, мигнула несколько раз и погасла. Это означало, что движок, от которого питается электросеть, прекратил работу. Уже ночь. А утром их поведут на расстрел!.. И ничего, ничего не произошло за эти короткие часы!..

Рыбаков решил, что будет бодрствовать. Разве можно уснуть в последнюю ночь перед расстрелом? Но через несколько минут после того как погас свет, он уже спал.

Пятнадцатилетний мальчуган с упрямым подбородком и узкими плечами, он лежал на полу в неудобной позе, подтянув колени к подбородку, скорчившись, и посапывал носом так безмятежно, словно был дома, в постели.

Вздрогнув, он проснулся. В коридоре гремели замки, топали сапоги, слышались голоса. Горел свет. Володе снилось что-то хорошее. Щеки раскраснелись, а губы были влажные от слюны — так сладко он спал. Страшная действительность не сразу дошла до сознания... Рядом ворочался и тяжело стонал Коля. Рыбаков потормошил его за плечо:

— Ты слышишь? Кажется, они уже пришли!

Цыган сел и посмотрел на дверь. Шаги раздались рядом.

— Это за нами! — сказал Колька. — Ты не расстраивайся, Володя! Не надо! Не доставляй им, гадам, такого удовольствия!..

— Я не расстраиваюсь! — ответил Рыбаков, прикусив губы, чтобы не дрожали. Внезапно ему показалось, что в коридоре раздался голос Шумова.

— Алеша! — стукнул он ногой в дверь. — Алеша, ты здесь? Ты слышишь меня? Это я, Володя! И Коля со мной! И Коля!..

— Прощайте, ребята! — послышался слабый голос Шумова. — Не сдавайтесь, покажите им!.. — Он не досказал. Наступила томительная тишина. Где-то наверху захлопнулась дверь. Несколько секунд Володя и Коля сидели не шевелясь. Затем Рыбаков прошептал:

— Его увели. А нас не взяли... Почему нас не взяли, Коля?

— Наверно, еще не на расстрел! — хрипло ответил цыган и вдруг повалился на спину. Он задыхался от кашля. На губах выступила кровь.

Прошло несколько часов. Володя уже не прислушивался к тому, что делается в коридоре. Он бегал по камере, задевая плечами за стены и стараясь не толкнуть Авдеева. «Уже, наверно, полдень! — думал Володя. — Почему завтрак не несут?.. Может быть, про нас забыли?»

Он по-прежнему твердо верил в чудо! Нет, нет, их не расстреляют! Красная Армия близко! Да, это было бы здорово: вдруг открылась бы дверь, вошли люди с красными звездами на фуражках и сказали:

— Товарищи! Вы свободны!

Володя так размечтался, что не услышал шагов. Он опомнился только тогда, когда заскрипели ржавые петли. На пороге стояли два полицая.

— Собирайся с вещами! — услышал Рыбаков. «С вещами, — подумал он. — Значит, совсем? Но куда?.. Неужели?..» И Володя испугался. Он очень сильно испугался. Ноги точно приросли к полу. Коля, охая и держась за стену, поднялся. Поддерживая его, Рыбаков вышел.

— А куда нас? — спросил он, и его слабый голос замер, приглушенный каменными сводами.

— Увидишь! — зловеще ответил полицейский. Больше Володя вопросов не задавал.

Идти пришлось недалеко. Полицейские вывели их в соседний коридор и втолкнули в камеру более просторную, с двухэтажными нарами, прибитыми к стене, и окном с решеткой, сквозь которую проглядывало чистое утреннее небо.

На нарах ничком лежал человек. Усадив ослабев-

шего Кольку на нары, Володя заглянул спящему в лицо.

— Это же Толька! — громко закричал он. — Толька, да проснись же! Почему ты один? А где ребята?

Антипов вскочил, ошалело посмотрел на Володьку и зевнул, видимо еще окончательно не проснувшись.

— Их недавно увели! — ответил он наконец и хотел снова лечь, но, увидев Авдеева, бросился к нему, пожал руку, обнял за плечи, любовно заглянул в глаза.

— Ах, Коля, Коля! — радостно и одновременно с горечью твердил он. — Как же это ты, а?.. Я-то думал, ты на воле. Выходит, всех наших похватали... Жалко! Вот это, понимаешь, жалко!

— Ну да, откуда же всех? — буркнул Володя, обиженный тем, что на него Антипов почти не обратил внимания. — Всего только человек десять и взяли. А наших в городе, пожалуй, не меньше чем полсотни! Да ты и сам лучше меня знаешь... Ты скажи, Толя, куда же увели Алешу и Женю? Может, еще кто-нибудь был с ними? Или только двоих?

— Двоих! — грустно ответил Анатолий, вытряхивая из кармана остатки махорки и закручивая цигарку. — Девчата в соседней камере. С ними даже поговорить можно. Голоса хорошо слышно. А Шумова и Лисицына взяли. Велели вещи захватить. Куда, не знаю!

Антипов закурил и стал деловито осматривать камеру. Он попробовал, хорошо ли держится решетка, постучал по стенам, попытался отломать доску от нар. Володя с удивлением и уважением смотрел на него. Сколько энергии у Тольки! Ведь парня избивали так же, как и цыгана! Вон как вздулось его лицо! Одежда в крови, а в груди, когда он вздыхает, что-то неестественно и жутко клокочет! Откуда только силы берутся? И что он ищет? Может быть, надеется найти лазейку? Рыбаков продолжал следить за товарищем, испытывая неясную надежду. Он такой человек! С ним не пропадешь!..

Анатолий думал о побеге с того момента, как был арестован. Он шел по улице и оглядывался, соображая, можно ли вырваться и нырнуть в какой-нибудь переулок. Но, словно прочитав его мысли, конвоиры крепко держали Толю за плечи так, что нельзя было пошевелиться. Потом, когда Антипова вызвали в первый раз к Иванцову, он прежде всего посмотрел, далеко ли окно и заперты ли рамы. Но обер-лейтенант перехватил взгляд и

положил на стол пистолет. В камере Толя поделился своими планами с Алешей и Женей. Лисицын сразу загорелся и сказал, что они непременно уйдут по дороге, когда их ночью поведут на расстрел.

— Ведь темно же будет, вы понимаете, ребята! — страстно твердил он, сжимая кулаки и глядя то на Алешу, то на Антипова. — Они нас выведут за город, а мы врассыпную! Конечно, не всем удастся убежать... Но хоть некоторые спасутся! — И по его глазам было видно, что уж он-то рассчитывал уйти от пули!

Но Шумов, вопреки ожиданию Толи, отнесся к идее побега отрицательно.

— Откуда ты знаешь, что нас поведут ночью? — негромко спросил он Лисицына. — И что мы окажемся за городом? А если нас убьют здесь, во дворе, среди бела дня? Нет, ребята! Давайте лучше не будем грезить наяву, а подумаем о том, как с достоинством встретить смерть и выдержать все! Я, например, считаю, что с полицейскими вообще не надо разговаривать! Зачем унижаться до разговора с ними? Нужно молчать! Тогда они поймут, что ничего от нас не добьются, и быстрее закончат эту комедию!

Но Антипов не желал примириться с тем, что придется погибнуть. Он не согласился с Алешей:

— Нет! Если мы будем так себя вести, они, гады, нам переломают все кости и отобьют внутренности! И мы просто физически не сможем убежать!.. Я считаю, надо хитрить! Тянуть надо, пока возможно, рассказывать какие-нибудь сказки. Помереть мы всегда успеем, а вдруг счастливый случай подвернется!

— Да, да, Толя! Ты прав! Я с тобой ну вот совершенно согласен! — кивал возбужденный и растерянный Лисицын. — Правда, Алешка! Он дело говорит! Ты напрасно споришь!

Алеша ласково и сочувственно посмотрел на Лисицына и положил ему руку на плечо.

— Я не спорю! — тихо сказал он, словно извиняясь. — Поступайте так, как находите нужным.

Но после того как его второй раз вызвали на допрос, Шумов заговорил иначе. Избитый, он сам спустился по лестнице, оттолкнул полицаев и повалился на нары. Целый час Алешка лежал не шевелясь, не отвечая на во-

просы. Затем, глядя в потолок, вздрагивающим, незнакомым голосом сказал:

— Вот что, ребята. Надо кончать с этим делом!

— То есть как кончать? — не понял Женька.

— Очень просто! До сих пор мы отпирались, а теперь надо драться с ними в открытую!

— Говори, Леша! — подошел Анатолий.

— Сегодня у меня опять был обыск. На чердаке и в сарае нашли магнитные мины, оружие и патроны. Я прямо заявил этому мерзавцу Иванцову, что являюсь руководителем подпольной комсомольской группы, помогал партизанам и совершал по их заданию диверсии!

— Почему ты так сделал? — ошеломленно сел на нары Женя. — Ты что, хочешь, чтобы следствие закончилось и они нас сегодня же расстреляли?

— Да! — неожиданно ответил Шумов. — Я действительно так хочу! И знаешь почему? Чтобы сохранить тех ребят, которые остались на воле! Я понял, что полицаи, кроме нас, никого не знают. Наугад рыскают по городу. А если мы признаемся и возьмем все на себя, они успокоятся. Теперь поняли?

— Да, я понял! — тяжело ответил Антипов и лег на нары, подложив руки под голову. — Ты в общем-то прав! — добавил он, помолчав. — Надо и о других подумать... Влипли мы. Сами виноваты. А хлопцы пускай работают!.. Только жалко! — отвернулся он к окну. — Я рванул бы отсюда!.. Мне бы еще денька три... Я бы уж точно что-нибудь придумал!

С этого момента Антипов не заговаривал о побеге. Он вел себя на допросах так же, как Алексей. Издевался над полицейскими, в глаза говорил им, что их всех ждет позорная смерть. Заявлял, что он и не кто иной взорвал электростанцию и церковь.

— Я еще много кое-чего сделал, да вы не знаете! — усмехаясь, подмигивал он Иванцову и летел в угол от сильного удара по лицу. Выплевывая кровь и осколки зубов, он поднимался, прислонялся к стене и хрипел:

— Эх, ты! Ударить толком не можешь... Гад! Немцы тебя плохо кормят... — Криво усмехаясь, Толька произносил страшные, необыкновенные ругательства. Полицейские поеживались. Им было не по себе от его проклятий.

Возвращаясь в камеру, Толя подбодрял Женьку, который молча расхаживал из угла в угол, с осунувшимся, по-

темневшим лицом, и глядел на всех отсутствующим взглядом, словно вынашивал какую-то мысль.

А когда рано утром открылась дверь и Лисицына с Шумовым вытолкнули из камеры, Антипов снова стал думать о побеге. Он не знал, куда повели Алешку и Женю, но у него было предчувствие, что те больше не вернутся. Теперь приходилось самому на себя рассчитывать. И Толя решил, что все, что от него требовалось, он уже сделал, а теперь имеет право подумать и о себе. Собственно, мысль о побеге не оставляла его ни на секунду. Он только как бы отложил ее осуществление. «Теперь, вместе с Колькой цыганом и Володькой будет легче обставить полицаев», — думал Анатолий, выламывая из нары доску, которая, наконец, с треском отскочила.

— Встань к двери, загороди «волчок»! — попросил он Рыбакова и подошел к окну, вставив доску между железными прутьями и пытаясь их разогнуть. Володька с надеждой смотрел на него. Может быть, это и есть то самое чудо, которого он ждал? Но железо не поддавалось. Выругавшись, Толя отбросил доску. Авдеев, следивший за ним, посоветовал:

— Ты гвоздь, гвоздь оторви. Гвоздем цемент в кирпичах расковыряй, легче будет!..

— Верно! — обрадовался Антипов и со скрежетом вытащил большой ржавый гвоздь, один из тех, которыми доски прикреплялись к козлам.

Приподнявшись на цыпочки, он терпеливо царапал кирпичи. Мелкие кусочки цемента с шорохом осыпались. Затем его сменил Рыбаков, а Толя загородил «волчок».

Так работали по очереди до позднего вечера. Время от времени Антипов вставлял в прутья доску и расшатывал. Наконец ребята увидели, что решетка начинает поддаваться. Если прежде они еще не совсем верили в то, что им удастся убежать, то теперь свобода показалась близкой и доступной. С удвоенными силами Толя и Володька принялись выковыривать цемент. На полу уже белела довольно большая куча мусора... Антипов, чья очередь была стоять у двери, велел Володе прекратить работу и прислушался, прислонившись ухом к «волчку».

— Ребята! — шепотом сказал он. — Вы заметили, как сегодня весь день тихо? Ни шагов не слышно, ни голосов. И на допрос никого не вызывали! И есть нам не давали. Кажется, будто все полицаи ушли... По-моему, это

очень странно. Ты, Володька, погоди, не скрежещи. Я попробую с девчатами потолковать!

Он выловил из бачка алюминиевую кружку и залез с нею под нары. Там Толя лег на пол, прижал кружку к каменной стене и приложился к ней ухом.

— Девчата! — громко позвал он. — Вы меня слышите?

Коле и Володе казалось, что Антипов разговаривает сам с собой. Но Анатолий отчетливо слышал голоса девушек в кружке, служившей хорошим проводником для звука. Спустя несколько минут он вылез, отряхнулся и сообщил:

— У них без перемен. Лидка по-прежнему с ними сидит. Тоня говорит, что Лидку три раза вызывали к Иванцову. Два раза быстро возвращалась, а на третий вовсе не пошла. Отказалась. Ее наверху не избивали! Всех били, ее одну нет... Она клянется, что не виновата. Но я девчатам посоветовал ее так отделать, чтобы сама прочь запросилась! Шлюха эдакая! Мы-то ей верили!..

— Мать моя тоже там? — спросил Володька.

— А ты полезай под нары, поговори с ней! — предложил Толя. Но Рыбаков нетерпеливо ответил:

— Некогда! Давай лучше на решетку нажмем!.. А о полицаях нечего думать! Ушли, ну и прекрасно!..

Они проработали еще полчаса. Им стал помогать Авдеев, который отлежался и чувствовал себя немного лучше. Кирпичи уже шатались. Оставалось еще одно небольшое усилие, и решетка бы уступила... Но в коридоре вдруг захлопали двери, Толя едва успел отскочить от окна. Появился Федька Козлов. За его спиной виднелись еще несколько полицейских.

— А ну, собирайтесь! — скомандовал Козлов. — Побыстрее! Вещи возьмите!

— Не успели! — прошептал Володька. В его голосе было отчаяние. Взглянув на Анатолия, он немножко приободрился. Толя спокойно завязывал в узелок вещи: рваную рубашку, недоеденный кусок хлеба. Рыбаков посмотрел на полицейского, пытаясь догадаться, какая участь их ждет. Ему показалось, что Федька ухмыляется. И он совсем успокоился. Нет, не может быть! Это еще не конец! Их, наверное, повезут в другое место. Туда, где находятся Шумов и Лисицын! До завтрашнего дня-то, во всяком случае, они еще доживут! Конечно, доживут!.. А там что-нибудь случится! Обязательно что-нибудь случится!..

Володька прижался к Антипову, боясь отойти от него, словно тот мог его защитить, и вместе с ним направился к двери. Сзади ковылял цыган. Он тоже, должно быть, не верил, что их расстреляют. Даже слегка улыбался. Но губы у него были совершенно синие, словно он накрасил их чем-нибудь...

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Алеша был удивлен, когда утром их двоих вывели во двор. Он озирался, думая, что сейчас к ним присоединят девушек и Толю, но больше никто не вышел. «Значит, не на расстрел!» — подумал Шумов. Просто не имело смысла расстреливать их поодиночке и тратить на это много времени. Проще было расправиться со всеми сразу... Еще больше удивился Алеша, увидев, что их окружила целая толпа полицейских. «Зачем столько? — спрашивал себя Шумов. — Для того чтобы охранять, двоих было достаточно, ну четверых, а тут ведь человек тридцать, не меньше!» Увидев во главе отряда обер-лейтенанта Иванцова, Алеша понял, что их действительно конвоируют все полицаи, сколько есть в городе. «Какой почет!» — усмехнулся он, но встревожился, заметив, что орава полицейских спускается к мосту. «В лес нас, что ли, ведут? — недоумевал Шумов. — Зачем?»

Взглянув на Женьку, Алеша перестал думать о том, куда они идут. Он внимательно, заботливо вглядывался в лицо друга. Что творится с Лисицыным? Со вчерашнего вечера он стал другим. Не разговаривает, отводит глаза. Вчера его водили на допрос. Видно, здорово ему попало!.. Алеша слышал в камере, как он, бедняга, кричал там, в кабинете у Иванцова. Два раза протяжно, громко крикнул и умолк, как будто ему рот заткнули. Но когда вернулся в камеру, почему-то не захотел рассказать, о чем его спрашивал обер-лейтенант. Отвернувшись, лег на нары и как будто уснул. Алеша набрал в кружку воды, хотел обмыть ему лицо, сделать компресс, но Лисицын оттолкнул его руку и забрался в угол, в темноту, и не вылез оттуда даже к ужину. Он и к еде не притронулся... Уж его звали по очереди и Толя и Алеша, уговаривали, твердили, что он обязан сохранить силы. Ничего на Женьку

не действовало. Вот и теперь идет, еле волоча ноги, с Алешкой даже разговаривать не хочет. Что с ним?..

Шумов не знал, куда их ведут, а Лисицын знал. Он с самого начала знал, как только утром открылась дверь камеры. Женя не спал всю ночь. Он хотел бы умереть, чтобы не дожить до той минуты, когда их выведут с Алешкой во двор!

Он идет рядом с Шумовым, тот сочувственно, с любовью глядит на него, а стоит ему узнать то, что знает Женя, как его взгляд сразу станет чужим, презрительным. И он обязательно узнает. Уже виден мост, а там недалеко и до полянки, куда приходил через день Афанасий Посылков. Когда полицаи приведут их на эту полянку, Алешка поймет, что они шли не наугад, а заранее знали дорогу. Тогда уж Женьке будет некуда деваться!.. Лучше бы он умер ночью или вчера, на допросе! Лучше бы откусил себе язык!

...Женя Лисицын испугался, конечно, когда его арестовали, но не больше, чем Алексей и Толя. Нет, ничуть не больше. По пути в полицию он даже усмехался. Правда, усмешка была искусственной, вымученной, но он не очень боялся. Раньше Женя часто задавал себе вопрос, как он станет вести себя, если попадется? Он тщательно анализировал свои чувства, и выходило, что он непременно будет держать себя гордо, разумеется, никого не выдаст и, если придется, умрет без жалоб! Лисицын был вполне искренен. Зачем бы он стал кривить душой перед самим собой? Он не раз представлял, как его поведут на допрос, будут пытать, а потом поставят к стенке, и даже придумал, какую фразу крикнет палачам перед расстрелом. «Да здравствует советская Родина!» — вот что решил он крикнуть. И мучения, которым его могут подвергнуть, Женька тоже, как ему казалось, очень хорошо представлял. Он понимал, ему будет больно, и решил терпеть и даже не кричать. «В крайнем случае, — думал он, — если будет невтерпеж, я руку зажму в зубах!» Он был уверен, что товарищей не подведет, и краснеть им за него не придется!

И вначале события развивались совершенно так, как он и представлял. Он переночевал в камере, а потом пошел на допрос. В первый раз его избили, и довольно сильно, но он вытерпел. Его били два полицая деревянными ножками от табуреток. Женя лежал на полу ничком, закрыв голову руками. Очки были разбиты, и он

плохо видел. Его били, а он вспоминал Лиду, которую заметил перед этим, и ее отчаянный, жалобный голос. «Вот ее велели не бить!» — думал он. Но не завидовал.

А вчера вечером все пошло по-другому. Когда он вошел в кабинет, там было много людей. И среди них Женька увидел немца в щегольском мундире и в коричневых замшевых перчатках. Ему показалось, что это Бенкендорф, но без очков он не мог разглядеть. Полицай толкнул Женьку в спину, и тот подлетел к столу.

— Мне нужно знать, где вы встречались с партизанами, кто вам давал задания? — сквозь зубы спросил Иванцов.

— Дурак! Я не желаю с тобой разговаривать! — гордо ответил Лисицын. Эту фразу он приготовил еще в коридоре и, швырнув ее в лицо обер-лейтенанту, зажмурился, уверенный, что немедленно последует удар. Но его никто не трогал. Иванцов спокойно сказал:

— Ты воображаешь, что ты Павка Корчагин? Я сейчас докажу тебе, что ты ошибаешься! А ну-ка, займитесь с ним! — кивнул он полицейским. Те в одно мгновенье сорвали с Лисицына всю одежду и снова толкнули к столу. Теперь, обнаженный, он почувствовал себя совсем беззащитным. Он видел свое тело. Оно было белое, еще не успело загореть, и кожа покрылась пупырышками... Сзади подошли два полицая; страшное ощущение, когда за спиной стоят и тяжело дышат палачи и нельзя обернуться и узнать, что они хотят делать!..

— Ну-с! — поигрывая взятым со стола шомполом, спросил обер-лейтенант. — Ты будешь говорить?

— Нет! — прошептал испуганный Женька и закрыл глаза.

— Будешь! — торжествующе сказал Иванцов.

Что-то блеснуло в воздухе, дикая боль ожгла Лисицына. Чьи-то руки схватили его. Комната завертелась перед глазами. Били ремнями, сапогами, шомполами, вся кожа вздулась и посинела, превратилась в сплошной кровоподтек. Женя захлебнулся, закричал, потом все исчезло.

Очнулся он от холода. Раскинув руки, он лежал на полу, и Козлов лил на голову воду из ведра. Полицейские, увидев, что арестованный открыл глаза, подняли его и снова поставили перед столом. Лисицын шатался. «Умру, но говорить не буду!» — подумал он. Но эта мысль

промелькнула и пропала, как будто кто-то другой шепнул ее Жене. Он посмотрел на худого немца, сидевшего у окна. Да, это был Бенкендорф.

— Говори! — приказал обер-лейтенант. — Где встречались с партизанами? Кто давал задания?

Женька молча покачал головой. Ему было трудно дышать.

— Руки на стол! — вдруг рявкнул Иванцов. — Ну! Живо!

Полицейские взяли Лисицына за руки и прижали ладони к столу. На черной доске отчетливо выделялись растопыренные, прозрачные пальцы. Иванцов, оскалившись, взмахнул шомполом. Женя закричал, попытался вырваться, но его держали крепко. Боль была такая, что все, перенесенное раньше, показалось не страшным. Словно издалека донесся голос Иванцова:

— Отвечай!.. Тебе не будет отдыха!.. Руки на стол!

И снова на доске растопырились окровавленные пальцы. И снова тело, словно током, пронизало болью... Женька затопал ногами, вопль ужаса и отчаяния вырвался из груди. Он был уверен, что все перенесет, но такую боль он не смог вытерпеть. Женя с радостью принял бы смерть, но смерть не шла, и что-то сломалось в нем! Боль перевернула Женю, его тело запротестовало, восстало против нее! Фигура Иванцова вдруг выросла и неотвратимо, как скала, нависла над ним. Он уронил окровавленные руки и прошептал:

— Не надо!..

— Говори! — Блеснул шомпол. Женькино тело скорчилось и напряглось, как струна, в ожидании невыносимой муки, и это оно подсказало ему те слова, которые Женя пролепетал, падая на руки полицейских:

— За мостом встречались!.. На поляне!..

Он тотчас же ужаснулся того, что произошло. Нет, Женька не хотел, не хотел произносить эту предательскую фразу. Чужой, омерзительный человечек, сидевший в нем, проговорил ее, а не Женя Лисицын — храбрый подпольщик и верный товарищ!.. Он рванулся, шатаясь, сделал несколько шагов к Иванцову и прошептал:

— Будь ты проклят!.. Больше не вырвешь... Ни слова!..

И упал на пол, потеряв сознание. Козлов снова облил его водой.

Иванцов хотел продолжать допрос, но Бенкендорф сказал несколько слов по-немецки, и обер-лейтенант распорядился унести Лисицына в камеру.

У коменданта возник план, показавшийся старшему следователю вполне разумным. Бенкендорф предложил, чтобы завтра на рассвете, захватив с собой Алексея и Женьку, полицейские отправились в лес. Пусть отряд окружит ту поляну, о которой сказал Лисицын. Пусть полицейские обыщут весь берег и найдут партизан, которые придут туда, чтобы встретиться с подпольщиками. Партизанам ведь еще неизвестно об арестах. И если связные будут задержаны, да еще как бы с помощью комсомольцев, которых полицейские должны всюду таскать за собой, то Шумову и Лисицыну ничего не останется, как давать откровенные показания! Они будут скомпрометированы участием в карательной экспедиции. Во всяком случае, их нетрудно будет убедить, что они все равно уже совершили предательство.

План Бенкендорфа не был его собственным изобретением, как та пресловутая «особенная» политика, которая восстановила против него Гребера и в итоге потерпела полный крах. Этот план был основан на тех методах, к которым давно прибегали немцы на оккупированной территории. Когда им не удавалось достичь цели с помощью террора и насилия, они охотно прибегали к провокации, обману и шантажу! Так что майор фон Бенкендорф отнюдь не был оригинальным. Но как он, так и обер-лейтенант Иванцов ошиблись в Женьке Лисицыне. Они думали, что тот окончательно сломлен, а между тем, очнувшись в камере, Женя мысленно поклялся, что больше не скажет ни слова, даже если его изрежут на куски!..

Как он переживал! Он презирал себя и всю ночь проплакал тихонько, чтобы не слышали Алеша и Толя. Он так любил этих замечательных ребят, своих лучших, преданных друзей! Вот они спят рядом, избитые, измученные, но не покорившиеся! Он так хотел быть с ними до конца, но разве теперь, после того, что случилось, имеет на это право?

А утром, когда их вывели и Женька понял, что полицейские идут в лес, он ужаснулся. Женя боялся взглянуть на товарища, который, ни о чем не подозревая, ласково и заботливо смотрел на него!..

Лисицын понял, что полицейские попытаются схватить

Афанасия Посылкова и Зину и что он, только он будет виноват в их гибели!.. По дороге Женя несколько раз поворачивался к Алеше, открывал рот, но не мог признаться!..

А лес был прекрасен в это жаркое летнее утро. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, украсили траву золотыми, похожими на монеты пятнами. Небо было чистое, синее и такое ласковое, что у Женьки защемило сердце. Даже не верилось, что через несколько минут загремят выстрелы и запахнет пороховым дымом...

Случайно взглянув на Алешу, Лисицын испытал жгучие угрызения совести. Шумов с беспокойством озирался, не понимая, каким образом полицейские узнали дорогу.

Шагавший впереди Иванцов отрывисто отдал какую-то команду. Полицаи схватили Женю за руки и потащили к голове отряда. Алексей остался сзади. Обер-лейтенант нагнулся к Лисицыну и спросил:

— Ну что? Страдаешь? А ты не страдай. Не будь дураком! Господин комендант распорядился, если найдем партизан, отпустить тебя домой. Понял?.. Ты погляди-ка вокруг. Хороша жизнь, не правда ли? Паршиво, если в такое утро тебя в землю закопают! А?

Лисицын промолчал. Он твердо решил скорее умереть, чем раскрыть рот!..

Полицейские рассыпались между деревьями и ждали лишь знака Иванцова, чтобы ринуться к реке и в глубь леса... Здесь, на этой зеленой лужайке, встречались комсомольцы со связными. А может быть, и сегодня пришли сюда партизаны? Что, если они спрятались где-нибудь рядом, в кустах, и не подозревают об опасности?.. Они не знают, что их предал Лисицын!

Когда эта мысль пришла в голову, Женя словно очнулся. Ему показалось, что между деревьями мелькнули тени... «Молчать хочешь? — спросил себя Лисицын.— Нет, друг! Молчать нужно было раньше, на допросе!.. А теперь исправляй то, что натворил!..»

— Ну? — вкрадчиво спросил Иванцов. — Не отвечаешь? Не надо! Теперь-то мы и без тебя их найдем! — Он повернулся к полицейским, хотел отдать команду, но в этот момент Женька пронзительно закричал:

— Товарищи! Стреляйте! Стреляйте! Здесь полицаи! Стреляйте!

За секунду перед тем Лисицын не знал, что крикнет.

Это случилось как бы помимо его воли. Голос Женьки разорвал напряженную тишину. Обер-лейтенант вздрогнул от неожиданности и даже присел, но тут же бросился к Лисицыну и зажал ему рукой рот. Но не успели полицейские опомниться, как за кустами раздалась автоматная очередь. Вовремя крикнул Женька! Посылков и Зина были близко. Они услышали его!

Федька Козлов с руганью достал из кармана пистолет, но вдруг схватился руками за горло и захрипел. Между пальцами хлынула кровь. Он ступил шаг, второй и упал на колени. Потом свалился на бок. Жалобно завопил стоявший рядом с Федькой молодой полицейский. И еще один полицай упал в траву, окрасив ее кровью.

— Вперед! — закричал Иванцов. — Их здесь немного! Куда вы? Стойте! Стойте, кому говорю!

Но полицаи бросились врассыпную. Они были так уверены в своей силе, что не ждали нападения. Они вышли на охоту, а оказались сами в роли дичи. Но выстрелы прекратились. Старый партизан и девушка не могли вступать в бой с целым отрядом. Воспользовавшись замешательством карателей, они скрылись.

Таща за собой Женьку, тщетно пытавшегося вырваться, обер-лейтенант кинулся вдогонку за своими подчиненными, свирепо ругаясь и грозя им страшными карами. В конце концов ему удалось собрать испуганных, растерявшихся полицаев.

Попытался убежать и Алексей, но нелепая случайность помешала ему. Он уже вырвался из рук конвоира и помчался в лес. Его никто не преследовал. Спасительные кусты были совсем близко. Но тут Леша вдруг взмахнул руками и упал. Он попытался приподняться, но не смог. Что же с ним случилось? Алеша споткнулся. Да, просто споткнулся о корягу и растянул сухожилия. Если бы не эта коряга, он бы, по всей вероятности, спасся... Опомнившийся конвоир подскочил к нему и с руганью схватил за плечо. Шумов, прихрамывая, встал. Он вздохнул и пожал плечами, словно желая сказать: «Ну что ж!..»

Женя и Алексей снова очутились рядом. Их подтолкнули друг к другу и окружили. Настала тишина. Ветер вдруг зашелестел в ветках, на солнце набежала туча. Женька шагнул к Алешке и впервые за этот день прямо взглянул ему в глаза. И Шумов ответил таким же откры-

тым, любовным взглядом. Они поняли друг друга без слов.

— Та-ак! — зловеще сказал Иванцов, медленно расстегивая кобуру. Полицейские сгрудились, злобно глядя на комсомольцев, взбешенные гибелью своих дружков. Алеша понял, что наступили последние минуты, а может быть, секунды его жизни. Он глубоко вздохнул и торопливо, зная, что говорить долго не дадут, прошептал:

— Ничего, Женька!.. Ничего!.. Мы неплохо прожили свою жизнь и умираем неплохо! Дай бог всякому так умереть!.. Ты молодец! Я горжусь тем, что у меня такой друг!.. Прощай, Женька!..

— Прощай, Алешка! — сказал Лисицын. Он шагнул к Шумову, хотел что-то прибавить, но его сбили с ног. Повалили на землю и Алексея. Их топтали сапогами, били прикладами, а потом Иванцов вырвал у полицейского автомат и в упор изрешетил пулями истерзанные, неподвижные тела. Но перед смертью Алешка еще успел приподняться и отчетливо прошептать другу, который уже не мог услышать его:

— А все-таки... Женька... они нас боятся!..

...Убив Алешу и Женю, полицаи заспешили в город. Они так торопились, что даже не стали закапывать убитых, а просто забросали их ветками и листьями. Тела комсомольцев были скрыты густой травой, а осенью ветер, дувший с реки, занес их песком. Потом наступила зима, выпал глубокий снег, и только ранней весной, уже после того, как город был освобожден, Алексея и Женю нашли. На них случайно наткнулся старый охотник и рыбак Верещагин, который был близким приятелем и соседом Семена Ивановича. Он раскидал снег и долго вглядывался в останки, пытаясь догадаться, кто лежит перед ним. В конце концов он узнал Алешу по отцовским сапогам и по куртке с «молнией», в которой юноша ходил еще до войны. Верещагин бережно уложил тела в лодку и перевез в город. Там Шумова и Лисицына похоронили на общем кладбище. Провожала их в последний путь одна бабушка, потому что Семен Иванович и Любовь Михайловна еще не вернулись из эвакуации.

Больная, сгорбленная старуха стояла на холме, с которого был виден весь город, и сухими глазами смотрела на раскрытую могилу, в которую опустили гроб с телами

Алеши и Жени. Друзья лежали там плечом к плечу, навеки вместе!.. Там они лежат и сейчас, а внизу раскинулся маленький затерянный в лесах русский город, в котором немцы не были хозяевами ни одного дня!

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ГЛАВА

В субботу в заводском клубе был вечер отдыха. Это был первый такой вечер за полтора года войны, и никто из рабочих не остался дома. Молодежь постаралась, украсила старенький и тесный клуб на славу. На темных деревянных стенах зеленели свежие ветки, сцена была чисто вымыта, в зале алели лозунги и плакаты, старательно нарисованные местным художником. После торжественной части силами художественной самодеятельности был дан концерт, затем начались танцы. Стулья сдвинули в угол, и по залу замелькали пары.

Семен Иванович и Любовь Михайловна сидели в сторонке, наблюдая за танцующими. Из репродуктора неслись плавные и немножко печальные звуки вальса. Окна были открыты, и ветер, пролетая по залу, приносил с Волги запахи нагретой нефти и гниющих водорослей.

Вечер был душный, тихий. Шумов с трудом уговорил жену прийти в клуб. Любовь Михайловна работала теперь в плановом отделе и по вечерам бывала занята. После того как у жены был сердечный припадок, Семен Иванович не позволял ей переутомляться. Несмотря на протесты, он заставлял Любовь Михайловну бросать все дела и идти с ним вместе гулять. Они бродили, как в молодости, по улицам, сидели на берегу, любуясь Волгой, и между ними все время незримо присутствовал Алешка. Словно сговорившись, отец и мать не затрагивали больную тему, но стоило замолчать, как они мысленно переносились в Любимово и вели нескончаемые беседы с сыном.

Это в конце концов стало привычкой. Днем работали, а по вечерам уединялись для того, чтобы думать об Алеше.

Недели две тому назад Шумова вызвали в обком партии и вручили письмо. Он глазам не поверил, узнав почерк Леши. Любовь Михайловна всю ночь проплакала. Она вставала с постели, зажигала свет и снова, в сотый

раз, перечитывала письмо, словно хотела выучить его наизусть.

Через несколько дней Шумов отыскал Лисицына и передал записку от Жени. Инженер поднялся навстречу Семену Ивановичу с мягкого кожаного кресла и, взглянув на записку сына, схватился за сердце. Он показался Шумову несчастным, постаревшим и глубоко удрученным. Семен Иванович попытался успокоить Лисицына, но тот не отрывал глаз от записки и, казалось, ничего не слышал. Осторожно пожав его руку, Шумов удалился... С тех пор — вот уже больше двух месяцев — они не встречались. От кого-то Семен Иванович слышал, что Лисицын ушел из Спецторга, но куда он девался, никто не знал.

А Любовь Михайловна, прочитав письмо, вместо того чтобы успокоиться, стала волноваться еще больше. У нее снова началась бессонница, лицо осунулось, Шумов боялся за ее сердце. Он не утешал жену, потому что хорошо ее понимал, и сам испытывал острое беспокойство за Алешку. Раньше судьба сына, хотя и тревожила его, но он не знал и не мог представить, какой огромной опасности тот подвергается, а теперь перед родителями было письмо, которое не давало об этом забыть.

Шумов надеялся, что среди молодежи Любовь Михайловна отвлечется от грустных мыслей, но видел, что эти надежды не оправдались. Глядя на кружившихся по залу раскрасневшихся, веселых юношей и девушек, женщина задумалась, губы скорбно опустились, а в глазах заблестели слезы:

— Он тоже мог бы танцевать с ними!

— Успокойся, Любаша! Хочешь, выйдем? — сказал Шумов.

Жена отрицательно покачала головой и слабо улыбнулась.

— Нет, я так... Ты не обращай внимания! Это пройдет... — И словно извиняясь перед ним, Любовь Михайловна встала и мягко опустила руку на его плечо:

— Помнишь, как мы с тобой когда-то танцевали?

— Вот теперь ты молодец! — облегченно сказал Шумов и обнял жену.

Они прошли два круга и запыхавшиеся остановились, когда умолкла музыка. Заходящее солнце ударило в окно, лицо женщины стало розовым и молодым. Было семь часов вечера...

Любовь Михайловна вдруг перестала улыбаться, прижала руки к груди и быстро вышла из зала. Удивленный и испуганный, Семен Иванович догнал ее на лестнице:

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Алешеньке плохо! — тоскливо ответила женщина. — Ему очень плохо. Я знаю! — Она выбежала во двор. Край неба был словно залит кровью.

— Я хочу туда! — с силой сказала Любовь Михайловна. — Я должна быть там! Почему мы уехали, Семен!.. Почему?!

Она закрыла лицо руками, но через минуту виновато посмотрела на мужа:

— Прости меня, милый!.. Что со мной, сама не знаю! Сердце вдруг заболело! Алешенькин голос услышала. Позвал будто он меня!.. От усталости это, наверное. Пойдем домой!

Шумов не ответил, потрясенный и взволнованный.

Молча вернулись домой. В этот вечер все падало из рук. А ночью Шумов проснулся. Показалось, кто-то позвал его по имени. Открыв глаза, он увидел жену. Любовь Михайловна стояла у окна и, закрыв лицо руками, рыдала безутешно и отчаянно. Услышав, что муж встал, она сказала:

— Запомни этот день, Семен!.. Запомни!.. Я видела его опять... Он умер, умер!..

— Что ты, Люба! Что ты говоришь! — закричал, схватив ее за плечи, Семен Иванович.

Утром они, словно по тайному уговору, не вспоминали о том, что пережили ночью, но с этого дня еще нежнее и бережнее стали относиться друг к другу, словно чувствуя, что остались одни на свете.

Шумов по-прежнему часто заходил в обком и справлялся, нет ли писем от сына, но когда возвращался домой, Любовь Михайловна уже не бросалась навстречу, не забрасывала его вопросами, как прежде, а молча опускала глаза...

Через несколько дней Семен Иванович встретил на улице инженера Лисицына и сначала не узнал его, но тот сам окликнул Шумова. Лисицын был одет в серую шинель, на ногах темнели обмотки и грубые солдатские ботинки, а на остриженной наголо голове неловко топорщилась пилотка.

— Я ведь специально к тебе шел! — улыбаясь строго и незнакомо, сказал Лисицын. — Через час отправляемся на фронт, так вот, хотел попрощаться!

— Как же это! — растерянно сказал Семен Иванович. — Значит, все же мобилизовали тебя?.. Впрочем, что я чушь какую несу! Зайдем ко мне, выпьем на дорогу!..

— Да нет, пить я не буду! — покачал головой инженер. — Лучше дай-ка мне руку, Семен Иваныч! И пожелай, чтобы не оставляло меня боевое солдатское счастье!

— Желаю! — серьезно ответил Шумов. — Этого я тебе от души желаю, Роман!

— Ну вот! Спасибо! — сказал Лисицын и замялся, не зная, как закончить разговор. Он неловко улыбнулся, похлопал Шумова по плечу и вдруг, понизив голос, произнес то, что, верно, давно вертелось на языке и из-за чего он искал этой встречи:

— Сынки-то наши там... Воюют! Мы думали, они школьники, а они... Трудно мне стало в кабинете сидеть!.. Вот что я хотел тебе, Семен, объяснить. Мне нужно, чтобы ты понял!..

— Я понял, Роман! — мягко ответил старый мастер.

Заглянув друг другу в глаза, они расстались.

Лисицын не все открыл Семену Ивановичу. Он не рассказал, что добровольно явился в военкомат и попросил послать его на самый трудный участок фронта. И когда все формальности были проделаны и Роман Евгеньевич облачился в солдатскую шинель, он внезапно почувствовал себя таким сильным, здоровым и мужественным, что с изумлением и даже с недоумением вспомнил о подлом страхе, мешавшем ему жить. Этот страх исчез без следа!.. Лисицын понимал, что вряд ли случится чудо и он окажется в родных краях и встретится с сыном, но ему было приятно и сладко мечтать о такой встрече. Он жил этими мечтами. И, думая о сыне, которого полюбил теперь как-то особенно остро и нежно, он поехал на фронт.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

В час ночи дверь камеры бесшумно отворилась. Полицай поманил Лиду пальцем. Она с негодованием отвернулась. Тогда он громко сказал:

— Вознесенская, на допрос!

— Не пойду! — отрезала она и оглянулась на девушек, которые молча смотрели на нее.

Лида была счастлива, если бы ее тут же, в камере, расстреляли. Она не могла больше выносить это молчание! О, как она измучилась от ненависти, которая окружала ее! За каждым ее шагом следили настороженные, враждебные глаза. Лида пыталась объяснить, что она ни в чем не виновата, но ее даже слушать не хотели! От нее сторонились, как от зачумленной. Девушек до крови избивали на допросах, а Лиду никто не трогал. И это было мучительно. Это было хуже всяких пыток. Она хотела помочь девушкам, разорвала на бинты свою сорочку, но помощь не приняли. Даже Анна Григорьевна, у которой, кажется, не было причины ее ненавидеть, и та забрала у Лиды ребенка и не позволила нянчить Леночку.

— Так не пойдешь? — переспросил полицейский. — Мы тебя заставим! Живо у меня!

— Иди, иди! — сказала Галина. — Что ты хочешь нам доказать? Иди!

— Я ничего не хочу доказать! — ответила Лида. — Я не могу видеть этого палача, неужели вы не понимаете!

— Он же твой любовник! — отрезала Никитина. — Сходи к нему на свиданье!.. Поцелуйся!

— Клянусь жизнью, вы напрасно ненавидите меня! — горько сказала Лида. — Ведь я же умру вместе с вами!

— Оставь, Вознесенская, эти разговоры! — сухо попросила Тоня.

И только Шура посмотрела на Лиду с жалостью и сочувствием.

— Долго тебя дожидаться? — рассвирепел полицейский, замахнулся, но не ударил девушку. И это оскорбило ее больше, чем если бы он избил ее до полусмерти. Она вышла в коридор, поднялась по лестнице, страшась предстоящего разговора, но в то же время желая его, чтобы бросить в лицо Иванцову те горькие, резкие слова, которые не раз обдумывала в камере.

Обер-лейтенант бегал по кабинету, хватаясь за голову, и потирал пальцами брови и виски. Волосы его были всклокочены, мундир расстегнут. Отослав конвоира и заперев дверь, он бросился к Лиде и умоляюще протянул руки:

— Выслушай! Мы не поймем друг друга, пусть! Ты ненавидишь меня, что ж... ты вправе! Но позволь спасти

тебе жизнь! Можешь потом распорядиться ею как хочешь. Ступай к партизанам, к черту, к дьяволу!.. Но живи, живи! Умереть тебе, такой юной, совсем еще не жившей... Это ужасно, это нелепо и жутко! Я люблю тебя! Скажи мне, что делать — я сделаю! Хочешь, я брошу все, убежим? Хочешь, у меня есть деньги, пропуск! Нас не найдут!.. Одно лишь слово!..

— Врешь! — твердо ответила Лида. —Ты вернешься к своему Бенкендорфу!

— Опомнись! — закричал он, схватив ее за руки. — Есть тайный приказ расстрелять всех нынче ночью! Командовать будут немцы! Я бессилен!.. Любовь моя, жизнь моя, беги отсюда, беги, пока есть время! Вот окно! Оно выходит в сад! Тебя никто не увидит! Минуты проходят, Лида!..

— Освободи всех! — холодно потребовала она. — Всех до одного! Я уйду последней!

— Но это невозможно! — взвыл он, крутясь по комнате как ошпаренный. — Это совершенно невозможно. Я же здесь не один! Мне не позволят это сделать!..

— Опять врешь! — вне себя закричала Лида. — И всегда ты врал и плевал в душу тем, кто тебе верил! Зачем мне жизнь, когда я опозорена? Я умереть хочу, а ты о спасении говоришь!.. Ты лучше избей меня, вот тогда я тебе буду благодарна! Избей до крови, топчи сапогами, ломай руки! Почему ты не бьешь! Разве я кого-нибудь выдала? Разве я предательница?.. За что же такая мука? Ударь, слышишь, я требую! Вон, у тебя на столе шомпол! Он скользкий от крови. Возьми его, ударь! Ты же умеешь!..

— Лида, немцы идут! — с ужасом шепнул обер-лейтенант, прислушиваясь. — По лестнице поднимаются. Ты погибла!.. Боже мой, что же делать!..

— Будь проклят! — сказала Лида и отвернулась. В дверь постучали. Иванцов открыл. Полицейский что-то прошептал.

— Отведи ее в камеру! — глухо приказал следователь. Несколько секунд он смотрел на захлопнувшуюся за Лидой дверь, потом схватился руками за голову и застонал. Он выл, как бешеный волк. В коридоре раздались шаги. Иванцов быстро застегнул мундир, провел рукой по небритому лицу. Он был внешне почти спокоен. Только губы подергивались.

Лиду тем временем втолкнули в камеру. Конвоир по-

спешно запер дверь и ушел. Плакала девочка на руках у Анны Григорьевны. Тоня внимательно посмотрела на Лиду и переглянулась с сестрой.

— О чем был разговор? — спросила Галя.

— Нас сейчас расстреляют! — ответила Лида.

— Это Иванцов так сказал? — приподнялась Тоня.

— Да, он так сказал!

— Это как же? Значит, всех? — дрожащим голосом спросила Анна Григорьевна и судорожно прижала к себе Леночку. — Господи! Но за что же? Ребенка за что же? — Она обращалась к Лиде, как будто от нее что-то зависело. Тоня встала.

— Мы готовы! — сказала она и обняла сонную Шуру, которая протирала глаза и никак не могла проснуться. — Галочка, ты сможешь идти? Как у тебя с ногами?

— Дойду! — ответила Никитина и, держась за нары, выпрямилась.

Загремели замки.

— Выходи! — послышался голос.

— Ребят выводят! — прошептала Шура.

— Да, это, кажется, конец! — сумрачно уронила Тоня. И стало ясно, что до последнего мгновенья она еще надеялась на что-то.

— Давай, давай, пошевеливайся! — орал полицейский.

— Неужели их отдельно? — спросила Галя. — Почему же их отдельно?

Губы ее тряслись, и слова получались отрывистыми. Но вот их дверь протяжно заскрипела. Коридор был ярко освещен. Там толпились полицейские и немцы в серых мундирах.

— Давай! — махнул рукой конвоир.

— А мне тоже идти? — еле слышно спросила Анна Григорьевна. — Ребенка-то, наверно, можно оставить?.. — Она поспешно опустила девочку на пол и обратилась к ней, умоляюще поглядывая на немцев. — Ну вот, моя радость, мамочка уходит! Ты слышишь? Поцелуй мамочку, моя сладенькая! Ты с дядями останешься! Дяди тебя обижать не будут, ты же еще совсем маленькая, крошечная, у тебя вся жизнь впереди!.. А мамочка скоро придет, ну не плачь же, мое сердце!..

Леночка в коротеньком платьице, с полными ножками и вьющимися на затылке шелковыми кудряшками, словно поняв что-то, не плакала, не просилась на руки, а неловко

переваливаясь, топая смешными крохотными башмачками, побежала в угол камеры, но споткнулась и упала. Немец, протянув руку, взял ее за плечо и вывел в коридор. Там она остановилась обмершая от ужаса, растерянно растопырив ручонки, среди невольно расступившихся полицаев.

— Шнелль! — закричал немец и распахнул дверь. Девушки на мгновение замешкались. Лида мягко отстранила Галю и спокойно сказала:

— Я пойду вперед!

Она так настрадалась, что теперь даже почувствовала облегчение. Скоро конец ее мукам!

Их вывели во двор и присоединили к группе, в которой были Толя Антипов, Николай Авдеев, Володя Рыбаков и Марк Андреевич Соболь. Ребята поздоровались с девушками, Соболь подошел к Галине. Володя подбежал к матери и взял у нее сестренку. Ночь была темная, очень тихая. Легкий теплый ветер шуршал в кустах, росших во дворе.

— Я курить хочу, братцы! — сказал Толя. — У кого есть закурить?

— У меня нет! — с сожалением отозвался Соболь. — Понимаете ли, какая жалость! Целая пачка в халате осталась...

— Потерпи! — буркнул цыган. Но Толя с беспокойством затоптался и обратился к конвойным:

— Эй, вы, дайте закурить!.. Охота напоследок затянуться!

Какой-то полицейский достал клочок газеты и кисет. Толя скрутил толстую цигарку, но прикуривать не стал, а спрятал ее в рукаве.

На крыльце показался Иванцов. Он ежился и прятал голову в плечи, его глаза жадно высматривали кого-то среди осужденных. Лида отвернулась... Сказав что-то немцу — начальнику конвоя, обер-лейтенант скрылся в доме. Полицейские окружили комсомольцев. Открылись ворота.

По улице шли не торопясь. Впереди шагал немец, размахивая пистолетом. Шествие замыкал полицейский с овчаркой на поводке.

Они шли по мостовой, а в домах распахивались окна, выглядывали люди, не спавшие несмотря на то, что была глубокая ночь. Полицейские угрожающе замахивались на них. Ставни захлопывались.

Поднялись на холм. Город лежал внизу, притихший и как будто вымерший. Лида подумала, что их ведут на кладбище, но черные кресты остались в стороне, а они все шли... Показалась бесформенная серая гора. Это были развалины хлебозавода, разрушенного в начале войны авиабомбой. Колонна свернула к зубчатым, полуобвалившимся стенам. «Мы пришли!» — мелькнуло у Лиды. Полицейские заторопились, покрикивая на осужденных и опасливо косясь на темное поле.

В это время Анатолий, шедший где-то в середине колонны, скорчился, схватился за живот и громко застонал. Он присел на землю, и ряды смешались. Полицаи бросились к ребятам, подняв автоматы. Но никто не пытался бежать. Тогда они успокоились. Антипов по-прежнему жалобно стонал.

— В чем дело? — громко спросил Дорошев.

— Живот схватило, начальник! — с трудом проговорил Толя. — Оправиться бы!..

— Ничего, и так закопают! — цинично ответил начальник полиции и скомандовал: — Вперед!

— Не могу идти! — пожаловался Антипов. — Да что вам, ироды, жалко пять минут потерять? Или боитесь, что сбегу?..

— Никуда не денешься! — сказал Дорошев, снял с плеча автомат и приставил дуло к груди Толи. — Оправляйся здесь! А вы отойдите на пару шагов!..

Ребята и девушки сгрудились, окруженные полицейскими, готовыми стрелять в них, если пошевелятся. Антипов взялся за ремень, выпрямился и вдруг, что-то с размаху швырнув в лицо Дорошеву, бросился бежать. Начальник полиции взвыл и закрыл руками глаза. «Вот для чего Толе табак понадобился! — подумала Лида. — Ах, молодец! Какой же молодец!..» Она страстно желала Толе удачи.

Растерявшиеся полицейские начали палить из автоматов и винтовок. На несчастье Антипова, поле, по которому он бежал, было ровным, как стол. Его фигура отчетливо выделялась на фоне звездного неба. Ребята видели, как он метался из стороны в сторону, пытаясь уйти от пуль.

— Давай, Толя! Давай, друг! — закричал цыган и швырнул на землю шапку. Полицейский ударил его прикладом по голове, и он присел.

Выстрелы слились в сплошной гул. Маленькая фигурка, подпрыгнув, взмахнула руками.

— Что же ты, друг! — горько прошептал Николай.

Дорошев, который, наконец, протер глаза, в сопровождении двух полицаев побежал к тому месту, где упал Анатолий. Послышались два выстрела. Начальник полиции вернулся и подошел к немцу. Все ребята слышали, как он доложил:

— Готов!..

— Шнелль! — закричал немец. Колонна двинулась вперед.

Стены хлебозавода вырастали и через несколько минут закрыли полнеба. Осужденных подвели к краю черной глубокой ямы. Это был подвал с каменными стенками. Полицейские отошли на несколько шагов и выстроились.

— Вот и все! — сказала Тоня. — Девочки! Ребята! Родные мои! Давайте поцелуемся на прощанье! — Она подбежала к Николаю, обняла за шею и поцеловала в губы. Комсомольцы стали прощаться. Полицейские хмуро переминались с ноги на ногу, ждали команду. Но немец не спешил.

Лида стояла одна. К ней никто не подошел, не поцеловал, как будто ее здесь и не было. И девушке стало страшно. Она не хотела умереть в одиночестве. Она закричала:

— А как же я? Девочки! Что же со мной-то не попрощались!

Ее голос прорезал гнетущую тишину и замер в холодном предутреннем воздухе. Несколько секунд длилось молчание. Шура бросилась к Тоне, потом к Гале и, рыдая, крикнула:

— Что же мы? Девочки! Видите, она с нами... с нами!

— Прости, Лида! — с раскаянием прошептала Галя и хотела подойти к девушке. Но в этот миг загремели выстрелы.

Лида почувствовала, как что-то горячее проникло в грудь. Черная стена хлебозавода заколебалась. Опустив руки, Лида мягко повалилась на землю. Тело, не удержавшись на краю, рухнуло в яму.

...Так погибла Лида. У нее была сложная судьба, нелегкая жизнь и мучительная смерть. Но даже после смерти к ней отнеслись несправедливо... Память о ней была

опорочена. В течение пятнадцати лет люди были уверены, что она предала комсомольскую подпольную группу. Никто не знал о том, какую роль сыграл инженер Круглов. Его даже считали героем. А Лиду проклинали. Ее проклинали родители погибших комсомольцев и все, кто знал обер-лейтенанта Иванцова. Так длилось пятнадцать лет.

Но теперь мы знаем все. Мы склоняем перед тобой головы, Лида!..

...Володя Рыбаков стоял у края ямы, обнимая задремавшую на свежем воздухе сестренку. Рядом темнели фигуры Коли Авдеева и доктора Соболя. Всю дорогу Володя ждал и надеялся, что произойдет что-нибудь и расстрел не состоится. Он смотрел на небо. Может быть, там появятся советские бомбардировщики? Он прислушивался — не загремят ли залпы наступающей Красной Армии. Не отходил от Антипова, мечтая убежать вместе с ним. Но ни разу не представилось случая. Теперь под ногами чернела могила. Чуда не случилось. Надеяться было больше не на что. И все-таки Володя не верил, что через несколько секунд умрет. В юности всем людям кажется, что они бессмертны!

Володю спасла мать.

Немец поднял руку в перчатке и отдал приказ. Володя втянул голову в плечи и зажмурился. Но за секунду перед тем, как грянули выстрелы, Анна Григорьевна столкнула его в яму. Она сделала это намеренно и, когда пули пронзили ее грудь, успела порадоваться за сына и дочь, которые, как она надеялась, сумеют выбраться из ямы. Но Леночка умерла раньше матери. Пуля попала ей в голову. Горячая, липкая кровь хлынула на Володю, маленькое тельце судорожно забилось в руках.

Подвал был глубокий. Ударившись затылком о камни, Рыбаков лишился сознания, но тотчас же очнулся. Чье-то тело придавило ему ноги. Он хотел освободиться, но на него упал еще кто-то. От тяжести захватило дыхание. Раздались голоса:

— Эй, Корнеев!

— Здесь, господин начальник!

— Брось-ка туда гранату на всякий случай!

— Да ладно, и так сойдет! — после паузы лениво ответил Корнеев.

— Закапывать будем?

— Лопат не взяли! Досок накидайте!

Послышалась возня. В яму рухнули доски. За шиворот Володе потекла густая теплая жидкость. Он понял, что это — кровь. И содрогнулся... Дышать становилось все тяжелее.

Володя закарабкался вон из ямы, отчаянно цепляясь кровоточащими пальцами за каменные гладкие стены. Наконец показалось черное звездное небо. Грудь наполнилась холодным, чистым воздухом.

Он упал и долго лежал, не шевелясь, не веря в свое спасение. Потом низко поклонился открытой могиле, взял на память горсть земли и, шатаясь, побрел прочь.

Рыбаков не знал, в какую сторону нужно идти, и двое суток проплутал в лесу, пока, умирающего от голода и истощения, его не подобрали партизаны. Они привели Володю к командиру отряда, и Юрий Александрович Золотарев встал, увидя его.

— Они умерли! — опустил голову Рыбаков.

— Они никогда не умрут! — строго ответил Золотарев.

Володя опомнился только тогда, когда заметил пожилого, одетого в телогрейку и сапоги мужчину с незнакомым и странно родным лицом, который молча бросился к нему. Подросток почувствовал, как чьи-то руки приподняли его на воздух, к лицу прижалась колючая, небритая щека, и задохнулся от счастья, поняв, что это отец...

ЭПИЛОГ

...Допрос свидетелей окончен. Выступили государственный обвинитель и адвокат. Подсудимому предоставляется последнее слово. Иванцов, он же Петров, поднимается. Бегающими, трусливыми глазами заглядывает в свои тетради. Он всю ночь готовился к выступлению и хочет не упустить ни одного эпизода, который, как ему кажется, говорит в его пользу. Но случайно подняв глаза и посмотрев в ярко освещенный зал заводского Дворца культуры, он быстро прячет руки, жилистые, с толстыми пальцами, руки мясника и убийцы. Он словно боится, что и сегодня, спустя пятнадцать лет, люди увидят на них кровь его жертв!.. И приготовленная речь замирает на языке. Он несколько минут молчит, не зная, что сказать суду. Наверно, у него готовы вырваться слова:

— Что ж... Мне не повезло!

Да, не повезло! А казалось, как все хорошо складывалось! Когда началось бегство оккупантов с русской земли, комендант фон Бенкендорф выдал ему специальную «Охранную грамоту». Вот что в ней было написано:

«Владелец этой грамоты находится под особым покровительством немецких властей. Он освобожден от всех платежей и налогов, от физической работы. Должен пользоваться неограниченной поддержкой всех немецких учреждений. Находился на работе в полиции. Руководил секретной службой района, командир роты, обер-лейтенант. Проявил большую способность к розыску. Был отличным осведомителем, хорошо показал себя при обезвреживании мин. Политически безупречен. Награжден серебряным и бронзовым крестами. Он разработал всю систему службы

порядка в городе Любимове. Сильно ненавидел большевиков. Особенно отличился в борьбе с партизанами» [1].

«Охранная грамота» помогла Иванцову. Из Любимова он пробрался в Минск, и фон Бенкендорф, который попрежнему к нему благоволил, устроил обер-лейтенанта на должность заместителя директора военного завода. А когда гитлеровцам пришлось бежать и из столицы Белоруссии, он стал работать в польском поместье фон Бенкендорфа лесничим и даже завел близкое знакомство с его женой и дочерью. Он сделался в доме Бенкендорфов своим человеком. Это было не удивительно. Между ними оказалось много общего. Их объединяла ненависть к Советскому государству. У одного было безвозвратно потеряно прошлое, у другого — будущее. Сын помещика и капиталиста нашел общий язык с сыном кулака.

В тысяча девятьсот сорок пятом году Иванцов очутился в Германии. Казалось, осуществилась его мечта. Он привез с собой немало награбленного золота и валюты. Ему уже грезилась собственная вилла где-нибудь в Швейцарии. Но он опростоволосился. Он плохо рассчитал и однажды, сам о том не подозревая, очутился в расположении советских войск.

Иванцов и тут не растерялся. К этому времени у него накопился уже изрядный опыт по части подлогов и обмана. Он повел себя как бывалый преступник. Переоделся в рваное платье, не колеблясь, пожертвовал драгоценностями, раздобыл фальшивые документы и в качестве бывшего военнопленного Смирнова «добровольно» вступил в Советскую Армию. После войны Иванцов-Смирнов в составе своей части был вынужден вернуться в Советский Союз, что, надо сказать, его мало устраивало. Россия для него не Родина, а лишь место, где его могут разоблачить. И вот он начинает путать следы, делая это, надо признаться, весьма умело и с тем «широким размахом», который присущ всем его преступлениям. Он похищает красноармейскую книжку, чистый бланк проходного свидетельства и как демобилизованный боец уезжает в город Орджоникидзе, где, обмакнув ручку в чернила и заполнив бланк, становится уже Петровым. В тысяча девятьсот сорок седьмом году он начинает подозревать, что за ним установлено наблюдение. И тогда Иванцов делает реши-

[1] Текст «Охранной грамоты» взят из подлинного документа.

тельный и не лишенный остроумия шаг. Он нарочито неловко пытается похитить из учреждения, в котором служит экспедитором, большую сумму государственных денег, дает себя поймать и отправляется в суд, очень довольный тем, что его план осуществлен.

Его судят за воровство и приговаривают к восьми годам лишения свободы. Изменник Родины, убийца, он становится еще и уголовным преступником. Это закономерно!

Отбыв срок, Иванцов-Смирнов-Петров оказался на свободе с чистыми, настоящими документами, выданными ему в лагере. Казалось, его следы давным-давно потеряны. Но он ничему не научился, ни в чем не раскаялся: так же был полон ненависти ко всему русскому, советскому. Он верил, что придет час, и на его улице снова будет праздник...

В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году на вокзале в Москве, когда Иванцов с чемоданом выходил из мягкого вагона, он почувствовал на своем плече чью-то руку. Бывший обер-лейтенант вырвался, попытался скрыться в толпе, но раздался крик:

— Помогите его задержать! Это убийца, палач! Мы с ним из одного города!..

В кабинете линейного отделения милиции, куда доставили Иванцова, он обернулся к черноволосому молодому человеку, чье бледное лицо показалось ему незнакомым, и прохрипел, оскалившись, как затравленный волк:

— Кто вы? Я вас не знаю!

— Вы меня отлично знали! — ответил незнакомец, который опознал обер-лейтенанта. — Мое имя Владимир Рыбаков! Оно ни о чем вам не напоминает?..

Иванцов опустил голову. Потом он выпрямился и сказал следователю:

— Дайте мне закурить! В сущности рано или поздно это должно было случиться!..

Иванцов расправляет свои листочки, откашливается, но не может сосредоточиться. Затылком он чувствует взгляды людей, сидящих в зале.

А здесь сидят Зина Хатимова, ставшая за эти годы инженером, Римма Фокина — технолог любимовского завода, Владимир Рыбаков, токарь седьмого разряда. Весь первый ряд заняли бывшие партизаны — постаревший и

поседевший Золотарев, Аня Егорова и ее пятнадцатилетний сын Никита, работник Центрального Комитета партии Федор Лучков и бывший начальник разведки отряда, теперь полковник Советской Армии Малышев. А в углу, в ложе, облокотившись на бархатные перила, не спускают глаз с Иванцова старик Шумов, жена его Любовь Михайловна и главный инженер крупного металлургического комбината Роман Евгеньевич Лисицын... Жизнь продолжается, но те, кто остался в живых, никогда не забудут минувших боев. Они пришли сюда, в этот зал, чтобы узнать правду о своих сыновьях, друзьях и боевых соратниках, замученных в фашистском застенке. И они узнали ее, эту горькую и славную правду!

Тяжело Иванцову говорить, когда столько людей смотрят на него! Ему бы сейчас автомат в руки и пару гранат! Вот тогда бы он поговорил!.. Спрятав бессильную ярость, обер-лейтенант опускает глаза и сумрачно бормочет, обращаясь к суду:

— Прошу оказать снисхождение!

В глубоком молчании слушают любимовские жители приговор: к расстрелу!

Свершился суд народа. Предатель получил по заслугам. И не о нем думают люди, медленно, со строгими лицами выходящие из зала. Они вспоминают своих земляков-комсомольцев, боровшихся с врагами и погибших во имя победы!

Калуга — Людиново — Москва
Март — октябрь 1957 года

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Игорь Михайлович Голосовский родился в 1927 году в семье музыканта в Ленинграде.

После гибели на фронте отца, оказавшись в эвакуации в г. Томске, он четырнадцатилетним подростком поступает на завод. Работает токарем, слесарем, фрезеровщиком, затем чертежником. В 1944 году добровольно уходит в армию.

Писать и печататься И. М. Голосовский начал рано. В 1943 году в томской газете «Красное Знамя» были опубликованы его первые рассказы из жизни рабочей молодежи.

После демобилизации в 1946 году И. М. Голосовский поступает на работу в газету «Комсомольская правда». С этого времени литературный труд становится его профессией.

В 1946 году в газете «Красный воин» публикуется его первая повесть «Дело № 1», написанная в соавторстве с поэтом А. Кронгаузом. В последующие годы печатаются повести «Тайна озера Май-Балык» (газета «Комсомолец Татарии», 1954 г.), «Агент № 19» (газета «Молодежь Тувы», 1957 г.), «Записки чекиста Братченко» (журнал «Смена», 1957 г.), «Ошибка Евгения Ремизова», написанная в соавторстве с И. Волк (газета «Московский комсомолец», 1958 г.).

И. М. Голосовский активно работает как очеркист. Более пятидесяти его очерков в разное время было опубликовано в газетах «Правда», «Труд», «Сов. Россия», «Известия», в журналах «Огонек», «Смена», «Юность».

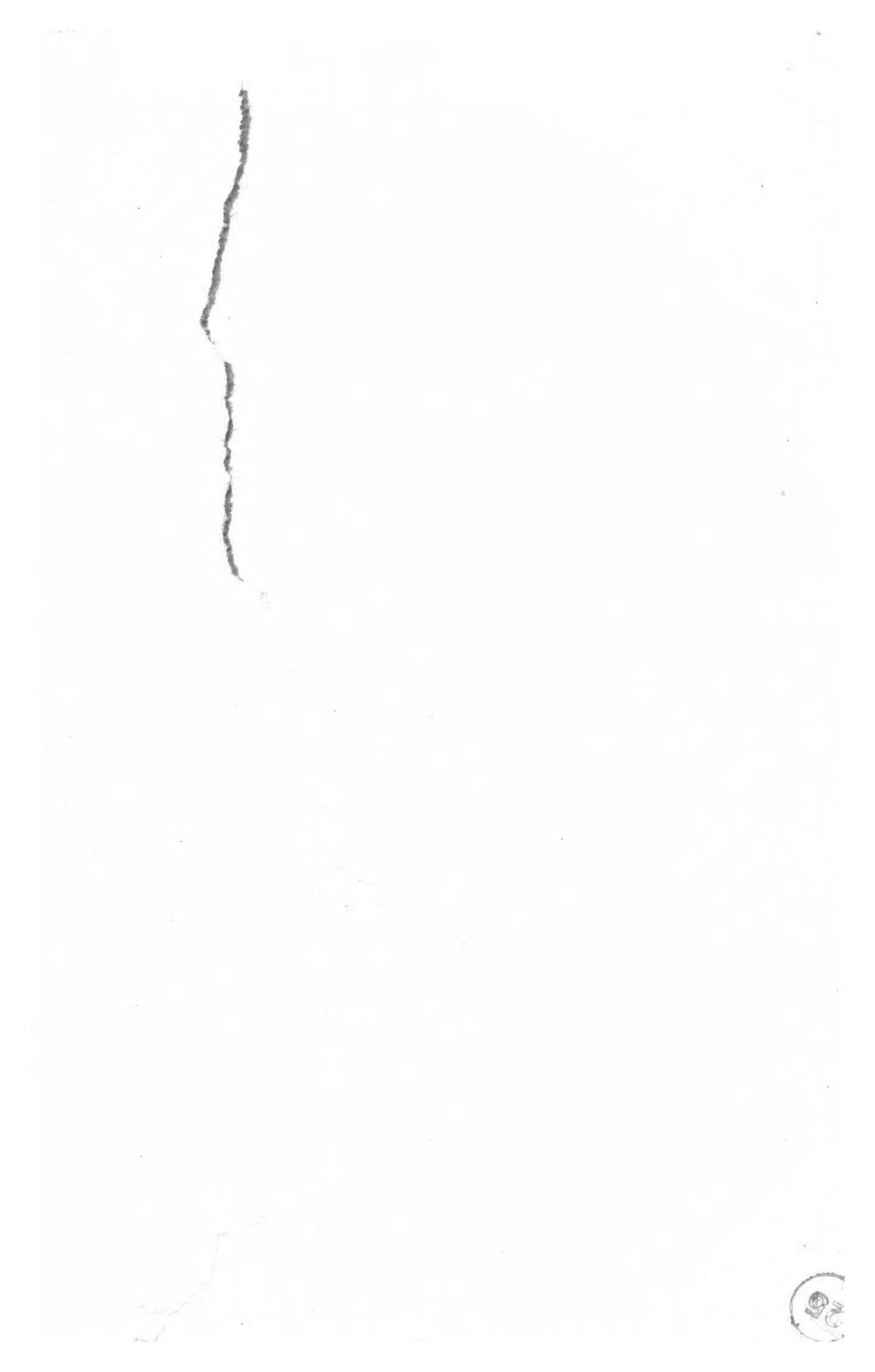
В марте 1957 года по заданию журнала «Юность» И. М. Голосовский выехал в г. Людиново Калужской области, где в то время происходил судебный процесс над изменником Родины Д. Ивановым. Из показаний Иванова стали известны многие факты о действиях в Людиново в годы немецко-фашистской оккупации подпольной комсомольско-молодежной группы, руководимой А. Шумавцовым.

Вернувшись в Москву, И. М. Голосовский начал работать над романом «В шестнадцать мальчишеских лет».

В этом романе, разумеется, нет точных биографий людиновских комсомольцев, как нет хроникального изложения событий и фактов. Героические подвиги юных патриотов послужили лишь основой для создания произведения о мужестве и стойкости советской молодежи в годы суровых испытаний.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Пролог	5
Первая глава	32
Вторая глава	39
Третья глава	46
Четвертая глава	58
Пятая глава	66
Шестая глава	76
Седьмая глава	94
Восьмая глава	101
Девятая глава	108
Десятая глава	117
Одиннадцатая глава	131
Двенадцатая глава	145
Тринадцатая глава	155
Четырнадцатая глава	165
Пятнадцатая глава	176
Шестнадцатая глава	183
Семнадцатая глава	195
Восемнадцатая глава	209
Девятнадцатая глава	219
Двадцатая глава	234
Двадцать первая глава	254
Двадцать вторая глава	266
Двадцать третья глава	282
Двадцать четвертая глава	292
Двадцать пятая глава	307
Двадцать шестая глава	321
Двадцать седьмая глава	331
Двадцать восьмая глава	345
Двадцать девятая глава	358
Тридцатая глава	370
Тридцать первая глава	383
Тридцать вторая глава	393
Тридцать третья глава	410

9 р. 80 к.

ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ
В шестнадцать мальчишеских лет